

Андрей Горовенко

МЕЧ РОМАНА ГАЛИЦКОГО

Князь Роман Мстиславич
в истории, эпосе и легендах

Санкт-Петербург
2010

УДК 93/99
ББК 63.3(2)43

Горовенко А. В. Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпохе и легендах. — СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. — 480 с., ил.

ISBN 978-5-86007-632-7

Книга представляет собой исследование не только реальной исторической роли князя Романа Мстиславича Галицкого, но и его многочисленных «посмертных приключений» на страницах книг. Автор предпринимает попытку очистить сложившийся в историографии образ князя Романа от поздних наслоений, обусловленных некритическим воспроизведением недостоверных или ярко тенденциозных источников, показать его эволюцию в памятниках историографии, а также его связь с былинным Романом Дмитриевичем. В разделе «Дополнения» любознательный читатель найдет ряд заметок, проясняющих самые интересные и сложные побочные сюжеты повествования. Здесь же представлены итоги исследования всех вариантов былины о князе Романа и приводится полностью текст, записанный в 1860 г. от Андрея Сорокина, — безусловно, лучший, но известный донныне лишь узкому кругу специалистов.

Книга предназначена не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, интересующихся отечественной историей.

УДК 93/99
ББК 63.3(2)43

Фронтиспис: ответ Романа папскому легату
(ил. Л. Фалина к балладе А.К. Толстого «Роман Галицкий»)

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.

По вопросу разрешения и приобретения неисключительного права обращаться в редакцию издательства по e-mail: redaktor@dbulananin.ru

ISBN 978-5-86007-632-7

© А.В. Горовенко, 2010
© «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2010

Предисловие

Последние три десятилетия XII в., именуемые часто эпохой «Слова о полку Игореве», — время удивительного расцвета древнерусской культуры и в то же время гнетущего военно-политического упадка. Единство великой Руси утрачено безвозвратно, причем раздробленность неуклонно прогрессирует. Сильнейшие из Рюриковичей, потомки основателей региональных династий, готовы терпеть великого князя лишь в качестве «первого среди равных». Попытка Андрея Боголюбского привести новые начала в отношения между князьями и стать полновластным государем проваливается. Продолжатель его дела — Всеволод Большое Гнездо — усваивает урок и все чаще прибегает для поддержания своего влияния не к грубой силе, а к интригам и коварству, но даже самые изощренные «макиавеллиевские» методы не всегда приносят ему успех. Прямым следствием кризиса сложившейся на Руси политической системы является военная слабость разрозненных земель и княжеств. Страстный призыв автора «Слова о полку Игореве» к русским князьям — забыть раздоры и дать достойный отпор иноплеменникам — долгое время остается без ответа. Но вот наконец происходит событие, вселяющее надежду: сильнейший из волынских князей, Роман Мстиславич, присоединяет к своим владениям богатое Галицкое княжество.

Короткое княжение Романа в Галиче (1200–1205) пронесется ярким болидом на мрачном фоне упадка и разложения русской государственности. Сумев объединить под своей властью, вопреки очевидным тенденциям эпохи, два сильнейших княжества Юго-Западной Руси, Роман правит железной рукой и сразу же начинает политику военной экспансии, нагнав страха на всех своих соседей, включая половцев, о серьезной борьбе с которыми прочие русские князья давно уже не помышляют, предпочитая использовать военный потенциал степняков в своих междоусобных конфликтах. В народе Роман популярен: в нем видят единственного князя, способного установить прочный мир на юге Руси. Роман добивается контроля над Киевом и вступает в союз с одряхлевшей, нуждающейся в помощи и поддержке Византией. Имя его делается известным далеко за пределами русских земель. Роман вынашивает великие замыслы, но увидеть их осуществленными ему не суждено. Удача изменяет дерзкому и неукротимому воителю: во время похода в Малуя Польшу, после первых побед, Роман трагически гибнет в случайной стычке двух небольших отрядов на берегу Вислы. Год спустя созданная им эфемерная держава разваливается, и его сыновьям приходится начинать свою политическую карьеру буквально с нуля.

Яркая личность Романа не оставила современников равнодушными, но связанного рассказа о всех его подвигах и приключениях в источниках нет: «княжеского летописца Роман Мстиславич завести не успел», как выражается один известный историк. Впрочем, само намерение князя «завести летописца» под большим вопросом: 30 лет княжения во Владимире-Волынском и 5 лет княжения в Галиче — срок

достаточно большой, чтобы найти книжника, подходящего на роль придворного летописца. Тем не менее Роман этим не озаботился: либо он слишком уж презирал помертвевшую славу, либо, напротив, в гордыне своей полагал, что его деяния сохранятся в памяти потомства и без каких-либо специальных усилий с его стороны. Так или иначе, но факт остается фактом: сведения о жизни Романа рассредоточены в совершенно разнородных источниках, число которых довольно велико; при этом анализ практически каждого известия является отдельной источниковедческой проблемой. Работа с подобным материалом — дело исключительно кропотливое и далеко не самое благодарное.

Поскольку биография Романа изобилует белыми пятнами, вокруг фигуры этого князя, смутно различимой из-за скудости источников, очень рано начали группироваться разного рода легенды и апокрифические рассказы. В первой части предлагаемой вниманию читателя книги предпринята попытка очистить сложившийся в историографии образ Романа от поздних наслоений. В ходе этой работы автор неожиданно столкнулся с проблемами, характер которых удобно прояснить на примере деятельности реставраторов, расчищающих наши древние иконы. Известно, что самые броские детали в слоях подновлений часто не имеют никакого соответствия в скрытом под ними оригинале. Однако это еще полбеда, хуже другое: если остатки первоначальной живописи слишком уж фрагментарны, икона не будет вызывать после расчистки прежнего глубокого и целостного впечатления. Нечто подобное стало итогом восстановления подлинной биографии Романа Мстиславича по разрозненным известиям древнейших источников. Образ могучего галицко-волынского князя, изначально очень яркий в ореоле многочисленных историографических легенд, в результате их последовательного удаления изрядно потускнел и лишился большей части своего обаяния. Впрочем, тем интереснее будет для читателя вторая часть книги, где показана эволюция образа князя Романа в памятниках историографии. Коллективное творчество историков разных эпох породило виртуальный фантом, сильно отличающийся от своего исторического прототипа и живущий на страницах книг своей особой жизнью. Число «посмертных приключений», выпавших на долю Романа Мстиславича, столь велико, что никакой иной древнерусский князь не может в этом отношении с ним соперничать (не исключая даже такой мифологизированной фигуры, как Александр Невский).

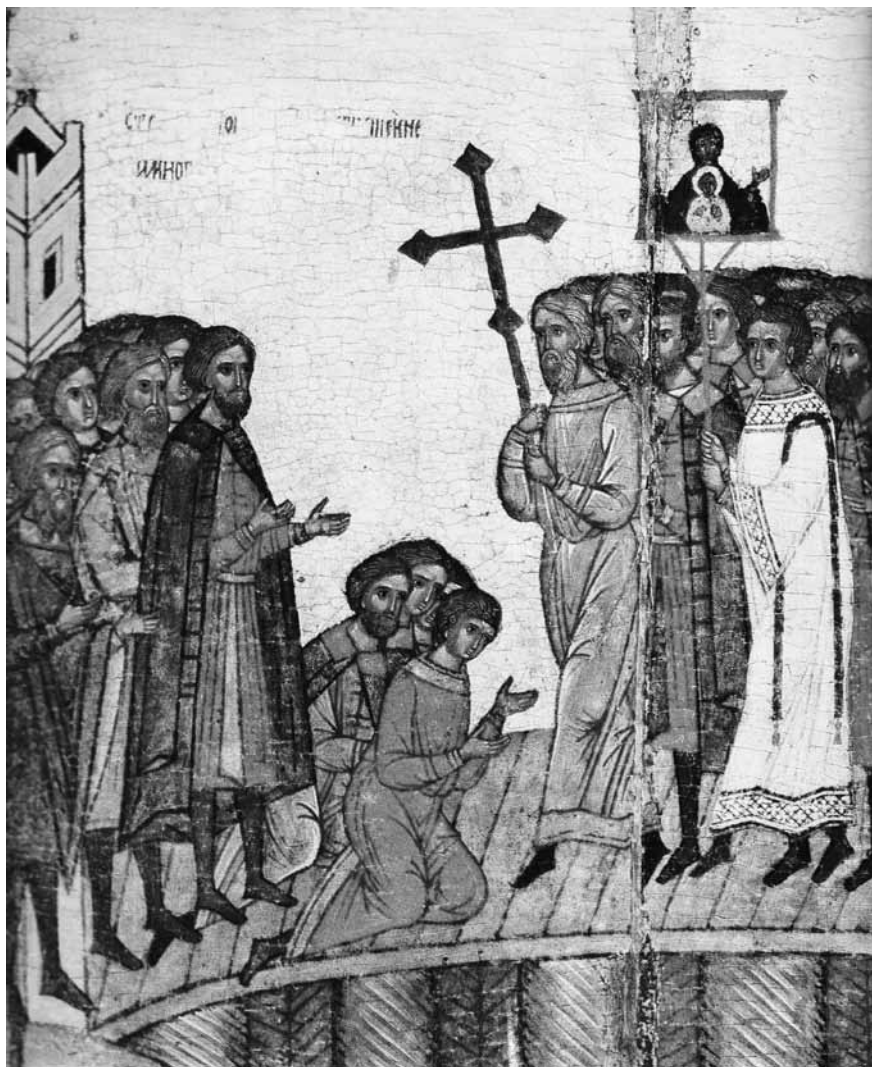
Образ князя Романа разрабатывался не только историками, но и безвестными народными сказителями. Некоторые исследователи русского эпоса оспаривали связь былинного Романа Дмитриевича с историческим Романом Мстиславичем, другим такая связь представлялась очевидной. Этой дискуссионной теме посвящена одна из глав второй части книги.

В разделе «Дополнения» любознательный читатель найдет ряд заметок, проясняющих самые интересные и сложные побочные сюжеты повествования. Здесь же представлены итоги исследования всех вариантов былины о князе Романи и приводится полностью текст, записанный в 1860 г. от Андрея Сорокина, — безусловно лучший, но известный доныне лишь узкому кругу специалистов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА

Икона «Битва суздальцев с новгородцами» (фрагмент верхнего регистра). XV в. Новгородский Государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Глава первая

ПРОИСХОЖДЕНИЕ. ДЕТСТВО. БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Роман Мстиславич принадлежал к старшей линии потомков Владимира Мономаха, закрепившейся на Волыни. Всем предкам Романа неизменно удавалось занимать, хотя бы и ненадолго, киевский стол. Однако политический вес волынских князей от поколения к поколению уменьшался. Дед Романа, Изяслав Мстиславич, обладавший выдающимися способностями полководца и дипломата, проявил поразительное упорство и редкую волю к победе в затяжной борьбе за Киев со своим дядей Юрием — пресловутым «основателем Москвы», властителем огромной Ростово-Суздальской волости. Изяслав, опиравшийся лишь на волынские земли, был заведомо слабее не только своего главного противника, Юрия Долгорукого, но даже и своего ближайшего соседа — Владимира Галицкого. На беду Изяслава, Юрий поспешил породниться с галицким князем, выдав свою дочь за его сына.¹ Изяслав в поисках союзников следовал той же тактике: он выдал сестру за венгерского короля² и вел переговоры о брачном союзе с польскими князьями. Их малолетняя сестра Агнешка просватана была за его старшего сына Мстислава.³ Именно этой польской княжне и суждено было стать матерью Романа — главного героя нашего повествования.

Известно, что Агнешка родилась около 1138 г.⁴ Поскольку в те времена считалось, что девушка достигает брачного возраста в 12–13 лет,⁵ надо полагать, что Агнешка стала женой Мстислава Изяславича около 1150 г. Прямых известий о свадьбе в дошедших до нас источниках нет, однако при описании событий зимы 1149/50 г. русский летописец уже называет польского князя Болеслава IV — старшего брата Агнешки — сватом Изяслава.⁶

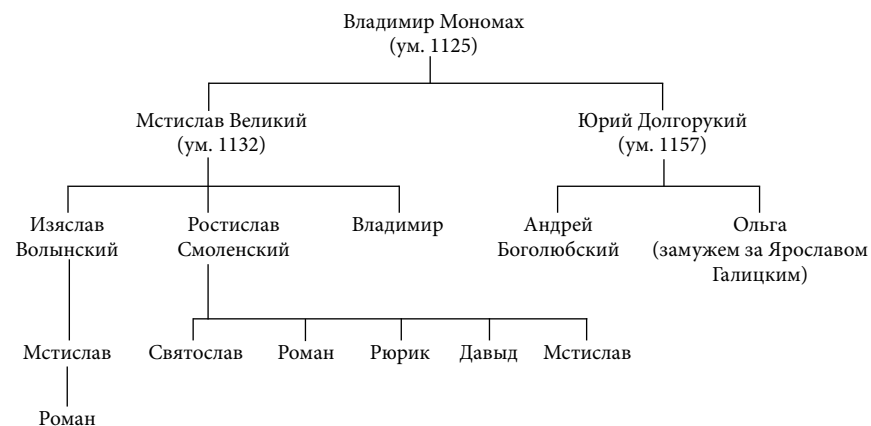
Когда Изяслав окончательно одолел Юрия и заставил его уйти из южной Руси, он посадил своего старшего сына Мстислава княжить в Переяславле. Именно здесь, при описании драматических событий зимы 1154/55 г., жена Мстислава впервые попадает в поле зрения русских летописцев. При этом о сыне Мстислава ничего не сказано, хотя в контексте данного летописного известия упоминания о нем следовало бы ожидать.⁷ Отсюда легко вывести, что Роман Мстиславич родился не ранее 1155 г. С другой стороны, может быть показано, что брат Романа Святослав родился не позднее 1158 г.⁸ Если Роман был старшим сыном Мстислава, как это явствует из летописного контекста, то рождение его можно датировать относительно точно: между 1155 и 1157 гг. Посмотрим теперь, какова была политическая обстановка на юге Руси накануне рождения Романа.

После безвременной смерти Изяслава (1154) ситуация вокруг Киева коренным образом изменилась. На Руси в те времена еще не было вертикального наследования волостей от отца к сыну. Наследником обычно становился младший брат покойного, иногда даже двоюродный брат, в порядке генеалогического старшинства. Именно таким образом в идеале и должны были осуществляться все перемещения князей из города в город. Изяслав, боровшийся за Киев со своим дядей, уже считался узурпатором. Еще менее оснований претендовать на киевский стол было у Мстислава Изяславича. Во-первых, потомство Мономаха было весьма многочисленно. Во-вторых, на Киев претендовали еще и черниговские князья. С точки зрения генеалогии они имели на это полное право и при каждом удобном случае начинали отстаивать его силой.

Самое лучшее, что мог сделать в такой ситуации Мстислав Изяславич, — поддержать в борьбе за Киев своего ближайшего родственника по мужской линии, т. е. своего дядю, смоленского князя Ростислава. Общими усилиями дядя и племянник вполне могли отразить притязания других князей, но в самый ответственный момент развернувшихся под Киевом военных действий (зимой 1154/55 г.) они поссорились и потерпели сокрушительное поражение. Мстислав лишился Переяславля и ушел на Волынь, Ростислав лишился Киева и вернулся в Смоленск.

На Волыни Мстислав Изяславич, теснимый сильными врагами, успешно выдержал их первый натиск. Значительно облегчила его положение смерть в Киеве Юрия Долгорукого (15 мая 1157 г.).⁹

Окончательный перелом произошел осенью 1158 г.: молодой галицкий князь Ярослав, прежде находившийся в лагере врагов Мстислава, под давлением обстоятельств заключил союз со своим волынским соседом. Плоды этого неожиданного союза не заставили себя ждать: объединенные галицко-волынские войска вскоре завоевали Киев (22 декабря 1158 г.).¹⁰ Князья-победители, трезво оценивая ограниченность своих сил, пригласили занять освободившийся киевский стол Ростислава Смоленского. Мстислав Изяславич более трех месяцев распоряжался в Киеве, пока шли трудные переговоры со смоленским князем. В конце концов союз дяди и племянника был восстановлен. 12 апреля 1159 г., в день Пасхи, Ростислав под колокольный звон торжественно вступил в Киев.¹¹ С этого времени положение Мстислава на Волыни стало очень прочным. К сожалению, не было уже никакой надежды вернуть Переяславль, попавший в цепкие руки владимиро-суздальских князей. Мстиславу пришлось удовольствоваться полученной от Ростислава компенсацией в виде трех незначительных городов на правом берегу Днепра.¹² Так создан был важный прецедент, который в свое время сыграет особую роль в жизни нашего главного героя, Романа Мстиславича.

Как мы уже знаем, Роман родился между 1155 и 1157 гг. Известия важнейшего нашего источника, Ипатьевской летописи, позволяют утверждать, что в последующие годы у Мстислава родились еще три сына. Польский хронист Винцентий (1160–1223), современник и почти ровесник Романа, сообщает нам другие сведения. Винцентию

суждено было пережить русского князя на 18 лет. В его хронике, созданной уже на склоне дней, мы находим известие о долгом бесплодии польской княжны и рождении первенца (не тождественного Роману!) лишь тогда, когда уже «не было надежды на потомство».¹³ Имени этого первенца польский хронист не знает (что и неудивительно, учитывая длительность промежутка между событием и фиксацией его в хронике). Возникает вопрос: достоверно ли само известие?

Приведенные выше хронологические выкладки, основанные на летописных данных, придают рассказу Винцентия некоторую вероятность: они позволяют предполагать по меньшей мере 5-летнее бесплодие польской княжны (брак Агнешки и Мстислава — около 1150 г., рождение первенца — не ранее 1155 г.). Даже в наше время принято считать, что подобный брак без медицинского пособия обречен оставаться бесплодным. Следовательно, в этом отношении нет оснований отвергать свидетельство Винцентия. Тем не менее первенцем Агнешки, вопреки Винцентию, был все-таки Роман. К этому вопросу мы еще вернемся в следующей главе. Здесь же разберем уникальное (и оттого очень популярное среди историков) известие Винцентия о детстве Романа.

Польский хронист утверждает, что «почти с колыбели» Роман воспитывался в Польше у брата своей матери Казимира.¹⁴ Цитирующие Винцентия историки почему-то не видят здесь противоречия с другими, безусловно достоверными данными того же хрониста: Казимир очень долго находился в полной зависимости от своих старших братьев, ибо не получил по завещанию отца, умершего в 1138 г., никаких владений.¹⁵ Мало того, немецкий источник сообщает, что в 1157 г. Казимир был отправлен заложником к императору Фридриху Барбароссе.¹⁶ Только в 1173 г. перешагнувшему 35-летний рубеж Казимиру удалось занять стол в Сандомире.¹⁷ Обратившись к летописям, мы увидим, что политическая карьера Романа, мнимого воспитанника Казимира, началась на 5 лет раньше (хотя по возрасту Роман вполне годился своему польскому дяде в сыновья).

В мае 1167 г., после смерти Ростислава Смоленского, Мстислав Волынский занял наконец, вопреки проискам всех своих тайных и явных врагов, киевский стол.¹⁸ В том же году явились просить себе князем его сына новгородские послы.¹⁹ Легко представить себе, как юный Роман, проведая о цели посольства, грезил Новгородом и с каким трепетом ждал решения своего отца. А решение это вовсе не было

предопределено. Как правило, в Новгород направлялся старший сын киевского князя, в этом отношении просьба новгородцев опиралась на двухвековую традицию. Однако на сей раз политическая ситуация вокруг Новгорода была чрезвычайно напряженной. Новгородцы давно уже хотели быть «вольны в князьях» и пытались, более или менее успешно, лавировать между разными княжескими родовыми кланами. После того как Мстислав Волынский сменил Ростислава Смоленского в Киеве, новгородским князем оставался некоторое время старший сын прежнего киевского князя, Святослав Ростиславич. Вскоре он вынужден был бежать из-за происков своих врагов, но твердо надеялся вернуться. Опираясь на родовые смоленские волости и поддержку двух младших братьев, Святослав Ростиславич вел против Новгорода настоящую войну в союзе с полоцким князем Всеславом²⁰ и владимиристо-суздальским князем Андреем Боголюбским. Этот последний отличался выдающимся умом, нестигаемой волей и нетерпимостью к любому противодействию его замыслам. После смерти Ростислава Смоленского, будучи представителем того же поколения потомков Мономаха, он считал себя вправе распоряжаться судьбой не только Новгорода, но и самого Киева.* Новгородцы же естественным образом стали искать помощи и поддержки у нового киевского князя. Главным их аргументом в переговорах с Мстиславом были, вероятно, так называемые новгородские дани, служившие яблоком раздора между борющимися за Киев князьями ушедшего поколения.²¹ История легко могла повториться, особенно если бы новгородцы пообещали Мстиславу выплатить дани за все те долгие месяцы, которые они просидели без князя.²²

Как видим, новому киевскому князю было о чем подумать, прежде чем дать ответ новгородцам. В его положении не следовало раздражать Ростиславичей, князей на удивление дружных. Двое из них уже воевали вместе со Святославом против Новгорода. Двое других пока воздерживались от участия в конфликте, но именно они в дальней-

* С точки зрения генеалогии старшим среди потомков Мономаха после смерти Ростислава Мстиславича был его младший брат Владимир Мстиславич, но он физически был лет на 20 младше своего двоюродного брата Андрея Боголюбского и даже, по-видимому, был значительно младше (лет на 10) своего племянника Мстислава Изяславича — в противном случае этого последнего в 1167 г. не пригласили бы в Киев.

шем могли создать Мстиславу самые большие проблемы, поскольку имели волости на юге Руси.

Весной 1167 г., перед вступлением Мстислава в Киев, несколько третьестепенных князей составили заговор с целью воспользоваться переменной власти для расширения своих владений.²³ Чтобы расколоть их союз, Мстиславу пришлось пойти на уступки двум участникам сговора — Рюрику и Давыду Ростиславичам. В результате позиции Мстислава на Киевщине были серьезно ослаблены. Во владении Рюрика Ростиславича остался город Вручий, находившийся на довольно значительном расстоянии к северо-западу от Киева. Само по себе это особой угрозы не представляло. Однако Давыд Ростиславич получил Вышгород — сильнейшую крепость на ближайших подступах к Киеву с севера.²⁴ В случае разрыва с киевским князем Давыд мог быстро получить помощь от Рюрика и продержаться до подхода полков из Смоленска. Таким образом, положение Ростиславичей на Киевщине стало почти неуязвимым. Как же следовало действовать Мстиславу, чтобы обойти двоюродных братьев и посадить в Новгороде своего сына? Если бы Мстислав стал заискивать перед Рюриком и Давыдом, это было бы расценено как проявление слабости, а цель без новых серьезных уступок все равно не была бы достигнута. В положении Мстислава проще всего было поставить Ростиславичей перед свершившимся фактом. Есть основания полагать, что именно так он и поступил. В феврале 1168 г. Мстислав собрал в Киеве для предстоящего похода на половцев войска практически всех южнорусских князей. Явился и Рюрик из Вручего, а его брат Давыд, сказавшийся больным, прислал воинов из Вышгорода.²⁵ 2 марта во главе объединенного русского войска Мстислав выступил на юг.²⁶ Практически одновременно — скорее всего, сразу после начала этого похода — двинулось на север новгородское посольство вместе со своим новым князем, Романом Мстиславичем.²⁷

Никто не мог предполагать, что Роман простился со своим отцом навсегда: Мстислав был в расцвете лет, полон сил и замыслов. Роман к началу своей самостоятельной жизни не вышел еще из детского возраста, но это никого не смущало: роль его была в основном представительская. В те времена ко всякому княжичу принято было приставлять воспитателя, умудренного жизнью боярина — «кормильца». Несомненно, был такой «кормилец» и у Романа. Кроме того, летописец прямо сообщает о наличии у Романа дружины.²⁸ Поскольку

Новгород в XII в. (Софийская сторона).
Реконструкция Г. В. Борисевича по археологическим данным

на страницах летописи юный князь с этой дружиной советуется, совершенно ясно, что речь идет о так называемой старшей дружине, состоявшей из бояр (надо полагать, что Мстислав послал вместе с Романом в Новгород самых опытных и надежных своих сподвижников). Роман должен был получить от отца еще и «младшую дружину», отряд молодых воинов-профессионалов. Традиционный путь из Киева в Новгород (по Днепру и Ловати) был перекрыт неприятелем: новгородское посольство на пути в Киев вынуждено было искать окольный путь в обход владений смоленских князей и их полоцких союзников.²⁹ Однако теперь ситуация была иной. Мы знаем, что младшая дружина крупнейших русских князей насчитывала до 800 человек.³⁰ Разумеется, все это были конные воины в полном вооружении. У Романа их было, конечно, значительно меньше, сотни две или три, но даже такая малочисленная в наших глазах дружина была в те времена серьезной ударной силой.³¹ Противостоять ей стерегущие путь вражеские разъезды не могли. Чтобы преградить новоизбранному новгородскому князю дорогу, требовалось выставить целое войско, а на сбор его не было времени. Роман со своей дружиной мог пройти сквозь владения смоленских князей, как проходит нож сквозь масло.

14 апреля 1168 г. Роман вступил в Новгород. Встреча его была всенародным праздником: новгородцы радовались, в очередной раз получив князя по своему желанию вместо навязываемого им силой.³² Для Мстислава Киевского, однако, начались сложные времена.

Ростиславичи, как и следовало ожидать, соединились против него, а главное — он оказался втянут в борьбу с владими́ро-суздальским князем, находившимся в то время в зените своего могущества. Сидя почти безвылазно в своем Боголюбове под Владимиром, Андрей Юрьевич мановением руки мог привести в движение огромные массы людей. Одиннадцать князей — частью «подручников», частью временных союзников Андрея — вошли в созданную им против Мстислава коалицию и двинулись со своими полками на Киев. В марте 1169 г. Мстислав был вынужден бежать из осажденного города, оставив в руках победителей жену и малолетнего младшего сына.³³ В это самое время Роман с новгородцами разорял смоленские волости Ростиславичей у Торопца,³⁴ оставшиеся практически беззащитными (четверо братьев со своими полками приняли участие в походе на Киев; один только Святослав Ростиславич оставался в Смоленске — должно быть, совсем с небольшими силами).

Андрей Боголюбский был первым, кто осознал вполне ясно: великому князю совсем не обязательно физически присутствовать в древней столице, вполне достаточно иметь там своего ставленника. Поэтому Андрей после победы над Мстиславом остался во Владимиро-Суздальской земле, единоличная власть над которой была основным источником его силы, а в Киеве посадил одного из своих младших братьев. На очереди был Новгород. Как ни странно, юный Роман Мстиславич сумел там удержаться. Видимо, новгородские бояре считали неуспех его отца явлением временным и случайным. По отношению к Андрею они вели себя довольно вызывающе. Боярин Даньслав Лазутинич, недавно возглавлявший новгородское посольство, ездившее за Романом в Киев, отправился теперь на Северную Двину за данью.³⁵ Это было очень смелое предприятие, ибо в тех краях сталкивались интересы Новгорода и владими́ро-суздальских князей. Никакой границы, разумеется, не существовало; «сферы влияния» определялись только традицией. Андрей выслал наперехват крупный отряд своих войск. Новгородцы, столкнувшись с «суздальцами» где-то у Белого озера и потерпев поражение в бою, сперва отступили, но чуть позже вернулись и все-таки выполнили свою задачу по сбору дани. При этом они преспокойно обобрали не только своих собственных смердов, но еще и тех, которые должны были платить дань владими́ро-суздальскому князю.³⁶ Ясно, что новгородцы считали боль-

шую войну с Андреем совершенно неизбежной; в противном случае они не стали бы столь дерзко дразнить суздальского самовластца.

Зимой 1169/70 г. Андрей двинул против Новгорода огромное войско, немногим уступавшее тому, которое год назад шло на Киев. Ядром войска были «суздальцы» (так называли в Новгороде жителей всего Владимиро-Суздальского княжества); возглавлял их, как и все объединенное войско, Мстислав Андреевич. Здесь были также муромцы и рязанцы, полочане, смоляне и торопчане — все со своими собственными князьями. При первом известии об этом нашествии новгородцы поспешили возвести «острог» вокруг разросшихся посадов.³⁷

Острогом в городах того времени называли сравнительно слабую внешнюю крепость, в противоположность более мощному центральному укреплению — детинцу.³⁸ Кроме того, острогом называлось любое временное укрепление — например, окружающий военный лагерь частокол.³⁹ Легко догадаться, что новгородский острог 1170 г. мог быть только простым частоколом: среди зимы, не имея заранее приготовленных запасов леса, да еще и в условиях дефицита времени, практически невозможно было построить более надежные укрепления. Времени не было даже для возведения простых деревянных стен срубной конструкции с боевыми площадками («заборолами») над ними, не говоря уже о масштабных земляных работах по возведению валов, на верху которых традиционно сооружались «заборолы». Впрочем, даже поставленный на скорую руку частокол сыграл свою роль в обороне Новгорода. Это импровизированное укрепление несколько охладило пыл подошедшего 22 февраля вражеского войска, наловчившегося к тому времени жечь и грабить беззащитные села. Остановившись на почтительном расстоянии от города,⁴⁰ враги новгородских вольностей затеяли с осажденными какие-то переговоры, растянувшиеся на три дня.⁴¹ На четвертый день, 25 февраля 1170 г., начались боевые действия.

Летописные описания многочисленных осад XI–XII вв. показывают, что в большинстве случаев осажденные не пытались отсидеться за стенами, но действовали весьма активно: их отряды выходили из городских ворот и вступали в бой с неприятелем, неизбежно рассредоточенным вокруг укреплений. Цель этой тактики была не в том, чтобы воспрепятствовать осадным работам (которые в те времена еще не проводились), а в том, чтобы добиться как можно более скорого снятия осады. Случалось, что защитники города проявляли чудеса

доблести и не подпускали врагов даже к острожным воротам.⁴² Однако и опасность для осажденных была велика: можно было оказаться отрезанными от укреплений,⁴³ что означало обычно плен или гибель; можно было не сдержат натиска врагов, которые на плечах обращенных в бегство защитников города врываются в острожные ворота.⁴⁴

В нашем случае, 25 февраля 1170 г. под Новгородом, дело едва не пошло в соответствии с последним, самым неблагоприятным для осажденных сценарием. Был момент, когда возглавлявший «суздальцев» сын Андрея Боголюбского Мстислав верхом на коне ворвался в ворота, положив вокруг себя нескольких новгородцев, но вынужден был повернуть назад, ибо никто не решился за ним последовать.⁴⁵ Схватки у острога продолжались весь короткий зимний день. Чаша весов явно колебалась, но к вечеру взяли верх новгородцы. Огромное неприятельское войско обратилось в позорное бегство. Победители взяли множество пленных.⁴⁶

Какова была роль Романа в этих событиях? В Новгородской I летописи старшего извода он представлен, как и подобает князю, предводителем войска: сообщается, что победу над врагами одержали «князь Роман с новгородьци».⁴⁷ По своему обыкновению, новгородский летописец весьма лаконичен. Приходится домысливать, каковы были в тот день впечатления нашего героя: звуки боевых труб, хлопающие на февральском ветру стяги, лязг железа, треск ломающихся копий, хруст снега, взметаемого конскими копытами... Скорее всего, Роману было уже неполных 15 лет. Можно допустить, что он был на 1–2 года младше, но это ничего не меняет: он был новгородским князем, и положение обязывало его принимать участие в бою — разумеется, в окружении преданных бояр и под присмотром своего «кормильца», исполнявшего здесь роль телохранителя. Подобные случаи были вполне в порядке вещей и время от времени фиксировались летописцами.⁴⁸

При попытке уточнить возраст Романа мы сталкиваемся с большими трудностями. В Новгородской I летописи младшего извода (редакция XV в.) рассказ о событиях 1170 г. почти буквально соответствует более раннему тексту, но содержит любопытную вставку, меняющую расстановку акцентов: суздальцев победили «князь Роман, нь еще бо тогда детеск бяше сын, с новгородци».⁴⁹ Наиболее вероятный источник вставки — устная традиция. Летописец XV в., «уточняя» ход событий прошлого, следовал подсознательному желанию

принизить роль князя в отражении нашествия и тем самым еще более возвеличить своих предков, одержавших в 1170 г. беспримечную победу в борьбе за свои вольности (тема была весьма актуальной в эпоху неуклонного роста могущества московских князей). К сожалению, указание на возраст Романа слишком неопределенно: прилагательное «детский» имело широкий смысл и обозначало не только детей, но и подростков 12–15 лет, не достигших брачного возраста.⁵⁰

В новгородской книжной традиции нет даже намек на героизацию князя, под руководством которого была одержана важнейшая в истории города победа. Литературное развитие сюжета пошло совсем в другом направлении: «Слово о знамени Святыя Богородица в лето 6677е», написанное не ранее XIV в., приписывает спасение города чуду. В этом сочинении события развиваются так: сама Богоматерь, икона которой помещена благочестивыми новгородцами «на острог противу супостат», молит Бога о спасении города. Бог обращает свой гнев на «суздальцев»: осаждающих покрывает тьма, в трепете и ужасе они сами начинают избивать друг друга. Вышедшие из острога новгородцы довершают дело, истребив и захватив в плен множество врагов.⁵¹

В наше время эта поздняя, чисто литературная версия событий 1170 г. широко известна благодаря великолепной иконе XV в., разрабатывающей ту же тему средствами живописи (см. 4-ю страницу обложки). В верхнем регистре иконы показаны события перед нашествием «суздальцев»: справа — вынос иконы Богородицы из церкви Спаса на Ильине улице («Торговая сторона»); в центре и слева — жители «Софийской стороны» встречают крестный ход с иконой на мосту через Волхов (люди с живым воображением вполне могут узнать среди них и юного князя Романа). Ниже, в среднем регистре, мы видим начало осады Новгорода: слева — знаменитая икона уже на городской стене (изображенной, в соответствии с реалиями XV в., в виде каменной башни); в центре — переговоры; справа — «суздальцы» пускают стрелы в город, пренебрегая опасностью угодить прямо в лик Богородицы. В нижнем регистре представлена развязка: небесные силы обращают «суздальцев» в бегство. Врагов преследуют вышедшие из городских ворот новгородцы, во главе которых — четверка легко узнаваемых святых воинов (Феодор Стратилат, князь Борис, Георгий Победоносец, князь Глеб).

Икона «Битва суздальцев с новгородцами». XV в. Новгородский Государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Реальной почвой для возникновения этой легенды была, конечно же, крайняя молодость князя, возглавлявшего новгородцев при отражении нашествия «суздальцев». Если бы на месте Романа был какой-нибудь князь зрелых лет, известный участием в нескольких походах и сражениях, осажденные возлагали бы свои надежды на его военный опыт. Роман же такого опыта не имел, и уповать новгородцам приходилось лишь на помощь высших сил. Отсюда — традиция особого почитания в Новгороде иконы Богородицы «Знаменье», крестный ход с которой, видимо, действительно прошел по городу перед нашествием «суздаль-

цев». Вполне закономерно, что в позднем новгородском предании (а затем и в его литературной обработке) реальные события 1170 г. существенно преобразились.

«Итоговую» версию мы находим в Софийской I летописи старшего извода (XV в.), где ранний летописный рассказ соединен с фантастическими сведениями, заимствованными из «Слова о знамении...». Сводчик говорит не о детском, а о *юношеском* возрасте Романа: «беше князь Роман молод». ⁵² Видимо, здесь вариант воспроизведения той же устной традиции, которой воспользовался и составитель Новгородской I летописи младшего извода (оба свода составлены, как принято считать, в одну эпоху — в первой четверти XV в.). Если возраст Романа мог быть определен как прилагательным «детск», так и прилагательным «молод», остается думать, что новгородцы XV в. воображали этого князя приближающимся к брачному возрасту подростком лет 14–15. Насколько точно предание отражало историческую истину, установить, разумеется, невозможно.

Выносная икона Богородицы «Знаменье» — новгородская реликвия, связанная с событиями 1170 г. Лицевая сторона: молящаяся Богородица. Обратная сторона: ап. Петр и св. Анастасия. Новгородский Государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

* * *

В конце февраля 1170 г., т.е. практически одновременно с разгромом «суздальцев» под Новгородом, отец Романа сумел отвоевать Киев, но продержался здесь лишь полтора месяца (до 13 апреля). ⁵³ Андрей Боголюбский окончательно водворил в Киеве своего младшего брата Глеба и мог теперь вплотную заняться Новгородом. Вероятно, на этот раз его оружием была продовольственная блокада (прямых известий в источниках об этом нет, однако летописец сообщает, что новгородцев побудила начать мирные переговоры с Андреем неслыханная дороговизна продовольственных товаров на городских рынках). Вскоре новгородцы «показали путь» Роману ⁵⁴ — другими словами, вежливо попросили его удалиться. Новым новгородским князем стал Рюрик Ростиславич, не принимавший участия в боевых действиях против Новгорода, следовательно, не вызывавший особого раздражения у новгородцев. С другой стороны, Андрей Боголюбский вполне мог считать Рюрика своим ставленником, ибо все Ростиславичи в то время ходили в его воле. Согласившись занять новгородский стол после изгнания Романа, Рюрик ущемил самолюбие нашего героя и вряд ли мог рассчитывать в будущем на добрые отношения с ним. Так впервые завязался сложный узел взаимных счетов между этими двумя князьями.

Романа ожидал еще более серьезный удар, нежели утрата новгородского стола: безвременная смерть отца. Мстислав Изяславич умер во Владимире-Волынском 19 августа 1170 г.⁵⁵ В южнорусской Ипатьевской летописи утверждается, что Роман получил известие об этом еще в Новгороде, после чего устроил тайное совещание со своей дружиной и преданными сторонниками из числа новгородцев. Советники Романа объявили, что дальнейшее пребывание в Новгороде невозможно: следует возвращаться на Волынь («Не можем, княже, уже zde быти, а поиди к братъи к Володимерю»)⁵⁶. К сожалению, этот любопытный рассказ недостоверен (см. Дополнение 1). Природа его чисто литературная: южнорусский летописец, хорошо осведомленный о делах Ростиславичей и слабо осведомленный о делах Романа, описывает события в Новгороде так, как они представлялись ему в воображении, а вовсе не так, как они происходили в действительности. Однако сам факт появления этой версии доказывает, что во Владимире-Волынском на момент смерти Мстислава Изяславича еще не было его старшего сына. При этом все полагали, что Роман находится в Новгороде; на самом деле он давно уже был где-то в пути.

Глава вторая

БОРЬБА ЗА НАСЛЕДИЕ МСТИСЛАВА: АВГУСТ—СЕНТЯБРЬ 1170 г.

Вернувшись из Новгорода в Волынь, Роман беспрепятственно сел княжить во Владимире, который был одним из крупнейших городов на Руси. По современным оценкам, основанным на данных археологии, здесь могло быть до 20 тысяч жителей.⁵⁷ Город раскидывался широким веером вдоль низменного, местами заболоченного берега реки Луг и естественным образом разделялся на три части рукавами ее мелких притоков.⁵⁸ Между двумя из них был прорыт ров, чтобы иметь возможность в любой момент полностью окружить водой небольшое по площади центральное укрепление — детинец. Во времена Владимира Крестителя это и был весь город, но теперь здесь даже князю было тесновато, а для резиденции епископа и вовсе не оставалось места; она располагалась уже в окольном городе, хотя и по соседству. Гордостью и украшением епископского двора был величественный одноглавый храм Успения Богородицы, построенный отцом Романа, Мстиславом Изяславичем.

Городские укрепления представляли собой обычные для всех русских крепостей XII в. земляные валы с огороженными на них деревянными стенами «заборами». Сейчас уже невозможно установить, каким именно образом во Владимире удалось соединить разные части города, изолированные водными протоками, в единую оборонительную систему. Однако это было сделано и производило в свое время сильное впечатление.⁵⁹ Дополняла его поднимавшаяся над «заборами» и хорошо обозримая с окрестных равнин каменная громада Успенского собора.

Во втором по значению городе Волынской земли — Луцке — княжил дядя Романа, Ярослав Изяславич, расставшийся с мечтами

Владимир-Волынский.
Графическая реконструкция Т. А. Трегубовой по археологическим данным

о Владимире не без душевных терзаний. Еще три года назад, когда Мстислав Изяславич оставил главный город Волыни ради Киева, его младший брат надеялся занять освободившийся княжеский стол; при этом он даже вступил в сговор с другими младшими князьями, стремившимися при перемене верховной власти урвать кусок пожирнее.⁶⁰

Тогда эта затея ничего не дала Ярославу и только раскрыла до времени его образ мыслей перед старшим братом. Если бы Мстиславичи внезапно лишились отца, их дядя немедленно отобрал бы у них Владимир, на который имел полное право в соответствии с древними родовыми традициями. Поэтому Мстислав Изяславич в период своей предсмертной болезни летом 1170 г. счел за благо обеспечить будущее своих сыновей и заключил с младшим братом договор, согласно которому тот не мог претендовать на волости, предназначенные в наследство Мстиславичам.⁶¹

В итоге четверо Мстиславичей получили после смерти отца всю Западную Волынь. К сожалению, мы не имеем ясного цельного рассказа о том, как она разделена была между ними, поэтому приходится прибегать к реконструкции, для которой, впрочем, вполне достаточно рассеянных в летописи косвенных данных. Роман как старший наследник должен был получить вместе с главным городом отцовского княжества наиболее крупный массив земельных владений, примерные границы которого могут быть определены методом исключения на основании сведений о волостях его младших братьев. Следующим за Романом по возрасту был Святослав: это ясно из того, что его владения тоже были довольно значительны и включали три города — Белз, Червен и Бужск.⁶² Третий брат, Владимир, сразу же после возвращения Романа из Новгорода на Волынь скоропостижно умер в Берестье;⁶³ далее мы увидим, что этот важный в стратегическом

отношении город быстро прибрал к рукам Роман. Географически предопределена власть хозяина Берестья и над Дорогичином — пограничным форпостом, находившимся в самом глухом северо-западном углу волыньских земель.⁶⁴ Четвертый брат — Всеволод — должен быть отождествлен с тем не названным по имени сыном Мстислава, который в 1169 г. вместе с матерью был захвачен в Киеве при взятии города войсками Андрея Боголюбского. Знатных пленников обычно быстро выкупали,⁶⁵ но даже если Мстислав Изяславич в самом деле успел это сделать, Всеволод по своему малолетству мог вообще не получить после смерти отца никаких владений.

Известно, что Мстислав Изяславич не был рабом традиций. Его договор с младшим братом, о котором рассказывает южнорусский летописец, — первый известный нам пример юридически узаконенного вертикального наследования волостей на Руси. Мстислав поступил вопреки предписывавшему горизонтальное наследование родовому праву, которое изживалось в княжеской среде медленно и мучительно (чтобы окончательно с ним распрощаться, Рюриковичам понадобилось еще более двух с половиной веков).⁶⁶ Но ограничился ли Мстислав заключением договора с младшим братом? Закрепив западную половину Волыни за своими сыновьями, он столкнулся с новой серьезной проблемой: сравнительно небольшие владения приходилось делить на четыре части, по числу сыновей. В этих условиях Мстислав мог воспользоваться тем правовым прецедентом, который создал в 1138 г. польский князь Болеслав III Кривоустый при обнаружении своего завещания. Вопреки традиции, Болеслав не оставил никаких владений своему младшему сыну Казимиру. Согласно польскому хронисту Винцентию, умирающий князь заявил своим удивленным советникам, что справедливо поручать дела малолетних опекунам, а не самим малолетним.⁶⁷ Политическая целесообразность завещания Болеслава III вполне очевидна и может быть передана библейским изречением: «Горе тебе, земля, когда царь твой отрок...» (Еккл. 10, 16). В самом деле, малолетний наследник везде и во все времена неизбежно делается игрушкой в чужих руках, что влечет за собой смуты и войны. Пожертвовав будущим одного из своих сыновей, польский князь надеялся упрочить положение остальных (да и всего государства в целом). Не имея реальной возможности оставить Польшу единственному наследнику, он пытался хотя бы свести разрушительные последствия раздела страны к минимуму.

Мстислав Изяславич был мужем дочери Болеслава III и политическим партнером его сыновей; он мог и даже должен был знать содержание знаменитого завещания 1138 г., хотя бы и в пересказе. Следовательно, Мстислав мог воспользоваться заложенной там идеей. Могут сказать, что это не более чем абстрактные рассуждения и домыслы; однако у нас есть некоторые основания полагать, что судьба младшего из четырех Мстиславичей, Всеволода, в общих чертах напоминала судьбу младшего из пяти Болеславичей, Казимира (который более 30 лет мыкался без какой-либо волости).

На страницах летописи Всеволод Мстиславич впервые появляется как лицо активно действующее только в 1188 г., т. е. через 18 лет после смерти своего отца. Старший брат Роман временно уступает Всеволоду Владимир-Волынский; позднее Всеволод вынужден вернуть Роману Владимир и уйти в Белз.⁶⁸ Итак, Всеволод — князь белзский. Между тем может быть доказано, что именно в Белзе находился прежде княжеский стол Святослава Мстиславича.⁶⁹ Поскольку известие 1188 г. изображает Всеволода единственным младшим братом Романа, становится ясно, что Всеволод унаследовал волость умершего к этому времени Святослава. Мы можем даже с высокой точностью определить, когда именно это случилось, обратившись от Ипатьевской летописи к другому важнейшему памятнику эпохи — «Слову о полку Игореве». Здесь упоминаются «вси три Мстиславичи, не худа гнезда шестокрилци».⁷⁰ Мы знаем из летописи, что первым из четырех Мстиславичей умер Владимир (еще в 1170 г.); следовательно, «три Мстиславичи» — это Роман, Святослав и Всеволод;* получается, что Святослав умер (а Всеволод унаследовал его волость) после 1185 г.

Посмотрим теперь, в какой политической ситуации пришлось действовать Мстиславичам после смерти отца. Волынское княжество, ослабленное уже самим фактом своего разделения, неизбежно должно было стать объектом повышенного интереса недавних союзников. В самом деле, в источниках мы находим известия о ряде локальных конфликтов вокруг приграничных волынских городов. Важнейший из них, исходом которого было утверждение Романа в Берестье, описан

* Упреждая возможное возражение, отметим, что некоторые историки видят в этих персонажах «Слова...» не Романа, Святослава и Всеволода Мстиславичей, а их троюродных братьев — сыновей Мстислава Ростиславича. Однако при такой трактовке остается без объяснения важный намек автора «Слова...» на тесные связи «шестокрилцев» с Польшей: «Кое ваши златьи шеломы и сулицы ляцкіи и щиты?».⁷¹

у польского хрониста Винцентия со свойственным этому автору литературным блеском (к сожалению, отнюдь не тождественным ясности повествования). Главным героем является здесь дядя Мстиславичей — Казимир, вмешавшийся в борьбу русских князей за Берестье на стороне изгнанного из города «первородного сына» своей сестры (имени его польский хронист почему-то не называет). Разгромив в бою у стен Берестья мощную вражескую коалицию, Казимир вернул город своему племяннику, который, впрочем, вскоре умер там от яда. Тогда Казимир передал Берестье его брату Роману, княжившему во Владимире и во всей этой истории активного участия не принимавшему.⁷²

В соответствии с принятой Винцентием повествовательной манерой рассказ не датирован, однако историки обычно не видят здесь никакой проблемы. Выше у Винцентия шла речь о вокняжении Казимира в Кракове. Польские анналы («рочники») относят это важное событие к 1177 г. Ниже, под 1182 г., находим в рочниках краткое и неясное известие о некоей победе Казимира над русскими.⁷³ Другого известия, которое можно было бы сопоставить с рассказом Винцентия о событиях вокруг Берестья, в рочниках нет. Именно поэтому уже в начале XIV в. неизвестный автор компилятивной великопольской хроники («Chronica magna») отнес завоевание Берестья Казимиром к 1182 г.⁷⁴ Установленная историком XIV в. дата никогда и никем не оспаривалась. Автор этих строк должен признать, что в самой ранней своей работе тоже отдал дань этой многовековой традиции.⁷⁵ Однако отождествление двух зафиксированных разнородными источниками событий («победа над русскими» и «завоевание Берестья») остается совершенно условным. Это отождествление можно и даже должно опротестовать.

Познакомимся поближе с действующими лицами. Мы уже знаем, что один из братьев Романа скоропостижно умер в Берестье (что точно соответствует рассказу Винцентия). Доказано, однако, что смерть летописного персонажа датируется 1170 г.⁷⁶ В это время Казимир никоим образом не мог распоряжаться судьбой каких-либо городов, ибо его собственная судьба решилась только три года спустя, в 1173 г., когда ему удалось занять стол в Сандомире. Именно поэтому историки и держатся за традиционную дату событий вокруг Берестья. Однако здесь возникает другая проблема: необходимо прибегнуть к допущению, что в 1182 г. в Берестье умер еще один брат Романа. Обычно на эту роль предлагают Святослава Мстиславича,

нимало не смущаясь известным обращением автора «Слова о полку Игореве», писавшего после 1185 г., к *трем* Мстиславичам, т. е. к Роману, Святославу и Всеволоду. Но если Святослав Мстиславич в 1185 г. был еще жив, то кто же тогда умер в 1182 г. в Берестье?

Здесь — порочный круг в рассуждениях, который необходимо разорвать. Почему, собственно, непременно надо привязывать известие польских рочников о некоей победе Казимира над русскими в 1182 г. к событиям вокруг Берестья, о которых рассказывает Винцентий? Мы знаем, что локальные конфликты вдоль русско-польской границы не были редкостью;⁷⁷ составители рочников, конечно, и в мыслях не имели зафиксировать их все. Но если мы не обязаны датировать рассказ Винцентия 1182 г., не лучше ли нам вернуться к известию Ипатьевской летописи о смерти в Берестье Владимира Мстиславича? В конце концов, других кандидатов в покойники у нас нет... Полагаю, что именно известие о смерти Владимира Мстиславича, надежно датированное 1170 г., должно быть соотнесено с рассказом Винцентия о вмешательстве Казимира в междоусобную борьбу его племянников.

В реалиях 1170 г. Казимир мог действовать только от имени своего старшего брата Болеслава IV, при дворе которого он с малых лет обретался. Поручить безземельному младшему брату, стосковавшемуся без дела, командование направленным к Берестью «экспедиционным корпусом» — что может быть естественнее? Тот факт, что Винцентий изображает Казимира уже самостоятельным правителем, не должен нас смущать. Исследователям творчества польского хрониста давно известно его в высшей степени свободное обращение с историческим материалом. На общем фоне хроники перемещение событий вокруг Берестья из времен Болеслава IV во времена политической самостоятельности Казимира выглядит вполне безобидным литературным приемом. Напомним, что хронист манипулирует событиями весьма отдаленными (последнюю часть своей хроники Винцентий писал в 1218–1223 гг.). Цель в данном случае представляется очевидной: стройность композиции, литературная выразительность и умножение славы любимого героя.

Необычная политическая ситуация на западе Волыни, отразившаяся в рассказе Винцентия, указывает на 1170 г. не менее определенно, чем подтверждаемое Ипатьевской летописью известие о смерти одного из племянников Казимира в Берестье. По Винцентию, Казимир помогал «первородному сыну» своей сестры, оклеветанному

собственной матерью «по причине скрытой ненависти». Перед младшими своими сыновьями она объявила его приемышем, взятым в свое время для обмана мужа: «был подброшен, когда не было надежды на потомство».⁷⁸ Выдвижение этой версии о «приемыше», сколь бы странной она ни казалась, в 1170 г. (после смерти Мстислава Изяславича) теоретически возможно. А вот для времен политической самостоятельности Казимира, наступивших в 1173 г., и в особенности для 1182 г. (через 12 лет после раздела волостей между Мстиславичами!) попытка вдовы Мстислава оклеветать одного из своих сыновей перед его младшими братьями представляется уже несколько запоздалой.

Винцентий мог добросовестно заблуждаться, называя умершего в Берестье русского князя старшим среди сыновей Агнешки, но мог и сознательно вводить читателей в заблуждение, чтобы лишний раз представить своего любимого героя Казимира восстанавливающим справедливость. Сам рассказ содержит внутренние противоречия такого рода, что нельзя не заподозрить автора в стремлении навести тень на ясный день. Винцентий утверждает, что князя, оклеветанного матерью, жители Берестья и «вожди войска» сочли недостойным главенствовать над другими князьями.⁷⁹ Получается, что прежде, до клеветнического выступления матери, все считали этого князя вполне достойным главенствовать над другими князьями. Но если так, то место его было совсем не в Берестье, а во Владимире! Кроме того, главным противником «развенчанного» первенца должен был стать по логике вещей легитимный кандидат на его место — следующий за ним по возрасту брат (а это был, по Винцентию, Роман).

Однако противником «первородного сына» сестры Казимира почему-то выступает у Винцентия Всеволод Белзский в компании с какими-то безымянными «князьями владимирскими». Роман же в борьбе за Берестье не участвует: он появляется уже после трагической развязки, в самом финале, где получает выморочные владения без каких-либо усилий со своей стороны. Что касается Всеволода Мстиславича, то мы уже знаем, что в Ипатьевской летописи он впервые упоминается как князь белзский лишь при описании событий 1188 г. Косвенные данные позволяют утверждать, что ранее (по меньшей мере до 1185 г.) Белзом владел Святослав Мстиславич.

Возможно, найдутся желающие это оспорить; не будем напрасно терять время и укажем другой, гораздо более важный для обсуждаемой темы факт, совершенно бесспорный и при этом неизвестный

Винцентию. В 1168–1170 гг. Роман Мстиславич княжил в Новгороде. Право же, трудно измыслить причину, из-за которой его предполагаемый старший брат лишился этой чести. Версию о первенце «приемыше» Агнешка при жизни мужа выдвинуть никак не могла: после этого она в лучшем случае оказалась бы в монастыре. Да высказывала ли она вообще когда-либо эту версию? Не является ли вся эта романтическая история о клевете матери на старшего сына чистым вымыслом польского хрониста, призванным оправдать вмешательство поляков в спор Мстиславичей из-за отцовского наследства?

Полагаю, что все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. В общих чертах рассказ Винцентия о борьбе за Берестье вполне историчен.
2. Рассказ этот соответствует политической обстановке на Волыни, сложившейся непосредственно после смерти Мстислава Изяславича; следовательно, события вокруг Берестья должны быть отнесены к концу августа–началу сентября 1170 г.
3. Суть конфликта была в том, что один из юных князей — Мстиславичей безуспешно пытался закрепиться в Берестье (по завещанию отца или вопреки ему — безразлично). Будучи изгнан, претендент на Берестье обратился за помощью к своим польским родственникам.
4. Казимир, командовавший посланным к Берестью польским войском, в реалиях 1170 г. мог быть только представителем своего старшего брата, Болеслава IV. Правовое положение Казимира в этом случае может быть уподоблено положению известных на Руси безземельных князей — «подручников», вынужденных служить более сильным и удачливым родичам.
5. Война из-за Берестья была скоротечной и завершилась вскоре после возвращения Романа из Новгорода на Волынь. Этим и объясняется отмеченная выше странная особенность рассказа Винцентия, где Роман появляется в качестве действующего лица буквально под занавес и только для того, чтобы принять Берестье из рук Казимира. Отметим, что в Ипатьевской летописи известие о смерти Владимира Мстиславича в Берестье поставлено в непосредственную временную связь с возвращением Романа из Новгорода: «В то же время преставился башеть брат ему меньшии ...мир в Берестьи».⁸⁰

6. Малолетний Всеволод Мстиславич безусловно не мог участвовать в борьбе за Берестье.
7. Методом исключения приходим к выводу, что борьба за Берестье велась между Святославом и Владимиром Мстиславичами; последнего Ипатьевская летопись, как мы только что видели, вполне определенно называет *младшим* братом Романа.
8. Поддержанный Казимиром племянник тождествен Владимиру Мстиславичу, причем Винцентию этот претендент на Берестье был известен очень смутно: польский хронист неоправданно приписал ему первородство, а имени его вообще не смог указать. Второй претендент Винцентию неизвестен и замещен Всеволодом Мстиславичем.

Последний пункт заслуживает более подробного обоснования. Здесь напрашивается такое возражение: Винцентий в свои лучшие годы подвизался при дворе Казимира, следовательно, Мстиславичи как близкие кровные родственники польского князя должны были быть хорошо известны будущему хронисту. Однако Винцентий писал заключительную часть своей хроники уже на склоне дней, уединившись с 1218 г. в Енджеевском монастыре.⁸¹ Собственных воспоминаний о событиях полувековой давности вокруг Берестья у хрониста, конечно же, не было: в 1170 г. он был еще 10-летним мальчиком. Все главные действующие лица той эпохи сошли с исторической сцены задолго до 1218 г. Разыскивать и расспрашивать рядовых участников событий Винцентий после своего пострижения в монахи не мог. Волей-неволей Винцентию пришлось прибегнуть к домыслам и напустить тумана. Именно поэтому на страницах его хроники в битву с Казимиром вступает Всеволод Белзский «*cum principibus Laodimiriensium*»,⁸² т.е. «с князьями владимирскими». Поскольку Роман, по версии самого Винцентия, в конфликте из-за Берестья не участвует, в нашем распоряжении попросту нет достаточного количества исторических лиц, чтобы оправдать употребленное польским хронистом в отношении «князей владимирских» множественное число.

Таким образом, Винцентий не только не в состоянии перечислить по именам всех сыновей родной сестры своего князя — он даже не знает точно, сколько их вообще было. Из четырех Мстиславичей он действительно хорошо знает только двух — Романа и Всеволода, т.е. именно тех, которые продолжали действовать много позже. В 1191 г.,

когда они помогали Казимиру II вернуть вышедший из-под его власти Краков,⁸³ будущий хронист должен был видеть их собственными глазами. Именно этих двух русских князей Винцентий, не мудрствуя лукаво, помещает и в свой рассказ о гораздо более отдаленных событиях вокруг Берестья. Далее, однако, он сталкивается уже с непреодолимыми в его положении трудностями. В результате исторический Святослав Мстиславич на страницах хроники вообще не появляется. Казимиру противостоит здесь Всеволод Белзский, который является нам во главе какой-то смутной толпы призраков («cum principibus Laodimiriensium»).

Недостаток фактических данных Винцентий восполняет творческим воображением. Немалую роль здесь сыграли и его политические грезы о покорении западнорусских земель.⁸⁴ Винцентий часто выдает желаемое за действительное, и финал рассказа о борьбе за Берестье как раз из этого разряда: «провинцию убитого Казимир, рассчитывая на повиновение, отдает брату его, князю Владимиру Роману».⁸⁵ Вполне понятно, что Роман после смерти младшего брата поспешил занять Берестье; непонятно, какое отношение мог иметь к этому Казимир. Тот факт, что поляки совсем недавно возвращали в Берестье незадачливого претендента силой оружия, в правовом отношении ничего не менял. Берестье оставалось для Романа такой же «отчиной», как и Владимир, и ему, конечно, даже в голову не пришло бы спрашивать разрешения у польского дядюшки, прежде чем занять выморочную волость.

Глава третья

МОЛОДОСТЬ РОМАНА: 1170—1185 гг. ОБРАЗ РОМАНА В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Основной проблемой волынских князей после смерти Мстислава стали отношения с Галичем. Сохранить представлявший большую ценность для Волыни союз не удалось; на смену ему пришла глухая вражда, время от времени прерываемая неприкрытыми враждебными выпадами. Началом этому злу стала неловкая попытка вмешательства во внутренние дела Галицкого княжества, предпринятая юным Святославом Мстиславичем.

Трагедией всей жизни знаменитого галицкого князя Ярослава Осмомысла был злосчастный брак с дочерью Юрия Долгорукого. Имея от законной жены уже взрослого сына Владимира, Ярослав открыто жил с наложницей Настасьей и отдавал явное предпочтение своему незаконнорожденному сыну — Олегу. Насколько можно судить по отрывочным летописным данным, Настасья происходила из знатного рода «берендеев» — одного из небольших по численности тюркоязычных племен, известных под общим названием «черных клобуков». Расселившиеся с давних пор в пограничной с половецкой степью полосе, преимущественно на Киевщине вдоль реки Рось, они служили своего рода буфером, несколько смягчавшим половецкий натиск («свои поганые»). Некоторые из них крестились, иногда поступали на службу к русским князьям и превращались в «милостников» — особо доверенных слуг.⁸⁶ В явной связи с именем Настасьи летописец упоминает «Чаргову чадь», вызвавшую ненависть галицких бояр,⁸⁷ — видимо, это были родственники Настасьи, взявшие силу при Ярославе. Судя по имени, Настасья была крещена. Что касается

ее предполагаемых родственников-язычников,⁸⁸ то они в силу особенностей своего мировосприятия не должны были видеть ничего зазорного в ее положении при князе (пусть «младшая» жена, зато «любимая»!). Летописец прямо называет Настасью «ворогом» княжича Владимира, что вполне закономерно: сын этой наложницы в будущем мог стать реальным претендентом на галицкий стол, отодвинув сводного старшего брата на второй план.⁸⁹ Положение Владимира и его матери, несмотря на сочувствие оттесненных от князя «Чарговой чадью» знатнейших бояр, сделалось унижительным и невыносимым. Дело кончилось тем, что Владимир, сопровождаемый матерью и несколькими боярами, бежал из Галича.

Летописец указывает, что 8 месяцев галицкие изгнанники находились в Польше.⁹⁰ Однако, чтобы попасть туда, необходимо было пройти через владения Мстиславичей. Путь через владения галицкого князя в принципе тоже был возможен, но слишком опасен: беглецам надо было как можно быстрее оказаться там, где Ярослав не имел уже власти. Самый короткий и безопасный путь в Польшу лежал через Белз и Червен. Перед юным и совершенно неопытным князем Святославом встал непростой вопрос: как обойтись с беглецами? Он мог с почетом принять их и позволить беспрепятственно ехать дальше (что соответствовало общепринятым нормам отношений между князьями); мог отказать в гостеприимстве и предложить немедленно покинуть подвластные ему земли, направив во Владимир к старшему брату Роману (что было бы нарушением норм этикета, да еще и демонстрацией своей политической несостоятельности); мог, наконец, взять гостей под стражу и выдать Ярославу (что было бы уже явным предательством нуждающихся в убежище, поступком одновременно и нехристианским, и задевающим княжескую честь). Разумеется, неискушенный в политике Святослав выбрал первый из этих трех вариантов. Ярослав воспринял это как недружественный жест и предлог для объявления войны. Вскоре галицкий князь захватил принадлежавший Святославу пограничный городок Бужск.⁹¹

Оказавшись в Польше, Владимир пересылался со своими тайными сторонниками в Галиче, составившими заговор в его пользу, и уже готовился в скором времени занять место своего отца. Своей уверенностью в успехе он заразил и Святослава Мстиславича. Был заключен скрепленный целованием креста договор, согласно которому Святослав уступал Владимиру во временное владение Червен,

чтобы тот быстрее получал известия из Галича, а в нужный момент без промедления смог бы туда отправиться. Владимир же обязался после предполагаемого вокняжения в Галиче возвратить Святославу Бужск и уступить в придачу еще три галицких города.

Надежды Владимира оправдались лишь отчасти: заговор удался, но убить своего князя бояре не посмели, ограничившись взятием его под стражу. Ненавистная «Настаска» была сожжена (видимо, ее считали ведьмой, опутавшей князя колдовскими чарами); сын ее отправлен в заточение; «Чаргова чадь» перебита; Ярослава заставили целовать крест на том, что в дальнейшем он будет должным образом обращаться со своей законной женой. После этого Владимир и его мать получили возможность вернуться в Галич.⁹²

Насильственное примирение галицкого князя с женой и сыном, как и следовало ожидать, оказалось недолговечным. Как только Ярослав уверенно взял в свои руки бразды правления, Владимир и его мать снова вынуждены были бежать. На этот раз они нашли убежище у Ярослава Луцкого. Приняв беглецов, Ярослав повторил недавнюю ошибку своего юного племянника; более того, он пошел еще дальше, пообещав Владимиру помощь в получении какой-нибудь волости (конечно, за счет владений его отца, которые всем соседям почему-то казались излишне обширными). Ярослав Луцкий затеял очень опасную игру: военный потенциал Ярослава Галицкого был гораздо выше. Однако основной ударной силой войска в те времена были конные боярские дружины, а галицкие бояре сочувствовали Владимиру; своим бездействием они могли парализовать любые воинственные устремления его отца. Видимо, Ярослав Галицкий не смог провести «мобилизацию»: трудно как-то иначе объяснить тот факт, что ему пришлось за большие деньги нанимать войско в Польше. Киевский летописец называет немислимую сумму в три тысячи гривен⁹³ (что заставляет думать о воспроизведении им *слухов* — как водится, преувеличенных).⁹⁴

Отрабатывая русское серебро, «ляхи» сожгли два города во владениях Ярослава Луцкого,⁹⁵ при этом Ярослав Галицкий грозил и сам вступить с ним в войну. Луцкий князь вынужден был отказаться от своих планов в отношении Владимира и отослать его вместе с матерью на Киевщину, в Торческ, где в то время княжил один из младших братьев галицкой княгини. Впрочем, там Владимир тоже не задержался и в конце концов вынужден был явиться к отцу с повинной.⁹⁶

«Киевские» гривны
(серебряные слитки весом 163–165 г.).
В XII в. были основным платежным
средством на юге Руси

На протяжении двух лет начиная с осени 1170 г. волынские князья трижды оказывались втянуты в локальные конфликты, владения их пострадали от неприятельских войск и даже несколько сократились (утрачен был Бужск). Правда, Роману удалось округлить свои личные владения за счет Берестья, но в целом итог был не в пользу волынских князей. Складывается впечатление, что их соседи слишком уж осмелели. Явственно ощущается отсутствие твердой направляющей руки старшего в роде. В этой роли выступал Ярослав Луцкий, который после известного договора со старшим братом вряд ли благоволил своим племянникам. Смирившись с утратой возможности сесть во Владимире, но затаив обиду, Ярослав Изяславич должен был рассуждать примерно так: раз племянники не захотели на него «честь возложить», то пусть теперь и справляются сами как знают со своими проблемами. Однако вторжение «ляхов» в его собственные земли подействовало отрезвляюще: луцкий князь осознал, что не столько он нужен Мстиславичам, сколько они ему. Уже осенью 1173 г. положение решительно переменялось к лучшему: Ярослав Изяславич сумел определить исход противостояния двух княжеских коалиций под Киевом, явившись туда «со всею Волынскою землею»,⁹⁷ т. е. не только со своими собственными войсками, но и с войсками всех своих племянников — Мстиславичей. Ясно, что наш главный герой Роман тоже участвовал в этом походе, хотя прямо летописец его имени не называет.

К этому времени трое младших Ростиславичей — вернувшийся из Новгорода еще весной 1172 г. Рюрик,⁹⁸ Давыд и Мстислав — разорвали свои отношения с Андреем Боголюбским и захватили Киев,⁹⁹ а затем бесстрашно вступили в борьбу с превосходящими силами «суздальского самовластца» и его многочисленных союзников, включая черниговских и новгород-северских князей из рода Ольговичей. Последнее обстоятельство было довольно необычным: как правило, Ольговичи противопоставляли себя всем потомкам Мономаха. Однако на этот раз у них была надежда получить Киев: Андрей

Боголюбский был до такой степени разозлен Ростиславичами, что вполне мог согласиться на это, лишь бы дать урок зарвавшимся родственникам. При подходе к Киеву огромного войска, собранного в очередной раз по воле Андрея, Ростиславичи благоразумно покинули город, но складывать оружие вовсе не собирались. Рюрик, успевший несколько месяцев покрасоваться в роли киевского князя, ушел в Белгород, Мстислав засел в Вышгороде, а Давыд поехал в Галич просить помощи у Ярослава.¹⁰⁰ Ростиславичи контролировали также Треполь — важную крепость к югу от Киева, при впадении реки Стугны в Днепр.¹⁰¹ Противники Ростиславичей, поспешившие занять Киев, в стратегическом смысле сразу же оказались в окружении: справа, слева и впереди располагались хорошо укрепленные неприятельские базы, а за спиной был Днепр. Оставаться в этом опасном положении было нельзя.

Союзники Андрея Боголюбского не стали разделять свои силы и двинулись к Вышгороду. Осада этого города, начатая 8 сентября 1173 г.,¹⁰² сильно затянулась. Старшим среди противников Ростиславичей оказался черниговский князь Святослав Всеволодич, надеявшийся после победы сесть в Киеве; четверть века назад (в 1139–1146 гг.) здесь княжил его отец. Однако не сказали еще свое слово волынские князья. Ярослав Луцкий тоже мечтал о Киеве, где совсем недавно (в 1167–1169 гг.) княжил его старший брат. Оба претендента вступили в переговоры и заключили казавшееся беспроегрешным соглашение: сумевший добиться заветной цели обязывался «наделить» проигравшего, т. е. предоставить ему какую-то существенную материальную компенсацию.¹⁰³

Когда Ярослав Луцкий со своим собранным со всей Волыни войском присоединился к противникам Ростиславичей, те уже 9 недель сражались под Вышгородом. Мстислав Ростиславич защищался отчаянно, беспрестанно делал вылазки, но уже потерял в боях много людей, и дело его было практически обречено. Старший в стане его противников, Святослав Всеволодич, с удовольствием распоряжался в ходе осады другими князьями, которых было более 20, включая двух младших братьев Андрея Боголюбского. Черниговский князь быстро вошел во вкус своей новой роли. Победа над Ростиславичами казалась ему вполне обеспеченной даже без помощи волынских князей. Понятно, что в этих условиях попытка Ярослава Луцкого заявить свои права на Киев не встретила понимания, тем более что с точки

зрения генеалогии он явно был не прав (Святослав Всеволодич принадлежал к тому же поколению князей, что и отец Ярослава).

Не найдя общего языка с Ольговичами, Ярослав Луцкий вступил в тайные переговоры с Ростиславичами (летописец употребляет множественное число, но в реальной жизни Ярослав мог относительно свободно вести переписку только с Рюриком Ростиславичем, сидевшим в Белгороде). Советовался ли луцкий князь со своими юными племянниками — Мстиславичами? Весьма маловероятно: дело в том, что Роман Мстиславич имел особые интересы на Киевщине, и его участие в переговорах могло сильно осложнить достижение соглашения (или сделать его вообще невозможным). Ярославу проще было действовать по своему собственному усмотрению, тем более что положение старшего в роде давало ему такую возможность.

Заручившись согласием Ростиславичей уступить ему Киев, Ярослав дождался ночи, поднял волынские полки и отвел их от Вышгорода к Белгороду. Эта демонстрация имела успех необычайный: той же ночью в стане осаждавших Вышгород возникла паника. Там решили, что луцкий князь переметнулся на сторону врагов, так как первым узнал о приближении войск Ярослава Галицкого (их должен был привести в помощь своим братьям Давыд Ростиславич) и отрядов «черных клобуков» (которые всегда держали руку сильнейшего). Опасаясь нападения столь многочисленных врагов, осаждавшие бросили свой лагерь и в великом смятении, не дожидаясь рассвета, стали переправляться на левый берег Днепра. Поскольку никакого порядка при этом не было, множество воинов потонуло.¹⁰⁴

Так закончилась вторая в жизни Романа Мстиславича большая война. Для него лично все свелось к передвижениям войск: победа была достигнута без единого сражения. Вместе с Ростиславичами волынские князья вступили в Киев, где дядя Романа, права которого оспаривать было теперь некому, сел «на столе деда своего и отца своего». Шел ноябрь 1173 г. Роман не бывал в Киеве без малого 5 лет. За это время наш герой вырос и возмужал, но значение его в лагере победителей было невелико. Летописец ничего не сообщает о тех отношениях, которые сложились внутри одержавшей верх княжеской группировки; мы знаем, однако, что Роман не получил от своего дяди никаких владений на Киевщине. Отсюда легко вывести, что старшие князья совершенно пренебрегли интересами Романа и отстранили его от дележа добычи. Как могло такое случиться, если еще отец Романа

в бытность свою волынским князем имел владения на Киевщине, полученные от великого князя Ростислава? Дело в том, что на Руси уступка старшим князем части своих владений в условное держание младшему была не системой, а редким исключением, при этом обычая передачи таких владений по наследству вообще не существовало (что принципиально отличает известные нам прецеденты такого рода от европейской системы ленов). Поэтому Роман не имел каких-то особых прав и мог рассчитывать только на добрую волю старших князей.

В принципе Ярославу Луцкому выгодно было бы воспользоваться моделью отношений, созданной князьями предшествующего поколения, чтобы привязать к себе Романа и заручиться его постоянной поддержкой. Для этого не было нужды отдавать ему все три города, принадлежавших в прошлом его отцу, — Белгород, Торческ и Канев;¹⁰⁵ можно было ограничиться одним или двумя. Однако Роман не получил ничего! Этот факт говорит о том, что полными хозяевами положения на Киевщине оставались Ростиславичи, не желавшие поступиться в пользу Романа даже малой толикой своих владений. Что касается нового киевского князя, то в его положении спорить с Ростиславичами не приходилось: контролируемые ими крепости окружали Киев полукольцом. Поспешив договориться с Ростиславичами, Ярослав не учел, что реальных рычагов воздействия на двоюродных братьев после вокняжения в Киеве у него не будет. Теперь же он обнаружил, что власть его заканчивается уже за городскими валами.

Надо полагать, что Роман уехал из Киева в большом раздражении, зарекившись когда-либо впредь помогать своему дяде, не говоря уже о Ростиславичах, которых он должен был считать явными врагами. Что касается Ярослава Луцкого, то княжение его в Киеве оказалось непростым и продлилось не слишком долго. Через два года, устав от интриг Ростиславичей, он счел за благо по доброй воле уйти на Волынь.¹⁰⁶ С этого времени луцкий князь перестал интересоваться киевского летописца и совершенно выпал из его поля зрения. Только по косвенным данным можно определить, что умер Ярослав между 1175 и 1180 гг.¹⁰⁷ Свои небольшие владения он оставил четверем сыновьям, даже и в этом совершенно повторив судьбу своего старшего брата.

Когда Ростиславичи выжили Ярослава из Киева, они естественным образом оказались втянуты в конфликт с черниговским князем

Святославом Всеволодичем, который не думал отказываться от своих претензий. Уже в 1176 г. Ростиславичи вынуждены были уступить ему Киев.¹⁰⁸ За спиной Святослава стояла военная мощь двух княжеств, принадлежавших Ольговичам, — Черниговского и Новгород-Северского. Тем не менее, оказавшись в Киеве, Святослав чувствовал себя стесненным Ростиславичами и мечтал освободиться от их опеки. Летописец так излагает свои представления о тайных замыслах Святослава, направленных против Ростиславичей: «а те ми во всем пакостять... а в Володимере племени кто ми ближни, тот добр».¹⁰⁹ Смысл фразы довольно темен. Вероятно, здесь надо видеть отсылку к евангельской притче о милосердном самарянине, рассказанной Иисусом в ответ на вопрос «а кто мой ближний?» (Лк. 10, 29–37). Применив эту притчу к своему положению, Святослав Всеволодич понял, что его «ближними» являются среди потомков Мономаха («в Володимере племени») вовсе не Ростиславичи, которые во всем ему «пакостять». Кто-то другой «в Володимере племени» проявил себя как истинный «ближний», подобно самарянину из евангельской притчи; вот тот и хорош («добр»). Имени летописец не называет, но само развитие событий указывает нам загадочного союзника Святослава. Летом 1180 г., после начала на Киевщине открытой войны, Рюрик Ростиславич посылает за помощью к двум старшим сыновьям Ярослава Луцкого и к Ярославу Галицкому,¹¹⁰ т. е. ко всем значительным князьям Юго-Западной Руси, за исключением... нашего героя Романа!

Война Ростиславичей со Святославом Всеволодичем протекала с переменным успехом и завершилась в 1181 г.¹¹¹ возвращением к существовавшему до конфликта положению. Роман активного участия в военных действиях не принимал. Видимо, основная причина была в том, что ему не удалось привлечь на свою сторону других волыньских князей (во всяком случае, два старших сына Ярослава Луцкого приняли сторону Рюрика). На этот раз Роман оказался в политической изоляции, но все-таки его ставка на союз с Ольговичами принесла свои плоды. Ростиславичи вынуждены были теперь считаться с угрозой войны на два фронта. Им надо было каким-то образом нейтрализовать Романа или вообще перетянуть его в свой лагерь. Подобные проблемы чаще всего решались в ту эпоху путем заключения браков, и наш случай не стал исключением: летописный рассказ о событиях 1188 г.¹¹² показывает нам Романа зятем Рюрика. Учитывая политическую обстановку 1180–1181 гг. и тот факт, что князья всегда женились

рано, свадьбу Романа и дочери Рюрика надо отнести к самой ранней дате из возможных, т. е. к 1181 г.

Матерью невесты Романа была вторая жена Рюрика, происшедшая из рода князей туровских.¹¹³ Хронологические выкладки показывают, что в 1181 г. дочь Рюрика от второго брака была никак не старше 17 лет (могла быть значительно младше).¹¹⁴ Любопытно, что невеста была троюродной сестрой жениха. В XII в. такой брак считался близкородственным. На Западе в подобных случаях требовалось — ни много, ни мало — персональное разрешение римского Папы.¹¹⁵ Вряд ли Православная Церковь была в этом отношении более либеральной, но ее миротворческая роль в конфликтах между князьями, несомненно, привела к санкционированию этого брака.

Поскольку Роман должен был считать Ростиславичей своими заклятыми врагами, согласие его на брак с дочерью Рюрика является свидетельством политического прагматизма нашего героя. Подводя черту под прошлым, Роман приобретал в лице своего тестя могущественного покровителя: с 1180 г. Рюрик был старшим из Ростиславичей,¹¹⁶ а также главой всей старшей ветви потомков Мономаха, объединявшей внуков и правнуков Мстислава Великого. Как мы уже знаем, двоюродные братья Романа предпочитали ориентироваться не на него, а на Рюрика. Волынь к этому времени окончательно потеряла политическое единство: здесь насчитывалось *семь* практически самостоятельных князей (три Мстиславича в восточной ее половине и четыре Ярославича — в западной). Будучи сильнейшим на Волыни, Роман все-таки располагал весьма ограниченными ресурсами и не мог заставить своих братьев — как родных, так и двоюродных — следовать своей политике.

Неудивительно, что наш герой отказал в помощи галицкому княжичу Владимиру, в очередной раз оказавшемуся в роли изгнанника (между 1180 и 1182 гг.).¹¹⁷ Роман сделал именно то, на что не решился 10 лет назад в точно такой же ситуации его младший брат Святослав: в нарушение общепринятых норм этикета Роман предложил Владимиру немедленно покинуть пределы его владений. Это вызвало упрек киевского летописца: «Роман, остерегаясь отца его, не позволил ему даже отдохнуть у себя».¹¹⁸ Ясно, что современники были возмущены поступком Романа. Зато он счастливо избежал разорительной и бесцельной войны с могущественным галицким князем.

Не располагая между 1170 и 1205 гг. даже фрагментами волынско-го летописания, мы почти все время вынуждены смотреть на Романа глазами его недоброжелателей. Автор киевского летописного свода 1198 г., как давно уже установлено, был верным и преданным слугой Ростиславичей. Если судить только по Ипатьевской летописи, сохранившейся в своем составе труд киевского летописца, можно подумать, что Роман просто шагу не мог ступить без помощи и поддержки своего тестя, а если все-таки отваживался на это — немедленно попадал впросак. Польский хронист Винцентий не менее тенденциозен: он изображает Романа мелким честолюбивым князьком, которого осыпает своими благодеяниями всемогущий дядюшка, Казимир Краковский. Единственный источник, независимый от влияния ближайших политических партнеров нашего героя, — «Слово о полку Игореве».

Со страниц великой поэмы встает совсем другой образ Романа. Имя его здесь на почетном месте среди сильнейших русских князей, к которым автор обращается со своим знаменитым призывом встать на защиту Русской земли от половцев. Интересно, что младшие Мстиславичи по именам не названы; рядом с Романом поставлен некий Мстислав — видимо, это князь пересопницкий, приходившийся ему двоюродным братом.¹¹⁹ Этот Мстислав прожил довольно долгую по тем временам жизнь. В 1223 г. он все еще был «муж крепок» и участвовал в битве на Калке, где вовремя пришел на помощь сыну Романа: «бе бо велику любовь имея ко отцю его», — говорит летописец.¹²⁰ Итак, в свое время Романа и Мстислава связывал прочный союз (именно так следует трактовать летописную терминологию). Интересно, что автор «Слова о полку Игореве» обращается к Мстиславу раньше, чем к его старшим братьям Ингвару и Всеволоду, т.е. отступает от принципа перечисления князей в порядке их генеалогического старшинства. Разумеется, это не случайно и требует какого-то объяснения. Можно предположить, что Мстислав сдружился с Романом еще до 1185 г. и что к моменту создания «Слова...» эти два князя успели предпринять ряд удачных походов, которые были хорошо известны современникам, нам же совершенно неизвестны из-за скудости и случайного характера уцелевших источников. Тогда становится понятной восторженная характеристика этих двух князей в «Слове о полку Игореве»: «А ты, буй Романи, и Мстиславе! Храбрая мысль носить васъ умъ на дело. Высоко плаваеши на дело въ буюсти, яко соколь

Тип меча времен юности Романа (на фото представлен хорошо сохранившийся экземпляр из Форнхема, с места битвы 1171 г.)

на ветрехъ ширяся, хотя птицю в буйстве одолети. Суть бо у ваю железны папорзи подъ шеломи латинскими. Теми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци — сулицы своя повръгоща, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи».¹²¹

К сожалению, перечень побежденных Романом и Мстиславом народов нельзя использовать как источник информации: он не принадлежит автору «Слова...». Здесь мы имеем дело с вставкой-интерполяцией, т.е. с втиснутым в текст «примечанием» некоего книжника, переписывавшего поэму. Прежде всего следует отметить чисто книжный, литературно-условный характер этой интерполяции, ее полуфантастическое содержание: из пяти названных здесь народов два («хинова» и «деремела») не упоминаются в известных нам летописях. Эти загадочные народы так и не были идентифицированы исследователями за 200 лет, истекших со дня первого издания «Слова о полку Игореве». Были выдвинуты *шесть* предположений относительно этнонима «деремела»¹²² и *семь* — относительно этнонима «хинова».¹²³ Обратившись к этому параду гипотез XIX–XX вв., легко заметить, что степень неправдоподобности предлагаемых версий с течением времени не уменьшается, а увеличивается.

Мысленно удалив из текста «Слова...» перечень побежденных народов, мы получим более гладкую и даже ритмически организованную фразу: «Теми тресну земля, и многи страны сулицы своя повръгоща, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи». Здесь обнаруживается, видимо, изначальная ритмика «Слова...». Но предполагаемая вставка не просто вносит сбой в ритмику текста — она еще и приводит к появлению важной смысловой несообразности: «...Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя повръгоща». Несообразность заключается в том, что половцы никогда не пользовались и не могли пользоваться сулицами. Эти

короткие метательные копья были совершенно ни к чему степным всадникам. Их тактика предполагает совсем иное оружие — лук и длинное копьё.

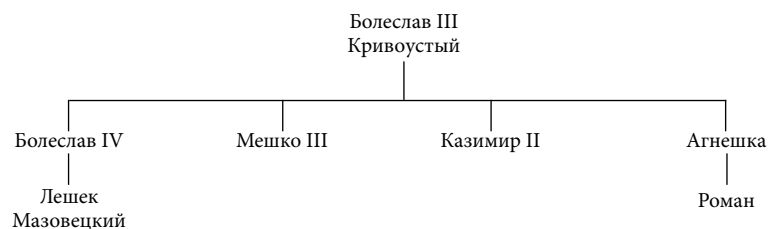
Вставка с перечнем побежденных народов была сделана не ранее XIII в. неким книжником, имевшим возможность обозреть весь жизненный путь Романа. Именно этому князю (причем *ему одному* среди многих князей, к которым обращался со своим призывом автор «Слова...») суждено было стать со временем грозным и непримиримым врагом половцев. Эту роль Роман играл в 1200–1205 гг., т. е. в период своего княжения в Галиче. А во времена Игорева похода, т. е. около 1185 г., Роману просто не было смысла участвовать в борьбе со степными хищниками. Само географическое положение Волыни защищало ее от половецких набегов: она отгораживалась от степи широкой полосой владений могущественного галицкого князя. Напрасно автор «Слова...» пытался разжалобить Романа: «Нъ уже, княже, Игорю утръпе солнцю свет, а древо не бологомъ листвие срони: по Рси и по Сули гради поделиша. А Игорева храбраго плъку не кресити! Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на победу».¹²⁴ Все это очень трогательно и красиво, но в реальной жизни для Романа участие в предполагаемом походе к Дону означало бы войну за чужие интересы. При этом на весь период военных действий он оказался бы в полном подчинении у тестя — Рюрика Ростиславича, которому в случае успеха досталась бы вся слава (и львиная доля военной добычи тоже).

Но если не с половцами, то с кем же все-таки воевали в середине 80-х гг. XII в. волынские князья Роман и Мстислав? Автор «Слова о полку Игореве» говорит о неких наступательных действиях, предпринимавшихся в разных направлениях и многократно («многи страны... сулицы своя повръгоща, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужнии»). К сожалению, летописец Рюрика Ростиславича совершенно не интересовался тем, что происходило на Волыни. Если он и упоминает кого-то из волынских князей, то лишь в связи с делами Киева или Галича. На протяжении 15 лет, между событиями 1173 и 1188 гг., в Ипатьевской летописи нет известий ни о военных предприятиях Романа, ни о походах других русских князей, в которых можно было бы предположить его участие. Единственной опорой при попытке определить объекты ранней (до 1200 г.) военной экспансии Романа является... археология оружия.

Карта находок сулиц показывает, что чаще всего они использовались в лесных и болотистых районах.¹²⁵ Неудивительно, что сулицы, согласно позднейшим летописным рассказам, были излюбленным оружием ятвягов.¹²⁶ Это языческое племя прусского корня, многочисленное и воинственное, населяло глухие болотистые леса, вплотную подступавшие к северо-западным границам владений Романа. Словом «страны» в древнерусских текстах часто обозначались совсем небольшие области (например, составные части одного и того же княжества).¹²⁷ Скорее всего, «многи страны» интересующего нас фрагмента «Слова о полку Игореве» суть земли ятвягов и соседних литовских племен. Данное предположение высказывается не впервые: «Литва» и «Ятвязи» присутствуют уже в том перечне побежденных Романом и Мстиславом народов, который мы признали поздней вставкой в текст «Слова...» и отнесли (условно) к XIII в.

Пытался ли Роман покорить соседей-язычников или просто хотел ослабить их натиск на свои собственные владения? Объективных данных, позволяющих ответить на этот вопрос, в нашем распоряжении нет. Со времен Карамзина отечественные историки охотно связывают с именем Романа Мстиславича позднее предание, записанное в XVI в. польским хронистом Стрыйковским. Захватив в плен множество литовцев, Роман будто бы заставлял их распахивать под пашню недавно расчищенные от леса участки, где в земле было множество корней. Для этой тяжелой работы закованных в цепи литовцев запрягали в плуги, что породило пословицу: «Романе, Романе, лихим ся кормишь, Литвою орешь»¹²⁸ («орати» — пахать). Однако у Стрыйковского победителем литовцев назван вовсе не наш герой, Роман Мстиславич Волынский, а «Roman monarcha Kijowski»,¹²⁹ т. е. Роман Ростиславич Смоленский (он дважды княжил в Киеве, в 1171–1172 и 1175–1176 гг.). Мнение Карамзина, полагавшего, что Стрыйковский перепутал двух Романов, невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Обратившись к исторической географии, мы увидим, что владения Романа Мстиславича непосредственно соприкасались (на северо-западе) с землей ятвягов, но не с зоной расселения литовских племен. На севере владения Романа граничили с княжеством Городенским, находившимся в положении «буфера» между Литвой и Волынью. Впрочем, в XIII в., уже после гибели Романа, это обстоятельство несколько не защищало волынские земли от набегов литовцев (которые действовали обыкновенно вместе с ятвягами).¹³⁰

К числу «многих стран», побежденных Романом и Мстиславом, можно отнести (сугубо предположительно) еще и Мазовию — одно из граничивших с владениями Романа польских княжеств. Во-первых, в Польше сулицы тоже употреблялись и даже, видимо, поставлялись «на экспорт» (вспомним «сулицы ляцкіи», упомянутые в «Слове о полку Игореве» как оружие трех Мстиславичей). Во-вторых, между волынским и мазовецким князьями существовало реальное яблоко раздора — Визна. Этот мазовецкий город, являвшийся важным опорным пунктом на границе с землей ятвягов, был некогда добровольно уступлен Болеславом IV русским князьям, но впоследствии (не позднее 1170 г.) при неизвестных нам обстоятельствах вернулся под его власть.¹³¹ Роман не мог успешно воевать с Болеславом IV, так как этот польский князь, родной дядя нашего героя, значительно превосходил его своими материальными ресурсами. Однако после смерти Болеслава IV (в 1173 г.) его владения были разделены: Мазовию получил его несовершеннолетний сын Лешек, а Малую Польшу с ее жемчужиной — Краковом — великопольский князь Мешко III Старый (младший брат Болеслава IV и, соответственно, еще один дядя Романа).

Процесс раздробления Польши на этом не завершился. Мешко III, прозванный «Старым» из-за своего сурового нрава, плохо ладил со своими новыми подданными. Очень скоро (может быть, в том же 1173 г.) его владения сильно уменьшились, ибо знать Сandomирской земли, составлявшей добрую половину Малой Польши, захотела видеть своим князем другого. Выбор пал на безземельного Казимира (третьего дядю нашего героя). Чуть позже, в 1177 г., Мешко лишился и второй половины Малой Польши: Казимир, успевший завоевать популярность в Сandomире, был приглашен в Краков.¹³²

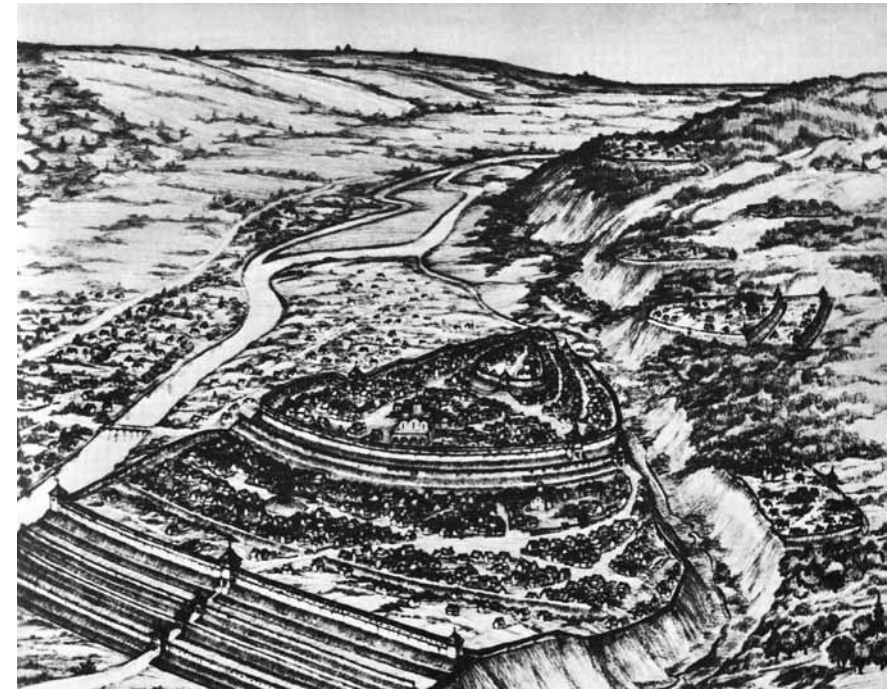
В дальнейшем вражда Мешко и Казимира временами затухала, но никогда уже не прекращалась и в свое время досталась в наследство их детям.

Таким образом, с 1173 г. политическая обстановка на западной границе Волыни допускала возможность выдвижения Романом территориальных претензий к Лешку Мазовецкому. К сожалению, судьба Визны после 1170 г. совершенно не освещена источниками. Известно только, что в 50-х гг. XIII в. этот город принадлежал сыну Романа.¹³³ Легче всего было вернуть Визну между 1173 и 1177 гг. После утверждения Казимира в Кракове это было уже несколько сложнее. Еще девятью годами позже это стало и вовсе невозможным. В 1186 г., после смерти Лешка Мазовецкого, Казимир объединил под своей властью Малую Польшу и Мазовию, т. е. занял место, принадлежавшее тринадцать лет назад Болеславу IV. В результате «окно» для вмешательства в польские дела надолго захлопнулось.

Глава четвертая

ГАЛИЦКАЯ АВАНТЮРА РОМАНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: 1188—1191 гг.

Южным соседом Романа был галицкий князь Ярослав, которого автор «Слова о полку Игореве» называет Осмомыслом. Владения Ярослава охватывали Прикарпатье («горную страну Перемышльскую») и левобережье Днестра в его верхнем течении. Покрытые лесом отроги Карпат радовали глаз путешественника разнообразием сменявших друг друга картин; ничего подобного нигде больше нельзя было видеть на Руси. Впрочем, равнинная часть владений галицкого князя тоже сильно отличалась от других русских земель, не исключая и соседней Волыни. Вместо тихих, причудливо изогнутых волынских рек с их невысокими, часто заболоченными и поросшими лесом берегами путешественник встречал на левобережье Днестра добрую дюжину его почти параллельных притоков: вытянутые с севера на юг, они прорезают сильно всхолмленную возвышенность с образованием множества живописных порогов, водопадов и перекатов. Днестр играл огромную роль в жизни княжества. Наличие этой судоходной реки, впадающей в Черное море западнее устья Днепра, значительно сокращало путь в Константинополь («Царьград») для галицких купцов, дипломатов и паломников к святым местам — если сравнить с маршрутом их собратьев из других русских земель, проходившим через Киев. Левый берег Днестра был густо заселен и хорошо освоен в хозяйственном отношении; на правом берегу, открытом для половецких набегов, поселения были редки. Здесь самым южным пунктом была Коломыя — крупнейший центр добычи соли. Именно соль была главным экономическим ресурсом Галицкой земли: доходы от ее продажи поддерживали беспрецедентное для Руси той эпохи богатство здешних князей.¹³⁴

Галич.
Графическая реконструкция Т. А. Трегубовой по археологическим данным

Древний Галич стоял вовсе не на Днестре, как многие до сих пор ошибочно полагают, а на реке Лукве — незначительном притоке Днестра. Рельеф прилегающей местности не слишком изменился за последние 800 лет. На протяжении нескольких километров вдоль Луквы тянется равномерно возвышенная гряда, то приближаясь к реке, то отступая, причем в одном месте очень значительно. Именно здесь вклинивается высокая гора с крутыми склонами и относительно плоским верхом, словно самой природой созданная для укрепленного поселения. От непрерывной стены соседней возвышенности ее отделяет глубокая балка, по дну которой протекает ручей — приток Луквы. В плане гора напоминает клык; в области острого угла высота ее максимальна, а в противоположном направлении постепенно снижается. Город Галич занимал первоначально только возвышающийся над окрестностями остроконечный мыс этой горы. От всего окружающего мира он отгораживался двумя мощными оборонительными линиями (каждая состояла из рва и вала). Быстрый рост Галича начался

в середине XII в. — после того как отец Ярослава перенес сюда княжеский стол из древнего Перемышля.¹³⁵ Молодой окольный город располагался уже заметно ниже старого, но все еще помещался на горе; со стороны равнины его пришлось защищать сложной террасной системой земляных укреплений, включавшей четыре сравнительно низких вала. В результате Галич приобрел какой-то совершенно необыкновенный, сказочный вид (таким этот древний город предстает нам в графических реконструкциях его облика, основанных, однако, не на фантазиях, а на данных археологических раскопок). Между рекой Луквой, впадающим в нее ручьем и галицкой горой оставалось довольно широкое свободное пространство; со временем здесь вырос неукрепленный посад. Позднее он даже перешагнул за реку. Кроме того, в ближайших окрестностях города было много боярских усадеб и монастырских дворов. И все это кипело жизнью!

Ярослав Галицкий не отличался воинственностью и занимался преимущественно делами устройства своего княжества. Впрочем, этот князь всегда охотно оказывал военную помощь союзникам, посылая галицкие полки со своими воеводами.¹³⁶ Как правило, они действовали успешно и возвращались со славой. Одно лишь известие польских анналов о победе Казимира II над русскими в 1182 г. можно рассматривать (сугубо предположительно) как свидетельство крупной военной неудачи войск галицкого князя.¹³⁷ При необходимости Ярослав мог воевать даже чужими руками, щедро оплачивая наемное войско (из тех же поляков). Долгие годы Ярослав оставался опасным соседом для измельчавших волынских князей, единства среди которых нашему герою Роману никак не удавалось добиться.

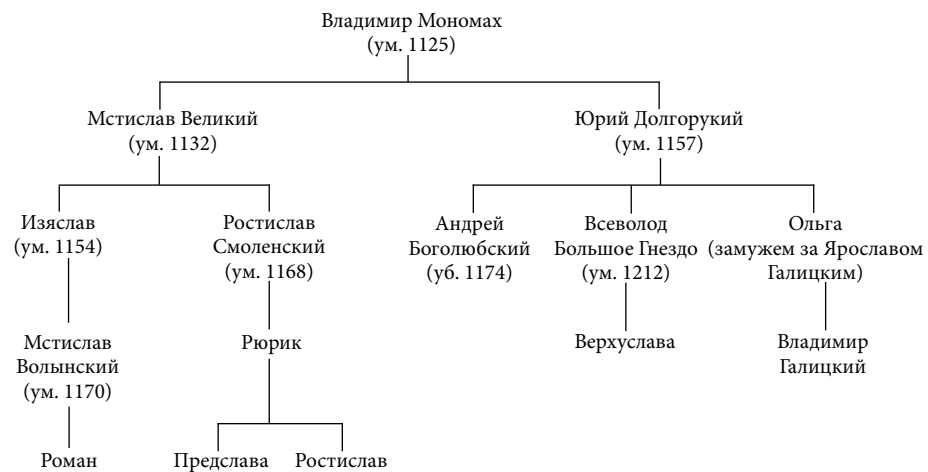
В сентябре 1187 г. галицкий князь тяжело заболел. Предвидя неизбежную смерть, он повелел раздавать собранные им богатства: частью — по монастырям, частью — нищим. Летописец утверждает, что раздача княжеского имущества по всему Галичу продолжалась более трех дней. Тем временем Ярослав призвал бояр и огласил свое завещание. Галич он хотел оставить Олегу, сыну своей наложницы Настасьи, трагически погибшей много лет назад в ходе боярского мятежа. Владимиру же, сыну своей законной супруги, Ярослав оставлял второй по значению город княжества — Перемышль. Бояре целовали крест на том, что не нарушат волю своего князя, но немедленно после его смерти устроили мятеж и посадили в Галиче законного

наследника — Владимира. Олег бежал под защиту Рюрика Ростиславича во Вручий.¹³⁸ Как незаконнорожденный Олег практически не имел шансов вернуть Галич, но любой князь охотно взял бы его в свою дружину в качестве боярина. Вероятно, Олег хорошо понимал свое положение и добровольно сложил с себя княжеское звание. Во всяком случае, в дальнейших бурных событиях он никакого участия не принимал.

Ярослав умер 1 октября 1187 г.¹³⁹ На 17 лет пережил он своего давнего союзника, Романова отца. Все это время Роман упражнялся в обычных княжеских делах, приобрел большой военный и дипломатический опыт, а если судить по «Слову о полку Игореве» — еще и немалую славу. Совсем иной была в те годы судьба Владимира Галицкого. Будучи на несколько лет старше Романа, он рвался к активной деятельности, но в силу непреодолимых обстоятельств растратил всю свою энергию на пустяки. Выросший в обстановке семейного разлада, дважды бежавший вместе с матерью из Галича от деспотической власти отца и в третий раз изгнанный им самим, всегда готовый возглавить боярскую оппозицию или обратиться за помощью к кому-либо из окрестных князей, Владимир был для своего отца скорее врагом, чем помощником, и оттого обречен был на пребывание в праздности. Видимо, отсюда и проистекали два пагубных пристрастия галицкого княжича — к вину и женщинам.¹⁴⁰

Хорош или плох был Владимир по своим личным качествам, но именно он стал единственным наследником Осмомысла. Положение Владимира представлялось еще более прочным в силу того, что он приходился племянником владимиристо-суздальскому князю Всеволоду, успевшему показать себя достойным преемником своего старшего брата, Андрея Боголюбского. Волей судьбы Всеволод был вознесен к вершинам власти из самого бесперспективного положения. Мы уже встречались с ним осенью 1173 г. под Киевом, но тогда еще трудно было разглядеть его в толпе младших князей, которым раздавал приказы Святослав Всеволодич. С тех пор положение разительно переменялось. Муромские и рязанские князья были у Всеволода чуть ли не в «подручниках»; Новгород на протяжении многих лет оставался под его контролем; два властителя Киевской земли — Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич — предпочитали жить с ним в мире и согласии. Отблеск славы владимиристо-суздальского князя падал и на его племянника; дружба с Владимиром могла стать мостом

к союзу с Всеволодом. Взвесив все эти обстоятельства, Роман решил, что в его интересах возобновить давний союз Волыни и Галича.

В июле 1188 г. Всеволод Владимиро-Суздальский выдавал замуж свою любимую 8-летнюю дочь Верхуславу за 15-летнего Ростислава Рюриковича.¹⁴¹ Отец жениха устроил в Белгороде невиданные прежде по размаху свадебные торжества; одних князей собралось более двадцати. Имен летописец не называет, но нельзя сомневаться в том, что среди самых почетных гостей были и Роман Волынский — шурин жениха, и Владимир Галицкий — двоюродный брат невесты. Именно эта знаменитая свадьба и должна была подсказать Роману образ действий в отношении галицкого князя. Может быть, уже во время свадебного пира, за чашей вина, Роман сумел с Владимиром о чем-то договориться. Так или иначе было дело, но вскоре Роман уже выдавал свою дочь Феодору замуж — за старшего сына Владимира.¹⁴²

Возраст княжны Феодоры неизвестен. Выше мы видели, что Роман женился на дочери Рюрика не ранее 1181 г.; следовательно, дочь от этого брака в 1188 г. была не старше 6 лет.¹⁴³ Как известно, малолетством невесты в те времена легко пренебрегали. Однако хронологические выкладки показывают, что и жених не достиг еще к 1188 г. брачного возраста. Это уже само по себе довольно странно, но еще более странно другое: Романа почему-то не смутило скандальное происхождение этого жениха. В свое время Ярослав Осмомысл женил 15-летнего сына, как это было принято, на княжеской дочери.¹⁴⁴

Княжеский пир. Миниатюра Радзивилловской летописи, л. 222. XV в.

Однако Владимир, которому законная супруга пришлось не по сердцу, через несколько лет оставил ее ради другой женщины. Это была бывшая попадья, отнятая Владимиром у законного мужа. Именно она и стала матерью двух сыновей Владимира, старший из которых в 1188 г. должен был вступить в брак с дочерью Романа.¹⁴⁵

Когда Владимир стал галицким князем, он ввел свою любовницу в княжеский терем и требовал, чтобы к ней относились как к настоящей княгине.¹⁴⁶ Судьба законной жены Владимира неизвестна, но даже если допустить, что к этому времени она умерла, «гражданский брак» нового галицкого князя — с бывшей попадьей — все равно не мог быть признан церковью законным, ибо для жены священника развод невозможен. Таким образом, Роман выдавал свою единственную дочь за *незаконнорожденного*, да еще и в спешке — не дожидаясь совершеннолетия жениха. Это показывает нам, насколько важным представлялся Роману этот брак — залог союза с галицким князем. Однако вскоре суждения нашего героя самым решительным образом переменились.

Видимо, уже во время связанных со свадьбой многочисленных пересылок бояр Роман узнал о недовольстве в Галиче княжением Владимира, успевшего проявить себя пьяницей и развратником («где улюбив жену или чью дочь, поймаешь насильем»).¹⁴⁷ Главный грех нового князя, с точки зрения бояр, был все-таки иной: нежелание советоваться с ними, склонность к самовластью («думы не любяшеть с мужи своими»).¹⁴⁸ Роман сумел столкнуться

с недовольными боярами, которые составили заговор в его пользу. В самом Галиче они открыто выступить не могли, опасаясь «приятелей» Владимира, т. е. княжеских любимцев, которых нельзя было надеяться привлечь на свою сторону. Всякая попытка дальнейшего расширения заговора чревата была его разоблачением. Не решившись ни убить своего князя, ни хотя бы арестовать его, как поступили в свое время отцы их с Ярославом, недовольные бояре подняли мятеж вне града. Они стянули к Галичу свои полки и уже под их защитой, утвердившись в своем намерении общей клятвой, послали князю своего рода ультиматум. Явное восстание оправдывалось нежеланием впредь выносить унижения, кланяясь «попадье», которая объявлялась достойной смерти. Князю предлагалось взять себе иную жену — разумеется, княжескую дочь, служить которой боярам было бы не зазорно.¹⁴⁹

Мятежники знали наперед, что условия их не будут приняты. Цель их состояла в том, чтобы запугать князя возможностью повторения слишком хорошо известных ему событий (в юности Владимир, как мы помним, сам был вдохновителем боярского мятежа, в ходе которого с возлюбленной его отца Настасьей расправились жесточайшим образом). Не надеясь на верность галичан, Владимир вознамерился искать помощи у венгерского короля. В сущности, среди ближайших соседей ему больше и не к кому было обратиться. Поляков он успел до такой степени раздражить своими бесчинствами во время одного из пограничных набегов, что этого русского князя, если верить Винцентию, считали достойным быть вздернутым на дыбу.¹⁵⁰ Волынские князья, конечно, приняли бы сторону своего галицкого собрата в его конфликте с боярами, особенно если бы этого захотел Роман, с которым Владимир только что породнился. Однако именно здесь галицкого князя ожидало самое жестокое разочарование. Может быть, первое время он ничего не знал о предательстве Романа и его роли в возникновении мятежа, но очень скоро все это слишком явно обнаружилось. Когда по городу пронеслась весть о готовящемся бегстве князя (Владимир ехал со всей своей семьей, большими материальными ценностями и дружиной), тайные сторонники Романа в Галиче немедленно перешли к активным действиям. Они успели закрыть перед князем городские ворота и потребовали передать им дочь Романа Феодору. Ни одна из сторон не хотела кровопролития, и соглашение быстро было достигнуто.¹⁵¹ Владимир лишился ценной

заложницы, но получил возможность покинуть Галич. Вскоре туда беспрепятственно вступил Роман.

Польский хронист Винцентий предлагает нам свою версию этих событий, помещая их непосредственно после длинного рассказа об участии Казимира в борьбе за Берестье (которая закончилась, как мы помним, переходом этого города под власть Романа). В случае с Галичем Винцентий предельно лаконичен: «Щедрый Казимир дает этому (Роману. — А. Г.) за заслуги также Галицкое королевство, изгнав тамошнего князя Владимира».¹⁵² Здесь перед нами чистый вымысел (или, как говорили в старину, «басня»): в подробном повествовании Ипатьевской летописи, сохранившей текст киевского свода 1198 г., нет ни малейшего намека на какое-либо участие поляков в изгнании Владимира из Галича. Более того — из той же летописи мы узнаем, что Казимир Краковский вовсе не горел желанием помочь своему племяннику в удержании добытого им галицкого стола. А помощь Роману потребовалась очень скоро: Владимир уже возвращался из Венгрии с сильным войском, которое вел сам король.

Вряд ли Роман мог предвидеть такое развитие событий: волынские князья были в довольно близком кровном родстве с венгерским королевским домом.¹⁵³ Роман вправе был ожидать от короля Бельи III дружественного нейтралитета. В не столь уж отдаленном прошлом существовал союз Венгрии и Волыни, направленный против Галича, где княжил тогда дед Владимира, носивший то же имя. Это был весьма предприимчивый, смелый до дерзости, ловкий и не разбиравший средств ради выгоды правитель — совсем не похожий на своего незадачливого внука. Однажды враги соединенными силами разбили его наголову и заперли в Перемышле, но Владимир все равно сумел выкрутиться и вышел сухим из воды, проявив при этом чудеса дипломатической хитрости.¹⁵⁴ Когда же опасность миновала, Владимир попросту отказался выполнять навязанные ему победителями условия мира.¹⁵⁵ При сыне его, знаменитом Ярославле Осмомысле, Галицкое княжество настолько усилилось, что вмешиваться в его дела стало уже неблагоприятно. Венгры при Ярославе ни разу не отважились перейти Карпаты. Автор «Слова о полку Игореве» славил могущественного галицкого князя, который «подпер горы Угорские своими железными полками, заступив королю путь...».¹⁵⁶ И вот теперь, всего через год после смерти Осмомысла, его беспутный сын сам вел давних врагов своего рода на Галич!

Роман не решился дать сражение венграм. Среди галицких бояр, конные дружины которых составляли основную боевую силу, не было единомыслия. Многие бояре ничем не провинились перед Владимиром и не имели оснований опасаться мести с его стороны; перед боем, увидев силу венгров, некоторые из них наверняка перешли бы на сторону природного своего князя, увлекая за собой колеблющихся. Для Романа это означало бы верное поражение, а может быть, даже плен или гибель.¹⁵⁷ Сесть в осаду в Галиче было еще более опасно. Поэтому Роман счел за благо оставить город вместе с пожелавшими последовать за ним боярами (т. е. с наиболее надежными и преданными людьми). При этом Роман захватил «весь добыток» Владимира.¹⁵⁸ Вряд ли речь идет о разграблении движимого имущества галицкого князя, ибо самое ценное («злато и сребро много») тот успел вывезти в Венгрию.¹⁵⁹ Видимо, летописец имел в виду некие новые поступления в казну (важным источником дохода галицких князей, как уже говорилось, были средства от продажи соли).

Перед началом своей галицкой авантюры Роман уступил старший стол родовой волости — владимирский — своему брату Всеволоду. Судьба пока благоволила к младшему из Мстиславичей. Унаследовав после скорострительной смерти Святослава Белз и Червен,¹⁶⁰ Всеволод получил теперь и главный город западной Волыни. Видимо, Всеволод с недоверием относился к затее старшего брата, и Роману даже пришлось уговаривать его сесть во Владимире. Дело дошло до торжественной присяги: Роман в присутствии Всеволода целовал крест на том, что впредь не будет предъявлять своих прав на Владимир.¹⁶¹ Когда же великие замыслы Романа в одночасье рухнули и он появился у стен Владимира в качестве бесприютного беглеца, Всеволод отказался впустить старшего брата в город. При этом он ссылался на его клятвенное отречение от владимирского стола.

Так Роман стал князем без княжества. Жену свою он отправил к тестю во Вручий вместе с женами сопровождавших его галицких бояр, а сам поехал за помощью в Польшу. Видимо, прежде всего он должен был явиться в Краков к дяде Казимиру, который был весьма к нему расположен (если, конечно, верить польскому хронисту Винцентию). К этому времени венгерский король успел прибрать к рукам богатый Галич, посадив там вместо Владимира своего собственного сына, королевича Андрея. Ради этого король провел в Галиче политическую реформу, увеличившую роль бояр в управлении княжеством.¹⁶² Кроме

того, король завязал тайные переговоры с киевским князем Святославом Всеволодичем и обеспечил его нейтралитет, сумев заинтересовать некими обещаниями.¹⁶³ Разделив таким образом двух властителей Киевской земли, Святослава Всеволодича и Рюрика Ростиславича, он сделал их совместные действия почти невозможными. В Кракове обо всем этом, конечно, ничего не знали. Но стоило ли Казимиру ссориться с королем Венгрии ради Романа, в чрезмерном усилении которого он совсем не был заинтересован? Летописец Ростиславичей лаконично сообщает, что Роман не получил помощи в Польше.¹⁶⁴

Потерпев неудачу в Кракове, Роман отправился к тестю, находившемуся в то время в Белгороде. Несколько месяцев назад князья веселились здесь на свадьбе старшего сына Рюрика. Пятнадцатилетний Ростислав не имел еще никакого военного опыта; Роман готов был предоставить молодому князю возможность приобрести его. Представ перед Рюриком в окружении галицких бояр, Роман объявил тестю: «Ведут меня галичане к себе на княжение; пусти же со мною сына своего Ростислава».¹⁶⁵ В предстоящем походе на Галич дружина Ростислава нужна была Роману гораздо больше, чем его приятная компания. Рюрик прекрасно понимал это. Выполнив просьбу Романа, он послал вместе с юным Ростиславом своего воеводу (с явной целью избежать вовлечения в какую-нибудь новую авантюру). Будучи организатором всего предприятия, Роман даже не получил возможности распоряжаться по своему усмотрению выпрошенным у тестя вспомогательным отрядом! Большое дело так не делается, и нашему герою оставалось только рассчитывать на удачу.

На подходе к пограничному галицкому городу Пресньску Роман решил захватить его внезапным набегом. С этой целью он выслал вперед отряд своих воинов. Однако горожане успели закрыть ворота. Вслед за этим воины Романа сами подверглись внезапному нападению венгров и галичан. Некоторые попали в плен, другие спаслись бегством и принесли своему князю эту печальную весть. Роман сразу понял, что недооценил своих врагов: претендента на галицкий стол явно ждали и к встрече хорошо подготовились. В его положении вождя бродячей дружины нечего было и думать о продолжении борьбы; требовались ресурсы всей прежней его волости и наличие сильных союзников.

Роман прервал поход, отпустил своего юного шурина домой, а сам отправился в Польшу к Казимиру. Однако и вторая попытка получить

помощь от малопольского князя оказалась безрезультатной. Поддержал Романа другой его дядя — великопольский князь Мешко III Старый.

Правда, Мешко тоже не горел желанием воевать с венграми, зато согласился помочь Роману против засевшего во Владимире младшего брата. Но неудачи прямо-таки преследовали Романа: под Владимиром новоявленные союзники ничего не добились. Мешко отправился восвояси, а Роман снова поехал к Рюрику. Тот дал беспокойному зятю Торческ — главный город «черных клобуков». Одновременно Рюрик отправил к младшему брату Романа свое посольство и весьма решительно пригрозил ему. Всеволод понял, что спокойно княжить во Владимире ему не дадут, и счел за благо добровольно покинуть стол, принадлежавший по праву рождения его старшему брату. Когда Всеволод ушел в Белз, Роман снова сел во Владимире.¹⁶⁶

В следующем году Роман уже не выступал в роли претендента на галицкий стол: ожидалось включение в игру более крупных фигур. Долгое бездействие двух властителей Киевской земли уже казалось странным. Рупором общественного мнения выступил митрополит Киевский Никифор, который стал укорять их обоих: «Вот, иноплеменники отняли землю отцов ваших, и должно вам было бы потрудиться».¹⁶⁷ Князья не боялись ратных трудов, но никак не могли столкнуться между собой. Рюрик Ростиславич приступил к организации большого похода против захватчиков; Святослав Всеволодич изъявил согласие принять в нем участие и прервал свои переговоры с венгерским королем; был проведен уже и сбор войск, но тут князья-соправители принялись делить шкуру неубитого медведя, не сумели договориться и... отменили едва начавшийся поход!¹⁶⁸

К этому времени среди галицких бояр появились недовольные правлением королевича Андрея. Поскольку Роман вышел из игры, они вспомнили о существовании младшей ветви рода галицких князей, последний представитель которой, приходившийся незадачливому Владимиру троюродным братом, вырос в изгнании. Его-то руководители нового заговора и вознамерились призвать на княжение. Молодой князь, совершенно не знавший расстановки сил в регионе, позволил вовлечь себя в авантюру и вскоре трагически погиб, преданный перед решающим боем у стен Галича теми самыми людьми, которые и обещали возвести его на галицкий стол.¹⁶⁹ Для нас этот эпизод интересен тем, что вполне наглядно показывает, какова была бы

судьба Романа, если бы он продолжал упорствовать в своем намерении овладеть Галичем.

Между тем раздраженные двурушничеством галицких бояр венгры перестали заигрывать с ними и повели себя как обычные оккупанты. Местным жителям всячески демонстрировали их полную беспомощность перед произволом пришельцев: бесчестили их жен и дочерей, обращали в конюшни православные церкви и дома частных лиц, чинили иное насилие... Вскоре короткое княжение беспутного Владимира стало казаться галичанам едва ли не золотым веком.¹⁷⁰ Почва для возвращения законного князя была подготовлена, и как раз в это время ему удалось бежать из венгерского плена.

Король обращался с Владимиром далеко не самым худшим образом; для него был разбит шатер на верхней площадке высокой каменной башни, с ним оставались жена и оба сына. Мало кто из знатных пленников оказывался в столь комфортных условиях.¹⁷¹ Вряд ли, однако, ограбленный и жестоко обманутый королем галицкий князь испытывал по отношению к нему чувство благодарности. К чести Владимира, он не пал духом и не предался беспробудному пьянству. На первый взгляд положение его было вполне безнадежным, но недаром говорят, что нужда — мать изобретательности. Сумев привлечь на свою сторону двух стражников, Владимир тщательно все продумал и дожидался только удобного часа. Однажды безлунной ночью, когда подкупленные им стражники были в карауле, Владимир изрезал свой шатер на полосы, свил прочную веревку, спустился по ней с башни и растворился в темноте.¹⁷²

Была ли организована погоня, где искали Владимира, что случилось с его женой и сыновьями — ничего этого мы не знаем. Сам же он вскоре объявился при дворе германского императора («цесарь Немецкый» русских летописей). Имени «цесаря» в летописях нет. Принято считать, что это был Фридрих I Барбаросса. Хронологические выкладки опровергают это укоренившееся заблуждение: на самом деле Владимиру пришлось иметь дело с сыном и преемником Барбароссы — Генрихом VI (см. Дополнение 2). Владимир принят был при дворе императора «с великою честью» — главным образом благодаря близкому кровному родству с Всеволодом Владимиро-Суздальским,¹⁷³ который носил титул великого князя и считался могущественнейшим человеком на Руси. Автор «Слова о полку Игореве» утверждал, обращаясь к Всеволоду, что тот может Волгу веслами раскропить и Дон шлемами

вылить; разумеется, это гипербола, но можно вспомнить, что старшему брату Всеволода Андрею Боголюбскому молва приписывала сбор для похода на Киев в 1173 г. 50-тысячного войска.¹⁷⁴ Видимо, слухи о военной мощи владими́ро-суздальских князей дошли и до «немецкого цесаря»; сила, как известно, всегда вызывает уважение.

Итак, Владимир был принят «с великою честью», но ему требовалось нечто гораздо большее, чем почетный прием, — содействие императора в изгнании венгров из Галича. Владимир знал, что 13 лет тому назад польский князь Казимир, поправший права своего старшего брата Мешко, сумел обеспечить невмешательство в польские дела тогдашнего императора, Фридриха I Барбароссы. Для этого понадобилось выплатить императору «трибут» (род дани) и признать его верховное владычество над Польшей (что нисколько не мешало Казимиру быть полновластным правителем в Кракове). Теперь и Владимир пошел тем же путем, обязавшись ежегодно выплачивать императору 2000 гривен серебра.¹⁷⁵ В его положении это был гениальный тактический ход: статус его сразу повысился. Все еще оставаясь князем без княжества, в глазах преемника Барбароссы Владимир занял уже вполне определенное место в ряду его вассалов — рядом с Казимиром,¹⁷⁶ которому как ближайшему соседу галицкого изгнанника и приказано было восстановить его поправные права.¹⁷⁷

Легко представить себе, какое брожение умов вызвало в Кракове появление Владимира в сопровождении немецкого посольства. Ради интересов галицкого князя, которого здесь считали заклятым врагом, немцы требовали разорвать союз с королем Венгрии и начать войну против его сына! Казимир оказался между двух огней. Если бы он уклонился от исполнения своих обязанностей вассала, император немедленно признал бы законность притязаний на Краков Мешко III и даже, пожалуй, оказал бы ему военную помощь. Выполнение же требования императора привело бы к взрыву общественного негодования и усилению оппозиции, ибо часть краковской знати, видимо, перешла бы в ряды тайных сторонников Мешко III.¹⁷⁸

По здравом размышлении Казимир счел за благо не раздражать императора и пренебречь потенциальной опасностью, устранив явную. Общественное недовольство можно было смягчить, представив вынужденное примирение с Владимиром как акт доброй воли и христианского милосердия.¹⁷⁹ Вскоре польское войско во главе с воеводой Николаем, знатнейшим из сановников Казимира, двинулось

на Галич.¹⁸⁰ Деталей похода мы не знаем, но задача восстановления власти Владимира оказалась легче, чем можно было ожидать. Его подданные везде с восторгом встречали природного своего государя,¹⁸¹ поэтому поляки не встретили на своем пути никакого сопротивления. Королевич Андрей был изгнан; 6 августа 1190 г. («на Спасов день») Владимир торжественно вступил в Галич.¹⁸²

После ухода поляков Владимир остро ощущал непрочность своего положения: на Руси слово императора веса не имело. Поэтому Владимир сразу же решил заручиться поддержкой своего дяди Всеволода. Называя великого князя своим отцом и господином, Владимир просил помочь ему удержаться в Галиче, обещая всегда и во всем быть в его воле.¹⁸³ Означает ли это, что Владимир изменил императору и вознамерился переменить сюзерена? Ответ должен быть отрицательным. Во-первых, галицкий князь по-прежнему был заинтересован в дипломатическом давлении немцев на его западных соседей (союз с Польшей только этим и держался, к тому же сохранялась угроза со стороны Венгрии). Во-вторых, отношения Владимира с великим князем Всеволодом вообще не могли строиться по той феодальной модели, которую галицкий князь вынужден был принять в отношениях с германским императором.

Дело в том, что на Руси совершенно не разработана была система вассалитета. В отличие от европейских герцогов и графов, русские князья той эпохи получали свои владения («волости») не в качестве пожалований с условием военной службы, а в соответствии с нормами древнего родового права.¹⁸⁴ Если младшие князья участвовали в походах старшего в роде, то не потому, что были связаны с ним какими-то юридическими обязательствами, а потому, что глава рода воплощал в себе священную особу отца.¹⁸⁵ Внутри каждого рода после смерти его главы всякий раз происходил передел общей «отчины»,¹⁸⁶ причем великий князь не имел к этому процессу ни малейшего касательства.¹⁸⁷ В результате каждый третьестепенный князь являлся полным хозяином своей захудалой волости, не говоря уже об усилившихся местных князьях вроде Ярослава Осмомысла. Никакого государя над измелъчавшими князьями не было (был, правда, старший в роде, но это совсем не одно и то же). Один младший современник героев нашего повествования — умный, образованный и наблюдательный католический священник, описавший завоевание немцами Прибалтики в 1200–1224 гг., — прекрасно уловил это своеобразие правового

положения русских князей: их всех, включая самых незначительных, он именует в своей хронике *королями*.¹⁸⁸ Надо признать такой подход вполне оправданным, ибо хозяйина всей Руси — суверена, которому другие князья обязаны были бы служить, — попросту не существовало. Он появится впервые только в 1243–1245 гг. в лице татарского «царя» — видимо, к некоторому облегчению для самих князей, уставших от сложности и неопределенности отношений между ними. Через каких-нибудь 9 лет после назначения Батыем Ярослава Всеволодича старшим князем на Руси¹⁸⁹ новая система уже будет казаться совершенно естественной, и владими́ро-суздальский летописец будет язвительно комментировать попытку младшего брата Александра Невского выйти из повиновения завоевателям: «здума Андреи князь Ярославич с своими бояры бегати, нежели цесарем (татарским царям. — А. Г.) служити».¹⁹⁰

Вернемся, однако, к Владимиру Галицкому. Двойственность его правового положения, возникшая в 1190 г., представляет для нас большой интерес, поскольку впоследствии, уже после его смерти, в Галиче все-таки утвердился наш главный герой Роман. Наследием галицкого князя, кроме его богатств и его власти, вполне могли стать и какие-то его обязательства. Если Владимир действительно решил стать «слугой двух господ», то на каких условиях? На Западе феодальный властитель мог иметь двух сюзеренов одновременно только в том случае, если находившиеся в его распоряжении «лены» («феоды», «фьефы») были разного происхождения. Понятно, что правовой казус с Владимиром Галицким совершенно иной: до вступления в договорные отношения с императором он был законным верховным властителем своего княжества, которое и должен был целиком передать императору, чтобы получить обратно уже в качестве ленного владения. Ничего подобного в отношениях Владимира с великим князем Всеволодом представить себе нельзя: если на Западе верхний слой общества давно уже был пропитан насквозь феодальной идеологией, то на Руси князья все еще пытались строить свои отношения в соответствии с понятиями, восходящими к эпохе родового быта. Особо показательны в этом отношении события начала 70-х гг. XII в., т. е. времен юности наших героев; Роман и будущий великий князь Всеволод даже приняли в них участие, хотя и на третьих ролях. Тогда хорошо известные нам Ростиславичи «нарекли собе отцем» Андрея Боголюбского и благодаря этому маневру получили Киев.¹⁹¹ Однако

очень скоро выяснилось, что стороны понимали условия достигнутого между ними соглашения совершенно по-разному. Как только Андрей вышел из роли благодетеля-патриарха и захотел распоряжаться Ростиславичами в качестве самовластного государя, он встретил очень жесткий отпор. Решительно разрывая с ним отношения, Ростиславичи заявили прямо и недвусмысленно, что они — полновластные князья, а не какие-нибудь «подручники».¹⁹² Дальнейшие события 1173 г., которые в конечном счете привели в Киев дядю Романа Ярослава Луцкого, нам уже известны.

Итак, Ростиславичи готовы были признавать только моральный авторитет великого князя, но никак не право повелевать ими; характерно их обращение к Андрею из цитируемого летописцем послания: «Брате, въ правду тя нарекли есмы отцем собе».¹⁹³ 17 лет спустя Владимир Галицкий обращается к преемнику Андрея Всеволоду совершенно иначе: «Отче господине!» (по крайней мере, так дело представлено на страницах летописи Ростиславичей; впрочем, нас в данном случае интересуют только политические идеи, поэтому аутентичность этого обращения на втором плане). Казалось бы, что сопоставление двух обращений раскрывает изменения, совершившиеся в сознании нового поколения князей (в первом случае предполагается традиционная патриархальная модель взаимоотношений типа «отец и дети», во втором — как будто бы уже модель нового типа: «господин и слуги»). На самом деле это не так. Использованная Владимиром Галицким формула почтительного обращения восходит к весьма популярному памятнику древнерусской письменности — «Сказанию о Борисе и Глебе»: здесь со словами «Отче господине!» мысленно обращается Борис к своему недавно скончавшемуся отцу, великому князю Владимиру.¹⁹⁴ Владимир Галицкий в 1190 г. использует освященную литературной традицией этикетную формулу обращения почтительного сына к *родному* отцу, а вовсе не просится в «подручники» к дядюшке. Оба князя остаются в узких рамках традиционного мышления. Владимир обещает Всеволоду чтить его как родного отца, быть в его воле (как это и подобает сыну), но никаких юридических обязательств между договаривающимися сторонами нет.

Такая вполне патриархальная модель отношений между князьями сохранялась на юго-западе Руси очень долго. При описании событий 60-х гг. XIII в. летописец сообщает, что волынский князь Василько Романович (младший сын нашего главного героя) оказывал военную

помощь литовскому князю Войшелку, потому что тот признавал Василька своим отцом и господином.¹⁹⁵ Поскольку литовское общество XIII в. было вполне варварским, очень трудно отстаивать мысль, что отношения между литовским и русским князьями строились по типу отношений феодальных («вассал–сюзерен»). Скорее уж перед нами одна из форм неравноправного союза (причем союза вполне эфемерного — ничем не скрепленного, кроме доброй воли двух властителей).

Как видим, историческое развитие общества на Руси не выработало к концу XII в. (и даже значительно позже) терминов и понятий, аналогичных европейским феодальным. Впрочем, именно поэтому в 1190 г. одна и та же территория, правителем которой являлся Владимир Галицкий, в одно и то же время легко могла быть встроена в две совершенно независимые системы координат. Характерно, что русский летописец представляет нам обязательства Владимира перед императором как чисто финансовые, а перед великим князем Всеволодом — как чисто политические. Подобные казусы известны, и за примером далеко ходить не надо. Зеркальным повторением того положения, в котором оказался в 1190 г. Владимир Галицкий, является положение рижского епископа Альберта в 1210 г., когда он тоже оказался имеющим двух сюзеренов одновременно: германского императора Оттона IV и полоцкого князя Владимира. Обязательства рижского епископа перед императором были чисто политические; более того, в 1207 г. предшественник Оттона Филипп Швабский обещал оказывать епископу-вассалу ежегодную материальную помощь в размере 100 марок.¹⁹⁶ А вот обязательства перед полоцким князем, принятые рижским епископом в 1210 г., были чисто финансовые: выплата дани за принявших крещение по латинскому обряду ливов.¹⁹⁷

Представляется очевидным, что в глазах императора Генриха VI Галицкое княжество с 1190 г. являлось имперским леном. Однако великий князь Всеволод мог преспокойно использовать галицкого князя в той сложной системе сдержек и противовесов, которую он выстраивал на Руси, нимало не заботясь о том, платит ли племянник «цесарю немецкому» дань.

Решающую роль в упрочении положения Владимира наш летописец приписывает вмешательству Всеволода. Его послы побывали у всех русских князей, которые были соседями Владимира, а также в Венгрии и Польше; везде они добились клятвенного отказа

от притязаний на галицкий стол.¹⁹⁸ На Руси успех этого посольства понятен (кстати говоря, совершенно ясно, что и Роман, вместе с другими заинтересованными лицами, вынужден был целовать крест «Галича не искати»). Однако Всеволод не имел никаких реальных рычагов воздействия даже на польского князя, имевшего открытую границу с Русью, не говоря уже про грозного венгерского короля, обширные владения которого, не уступавшие по площади Англо-Французскому государству Ричарда Львиное Сердце, были отгорожены от Руси хребтом Карпат. Успех посольства Всеволода в Польше и Венгрии представляется невозможным без содействия имперской дипломатии. Вряд ли Владимир Галицкий пренебрег взятым на себя обязательством выплачивать императору дань. Видимо, пресловутые 2000 гривен все-таки были выплачены — по меньшей мере однократно (что создавало очень ценный для имперских властей прецедент). Зато враги Владимира Галицкого были нейтрализованы, и с этого времени он мог княжить спокойно.

Оценим теперь последствия затеянной Романом авантюры. Все как будто бы вернулось на круги своя, однако сложная система взаимоотношений между князьями существенно изменилась, и совсем не в пользу возмутителя спокойствия. Отношения его с младшим братом были испорчены; галицкий князь из потенциального союзника превратился в непримиримого врага; имперская дипломатия получила в свои руки козырную карту в виде прецедента с Владимиром Галицким; возросла роль в регионе владими́ро-суздальского князя, который и без того имел слишком большое влияние на Рюрика Ростиславича. В результате свобода действий Романа стала весьма ограниченной.

Примечательна роль Романа в польской усобице 1191 г., когда краковские вельможи, недовольные разрывом с венграми и восстановлением власти Владимира в Галиче, составили заговор и во время отъезда Казимира из города ввели туда Мешко. Оба Мстиславича, Роман и Всеволод, пришли на помощь Казимиру, который немедленно двинулся на Краков. При известии об этом Мешко благоразумно удалился, не желая подвергать себя превратностям осады, но оставил в городе сына Болеслава с сильным гарнизоном. Впрочем, Болеслав вскоре сдался своему дяде и был отпущен к отцу.¹⁹⁹ Таким образом, с помощью русских князей положение быстро и без особого труда было восстановлено (дело даже не дошло до кровопролития).

На первый взгляд кажется несколько странным, что Роман в этом конфликте оказался на стороне Казимира и выступил против Мешко, хотя три года назад Казимир отказал ему в помощи, а Мешко пытался помочь, хотя и безуспешно. Однако в большой политике, как известно, нет места ни чувству злопамятности, ни благородным порывам. Роман был кровно заинтересован в установлении прочных союзнических отношений не с каким-либо физическим лицом, а с властителем Кракова; следовало сделать ставку на того из двух соперников, который имел больше шансов удержать под своей властью столицу Малой Польши. Достаточно очевидно, что это был Казимир, княживший там уже 14 лет и успевший пустить корни в местную почву. Кроме того, не следует забывать, что Роман в неблагоприятной для него политической ситуации вынужден был оглядываться на мнение своего тестя, а Рюрик Ростиславич, конечно же, стоял за Казимира, женатого на его сестре.²⁰⁰ Любопытно, что и «соправитель» Рюрика, княживший в Киеве Святослав Всеволодич, был в свойстве с Казимиром.²⁰¹

После счастливого возвращения в Краков, т.е. не ранее 1192 г., Казимир предпринял поход против воинственных язычников — ятвягов.²⁰² Винцентий утверждает, что на пути в землю ятвягов Казимир завоевал Дорогичин — город, являвшийся столицей отдельного русского княжества («caput est principatus»); местный князь, ранее поддерживавший язычников, сдался и «принял условия вечного рабства».²⁰³ Напрасно некоторые историки воспринимают всерьез этот рассказ: может быть доказано, что расположенный недалеко от принадлежавшего Роману Берестья Дорогичин тоже являлся наследственным владением нашего героя.²⁰⁴ Не названный по имени князь Дорогичина — персонаж вымышленный; Винцентий просто рассказывает нам свою очередную «басню». Попытка Казимира взять под контроль стратегически важный Дорогичин неизбежно привела бы к конфликту с Романом. Между тем источники не сообщают о каких-либо неприятных недоразумениях в отношениях между Романом и Казимиром. Даже после скоростижной смерти Казимира (в 1194 г.) Роман остался верен союзу с Краковом; отсюда ясно, что у нашего героя не было никаких территориальных претензий к сыновьям покойного.

Глава пятая

ПУТЬ К ВОЗВЫШЕНИЮ: 1194—1199 гг.

Судьба малопольского князя Казимира — дяди Романа, которого Винцентий изображает покровителем нашего героя, оказалась весьма необычной. Все княжичи — как в Польше, так и на Руси — рождались для того, чтобы повелевать людьми. Казимир, не получивший по завещанию отца никаких владений, стал редким исключением из общего правила. В юности он некоторое время обретался в качестве заложника при дворе германского императора, а затем долгие годы жил в тягостном бездействии под бдительным присмотром одного из своих старших братьев. Реальную власть Казимир получил очень поздно — «земную жизнь пройдя до половины». Своеобразный жизненный опыт, вероятно, наложил отпечаток на его личность. Судя по известиям Винцентия, Казимир выгодно отличался от других князей того времени: он пользовался властью с разумной осторожностью и не позволял себе злоупотреблений. С легкой руки знаменитого хрониста, благоговевшего перед памятью этого князя, Казимир вошел в польскую историю с прозвищем Справедливый. На протяжении двух десятилетий он неизменно был счастлив во всех своих начинаниях. Однако где власть, там и обиды: даже этот замечательный и практически идеальный (по Винцентию) правитель имел врагов среди своих приближенных. Сам ход событий показывает, что кому-то Казимир был совсем уж поперек горла. Трагическая развязка наступила в 1194 г. Однажды на пиру, в разгар всеобщего веселья, когда восседавший во главе стола князь предлагал окружающим его духовным особам некоторые вопросы о спасении души, он отпил немного вина из своего бокала и тотчас упал мертвым.²⁰⁵

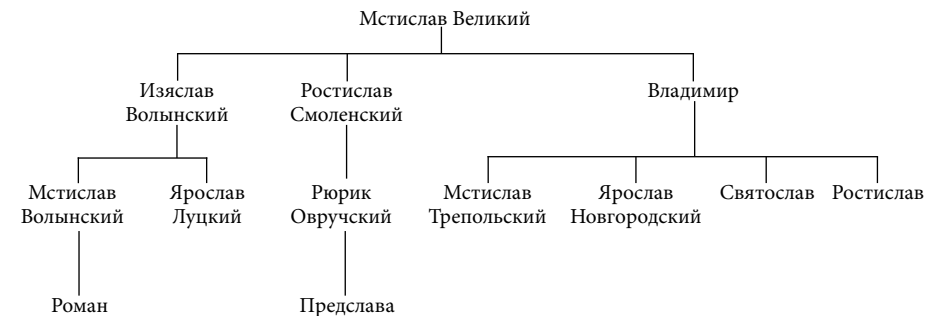
После скоростижной смерти Казимира Роману пришлось иметь дело с его малолетними сыновьями — Лешко и Конрадом, а точнее,

с «опекунским советом» при них, состоявшим из вдовы Казимира (по происхождению русской княжны), краковского епископа Пелки и воеводы Николая. Великопольский князь Мешко III не отказывался от притязаний на Краков, и Роману снова предстоял непростой выбор политической ориентации. При этом в его собственном положении произошли большие перемены.

Летом 1194 г. в Киеве умер Святослав Всеволодич.²⁰⁶ Старшим среди Ольговичей был теперь его младший брат Ярослав, княживший в Чернигове. Было бы вполне естественным, если бы именно он занял киевский стол, однако этого не произошло: Киев после смерти Святослава поспешил занять Рюрик Ростиславич, заручившийся поддержкой великого князя Всеволода.²⁰⁷ Это был настоящий политический переворот, который легко мог (и даже должен был) привести к войне с Ольговичами. Рюрик теперь, как никогда, нуждался в прочных тылах. Именно в этом и следует видеть причину последовавшего вскоре сближения Рюрика с Романом. Рюрик передал зятю сразу пять городов на Киевщине — Торческ, Треполь, Корсунь, Богуславль, Канев.²⁰⁸

Предыстория этой вновь сформированной волости представляет большой интерес. В свое время отец Рюрика, великий князь Ростислав Мстиславич, передал Торческ и Треполь (вместе с Белгородом) своему племяннику, волынскому князю Мстиславу Изяславичу (отцу Романа); чуть позже Ростислав передал Треполь вместе с четырьмя иными, не названными летописцем городами своему младшему брату Владимиру, а Мстислав Волынский получил вместо Треполя Канев.²⁰⁹ Если бы на Руси во второй половине XII в. существовали нормальные (европейского типа) феодальные отношения, то две волости, выделенные великим князем Ростиславом для младших князей, оставались бы в их владении, невзирая на перемены верховной власти, а после их смерти перешли бы к их сыновьям. Однако этого не произошло, так как в княжеской среде господствовали не феодальные, а родовые отношения. Всякая серьезная перемена политической обстановки, вызванная смертью князя или его возвышением, становилась поводом для передела волостей; считалось, что при этом старшие князья обязаны хоть как-то «наделить» младших, но в реальной жизни это случалось не всегда. Мы видели, что Роман после вокняжения в Киеве Ярослава Луцкого (осенью 1173 г.) не получил ничего из прежних отцовских владений на Киевщине, которые оказались в цепких руках Ростиславичей. В дальнейшем, в годы засилья

Ростиславичей, Роман пытался проводить независимую политику, ради чего вступил в союз с Ольговичами, но вскоре вынужден был примириться с существующим положением вещей (выражением чего стала его женитьба на дочери Рюрика Ростиславича). Четверо сыновей Владимира Мстиславича, «Володимиричи», находились в еще более сложном положении. Избрав тактику сотрудничества с Ростиславичами, они достигли определенного результата: старший из «Володимиричей», Мстислав, получил небольшой, но важный в стратегическом отношении Треполь.²¹⁰

Летом 1176 г., в самом начале войны Ростиславичей со Святославом Всеволодичем, Мстислав Трепольский перешел на сторону последнего.²¹¹ После окончательного примирения Ростиславичей со Святославом в 1181 г. Рюрик Ростиславич нашел способ вывести Мстислава из Треполя и в дальнейшем распоряжался этим городом достаточно произвольно.²¹² Трое «Володимиричей» (Мстислав, Святослав и Ростислав) сохранили какие-то совсем уж незначительные владения на Киевщине, но при этом оказались в полной зависимости от Рюрика и были у него на посылках.²¹³ Четвертый из «Володимиричей» — Ярослав — избежал той же печальной участи лишь благодаря выгодной женитьбе: став свояком владимиристо-суздальского князя Всеволода, он пользовался его покровительством и на протяжении многих лет княжил в Новгороде.²¹⁴

Для нас особенно важно уяснить, что на Киевщине интересы «Володимиричей» пересекались с интересами Романа. В свое время это будет иметь любопытные последствия.

В апреле 1195 г. неожиданно умер в расцвете сил младший брат Романа Всеволод.²¹⁵ Принадлежавшие Всеволоду города — Белз и Червен — достались не Роману, а двум его малолетним племянникам,

сыновьям Всеволода.²¹⁶ Тем не менее смерть претендовавшего на политическую самостоятельность брата сделала Романа практически полным хозяином Западной Вольны. Наш герой стремительно набирал силу. Такое развитие событий на юге Руси вызвало беспокойство великого князя Всеволода. Прочное, основанное на общности интересов согласие в отношениях между Рюриком и Романом представляло потенциальную угрозу для владими́ро-суздальского князя. Вскоре Всеволод, этот макиавеллист до Макиавелли, начал сеять семена раздора между зятем и тестем. Летом 1195 г. он стал требовать у Рюрика своей доли в Русской земле («Русской землей» в узком смысле называли Среднее Поднепровье, территорию Киевского и Переяславского княжеств). Всеволод прикрывал свое стремление разрушить союз между Рюриком и Романом хорошо разыгранной, публично выраженной обидой старшего в роде, которому предпочли младшего. Послы Всеволода передали Рюрику слова своего князя: «Вы нарекли меня старейшим в потомстве Владимировом (в роде Владимира Мономаха. — А. Г.), а ныне ты, княжа в Киеве, не выделил мне части в Русской земле, но раздал иным, младшим — братии своей, так что мне в ней (в Русской земле. — А. Г.) и части нет. Если так, то вот тебе Киев и Русская область, а кому ты в ней часть дал, с тем ее и блюди и стереги. А как ее с ним удержишь, я посмотрю, а мне до вас дела нет».²¹⁷ Послы Всеволода сообщили также, что великий князь забудет свою обиду, если Рюрик передаст ему волость, выделенную недавно для Романа.

Сначала Рюрик пытался договориться с Всеволодом, предлагая ему иную волость на Киевщине, но тот уперся и даже пригрозил Рюрику войной. После совещания с митрополитом Киевским, который расценил притязания Всеволода как справедливые,²¹⁸ Рюрик обратился к Роману, откровенно объяснил ему положение вещей и без особого труда сумел с ним договориться. Роман согласился обменять спорную волость на какую-нибудь другую или принять от Рюрика денежную компенсацию.

Владими́ро-суздальский князь получил то, что требовал, но не удовлетворился достигнутым. Развивая свою интригу, Всеволод сделал следующий ход: крупнейший из уступленных ему городов, Торческ, он передал своему зятю, уже известному нам старшему сыну Рюрика — Ростиславу. Тут-то Роман и попался на удочку коварного владими́ро-суздальского князя: он заподозрил Рюрика в двойной игре и открыто высказал ему через послов свои подозрения. В самом

деле — легко было подумать, что Рюрик раскаялся в своей чрезмерной щедрости к зятю и обманом выманил у него уступленную волость, чтобы наделить ею собственного сына, лицемерно ссылаясь в оправдание своих действий на волю старшего в роде, Всеволода.²¹⁹

Назревший конфликт зятя с тестем усугублялся неприязненным отношением Романа к жене. Ему уже было под сорок, а долгожданного сына-наследника все не было. Видимо, не было и надежды, ибо Роман решил на развод с дочерью Рюрика Ростиславича. Этот поступок Романа произвел сильное впечатление на современников: отметили его и польский хронист Винцентий,²²⁰ и летописец владими́ро-суздальского князя Всеволода.²²¹ Стыдливо умалчивает о разводе только летописец Рюрика Ростиславича. Зато на страницах его свода неожиданно появляется новое действующее лицо — взрослая и почему-то явно безмужняя дочь Рюрика по имени Предслава.²²² Это не старая дева, ибо таковых попросту не существовало: дочерей надлежало выдавать замуж,²²³ альтернативой могло быть только пострижение.²²⁴ Но перед нами и не монахиня: само имя вполне ясно говорит об этом. Это и не вдова: из контекста легко вывести, что Предслава живет в семье отца, между тем для овдовевшей княгини той эпохи возвращение к отцу воспринималось бы как бесчестье.²²⁵ Но тогда кто же это? Видимо, женщина с разбитой судьбой, лишенная радости материнства, ибо она с энтузиазмом принимает на себя заботу о своей новорожденной племяннице, которую забрали у молодых родителей ради воспитания «на Горах», в уникальной атмосфере этого аристократического квартала древнего Киева.²²⁶ Таким образом, у нас вполне достаточно оснований для отождествления Предславы с той не названной выше летописцем по имени дочерью Рюрика, которая была женой Романа.²²⁷ Отметим, что избранный этой женщиной образ жизни фактически ставил крест на династических планах отвергнувшего ее мужа. Роман не мог вступить в новый брак при живой жене — во всяком случае, до тех пор, пока она не удалится в монастырь. Однако Предславу иноческая жизнь явно не прельщала.

Еще 14 лет назад (до женитьбы на дочери Рюрика, которую мы отнесли к 1181 г.) Роман был союзником Святослава Всеволодича, возглавлявшего тогда родовую клан Ольговичей. Теперь настало время, когда этот давний политический опыт пригодился нашему герою. Роман завязал тайные переговоры с новым предводителем Ольговичей — черниговским князем Ярославом Всеволодичем. Ярослав,

конечно же, был возмущен недавним киевским переворотом, когда после смерти его старшего брата киевским князем оказался вдруг Рюрик Ростиславич. Подталкивая черниговского князя к открытому выступлению против Рюрика, Роман признал право Ярослава на Киев.²²⁸ Сам Роман, видимо, рассчитывал завладеть всей Киевщиной (чтобы нейтрализовать Рюрика и сохранить при этом видимость справедливости, можно было бы оставить бывшему тестю сравнительно отдаленный Вручий). Однако Роману не удалось сохранить свои переговоры с черниговским князем в тайне. Рюрик проведал о них и немедленно послал за помощью к Всеволоду Суздальскому: «Роман сослался с Ольговичами и наводит их на Киев и на все потомство Владимира [Мономаха]; а ты, брат, в потомстве Владимира старше нас, так думай и гадай о Русской земле и о своей чести и о нашей».²²⁹ К Роману Рюрик послал своих бояр, которые обличили его в сговоре с Ольговичами и бросили перед ним «крестные грамоты». Это означало объявление войны.

Роман оказался совершенно не готовым к такому повороту дела. Прежде всего он обратился за помощью в Краков, но как раз в это время против малолетних Казимировичей выступил их дядя Мешко. Роман получил ответ, в котором Казимировичи просили прежде помочь им, обещая потом в свою очередь выступить на его стороне.²³⁰ Роман принял это предложение и вскоре во главе значительного отряда явился в Краков.²³¹

13 сентября 1195 г.²³² объединенные польско-русские силы под предводительством Романа и краковского воеводы Николая встретились с войском Мешко Старого на реке Мозгаве, в значительном удалении от столицы Малой Польши, но недалеко от Енджеёвского монастыря. Местность эта была хорошо знакома польскому хронисту Винцентию, который именно в этом монастыре провел последние годы своей жизни. Однако Винцентий был слишком далек от военного дела, и самая достоверная деталь его рассказа о сражении — упоминание о том, что войска сошлись среди сосновых лесов и зарослей ежевики. Сам ход сражения восстановить по его рассказу нельзя; ясно только, что оно было долгим, кровопролитным и не принесло решающего успеха ни одной из сторон. Сын Мешко Болеслав был убит, сам Мешко ранен и едва избежал гибели; Роман тоже страдал «от немалых и тяжелых ран», потерял много людей и вынужден был наконец оставить поле боя.

Краковский епископ Пелка, находившийся, вместе со всей своей свитой, на почтительном расстоянии от поля боя, был весьма обеспокоен исходом дела. Ближайшей ночью он сумел разыскать Романа (вероятно, это было нетрудно: чтобы вернуться из-под Енджеёва во Владимир кратчайшим путем, Роман должен был идти на восток, к Висле — на Сандомир или на Завихост). Епископ убеждал русского князя вернуться, но Роман отказался, ссылаясь на свои раны и значительные потери; в сложившихся условиях, по его мнению, следовало ограничиться обороной Кракова.²³³ Винцентий признает, что совет Романа оказался дельным: Казимировичам удалось сохранить свою власть над столицей Малой Польши, а как следствие — и над всем княжеством.

Киевский летописец, служивший своим пером Рюрику Ростиславичу, тоже рассказывает об этом сражении — более кратко, чем Винцентий, но не менее выразительно. Роман, изменивший своему тестю и вступивший в сговор с Ярославом Черниговским, изображается как самоуверенный упрямец, распираемый честолюбивыми планами. Сообщается, что Мешко вовсе не хотел доводить дело до битвы и даже просил Романа примирить его с Казимировичами. Русские бояре тоже советовали своему князю заключить мир, но Роман никого не хотел слушать и рвался в бой.²³⁴ Возможно, все так и было, но ведь Мешко мог удовлетвориться только уступкой ему Кракова! Любые мирные переговоры были заведомо обречены, и если Роман от них отказался, то это говорит скорее в его пользу, так как свидетельствует о ясном понимании политической ситуации в Малой Польше. Исход дела в изображении киевского летописца представлен как возмездие Роману за его гордыню: разбитый наголову Роман едва спасся, бежав с поля боя «в город» к Казимировичам.²³⁵ Здесь подразумевается, что битва произошла в непосредственной близости от Кракова.²³⁶ Однако четкое указание Винцентия на место битвы показывает нам, что представление киевского летописца об этих событиях совершенно не соответствует географическим реалиям. Бегство Романа после поражения к Казимировичам в Краков было физически невозможно: расстояние от Енджеёвского монастыря до столицы Малой Польши слишком велико. Более того, Роман и в последующие дни не мог «заехать» в Краков, ибо этот город находится к югу от Енджеёва, а дорога на Владимир-Волынский идет в восточном направлении. Будучи ранен, Роман не мог позволить себе удовольствие ездить по Малой

Польше зигзагами, да еще и с риском наткнуться на неприятельские разьезды. Поэтому сатирически заостренный рассказ киевского летописца нельзя признать исторически достоверным.

Роман скрепил союз с Казимировичами своей кровью, помог малолетним князьям удержать Краков, но его собственное положение после битвы на Мозгаве только осложнилось. Вернувшись с остатком дружины во Владимир, он вынужден был искать мира с Рюриком Ростиславичем. Вскоре при посредничестве киевского митрополита Никифора мир был заключен. Видимо, Рюрик очень опасался Ярослава Черниговского и готов был на серьезные уступки Роману, чтобы избежать войны на два фронта. С целью умиротворения бывшего зятя Рюрик уступил ему небольшую волость на границе Киевщины с Волынью — городок Полоный, а также переадресовал ему часть поступлений в казну киевского князя от области Корсуня.²³⁷

С Ольговичами Рюрик вскоре заключил перемирие;²³⁸ задуманный им зимний поход на Чернигов, у стен которого он должен был объединиться с Всеволодом Владимиро-Суздальским, сорвался из-за неожиданной пассивности Всеволода.²³⁹ Военные действия начались только весной 1196 г. разорением черниговских волостей; затем последовали ответные действия Ольговичей. Мелкие набеги продолжались все лето. Осенью 1196 г. на стороне Ольговичей неожиданно выступил Роман, который без формального объявления войны приказал своим людям разорять земли Рюрика. Базой этих враждебных вылазок стал городок Полоный,²⁴⁰ от Рюрика же и полученный Романом год назад. Поведение Романа оставлено летописцем Рюрика без какого-либо объяснения — видимо, с целью придать его действиям вид особой злокозненности. Рюрик не остался в долгу и организовал нападение на земли Романа, причем сразу с двух сторон. Разорены были окрестности Перемиля (на этом направлении воевали Владимир Галицкий и племянник Рюрика Мстислав) и Каменца (здесь действовали Ростислав Рюрикович и трое «Володимиричей»²⁴¹). Судя по числу князей, принимавших участие в этой военной операции, против Романа были двинуты довольно большие силы. При этом враги Романа все-таки не осмелились продвинуться в глубь его владений.²⁴²

В это самое время великий князь Всеволод вступил наконец в войну против Ольговичей, но вскоре принял предложение Ярослава Черниговского начать переговоры, которые кончились заключением сепаратного мира. Всеволод не стал даже настаивать на одном из своих

предварительных условий — на разрыве союзных отношений между Ярославом Черниговским и Романом.²⁴³ Рюрика Всеволод самым бесцеремонным образом поставил перед фактом, предложив ему присоединиться к уже заключенному им миру. Но Рюрик после столь явного предательства его интересов осознал наконец все коварство Всеволода. Отправив к владимиристо-суздальскому князю послов с изложением своих претензий, Рюрик отобрал у него пресловутые пять городов на Киевщине, из-за которых заварилась вся каша, и раздал их кому-то из младших князей.²⁴⁴ Возможно, это были двоюродные братья Рюрика — «Володимиричи», которые только что продемонстрировали свою верность старшему в роде участием в войне против Романа.

Хотя Рюрик и не признал условий заключенного Всеволодом мира, активные военные действия прекратились. Роман получил возможность отомстить ятвягам, которые последнее время осмелели и стали устраивать набеги на его владения. Зимой 1196/97 г. Роман с большим войском вторгся в их землю. Ятвяги, сознавая подавляющее военное превосходство Романа, избрали тактику уклонения от боя и разбежались по лесным чащобам. Роман прошел по их земле, пожег встретившиеся на его пути опустевшие села и повернул восвояси.²⁴⁵

К сожалению, на этом известия о Ромane в киевском своде обрываются, хотя летописец Рюрика Ростиславича продолжал свой труд на протяжении еще двух лет. Зато мы можем воспользоваться летописной традицией Северо-Восточной Руси, где есть ряд очень интересных (хотя и весьма тенденциозных) известий о Ромane. В качестве причины конфликта Романа с тестем здесь выставляется семейная ссора: «Романко поча пущати дочерь Рюрикову, хотяшеть ю постричи»,²⁴⁶ т. е. «Романко затеял развод с дочерью Рюрика и хотел ее пострижения». Почему летописец великого князя Всеволода позволил себе употребить уменьшительный суффикс, именуя Романа? Разумеется, здесь отразилось отношение к этому князю самого Всеволода. В самом деле, кем мог быть в его глазах Роман? Неудачливым авантюристом; докучным, но не слишком опасным и легко нейтрализуемым возмутителем спокойствия, пешкой в большой игре. Всеволод сумел столкнуть лбами двух наиболее предприимчивых южнорусских князей, Рюрика и Романа; он имел своих ставленников в Галиче и в южном Переяславле; он располагал даже «личным» укрепленным

пунктом на подступах к Киеву с севера (Городец Остерский на Десне).²⁴⁷ Видимо, Всеволод считал себя полным господином положения.

Первым тревожным знаком было упомянутое выше посольство от Рюрика Ростиславича, который фактически обвинил Всеволода в предательстве его интересов. Вторым неприятным эпизодом была кратковременная утрата контроля над Новгородом.²⁴⁸ Созданная Всеволодом политическая система явно расшатывалась. В этой обстановке великий князь решил наконец на тот шаг, которого русские люди ждали от него уже долгие годы: 30 апреля 1198 г. он выступил в поход против половцев.²⁴⁹ Однако продемонстрировать силу своих войск в действии Всеволоду не удалось: половцы от столкновения уклонились. Пройдя по их опустевшим «зимовищам» у Дона, Всеволод повернул назад; 6 июня он уже был во Владимире.²⁵⁰ Этот бесславный поход не произвел впечатления на современников: киевский летописец о нем даже не упоминает.

Неудачное выступление против половцев должно было поколебать миф о всесии владими́ро-суздальского князя. Всеволод, однако, сохранял олимпийское спокойствие. В том же году в южном Переяславле умер его ставленник,²⁵¹ но Всеволод даже не озаботился направить туда какого-нибудь другого князя. Получается, что с этого времени один из старейших и важнейших русских городов управлялся великим князем через посадника (факт очень многозначительный).

Здесь мы подходим к хронологическому рубежу, на котором обрывается повествование Киевской летописи. Владимиро-суздальское летописание велось непрерывно по меньшей мере до 1205 г.,²⁵² но здесь мы тоже находим лагуну — не хронологическую, а смысловую. Ни одна из дошедших до наших дней летописей XIV–XV вв., отражающих традицию времен великого князя Всеволода, не содержит известия о захвате Галича Романом. Надо сказать, что летописец Всеволода вообще очень мало интересовался событиями, не имевшими прямого отношения к делам Северо-Восточной Руси. Характерно, что только из киевского свода мы узнаем о покровительстве, которое великий князь Всеволод оказал в 1190 г. Владимиру Галицкому. Однако смерть галицкого князя, не имевшего законных наследников, была событием общерусского значения (как пролог к неизбежной борьбе за галицкий стол). Перемена власти в Галиче не могла остаться во Владимире на Клязьме незамеченной. Тем не менее владими́ро-суздальский летописец ничего об этом не рассказывает!

Галич был знаменит, среди прочего, потенциальной возможностью выставить очень значительные военные силы. Роман, утвердившись в Галиче, сохранил за собой и Владимир-Волынский (претендентов на освободившийся княжеский стол не было, так как судьба к этому времени избавила Романа от всех младших братьев). Понятно, что баланс сил на юго-западе Руси резко сместился в пользу Романа. Последствия для южнорусской политики Всеволода могли быть катастрофическими, поскольку выпало ее важнейшее звено. Кроме того, недавно презираемый «Романко» нанес удар по международному престижу Всеволода, выступавшего при жизни Владимира Галицкого одним из гарантов стабильности в регионе (вторым был германский император Генрих VI, но в 1198 г. он умер, и в Германии началась междоусобная война, так что у западных соседей Галицкой земли руки были развязаны). После захвата Галича Романом стало ясно, что владими́ро-суздальский князь не в состоянии управлять развитием событий. Видимо, летописец Всеволода счел за благо вообще не затрагивать столь болезненную для его князя тему.

Ни один источник не содержит даты захвата Галича Романом, однако мы можем приурочить это событие к сравнительно узкому хронологическому промежутку. Роман утвердился в Галиче не ранее января 1199 г. (последнее известие киевского летописца, который этого важного события не знает, относится к зиме 1198/99 г.)²⁵³ и не позднее апреля 1200 г. (новгородский паломник Добрыня Ядрейкович, посетивший Царьград и описавший его святые места, сообщает нам, что в мае 1200 г. в столице империи находилось посольство «великого князя Романа»).²⁵⁴ Новгородское известие, не относящееся к летописной традиции, представляет большую ценность и требует развернутого комментария. Роман здесь назван великим князем; возникает вопрос: какого княжества? Как великий князь волынский («великий князь Володимерьский», если прибегнуть к языку того времени) Роман немислим: он контролировал не более 50% волынских земель. Зато после захвата Галича он мог и должен был именоваться великим князем (в самом деле, позднейший волынский летописец вспоминает «великого князя Романа Галичкаго»).²⁵⁵ Итак, если в мае 1200 г. Роман был *великим князем*, то неизбежен вывод, что не позднее апреля 1200 г. он уже утвердился в Галиче. Известие Добрыни Ядрейковича представляется вполне надежным. Благочестивый новгородец описывает чудо в храме Св. Софии, которое датирует с максимально

возможной точностью (год, число, месяц, день недели, церковный праздник) и удостоверяет ссылкой на свидетелей (ради чего и упомянуто посольство Романа, с перечислением имен возглавлявших его бояр). Если бы Роман отправил посольство в Царьград до захвата Галича, новгородец непременно уточнил бы в своем протоколно точном описании чуда, что «великий князь Роман» был тогда еще только князем Владимира-Волынского.

В научной и учебной литературе утверждение Романа в Галиче традиционно приурочивают к 1199 г. Эта дата вполне вероятна, но следует помнить о некоторой ее условности. Рассмотрим ее происхождение. Ранние польские анналы о перемене власти в Галиче вообще не упоминают. Ранние польские хроники — созданная к 1223 г. Винцентием и «Великая хроника» начала XIV в. — не содержат даты, хотя подробно рассказывают о самом событии. Польская традиция XV–XVI вв. дает разные даты (1197, 1198 и 1199 гг.), которые, как легко догадаться, вполне произвольны. Остается еще Густынская летопись XVII в., где проставлен 6707 (1199) г.²⁵⁶ Большинство историков эта дата молчаливо принимается, но ссылка на источник, как правило, отсутствует. В самом деле — ссылаться на Густынскую летопись очень неловко: в сущности, она вовсе не является историческим источником, ибо здесь всего лишь компилируется ранняя южнорусская традиция, известная нам по Ипатьевской летописи, со сведениями, заимствованными из поздних польских хроник. Густынская летопись становится ценным источником только для исследователя, изучающего историческое сознание украинских книжников XVII в., в этом случае принципы отбора информации и характер ее переработки неизвестным компилятором приобретают огромный интерес. Однако в высшей степени наивно принимать домыслы составителя Густынской летописи за сохранившиеся чудом фрагменты некой утраченной летописной традиции.

Есть основания полагать, что захват Галича Романом относится к первым месяцам 1200 г., а вовсе не к 1199 г. Известно, что в августе 1200 г. Всеволод послал княжить в южный Переяславль своего 10-летнего сына Ярослава.²⁵⁷ Взрослея и мужая в той же атмосфере, в которой прочие южнорусские князья находились с рождения, Ярослав должен был на месте усваивать положение дел и готовиться к активному участию в надвигающихся крупных событиях. В этом отношении замысел Всеволода понятен. Но почему было не подождать еще

год-другой? Стоял же как-то южный Переяславль два года без князя, а Ярослав и в 1200 г. был точно так же неспособен принимать самостоятельно ответственные решения, как и в 1199 г. Отсылку Ярослава в Переяславль можно расценивать как реакцию Всеволода на захват Галича Романом. Чтобы не вводить в соблазн других искателей никем не занятых княжеских столов, великий князь провел своего рода «демонстрацию присутствия» на юге Руси. Если так, то предполагаемую дату возвышения Романа следует максимально приблизить к реальной дате отъезда Ярослава в южный Переяславль. Это рассуждение приводит нас к апрелю 1200 г., ибо перемена статуса Романа произошла, как мы видели выше, никак не позднее этого месяца.

*Фрагмент западного портала храма св. Пантелеимона в окрестностях древнего Галича.
Начало XIII в.*

Глава шестая

КНЯЖЕНИЕ В ГАЛИЧЕ: 1200—1205 гг.

После скоропостижной смерти знаменитого своими злоключениями галицкого князя Владимира законных наследников не осталось. Два его сына от «попады», видимо, сгинули в Венгрии; впрочем, они как незаконнорожденные в любом случае не могли считаться серьезными претендентами на галицкий стол. Война за галицкое наследство была неизбежной. Роману предоставлялся второй шанс овладеть Галичем, однако теперь он ясно понимал, что своих собственных сил ему для этого будет недостаточно. Поэтому он сразу отправился за помощью в Краков.

По словам Винцентия, рассказ которого является единственным свидетельством современника о борьбе Романа за Галич, некоторые польские вельможи опасались чрезмерного усиления предприимчивого русского князя. Однако он успел так хорошо себя зарекомендовать в качестве преданного союзника, что отказать в помощи было практически невыносимо. Польское войско возглавил князь-отрок Лешко. Винцентий восхищается проявленной им неожиданно для всех самостоятельностью, но почему-то пускается в рассуждения о том, насколько лучше было бы предоставить юному князю возможность забавляться дома, нежели в опасных переходах трудиться в поте лица. Возникает вопрос: сколько же лет было Лешку? Принято считать, что он родился около 1186 г., но эту укоренившуюся в литературе дату необходимо решительно отбросить как совершенно произвольную. Известно, что первый брак Лешка относится к 1207 г.²⁵⁸ Учитывая, что князья той эпохи в подавляющем большинстве случаев женились в 15–16 лет, рождение Лешка следует отнести к 1191–1192 гг. Вторая дата прямо подтверждается известием польского историка XV в. Яна Длугоша, который мог использовать письменные

источники, не дошедшие до наших дней.²⁵⁹ И так, в 1199 г. Лешку было 7 лет, в начале 1200 г. — от силы 8. Мы помним, что в том же 1200 г. Всеволод Суздальский отправил своего 10-летнего сына Ярослава княжить в южный Переяславль. В те времена взрослые рано, и все-таки очень трудно поверить, что 8-летний Лешек был способен принимать серьезные политические решения и самостоятельно командовать войсками. Роман же был закаленный в сражениях воин, всего 5 лет тому назад проливший свою кровь за дело Казимировичей. Обратим внимание на слова, вложенные Винцентием, недоброжелателем Романа, в уста его сторонников среди польской знати: «всегда был помощником и даже как бы наставником нашего государства».²⁶⁰ Напрашивается вывод, что вдова Казимира и ее главный советник — епископ Краковский — безбоязненно доверили Роману и судьбу войска, и судьбу князя-отрока.

Поход на Галич увенчался успехом, хотя вовсе не был триумфальным шествием, как 10 лет назад при возвращении в Галицкую землю Владимира Ярославича. Винцентий подчеркивает: «первые их города не смиренно сдавались, а сопротивлялись в упорных сраженьях».²⁶¹ Это и неудивительно: во главе всех военных предприятий при отсутствии князя стояли бояре, а сторонников Романа среди них не было (те, что призвали в свое время Романа, покинули Галицкую землю после провала их замысла). Преодолевая сопротивление, поляки добрались до Галича и приступили к его осаде. Винцентий описывает тяжелое положение осажденных: «Их заставляют принять князя Романа, которого из соседей они боятся пуще огня. Потому как им известно коварное по отношению ко всем тиранство этого хитрейшего человека, который в приступе ярости и запале тщеславия не щадит никого из своих».

Психологическая характеристика необычайно яркая, однако необходимо учитывать, что Винцентий упорно и последовательно формирует образ главного злодея, роль которого в его повествовании досталась Роману. Поэтому польский хронист продолжает и дальше нагнетать страсти: Лешек посадил-таки Романа в Галиче, не вняв униженным мольбам тамошней знати, но стоило ему удалиться, как началась кровавая расправа нового князя с политическими противниками. Винцентий описывает изощренно жестокие казни, которым Роман будто бы подвергал галицких бояр.²⁶² Этот сюжет заслуживает отдельного рассмотрения, которое без развернутого анализа

идеологии Винцентия и его творческих приемов будет непродуктивным. Мы вернемся к этой теме во второй части книги, здесь же ограничимся указанием на неопровержимый факт: в русских источниках имеется только отрывочное упоминание об изгнании Романом двух галицких бояр,²⁶³ никаких известий о казнях в Галиче нет.

Сразу же после захвата Галича Роман провозгласил себя великим князем: именно так именуется его новгородец Добрыня Ядрейкович, встретивший посольство Романа в Царьграде в мае 1200 г. (это важное известие уже рассматривалось в гл. 5). Вероятно, еще до рождения Романа были случаи, когда старшие из местных князей объявляли себя «великими князьями» (или, по крайней мере, не осаживали своих подданных, когда те величали их этим титулом). Так, например, Владимир Давыдович Черниговский, погибший в междоусобной войне 1151 г., назван великим князем в надписи на изготовленной по его заказу серебряной чаше.²⁶⁴ Во времена молодости Романа на Руси было по меньшей мере два великих князя — Святослав Киевский и Всеволод Владимиро-Суздальский. Любопытно, что автор «Слова о полку Игореве» преспокойно величает этим титулом их обоих.²⁶⁵ Всеволод по возрасту годился Святославу в сыновья,²⁶⁶ осенью 1173 г. воевал под его командованием при осаде Вышгорода, а после поражения и всеобщего бегства пользовался его гостеприимством в Чернигове. В дальнейшем оба князя, старший и младший, добились выдающихся успехов: Святослав сел в Киеве, а Всеволод овладел наследием Андрея Боголюбского — обширным Владимиро-Суздальским княжеством. Очень скоро Всеволод, возвысившийся не без помощи Святослава, почувствовал себя сильнейшим на Руси и после открытой войны со своим недавним покровителем присвоил себе титул великого князя.²⁶⁷ Святослав, видимо, вынужден был с этим примириться, поскольку не имел ни малейшего шанса утвердить силой исключительность своего положения.

Любопытно, что был еще и третий претендент на титул великого князя — Рюрик Ростиславич (во всяком случае, преданный ему летописец упорно приписывает этот титул своему князю и отказывает в нем сидевшему в Киеве Святославу).²⁶⁸ Впрочем, здесь перед нами, по всей видимости, не более чем попытка выдать желаемое за действительное: старшинство Святослава — как возрастное, так и генеалогическое — было слишком очевидно. После смерти Святослава и вокняжения Рюрика в Киеве его могли и даже должны были величать здесь

великим князем, но невозможно поверить, что он употреблял этот титул в своих дипломатических сношениях с Всеволодом. Из рассказов собственного летописца Рюрика вполне ясно, что он не претендовал на политическое верховенство, уступая его Всеволоду.²⁶⁹ Получается, что величание Рюрика в его летописи великим князем — всего лишь этикетный графарет. С близким явлением мы сталкиваемся в новгородском летописании. Здесь великим князем однократно назван, явно из желания подольститься, строитель церкви Спаса Преображения на Нередице — Ярослав Володимирич.²⁷⁰ Он долго княжил в Новгороде, но вовсе не являлся самостоятельной политической фигурой. За его спиной стоял истинный великий князь — Всеволод Владимирович-Суздальский, приходившийся Ярославу свояком.

Для Романа употребление титула великого князя было не этикетной игрой, а идеологическим оружием. Здесь он смело шел по стопам великого князя Всеволода, который еще четверть века назад принятием этого громкого титула утвердил свое равенство с княжившим в Киеве Святославом. Роман действовал даже более вызывающе, чем в свое время Всеволод: тот по крайней мере по генеалогическому счету стоял на одной ступени со Святославом, хотя по возрасту принадлежал к младшим князьям. Роман же напрочь отбрасывал сам принцип генеалогического старшинства: на лестнице поколений даже Рюрик стоял одной ступенью выше, не говоря уже о Всеволоде, который стоял выше двумя ступенями.

Единственное право, на которое Роман мог опереться в борьбе за свое новое положение, было право европейское, феодальное. Его предшественник на галицком столе, Владимир Ярославич, в 1190 г. признал себя вассалом германского императора. Ничто не мешало Роману пойти по проторенной его предшественником дорожке. Признав императора своим сюзереном, Роман тут же получил бы из его рук Галицкое княжество как имперский лен. Тем самым Роман в значительной степени обезопасил бы себя от враждебных поползновений со стороны поляков и венгров. Правда, пришлось бы выплачивать германскому императору немалую дань. Решился ли Роман прибегнуть для укрепления своего положения к столь затратному средству — доподлинно неизвестно; косвенные указания источников мы рассмотрим в следующей главе. Что касается другой империи, византийской, то здесь трудно было ожидать политической поддержки. О феодальном праве в Константинополе имели самое

смутное понятие, а русских князей, всех скопом, воспринимали как подвластных императору, не очень углубляясь в сложную систему взаимоотношений между «этими варварами — тавроскифами». Не лишен, однако, исторического интереса тот факт, что в глазах константинопольского сенатора Никиты Хониата (впоследствии — знаменитого историка) Роман Галицкий был правителем более высокого ранга, чем Рюрик Киевский (Роман в «Истории» Хониата — «igemon» Галича, а Рюрик — «diepon» Киева).²⁷¹

Когда Роман стал единоличным властителем огромных земель, ему было уже за сорок;²⁷² при этом он не имел сыновей. Следовало подумать о будущем и позаботиться о достойных наследниках, другими словами — вступить в новый брак. Правда, после скандального развода с дочерью Рюрика Ростиславича и при живой жене этот новый брак очень трудно было бы узаконить (поэтому Роман никак не мог жениться, вопреки мнению некоторых историков,²⁷³ на какой-нибудь приглянувшейся ему боярской дочери). Выбор невесты был исключительно ответственным шагом: она должна была быть не только молода и красива, но еще и самого знатного происхождения. Забегая вперед, можно сказать, что на этот раз Роману повезло: род его не пресекался. Более того — пять лет спустя, в условиях настоящей политической катастрофы, последовавшей за гибелью Романа, его молодая вдова проявила себя умной и волевой женщиной, сделавшей все, что было в ее силах, ради будущего своих сыновей. К сожалению, состояние источников не позволяет установить ни происхождение, ни даже имя этой незаурядной женщины,²⁷⁴ сыгравшей заметную роль в истории Галицко-Волынской Руси. Во всяком случае, она была не из Рюриковичей.²⁷⁵ Столь же определенно можно утверждать, что она не принадлежала ни к венгерскому королевскому дому Арпадов,²⁷⁶ ни к польскому княжескому роду Пястов.²⁷⁷ Теоретически она могла происходить из владетельных домов двух империй, т. е. быть немкой или гречанкой. Последнее более вероятно, ибо союз Романа с Византией — достоверный факт, а с учетом того обстоятельства, что последние годы своей жизни вдова Романа провела в православном монастыре на Руси,²⁷⁸ вторая версия превращается, по сути дела, в единственную (чтобы стать православной монахиней, надо было быть воспитанной в православной традиции).

Собственно говоря, здесь всякому серьезному историку следовало бы остановиться, однако в литературе можно встретить разного

рода фантазии на тему второго брака Романа. Некоторые почему-то полагают, что женой Романа стала неизвестная источникам дочь императора Исаака II Ангела²⁷⁹ (между прочим, свергнутого с престола старшим братом Алексеем еще в 1195 г.); другие вполне уверены, что Роман около 1199 г. «женится на византийской аристократке из знатного рода Каматеросов».²⁸⁰ Представители рода Каматиров (Kamateros в западной историографии) довольно часто появляются на страницах «Истории» Никиты Хониата; между прочим, из этого рода происходила жена Алексея III — венценосного союзника Романа.²⁸¹ Однако греческий историк, уделяющий много внимания брачной политике своего государя, ни словом не упоминает о какой-либо степени родства между императором и русским князем. Таким образом, и эта любопытная версия — не более чем домысел.

Роману требовалось прежде всего узаконить развод с дочерью Рюрика Ростиславича, чтобы его дети от нового брака не считались незаконнорожденными. Необходимо было обратиться к высшим иерархам Православной Церкви. Дело несколько облегчалось тем, что брошенная Романом жена приходилась ему троюродной сестрой. Это был вполне подходящий предлог для расторжения брака, в понятиях Церкви являвшегося кровосмесительным и терпимого только из высших соображений миротворческой политики. Вряд ли Роману стоило обращаться к киевскому митрополиту Никифору: тот находился в определенной зависимости от Рюрика, весьма заинтересованного в том, чтобы его бывший зять продолжал считаться женатым. Выше митрополита Киевского в церковной иерархии был только константинопольский Патриарх. Именно он и являлся тем единственным человеком, который мог решить проблему Романа.

Как мы уже знаем, в мае 1200 г. в Константинополе (Царьграде) находилось посольство Романа. О переговорах никаких сведений нет, но главную задачу посольства угадать нетрудно: следовало добиться, чтобы Патриарх объявил брак Романа с его троюродной сестрой противоречащим каноническим правилам Церкви (что автоматически влекло за собой развод). Задача не являлась слишком сложной. Во-первых, нарушение канонических правил при заключении брака Романа с дочерью Рюрика в самом деле имело место. Во-вторых, всякое не совсем обычное дело облегчается наличием прецедентов, а император Алексей III как раз в это время устроил, решая свои собственные династические проблемы, два развода в высших кругах

столичной знати.²⁸² Надо сказать, что этот государь управлял Церковью вполне самовластно, Патриарх был не более чем его послушным орудием. Таким образом, Роману для успеха его предприятия достаточно было склонить на свою сторону Алексея III, а средства для этого у галицкого князя были. Европейские владения империи сильно страдали от половецких набегов; Роман при желании мог нанести неустойчивым для имперских властей кочевникам тяжелый удар. Столь ценный союзник в то время был настоящим подарком для Алексея III.

21 мая 1200 г., как раз во время пребывания в столице империи посольства Романа, в храме Св. Софии явлено было чудо, подробно описываемое новгородским паломником Добрыней Ядрейковичем. В алтаре перед началом литургии три подвешенные к потолку золотые люстры внезапно вознеслись вверх («Духом Святым», по мнению наблюдателей), а затем медленно опустились на прежний уровень, причем горящее в них масло не угасло. Интересна описываемая новгородцем реакция верующих: «Уже нас, христиан, посетил Бог милостию своею <...> Приведет Бог поганья Жидове во крещение, и будут христиане во единой любви, не имущи рати между собою; но токмо на тех имут воевати, кто не восхоцет во крещение внити, да и волею и неволею принудит их Бог внити во крещение. Обилия же всего добра на земли будет множество, и правда, и святым житием начнут жити людие, обиды же не будет; земля изнесет плод от себе Божиим повелением, аки мед и млеко, добраго ради жития христианыскаго».²⁸³ Такого рода эйфорические пророчества уже неоднократно распространялись в столице империи.²⁸⁴ На этот раз их появление было спровоцировано, видимо, не столько самим чудом в храме Св. Софии, сколько совпадением его во времени с пребыванием в столице империи посольства Романа. Слух о появлении в Галиче сильного правителя, готового принять на себя основную тяжесть борьбы с половцами, не мог не породить в Константинополе волну энтузиазма. Обещанное пророчеством всеобщее счастье и процветание в пределах христианского мира оказалось недостижимым, зато Роман византийцев не подвел: именно он, согласно «Истории» Никиты Хониата, остановил набеги коман (половцев) и помешал им подступить к стенам Константинополя.²⁸⁵

Хронологические выкладки на базе «Истории» Хониата позволяют датировать первый поход Романа на половцев относительно точно: после 1 сентября 1200 г. Поскольку мы знаем из летописей, что

наиболее благоприятным временем для вторжения в половецкую землю считалась зима, поход Романа следует отнести к зиме 1200/01 г. (см. Дополнение 3).

Вступление Романа во второй брак датируется, на основании сведений о его старшем сыне, довольно узким хронологическим промежутком: между 15 августа и 23 октября 1200 г.²⁸⁶ Выстраивается следующая цепочка событий: вокняжение Романа в Галиче; посольство в Царьград; второй брак; поход на половцев, облегчивший положение империи. Отсюда можно вывести, что одной из целей посольства в Царьград было сватовство,²⁸⁷ а одним из аргументов на переговорах — предложение военной помощи против половцев.

Отвергнутая Романом дочь Рюрика уже пять лет жила в Киеве у отца, участвовала в разных торжественных церемониях²⁸⁸ и тешилась воспитанием своей малолетней племянницы.²⁸⁹ Первое время она могла еще рассчитывать на возвращение к мужу: заставили же некогда галицкие бояре своего князя (знаменитого Ярослава Осмомысла!) примириться с нелюбимой, оставленной ради любовницы женой. Однако вступление Романа в новый *законный* брак положило конец длительному периоду неопределенности: отныне дорога к примирению была закрыта навсегда. Для Рюрика это означало, что над ним сгущаются тучи. Как многоопытный политик он не мог не понимать, что следующим шагом Романа будет попытка установления контроля над Киевом. Чтобы устранить нависшую опасность, следовало по меньшей мере выгнать бывшего зятя из Галича.

Положение Рюрика облегчалось тем, что к этому времени умер союзник Романа, черниговский князь Ярослав Всеволодич.²⁹⁰ Место его занял новгород-северский князь Игорь Святославич (главный герой «Слова о полку Игореве»). С этим представителем старшего поколения Ольговичей Рюрик уже мог договориться: Игорь женат был на галицкой княжне, сестре последнего безусловно законного галицкого князя Владимира. Пять сыновей от этого брака, будучи внуками Ярослава Осмомысла, вполне могли претендовать на галицкий стол. Правда, на Руси никогда еще не было случаев наследования волостей по женской линии, но все-таки Игоревичи были близкими кровными родственниками последних представителей угасшего рода, между тем как Роман владел Галичем лишь по праву сильного. Видимо, именно эту карту Рюрик и собирался разыграть. Один из Игоревичей женат был на его дочери,²⁹¹ что еще более облегчало достижение

взаимоприемлемого соглашения о будущей судьбе Галицкой земли. В случае успеха здесь можно было сыскать для новых союзников киевского князя целых три вполне приличных княжеских стола (Галич, Перемышль и Звенигород).

Весной 1201 г. в Чернигове умер Игорь Святославич, но это не разрушило замыслов Рюрика и даже, видимо, пошло ему на пользу (многочисленные Ольговичи остались без общепризнанного лидера — следовательно, теперь Рюрику легче было ими манипулировать). Рюрик начал собирать войска для похода на Галич. По его зову явились в Киев и Ольговичи²⁹² — разумеется, вместе со своими дружинами. Однако Роману удалось опередить врагов: совершенно неожиданно для них он появился на Киевщине во главе галицких и вольтинских полков. Мелкие князья Киевской земли, служившие Рюрику, не могли противостоять соединенным силам двух находившихся под властью Романа княжеств. Первыми поспешили переметнуться на сторону сильнейшего двоюродные братья Рюрика — «Володимиричи».²⁹³ Вероятно, эти князья увидели в происходящем некий шанс изменить к лучшему свое положение, долгие годы остававшееся неустойчивым и неопределенным. Примеру «Володимиричей» последовали «черные клобуки» и представители едва ли не всех близлежащих городов. Увеличиваясь в размерах, войско Романа быстро продвигалось к Киеву. Здесь его поход окончательно превратился в триумфальное шествие: жившие в Копыревом конце простолюдины, преимущественно ремесленники и торговцы, распахнули перед Романом городские ворота. Рюрик и Ольговичи заперлись на Горе — в возвышенной и хорошо укрепленной части города. Роман вступил в переговоры с осажденными, которые выговорили себе свободный выход. Рюрик удалился во Вручий, Ольговичи ушли за Днепр.²⁹⁴

Здесь летописец умолкает, но мы все-таки попробуем представить себе, что было дальше: радостный гомон запрудившей главные улицы толпы, благодарственный молебен в Софийском соборе, торжественный выход князя, окруженного боярами и духовенством... Потом — неспешная поездка по городу под колокольный звон и вступление в окруженный особыми укреплениями киевский детинец.

Проехав сквозь узкую арку Софийских ворот — мощной каменной башни, грозно возвышавшейся над земляными валами и деревянными срубами стен, Роман очутился в «святой святых» древнего города. С какими мыслями и чувствами осматривал наш герой

хорошо знакомый ему по детским впечатлениям Великий Ярославов двор? Облик его изменился — Святослав Всеволодич построил здесь небольшую каменную церковь.²⁹⁵ Тридцать лет и три года — как в сказке — минуло с того дня, когда Роман юным княжичем покинул это средоточие власти, чтобы отправиться в Новгород. Пять лет спустя, при вступлении в Киев Ярослава Луцкого и Ростиславичей, Роман несомненно был где-то рядом со своим дядей, но оказался в роли статиста — недаром летописец его «не заметил» и не удостоил упоминания. Позднее Роман мог изредка бывать в Киеве, поскольку на протяжении многих лет оставался зятем Рюрика Ростиславича и его союзником. Политическая обстановка в те годы была такова, что о власти над Киевом Роману не приходилось и мечтать. И вот теперь, после долгого и многотрудного жизненного пути, судьба подарила ему счастливый миг полного торжества над всеми врагами и недоброжелателями! Что мешало теперь Роману занять «золотой стол» своих предков?

Соблазн был велик, но печальный опыт сделал Романа очень трезвым политиком. Очевидно, обстоятельства требовали его присутствия в недавно завоеванном Галиче. Кроме того, нельзя было ожидать, что великий князь Всеволод будет безучастно смотреть на происходящее и откажется от роли распорядителя судеб «Русской земли». Посольство Романа отправилось к Всеволоду; тем самым великому князю предоставлена была возможность сохранить лицо. Всеволод

Роман сажает в Киеве Ингвара Ярославича.
Миниатюра Радзивилловской летописи, л. 237 об. XV в.

Половецкие вежи, захваченные Романом.
Миниатюра Радзивилловской летописи, л. 237 об. XV в.

согласился с предложением Романа посадить в Киеве его двоюродного брата — луцкого князя Ингвара Ярославича.²⁹⁶

Заветные мечты Романа осуществлялись одна за другой. В том же 1201 г., предположительно 23 июля,²⁹⁷ молодая жена подарила ему долгожданного наследника. Новорожденный получил необычное, не употреблявшееся прежде в княжеской среде имя Данил. Зимой 1201/02 г. Роман совершил удачный поход в половецкую землю, захватил «вежи» (юрты или кибитки кочевников) и взял множество пленных, а также освободил всех находившихся в половецкой неволе христиан. «И была радость великая в земле Русской»,²⁹⁸ — говорит летописец. Три с половиной года тому назад, в июне 1198 г., великий князь Всеволод вернулся из нелепого и безрезультатного похода на половцев, во время которого так и не встретил ни одного врага. Хотя придворный летописец Всеволода на страницах своего труда легко превратил эту позорную неудачу в успех, современники все прекрасно понимали. Сравнение Всеволода с Романом было, безусловно, в пользу последнего. Роман блестяще оправдал возлагавшиеся на него простыми людьми надежды, и популярность его продолжала расти.

Мир на юге Руси сохранялся более года. Ингвар Ярославич княжил в Киеве столь тихо и незаметно, что ничем не обратил на себя внимания владими́ро-суздальского летописца. Рюрик тоже тихо сидел в своем городе Вручем вплоть до самого конца 1202 г. Он не смирился с поражением, но для возобновления борьбы за Киев ему

нужны были сильные союзники. Соединенных сил Ольговичей, которые готовы были снова выступить на его стороне, вероятно, было недостаточно, и тогда Рюрик решился на союз с половцами. Переговоры легче всего было вести при посредстве Ольговичей северских, имевших давние и тесные связи с одним из половецких родовых кланов. Владимир Игоревич, княживший в Новгороде-Северском, был женат на дочери хана Кончака.²⁹⁹

Со времен грозного хана Боняка заветной мечтой самых воинственных предводителей половцев оставался символический жест — удар саблей в Золотые ворота Киева. Случалось, что на пути к этой цели лучшие воины складывали головы, так и не успев доказать соплеменникам свое молодечество.³⁰⁰ Сам город за Золотыми воротами всегда оставался для половцев совершенно недоступным. Теперь же все изменилось, ибо Рюрику для успеха его предприятия понадобились не только Ольговичи, но и их степные союзники. К исходу 1202 г. коалиция была создана. Вслед за Ольговичами вышел на сцену не кто иной, как сам старый Кончак. Вторым предводителем половцев, вступившим в союз с Рюриком, был Данила Бякович³⁰¹ — персонаж гораздо менее известный. Судя по имени, он был крещен; время от времени такое случалось с половецкими князьями, что несколько не снижало степень их воинственности.³⁰²

С приходом зимы на юге Руси начались зловещие ночные «знамения»: внезапно «потекло все небо» и сделалось «чермным» (вишнево-красным); снег на земле и на крышах домов казался залитым кровью; иные видели низвержение множества звезд на землю и пришли в такой страх, что ждали уже и кончины мира.³⁰³ В «знамениях» летописного рассказа мы легко узнаем вполне безобидные природные аномалии: полярное сияние, которое на широте Киева суждено видеть не каждому поколению, и метеоритный дождь.³⁰⁴ Однако жившие в эпоху бесконечных войн люди имели основания страшиться подобных явлений: их жизненный опыт с удивительным постоянством доказывал, что «знамения» бывают «не на добро». В самом деле, в конце декабря 1202 г. мир был нарушен; Киев подвергся внезапному нападению соединенных сил Рюрика, Ольговичей и половцев.

1 января 1203 г. осаждавшие ворвались в Киев; на следующий день сопротивление защитников города было окончательно сломлено,³⁰⁵ начались грабежи и убийства. Молодых и здоровых захватывали в плен, старых и увечных безжалостно истребляли. Город подвергся

Взятие Киева Рюриком, Ольговичами и половцами.
Миниатюра Радзивилловской летописи, л. 238. XV в.

жестокому опустошению: «не только одно Подолье взяли и пожгли, но и Гору взяли, и митрополию, святую Софию, разграбили, и Десятинную церковь святой Богородицы разграбили, и монастыри все, и иконы ободрали, а некоторые унесли, и кресты честные, и сосуды священные, и книги, и одежды блаженных первых князей, которые те повесили некогда в церквах святых на память о себе».³⁰⁶ В Киеве оставалось немало иноземных купцов, товары которых были самым лакомым куском для наводнивших город степных хищников. Однако купцы затворились со своим добром в каменных церквах, каждую из которых можно было считать отдельной крепостью; захватчики сочли за благо сохранить этим людям жизнь и свободу в обмен на половину стоимости их товаров.³⁰⁷

Воинам Ольговичей посчастливилось захватить знатного пленника, за которого можно было потребовать весьма значительный выкуп. Это был старший из четверых «Володимиричей», Мстислав.³⁰⁸ О судьбе Ингвара Ярославича, княжившего в Киеве по воле Романа, летописи ничего не сообщают, и мы теперь никогда уже не узнаем, был ли он виновником позорной сдачи врагам хорошо укрепленного верхнего города или успел бежать в свой Луцк еще до начала осады.

Творившиеся в Киеве бесчинства показывают, что Рюрик совершенно утратил контроль над событиями. Он и прежде был не слишком популярен, недаром киевляне предпочли ему Романа. Теперь же

Бесчинства в захваченном Киеве. Миниатюра Радзивилловской летописи, л. 238 об. XV в.

ему следовало попросту остерегаться избежавших половецкого плена горожан, ограбленных до нитки и озлобленных потерей близких. Поэтому Рюрик после своей бесславной «победы» не решился сесть княжить в Киеве и убрался туда, откуда пришел, — во Вручий. Для Романа предпринятая Рюриком киевская авантюра, вероятно, оказалась полной неожиданностью, но среагировал он довольно быстро. Уже 16 февраля 1203 г. войско Романа было у стен Вручего. Дальнейшее развитие событий совершенно непонятно. Вместо осады почему-то начались переговоры, и Роман как-то очень легко согласился на возвращение Рюрика в Киев, удовлетворившись его клятвенным отречением от Ольговичей и от половцев.³⁰⁹ Более того, Роман приложил серьезные усилия к заключению всеобщего мира на юге Руси. Сначала Роман и Рюрик послали своих бояр к Всеволоду, чтобы заручиться его согласием на новое вокняжение Рюрика в Киеве. Затем Роман через своего посла настойчиво просил Всеволода, чтобы он «приял в мир» Ольговичей. Весной 1203 г. соглашение было достигнуто, все князья подтвердили заключение мира традиционным крестоцелованием.³¹⁰

Что же заставило неукротимого Романа играть несвойственную ему роль миротворца? Определенных известий о его политической

деятельности на протяжении большей части 1203 г. и далее до самого конца 1204 г. в нашем распоряжении нет. Мы знаем только, что в 1203 г. у Романа родился второй сын — Василько.³¹¹ Надежда Романа стать основателем новой династии крепла, но что занимало его за пределами княжеского терема? К сожалению, сведений об этом в источниках очень мало.

В сфере внешнеполитических интересов Романа неизменно оставалась Венгрия. С первых лет XIII в. здесь шла борьба между королем Имре и его младшим братом, герцогом Эндре.³¹² Этот последний нам уже известен под именем королевича Андрея: именно он княжил в Галиче в 1188–1190 гг., после изгнания венграми Романа. Теперь же старые счета были забыты. Андрей мечтал о королевском троне и собирал войско. Исход его борьбы с братом предсказать было нельзя, и претендент, конечно же, был заинтересован в убежище за пределами Венгрии на случай неудачи. Хорошо знакомый ему Галич, видимо, представлялся подходящим для этой цели. Согласно известию Ипатьевской летописи, Андрей и Роман сделали друзьями и поклялись, что в случае гибели одного из них другой будет покровительствовать его детям.³¹³ Попробуем датировать это соглашение.

Формулировка клятвы предполагает наличие у обоих властителей династических соперников. Для Андрея таковыми являлись старший брат Имре и его малолетний сын Ласло.³¹⁴ Надежда на мужское потомство появилась у Андрея в 1202 г., после того как он женился вторым браком на немецкой аристократке Гертруде Меранской (как видим, в известном смысле Андрей повторял путь Романа). В самом конце 1203 г. или в начале 1204 г. Андрей был пленен старшим братом и отправлен в заточение.³¹⁵ Однако не прошло и года, как победитель серьезно заболел. Чувствуя приближение смерти, король Имре освободил младшего брата и даже назначил его регентом королевства (королем должен был стать малолетний Ласло). 30 ноября 1204 г. Имре умер, и вчерашний узник получил реальную власть в стране. Еще через полгода, после загадочной смерти Ласло, он получил и власть номинальную: коронация Андрея II состоялась 25 мая 1205 г. Некоторые историки полагают, что «династическое» соглашение Романа с Андреем следует датировать временем между смертью Имре и смертью Романа; это, конечно, грубое заблуждение. Малолетний Ласло не представлял никакой угрозы для будущих сыновей регента, так как в любой момент мог быть устранен (что и случилось

в реальной жизни). Следовательно, «династическое» соглашение относится к более раннему времени, когда Андрей II, вступивший во второй брак, открыто боролся за власть со своим старшим братом (т. е. к 1202–1203 гг.).

Именно на этот временной интервал приходится эпизод странного миротворчества Романа в ходе борьбы с Рюриком за Киев. Можно предположить, что в феврале 1203 г. Роману помешала покончить с Рюриком глубокая вовлеченность в венгерские дела. Мятежный герцог, друг Романа, был очень заинтересован в том, чтобы привлечь могущественного галицкого князя к военным действиям на территории Венгрии. В политическом смысле задача не была сложной (известно, с какой легкостью полвека спустя Данил Романович, к тому времени уже многоопытный политик и воин, был втянут венгерским королем Белой IV в войну за австрийское наследство³¹⁶). В чисто военном отношении для Романа вся сложность предприятия была в том, чтобы пройти карпатские перевалы, но вряд ли они в то время охранялись: власть короля Имре была слишком слабой. Состояние источников не позволяет вполне определенно утверждать, что поход Романа в Венгрию состоялся, но некий смутный намек все-таки есть. Летописец Данила Романовича говорит, прославляя своего князя: «его ж отец... покори Половецкую землю и воева на иные страны все».³¹⁷ Итак, Роман за несколько лет княжения в Галиче успел повоевать со всеми своими соседями. Нет оснований считать Венгрию исключением...

О тесных связях Романа с Венгрией заставляет вспомнить храм св. Пантелеимона в окрестностях Галича, сохранившийся, хотя и в перестроенном виде, до наших дней. К сожалению, летописи никаких сведений о нем не сообщают. Расположенный на берегу Днестра, этот небольшой четырехстолпный храм мог быть центром загородной княжеской усадьбы или покровительствуемого князем монастыря. Исследователи нашли на его стенах несколько древних надписей (граффити), наиболее ранняя из которых датируется 1212 г.

Другой важный датирующий признак — характерные черты романского искусства Венгрии в резьбе портала.³¹⁸ Предшественник Романа, Владимир Ярославич, враждовал с Венгрией и не мог приглашать венгерских мастеров. Вряд ли имели такую возможность и преемники Романа, сменявшие друг друга на галицком столе в 1206–1212 гг. с калейдоскопической быстротой. Следовательно, строительство храма относится к периоду княжения в Галиче Романа (т. е. к 1200–1205 гг.).

О том же говорит и само имя святого, которому посвящен храм. Распространение на Руси культа св. Пантелеимона связано с князьями именно той ветви потомков Мстислава Великого, к которой принадлежал Роман.³¹⁹

Совершенно неизвестно, как развивались отношения Романа с польскими князьями. Ситуация в Малой Польше была не менее сложной, чем в Венгрии. Лешек вскоре после похода с Романом на Галич уступил Краков своему дяде Мешко и удалился в Сандомир; по условиям заключенного между ними договора Лешек должен был наследовать краковский стол. В марте 1202 г. Мешко умер,³²⁰ но краковская знать воспротивилась реализации договора, сначала выставив неприемлемые для Лешка условия, а затем пригласив княжить сына Мешко — Владислава. Однако чуть позже, благодаря очередной перемене настроения краковской знати, Лешек все-таки вернулся в Краков.³²¹ После этого Владислав оказался в точно таком же положении, как некогда его отец: силою обстоятельств он должен был искать союза с Романом. Ниже мы увидим, что Владислав преуспел в этом и сумел поссорить Романа с Казимировичами.

Не вызывает сомнений, что Роман продолжал борьбу с половцами. Никита Хониат говорит о *многократных* вторжениях Романа в Половецкую землю и отдельно сообщает о разгроме Романом степных союзников Рюрика (см. Дополнение 3). Историк следующего поколения — русский книжник середины XIII в., служивший Данилу Романовичу, заявляет, что Роман «покори Половецкую землю».³²² Конечно, это не более чем риторическое преувеличение. Однако успехи Романа в борьбе с половцами были вполне реальными, недаром позднейшая летописная традиция представляет его в образе великого воителя, который хотел сравняться славой со своим предком Мономахом.³²³

Храм св. Пантелеимона: вид с запада

К сожалению, остаются неизвестными как общее число походов Романа в половецкую степь, так и направления этих походов. Первое время Роман, видимо, действовал в пределах правобережья Днепра — против племенных союзов, представлявших наибольшую угрозу для Византии. Однако 12 апреля 1204 г. геополитическая ситуация резко изменилась: крестоносцы взяли Константинополь, и великая православная империя перестала существовать. Русские купцы и паломники, вернувшиеся из «Царьграда», с ужасом и негодованием рассказывали о разграблении его святынь захватчиками-«фрягами».³²⁴ Теперь Роману не было никакого смысла препятствовать половецким вторжениям в европейские провинции павшей Византии.* Но перемена внешнеполитических обстоятельств привела Романа не к прекращению борьбы с половцами, а лишь к перемене центра тяжести в этой борьбе. Следующий удар был нанесен зимой 1204/05 г. где-то в Приднепровье, по всей видимости — на левобережье Днепра (в походе участвовал Ярослав Переяславский, сын Всеволода Владимиро-Суздальского; ни сам 15-летний переяславский князь, ни его отец нисколько не были заинтересованы в военных действиях на правобережье).

Летописцем названы поименно только трое сильнейших князей, принявших участие в этом походе (Роман, Рюрик и Ярослав). Роман мог привести с собой двух племянников, Александра Белзского и Всеволода Червенского, а также кого-нибудь из двоюродных братьев (как мы уже знаем, один из них, а именно Мстислав Пересопницкий, был другом и союзником Романа). С Рюриком, видимо, были его сыновья, Ростислав и Владимир, а также многочисленные племянники и двоюродные братья — «Володимиричи» (включая бывшего новгородского князя Ярослава, который к этому времени лишился покровительства великого князя Всеволода и остался без каких-либо владений).³²⁵

Зима в тот год выдалась лютой. Для кочевников большие холода всегда оборачивались разного рода бедствиями; время было самым благоприятным для вторжения в половецкую землю. В самом деле, русские князья не встретили организованного сопротивления, взяли много пленных и отогнали стада. На обратном пути Роман и Рюрик остановились в Треполе. Здесь предполагалось, как говорит летописец, «мироположение о волостях», т.е. заключение очень важного

* Ближайшей весной половцы снова появятся на Балканах: 14 апреля 1205 г. их отряды принесли победу болгарскому царю Калояну в битве с крестоносцами под Адрианополем.

договора между князьями. Переговоры затянулись: Ростислав Рюрикович приехал в Треполь, успев погостить у своего юного шурина Ярослава в Переяславле, но старшие князья, как выяснилось, все еще не пришли к соглашению и увлеченно объясняли друг другу, «кто како терпел за Рускую землю». Что произошло дальше, в деталях неизвестно. Летописец привычно ссылается на козни дьявола, который «положи смятение великое»: Роман приказал взять под арест Рюрика вместе со всей его семьей.³²⁶ Здесь самое время вспомнить Винцентия, писавшего о свойственных Роману приступах ярости.³²⁷ Видимо, неуступчивость Рюрика на переговорах переполнила чашу терпения Романа, после чего он пустил в ход коварство и грубую силу.

Успех этого небывалого дела был немислим без согласия владевшего Треполем князя. Зимой 1204/05 г. этим князем был, по всей вероятности, старший из «Володимиричей» — Мстислав. Два года назад он в известной степени пострадал за дело Романа, когда был схвачен его врагами при взятии Киева. Дальнейшая судьба его по источникам не прослеживается, но угадать ее нетрудно: разумеется, очень скоро Мстислав был выкуплен, и, скорее всего, не братьями, которые были бедны, а своим новым покровителем Романом, который после вокняжения в Галиче стал очень богат. На переговорах с Рюриком в феврале 1203 г., после киевского погрома, Роман мог и должен был отстаивать интересы «Володимиричей». В тех обстоятельствах без возвращения Мстиславу Треполя вряд ли был бы заключен всеобщий мир на юге Руси.³²⁸

Судьба Киева после трепольского переворота первое время оставалась нерешенной. Бывшего тестя вместе с женой и дочерью Роман заставил принять монашеский постриг, доверив организацию этого сложного дела своему боярину Вячеславу.³²⁹ Вероятно, именно этот боярин и управлял Киевом (разумеется, от имени своего князя).³³⁰ Сыновей Рюрика Роман увел в Галич: их можно было использовать в качестве заложников (впереди были непростые переговоры с великим князем Всеволодом). Вскоре Всеволод, любимая дочь которого была замужем за Ростиславом Рюриковичем, потребовал от Романа освобождения пленников. Поскольку Роман согласился на это, надо полагать, что он получил какие-то гарантии в отношении того, что Рюрик останется монахом. Ростислав сел княжить в Киеве³³¹ (разумеется, по воле своего могущественного тестя — в противном случае сыну Рюрика не удалось бы обойти своих старших двоюродных братьев). Важнейший в стратегическом отношении Вышгород, этот

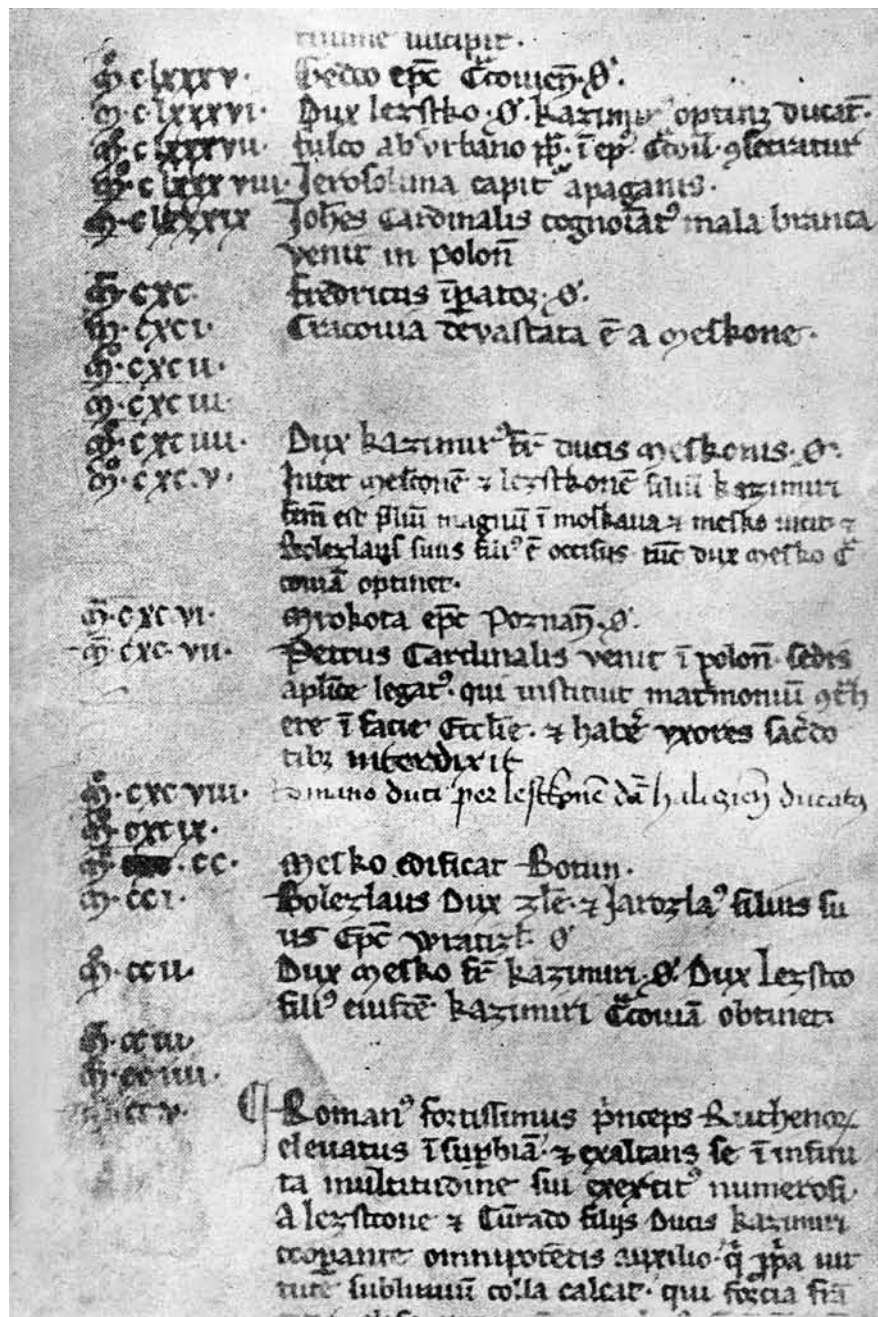
Насильственное пострижение Рюрика, его жены и дочери.
Миниатюра Радзивилловской летописи, л. 245 об. XV в.

ключ к Киеву, 40 лет без малого находившийся под контролем князей из рода Ростиславичей, неожиданно получил теперь один из «Володимиричей» — Ярослав.³³² Здесь снова чувствуется рука Всеволода, который очень хорошо знал этого князя и в определенной степени мог доверять ему. Романа эта кандидатура, учитывая общность его интересов с «Володимиричами», тоже вполне устраивала.

На первый взгляд может показаться, что Роман добился совсем немногого: убрал своего бывшего тестя с политической сцены и несколько «продвинул» своих союзников. К сожалению, нам совершенно неизвестна судьба Белгорода, что затрудняет анализ политической обстановки. Если допустить, что Ростиславичи потеряли не только Вышгород, но и Белгород (а это более чем вероятно, ибо Роман после трепольского переворота был полным хозяином положения), то получается, что в «Русской земле» (на Киевщине) в очередной раз установилось двоевластие. Впрочем, теперь оно повторяло не систему соправительства Рюрика и Святослава в 1181–1194 гг., а более раннюю ситуацию времен княжения в Киеве Ярослава Луцкого в 1173–1175 гг. В самом деле, Ростислав Рюрикович оказался в Киеве практически в том же положении, в каком находился 30 лет назад Ярослав Луцкий. Разница была очень невелика. В прошлом старший из князей, владевших городами на Киевщине, т.е. Рюрик, не удалялся далее Вручего

и лично присматривал за действиями сидевшего в Киеве князя. Теперь же заместивший вычеркнутого из политической жизни Рюрика Роман оставался в Галиче, а на Киевщине действовал через своих полусоюзников-полуассалов «Володимиричей».

Достаточно ясно, что подобная система не могла быть устойчивой. Во-первых, держалась она только силой личности ее основного создателя, т.е. Романа; во-вторых, она оставляла без внимания интересы Ольговичей, которые не стали бы слишком долго мириться с таким положением. Однако непосредственно после трепольского переворота Ольговичи оказались перед лицом единого фронта потомков Мономаха, созданного в сложнейшей политической обстановке дипломатическим искусством Романа. Ольговичи на некоторое время вынуждены были отказаться от своих амбициозных мечтаний. 6 февраля 1205 г. они подтвердили условия заключенного ранее мира.³³³

Рочник Краковского капитула, с. 12 (записи 1185–1205 гг.)

Глава седьмая

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД РОМАНА: ИЮНЬ 1205 г.

Последнее известное нам предприятие Романа — поход в Малую Польшу, оказавшийся для него роковым. 19 июня 1205 г. под Завихостом он погиб в случайной стычке двух небольших отрядов на берегу Вислы. Сохранились два ранних известия об этом перевернувшем историю региона событии: польское — в рочнике Краковского капитула³³⁴ (приписываемое перу Винцентия, который с 1207 г. был епископом Краковским) и русское — в Лаврентьевской летописи³³⁵ (восходящее к своду 1305 г., а через него — к летописанию времен великого князя Всеволода). Оба рассказа взаимно дополняют друг друга, но ни в одном из них действия Романа не мотивированы.

Хроника Винцентия, который пообещал читателю в своем месте дать рассказ о «благодарности» Романа полякам за оказанные ему благодеяния,³³⁶ обрывается на событиях 1202 г. Вследствие этого причина вторжения Романа во владения Лешка представляет для нас трудноразрешимую загадку. Ради чего был принесен в жертву очень ценный и проверенный временем союз? Известно, что русские князья XI–XIII вв. иногда с удивительной легкостью разрывали старые союзные отношения и заключали новые для достижения сиюминутной выгоды, но в отношении Романа как раз и неясно, какую выгоду для себя он видел в разрыве отношений с Лешком.

Первая попытка объяснить действия Романа принадлежит польскому историку XV в. Яну Длугошу, который приписал русскому князю стремление завоевать Люблин с его округой.³³⁷ Вероятно, такая мысль не сразу пришла историку в голову: в рукописи данное известие имеет характер авторской приписки к основному тексту. Созданная Длугошем версия в разных модификациях воспроизводилась более поздними польскими хронистами, а затем и русскими

историками XVIII–XIX вв. до Соловьева включительно.³³⁸ Ситуация изменилась после введения в научный оборот французской латиноязычной «хроники Альберика», которая велась до 1260 г. в цистерцианском аббатстве Трех источников (округ Шалон-на-Марне). В этой хронике под 1205 г. обнаружилось еще одно известие о гибели Романа: «Король Руси, по имени Роман, оставивший пределы свои и желавший пройти через Польшу в Саксонию, и желавший как мнимый христианин разрушить церкви, был за рекой Вислой по промыслу Божию ранен и убит двумя братьями, князьями польши Лешко и Конрадом, и все, кто присоединился к нему, были или рассеяны, или убиты».*

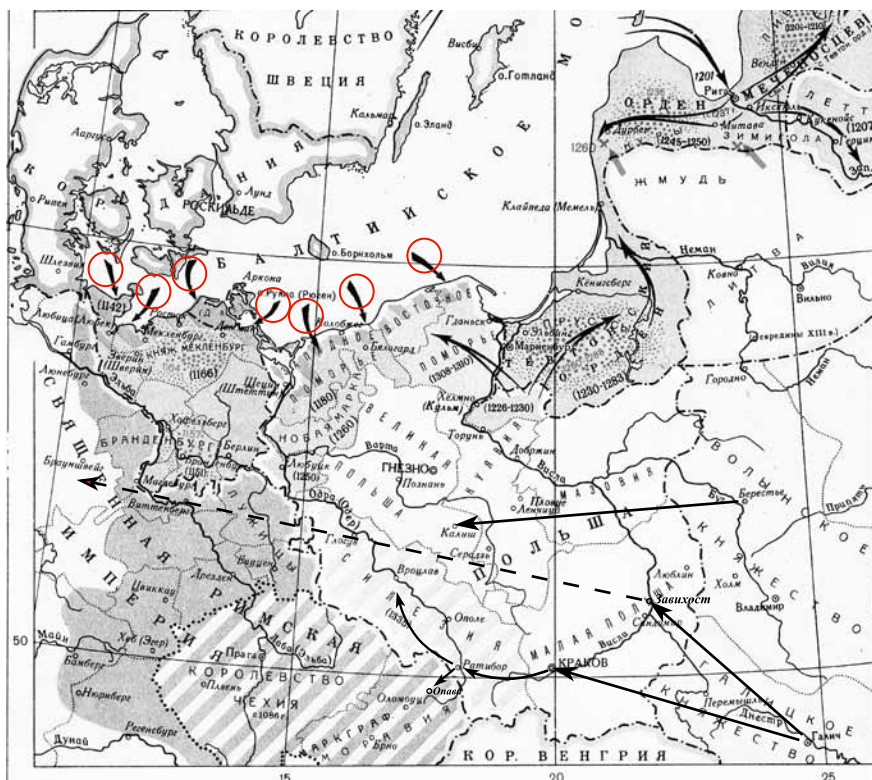
Как видим, в этом рассказе содержится элемент мотивации: французский хронист утверждает, что Роман хотел пройти через Польшу в Саксонию. Поскольку в Германии с 1198 г. не прекращалась борьба за имперскую корону между владетельными домами Вельфов и Штауфенов, некоторые историки поспешили приписать галицкому князю планы вмешательства в эту борьбу. Эту версию активно продвигал, например, В. Т. Пашуто — крупнейший специалист по внешнеполитическим связям Древней Руси. Но если Роман не собирался воевать в Польше, а только шел через ее территорию, то почему Казимировичи преградили ему путь под Завихостом? Может быть, они выполняли свой долг имперских вассалов, будучи противниками того кандидата в императоры, которого хотел поддержать Роман? Увы, эта любопытная версия противоречит данным русских летописей — отрывочным, но весьма красноречивым.

Из так называемой «Галицко-Волынской летописи» (заключительная часть Ипатьевской летописи) мы узнаем, что через год примерно после гибели Романа Лешек с почетом принимал у себя в Кракове его вдову и малолетних сыновей. «Не помяну вражды»,³⁴⁰ — замечает по этому поводу летописец. Чуть позже, посылая старшего Романовича к венгерскому королю, Лешек говорит: «яз не помянух свады Романовы».³⁴¹ Итак, русский летописец признает, что между Романом и Лешком была вражда, причем краковский князь в этом конфликте был потерпевшей некую обиду стороной. Поскольку летописец ведет

* *Rex Russie, Romanus nomine, a finibus suis egressus et per Poloniam transire volens in Saxoniam, et ecclesias destruere volens sicut falsus christianus, a duobus fratribus Polonie ducibus Listec et Conrado super Wisselam fluvium Dei iudicio percussit et occiditur, et omnes quos secum aggregaverat aut disperguntur aut interficiuntur.*³³⁹

рассказ о судьбе сыновей Романа, подробности рокового столкновения Романа с Лешком ему не нужны, но первопричину конфликта он мимоходом все-таки сообщает: «Володислав лестя межи има (т. е. обманывал обоих. — А. Г.) и зазор имея (завидуя. — А. Г.) любви его».³⁴² Упомянутый здесь Владислав нам уже несколько известен: это изгнанный из Кракова двоюродный брат Лешка, крайне заинтересованный в разрыве его союза с Романом. Что же такое Владислав мог пообещать Роману, чтобы тот решительно переменял свою политику? Очевидно, только значительные территориальные уступки в Малой Польше. Делать такие уступки Владислав, разумеется, считал себя вправе: в своих собственных глазах он был законным краковским князем. Между прочим, Владислав мог обнаружить в истории своей страны любопытный прецедент. Ровно 60 лет назад, в 1145 г., один из пограничных польских городов (причем очень важный в стратегическом отношении — Визна) был уступлен Болеславом IV русским князьям.³⁴³ В 1205 г. подобная сделка Владислава с Романом была бы очень выгодна для великопольского князя: «уступленные» земли реально принадлежали его противнику, Лешку Краковскому, их надо было еще отвоевать, причем делать это должен был сам Роман. В этой связи большой интерес представляет известие Лаврентьевской летописи о взятии Романом в самом начале его последнего похода двух польских «городов».³⁴⁴ Одно это уже вполне опровергает приписываемое Роману намерение «пройти через Польшу»: ни один военачальник, имея целью провести войска через какую-либо территорию, не стал бы штурмовать расположенные там укрепленные пункты.

Гипотезу о походе Романа в Саксонию вообще очень полезно будет рассмотреть с точки зрения военно-стратегической. Для начала обратимся к летописным свидетельствам о самых дальних походах русских князей. В 1229 г. сыновья Романа, действовавшие в союзе с Конрадом Мазовецким, дошли до Калиша в Великой Польше (базой похода было Берестье).³⁴⁵ Летописец подчеркивает беспрецедентность событий: «иныи бо князь не входил бе в землю Лядьску толь глубоко, проче Володимера Великаго, иже бе землю крестил».³⁴⁶ Позднейшие походы в Моравию, к Опаве (1253 г.),³⁴⁷ и в Силезию, к Вроцлаву (1289 г.),³⁴⁸ были несколько большей протяженности, но в этих двух случаях русские войска имели надежные базы в Малой Польше. В сущности, поход на Калиш так и остался непревзойденным. Современные исследователи, использующие известие французской

Карта немецких завоеваний в Восточной Европе XII–XIII вв. Сплошными тонкими стрелками показаны маршруты похода Романа к Завихосту (1205 г.) и позднейших дальних походов сыновей и внуков Романа (1229, 1253, 1289 гг.). Пунктирной стрелкой показан маршрут воображаемого похода Романа в Саксонию

хроники о событиях 1205 г., приписывают Роману замысел похода на расстояние вдвое большее! (Даже если считать от Завихоста, а не от Галича.)

Если мы возьмем карту средневековой Европы и уточним, где находились владения Романа, а где предполагаемый конечный пункт его похода, то легко убедимся в фантастичности этого проекта. Из реальных военных предприятий XII в. приписываемый Роману замысел сопоставим по своему масштабу только с крестовыми походами.

В дальнем походе надо кормить людей по меньшей мере дважды в день и постоянно добывать фураж для коней; при этом неизменно возникают конфликты с мирными жителями, даже в случае прохода войска через дружественное государство. В эпоху крестовых походов такого рода конфликты легко перерастали в самые настоящие

военные действия: Фридриху Барбароссе, например, пришлось сражаться с христианами (православными греками) во Фракии. Посмотрим, однако, с какой скоростью передвигалось войско Барбароссы до открытого столкновения с византийскими войсками (летом 1189 г., в начальной фазе похода немецких крестоносцев на Восток). Путь немецкого войска по старой римской военной дороге, тогда еще находившейся в приличном состоянии, на участке «Браничев–Ниш–София–Филиппополь» занял целых 54 дня (учитывая многонедельные остановки для отдыха).³⁴⁹ Сумма расстояний по прямой между названными городами составляет примерно 425 км. Попробуем теперь определить, сколько времени мог занять фантастический поход Романа Мстиславича из Галича в Саксонию.

За конечный пункт примем условно самый восточный из саксонских городов, центр епископства — Хальберштадт. Один из промежуточных пунктов предполагаемого похода очевиден: это польский город Завихост на Висле. О прочих не будем гадать и представим маршрут Романа в заведомо укороченном виде, проведя на карте две прямых линии: «Галич–Завихост» и «Завихост–Хальберштадт». В совокупности два указанных отрезка пути дают расстояние, превышающее 1000 км. Судя по «Слову о полку Игореве», конница Романа обладала тяжелым рыцарским вооружением.³⁵⁰ Кроме того, в войске были значительные контингенты пехоты (рочник Краковского капитула говорит о «бесчисленных фалангах» Романа).³⁵¹ Такая армия, конечно же, не могла идти в несколько раз быстрее, чем армия немецких крестоносцев. Если бы Роман Мстиславич в 1205 г. передвигался с той же скоростью, что и Фридрих Барбаросса в 1189 г., он затратил бы на поход до Хальберштадта 130 дней, а ведь надо было еще немного повоевать, хотя бы ради приличия, а потом еще и вернуться! В целом предполагаемая экспедиция в Саксонию должна была занять никак не менее 9 месяцев... Допустим все-таки, что Роман мог передвигаться вдвое

Печать Конрада Мазовецкого. 1228 г.

быстрее, чем Фридрих: первому предстоял путь по европейским равнинам, а второму между Нишем и Филиппополем пришлось идти через горы (хотя и по римской военной дороге). Допустим также, что Роман планировал отвести на военные действия не более 20 дней. Все равно получаем невероятную продолжительность предполагаемого похода в Саксонию: пять месяцев. Роман не мог оставить свои владения на столь долгий срок, ибо его противники непременно использовали бы столь благоприятный случай для вторжения (что легко доказать, обратившись к реальному развитию событий после гибели Романа). Даже в случае полной удачи предполагаемого сверхдальнего похода к моменту возвращения Роман рисковал оказаться князем без княжества, что в его жизни однажды уже случилось и должно было отучить его от авантюры.

Отметим также, что Роману не было никакого смысла вмешиваться в борьбу за имперскую корону. Безразличие исхода этой борьбы для галицко-волынского князя так очевидно, что даже В. Т. Пашуто, упорно отправлявший (на страницах своих книг) Романа в Саксонию, почувствовал необходимость какой-то иной мотивации. Именно поэтому в монографии Пашуто о внешней политике Древней Руси появилось брошенное вскользь замечание, приписывающее Роману разработку некоего «широкого плана, связанного с защитой русских традиционных интересов в Поморье».³⁵² К сожалению, за этой туманной фразой нет никакого реального содержания: «традиционные интересы» в Поморье имелись только у польских князей. Русско-польские связи в эпоху средневековья хорошо изучены. Крупнейший специалист в этой области, Н. И. Щавелева, сделала попытку примирить версию Пашуто, основанную исключительно на известии французской хроники, с сообщением Ипатьевской летописи о Владиславе, поссорившем «союзных до сего времени Романа и Лешко». Результат оказался плачевным: перемешав известия источников с домыслами и незаметно запутавшись в отношениях между европейскими властями начала XIII в., исследовательница заставила Романа изменить предписанный ему французской хроникой маршрут и отправила его уже не в Саксонию, а в Поморье. Здесь Роман, по версии Щавелевой, должен был действовать в интересах представителя Штауфенов Филиппа Швабского, основным противником которого в данном регионе был датский король Вальдемар II, который как раз в 1205 г. совершил поход в Поморье при поддержке великопольского князя Владислава

Ляскононого, боровшегося за Краков с Лешко Белым, союзником саксонских Вельфов, против которого выступил по наущению Владислава Роман, поддерживавший Филиппа Швабского в его борьбе с представителем Вельфов Оттоном IV.³⁵³ Если какой-нибудь любитель головоломок возьмется распутать этот клубок, то его вряд ли ждет удача. Гордиев узел всегда проще разрубить, чем развязать. Если бы Роман действительно хотел помочь Филиппу Швабскому в его притязаниях на Поморье, он не только не разорвал бы союз с Лешком, но и воевал бы вместе с ним против Владислава, чтобы не допустить его совместных с датским королем Вальдемаром действий, объективно направленных против интересов Филиппа Швабского в Поморье. Кроме того, ориентация Лешка Белого на Вельфов, принятая Щавелевой за достоверный факт, на самом деле всего лишь гипотеза (которая в новейшей литературе оспаривается).³⁵⁴

Выше было показано, что мнение французского хрониста, считавшего конечной целью последнего похода Романа Саксонию, безусловно ошибочно. Вопрос теперь в том, как вообще могло возникнуть такое мнение. Хронист цистерцианского монастыря, расположенного в районе г. Шалона на Марне, называет имена не слишком известных в Западной Европе польских князей и упоминает Вислу — реку, во Франции тогда еще совершенно неизвестную.³⁵⁵ Исходя из этого, можно утверждать, что французский рассказ о последнем походе Романа основан не на слухах, а на тексте *послания*, полученного из Польши. О том же говорит и враждебный тон французского хрониста в отношении «короля Руси», который объявлен мнимым христианином, стремящимся разрушить церкви. Пашуто видел здесь косвенное указание на политическую ориентацию Романа: союзник Вельфов, на стороне которых был Папа, не мог быть подобным образом аттестован; следовательно, Роман намеревался поддержать Штауфенов.³⁵⁶ Рассуждение очень остроумное; жаль только, что Пашуто не потрудился нам объяснить, зачем вообще нужна была Штауфенам поддержка Романа в июне 1205 г. (уже к исходу 1204 г. дело Штауфенов в Германии решительно восторжествовало).³⁵⁷

Вопрос определения отношения к Роману вообще не стоял перед французским хронистом: его источник *уже содержал* оценку действующих лиц. Если источник этот был польского происхождения, то заведомая клевета по адресу Романа — мнимого христианина, желавшего разрушить церкви, — вполне понятна. Отношение к русским

как к мнимым христианам — характерная черта идеологии польских цистерцианцев. Здесь можно вспомнить и хронику Винцентия, пропитанную антирусским духом, и значительно более ранний памятник — письмо краковского епископа Матвея основателю ордена цистерцианцев Бернару Клервосскому (ум. 1153). Матвей уверяет своего адресата, что русский народ «Христа лишь по имени признает, делами же совершенно отрицает».³⁵⁸

Итак, есть некоторые основания утверждать, что известие о гибели Романа, читаемое во французской хронике, имеет польское происхождение. Однако предполагаемый корреспондент французских цистерцианцев, известивший их о последнем походе Романа, вряд ли был этническим поляком: он знает имя краковского князя, но написание этого имени («Listec») у него совсем иное, нежели у польских авторов (в рочнике краковского капитула — «Lezstco», у Винцентия — «Lestco»). Скорее всего, автором известия о последнем походе Романа был какой-нибудь папский легат, посетивший Польшу вскоре после гибели Романа, когда это событие было еще политически актуальным. Альберик же, видимо, обнаружил послание этого легата в монастырском архиве лишь четверть века спустя (принято считать, что он начал работу над своей хроникой в 1232 г.). «Польский след» в рассказе Альберика совершенно отчетливый: реальные события переданы с такого рода искажениями, в которых мог быть заинтересован только поляк из окружения Казимировичей, пламенный патриот своего отечества (вроде Винцентия). Объявив Романа «королем Руси» и направив его (на словах) в Саксонию, польский патриот придавал локальному конфликту общеевропейское значение и повышал в глазах своего собеседника, папского легата, значимость победы, одержанной польскими князьями над «мнимым христианином» на восточном рубеже католического мира.

Распознавшись с фантастической версией о походе Романа в Саксонию, принимаемой большинством историков за «исторический факт», мы впервые получаем возможность увидеть за фабулой рассказа французской хроники факт совсем иной — не событийного, а ментального ряда. И французский хронист, и его информатор считали вмешательство Романа в имперские дела возможным! Не располагая какими-либо картами, они не могли оценить должным образом безбрежность пространств Восточной Европы, поэтому в географическом смысле их заблуждение легко объяснимо. Однако

Тип меча конца XII–начала XIII в.

нас интересует сейчас уже не географический, а политический аспект проблемы. Здесь необходимо уяснить, что означало бы в понятиях феодальной эпохи реальное появление Романа с войском на той территории, где шла война между законным императором и узурпатором (кто именно из двух претендентов был в глазах галицкого князя законным императором, а кто узурпатором, в данном случае совершенно безразлично).

Мы помним, что французский хронист присвоил Роману титул «короля Руси». Не следует думать, однако, что современники воспринимали «короля Руси» как равноправного союзника императора: в те времена между «королем» и «императором» была довольно высокая иерархическая ступенька. Кроме того, Роман владел княжеством того самого Владимира Ярославича Галицкого, который сравнительно недавно (за 15 лет до последнего похода Романа) признал свою вассальную зависимость от императора. Если допустить на минуту, что Роман действительно шел с войском в Германию, то получается, что он принял на себя политические обязательства своего предшественника (как известно, предоставление войска и личное участие в походе — не что иное, как сама суть обязанностей вассала). Поскольку польский патриот, версию которого

Так называемый меч св. Маврикия (между 1200 и 1214 гг.). Принадлежал, судя по гермам на рукояти, императору Оттону IV из рода Вельфов; впоследствии — коронационная регалия империи. Вена. Музей истории искусства.

воспроизводит французский хронист, счел возможным «отправить» Романа в Саксонию, приходится думать, что он либо всерьез считал этого русского князя имперским вассалом, либо хотел его таковым представить. Последнее маловероятно: поляки не были заинтересованы в признании Галицкого княжества имперским леном. После гибели Романа краковская верхушка получила надежду завоевать западную часть его галицких владений — Перемышльскую землю, присоединив ее к Малой Польше без всяких феодальных условностей и, разумеется, без санкции императора.³⁵⁹

В положении Романа, не имевшего формальных прав на галицкий стол, признание вассальной зависимости от императора было политически целесообразным. В сущности, это был единственный возможный способ узаконить захват Галича (пусть даже только в глазах западных соседей — краковского князя и венгерского короля). Роману пришлось бы, правда, выплачивать императору ежегодную дань («трибут»), но Галицкое княжество было богатым, поэтому игра стоила свеч. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные о связях Романа с Германией крайне скудны. Возможно, Роман был в кровном родстве со Штауфенами. Это предположение основывается на сопоставлении данных двух польских латиноязычных хроник о второй жене Мешко III. Винцентий пишет, что она была дочерью «русского короля» (речь идет о киевском князе Изяславе Мстиславиче).³⁶⁰ Анонимный автор более поздней «Великой хроники», обычно просто пересказывающий Винцентия, в данном случае сообщает нам нечто новое: оказывается, вторая жена Мешко была «родственницей императора Фридриха».³⁶¹ Если считать второе, более позднее известие ошибочным, то непонятна причина возникновения столь замысловатой ошибки. С другой стороны, жена Мешко вполне могла быть одновременно и дочерью Изяслава, и родственницей Фридриха — необходимо только допустить, что Изяслав женат был на неизвестной нам принцессе из дома Штауфенов. Тогда получается, что Роман — внук немки и кровный родственник претендовавшего на имперскую корону Филиппа Швабского (который был младшим сыном Фридриха Барбароссы). В этой связи представляет большой интерес следующий факт: «русский король» Роман почему-то сделал довольно крупный вклад в бенедиктинский монастырь св. Петра в Эрфурте. Запись в монастырском синодике гласит:

XIII Kal. iulii. Romanus Rex Ruthenorum. Hic dedit nobis XXX marcas.³⁶² (13-й день до календ июля. Роман, король Русский. Этот дал нам 30 марок).

Как видим, благодаря сделанному пожертвованию «русский король» был включен в посмертное литургическое поминовение наряду с братией обители. 30 марок — сумма для начала XIII в. довольно значительная. Один из самых известных современников Романа, немецкий поэт Вальтер фон дер Фогельвайде, по странному совпадению получил однажды от своего короля точно такую же сумму; в посвященном этому приятному сюрпризу стихотворении поэт пустился в рассуждения о том, не вложить ли ему эти деньги в морскую торговлю.³⁶³ С другой стороны, те же самые 30 марок могут показаться суммой совсем небольшой, если сравнить вклад Романа в эрфуртский монастырь св. Петра с вкладами русских князей в Киево-Печерский монастырь.³⁶⁴

Чтобы понять смысл и значение поступка Романа, необходимо прежде всего принять во внимание, что в любой европейской денежной системе, основанной на серебре, число «тридцать» неизбежно приобретает символическое значение (возникает ассоциация с евангельскими 30 сребренниками). После того как Европа в XVI–XVII вв. наводнена была американским серебром, полученная Иудой сумма стала казаться смехотворно низкой, но в эпоху средневековья, когда серебро было в цене, дело обстояло прямо противоположным образом. В сознании современников Романа, видимо, существовал психологический рубеж: любая сумма, начиная с 30 марок, воспринималась как большая. Поэтому для всякого властителя, желавшего прослыть щедрым и не слишком при этом потратиться, именно 30 марок были суммой выбора.

Какую цель преследовал Роман, делая вклад в католический монастырь? Беспомощность исследователей в интерпретации этого факта породила самые фантастические измышления,³⁶⁵ но почему-то никогда не предлагалось самое простое и естественное объяснение: Роман мог таким способом напомнить о своих кровных связях с цветом германской знати. Образно говоря, его 30 марок, пожертвованные монастырю, представляли собой вступительный взнос в некий элитный клуб. Если бы удалось определить, какой именно германский знатный род преимущественно покровительствовал монастырю св. Петра, можно было бы «вычислить» родню Романа. Скорее всего,

«Новгородские» гривны (серебряные слитки весом ок. 200 г.)

это ландграфы Тюрингии, которые, между прочим, тоже были в кровном родстве со Штауфенами (ландграф Герман I был сыном Ютты, сестры Фридриха Барбароссы).³⁶⁶

Какие переговоры вели в Германии послы Романа, побывавшие в Эрфурте, с кем именно велись эти переговоры, какие договоренности были достигнуты — этого мы, видимо, никогда уже не узнаем. Важно, однако, что в Польше успели «зачислить» Романа в имперские вассалы, а после его гибели сочли возможным приписать ему далеко идущие планы вмешательства в борьбу между Вельфами и Штауфенами.

* * *

Решительно отвергнув все измышления о стремлении Романа «продвинуться» за тысячу верст от своих владений, чтобы вести там войну в чужих интересах, мы неизбежно возвращаемся к альтернативной версии событий 1205 г., восходящей к Длугошу (этот хронист, как уже указывалось, писал о стремлении Романа получить принадлежавший Лешку Люблин).³⁶⁷ Очень интересно, что потомки Романа (причем в трех поколениях!) неизменно пытались овладеть Люблином: об этом свидетельствует неизвестная Длугошу Ипатьевская летопись.³⁶⁸ Когда Роман захватил Галич, следующей его целью стало установление контроля над всей южной Русью, до Киева включительно. События 1201–1205 гг. показали, что собственных сил у него для

этого недостаточно. Терпеливо ждать благоприятного поворота событий было не в обычае этого деятельного и неумного князя. Союз с Лешком себя исчерпал, зато союз с его соперником — Владиславом Лясконогим — сулил территориальные приобретения в Малой Польше, что в очередной раз увеличило бы доходы Романа и позволило бы ему содержать еще большее войско. Ближайшая цель казалась легко достижимой. В случае разгрома Романом войск Казимировичей их двоюродный брат Владислав Лясконогий занял бы вожденный Краков; Роман получил бы Люблин с его окрестностями; Лешек Казимирович в очередной раз был бы низведен до положения князя сандомирского, что позволило бы двум могущественным соседям полностью лишить его политической самостоятельности.

Непосредственные обстоятельства гибели Романа довольно хорошо известны. Согласно летописному своду 1305 г., передающему более раннюю традицию, Роман после взятия двух польских городов перешел Вислу и устроил стан «над берегом», а сам с малой дружиной зачем-то отъехал от главных сил.³⁶⁹ В поздней Никоновской летописи (XVI в.) добавлено, что Роман «оплошился»,³⁷⁰ т. е. сделал глупость (или, если угодно, ошибку). Историки не первый век вчитываются в скупые строки древних манускриптов, пытаются понять логику действий галицкого князя. Роман был уже не в том возрасте, чтобы легкомысленно отправиться в набег на какое-нибудь богатое село. Проведший всю свою жизнь в походах и сражениях, он обладал к этому времени настолько богатым военным опытом, что вряд ли разумно обвинять его, вместе с летописцем XVI в., в простейшем тактическом просчете.

Однако версия Никоновской летописи все-таки получила свое развитие, и к тому же весьма картинное: известный историк первой половины XVIII в. Татищев приписал Роману желание устроить псовую охоту среди вражеской земли, воспользовавшись достигнутым перемирием («еха в поле прогулятися со псы в мале дружине»³⁷¹). Рассказ Татищева о событиях 1205 г. в некоторых деталях обнаруживает текстуальную зависимость не только от Никоновской летописи, но и от поздней польской хроники Мартина Кромера (1555 г.).³⁷² Искусственность и литературность татищевской версии достаточно очевидны, не говоря уже о ее запредельной наивности. Не исключено, впрочем, что многочисленные сторонники достоверности татищевских известий найдут рассказ о псовой охоте Романа вполне

вероятным: в неизвестной Татищеву «Галицко-Волынской летописи» есть рассказ о княжеской охоте во время военного похода (из Хóлма на Галич). Данил Романович, провожавший войско до городка Грубешева, охотился вместе со своими «отроками» (младшими дружинниками) на вепрей и снабдил воинов мясом на дорогу. Однако Данил Романович находился в самом сердце своих обширных владений, недалеко от своей новой столицы — Хóлма. К тому же Данил Романович не собирался выступать в роли полководца: он лишь провожал свое войско, которым командовал его сын Роман. По-настоящему поход начался только после того, как старший князь произнес перед войском ободряющую речь и повернул назад.³⁷³

Охота на вражеской земле была немислима даже во время перемирья. Вспомним «Поучение детям» Владимира Мономаха, передававшееся его потомками из поколения в поколение.³⁷⁴ «На войну выйдя, — пишет Мономах, — не ленитесь, не полагайтесь на воевод. Ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью. И дозорных сами отряжайте; и ночью, выставив их со всех сторон, ложитесь около воинов, а утром рано вставайте. И оружия с себя не снимайте слишком быстро, не осмотревшись по лености — внезапно ведь человек погибает».³⁷⁵ Какая уж тут псовая охота! Роман вполне мог отъехать от главных сил вместе со сторожевым разъездом, чтобы лично осмотреться на местности (в полном соответствии с заветами Мономаха). Однако война полна трагических случайностей, предусмотреть все невозможно. Отряд Романа был неожиданно атакован поляками; в неравном бою погибли и сам князь, и все окружавшие его воины.³⁷⁶ Гибель князя положила конец удачному начатому походу.

Польская версия тех же событий открывает на первый взгляд совсем иную картину, но при внимательном прочтении обнаруживаются важные точки соприкосновения с рассказом русского летописца. В Рочнике краковского капитула превозносится доблесть воинов Лешко и Конрада, которые «обратили в бегство двадцать одну тысячу воинов».³⁷⁷ Названная польским источником численность войска Романа, конечно же, преувеличена: даже император Фридрих Барбаросса в третьем крестовом походе командовал меньшими силами.³⁷⁸ Средневековые авторы вообще склонны значительно преувеличивать численность войск, особенно вражеских (киевский летописец, например, оценил численность войск, собранных Андреем Боголюбским в 1173 г. для похода на Киев, в пятьдесят тысяч).³⁷⁹ Необходимо

помнить, однако, об исключительности положения Романа: он держал всю Галицкую землю и половину Волыни, поэтому собранное для похода в Польшу войско могло быть довольно велико (в особенности пехотная его часть).

Попробуем представить себе общие мобилизационные возможности Галицкого княжества. В мае 1223 г., за несколько дней до битвы на Калке, Мстислав Удатный (владевший, в отличие от Романа, только Галичем) атаковал татарские сторожевые разъезды во главе конного отряда численностью в тысячу «воев».³⁸⁰ Если считать, что Мстислав ввел в бой только свою собственную дружину, то это своего рода рекорд для домонгольской Руси: великий князь Святополк Изяславич, гордившийся численностью своей дружины, в 1093 г. располагал лишь восемью сотнями «отроков».³⁸¹ Если же считать, что Мстислав действовал во главе всей галицкой конницы, включая «великих» бояр с их дружинами и «меньших» бояр с их единичными военными слугами, то тысяча воинов — не так уж много. Известно, что через несколько лет после гибели Романа овладевшие Галичем Игоревичи устроили заговор против местных бояр: 500 из них были перебиты, в том числе несколько «великих».³⁸² Отсюда ясно, что галицкие бояре, не имевшие ранга «великих», исчислялись сотнями, т. е. представляли собой аналог рыцарского сословия стран Западной Европы. Галицкие князья могли располагать весьма многочисленной боярской конницей, и тысяча воинов здесь, видимо, не предел.

Единственное в «Галицко-волынской летописи», да и в русских летописях вообще, точное указание на соотношение конницы к пехоте (в ходе одной второстепенной военной операции 1241 г.) дает соотношение 1:10 (300 всадников и 3000 пехотинцев). Войска галицко-волыньских князей в это время разделены были на три части. Главными силами командовал Данил Романович, воевавший на юге, в верховьях Случи и Южного Буга. Здесь же действовал вспомогательный корпус (численность которого и называет летописец) во главе с печатником Кириллом. Василько Романович, отправив бо́льшую часть своих воинов в поход со старшим братом, оставался с небольшими силами на Волыни — «стеречи земле от Литвы».³⁸³ Легко догадаться, что общая численность войск Романовичей должна была по меньшей мере втрое превышать численность вспомогательного корпуса печатника Кирилла. Получается, что у Романовичей в 1241 г. было как минимум

Поход Романа в Польшу (1205 г.). Страницы из Лицевого летописного свода XVI в., воспроизводящего текст Никоновской летописи. Лаптевский том. СПб. Российская национальная библиотека. Слева — взятие Романом двух польских городов. Справа — гибель Романа, здесь князь изображен трижды: рядом с шатром, символизирующим русский стан «над Вислою рекою»; во главе «малой дружины» в бою с польским отрядом; непосредственно в момент гибели (польский воин поражает его копьем)

900 конных и 9000 пеших воинов (и это при том, что всего лишь несколько месяцев назад по их земле прокатилась волна татарского нашествия!).

В этом регионе в первой половине XIII в. большой численный перевес пехоты над конницей, вероятно, был обычным явлением при формировании войск.³⁸⁴ Когда польский анналист говорит о «бесчисленных фалангах» («*infinitas phalanges*»³⁸⁵) Романа — речь тоже идет о пехоте. Если исходить из соотношения 10:1, то получается, что войско Романа в 21 тысячу человек (взятое из польского рочника число принимается условно — как «верхняя планка») включало примерно 1900 конных воинов. Для XII–XIII вв. это очень много, но нельзя сказать, что совсем уж невероятно.³⁸⁶ Полагаю, что степень преувеличения в рочнике не слишком велика (примерно двукратная).

Все эти выкладки помогают нам понять, что же, собственно, случилось 19 июня 1205 г. под Завихостом. Обратиться в бегство огромное войско Романа лихим наскоком, как это изображается в Рочнике краковского капитула, было физически невозможно. Ключевым моментом является описание предшествовавших бою обстоятельств. Здесь польский автор с трогательной наивностью проговаривается: оказывается, дерзкое нападение «на бесчисленные фаланги упомянутого Романа» совершили те немногие, которые «остались из малого войска названных князей, уже возвращавшегося домой по причине усталости или тяжких ран».³⁸⁷ Другими словами, в бою участвовал только небольшой отряд отступавшего перед Романом польского войска. Такое развитие событий возможно в двух случаях: 1) польский арьергард столкнулся с русским сторожевым разъездом, которым, по воле рока, командовал сам князь; 2) войско Романа было внезапно атаковано польским арьергардом на марше, когда уряжающий полки князь постоянно переезжал с места на место, сопровождаемый только немногочисленной личной охраной. Именно таков был воинский обычай первой половины XIII в. Очень интересно летописное описание большого войска на марше, возглавляемого сыном Романа — опытейшим военачальником своего времени: «Данил же изрядив полки и кому полком ходити, сам изыде наперед, стрелци же пусти наперед, а другия обаполы дороги, дворьскому же повеле за собою ходити, сам же еха в мале отрок оружных».³⁸⁸

Второй вариант, кажется, ближе к буквальному смыслу польского рассказа, но в любом случае подтверждается сообщение русского летописца о случайном характере стычки, в которой погиб Роман. Только под пером польского патриота столкновение двух небольших отрядов превратилось в грандиозное сражение: «После неслышанной резни переполнилась кровью река Висла и вышла из берегов; вода в ней изменила естественный цвет на алый, и было в ней бесчисленное множество трупов погибших от победоносной руки поляков».³⁸⁹ Судя по летописному рассказу, поляки после истребления «малой дружины» Романа поспешили убраться с поля боя. Однако дальнейшее развитие событий дало польским историкам последующих веков полное право писать о бегстве русских. Дело в том, что гибель князя осталась неотомщенной. Галичане, забрав его тело с поля боя (видимо, оставшееся даже не опознанным врагами), сразу же ушли из польских пределов.³⁹⁰ С плеч юных польских князей, Лешка

и Конрада Казимировичей, свалилось бремя тяжелой и опасной войны. Победа приписана была помощи высших сил: согласно преданию, отразившемуся в «Анналах» Яна Длугоша, юные победители отвели в краковском соборе особый придел святым Гервасию и Протасию, в день памяти которых был убит Роман.³⁹¹

*Часть 1: лето 1991 г.; 1998 г.;
август 2004 г.–декабрь 2007 г.*

ЭПИЛОГ

Разбирая биографию Романа, мы обнаруживаем там целый ряд такого рода поступков, которые приходится расценивать как политический авантюризм. Роман не умел ждать, не умел действовать последовательно; он хотел получить все и сразу, он слишком легко ставил на карту все — и в конце концов все проиграл. Однако незадолго до гибели — нелепой, случайной и бесславной — этому князю удалось добиться впечатляющих успехов. В сложной исторической обстановке он сумел найти путь к возвышению, добился господствующего положения в регионе, первым объединил под своей властью галицкие и волынские земли, проложив дорогу своим сыновьям.

На русской почве Роман ярко и демонстративно воплотил в себе довольно редкий, но характерный для эпохи тип личности. Случалось, что наиболее одаренные физическими и духовными силами представители господствующего класса оказывались в стороне от большой политики. Только самые неординарные действия могли вывести этих пасынков судьбы из безвестности. Располагая немалым уже по праву рождения, но претендуя на нечто гораздо большее, они твердо знали, чего хотят, и неуклонно продвигались к заветной цели, не считаясь с препятствиями и не разбирая средств. В европейской истории Роман может быть поставлен в один ряд с такими известными воинами и политиками его времени, как Конрад Монферратский, герой 3-го крестового похода (возжелавший стать королем иерусалимским), и Симон де Монфор, предводитель крестового похода против альбигойцев (возжелавший занять место графа тулузского, не уступавшего богатством и славой иным королям). Любопытно, что эти два великих честолюбца, так же как и Роман, погибли насильственной смертью в тот самый момент, когда их дерзкие мечты близки были к полному осуществлению.

Тело Романа погребено было в Галиче, в церкви Успения Богородицы³⁹² — крупнейшем храме города. Именно здесь должны были находиться саркофаги с телами предшественников Романа — Ярослава Осмомысла и Владимира Ярославича. Отсюда ясно, что в Галиче законность княжения Романа не ставилась под сомнение. Со временем, когда события 1200–1205 гг. слегка подернулись дымкой забвения, враги Романа стали изображать его узурпатором. Особенно отличился при этом некий магистр Винцентий (на момент гибели Романа — скромный польский клирик, но уже два года спустя — епископ Краковский).

Во второй половине XIV в., после падения основанной Романом династии и завоевания Галицкой земли поляками, город Галич перенесен был к берегу Днестра. Гора над рекой Луквой постепенно запустела. К нашему времени от огромного галицкого храма Успения Богородицы, уступавшего лишь Софии Киевской, уцелели только жалкие обломки да остатки фундамента. Могила Романа бесследно исчезла. В польской традиции, благодаря воздействию на умы хроники Винцентия, Роман утвердился как один из самых опасных врагов, которых страна когда-либо имела. Вполне возможно, что могила этого врага (и к тому же «схизматика») осквернена была поляками и уничтожена, как это делалось в других подобных случаях.³⁹³ Характерно, что великий польский историк Длугош, живший в XV в., места погребения Романа уже не знает и на страницах своего труда «отправляет» его тело для погребения не в Галич, а во Владимир.³⁹⁴

ПРИМЕЧАНИЯ К ЧАСТИ ПЕРВОЙ

- ¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 394, под 6658 г.
- ² В 1148 г. Изяслав уже «приведе полкы в помощь собе» из Венгрии (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 361, под 6656 г.), хотя венгерский король как зять Изяслава впервые упоминается только годом позже (Там же. Стб. 384).
- ³ Начало этих переговоров относится к более раннему времени: между 1141 и 1145 гг. В Польше тогда шла междоусобная война между сыновьями Болеслава III Кривоустого: старшему (Владиславу II) противостояла коалиция младших (Болеслав IV, Мешко и Генрих). Около 1141 г. на съезде в Ленчице Болеслав и Мешко решили использовать будущий брак их малолетней сестры Агнешки для приобретения союзников на Руси (Ortliebi Zwifaltensis Chronicon. P. 91–92). Обстоятельства подталкивали их к союзу с Мстиславичами: киевский князь Всеволод Ольгович предпочел союз с Владиславом II, выдал свою дочь Звениславу за его сына Болеслава и организовал поход младших русских князей против младших братьев Владислава II (зима 1142/43 г.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 313, под 6650 г.). Составительница указателя имен к Ипатьевской летописи полагает, что на дочери Всеволода Ольговича был женат Болеслав IV. Если так, то получается, что киевский князь немедленно после свадьбы своей дочери начал войну против ее мужа. Поскольку это явная нелепость, мужем Звениславы следует считать все-таки Болеслава Высокого — сына Владислава II. Что касается Болеслава IV, то его женой, по всей видимости, была дочь старшего из Мстиславичей — Всеволода (Верхуслава, выданная замуж «в Ляхы»: Там же. Стб. 300, под 6645 г.). После ранней смерти Всеволода старшим среди Мстиславичей стал волынский князь Изяслав, именно к нему и должны были обратиться младшие братья Владислава II со своими предложениями о союзе и сватовстве. Характерно, что в 1145 г. Изяслав под предлогом болезни уклонился от участия в новом походе младших русских князей против младших братьев Владислава II, организованном Всеволодом Ольговичем (Там же. Стб. 318).
- ⁴ Отец Агнешки умер в 1138 г., а когда в Ленчице братьями принималось решение о ее будущем браке (см. примеч. 3), она все еще была малолетней.
- ⁵ «Древнерусская Церковь <...> пользовалась вначале нормами брачного совершеннолетия византийского гражданского кодекса, установленными в “Эклоге” Льва Исавра и Константина Копронима и в “Прохироне” Василия Македонянина. В первом памятнике возраст брачного = гражданского совершеннолетия юноши определялся в 15 лет, а девушки — в 13 лет; во втором памятнике — соответственно, в 14 и 12 лет; о запрете венчать “девочок менши двунадцати лет” говорилось в Послании митрополита Фотия в Новгород (XV в.)» (Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. С. 131–133).
- ⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384.

- ⁷ Мстислав «убеже в Переяславль и пойма жену свою иде в Луческ» (Там же. Стб. 475). Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 343.
- ⁸ Святослав Мстиславич упоминается в Ипатьевской летописи один-единственный раз под 6681 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 564); обозначение года в данном случае тремя единицами выше мартовского, т. е. события относятся к 1170–1171 г. (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 188, пункт «з»). Святослав выступает в качестве самостоятельно-го, принимающего ответственное политическое решение правителя. Отсюда ясно, что к этому времени он достиг по меньшей мере 12-летнего возраста: имеются позднейшие прецеденты, показывающие, что для князя это был общепризнанный возраст *правоспособности* (не смешивать с возрастом совершеннолетия!).
- ⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 489, под 6666 ультрамартовским годом.*
- ¹⁰ Там же. Стб. 502, под 6667 ультрамартовским годом.
- ¹¹ Там же. Стб. 504, под 6668 ультрамартовским годом.
- ¹² Ростислав Смоленский в период своего княжения в Киеве был заинтересован не столько в возобновлении борьбы за Переяславль, сколько в нейтрализации Юрьевичей. Последующие киевские князья были в сходном положении, поэтому южный Переяславль на протяжении 50 лет непрерывно контролировался могущественными владими́ро-суздальскими князьями.
- Нуждаясь в поддержке Мстислава, Ростислав передал ему Треполь, Торческ и Белгород; позднее, после очередного конфликта между дядей и племянником, Треполь заменен был на Канев (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 519; стб. 521, под 6671 г.).
- ¹³ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. ** С. 105 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 14).
- ¹⁴ Там же. С. 109 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 23).
- ¹⁵ «Великая хроника»... С. 106, гл. 30. Рассказ восходит к Винцентию.
- ¹⁶ *Otonis frisingensis episcopi et Ragewini Gesta Friderici imperatoris.* P. 418.
- ¹⁷ Имеется прямое указание, согласно которому на момент смерти Болеслава IV (1173) Казимир все еще не имел никаких владений: «Великая хроника»... С. 114 (гл. 33). Несколько ниже мы видим Казимира уже в роли князя сандомирского: Там же. С. 116 (гл. 35).
- ¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 532–534.
- ¹⁹ Там же. Стб. 543; ПСРЛ. Т. 3. С. 32, под 6675 г.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 32, под 6675 г. Имя полоцкого князя здесь не названо, но ниже как союзник новгородцев упомянут некий Володарь, что и делает возможным уточнить расстановку сил: в Ипатьевской летописи есть рассказ о борьбе Володаря Глебовича с полоцким князем Всеславом Васильковичем, союзником смоленских Ростиславичей (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 526–527, под 6675 ультрамартовским годом, т. е. за год до интересующих нас событий).
- ²¹ См. известие о споре из-за новгородских даней в 1149 г. между Изяславом Мстиславичем и его дядей Юрием, недавно выгнавшим племянника из Киева (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 388).
- ²² Дата бегства Святослава Ростиславича из Новгорода неизвестна, летописец приводит только дату перемены посадника — Семенов день (ПСРЛ. Т. 3. С. 32, под 6675 г.), т. е. 1 сентября. Однако до этого уже долго шли военные действия.
- ²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 533: «Целовали крест, якоже взятии им волость у Мстислава по своей воли». Участниками заговора были Владимир Мстиславич, Владимир Андреевич и три

* Здесь и ниже определение летописного года как ультрамартовского во всех случаях, не оговоренных особо, принадлежит Н. Г. Бережкову.

** Как здесь, так и ниже хроника Винцентия цитируется по этому легко доступному изданию ее наиболее значимых для русской истории фрагментов.

брата нового киевского князя: родной брат, Ярослав Луцкий, и два двоюродных — Рюрик и Давыд Ростиславичи.

- ²⁴ После вступления Мстислава Изяславича в Киев Вышгород был занят Владимиром Мстиславичем, откуда выбить его не удалось (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 534). Начались переговоры, результат которых летописец не сообщает, но из нижеследующего текста ясно, что Вышгород достался Давыду Ростиславичу (Там же. Стб. 535; стб. 541; последнее известие упоминает также Вручий как владение Рюрика). Интересно, что Давыд был давним недоброжелателем Мстислава. Когда между княжившим в Киеве Ростиславом Смоленским и его племянником Мстиславом возникла ссора, Давыд «без отня повеления» захватил контролируемый Мстиславом Торческ, арестовав его посадника (Там же. Стб. 519). Понятно, что Давыд провоцировал начало открытой войны.
- ²⁵ Там же. Стб. 538.
- ²⁶ Там же. Стб. 539, под 6678 г. Обозначение года в данном случае двумя единицами выше мартовского, см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 180, пункт «а».
- ²⁷ Известно, что архиепископ Мартурий зимой 1193/94 г. ехал из Киева в Новгород 36 дней (ПСРЛ. Т. 3. С. 40, под 6701 г.), что является своего рода рекордом, если сравнивать с данными о путешествиях из Киева в Новгород других лиц, ездивших летом, осенью или весной (см. *Дополнение 1. С. 373–374*). На Руси вплоть до XIX в. замерзшие реки служили дорогами, что значительно упрощало путешествия. По меньшей мере до 5 апреля реки и озера на Русском Севере были покрыты льдом (ПСРЛ. Т. 3. С. 78, под 6750 г.). Роман прибыл в Новгород 14 апреля 1168 г. (Там же. С. 33, под 6676 г.), т. е. он мог добраться по зимнему пути если не до самого Новгорода, то по меньшей мере до верховьев р. Ловати. Это позволяет предположить, что Роман затратил на путешествие примерно столько же времени, сколько ехавший по зимнему пути архиепископ Мартурий, или чуть больше. Другими словами, Роман должен был выехать из Киева около 10 марта или чуть раньше.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 561–562, под 6681 г.
- ²⁹ «И налезоса собе путь на Вячка и на Володаря», как говорит новгородский летописец (ПСРЛ. Т. 3. С. 32). Реконструкция маршрута посольства представляет немалые сложности. Вячко (Вячеслав) — лицо неустановленное. В указателе имен к последнему изданию Новгородской I летописи (ПСРЛ. Т. 3. С. 605) он совершенно произвольно объявлен сыном малоизвестного представителя полоцкой династии Святослава Всеславича (единственное упоминание о котором см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 304), да еще и произведен в полоцкие князья. Этот последний домысел находится в прямом противоречии с летописным рассказом, где полочане выступают союзниками не Новгорода, а смоленских Ростиславичей. Рискну предположить, что Вячко, который был союзником новгородцев в 1167 г., тождествен с князем из Куkenойса на Западной Двине. Этот Вячко вошел в историю как непримиримый враг немецких завоевателей Прибалтики (*Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. С. 80 и далее). В 1224 г. он погиб при обороне Юрьева (ПСРЛ. Т. 3. С. 61). Правда, такое отождествление двух одноименных персонажей является хронологической натяжкой: получается, что Вячко вел свою последнюю войну в преклонном возрасте, лет эдак 75 от роду, если не старше. Однако прецедент военно-политического долголетия нам известен. Мстислав Пересопницкий принадлежал к тому же поколению князей, что и наш главный герой Роман, поскольку был его другом и союзником; при этом в 1223 г. он еще сражался с татарами на Калке, а после поражения сумел спастись бегством, что удалось немногим. Летописец подчеркивает, что старый князь был в хорошей физической форме: «бе бо мужь и тои крепок» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 744).

С другим интересующим нас персонажем — Володарем — дело обстоит несколько проще. По Ипатьевской летописи известен минский князь Володарь Глебович, лишившийся своего стола (Там же. Стб. 495) и скитавшийся где-то в лесах у литовской границы

(Там же. Стб. 496), а затем севший в каком-то Городец, видимо, в тех же глухих местах, ибо в составе гарнизона встречаем литовцев (Там же. Стб. 519). В 1166 г. Володарь Глебович боролся за Полоцк с союзником смоленских Ростиславичей Всеславом Васильковичем и сумел, хотя и на короткое время, занять столицу княжества (Там же. Стб. 526–527, под 6675 ультрамартовским годом). Понятно, что в следующем году он стал союзником новгородцев, когда они оказались в состоянии войны с его врагами.

Поскольку принадлежавший Володарю Городец неоднократно отождествляли с одним из городов, упомянутых в «Слове о полку Игореве», проблема его локализации на современной карте вызвала большой интерес (Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. С. 49–50). Предлагались следующие варианты: село Городец недалеко от г. Лепеля; село Городок недалеко от г. Заславля; местечко Городище к северу от Барановичей; местечко Городея на дороге из Барановичей в Минск. Поскольку все названные географические пункты находятся довольно далеко от литовской границы, выносим на суд читателя собственную версию: Володарь может быть предшественником (отцом?) князя Всеволода из Герцике, известного по истории завоевания немцами Прибалтики. Подобно Володарю из Городца, Всеволод из Герцике имел тесные связи с литовцами (*Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. С. 113 и далее). «Герцике» давно уже производят от русских слов «город», «городище» (Там же. С. 260); кажется, проще от «Городец».

Если Вячко и Володарь действительно были князьями русских колоний на Западной Двине, то маршрут новгородского посольства 1167 г. представляется таким: через Псков, затем через подвластные ему земли лэттов до Кукенойса, отсюда вверх по Западной Двине в ее среднем течении до Герцике-Городца и еще выше, затем вдоль литовской границы в сторону княжества Городенского (о союзе Мстислава Вольнского с Мстиславом Всеволодичем городенским см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 533), отсюда по одной из рек бассейна Припяти и далее по самой Припяти в Днепр. Напомним, что в зимнее время замерзшие реки служили дорогами.

³⁰ В 1093 г. великий князь Святополк Изяславич говорил с гордостью: «имею отрок своих 8 сот» (Там же. Стб. 209).

³¹ В 1223 г. русский князь Вячко явился в Дорпат с дружиной в 200 человек (*Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. С. 221). После недавнего всеобщего восстания против завоевателей-немцев этой небольшой дружины оказалось вполне достаточно, чтобы поддерживать признаваемую большинством населения власть над территорией, близкой к половине современной Эстонии.

³² ПСРЛ. Т. 3. С. 33 (под 6676 г.): «и ради быша новгородьци своему хотению».

³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354. См. также другой рассказ о взятии Киева: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 544–545.

³⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 33, под 6676 г.: «тому же лету исходящу, на весну» (т. е. в феврале–марте 1169 г.).

³⁵ Там же, под 6677 г.: «за Волок». Можно было бы подумать, что речь идет о Волоке Ламском, впервые упоминаемом определенно только 8 лет спустя: Там же. С. 35, под 6685 г. Однако более поздняя традиция относит действие к северным территориям: «Новгородьци же послаша на Двину даньником Даньслава Лазутинича, а с ним ис концов по сту муж» (ПЛДР. XIV–середина XV в. С. 448). Суздальцы решили перехватить новгородских данников: «Они же начаша переимати их на Белеозере» (Там же). Здесь и произошло столкновение.

³⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 33, под 6677 г.: «взявша всю дань, а на суждальских смърдех другую». Любопытно, что новгородский летописец признает неправомочность действий своих данщиков, но явно видит в этом некое молодечество.

³⁷ Там же: «устроиша острог около города».

³⁸ См., например: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 338.

³⁹ См. описание штурма ятвягами польского лагеря: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 810–811.

⁴⁰ Там же. Стб. 560: «Полци же пришедшее сташа далече города». Ипатьевская летопись, будучи южнорусским сводом конца XIII в., сохранила некоторые фрагменты сочувствующей Андрею Боголюбскому летописной традиции (предположительно южного Переяславля), не попавшие в свое время в летописные своды Владимиро-Суздальской Руси и потому не читаемые теперь в летописях группы Лаврентьевской.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 33, под 6677 г.: «И съездишася по 3 дни, в четвертый же день в среду приступиша силоу и бишася весь день». Можно было бы понять так, что первые 3 дня случались только стычки небольших разъездов, а на четвертый день «суздальцы» бросили в бой все свое войско. Однако в XV в. происходившее понимали иначе, см. в Новгородской I летописи младшего извода: «съездишася промежи себе о уряди» (Там же. С. 221, под 6677 г.).

⁴² «Звенигородцем же люте борющимся им с ними и не пуцающим ко граду, ни ко острожным вратом» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 725, под 6716 г.).

⁴³ Именно это случилось с Мстиславом Изяславичем и его дружиной при обороне Киева от войск Андрея Боголюбского в 1169 г. В ходе боя на Серховице торки изменили Мстиславу и перешли на сторону его врагов, после чего отец Романа должен был искать спасения в бегстве: «Мьстислав же Изяславичь бежа ис Киева на Василев, и постигше и Бастегава чадь, начаша стреляти в плечи ему и много изоимаша дружины около его» (Там же. Стб. 544, под 6679 г.).

⁴⁴ Так развивались события при осаде Новгорода-Северского дедом Романа, Изяславом Мстиславичем: «И ту начаша ся бити у города, у острожных ворот, и тако вбодоша е (загнали их, т. е. осажденных. — А. Г.) в град, и острог в них изъятша» (Там же. Стб. 460, под 6660 г.).

⁴⁵ Там же. Стб. 560.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 33, под 6677 г.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ На страницах летописей мы видим княжеских «кормильцев», как правило, рядом с их подопечными на поле брани. Кормилец Асмуд сопровождает в походе против древлян Святослава Игоревича, который совсем еще мал («детеск»), но все-таки возглавляет дружину и начинает бой символическим броском копья в сторону врагов (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 58). Кормилец сопровождает в бою Владимира Андреевича и не пускает его преследовать бегущего неприятеля: «зане молод бе в то время» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 431; см. известие о том же кормильце по имени Паук ниже, стб. 546). Очень интересен рассказ об участии Льва Даниловича (внука главного героя нашего повествования) в битве под Ярославом: «Лвови же детьску сущу, поручи и Василкови, храбру сущу боярину и крепку, и да стрезеть его во брани» (Там же. Стб. 802, ошибочно под 6757 г.; по Грушевскому, 1245 г.: *Грушевський М.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи). Летописец утверждает, что в том бою Лев Данилович даже «изломи копье свое» о венгерского воеводу, хотя и не убил его (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 804). К сожалению, лишь в одном случае может быть установлен возраст юного князя, участвовавшего в бою: «Бывши же сечи велице, и одолеша Ляхове и Русь. Данилу же тогда детьску сущу, якоже можаще на коне ездити» (Там же. Стб. 730, под 6719 г.). Дата Ипатьевского списка здесь безусловно ошибочна — подобно многим другим датам, расставленным в его заключительной части поздним хронологизатором. Автор первоначального (недатированного) текста описывал события много лет спустя, он не помнил точный возраст князя и дал общую характеристику этого возраста: «якоже можаще на коне ездити» («мог уже ездить верхом»). В данном случае мы находимся в более выгодном положении, чем летописец, и можем уточнить реальную хронологию событий. Действие происходит после убийства венгерской королевы Гертруды (Там же. Стб. 729), которое по другим источникам точно датируется 13 сентября 1213 г. Поскольку Данил Романович родился в 1201 г., получается, что он впервые участвовал в бою в 12-летнем возрасте.

- ⁴⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 221, под 6677 г. Очевидным недоразумением является отнесение данного известия к группе текстов, которые «находились в протографе Синодального списка и были потеряны» (*Янин В.Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. С. 173). Искусственность грамматической конструкции показывает, что придаточное предложение с указанием на возраст Романа является *вставкой*, а вовсе не органичной частью первоначального летописного рассказа.
- ⁵⁰ Чтобы установить, какой именно момент жизни подростка являлся в глазах древнерусских книжников верхней границей детского возраста, обратимся к тексту Геннадиевской Библии 1499 г. Когда юный Давид, явившийся в воинский стан проведать своих старших братьев, выражает желание выйти на поединок с филистимлянином Голиафом, его приводит к царю Саулу, и тот говорит: «...не можешь ити къ иноплеменику сему и поборотис<ь> с ним, яко ты детескъ еси, а сеи мужь борець ес<т> от уности своєю» (цит. по: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 4. С. 239). В Синодальном переводе Ветхого Завета (1876) в соответствующем месте читаем: «...не можешь ты ийти против этого Филистимлянина, чтобы сразиться с ним, ибо ты еще юноша, а он воин от юности своей» (1 Цар. 17, 33). Контекст показывает, что Синодальный перевод точнее, ибо Давид скорее юноша, чем ребенок. Почему же средневековый переводчик обозначил его возраст словом «детский»? Очевидно, он опирался на тот факт, что в древнем Израиле служить в войске могли только женатые (Втор. 20, 7), и произвел следующее умозаключение: раз Давид не в войске, значит, он не достиг еще брачного возраста. Женатый в XV в. был взрослым, неженатый был еще «детескъ».
- Не лишним будет добавить, что в Древней Руси еще не существовало представления об отрочестве как особом периоде жизни между детством и юностью («отроки» были, а «отрочества» не было). Возраст от 7 до 15 лет стал устойчиво именоваться *отроческим* лишь в новое время.
- ⁵¹ ПЛДР. XIV–середина XV века. С. 450.
- ⁵² ПСРЛ. Т. 6. Стб. 236.
- ⁵³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 549; *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 182, коммент. к статье 6680 г., пункт «а».
- ⁵⁴ «Бысть дорогъвъ Новогороде <...> И съдумавъше новъгородци показаша путь князю Роману, а сами послаша къ Ондрееви по мир...» (ПСРЛ. Т. 3. С. 33, под 6678 г.).
- ⁵⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 559, под 6680 г. Обозначение года здесь двумя единицами выше мартовского (*Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 183, пункт «е»).
- ⁵⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 562.
- ⁵⁷ История міст і сіл. Волинська область. С. 92.
- ⁵⁸ Древнерусское градостроительство X–XV веков. С. 124.
- ⁵⁹ Волинский летописец середины XIII в. вкладывает в уста венгерского короля, явившегося осаждать Владимир, слова почтительного удивления: «Така града не изобретох ни в Немечких странах» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 765).
- ⁶⁰ Там же. Стб. 533.
- ⁶¹ Там же. Стб. 559.
- ⁶² В Ипатьевской летописи рассказывается, как Святослав Мстиславич передал принадлежавший ему Червен во временное владение галицкому князю Владимиру; тот пообещал в будущем вернуть Святославу Бужск: «Аже ти сяду в Галичи, то Бужск твои възворочю» (Там же. Стб. 564, под 6681 г.). В недавнем прошлом лежавший на границе волинских и галицких земель Бужск принадлежал дяде Святослава — Ярополку Изяславичу (Там же. Стб. 528), бездетному князю, умершему в 1168 г. (Там же; о дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 180, пункт «а»). Как легко вывести из всех этих летописных данных, в 1168 г. выморочный Бужск был унаследован старшим среди волинских князей — Мстиславом Изяславичем, в 1170 г. по его завещанию

достался Святославу, но вскоре был отнят у него галицким князем Ярославом — отцом Владимира.

Итак, Святославу безусловно принадлежали Бужск и Червен. Но если первый город был захвачен отцом Владимира, а второй Святослав сам передал Владимиру, то возникает вопрос: где же тогда находился княжеский стол Святослава? Ясно, что этот князь должен был иметь какое-то более значительное владение, чем Червен. Если мы обратимся к карте, то быстро обнаружим, что претендовать на эту роль может только Белз. Этот умозрительный вывод подтверждается следующим фактом: впоследствии Белз и Червен составляли единую волость, которой владел младший брат Святослава Всеволод Мстиславич (старший сын Всеволода наследовал Белз, а младший — Червен; см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 721).

Когда и как сформировалась волость Всеволода Мстиславича? Многие историки полагают, что он владел Белзом еще при жизни Святослава, а после его смерти унаследовал Червен, но тогда разобранный выше рассказ Ипатьевской летописи под 6681 г. становится практически необъяснимым. Проще предположить, что после ранней смерти бездетного Святослава Всеволод унаследовал *всю* его волость — и Белз, и Червен.

Судьба Бужска нам совершенно неизвестна. Скорее всего, он так и остался навсегда в составе галицких владений. Роману после объединения Вольни и Галича не было никакого смысла «восстанавливать справедливость» и присоединять Бужск к владениям своего княжившего в Белзе племянника Александра. Поэтому вполне закономерно, что после смерти Романа мы застаем в Бужске галицкого боярина (Там же. Стб. 728, под 6717 г.).

- ⁶³ Там же. Стб. 562, ошибочно под 6681 г. Во всех списках Ипатьевской летописи (включая Ермолаевский) на месте имени читается только «-мир», но так заканчивается только одно княжеское имя. О дате этого известия см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 186–187, пункты «б» и «в».
- ⁶⁴ Предполагалось, что Дорогичин мог принадлежать кому-то из минских или полоцких князей (*Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 136, примеч. 3), что совершенно нереально, так как их владения были отделены от области Дорогичина территорией целого княжества (Городенского). Кроме того, в «Галицко-Волинской летописи» прямо утверждается, что Дорогичин издревле принадлежал волинским князьям. Данил Романович заявляет: «Се был град нашъ и отецъ нашихъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 788). Здесь речь идет по меньшей мере о двух поколениях предков: если бы Дорогичин относился к числу приобретенных Романа, сын его выразился бы иначе: «и отца нашего». Столетием раньше Дорогичином и Берестьем распоряжался великий князь Всеволод Ольгович (Там же. Стб. 312). В дальнейшем известий о переходе Дорогичина из рук в руки нет. Всеволода Ольговича сменил в Киеве Изяслав Мстиславич — родоначальник волинских князей (ум. в 1154 г.). Обстоятельства княжения Изяслава были таковы, что вряд ли он мог включить Дорогичин в состав княжества, ставшего родовым гнездом его потомков. Показателен пример географически близкого к Дорогичину Берестья: в 1153 г. мы видим там Владимира Андреевича — самого младшего из внуков Мономаха (Там же. Стб. 466). Объяснить это довольно легко: Изяслав Мстиславич, будучи старшим в этом поколении, вынужден был играть роль доброго и справедливого главы родового клана, заботящегося в равной степени обо всех его представителях (см. его характерное высказывание по этому поводу: Там же. Стб. 367). Впоследствии Владимир Андреевич как-то лишился Берестья — видимо, уже к 1157 г., когда он выступил открытым врагом Мстислава Изяславича, у которого руками вокняжившегося в Киеве Юрия Долгорукого намеревался отобрать Владимир-Волинский. Когда этот замысел потерпел неудачу, Юрий дал Владимиру Андреевичу не Берестье, над которым он сам явно не имел власти, а совсем другую волость (Там же. Стб. 486–488). В 1167 г. Владимир Андреевич все еще мечтал вернуть Берестье — получить его от Мстислава Изяславича, который только что оставил Владимир-Волинский ради Киева (Там же. Стб. 466). Таким образом, Берестье было включено

- в состав Волынского княжества при Мстиславе Изяславиче. Логично предположить, что Дорогинин разделил судьбу Берестья. Тогда получается, что к временам Даниила Романовича городом действительно уже в двух поколениях владели его предки (отец и дед).
- ⁶⁵ Можно указать близкий по времени прецедент, связанный с именем Ярослава Изяславича Луцкого (Там же. Стб. 579).
- ⁶⁶ В начале 30-х гг. XV в. звенигородский князь Юрий Дмитриевич боролся за власть со своим племянником Василием II и одержал верх. Умер он 5 июня 1434 г. в Москве великим князем. Любопытно, что в 1432 г. в Орде перед «царем» Улу-Мухаммедом Юрий пытался обосновать свое преимущественное право на великий стол, среди прочего, «летописцы старыми списками» (ПСРЛ. Т. 26. С. 188; ср.: Т. 18. С. 172).
- ⁶⁷ «Великая хроника»... С. 106, гл. 30. Рассказ восходит к Винцентию.
- ⁶⁸ ПСРЛ, Т. 2. Стб. 660, 662.
- ⁶⁹ См. выше примеч. 62.
- ⁷⁰ Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. С. 12.*
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 105–106 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 14).
- ⁷³ Rocznik kapituly krakowskie. P. 64: «dux Kazimirus devicit Ruthenos» (под 1182 г.).
- ⁷⁴ «Великая хроника»... С. 122.
- ⁷⁵ Горovenko A. В. Татищевское известие о борьбе за Берестье в 1182 году. С. 142–147.
- ⁷⁶ Некоторые историки, склонные игнорировать хронологические изыскания Бережкова, ошибочно датируют смерть Владимира Мстиславича 1173 г. (см., например: Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 128, примеч. 3). Отметим, что летописец, не зная точной даты смерти Владимира, использует в качестве хронологического ориентира возвращение Романа из Новгорода: «в то же время представился бляшеть брат ему меньшии <Володи>мир» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 562, под 6681 г.). Обоим событиям (возвращению Романа и смерти Владимира) предшествовала смерть Мстислава Изяславича, дата которой (19 августа 1170 г.) установлена Бережковым, причем система его аргументов в данном случае представляется безупречной (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 186, пункт «б»). Отсюда ясно, что Владимир умер вскоре после смерти своего отца (Там же. С. 187, пункт «в»), т. е. самое раннее — в конце августа, самое позднее — ранней осенью 1170 г.
- ⁷⁷ В 1163 г. «воеваша Ляхове около Чьрвьна» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522); в 1172 г. польские наемники Ярослава Осмомысла сожгли два города во владениях Ярослава Луцкого (Там же. Стб. 571). Оба инцидента в польских источниках не отражены, точно так же, как не отражены в русских летописях конфликт 1182 г. и набег на Малую Польшу Владимира Ярославича Галицкого в 1188 г., описанный Винцентием в кн. 4, гл. 15 (Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 105–106). Винцентий сообщает только число («святой день Успения», т. е. 15 августа), однако благодаря Ипатьевской летописи мы знаем, что Владимир начал княжить в Галиче после 1 октября 1187 г. (смерть Ярослава Осмомысла: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 656, под 6695 г.) и бежал в Венгрию до 1 марта 1189 г. (Там же. Стб. 660, под 6696 мартовским годом, кончавшимся 28 февраля). Таким образом, набег Владимира Галицкого на Малую Польшу датируется вполне однозначно: 15 августа 1188 г.
- ⁷⁸ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 105–106 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 14).
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 562.
- ⁸¹ Во всяком случае, такова цистерцианская традиция (Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 79).
- ⁸² Там же. С. 92 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 14).
- ⁸³ Там же. С. 107 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 16).
- ⁸⁴ Там же. С. 105 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 8).
- ⁸⁵ Там же. С. 106 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 14).
- ⁸⁶ Слово «милостник» имело социальный смысл (Тихомиров М. Н. Древняя Русь. С. 233–235), но могло обозначать и княжеского фаворита (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 614), соответственно «милостница» в лексике XII в. — «любимица» княгини (Там же. Стб. 57, под 6478 г.). Известный пример карьеры нищего и безродного инородца при князе — ключник Андрея Боголюбского «ясин» (осетин) Амбал (Там же. Стб. 590–591). В дружинах князей Юго-Западной Руси встречаем выходцев из тюркоязычных племен: «отроки» Улан и Колча (Там же. Стб. 236, 239); доверенное лицо князя (боярин? «милостник»?) Кулмей (Там же. Стб. 240).
- ⁸⁷ Там же. Стб. 564.
- ⁸⁸ Академик Рыбаков почему-то считал «друзей Ярослава», т. е. летописную «Чаргову чадь», половцами (Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 514). Однако под 6677 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 536) упоминаются «Чагровичи: Чекъман и брат его Тошман, и Моначюк» — по контексту, знатные «Берендичи». Тожество «Чарговой чади» и «Чагровичей» с точки зрения филологии сомнений не вызывает, перемена положения согласных при передаче русским летописцем имен тюркского происхождения закономерна. А вот зачисление «Чарговой чади» в благородное сословие галицких бояр (Котляр Н. Ф. Дипломатия южной Руси. С. 107) решительно невозможно. Во-первых, князь Ярослав и «приятели его Чаргова чадь» в летописи четко противопоставлены боярам; во-вторых, не следует игнорировать тюркское звучание имени; «новые люди» из среды недавних кочевников могли рассчитывать только на положение княжеских милостников.
- ⁸⁹ Что в конечном счете и произошло много лет спустя: Ярослав завещал Галич Олегу, оставив Владимиру ставший к этому времени второстепенным Перемышль (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 657). Если бы не вмешательство галицких бояр, нарушивших завещание своего князя, Владимиру оставалось бы только поднимать соседей войной на младшего брата.
- ⁹⁰ Там же. Стб. 564.
- ⁹¹ Здесь представлена реконструкция событий, которые могли бы привести к возникновению ситуации, раскрывающейся в обращенных к Святославу словах Владимира Ярославича при переговорах об уступке Червена: «ать ми будеть ту седачи добро слати в Галич. Аже ти сяду в Галичи, то Бужьск твои возвьорочю» (Там же. Стб. 564, под 6681 г.). Какая-либо иная трактовка вряд ли возможна.
- ⁹² «Галицкое» известие в летописной статье 6681 г. (сложного состава) следует непосредственно после известия о смерти в Киеве Глеба Юрьевича: «В том же лет<е>»; в Хлебниковском списке «Того ж лета» (Там же. Стб. 564). Известие о смерти Глеба безусловно заблудилось в хронологических дебрях, созданных работой поздних сводчиков. На самом деле Глеб умер 20 января 1171 г., т. е. в 6678 мартовском году (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 187, пункт «ж»). Изгнание Владимира и его матери продолжалось 8 месяцев; не совсем ясно, что относил летописец к тому же году, что и смерть Глеба — их бегство из Галича или их возвращение. Бережков полагал, что возвращение, и не видел оснований сомневаться в том, что оно относится к тому же мартовскому году, что и смерть Глеба (Там же. С. 188, пункт «з»). Поскольку мартовский 6678 г. заканчивается 28 февраля 1171 г., получается, что Владимир и его мать бежали из Галича не позже июля 1170 г. Но тогда был еще жив союзник Ярослава Галицкого Мстислав Волынский,

* Ниже текст «Слова о полку Игореве» везде цитируется по данному изданию, воспроизводящему текст памятника с большой точностью.

который вел войну за Киев и в этих условиях сделал бы все, чтобы избежать разрыва с Ярославом. Непонятно, как беглецы вообще осмелились пересечь владения Мстислава. Могут возразить, что они в принципе могли бежать в Польшу по галицкой территории, хотя это было и неудобно, и небезопасно; однако в этом случае остается немотивированной враждебность Ярослава к Святославу Мстиславичу, выразившаяся в захвате Бужска (см. выше примеч. 62). Если же отнести бегство Владимира и его матери ко времени после смерти Мстислава (19 августа 1170 г.), возвращение их оказывается уже за пределами 6678 мартовского года. Поэтому логика Бережкова в данном случае представляется несостоятельной.

Летописец XII в., зачисливший смерть Глеба в один год с бегством в Польшу галицкой княгини и ее сына, мог пользоваться сентябрьским стилем летосчисления, достоверный пример использования которого сам Бережков приводит чуть выше (Там же. С. 183, пункт «е»). Тогда вся история 8-месячного изгнания Владимира и его матери укладывается в промежуток между 1 сентября 1170 г. и 31 августа 1171 г. (6679 сентябрьский год), а их возвращение в Галич следует датировать в пределах четырех месяцев: май–август 1171 г.

Полагаю, что уже в XIII в. некий книжник, редактировавший свод, известный ныне как Ипатьевская летопись, ошибочно поместил в статью 6681 г. известие о смерти Глеба; «галицкое» известие, как хронологически к нему привязанное, переместилось сюда же.

⁹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 571.

⁹⁴ Для сравнения укажем размер контрибуции, выплаченной в свое время отцом Ярослава киевскому князю Всеволоду Ольговичу: 1400 гривен (Там же. Стб. 316).

⁹⁵ Там же. Стб. 571. В Ипатьевском списке механическая ошибка переписчика: выпало слово «съзже» перед «два города»; см. разночтения по Хлебниковскому списку.

⁹⁶ Злоключения Владимира описываются после известия о захвате Киева младшими Ростиславичами в ночь «на похвалу святой Богородицы» (Там же. Стб. 570, в летописной статье 6682 г., сложного состава; дата соответствует 24 марта 1173 г., см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 189, пункт «г»). Затем Ростиславичи осадили Торческ, где княжил дядя Владимира по матери Михалко Юрьевич (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 571). Из характера политической обстановки ясно, что сделать это они должны были через считанные дни после захвата Киева, поэтому нельзя принять мнение Н. Г. Бережкова, который поместил злоключения Владимира в промежуток между взятием Киева и осадой Торческа, в соответствии с порядком летописного рассказа (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 190, пункт «е»). На самом деле рассказ о злоключениях галицкого княжича представляет собой отступление, разъясняющее обстоятельства его появления в Торческе. Бегство Владимира из Галича, несомненно, произошло задолго до этого: он успел побывать в Луцке у Ярослава Изяславича и втянуть этого князя в войну с польскими наемниками своего отца, уехать из Луцка в Торческ, затем побывать в Чернигове у своего тестя Святослава Всеволодича, который хотел отправить его к Андрею Боголюбскому, но почему-то передумал (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 571). Пребывание Владимира в Чернигове следует отнести к зиме 1172/73 г. Из контекста ясно, что Владимир вернулся в Торческ, который вскоре был осажден Ростиславичами. Среди условий заключенного на 7-й день осады мира было и такое: «Володимера Ярославича Галичькаго, сестрича Михалькова, дати Ростиславичемь, и пустити ѥ къ отцю» (Там же. Стб. 572).

⁹⁷ Там же. Стб. 576–577.

⁹⁸ Там же. Стб. 566–567; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 188, пункт «м».

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 570–571.

¹⁰⁰ Там же. Стб. 575.

¹⁰¹ После заключения мира с княжившим в Торческе Михалко Юрьевичем Ростиславичи «сыновца его выгнаша Мьстислава ис Треполя» (Там же. Стб. 572).

¹⁰² Там же. Стб. 575: «на рожь<де>ство святыя владычица наша Богородица», под 6682 г.; обозначение года в данном случае единицей выше мартовского (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 190, пункт «ж»).

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 578, обращение Святослава Всеволодича к Ярославу Изяславичу: «а помни первыи ряд» и далее. Речь может идти о территориальных уступках или о переадресации каких-то причитавшихся киевскому князю даней.

¹⁰⁴ Там же. Стб. 577. Поскольку осада Вышгорода, начавшаяся 8 сентября (см. примеч. 102), продолжалась 9 недель (Там же. Стб. 576), снятие ее произошло примерно 10 ноября.

¹⁰⁵ См. примеч. 12.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 600 (заключительное известие летописной статьи 6683 ультрамартовского года, закончившегося 28 февраля 1175 г.). Об интригах Ростиславичей летописец говорил и выше (Там же. Стб. 580, под 6682 г.).

¹⁰⁷ При описании событий 1180 г. действуют уже Всеволод и Ингвар Ярославичи (Там же. Стб. 616).

¹⁰⁸ Там же. Стб. 605, под 6685 ультрамартовским годом.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 614.

¹¹⁰ Там же. Стб. 616, под 6688 г.

¹¹¹ Там же. Стб. 624, под 6688 г., однако события в этой части летописной статьи относятся уже к началу следующего, 6689 г. (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 200–201, пункты «б» и «в»).

¹¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 661, под 6696 г.

¹¹³ Рюрик женился на дочери половецкого хана Белука в 1162 г. (Там же. Стб. 521–522). Второй его брак по какому-то странному недоразумению выпал из поля зрения прославляющего Ростиславичей летописца; в результате этого недосмотра жена Рюрика неожиданно превращается на страницах летописи из половецкой в сестру туровского князя Святополка Юрьевича (Там же. Стб. 665, под 6698 г.; ср.: стб. 672). Имя ее названо много ниже — Анна (Там же. Стб. 710). В 1188 г., лишившись всех своих владений, Роман «иде в ляхы, а жену пусти во Вручии с Галичаньками на Пинеск» (Там же. Стб. 661). Таким образом, Роман отправляет свою жену, вместе с сопровождающими ее женами верных ему галицких бояр, не к тестю во Вручий, а почему-то гораздо дальше, в Пинск, что получает разумное объяснение только в том случае, если мать жены Романа — не половецкая Белуковна, а турово-пинская княжна Анна Юрьевна. Дочь Рюрика и Анны в 1195 г. была оставлена мужем, после чего 10 лет жила в Киеве в семье отца. Когда в 1205 г. Роман захватил Рюрика со всей его семьей в плен, по его приказу подверглись насильственному пострижению не только сам Рюрик и его дочь, но и жена Рюрика. Этот факт становится понятным, если знать, что вторая жена Рюрика была матерью, а не мачехой жены Романа. Можно даже догадаться, чем именно Анна Юрьевна досадила бывшему зятю: видимо, она поддерживала свою оставленную мужем дочь в ее упорном нежелании принять пострижение, что было важным препятствием для династических планов Романа.

¹¹⁴ Первый брак Рюрика относится к 1162 г. (Там же. Стб. 521–522). Даже если первая жена Рюрика умерла вскоре после свадьбы, т. е. около 1163 г., второй брак этого князя вряд ли последовал ранее чем через год. Получается, что будущая жена Романа, дочь Рюрика от второго брака, родилась не ранее 1164 г.

¹¹⁵ Иллюстрацией может служить брак Василько (младшего сына Романа) и польской княжны Добравки, 1247 г. (Акты исторические... Т. 1. С. 67, № 76). Украинский историк Котляр ошибочно называет Добравкой первую жену Василько Романовича (Галицко-волинская летопись. Комментарий. С. 327), имя которой в источниках не зафиксировано. Известно только, что она была сестрой суздальского княжича Всеволода Юрьевича, см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 454, под 6738 г., о свадьбе Всеволода, и ПСРЛ. Т. 2. Стб. 758, ошибочно под 6737 г.:

- Василько едет «на свадьбу шурина своего». Итак, сестра Всеволода стала женой Василько до 1230 г.
- ¹¹⁶ После смерти Романа Ростиславича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 616).
- ¹¹⁷ Не принятый Романом Владимир побывал у Ингвара Ярославича в Дорогобуже, у Святополка Юрьевича в Турове, у Давыда Ростиславича в Смоленске, у Всеволода Юрьевича в Суздале. Затем он целых два года жил в Новгороде-Северском у Игоря Святославича, который в конце концов помирил его с отцом. Все перемещения Владимира (Там же. Стб. 633–634) описываются после рассказа о походе на половцев и победе над ними 30 июля 1184 г. (Там же. Стб. 630–633, ошибочно под 6691 г. вместо должного 6692 г., см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 202, пункт «г»). Возникает вопрос: в 1184 г. Владимир прибыл к Игорю от Всеволода или же отбыл от Игоря к отцу? Бережков колебался (Там же. Пункт «д»), склоняясь все-таки к первому предположению (Там же. С. 339, примеч. 157). Исследователь упустил из вида известие о смерти во Владимире 4 июля 1182 г. галицкой княгини Ольги Юрьевны (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 389, под 6691 ультрамартовским годом). Именно смерть матери могла побудить Владимира оставить двор Всеволода и направиться к Игорю; если так, то два года, проведенных им у Игоря, соответствуют периоду с июля 1182 г. по июль 1184 г. Отсюда можно вывести, что Владимир обратился к Роману не позднее весны 1182 г.
- ¹¹⁸ «Роман, блюдая отца его, не да ему опочити у себе» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 633).
- ¹¹⁹ Мстислав Ярославич, многократно упоминаемый в Ипатьевской летописи, причем дважды с прозвищем «Немьи»: Там же. Стб. 725, 744.
- ¹²⁰ Там же. Стб. 744.
- ¹²¹ Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. С. 12. Ср.: Ироическая песнь о походе на Половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича. С. 31–32.
- ¹²² Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. С. 104–105.
- ¹²³ Там же. Т. 5. С. 179–183.
- ¹²⁴ Там же. Т. 1. С. 12.
- ¹²⁵ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. С. 24 (карта находок сулиц).
- ¹²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 813, 818, 833. Последний пример в Энциклопедии «Слова о полку Игореве» (Т. 5. С. 83) из-за неверного прочтения летописного текста трактуется ошибочно: употребление сулиц приписано противникам ятвягов.
- ¹²⁷ См., например, известия о Даниле Романовиче: «попленил бо бе все Черниговские страны» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 773); о знаменитом предводителе ятвягов Скомонде: «повоева землю Пиньскую, иные страны» (Там же. Стб. 800).
- ¹²⁸ «Romane, Romane, lichym sie karmisz, Litwoju oresh» (*Strykowski. M.* Kronika Polska. P. 227). Этот рассказ был использован (с прямой ссылкой на Стрыйковского) составителем киевского «Синописа»: «Егда един Литвин в плузе тянув, научился языка Руска, и рече: Романе, Романе, худым живеши, Литвою ореши» (Синопис. С. 116). Татищев использовал этот рассказ, известный ему и по «Синопису», и по рукописному переводу хроники Стрыйковского, в обеих редакциях «Истории Российской». У Татищева, как и в «Синописе», победителем литовцев назван Роман Ростиславич Смоленский, но ссылки на Стрыйковского уже нет, рассказ беззастенчиво стилизован под летописный: «... и се хранится слово их в нас: “О зле, Романе, робишь, же литвином орешь”» (*Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 280, под 6681 (1173) г.; ср.: Т. 3. С. 98). Карамзин связывал этот рассказ с именем Романа Мстиславича и категорически утверждал, что Стрыйковский ошибся, перепутав двух Романов (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2,3. С. 561, примеч. 114). У Соловьева находим развитие сюжета: действующим лицом, как и у Карамзина, является Роман Мстиславич, а рассказанная Стрыйковским легенда подвергнута рационалистическому толкованию. Оказывается, «Роман заставлял побежденных литовцев расчищать леса под пашню,

- но тщетно казалось для современников старание Романа отучить дикарей от грабежа, приучить к мирным, земледельческим занятиям, и вот осталась поговорка: “Роман! Роман! Худым живешь, Литвою орешь”» (*Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1, 2. С. 563). Версия Соловьева полюбилась другим историкам и воспроизводилась многократно (даже критически мыслящим Грушевским: *Грушевський М.* Історія української літератури. Т. 3. С. 199).
- ¹²⁹ *Strykowski. M.* Kronika Polska. P. 227.
- ¹³⁰ См., например: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 721, под 6713 г.
- ¹³¹ В географическом указателе к Ипатьевской летописи Визна ошибочно определена как «город в Галицком княжестве» (ПСРЛ. Т. 2. XXXV). На самом деле этот город находился на реке Наров (совр. Нарев, приток Западного Буга) близ границ Руси и Польши с ятвягами (Там же. Стб. 813). В 1145 г. Болеслав IV и Мешко (будущий Мешко III Старый) при заключении мира с вторгнувшимися в Польшу Игорем и Святославом Ольговичами, защищавшими интересы изгнанного младшими братьями Владислава II, «даста брату своему Владиславу 4 городы, а Игореву с братьею Визну» (Там же. Стб. 318, под 6653 г.). Это «благоприобретение» русских князей создавало буферную зону между Мазовией и Ятвягией, что в тот момент было стратегически выгодно для Польши. Известно, что в 1147 г. русские и поляки на протяжении целых трех месяцев совместно воевали в земле пруссов (*Annales Magdeburgenses*. P. 188; русский перевод интересующего нас фрагмента см.: *Пауцто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 332, примеч. 28). Учитывая этот выразительный факт, можно сделать вывод, что после захвате Киева Изяславом Мстиславичем (август 1146 г.) Визна не была утрачена русскими князьями, но перешла от Ольговичей, в одночасье лишившихся всего, к новому киевскому князю. В дальнейшем Визна в силу своего географического положения неизбежно должна была достаться сыну Изяслава Мстиславича, волынскому князю Мстиславу (см. выше, примеч. 64, о его власти над Берестьем и Дорогичином, которые отрезали Визну от других русских земель). Возможно, конфликт 1163 г., выразившийся в разорении поляками владений Мстислава около Червена (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522), возник как раз из-за Визны. В 1167 г. поляки оказали военную помощь Мстиславу при занятии им киевского стола (Там же. Стб. 533); следовательно, к этому времени конфликт был вполне исчерпан. Так или иначе, но поляки вернули Визну не позднее 1170 г. (*Kaminski A.* Wizna na tle pograniczem polsko-rusko-jacwieskiego. Т. 1. P. 25; *Пауцто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 332, примеч. 30).
- ¹³² «Великая хроника»... С. 115–117.
- ¹³³ Имеется летописный рассказ о возвращении Данила Романовича из похода на ятвягов через Визну (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 813). Однако поход был русско-польский, поэтому данное место не позволяет утверждать, что Визна принадлежала сыну Романа. Зато второе известие об этом городе более определено: во время очередного похода, испытывая недостаток в провианте и фураже, Данил Романович посылает сторожевой отряд к Визне, после чего получает все желаемое «до досытка» (Там же. Стб. 848).
- ¹³⁴ Об экономическом значении Коломьи для поддержания боеспособности войска галицких князей см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 790. Роль Коломьи как центра добычи соли сохранялась столетиями, см.: *Боплан Г. Л.*, де. Описание Украины. С. 317; с. 473, примеч. 354. Согласно одному из рассказов «Киево-Печерского патерика» («слово 31»), временное запрещение въезда на Киевщину купцов из Галича и Перемышля во время междоусобной войны 1099 г. привело к тому, что «не бысть соли въ всей Руской земли» (ПлДР. XII век. С. 558).
- ¹³⁵ Это произошло в промежутке между смертью Володаря Ростиславича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 289, под 6632 г.) и первым упоминанием о княжении его сына Владимира в Галиче (Там же. Стб. 304, под 6648 г.).
- ¹³⁶ Там же. Стб. 656.

- ¹³⁷ Rocznik kapituly krakowskie. P. 64: «dux Kazimirus devicit Ruthenos» (под 1182 г.). Как было показано выше (гл. 2), нельзя отождествлять эту победу Казимира над русскими с вмешательством Казимира в борьбу русских князей за Берестье, известным по Винцентию.
- ¹³⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 657.
- ¹³⁹ Там же. Стб. 656, под 6695 г.
- ¹⁴⁰ Там же. Стб. 659–660.
- ¹⁴¹ 30 июля 1188 г.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 407, под 6697 ультрамартовским годом; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 658, под 6695 г.; эта летописная статья объединяет события двух смежных годов, 6695 и 6696 мартовских (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 83, коммент. к статье 6697 г. Лаврентьевской летописи). Девушка считалась достигшей брачного возраста в 12–13 лет (см. примеч. 5), но для сильных мира сего, естественно, делались исключения.
- ¹⁴² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 660. Вскоре после свадьбы своего сына Владимир со всей семьей бежал из Галича (Там же). Датировать свадьбу и последующее бегство можно только временем после набега Владимира на Малую Польшу, который мы выше датировали 15 августа 1188 г. (примеч. 77). Таким образом, сватовство следует отнести к концу лета или к осени 1188 г.
- ¹⁴³ Характерно, что практически сразу после свадьбы действовавшие в интересах Романа галицкие мятежники отобрали Феодору у мужа, чтобы вернуть ее отцу (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 660). Эта история указывает на физиологическую незрелость невесты и фиктивный характер брака.
- ¹⁴⁴ В 1166 г. Владимир Ярославич женился на Болеславе, дочери Святослава Всеволодича Черниговского (Там же. Стб. 527, под 6675 ультрамартовским годом).
- ¹⁴⁵ Владимир «поя у попа жену и постави собе жену, и родися у нея два сына» (Там же. Стб. 659, под 6696 г.). Сообщается об этом только при описании первого года княжения Владимира в Галиче. Попробуем предположить, что бывшая попадьа только что родила Владимиру двух мальчиков (двойню); если так, то получается, что Роман выдавал свою дочь за какого-то третьего — самого старшего, рожденного еще в законном браке сына Владимира. Однако эта версия сразу же рассыпается. Продолжая чтение летописи (Там же. Стб. 660), мы видим, как Владимир выезжает из Галича при известии о боярском мятеже. С ним — бывшая попадьа и двое рожденных ею сыновей; дочь Романа Феодору мятежные «галичане» отнимают у своего князя; предполагаемый старший сын Владимира от законного брака прямо-таки растворяется в воздухе. Год спустя Святослав Всеволодич, отец законной жены Владимира, преспокойно ведет переговоры с захватившим Галич венгерским королем, нисколько не интересуясь участием его пленников — низложенного галицкого князя со всей его семьей (Там же. Стб. 662). Отсюда ясно, что никакого сына от законного брака у Владимира не было, и дочь Романа предназначалась одному из сыновей бывшей попадьы. Получается, что Владимир стал с ней открыто жить еще во времена княжения в Галиче его отца, Ярослава Осмомысла. Можно определенно утверждать, что слух об этом распространился на Руси никак не ранее 1173 г.: в противном случае зимой 1172/73 г. Святослав Всеволодич не пригласил бы Владимира к себе в Чернигов (см. примеч. 96). Отсюда следует, что старший сын Владимира родился не ранее 1174 г.; следовательно, к 1188 г. ему было не более 14 лет.
- ¹⁴⁶ Очень показателен предлог, избранный галицкими боярами для возмущения против своего князя: «не хочемь кланятися попадьи» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 660).
- ¹⁴⁷ Там же. Стб. 660.
- ¹⁴⁸ Там же. Стб. 659.
- ¹⁴⁹ Там же. Стб. 660.
- ¹⁵⁰ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 107 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 16). О дате набега Владимира Ярославича на Польшу см. примеч. 77.
- ¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 660.
- ¹⁵² *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 106 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 15).
- ¹⁵³ Король Геза II был женат на сестре Изяслава Мстиславича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384). Таким образом, король Бела III, сын Гезы II, был двоюродным братом Мстислава Изяславича. Роман Мстиславич и его братья (как родные, так и двоюродные) — внуки Изяслава Мстиславича и троюродные братья двух сыновей Бела III — Имре (Генриха) и Эндре (Андрея).
- ¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 449–451.
- ¹⁵⁵ Там же. Стб. 461–462.
- ¹⁵⁶ Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. С. 12: «подпер горы Угорскыи свои железными плъки, заступив королеви путь...».
- ¹⁵⁷ Как показывает пример другого претендента на Галич — Ростислава Ивановича «Берладничича» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 663–665).
- ¹⁵⁸ Там же. Стб. 661.
- ¹⁵⁹ Там же. Стб. 660.
- ¹⁶⁰ О времени и обстоятельствах формирования первой волости Всеволода Мстиславича (Белз и Червен) см. выше примеч. 62.
- ¹⁶¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 661.
- ¹⁶² Король «даде весь наряд Галичанам», как выражается летописец (Там же.).
- ¹⁶³ Там же. Стб. 662, под 6697 г.
- ¹⁶⁴ Там же. Стб. 661: «Романови же не бы в Ляхох помочи».
- ¹⁶⁵ Там же: «Ведут мя Галичане к собе на княжение, а пусти со мною сына своего Ростислава».
- ¹⁶⁶ Там же. Стб. 662.
- ¹⁶⁷ Там же. Стб. 663: «Се иноплемьници отъяли отчину вашу, а лепо вы бы потрудитися».
- ¹⁶⁸ Святослав выдвинул неприемлемые для Рюрика условия (Там же.), что легко объяснимо: предполагая отказаться от уже достигнутого соглашения с венгерским королем, он делал ставку на максимальную компенсацию со стороны Рюрика, а при его отказе ничего не терял, ибо в этом случае соглашение с королем оставалось в силе.
- ¹⁶⁹ Там же. Стб. 664–665.
- ¹⁷⁰ Там же. Стб. 665, под 6697 г.
- ¹⁷¹ Для сравнения укажем, что Ричард Львиное Сердце, ставший пленником маркграфа Австрии Леопольда V 21 декабря 1192 г. и три месяца спустя переданный императору Генриху VI, содержался в гораздо худших условиях (*Перну Р.* Ричард Львиное Сердце. С. 180–182). Одно время его даже держали в цепях (Там же. С. 200).
- ¹⁷² Эта романтическая история очень близко излагается в двух независимых друг от друга источниках — в Ипатьевской летописи под 6698 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666) и в хронике Винцентия, кн. IV, гл. 15 (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 106).
- ¹⁷³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666.
- ¹⁷⁴ Перечислив города, которые по требованию Андрея прислали для похода на Киев свои войска, летописец продолжает: «И сочтав е, и обрете в них 50 тысячъ» (Там же. Стб. 573). Со времен С. М. Соловьева многие историки ссылаются на это место, оценивая военный потенциал Руси XII в. К сожалению, при таком подходе игнорируется летописный контекст: рассказ ведется сторонником Ростиславичей, который обречен был

питаться слухами, ибо никоим образом не мог получить достоверных сведений о численности неприятельских войск. Более того — он был заинтересован в том, чтобы ее максимально преувеличить (к вящей славе своих героев, не убожавшихся чудовищной мощи «суздальского самовластца»). Поэтому сообщаемое летописцем круглое число можно использовать только для оценки представлений о мобилизационных возможностях сильнейших русских князей, но никак не для оценки их реальных мобилизационных возможностей.

Известный современный историк И. Н. Данилевский при цитировании приведенной выше летописной фразы заменил «50» на «8» (Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков. С. 149), не потрудившись объяснить читателям причину этого маневра. Тем не менее логика исследователя представляется очевидной. В рукописи число обозначено буквой «н» под титлом, т. е. «50»; не выикшему в контекст историку это число, естественно, показалось слишком большим, и он решил «поправить» летописца, исходя из предположения, что текст искажен и первоначально в летописи стояла буква «и» под титлом, т. е. «8». Однако «н» читается во всех списках Ипатьевской летописи.

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666: «ял бо ся бьяшь давати цесареви по 2000 гривен с<р>ебра до года», т. е. обязался выплачивать ежегодную дань. В советские времена самый известный историк, занимавшийся этим сюжетом, деликатно именовал достигнутое на таких условиях соглашение «германским союзом» Владимира (Пауто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 165; ср. с. 162 и 220). В настоящее время Украина стремится к европейской интеграции, поэтому признание галицким князем XII в. своей вассальной зависимости от императора вскоре будет объявлено там актом политической мудрости. Пока же местным историкам этот факт кажется неудобным, и его продолжают замалчивать: пишут, что бежавший «из темницы» Владимир «принес богатые дары» императору (Котляр Н. Ф. Дипломатия южной Руси. С. 78). Версия любопытная, но несколько смущает неясность происхождения 2000 гривен, т. е. четырех центнеров серебра, внезапно оказавшихся в руках вчерашнего узника. Может быть, Владимир сразу после бегства из замка венгерского короля отыскал клад, подобно графу Монте-Кристо?

¹⁷⁶ Будущий ранг Владимира в политических грезах Генриха VI можно было бы конкретизировать, если бы мы располагали точными данными о величине «трибута», который выплачивали германским императорам польские князья. К сожалению, вопрос плохо разработан в нашей литературе. Встречаются следующие утверждения:

1. Генрих V требовал от Болеслава Кривоустого всего лишь 300 гривен, а Лотарь — 500 гривен (Филевич И. П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. С. 146, примеч. 4). Названные здесь суммы для Болеслава III, который был владельцем всей Польши, почти символические.

2. Болеслав IV по договору 1157 г. должен был платить Фридриху I 3020 гривен золота и 200 гривен серебра (Пауто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 158, без ссылки на источник). Названная здесь сумма безусловно фантастическая; само преобладание части дани, выплачиваемой в золоте, вполне ясно говорит об этом. На основании изучения памятников русского церковного права установлено соотношение цен золота и серебра для XIII в.: 1:50 (Щапов Я. Н. Княжеские уставы. С. 272). Более ранних данных нет, но более поздние показывают тенденцию к удорожанию золота, соотношение становится 1:60 (Там же). Эта тенденция позволяет утверждать, что в XII в. золото было во всяком случае не дешевле, чем в XIII. Экстраполируя данные за XIII в. в XII в. и выразив всю сумму дани в серебре, получим фантастическую цифру: 151 200 гривен серебра. Напоминим для сравнения общеизвестный факт: выкуп, который должен был получить император Генрих VI за Ричарда Львиное Сердце, определен был в 150 000 кельских марок (т. е. в сущности тех же серебряных гривен). Сложности, с которыми столкнулись при сборе этих денег власти процветавшей в экономическом отношении Англии, достаточно известны.

3. Казимир II уплатил Фридриху I 8000 гривен серебра (Пауто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 161, со ссылкой не на источник, а на старую польскую монографию: Gorski K. Stosunki Kasimiera Sprawiedliwego z Rusia. P. 13). Сумма очень велика, но вполне реальна, если это дань за несколько лет.

4. Мешко III в 1180 г. предлагал Фридриху I 10 000 гривен «за вмешательство в польские дела» (Пауто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 161, без ссылки на источник). Эту сумму вряд ли можно признать реальной. Любопытно, что она совпадает (разумеется, случайно) с размером приданого дочери императора Фридриха II Маргариты, вышедшей замуж в 1256 г. Упоминаем об этом, так как весьма показательны проблемы, с которыми столкнулся при выплате этой суммы дом Штауфенов, уже не всесильный в то время: «были отданы в залог земли по реке Пляйсе и свободный имперский город Альтенбург» (Глоер Б. Император, Бог и дьявол... С. 258).

¹⁷⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666.

¹⁷⁸ Что и произошло в дальнейшем, по свидетельству Винцентия, кн. 4, гл. 16 (Шавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 107).

¹⁷⁹ Во всяком случае, именно этим путем пошел Винцентий в своей хронике, кн. 4, гл. 15, оправдывая в глазах читателей действия Казимира (Шавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 107).

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666; Шавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 107 (фрагмент хроники Винцентия, кн. 4, гл. 15).

¹⁸¹ Во всяком случае, так было в самом Галиче (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666).

¹⁸² Там же. Стб. 666–667.

¹⁸³ «Отче господине, удержи Галич подо мною, а яз Божии и твои есмь со всим Галичем, а во твоей воле есмь всегда» (Там же. Стб. 667).

¹⁸⁴ Только на Киевщине с середины XII в. можно наблюдать зарождение новой системы отношений между князьями, типологически близкой к раздаче владений в лен. Первый прецедент — передача Изяславом Мстиславичем в 1148 г. Ростиславу Юрьевичу, который был его двоюродным братом, пяти городов на Киевщине. Ростислав приносит перед этим фразу, напоминающую формулу присяги: «За Русскую землю хочю страдати и подле тебе ездити» (Там же. Стб. 367). Речь идет об обороне южной границы от кочевников: Ростислав обязуется участвовать в военных предприятиях Изяслава, т. е. принимает на себя главную обязанность вассала по отношению к сюзерену. Весьма характерен, однако, финал недолгих взаимоотношений Изяслава с Ростиславом (Там же. Стб. 373): выдвинув против своего «вассала» бездоказательное обвинение в измене, Изяслав отклоняет его справедливое требование формального суда, лишает владений и даже движимого имущества («товар отъяша»), арестовывает его бояр («дружину его изоимаша»); самого Ростислава ведут к реке и с позором сажают на отплывающий корабль в сопровождении всего четырех младших дружинников («всадиша ѝ в насад с 4-ми отрокъ»). Подобный акт произвола на феодальном западе Европы совершенно немислим.

Впоследствии Ростислав Смоленский, оказавшись в роли киевского князя, подобно старшему брату Изяславу начинает раздавать города на Киевщине младшим князьям — племяннику Мстиславу Изяславичу (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 519; стб. 521, под 6671 г.) и младшему брату Владимиру Мстиславичу (Там же. Стб. 521, под 6670 г.). Однако эти волости на Киевщине наследственными владениями не стали, т. е. отношения феодального типа между киевским князем и сыновьями двух названных младших князей так и не сложились.

¹⁸⁵ См. отражение этой идеи в летописной «речи» умирающего Ярослава Мудрого к сыновьям: «се же поручаю... брату вашему Изяславу Киев, сего послушайте, якож послушасте мене, да тои вы будеть в мене место» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161). Сто лет спустя Ростислав Смоленский говорит младшим князьям, приглашающим его занять киевский стол: «иду

- Киеву на свою волю, яко вы имети мя отцемь собе в правду, и в моемь вы послушаныи ходити» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 503). Характерно, что один из «сыновей» немедленно вступает в спор с «отцом» по поводу кандидатуры митрополита Киевского и не уступает, пока не достигнут компромисс (ситуация совершенно немыслимая в отношениях между «сеньором» и «вассалом»). Ниже увидим, как патриархальная идея воплощалась в отношениях Ростиславичей с Андреем Боголюбским и Владимира Галицкого с Всеволодом Большое Гнездо.
- ¹⁸⁶ Единственное известное исключение — раздел Волыни осенью 1170 г., совершившийся не по нормам родового права, а в соответствии с особым договором (как уже указывалось в гл. 2). Сила традиции наиболее ярко проявилась в событиях 1174 г.: после смерти Андрея Боголюбского бояре приглашают княжить двух его племянников, но к ним присоединяются (незванными и непрошеными) два младших брата Андрея; князья решают ехать вчетвером, чтобы по-братски разделить общую «отчину»: «любо лихо, любо добро всем нам» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 372; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 596). Реальная жизнь вскоре разрушила эти благие намерения, но для нас здесь важно отражение идей и представлений, владевших сознанием как самих князей, так и лиц из их окружения.
- ¹⁸⁷ Такое положение вещей предопределено решением Любечского съезда князей 1097 г.: «кождо да держит отчину свою» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 256–257). Решение это можно охарактеризовать как антифеодальное по своей сущности, так как оно констатировало факт отсутствия «сюзерена» всей Руси, которому «феодальные властители», как часто называют по недоразумению русских князей, обязаны были бы служить. Решением Любечского съезда не были поставлены в зависимость от Святополка Киевского даже те князья, которым «роздала городы» его предшественник, Всеволод Ярославич. Следовательно, этот последний наделял младших представителей рода городами вовсе не в качестве их «сюзерена», а в качестве «патриарха», старшего в роде.
- ¹⁸⁸ Этот факт всегда обращал на себя внимание исследователей, вызывая, впрочем, некоторое недоумение, ибо мелкие князьки периферии русского мира неожиданно оказываются приравнены к королям Дании, Швеции, Германии. «Мы не сочли возможным устранить этот оттенок в переводе», — заявляет издатель, переводчик и комментатор хроники С. А. Аннинский (*Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. С. 248), интуитивно чувствуя важность своего наблюдения, но затрудняясь объяснить его.
- ¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470, под 6751 г.
- ¹⁹⁰ Там же. Стб. 473, под 6760 г.
- ¹⁹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 567, под 6682 г.
- ¹⁹² Там же. Стб. 573.
- ¹⁹³ Там же. Стб. 570.
- ¹⁹⁴ ПЛДР. XI–начало XII века. С. 280.
- ¹⁹⁵ «Князю же Воишелькови в Литве, и поча ему помагати Шварно князь, и Василько, нареклъ бо бящеть (Войшелк. — А. Г.) Василка отца собе и господина» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 862).
- ¹⁹⁶ *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. С. 95.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 124.
- ¹⁹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667.
- ¹⁹⁹ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 107 (фрагмент хроники Винцентия, кн. 4, гл. 16); с. 134–135 (примеч. 4–6).
- ²⁰⁰ Сын Казимира Лешек называет себя братом Мстислава Удатного (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 731, под 6720 г.). Если Лешек — двоюродный брат Мстислава, приходившегося Рюрику племянником, то мать Лешка — сестра Рюрика.
- ²⁰¹ Дочь Казимира была за сыном Святослава Всеволодича (Там же. Стб. 612).
- ²⁰² Винцентий именует их полешанами: «Полешане же — племя гетов или пруссов» (*Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 108: фрагмент хроники Винцентия, кн. 4, гл. 19).
- ²⁰³ Там же: см. латинский текст хроники на с. 94.
- ²⁰⁴ См. выше примеч. 64.
- ²⁰⁵ Обстоятельства смерти Казимира: «Великая хроника»... С. 127. Рассказ восходит к Винцентию.
- ²⁰⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 680.
- ²⁰⁷ Роль Всеволода в событиях подчеркивается только его собственным летописцем: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 412, под 6603 г.
- ²⁰⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 683.
- ²⁰⁹ Там же. Стб. 519, под 6670 г.; стб. 521, под 6670 и 6671 гг.
- ²¹⁰ В 1173 г. Ростиславичи выгнали из Треполя Мстислава Ростиславича, внука Юрия Долгорукого (Там же. Стб. 572). Отсюда ясно, что сыновья Владимира Мстиславича на какое-то время утратили отцовскую волость на Киевщине (или, по крайней мере, ее главный город). Старшим из четверых известных нам «Володимиричей», бесспорно, был Мстислав. В 1171 г., в период короткого княжения Владимира Мстиславича в Киеве (Там же. Стб. 566–567, ошибочно под 6681–6682 гг.), Мстислав княжил в Дорогобуже (Там же. Стб. 566). Летом 1176 г. мы находим его в Треполе (Там же. Стб. 604, под 6685 ультрамартовским годом). Таким образом, можно утверждать, что Мстислав Володимирич получил Треполь из рук Ростиславичей между 1173 и 1176 гг.
- ²¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 604, 621–624.
- ²¹² В 1193 г. мы видим в Треполе племянника Рюрика, Мстислава Мстиславича (Там же. Стб. 677); не позднее 1195 г. Рюрик передал Треполь Роману Волынскому (Там же. Стб. 683).
- ²¹³ Святослава Володимирича в 1189 г. Рюрик направил к венгерскому королю в качестве своего посла (Там же. Стб. 662). Ростислава Володимирича видим в 1190 г. занимающим какой-то не названный летописцем город недалеко от Торческа, из которого к нему посылает предложение выйти в поход на половцев Ростислав Рюрикович (Там же. Стб. 671). Через два года по приказу Рюрика Святослав и Ростислав Володимиричи идут на половцев с «черными клобуками» (Там же. Стб. 674). См. также стб. 698.
- ²¹⁴ О Ярославе Володимириче см.: *Рыбаков Б. А.* Из истории культуры Древней Руси. С. 145–146.
- ²¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 682–683.
- ²¹⁶ Оба князя, Александр и Всеволод Всеволодичи, почему-то пропущены в указателе имен к Ипатьевской летописи. Между тем старший из них упоминается многократно, оба вместе — под 6713 г. (Там же. Стб. 721).
- ²¹⁷ «Вы есте нарекли мя во своемь племени во Володимере старейшаго, а ныне седел еси в Киеве, а мне еси части не учинил в Руской земле, но раздал еси инемь, моложьшим, братъи своеи, даже мне в неи части нет, да то ты, а то Киев и русская область, а кому еси в неи часть дал, с тем же еи и блюди и стережи, да како ю с ним удержишь, а то узрю же, а мне не надобе» (Там же. Стб. 683).
- ²¹⁸ На страницах Ипатьевской летописи митрополит Никифор говорит Рюрику: «дал еси волость моложьшему (т. е. Роману. — А. Г.) в облазне (будучи во власти заблуждения. — А. Г.), пред старейшим (Всеволодом. — А. Г.)» (Там же. Стб. 684). Таким образом, если не митрополит-грек, то, во всяком случае, сам автор данного текста (летописец Рюрика) был свято убежден в справедливости притязаний Всеволода. Как видим, зародившаяся на Киевщине в середине XII в. модель отношений, типологически близкая к европейской феодальной (примеч. 184), за полвека так и не прижилась. Умами людей из княжеского окружения по-прежнему владеют понятия эпохи родовых отношений.

- ²¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 684–685.
- ²²⁰ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 109. Винцентий сообщает о разводе Романа с дочерью киевского князя перед описанием битвы на р. Мозгаве, точная дата которой — 13 сентября 1195 г. — известна по другому польскому источнику (см. примеч. 232).
- ²²¹ ПСРЛ. Т. 38. С. 158, под 6705 ультрамартовским годом: «Роман поча пуцати дщерь Рюрикову, хотяшь ю постричи». В Лаврентьевской летописи читается то же известие (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 412–413), но здесь нет заголовка статьи 6705 г.: ее обозначение выпало из-за ошибки переписчика или из-за механического повреждения использованного им текста. Ультрамартовский 6705 год соответствует периоду с 1 марта 1196 г. по 28 февраля 1197 г. Видимо, на этом основывается ошибочное приурочение развода Романа к 1196 г.: *Феннел Д.* Кризис средневековой Руси. С. 61. Сообщение Винцентия, позволяющее отнести этот развод к 1195 г. (см. примеч. 220), выпало из поля зрения английского исследователя. Впрочем, при более внимательном отношении к летописной хронологии мы получим ту же самую дату, которая выводится из польских источников.
- Первые три известия статьи 6705 ультрамартовского года таковы: 1) Роман разводится с дочерью Рюрика; 2) Рюрик сообщает Всеволоду о переходе Романа на сторону Ольговичей и просит великого князя вступить в войну; 3) «тое же зимы» под Витебском разбиты войска младшего брата Рюрика, Давыда Смоленского; возглавлявший их Мстислав Романович (племянник Рюрика и Давыда, сват великого князя Всеволода) попал в плен. По данным Ипатьевской летописи может быть установлена точная дата сражения под Витебском: 12 марта 1196 г. (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 207, пункт «б»). Среди прочих подробностей сообщается, что был «снег велик» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 691). Становится ясным, почему сражение в Лаврентьевской летописи отнесено к зиме. Ясно также, что это зима 1195/96 г. Два известия, которые в Лаврентьевской летописи предшествуют известию о сражении, соответственно должны быть отнесены к зиме 1195/96 г. или даже к осени 1195 г.
- Летописец Всеволода, труд которого вошел в состав Лаврентьевской летописи, не знал точной даты сражения под Витебском, зато знал, что дело было зимой. Возникает вопрос: почему он не поместил соответствующее известие в статью 6704 ультрамартовского года? Ему должно было представляться, что место этого известия именно там (равно как и двух предшествующих). Вероятно, все дело в том, что при составлении статьи 6704 ультрамартовского года летописец вообще не собирался рассказывать о событиях, не имеющих прямого отношения к жизни Владимиро-Суздальской земли. Однако в дальнейшем, приступая к рассказу о действиях своего князя в 6705 ультрамартовском году, летописец оказался перед необходимостью их мотивировать, отсюда и появление трех вышеназванных известий. Посмотрим, как летописец Всеволода продолжает: «То слышав великий князь Всеволод, оже Давыдов полк побежен (под Витебском. — А. Г.) и сват ему ят (взят в плен. — А. Г.), и от Рюрика речь слышав ту (о разрыве с Романом. — А. Г.), зиму перестряп (переждал. — А. Г.), на лето вседе на конь (выступил в поход. — А. Г.)» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413). Итак, зиму сражения под Витебском Всеволод переждал; мы уже знаем, что это была зима 1195/96 г.; следовательно, известие от Рюрика о его конфликте с Романом было получено самое позднее той же зимой (по *Бережкову*, поздней осенью 1195 г.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 85, коммент. к статье 6705 г. Лаврентьевской летописи). Следовательно, развод Романа относится к лету или осени 1195 г. Как видим, это прекрасно согласуется со свидетельством Винцентия.
- ²²² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 708 (под 6706 г.); стб. 711 (под 6708 г.). Первое упоминание (рассказ о рождении Ефросиньи-Изморгад) соответствует зиме 1198/99 г., второе (рассказ о празднестве в честь окончания строительства подпорной стены «на Выдобычи») точно датируется 24 сентября 1198 г. (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 210).
- ²²³ Беременность девушки до брака была не только позором для родителей, но и преступлением против нравственности, подлежащим церковному суду. Ответчиками были родители, не озаботившиеся вовремя выдать дочь замуж; им грозил крупный денежный штраф (Устав князя Ярослава о судах церковных // *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы... С. 294).
- ²²⁴ Наиболее известный пример — судьба одной из сестер Мономаха (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 273–274, под 6620 г.): «преставися Янка, дще Всеволожа, сестра Володимера, месяца ноября в 3 день, положена бысть у церкви святого Андрея, юже бе создал отец ея. Ту бо ся бе и постригла у церкви тоя, девою сущи».
- ²²⁵ Это показывало бы, что супруг не обеспечил ей средства к жизни. Как видно по единственному сохранившемуся от XI–XIII вв. княжескому завещанию (внука Романа — Владимира Васильковича), вписанному в летопись, находившийся на смертном одре князь стремился сделать жену материально независимой (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 903–904).
- ²²⁶ Там же. Стб. 708, под 6706 г. Родителями были упоминавшиеся выше Ростислав Рюрикович и Верхуслава Всеволожна. Ростислав в некотором смысле «нес службу на границе» (Там же. Стб. 676–678), и родители, возможно, были рады избавить дочь от прелестей «гарнизонной жизни».
- ²²⁷ Строго говоря, это отождествление недоказуемо; впрочем, оно и не является общепринятым. В указателе имен к Ипатьевской летописи безымянная княгиня, дочь князя Рюрика Ростиславича, жена князя Романа Мстиславича (Там же. Стб. 661), по недосмотру пропущена. Предслава Рюриковна наличествует, но с женой Романа не отождествляется.
- ²²⁸ Там же. Стб. 686: «повода ѝ (его. — А. Г.) на Киев, на тестя своего».
- ²²⁹ Там же: «Роман прислался ко Ольговичемь и поводить ѝ на Киев и на все Володимере племя; а ты, брате, в Володимери племени старей еси нас, а думай и гадай о Руской земли и о своеи чести и о нашей».
- ²³⁰ Там же. Стб. 686–687: «И рекоша ему Казимеричи...». Далее следует прямая речь, которую некоторые историки принимают за воспроизведенный летописцем подлинный документ (*Пауцто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 163); можно даже встретить утверждение, что вопрос «вне сомнения» (*Котляр Н. Ф.* Дипломатия южной Руси. С. 124). Однако летописный рассказ о походе Романа в помощь Казимировичам ведется сторонником Рюрика и является яркой сатирой на действия волынского князя, причем автор обнаруживает слабое знакомство с географией Малой Польши и некоторыми деталями описываемых им событий. Напрашивается отождествление этого автора с работавшим в Киеве летописцем Рюрика Ростиславича — создателем летописного свода 1198 г. Отсюда ясно, что ответ Казимировичей Роману — всего лишь продукт литературного творчества, точно так же, как и следующий чуть ниже (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 687) «пересказ» речи Романа, будто бы произнесенной князем во время его совещания с дружиной. Поэтому не будем наполнять историю псевдодокументами.
- ²³¹ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 109 (фрагмент хроники Винцентия, кн. 4, гл. 23). Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 687.
- ²³² Rocznik kapituly krakowskie. P. 66–67. Здесь указан только год битвы. День определяется датой смерти погибшего здесь Болеслава Мешковича (р. 67, примеч. 224, со ссылкой на малодоступное издание: *Nekrolog czesko-slaski // Zeitschrift des Vereins für Geschichte und Altertum Schlesiens.* 1863. 5. S. 114).
- ²³³ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 110 (фрагмент хроники Винцентия, кн. 4, гл. 23).
- ²³⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 687.
- ²³⁵ Там же: «утече к Казимиричем в город».
- ²³⁶ Что не критично воспроизводится в литературе: *Пауцто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 164. Здесь мы находим очень демонстративный пример компилирования

- двух разнородных источников, рассказывающих об одном и том же событии. Этот литературный прием используется историками по меньшей мере со времен Плутарха, обычно бессознательно: автор пребывает в уверенности, что проводит реконструкцию событий, на деле же к двум исходным версиям просто добавляется третья, что значительно затрудняет работу историков последующих поколений.
- ²³⁷ «...да ему Полоны и пол гъртака Корьсуньского» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 688; в Хлебниковской летописи читается «тартака» вместо «гъртака»; термин, несомненно, тюркского происхождения, что вполне естественно в области расселения «черных клобуков»).
- ²³⁸ Там же. Стб. 689–690.
- ²³⁹ Там же. Стб. 694, под 6704 г.
- ²⁴⁰ Там же. Стб. 696–697.
- ²⁴¹ Там же. Стб. 697–698. Вероятно, Рюрик послал разорять владения Романа сразу всех трех братьев — «Володимиричей», ибо летописец употребляет множественное число, а не двойственное.
- ²⁴² Перемиль располагался на реке Стырь, недалеко от галицкой границы (ближайшими городами Галицкого княжества были Бужск и Преснеск). Что касается Каменца, то предлагавшееся отождествление его с современным Каменцом-Подольским (*Нерознак В. П.* Названия древнерусских городов. С. 82) безусловно ошибочно: этот последний находится в Поднестровье, т. е. на территории, которая в XII в. принадлежала Галицкому княжеству. Один из рассказов «Галицко-Волынской летописи» локализует Каменец где-то в бассейне реки Хоморы (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 774). Именно на ней стоял (и поныне стоит, несколько изменив свое название) принадлежавший Роману городок Полоный. Таким образом, и на этом направлении враги Романа действовали где-то у самой границы его владений.
- ²⁴³ Там же. Стб. 700.
- ²⁴⁴ Там же. Стб. 702, под 6704 г.: «и розда опять братьи своеи».
- ²⁴⁵ Там же (последнее известие статьи 6704 г.).
- ²⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 412–413.
- ²⁴⁷ Там же. Стб. 412, под 6703 г.: «обнови свою отчину».
- ²⁴⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 43, под 6704 и 6705 гг.
- ²⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 414, под 6707 ультрамартовским годом. Народные ожидания отражены в «Слове о полку Игореве»: «Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети изда-леча отня злата стола поблюсти?» (Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. С. 12). Этот призыв автора «Слова...» обычно датируют, как и сам памятник, 1186–1187 гг.
- ²⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 415.
- ²⁵¹ Там же, без указания месяца и числа, но между событиями июня и июля.
- ²⁵² Последняя статья Радзивилловской летописи датирована 6714 ультрамартовским годом (ПСРЛ. Т. 38. С. 160). Предполагается, впрочем, что свод времен великого князя Всеволода включал еще несколько годовых статей, которые в Радзивилловской летописи утрачены, но сохранились в Лаврентьевской летописи и в Летописце Переяславля-Суздальского.
- ²⁵³ Это известие о рождении «на зиму» внучки Рюрика Ростиславича Ефросиньи-Изморрад: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 708, под 6706 г. Появление летописных статей 6707 и последующих годов — продукт новотворчества: они искусственно выделены хронологизатором заключительной части Ипатьевского списка из сплошного — без дат — текста протографа, как показывает сопоставление с Хлебниковским списком (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 209–211).
- ²⁵⁴ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград... Стб. 78.
- ²⁵⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 862.
- ²⁵⁶ ПСРЛ. Т. 40. С. 107, под 6707 г.
- ²⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 416, под 6709 ультрамартовским годом; 10 августа Ярослав выехал из Переяславля-Залесского. Родился Ярослав 8 февраля 1190 г.: Там же. Стб. 408, под 6698 ультрамартовским годом.
- ²⁵⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 720, под 6712 г.: «потом же седе Ингвар в Володимере, поя у него Лестько дщерь и пусти». Дата произвольно проставлена поздним хронологизатором Ипатьевского списка и не может быть принята во внимание, нужно ориентироваться на последовательность событий. Брак был заключен через какое-то время (видимо, через несколько месяцев) после изгнания Романовичей из Владимира-Волынского новым галицким князем Владимиром Игоревичем (Там же. Стб. 718–719). Последнее событие благодаря хронологически точному рассказу Лаврентьевской летописи уверенно датируется зимой 1206/07 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 428, под 6714 г.; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 99). Следовательно, брак Лешка относится уже к 1207 г.
- ²⁵⁹ Длугош поместил известие о женитьбе Лешка Белого на русской княжне Гремиславе Ярославне под 1220 г. и сообщил при этом, что Лешку было 28 лет (*Dlugosz J.* Annales... Lib. V, VI. P. 232). Таким образом, Лешек родился, по Длугошу, в 1192 г. Длугош не знал «Галицко-Волынской летописи», содержавшей известие о первом браке Лешка, неудачном и кратковременном (см. примеч. 258), но мог опираться на не дошедшие до наших дней польские рочники и синодики. Очевидно, Длугош сообщает нам о втором браке Лешка, по неведению принимая его за первый. Перебрав сохранившиеся польские источники, относящиеся к периоду между Винцентием и Длугошем, мы увидим, что жена Лешка, «знатная девушка из Руси по имени Гремислава», впервые упоминается (заметим, что без отчества) в великопольской хронике конца XIII в. Здесь брак Лешка не датирован («Великая хроника»... С. 144). Общепринятое в новейшей литературе отождествление Гремиславы польских источников с безымянной дочерью Ингвара Ярославича, известной по Ипатьевской летописи, безусловно ошибочно. Летописец сообщает, что Лешек развелся с дочерью Ингвара вскоре после свадьбы: «поя у него Лестько дщерь и пусти» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 720).
- ²⁶⁰ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 110 (фрагмент хроники Винцентия, кн. 4, гл. 24).
- ²⁶¹ Там же. С. 111.
- ²⁶² Там же. С. 112.
- ²⁶³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718.
- ²⁶⁴ «А СЕ ЧАРА КНЯ<ЖА> ВОЛОДИМИРОВА ДАВЫДОВ<И>ЧА, КТО ИЗ НЕЕ ПЬ<ЕТ> ТОМУ НА ЗДОРОВЬЕ, А ХВАЛЯ БОГА <И> СВОЕГО ОСПОДАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯ<ЗЯ>» (*Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи. С. 28–29; см. также табл. XXIX).
- ²⁶⁵ 265 «Святъславъ грозный великий кievский» (Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. С. 11), чуть ниже — «Великий княже Всеволоде!» (Там же. С. 12).
- ²⁶⁶ Святослав Всеволодич родился не позднее 1128 г.: в 1143 г. он уже женился (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 313, под 6651 г.). Всеволод Юрьевич родился в 1147 г.: летописец Переяславля-Суздальского указывает, что он умер в 1212 г. в возрасте 66 лет (ПСРЛ. Т. 38. С. 164, под 6751 г.). Последний из десяти старших братьев Всеволода, Михалко Юрьевич, умер 20 июня 1176 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 379, под 6685 ультрамартовским годом).
- ²⁶⁷ Участие Святослава в судьбе Всеволода: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 372; Т. 2. Стб. 596, 600, 602. Война Всеволода со Святославом: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 388, под 6689 г.; ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 618–620, под 6688 г. Всеволод впервые назван летописцем великим князем: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 396, под 6694 г.
- ²⁶⁸ Первый пример — ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630, под 6691 г.: «того же лета Бог вложи в сердце Святославу, князю Киевскому, и великому князю Рюрикови Ростиславичу пойти на половец». Однако тот же летописец выше рассказывал о том, как Рюрик при заключении мира со Святославом «съступи ему старешинства и Киева» (Там же. Стб. 624).

- ²⁶⁹ В качестве выразительного примера можно указать уже цитировавшийся выше текст (см. примеч. 229).
- ²⁷⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 44, под 6706 г.
- ²⁷¹ *Приселков М. Д.* История русского летописания. С. 40, ****.
- ²⁷² Роман родился между 1155 и 1157 гг. (см. гл. 1), следовательно, в 1200 г. ему было от 43 до 45 лет.
- ²⁷³ *Паушто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 194; *Котляр Н. Ф.* Дипломатия южной Руси. С. 107–110.
- ²⁷⁴ Достойно замечания, что в подложной грамоте Романа Печерскому монастырю жена его названа Анастасией (*Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей... С. 114). В современной литературе она часто именуется Анной, но это просто укоренившаяся ошибка. Последние годы своей жизни вдова Романа провела в монастыре. Через много лет после ее смерти князь Мстислав Данилович построил над ее гробом часовню во имя Иоакима и Анны (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 937); отсюда легко вывести, что имя «Анна» вдова Романа носила в монастыре. Н. Ф. Котляр возражает сторонникам этой точки зрения: «выглядит более естественным, что Мстислав Данилович помнил светское имя своей бабушки» (*Котляр Н. Ф.* Дипломатия южной Руси. С. 103). Рассуждать так — значит игнорировать средневековый менталитет. Перед Богом поминать монахиню ее светским именем — кощунство.
- ²⁷⁵ Пространная «Галицко-волынская летопись», охватывающая 1205–1290 гг., не знает среди русских князей ни одного родственника Романовичей со стороны матери.
- ²⁷⁶ В Ипатьевской летописи венгерский король именуется вдову Романа своей ятровью (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 727–728, под 6717 г.), т. е. никакого кровного родства между ними нет.
- ²⁷⁷ Роман был внуком Болеслава III, родоначальника всех без исключения польских князей второй половины XII в.; близкородственный брак не был бы допущен Католической Церковью без специального разрешения римского Папы, см. выше примеч. 115.
- ²⁷⁸ О ее пострижении см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 733–734.
- ²⁷⁹ *Баумгартен Н. А.* Вторая ветвь князей Галицких. С. 9–11 (с довольно неуклюжей попыткой аргументировать потенциальную возможность брака Романа с предполагаемой сестрой реальных детей Исаака II — Алексея и Ирины). Эта фантастическая версия повторяется и другими авторами; см., например: *Феннел Д.* Кризис средневековой Руси. С. 61 (без какой-либо аргументации и даже без ссылки на Баумгартена).
- ²⁸⁰ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 137, примеч. 3 (со ссылкой на автора этой версии: *Grala H.* Drugie malgenstwo Romana Mscislawowicza. P. 115–127).
- ²⁸¹ *Никита Хониат.* История. Т. 2. С. 187.
- ²⁸² Там же. С. 223, 225. Ниже у того же автора находим известия о двух разводах «без всякой справедливости» (с. 318) и о третьем браке Алексея Дуки «Мурцуфла» (с. 369).
- ²⁸³ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград... Стб. 78.
- ²⁸⁴ Во времена Андроника Комнина (*Никита Хониат.* История. Т. 1. С. 392–393) и Исаака II Ангела (Там же. Т. 2. С. 104–105; с. 298–299).
- ²⁸⁵ *Никита Хониат.* История. Т. 2. С. 245–246.
- ²⁸⁶ На момент гибели Романа (19 июня 1205 г.) его старшему сыну Данилу было 4 года (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 717). Следовательно, Данил Романович родился где-то около июня 1201 г., вероятнее всего — 23 июля 1201 г., в день памяти 45 христиан, истребленных в 319 г. в Никополе Армянском при императоре Лицинии; в их числе — мученик Даниил. Если мы сочтем небесным покровителем сына Романа какого-либо иного из числящихся в святцах Даниилов, то неизбежно получим значительное отклонение возраста княжича на момент гибели его отца от названного летописцем. Таким образом, приходится думать, что

Роман вступил во второй брак не позднее 23 октября 1200 г. Поскольку во время многодневных постов свадьбы не играют, ясно, что Роман женился после окончания Успенского поста (15 августа).

- ²⁸⁷ Один исследователь, из числа оспаривающих греческое происхождение второй жены Романа, утверждает, что если сын Романа родился в 1201 г., то «брачное посольство должно было посетить Византию не в 1200, а в 1199 г.» (*Котляр Н. Ф.* Дипломатия южной Руси. С. 101). Невозможно понять, на чем основано столь странное заключение. Навигация на Днепре открывалась в апреле; на Днестре, несомненно, в том же месяце (см. летописный рассказ о битве на Калке); 21 мая 1200 г. посольство Романа находилось в Константинополе (Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград... С. 78). Если в мае–июне 1200 г. брачное посольство вело переговоры, а вернулось с невестой только в конце лета или в начале осени того же года, то сын Романа должен был родиться как раз летом 1201 г. (см. примеч. 286).
- ²⁸⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 711 (под 6708 г.).
- ²⁸⁹ Там же. Стб. 708 (под 6706 г.).
- ²⁹⁰ Смерть Ярослава Всеволодича в Ипатьевской летописи датирована 6706 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 707), что соответствует периоду с 1 марта 1198 г. до 28 февраля 1199 г., а в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях — 6708 ультрамартовским годом (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 415; Т. 38. С. 159), что соответствует периоду с 1 марта 1199 г. по 28 февраля 1200 г. «Вероятно, это один из тех довольно обычных случаев, когда летописец заносит в начало статьи сообщение, относящееся к предыдущему году» (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 209, коммент. к статье 6706 г. Ипатьевской летописи).
- ²⁹¹ В мае 1187 г. «отда Рюрик дочерь свою Ярославу за Игоревича за Святослава в Новъгород Северский» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659, под 6695 г.).
- ²⁹² Академик Рыбаков утверждал, что «Рюрик привел в Киев своих союзников Ольговичей, т. е. Игоря и его левобережных вассалов» (*Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 289). Если так, то Рюрика надо признать некромантом: известие о смерти Игоря открывает летописную статью 6710 ультрамартовского года в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 417; Т. 38. С. 154), рассказывающую о том, как Рюрик привел в Киев Ольговичей. На самом деле речь идет, разумеется, о младшем поколении Ольговичей, а именно о сыновьях последовательно княживших в Чернигове Святослава Всеволодича, Ярослава Всеволодича и Игоря Святославича.
- ²⁹³ «И Володимиричи, лишачеся Рурика, и ехаша к Романови» (ПСРЛ. Т. 38. С. 154). В Лаврентьевской летописи искажено: «Володимерци» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 417). Английский историк Феннел почему-то принял упоминаемых здесь «Володимиричей» за неких абстрактных потомков Владимира Мономаха и посетовал на неразработанность темы: «Кто именно из “потомков Владимира” отложился от Рюрика, не установлено» (*Феннел Д.* Кризис средневековой Руси. С. 62). На самом деле тут никакой проблемы нет. «Володимиричи» — сыновья Владимира Мстиславича, двоюродные братья Рюрика Ростиславича — упоминаются в летописях многократно.
- ²⁹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 417–418.
- ²⁹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 634. Тожество «Великого» и «Ярославля» дворов: Там же. Стб. 416.
- ²⁹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418, под 6710 ультрамартовским годом.
- ²⁹⁷ См. выше примеч. 286.
- ²⁹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418, под 6710 ультрамартовским годом: «И бысть радость велика в земли Русьстей».
- ²⁹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659.
- ³⁰⁰ См. описание одного из междоусобных сражений под Киевом с участием половцев: «ту же и Севенча Боняковича, дикого половчина, убиша, иже бяшет рекль: “Хощу сечи в Золотая ворота, яко же и отець мой”» (Там же. Стб. 432).

- ³⁰¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 45, под 6711 г.
- ³⁰² Известны еще Роман Кзич (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 644, под 6693 г.) и Юрий Кончакович (Там же. Стб. 740, под 6732 г.). Незадолго до битвы на Калке крестился половецкий хан Бастый (Там же. Стб. 741).
- ³⁰³ ПСРЛ. Т. 38. С. 155, под 6711 ультрамартовским годом.
- ³⁰⁴ В источниках есть и точная дата «знамений», 16 февраля, но она приводится только в позднем тверском летописном сборнике (ПСРЛ. Т. 15. С. 293) и не вызывает доверия. Бережков полагал, что известие летописца о падающих звездах «несомненно» относится к Леонидам — метеоритному потоку, который должен был наблюдаться 18 октября 1202 г. (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 87, коммент. к статье 6711 г. Лаврентьевской летописи, со ссылкой на монографию Святского «Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения», см. новое издание: Святский Д. О. Астрономия Древней Руси. С. 237–238). Чрезмерная уверенность в непогрешимости астрономических данных привела Бережкова к странному утверждению, что летописные известия о знамениях (полярном сиянии и метеоритном дожде) «помещены в обратном хронологическом порядке: сначала — зима, потом — предшествовавшая осень» (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 87). Однако летописец вполне определенно сообщает, что «знамения» были зимой, об осени речь не идет (ПСРЛ. Т. 38. С. 155). Согласно устной справке, полученной мною в Государственном астрономическом институте им. Штернберга, в настоящее время известно более тысячи метеоритных потоков, пересекающих орбиту Земли, причем систематические наблюдения ведутся только за девятью. Отсюда следует, что описание в летописи метеоритного дождя в принципе не может быть датирующим признаком.
- ³⁰⁵ В Лаврентьевской летописи взятие Киева датировано 2 января (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418), в Новгородской I летописи — 1 января (ПСРЛ. Т. 3. С. 45). «В данном случае можно лишь высказать предположение, что борьба в пределах города была упорной, длилась не менее двух дней. Одни летописи датируют взятие города тем днем, когда нападавшие ворвались в город и победа их вполне определилась, а другие — тем, когда сопротивление было сломлено» (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 315, примеч. 84).
- ³⁰⁶ «Не токмо одно Подолье взяша и пожгоша, ино Гору взяша, и митрополью святую Софью разграбиша, и Десятинную святую Богородицу разграбиша, и манастыри все, и иконы одраша, а иные поимаша, и кресты честныя, и ссуды священныя, и книги, и порты блаженных первых князьи, оже бяху повешали в церквах святых на память себе» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418, под 6711 ультрамартовским годом). В Лаврентьевской летописи находим только начало летописной статьи, рассказывающей о взятии Рюриком Киева, далее следует большая лакуна; в Радзивилловской летописи текст сохранился полностью, но из-за перепутанных в рукописи страниц статья 6711 г. оказалась разбитой на две части (начало — ПСРЛ. Т. 38. С. 154–155; продолжение — Там же. С. 160).
- ³⁰⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 45, под 6711 ультрамартовским годом. Известие относим к половцам, так как русские князья были заинтересованы в поддержании торговли и не решились бы грабить иноземных купцов.
- ³⁰⁸ ПСРЛ. Т. 38. С. 165, под 6711 ультрамартовским годом.
- ³⁰⁹ Там же. С. 160 (продолжение разорванной из-за перепутанных листов статьи 6711 ультрамартовского года, ср. примеч. 306).
- ³¹⁰ Там же. С. 161, под 6712 ультрамартовским годом.
- ³¹¹ На момент гибели Романа его младшему сыну Василько было 2 года (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 717). По данным синодика монастыря св. Петра в Эрфурте, Роман погиб 19 июня 1205 г. (Excerpta ex Necrologio. S. Petry Erfordiae. P. 19).
- ³¹² Единственный источник, содержащий связный рассказ о борьбе Эндре против старшего брата: *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 67–68.
- ³¹³ Согласно Ипатьевской летописи, через полтора-два года после гибели Романа польский князь Лешек послал его старшего сына Данила к венгерскому королю со словами: «Яз не помянух свады Романовы; тебе бо друг бе, клялася бо беста, яко оставшу в животе племени его любовь имети» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 719). Этой не слишком трудной для понимания фразе в нашей литературе не повезло. Можно встретить сознательное искажение ее смысла: вырезав ключевую центральную часть («тобе бо друг бе»), трактуют представленную в усеченном виде цитату как доказательство существования «тройственного русско-венгерско-польского договора» (Котляр Н. Ф. Дипломатия южной Руси. С. 127). На самом деле древнерусский автор сначала констатирует, устами Лешка, что Роман был другом венгерскому королю («тобе бо друг бе»), а затем напоминает, как эта дружба возникла («клялася бо беста» — «вы ведь оба клялись», в оригинале — двойственное число). Далее раскрывается содержание клятвы: «оставшу в животе», т. е. тому из двух поклявшихся, который переживет другого, надлежит «племени его», т. е. детям преждевременно умершего, «любовь имети» т. е. поддерживать их, быть верным другом и союзником. Перевод всей фразы должен быть таким: «Я не стал вспоминать ссору, затеянную Романом, а тебе он и вовсе был друг, вы ведь с ним поклялись, что [в случае смерти одного из вас] оставшемуся в живых детям его [умершего] оказывать покровительство». К сожалению, переводчица «Галицко-Волынской летописи» на современный русский язык (О. П. Лихачева) в данном случае сильно искажила смысл оригинала: «Я забыл ссоры с Романом, — он был другом и тебе. Вы клялись, если останутся живы дети (?? — А. Г.), иметь к ним любовь» (ПДДР. XIII век. С. 239).
- ³¹⁴ Поэтому никак нельзя согласиться с утверждением, что при жизни Имре Роман «не представлял ценности как опекун» (Пацито В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 348, примеч. 8). Именно при жизни Имре (и только до его смерти!) Роман был нужен Андрею.
- ³¹⁵ Фома Сплитский сообщает, что Имре (Генрих) отправил младшего брата в заточение менее чем за год до своей предсмертной болезни (Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 68). Имре умер 30 ноября 1204 г.; следовательно, борьба Эндре (Андрея) с братом продолжалась по меньшей мере до конца декабря 1203 г.
- ³¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 820–826 (особенно стб. 821, где летописец излагает мотивы Данила).
- ³¹⁷ Там же. Стб. 808.
- ³¹⁸ Иоаннисян О. М. Основные этапы развития галицкого зодчества. С. 51, 52.
- ³¹⁹ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 595–596.
- ³²⁰ Rocznik kapituly krakowskie. P. 67.
- ³²¹ «Великая хроника»... С. 143–144.
- ³²² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808.
- ³²³ Там же. Стб. 716.
- ³²⁴ См. летописную повесть о взятии Царьграда фрягами: ПСРЛ. Т. 3. С. 46–49.
- ³²⁵ Жены Всеволода и Ярослава были родными сестрами. В качестве свояка великого князя Ярослав Володимирич пользовался его покровительством и трижды по его воле длительно княжил в Новгороде. После смерти жены Ярослава в декабре 1200 г. во Владимире (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 416–417, под 6709 ультрамартовским годом) главная связующая нить между свояками оборвалась. Следующий раз мы встречаемся с Ярославом в 1205 г. на Киевщине, в Вышгороде (Там же. Стб. 426, под 6714 ультрамартовским годом). Логично предположить, что оставшемуся при дворе Всеволода не у дел Ярославу наскучила роль «приживала», и между 1200 и 1205 гг. он отправился искать счастья на юг, где присоединился к трем своим братьям, которые всю свою жизнь подвизались на Киевщине.

- ³²⁶ ПСРЛ. Т. 38. С. 161–162, под 6713 ультрамарттовским годом.
- ³²⁷ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 111 (фрагмент хроники Винцентия, кн. 4, гл. 24). К сожалению, нет никакой уверенности в том, что Винцентий добросовестно передает нам живую зарисовку характера исторического Романа. Сообщение о свойственных русскому князю приступах ярости размещено в тексте рассказа о походе на Галич, но Винцентий писал об этом через много лет после гибели Романа, следовательно, мог творчески использовать известия о трепольской драме. Вряд ли есть способ определить, было ли чрезвычайное происшествие в Треполе следствием дурного характера Романа, или же само указание польского хрониста на дурной характер Романа было порождено известиями о чрезвычайном происшествии в Треполе.
- ³²⁸ Достоверно известно, что после гибели Романа «Володимиричи» удерживали Треполь еще около двух лет: сын Ярослава Володимирича, не названный летописцем по имени, был осажден здесь Ольговичами где-то в первой половине 1207 г. Осада Треполя, длившаяся 3 недели, была первым звеном военной кампании Всеволода Чермного по овладению Киевом. Началась она не ранее апреля 1207 г.: сказано, что Ольговичи «переводились» через Днепр, т. е. река уже не была покрыта льдом (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 429, под 6715 г.). Вся кампания завершилась не позднее июля 1207 г., ибо в августе начался «ответный» поход великого князя Всеволода (Там же. Стб. 430).
- ³²⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 240. Известие уникально. В ранней новгородской традиции есть только рассказ о разграблении Киева (Там же. С. 45); здесь совсем не упоминаются южнорусские события, происходившие два года спустя: зимний поход на половцев и трепольский переворот. Однако в Новгородской I летописи младшего извода (XV в.) под 6711 г., непосредственно после рассказа о разграблении Киева, находим дополнение: «Тогда же ходиша русеи князи на Половци: Рюрик, Роман, Мстислав <...> Того же лета посла Роман Вячеслава, веля ему Рюрика пострици в чернци» (Там же. С. 240). Первая часть этого дополнения показывает знакомство сводчика XV в. с летописной традицией Северо-Восточной Руси. Наличие двух грубых ошибок (хронологической и в имени одного из трех стоявших в главе похода князей) можно рассматривать как свидетельство того, что вставка была сделана сводчиком по памяти, без непосредственного использования рукописи, которая была источником известия. Вторая часть дополнения (о Вячеславе) маловразумительна и без сопоставления со сведениями Ипатьевской и Радзивилловской летописей осталась бы вообще загадочной. Возможно, неясность этого известия является следствием сокращенного пересказа неизвестного нам исходного текста. Радзивилловская летопись проясняет ситуацию, рассказывая о трепольском перевороте, следствием которого было пострижение Рюрика (в соответствующем месте Лаврентьевской летописи — большая лакуна). Ипатьевская летопись сообщает, что среди «великих бояр» Романа был некий Вячеслав Толстый: он дважды упоминается при описании событий, развернувшихся уже после гибели Романа (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 725, 728).
- ³³⁰ Подобно тому как в 1240 г. перед нашествием татар управлял Киевом боярин Данила Романовича Дмитр (Там же. Стб. 782, под 6746 г.).
- ³³¹ ПСРЛ. Т. 38. С. 162, под 6713 ультрамарттовским годом.
- ³³² Об этом мы узнаем только из летописного рассказа о событиях, последовавших за гибелью Романа: среди прочего, Ростислав Рюрикович выгнал Ярослава Володимирича из Вышгорода (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 426, под 6714 ультрамарттовским годом).
- ³³³ ПСРЛ. Т. 38. С. 160, из-за перепутанных листов под 6709 г.; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 421, под 6713 ультрамарттовским годом. Издатели Радзивилловской летописи, расставив в древнерусском тексте современные знаки препинания, ошибочно отнесли дату 6 февраля не к известию об Ольговичах, а к предшествующему известию о смерти и погребении Елены Всеволожны. На самом деле эта княжна умерла 30 декабря 1204 г. (Там же. Стб. 421, под 6713 ультрамарттовским годом).
- ³³⁴ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 148–149.
- ³³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425.
- ³³⁶ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 112 (фрагмент хроники Винцентия, кн. 4, гл. 24).
- ³³⁷ *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI). С. 345; с. 346 (*Dlugosz J. Annales...* P. 192; p. 193).
- ³³⁸ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 331 (под 1204 г.) и с. 332 (под 1205 г.); *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2, 3. С. 415; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1, 2. С. 562.
- ³³⁹ *Chronica Alberici...* P. 885.
- ³⁴⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 719, под 6710 г.
- ³⁴¹ Там же, под 6711 г.
- ³⁴² Там же, под 6710 г.
- ³⁴³ Там же. Стб. 318, под 6653 г.
- ³⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425.
- ³⁴⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 754, под 6737 г. (поход на Калиш мог состояться в 1228 и 1229 гг.; второй вариант более вероятен). Украинский историк Котляр, крупный специалист в области исторической географии, смело «исправляет» летописный текст, принимая упомянутый летописцем географический пункт Ветр за реку Вепрь, которую он считает русско-мазовецкой границей (Галицко-волинская летопись. С. 95; с. 221–222). При таком понимании текста выходит, что войска Романовичей дошли от «русско-мазовецкой границы» до города Калиша в Великой Польше за один ночной переход: «идоша к Калешю, и придоша Ветру вечер, наутрее же светающе преидоша реку Пресну и поидо<ста> к городу» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 754–755). На самом деле река Вепрь могла быть границей Волыни с Малой Польшей, но никак не с Мазовией; на пути от Берестя к Калишу необходимо перейти Вислу, а не Вепрь, который впадает в Вислу значительно южнее.
- ³⁴⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 758, под 6737 г. Следует отметить, что указанный «летописцем» прецедент — поход Владимира Крестителя в глубь Польши — по другим источникам неизвестен и принадлежит, скорее всего, к числу баснословных преданий.
- ³⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 821 и далее, ошибочно под 6762 г. Поскольку базой для русских войск был Краков, отнести этот поход к числу дальних можно лишь условно.
- ³⁴⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 936, ошибочно под 6799 г. Поход стал возможным благодаря династической неразберихе в Польше; главная цель — помочь Болеславу Земовитовичу овладеть Краковом — достигнута не была.
- ³⁴⁹ 2 июля — 24 августа 1189 г. (*Балакин В. Д.* Фридрих Барбаросса. С. 249–250).
- ³⁵⁰ См. обращение автора «Слова...» к Роману и Мстиславу: «Суть бо у ваю железныя порпори подь шеломи латинскими. Теми тресну земля...» (Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. С. 12).
- ³⁵¹ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 149.
- ³⁵² *Пауто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 221.
- ³⁵³ *Щавелева Н. И.* Древнерусские известия Великопольской хроники. С. 61–62.
- ³⁵⁴ *Майоров А. В.* Из истории внешней политики Галицко-Волинской Руси. С. 91, примеч. 102–103 и соответствующее место основного текста.
- ³⁵⁵ В XII в. о Висле знали, видимо, только в Германии, причем ошибочно считали эту реку восточной границей Польши (*Райт Дж. К.* Географические представления в эпоху крестовых походов. С. 278).
- ³⁵⁶ *Пауто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 221.

- ³⁵⁷ 6 января 1205 г. Филипп Швабский был коронован в древней имперской столице — Аахене (первая его коронация была проведена еще 8 сентября 1198 г. в Майнце). С этого времени и вплоть до своей трагической гибели в 1208 г. Филипп оставался хозяином положения в Германии. В новейшей литературе версию Пашуто защищает А. В. Майоров, который полагает, что помощь Романа в 1205 г. Филиппу Швабскому все-таки была нужна, так как он «готовился нанести удар» по г. Кельну (*Майоров А. В. Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси*. С. 91). Если бы историк дал себе труд просмотреть лишний раз карту средневековой Германии, он узнал бы, что в конце XII—начале XIII в. Кельн находился в Нижней Лотарингии, а вовсе не в Саксонии, куда направляет Романа хроника Альберика.
- ³⁵⁸ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 163. Любопытно, что и некоторые русские летописцы подобным образом честили своих западных соседей: «безбожни Ляхове» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 313, под 6651 г.).
- ³⁵⁹ В реальной жизни события разворачивались именно так: в 1214 г., через 9 лет после гибели Романа, Лешек заключил договор с венграми о разделе Галицкого княжества (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 731, ошибочно под 6719 г.).
- ³⁶⁰ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 92 (латинский текст: Liber IV, cap. 2); с. 105 (кн. IV, гл. 2, перевод); с. 123 (примеч. 17).
- ³⁶¹ «Великая хроника»... С. 115.
- ³⁶² *Ехсергта ex Necrologio S. Petri Erfordiae*. P. 19. В литературе можно встретить ошибочный перевод: «Тринадцатые календы июля» (*Майоров А. В. Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси*. С. 78). Автор прекрасно знает, что такое календы и как велся счет дней от них (см. примечание на той же странице), но перевод дает прямо анекдотичный: если календы — первый день месяца, то «тринадцатые календы» — такая же глупость, как пресловутые «календы греческие». О распространенном в средневековой Европе (и встречавшемся в единичных случаях даже на Руси) обратном отсчете дней второй половины месяца от календ месяца следующего см.: *Щапов Я. Н. Древнеримский календарь на Руси*. С. 336–337. 13-й день до календ июля — 19 июня (календы, т. е. 1 июля, также включаются в счет дней).
- ³⁶³ *Фогельвайде В.*, фон дер... Стихотворения. С. 118, СХХIV. В примечаниях дается совершенно фантастическое разъяснение: «Имение, которое получил Вальгер, приносило 30 марок годового дохода» (Там же. С. 344). На самом деле текст стихотворения не оставляет сомнения в том, что королевские 30 марок были *разовым* подарком.
- ³⁶⁴ Минский князь Глеб Всеславич при жизни пожертвовал 600 гривен серебра и 50 гривен золота; после его смерти вдова пожертвовала еще 100 гривен серебра и 50 гривен золота, и все это — помимо пяти сел с челядью и своих личных вещей (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 492–493). Впрочем, летописец называет *общую сумму* вкладов супружеской четы; разовые вклады были, конечно, гораздо скромнее.
- ³⁶⁵ В. Т. Пашуто усмотрел здесь некую связь с торговыми отношениями. Логика его рассуждений в пересказе не может быть передана. Приводим выстроенный им силлогизм в его оригинальном виде: «немецкий поэт Гартман из Ауе (Ouwe) (умер в 1210 г.) писал о серых мехах: “лучших никто не мог найти ни на Руси, ни в Польше”. Естественно, что и в синодике монастыря бенедиктинцев св. Петра в Эрфурте читается запись: “Romanus, rex Ruthenorum dedit nobis XXX marcas”» (*Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*. С. 171–172). Забавно, что этому великолепному перлу из коллекции курьезов историографии не суждено было остаться одиноким. Полвека спустя другой историк выдвинул новую версию: оказывается, все дело в том, что Роман «обучался в бенедиктинском монастыре в юные годы» (*Головко А. Б. Князь Роман Мстиславич*. С. 54). Другими словами, под старость Роман догадался наконец заплатить за свое обучение в юные годы... Надо ли говорить, что сам «факт» обучения Романа в Германии вымышлен историком?
- ³⁶⁶ А. В. Майоров пишет, что у Романа были «личные отношения» с ландграфом Тюрингии Германом (*Майоров А. В. Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси*. С. 96). К сожалению, это выдумка в чистом виде.
- ³⁶⁷ *Dlugosz J. Annales... Lib. V, VI*. P. 193.
- ³⁶⁸ Сначала сделать это пытались сыновья Романа (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 796). Позднее Лев Данилович «восхоте себе части в земле Лядьской, города на Вькраини» (Там же. Стб. 881). Наконец, Юрий Львович «хотяшеть себе Люблина и земле Люблинской» (Там же. Стб. 910).
- ³⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425.
- ³⁷⁰ ПСРЛ. Т. 10. С. 50.
- ³⁷¹ *Татищев В. Н. История Российская*. Т. 4. С. 332.
- ³⁷² См. часть 2, гл. 7.
- ³⁷³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 830.
- ³⁷⁴ В 1377 г. работавший над летописью в Суздальско-Нижегородском княжестве монах Лаврентий получил в свое распоряжение «книги ветшаны» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 487–488), среди которых было и «Поучение» Мономаха, ибо мы находим его вписанным непосредственно в текст летописи (Там же. Стб. 240–256). Мономах умер в 1125 г.; таким образом, по крайней мере в одной из многочисленных ветвей его рода «Поучение» передавалось из поколения в поколение на протяжении двух с половиной веков.
- ³⁷⁵ «На воину вышед, не ленитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни еденью не лагодите, ни спанью. И стороже сами наряживайте; и ночь отвьсюду нарядивше, около вои тоже лязите, а рано встанете. А оружья не снимайте с себе вборзе, не розглядавш ленощами: внезапно бо человек погыбаеть» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 246).
- ³⁷⁶ «И отъеха сам в мале дружине от полку своего, Ляхове же наехавшее убиша и, дружину около его избиша» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425).
- ³⁷⁷ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 149.
- ³⁷⁸ *Балакин В. Д.* Фридрих Барбаросса. С. 246.
- ³⁷⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 573.
- ³⁸⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 63. Здесь не сказано, что отряд был конный, но в противном случае Мстислав вообще не смог бы вступить в соприкосновение с татарами.
- ³⁸¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 209.
- ³⁸² Там же. Стб. 723–724, под 6716 г.
- ³⁸³ Там же. Стб. 792.
- ³⁸⁴ См., например, рассказ о сборе Ростиславом Михайловичем пешего ополчения из смердов перемышльской земли и о последовавшей победе над отрядами бояр Данила Романовича: «бившимся им на реце Сечници, одоле Ростислав, многи бо име пешьце» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 797, под 6753 г.). См. также анализ известия Ипатьевской летописи о «галицких выгонцах» в битве на Калке (с. 177–178 наст. изд.?).
- ³⁸⁵ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 148.
- ³⁸⁶ Укажем для сравнения, что император Фридрих I в 1154 г. собрал для похода в Италию 1800 рыцарей (*Балакин В. Д.* Фридрих Барбаросса. С. 42). На Троицу 1184 г. имперские князья привели в Майнц для участия в устроенном Фридрихом I грандиозном празднестве рыцарские дружины численностью от одной до двух тысяч (Там же. С. 231–232).
- ³⁸⁷ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 149.
- ³⁸⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 831–832.
- ³⁸⁹ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 149.
- ³⁹⁰ «Приехавшее же Галичане взяша князя своего мертва, и несоша ѝ в Галич, и положиша ѝ в церкви святяя Богородица» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425).
- ³⁹¹ *Dlugosz J. Annales... Lib. V, VI*. P. 196.

³⁹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425.

³⁹³ См. рассказ Длугоша под 1412 г. (Liber XI, 149) о захвате по приказу короля Владислава II (Ягайлы) собора в Перемышле: «чтобы очистить себя от несправедливого упрека немцев, будто он преимущественно благоволит и покровительствует схизматикам, велел посвятить в католический храм прекраснейшую православную кафедральную церковь, построенную из квадратного камня, расположенную посреди города и подлежавшую до тех пор ведению русского епископа, при этом гробы православных были выброшены и вырыты. Русский клир и народ сочли это тяжелым оскорблением и горько при этом плакали, рыдали и вопили» (пер. И. Филевича; цит. по: *Филевич И. П.* Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. С. 290). В исторической перспективе образ действий Владислава-Ягайлы оказался верным: со временем Перемышль стал совершенно польским городом. Среди разрытых в 1412 г. могил по меньшей мере одна была княжеская — Володаря Ростиславича, врага поляков, который и при жизни пострадал от их коварства (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286, под 6630 г.; стб. 319, под 6653 г.), и после смерти не был оставлен этой злопамятной нацией в покое. Ср. также известный факт надругательства поляков над прахом Богдана Хмельницкого после захвата Стефаном Чарнецким Субботова.

³⁹⁴ *Dlugosz J.* Annales... Р. 196. См. также: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI). С. 349.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАК РОЖДАЮТСЯ, ЖИВУТ И НЕ УМИРАЮТ ЛЕГЕНДЫ

Глава первая

ОБРАЗ ВРАГА: РУССКИЙ КНЯЗЬ ГЛАЗАМИ КАТОЛИЧЕСКОГО ЕПИСКОПА

Мы уже знаем, что русские летописи не содержат рассказа о вокняжении Романа в Галиче, однако этот пробел можно заполнить (к несказанной радости историков) благодаря хронике Винцентия, где одна из глав полностью посвящена именно интересующему нас сюжету. Со времен Карамзина рассказ Винцентия воспроизводился в русской историографии множество раз, но при этом, как правило, не особенно задумывались о характере источника информации. Ситуация представляется парадоксальной: с одной стороны, Винцентий известен своей крайней тенденциозностью, которую никто не отрицает; с другой — у него устойчивая репутация очень осведомленного современника событий, каждое слово которого, что называется, на вес золота. Некоторые историки, чрезмерно увлекшись предметом исследования, начинают узнавать автора хроники среди ее второстепенных, оставшихся безымянными персонажей.¹ Разыгравшееся воображение побуждает преувеличивать роль молодого Винцентия при дворе Казимира. Скромного пресвитера, которого лишь в отдаленном будущем ждала блестящая церковная карьера, заставляют присутствовать, да еще и «не раз», при беседах Романа с краковскими вельможами.² Заключительная часть хроники объявляется написанной «буквально по следам происходивших событий»,³ а противоречащие этой версии факты попросту игнорируются. Между тем они весьма красноречивы.

Хроника Винцентия обрывается на событиях 1202 г. При этом осталось невыполненным обещание хрониста рассказать о «благодарности» Романа полякам за их помощь в овладении Галичем.⁴ Здесь, конечно, намек на известные всем события 1205 г. (вторжение Романа

в Малую Польшу, закончившееся его гибелью, на первом этапе было вполне успешным и доставило его недавним благодетелям массу неприятностей). Получается, что над последним разделом хроники, охватывающим события 1200–1202 гг., Винцентий работал не ранее 1205 г. До событий 1203–1205 гг. хронист почему-то так никогда и не добрался, хотя ему суждена была довольно долгая жизнь, последние годы которой (1218–1223 гг.) проведены были в монастырском уединении. Если допустить, что Винцентий работал «по следам событий», то получается, что он забросил свой труд вскоре после гибели Романа, т. е. после 19 июня 1205 г., и в последующие 18 лет (!) не нашел случая приписать ни строчки. Почему эта очевидная нелепость не смущает сторонников версии раннего происхождения хроники Винцентия — психологическая загадка. Вероятно, все дело в подсознательном стремлении повысить ценность сообщаемых Винцентием сведений (в самом деле, писать «по следам событий» — совсем не то, что «двадцать лет спустя»). Отсюда же проистекает неприятие исследователями цистерцианской традиции, согласно которой Винцентий работал над хроникой *уже будучи в монастыре*.⁵ Цистерцианская версия ведет к мысли, что причиной незавершенности хроники была смерть автора. Отсюда, в свою очередь, следует неутешительный вывод: временной интервал между историческими событиями и занесением рассказа о них на пергамент был очень велик, ко дню смерти хрониста он составлял 21 год (1202 г. описывался в 1223-м).

Образ Романа, созданный Винцентием через много лет после гибели русского князя, чрезвычайно ярок и выразителен. Неоднократно появляясь на страницах хроники, этот близкий родственник любимых героев автора постепенно занимает все больше места и в конце концов превращается в одну из центральных фигур повествования. Однако распространенное в нашей литературе восприятие отдельных известий Винцентия о Романи, вырванных из контекста, как неких «сообщаемых современником фактов», представляется наивным и опрометчивым. И дело тут вовсе не в том, был ли Винцентий в годы своей молодости лично знаком с Романом — об этом можно спорить, хотя вопрос, в сущности, совершенно второстепенный; более важно, какие задачи ставил перед собой польский хронист, облекая свои воспоминания в литературную форму. Материала для вполне взвешенных суждений об этом труд Винцентия, в силу своей ярко выраженной политической тенденциозности, предоставляет

в избытке. Характерно, что некоторые историки нового времени вообще отказывались считать хронику Винцентия произведением историографии, а в авторе видели скорее политика, нежели своего коллегу по ремеслу.⁶

Из биографии Винцентия известно, что в 1207–1218 гг. он был епископом Краковским, т. е. политической фигурой первого ряда. Именно в это время поляки добились впечатляющих успехов на восточной границе (причем впервые за последние 200 лет, после киевского похода Болеслава Храброго и временного завоевания «червенских городов»). Избавившись в 1205 г. от Романа, Лешек Краковский долгое время распорядился по своему усмотрению всеми княжескими столами Западной Волыни. В 1214 г. он заключил договор с венгерским королем о разделе Галицкого княжества,⁷ а затем захватил Берестье и ряд городов между реками Вепрем и Бугом — «всю Украину», по выражению позднейшего волынского летописца.⁸ Незадолго до того, как Винцентий отрекся от сана, призванный Лешком Мстислав Удатный выгнал венгров из Галича.⁹ Однако введение в игру этой новой сильной фигуры оказалось роковой ошибкой польских властей (возможно, и самого Винцентия лично: епископ Краковский принадлежал к числу ближайших советников Лешка).

Уже в Енджеёвском монастыре Винцентий узнал о том, что юные сыновья Романа, при благожелательном нейтралитете нового галицкого князя, отвоевали все захваченные поляками волынские города. Созданная вскоре польско-венгерская коалиция, после ряда легко доставшихся успехов, была наголову разбита Мстиславом Удатным.¹⁰ Наблюдая за этими событиями из своей монашеской келлии, бывший епископ Краковский злобствовал и мечтал о мести. Отомстить же в его новом положении можно было лишь одним способом — на бумаге. Отсюда и проистекают некоторые особенности хроники Винцентия. Повествование в пределах «русских сюжетов» подчинено идеологической сверхзадаче воспитания будущих поколений польских интеллектуалов в духе презрения и ненависти к православной Руси, которая настойчиво изображается как естественный объект для польского завоевания. Литературный дар Винцентия, единодушно оцениваемый исследователями как «выдающийся», поставлен на службу идеологии и политике.

Зная все эти обстоятельства, нельзя уже воспринимать сообщаемые Винцентием «факты» из политической биографии Романа как

свидетельства беспристрастного очевидца. Надо знать, какая роль отведена этому русскому князю в авторском замысле и какими средствами формируется в глазах читателя его литературный образ.

Впервые Роман появляется на страницах хроники в качестве «бедного родственника» краковского князя, который немедленно начинает ему благодетельствовать, раздавая — один за другим — русские княжеские столы, реально никогда благодетелю не принадлежавшие.¹¹ В дальнейшем под пером Винцентия Роман и сам осознает свое изначальное ничтожество: «Ибо Роман помнил, сколько благодетелей оказал ему Казимир, у которого он почти с колыбели воспитывался, да и на княжество, которым он правил, его посадил Казимир».¹² Отметим, что даже идеологически нейтральная на первый взгляд (и хронологически совершенно невозможная!) версия о воспитании Романа при дворе Казимира появилась в хронике не случайно. Каждая деталь у Винцентия, как и у всякого хорошего литератора, работает на формирование образа.

Ниже следует подробный рассказ о польской усобице и битве на реке Мозгаве в Краковской земле (1195 г.). Мы помним, что Роман сражался здесь на стороне малолетних Казимировичей (сыновей рано умершего Казимира II) против их дяди Мешко III Старого. Приступив к описанию этих событий, Винцентий оказался в довольно затруднительном положении. Русский князь Роман — находившийся в расцвете сил многоопытный политик и воин — неизбежно должен был стать центральной фигурой в лагере Казимировичей. Винцентий признать такое положение вещей не мог: пришлось бы отойти от намеченной в хронике тенденции показать политическую незначительность Романа и полную его зависимость от польских родственников. С другой стороны, Винцентий не мог отрицать значение помощи, оказанной Романом Казимировичам: именно эта важная услуга в следующей главе хроники будет служить обоснованием решения первых лиц Кракова посадить Романа в Галиче. Ясно, что это решение ни в коем случае не должно выглядеть в глазах читателя странным капризом и политической глупостью.

Надо признать, что Винцентий виртуозно выпутывается из этого сложного положения. Сперва он сообщает читателю, что Роман явился «с многочисленным отрядом русских» и честно сражался, получив «немалые и тяжелые раны». Затем польский автор делает неожиданный и очень сильный ход. На Романа, который только что был показан

как добросовестный и очень ценный союзник, фактически возлагается вина за неопределенный исход битвы: «Ведь большая часть русских в начале сражения бежала, лишив малолетних князей победного триумфа».¹³ Значение оказанной Романом помощи росчерком пера сводится на нет; его заслугами признаются только личное мужество и благие намерения. Впрочем, Винцентий не забывает и здесь добавить «ложку дегтя»: оказывается, Роман знал, что в случае поражения Казимировичей «и его корню секира угрожает» (другими словами, отчасти его побуждения были все-таки «шкурными»).

Следующим сюжетом повествования является самый интересный для нашей темы рассказ о вокняжении Романа в Галиче (помещенный сразу после рассказа о событиях 1195 г. из соображений чисто литературных — ради единства действия).^{*} Здесь тенденциозность польского хрониста доходит до степени почти комической. Роман представлен бессильным интриганом, согласным на любые условия, лишь бы получить вождеденную польскую помощь («настойчиво просит князя Лешко обязать его вечным подданничеством»)¹⁴ При этом чуть ниже Винцентий проговаривается и фактически признает экстраординарность роли Романа в судьбе Малой Польши времен малолетства Казимировичей: «всегда был помощником и даже как бы наставником [paedagogus] нашего государства».¹⁵ По Длугошу (см. примеч. 259 к части первой), Лешек родился в 1192 г., т. е. в 1195 г. старший из Казимировичей был в возрасте трех лет; даже если допустить, что он был чуть старше, все равно получается, что зачисление Романа в «педагоги» вполне закономерно. Когда несколько лет спустя краковскими вельможами принималось решение о походе на Галич в поддержку притязаний Романа, Лешек был, по словам Винцентия, все еще «нежный колос» и «орех, еще не покрытый скорлупой»; почти со слезами этот князь-отрок добивался от своих собственных подданных разрешения лично возглавить войско. С этого места повествования хронист начинает настойчиво и последовательно выдвигать Лешка на первый план — «ad gloriae cumulum», если использовать выражение, употребленное в начале главы самим Винцентием. Князь-отрок, которого сперва и в поход-то не хотели брать, неожиданно проявляет качества политического вундеркинда: он ведет важные

^{*} Если бы Винцентий располагал события в хронологическом порядке, то сначала был бы помещен рассказ о вокняжении в Кракове Мешко III Старого (1196 г.).

переговоры и лично командует войсками. А ведь действовать ему пришлось в очень сложной обстановке! Прежний польский поход на Галич (в 1190 г. для водворения там законного князя) был триумфальным шествием, но теперь все пошло иначе: «первые их города не смиренно сдавались, а сопротивлялись в упорных сражениях».¹⁶

Где же в это время был Роман — недавний «педагог» малолетних Казимировичей? Можно подумать, что он отсиживался в польском обозе: поход на Галич представлен Винцентием не как очередное русско-польское военное предприятие, а как поход *чисто польский*. О наличии при особе Романа русских войск (или хотя бы личной дружины) хронист не сообщает. Причина этого умолчания чисто литературная. Появившись в повествовании во главе волынских полков, Роман автоматически занял бы в сознании читателя место рядом с Лешком, а затем, пожалуй, слегка отодвинул бы князя-отрока в сторону. Характерно, что Винцентий не захотел назвать нам точный возраст Лешка. Иначе хронист и не мог поступить: если бы он объявил читателю без обиняков, что во время галицкого похода Лешку было 8 лет от роду, дальнейший его рассказ уже не мог бы восприниматься всерьез.

Проведя корабль повествования сквозь рифы нежелательных сопоставлений, Винцентий уверенно и смело изображает военный триумф Лешка, который во главе железных польских полков подходит к Галичу, диктует свою волю горожанам и «назначает Романа галицким князем».¹⁷ Много места уделяется нежеланию галичан принять Романа и объяснению вынужденности их согласия. Поскольку поляки в город не входили, а русских войск при Романи как будто бы и не было совсем, получается, что неугодный галичанам Роман отправился в Галич в гордом одиночестве. При этом чуть ниже Винцентий сообщает, что после ухода поляков из-под стен Галича Роман немедленно установил в городе режим жесточайшего террора! (Очевидная невозможность такого развития событий побуждает некоторых новейших историков выворачивать рассказ Винцентия наизнанку. Главным действующим лицом они делают Романа: оказывается, именно он «совершил удачный поход на Галич и присоединил его к Волыни». Далее со ссылкой на польского хрониста сообщается, что в походе «принимали участие и польские отряды».)¹⁸

Но вернемся к Винцентию. Смысловые несообразности прикрыты у польского хрониста многословием и риторикой. Выполнено

это блестяще: у читателя не слишком вдумчивого создается впечатление, что «повествование Винцентия отличается стройной последовательностью».¹⁹ Надо понимать, однако, что последовательность здесь чисто книжная. Первая фаза литературного замысла Винцентия (возвеличивание Лешка) успешно завершена; можно приступить ко второй фазе (очернение Романа). В тексте хроники тотчас же появляется прозрачный намек на позднейший конфликт Романа с Казимировичами: «В своем месте будет показано, какой благодарностью и какой преданностью он постарался отплатить полякам за милость. Ибо по отношению ко всем видимость дружбы он соблюдал с одинаковым вероломством, особенно же жесток был к своим».²⁰ Далее рассказываются леденящие кровь подробности о казнях знатных людей в Галиче по приказу Романа. При этом русский князь со зловецким цинизмом заявляет: «Нельзя спокойно наслаждаться пчелиным медом, если не погнетешь внутри [дупла] весь рой, не распуская его...».²¹ Портрет тирана получился столь выразительным, что здесь можно было бы и остановиться. Однако Винцентий все еще не удовлетворен результатом, и на страницах его хроники Роман продолжает излагать с помощью иносказаний свое политическое кредо: «...и не почувствовать вкуса специй, если не растолочь их в ступе».²² Последнее изречение более уместно в устах княжеского повара, нежели в устах князя, но эту несуразность мало кто заметит, между тем главная цель хрониста достигнута: оба приписываемых русскому князю высказывания наглядно демонстрируют его вероломство и жестокость. Нравственное чувство читателя возмущено, а поскольку хронист искусно противопоставляет Романа польским князьям, носителям всех мыслимых добродетелей, читатель невольно забывает на время, что Роман по крови наполовину поляк, и начинает воспринимать его как врага Польши. Именно к этому и стремится Винцентий.

В русской летописи гибель Романа в походе против Казимировичей представлена внутрисемейной трагедией. «Дьявол есть вовергл вражду сию межи нами», — сокрушается в беседе с вдовой Романа его двоюродный брат Лешек.²³ Обратившись к генеалогии, мы увидим, что «русской крови» в жилах Лешка было даже несколько больше, чем у Романа. Нет сомнений в том, что спаянная родственными узами верхушка знати прекрасно сознавала свое клановое единство по обе стороны русско-польской границы. Однако для польского хрониста (монаха-цистерцианца, да еще и краковского епископа в недавнем

прошлом!) взгляд на гибель Романа как на внутрисемейную трагедию решительно невозможен. Недаром Винцентий приложил столько усилий, чтобы представить Романа свирепым тираном, который «в приступе ярости и запале тщеславия не щадит никого из своих».²⁴ Когда хронист мимоходом обещает читателю рассказать о «благодарности» Романа полякам, намекая на известный всем конфликт 1205 г., и тотчас же переходит к рассказу о казнях в Галиче, читатель неизбежно должен задать себе вопрос: если Роман был так жесток со своими собственными подданными, то какую же участь его вторжение готовило Польше?

Хотя хроника осталась незавершенной, концепция образа ее главного отрицательного героя представляется совершенно ясной. Винцентий намеревался изобразить Романа коварным злодеем, из ничтожества вознесенным поляками к вершинам могущества, а затем, когда он проявил свою истинную сущность, ими же и низвергнутым. Очень показателен «финальный аккорд» рассказа о княжении Романа в Галиче: «Итак, построив на несчастье других свое счастье, он в короткое время вознесся так высоко, что стал полновластно управлять почти всеми русскими землями и князьями».²⁵ Сопоставление с данными Лаврентьевской летописи раскрывает смысл этой туманной фразы. В 1201 г. Роман овладел Киевом, изгнал княжившего там Рюрика Ростиславича, своего бывшего тестя, а на его место посадил своего двоюродного брата, луцкого князя Ингвара Ярославича. Винцентий не мог не знать подробности этих громких событий, тем более что прославляемый им Лешек после гибели Романа женился на дочери Ингвара.²⁶ Таким образом, хронисту представлялся благоприятный случай обыграть каким-нибудь образом княжение будущего тестя Лешка в Киеве («ad gloriae simulum»). Однако для Винцентия это оказалось психологически невозможным. В самом деле, Ингвар палец о палец не ударил для того, чтобы получить Киев — его там посадил Роман! Подробный рассказ с указанием имен и системы взаимоотношений значительно сместил бы акценты в рассказе Винцентия. Невольно пришлось бы признать, что по крайней мере в данном случае Роман добился выдающегося успеха благодаря своей собственной доблести. Но как раз этого-то признания Винцентию и нужно избежать: согласно его версии, Роман — не более чем ставленник поляков, обязанный им решительно всем, а если он смог чрезмерно усилиться, так что стал представлять угрозу даже для своих благодетелей, то исключительно

за счет «недозволенного приема» — прибегнув к жесточайшему террору против галицкой знати. Рассказ о казнях в Галиче слишком хорошо вписывается в литературный замысел Винцентия, чтобы его можно было безоговорочно принять.

Все поздние польские хронисты прилежно пересказывают Винцентия, который был для них непререкаемым авторитетом. Русские историки XVIII в., знакомые с польскими источниками, прекрасно понимали, что рассказ о казнях в Галиче предназначен для очернения образа Романа. Татищев бегло упомянул этот эпизод в примечаниях, причем в очень смазанном виде, и до полемики не унижился.²⁷ Щербатов был сильно задет и высказался довольно эмоционально: «Не могу я удержаться, чтобы не сделать примечание о несправедливости польских писателей, которые описывают Романа злейшим мучителем и ненавидимым народу галицкому».²⁸ Позднее, уже в начале XIX в., положение изменилось. Карамзин ввел в научный оборот Ипатьевскую летопись — весьма объемный свод, заключительная часть которого (так называемая «Галицко-Волынская летопись») подробно рассказывает о событиях 1205–1290 гг. Согласно этому источнику, через четверть века после гибели Романа в Галиче разыгралась следующая сцена. Старший сын нашего героя, Данил Романович, собрал вече, чтобы заручиться поддержкой горожан против мятежных бояр. Здесь молодой князь получил дельный совет от сотского Микулы: «Господине! Не погнетши пчел, меду не едать».²⁹ Что-то очень знакомое, не правда ли? Понятно, что Карамзин сразу же сопоставил это высказывание галичанина, приведенное летописцем, со свидетельством Винцентия о любимой присказке Романа.³⁰

Как видим, политические взгляды сотского Микулы, в изложении русского летописца, практически совпадают с политическими взглядами князя Романа, в изложении польского хрониста. Совпадает даже форма изложения их взглядов! Этот факт на протяжении последних двух веков неизменно оказывал гипнотическое воздействие на исследователей. Происходит всякий раз одно и то же. Механизм поиска причинно-следственных связей подключает воображение, которое услужливо выстраивает примерно такую цепочку домыслов. Сотник Микула в годы княжения Романа в Галиче вполне мог быть молодым человеком, начинавшим свою служебную карьеру; Роман проводил политику антибоярского террора, которой простые галичане, конечно же, сочувствовали; Микула, должно быть, и сам

был в числе исполнителей княжеской воли, при этом он вполне мог слышать из уст князя пресловутую пословицу о пчелах; в результате будущий сотник на всю жизнь пропитался духом политики Романа; через четверть века после гибели грозного князя, в совершенно иной политической ситуации, Микула решил поучить молодого сына Романа отцовской мудрости.³¹ Еще проще обстоит дело с польским хронистом, который уже не предположительно, а бесспорно был младшим современником Романа. Винцентию приписывают, хотя и сугубо гипотетически, личное знакомство с Романом; отсюда один шаг до мысли, что будущий хронист услышал пословицу о пчелах непосредственно из уст русского князя.³² Ну а если Роман действительно часто повторял эту пословицу, то не приходится сомневаться и в рассказе Винцентия о казнях в Галиче.

Вся эта версия, построенная на соображениях чисто психологических, остается довольно шаткой. Пословица о пчелах не могла быть изобретена Романом: она принадлежит к международному фольклорному фонду и была известна еще в Древнем Риме («времен тиранов», по выражению Карамзина³³). На Руси она бытовала на протяжении нескольких веков (по меньшей мере, до времен собирательской деятельности Владимира Даля).^{*} Согласимся с тем, что Роман любил цитировать эту пословицу, ведь так пишет его современник Винцентий. Остается определить, *какому именно* Роману это было свойственно? Историческому лицу или же литературному герою, персонажу хроники Винцентия? Напрашивающийся ответ «им обоим» означает слегка замаскированное согласие с тем, что все-таки пословица принадлежит «историческому лицу». Но если так, то подтверждение этой точки зрения надо искать за пределами хроники Винцентия. К сожалению, имеются только косвенные данные, но свидетельствуют они скорее «против», чем «за». Сотник Микула, намекая молодому князю на необходимость репрессий, почему-то не счел нужным использовать авторитет его отца. Греческий историк Никита Хониат, оставивший нам целую серию известий о зверствах, чинившихся властителями его времени, за Романом такого порока не знает.³⁴

Второй политический афоризм Романа из хроники Винцентия («кулинарный», о запахе растертых в ступе специй) в наше время почему-то никому не интересен. Его либо вообще «не замечают», либо

* См. глагол «погнести» в любом издании словаря Даля.

пытаются от него отделаться, апеллируя к психологии: «Русский источник зафиксировал лишь первую, наиболее звучную часть присказки, приписываемой Винцентием Роману. Это вполне достоверно с психологической точки зрения. Так и должны были запомнить ее простые воины, в их памяти осталось самое важное».³⁵ Для нас, однако, вторая часть пресловутой «присказки» не менее важна, чем первая. Князь Роман, неожиданно демонстрирующий свое знакомство с кулинарной технологией растирки специй в ступе, вполне определенно выступает в ипостаси литературного героя, а не исторического лица. Почему же две предыдущие строки текста не могут представлять Романа в качестве литературного героя? Со времен Фукидида историки вкладывают в уста своих персонажей подходящие ситуации речи, вымышленные от первого до последнего слова. Винцентий располагал прекрасными образцами для подражания (обилие на страницах его труда цитат из латинских классиков доказывает феноменальное пристрастие автора к чтению и очень многое объясняет, включая печальный факт незавершенности хроники).³⁶ Пословица о пчелах, вложенная Винцентием в уста Романа, вполне может быть скрытой цитатой «из древних»; такую возможность не отменяет и несомненный факт живого бытования в Галицкой Руси идентичной по смыслу пословицы.

Карамзин в свое время не решился высказать определенное суждение по поводу рассказа Винцентия: «Может быть, злословие, легкое верие или пристрастие излишно очернили свойство Государя ужасного для строптивых, мятежных Галичан; когда же он действительно, играя жизнью людей, следовал в своем правлении сей гнусной пословице, сохраненной и в наших летописях: то Князья Российские могли свержением тирана услужить человечеству».³⁷ Как видим, Карамзин готов был поверить Винцентию (надо сказать, что к этому польскому хронисту он вообще относится довольно уважительно³⁸). Для крупнейшего русского историка XIX в. С. М. Соловьева рассказ Винцентия о казнях в Галиче стал важнейшим дополнением к той цепочке летописных свидетельств, которые указывали на необычайную силу галицкого боярства.³⁹ В результате появилась на свет известная схема противостояния князя, носителя государственного начала, враждебным этому началу боярам.⁴⁰ Дальнейшее свое развитие она получила уже в советской историографии. Принципиальная разница была в том, что Соловьев находил указанное явление только в Галицкой

земле и считал его исключением, а советские историки усмотрели здесь проявление исторической закономерности и стали обнаруживать нечто подобное едва ли не по всей Руси.⁴¹ При этом рассказ Винцентия оставался важнейшей опорной точкой концепции. Приписываемую Роману политику начали всячески превозносить: «борьба князя Романа против боярской олигархии была исторически прогрессивной еще и потому, что укрепляла княжескую власть, т. е. государственность».⁴² Неоднократно и вплоть до самого последнего времени разными авторами утверждалось, что в хронике Винцентия содержатся «факты» (именно так: не «известия», а «факты»), которые «находят подтверждение в русских источниках».⁴³ Но соответствует ли это утверждение действительности? Можем ли мы извлечь из русских летописей какие-либо сведения, указывающие (пусть косвенно) на политику террора в отношении боярства, проводившуюся Романом в период его галицкого княжения?

Глава вторая

ЗВЕРСТВА РОМАНА В ГАЛИЧЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ ИЛИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ?

Винцентий утверждает, что Роман сразу после вокняжения в Галиче жесточайшим образом расправился со многими знатнейшими боярами («*satrapas et eubagionum florentissimos*»), после чего уцелевшие «почти все в страхе разбежались по чужим землям».⁴⁴ Логично предположить, что смерть Романа должна была совершенно избавить всех тайных и явных врагов князя от чувства страха перед ним. Обратим внимание, однако, на известие Лаврентьевской летописи о почетном погребении тела Романа в Галиче, в церкви св. Богородицы.⁴⁵ Церемония проходила после военного поражения, в обстановке нестабильности; момент был исключительно благоприятным для выступления терроризированных Романом родственников казненных бояр. Укажем для сравнения, что после убийства Андрея Боголюбского тело его выволокли в огород и собирались бросить псам, хотя среди заговорщиков было всего два человека, имевших основание мстить таким образом уже мертвому князю за казнь их близкого родственника.⁴⁶ А тело Романа, погибшего в дальнем походе, повезли не во Владимир-Волынский, который был его «родовым гнездом», а в завоеванный сравнительно недавно Галич, где он творил, как нам рассказывают, самые жуткие зверства. И это при том, что дорога на Владимир с поля боя под Завихостом была едва ли не вдвое короче, чем на Галич! Право же, трудно допустить, что Роман был в Галиче одиозной личностью: его соратники явно не опасались спровоцировать в Галиче беспорядки. В самом деле, мы видим, что погребение Романа проходит без каких-либо неприятных неожиданностей: ожидаемая нами (после знакомства с хроникой Винцентия) толпа разъяренных родственников казненных князем бояр почему-то так и не появляется.

Винцентий, как мы помним, писал о массовом бегстве уцелевших от репрессий бояр. Может быть, в Галиче попросту не осталось родственников казненных? К этому вопросу мы вернемся чуть позже, а пока посмотрим, как развивались события после погребения Романа. Новым князем был провозглашен четырехлетний Данил Романович (второй сын Романа, Василько, был и вовсе двух лет от роду). Дела правления решались, естественно, матерью малолетних князей. В «Галицко-Волынской летописи» сообщается, что вскоре после погребения Романа вдова его уехала вместе со своим старшим сыном в пограничный город Санок — на переговоры с венгерским королем. Это было целое путешествие: от Галича до Санок не ближний свет. Удалившись в критический момент из Галича на довольно продолжительное время, правительница дала очень хороший шанс враждебно настроенным боярам, однако никакого мятежа не последовало. Вернулась княгиня с венгерским гарнизоном. С этого момента ее положение значительно упрочилось. Вскоре последовал поход на Галич объединенных войск Рюрика Ростиславича и Ольговичей. Нападение этих врагов было сравнительно легко отбито, причем случаев измены со стороны галицких бояр не было. Летописец утверждает, что единственной причиной их верности был страх перед венгерским гарнизоном: венгров было много, поэтому галицкие бояре не смели ничего предпринять против существующей власти («...и за то не смеша Галичане ничто же створити»).⁴⁷ Обычно это известие рассматривают как прямое указание на существование в Галиче широкой боярской оппозиции. Однако версия летописца в данном случае внутренне противоречива: непонятно, что мешало недовольным выступить до введения венгерского гарнизона в Галич, времени для этого было предостаточно.

Может быть, оппозиция была деморализована репрессиями Романа и лишена своих лидеров, частью погибших, а частью изгнанных? Но тогда нам следует ожидать скорого возвращения изгнанников в Галич и активного участия их в политической жизни. На первый взгляд, именно это и происходит после неудачного похода на Галич Рюрика Ростиславича и Ольговичей. В «Галицко-Волынской летописи» сказано: «малу же времени минувшю, и приведоша кормиличича, иже бе загнал великый князь Роман, неверы ради; славяху бо Игоревича, послушав же их (кормиличичей. — А. Г.) Галичкыи бояре, и послаша по них (Игоревичей. — А. Г.), и посадиша ѿ: в Галиче Володимера,

а Романа во Звенигороде; княгини же Романова, взявше детяте свои, и бежа в Володимерь».⁴⁸

Один известный исследователь древнерусской литературы так отозвался об авторе цитируемого рассказа: «Щеголя своей книжностью, он иногда впадает в вычурность и как бы намеренную запутанность в своих синтаксических построениях».⁴⁹ В самом деле — надо приложить очень большие усилия, чтобы смысл витиеватой летописной фразы стал более или менее ясен. Прежде всего, мы обнаруживаем, что изгнанники действительно существовали («приведоша кормиличича, иже бе загнал великый князь Роман»). «Кормиличича» — родительный падеж не только единственного, но и двойственного числа; контекст говорит о том, что речь идет о *двух* боярах. Их общее прозвание — из числа «говорящих»: оно указывает на происхождение от близкого к прежней галицкой династии боярина, исполнявшего в свое время обязанности «кормильца», т. е. воспитателя кого-то из княжичей.⁵⁰ В Галич изгнанники вернулись не сразу после смерти Романа, а только после провала предпринятого Рюриком похода, причем инициатива возвращения исходила не от них (сказано, что их «приведоша», т. е. за ними специально куда-то посылали).

Из летописного текста неясно, кто именно вернул в Галич «кормиличичей», но здесь нам приходит на помощь анализ сложившейся в тот момент политической ситуации. Вероятно, речь идет об акте политической амнистии, которая была проведена вдовой Романа от имени его малолетних сыновей после одобрения этой меры особо доверенными боярами (отсюда проистекает допущенная летописцем неясность выражения: он сам затруднялся с вопросом, кому именно приписать действие). Совершенно ясно, что в изгнании «кормиличичи» жили в Новгороде-Северском, при дворе Владимира Игоревича; здесь же они познакомились с его братом Романом; именно поэтому они и расхваливали впоследствии перед галицкими боярами двух старших Игоревичей («славяху бо Игоревича» — еще один пример употребления летописцем двойственного числа; чуть ниже оба князя названы по именам).

Будучи внуками Ярослава Осмомысла, Игоревичи не могли примириться с захватом его наследия представителями какой-либо иной княжеской ветви. После смерти грозного Романа они сразу должны были вспомнить о своих правах; нет никакого сомнения в том, что они были среди Ольговичей, принимавших участие в неудачном

походе Рюрика Ростиславича на Галич. Обласканные Игоревичами «кормилчи́чи» становились естественным связующим звеном между северскими князьями и галицким боярством. В этом качестве они представляли особую опасность для малолетних Романовичей. Отсюда и проистекала, видимо, идея амнистии. После одержанной победы галицкая княгиня чувствовала себя очень уверенно: характерно, что венгерский гарнизон загадочным образом «испарился» из Галича (летописец позабыл рассказать нам о его судьбе, но легко догадаться, что после отражения нашествия Рюрика и Ольговичей сделавшие свое дело венгры были должным образом вознаграждены и отправлены на родину). Положение галицкой княгини, поддерживаемой могущественным венгерским королем, казалось очень прочным, и склонить изгнанников к возвращению в этих условиях не составляло особого труда.

Вероятно, вдова Романа полагала, что достаточно вернуть «кормилчи́чам» их прежние права, чтобы превратить недавних противников в преданных сторонников. Между тем автор летописного рассказа наводит читателя на мысль, что крамольным боярам («иже бе загнал великий князь Роман, неверы ради») верить было нельзя. «Амнистия» представлена политической ошибкой: вернувшись в Галич, недавние изгнанники сразу же стали вести среди бояр агитацию в пользу северских князей. Прямым следствием этой агитации, как уверяет нас летописец, была перемена власти: малолетние Романовичи лишились галицкого княжения, их место заняли Игоревичи.⁵¹

Если рассматривать данный рассказ «Галицко-Волынской летописи» как источник информации о внутренней политике Романа, то вся соль его заключается в том, что изгнанников было *ровным счетом двое*, причем нет никаких оснований считать их родственниками кого-то из казненных Романом бояр. Есть исследователи, которые видят в летописном «приведоша кормилчи́ча» родительный падеж единственного числа, поскольку ниже летописец упоминает лишь одного «кормилчи́ча» — Володислава.⁵² Для оценки масштаба репрессий Романа это было бы еще показательнее, но, увы, — такая трактовка летописного текста неправомерна. В Галиче действовал в пользу Игоревичей, безусловно, не один человек: «славяху [глагол в третьем лице множественного числа] бо Игоревича, послушав же их [снова множественное число] Галичкыи бояре...». На первый взгляд, не совсем ясно, почему летописец, начав с двойственного

числа («приведоша кормилчи́ча»), практически сразу же перескакивает на множественное число («славяху... послушав же их»), хотя речь идет все о тех же двух боярах. Объяснение довольно простое: в данной летописной фразе отразился процесс постепенного отмирания форм двойственного числа, хорошо известный филологам. Историки же порой об этом языковом явлении забывают, в результате чего непроизвольно концентрируются на множественном числе после упоминания «кормилчи́чей» и начинают рассказывать нам о Володиславе и его *братьях*.⁵³ На самом деле изгнанников было все-таки двое, не больше. Ниже упоминается один только Володислав; брат его не сумел столь же ярко проявить себя и остался в анналах истории безымянным. Возможно, он оказался в числе жертв «заговора Игоревичей», о котором у нас речь пойдет далее.

Многие историки полагали, что быстрый успех «подрывной деятельности» двух вернувшихся в Галич изгнанников доказывает существование в Галиче широкой боярской оппозиции, возникшей еще при жизни Романа. Чтобы убедиться в ошибочности этой точки зрения, достаточно сопоставить краткий и лишенный хронологических ориентиров рассказ «Галицко-Волынской летописи» (в составе Ипатьевской летописи) с подробным и хронологически ясным рассказом Лаврентьевской летописи. С учетом известной из других источников даты гибели Романа (19 июня 1205 г.) сопоставление независимых версий двух названных летописей позволяет представить последовательность событий и их хронологию следующим образом:

Известия Лаврентьевской летописи и реконструкция хронологии событий ⁵⁴		Известия Ипатьевской летописи ⁵⁵
1205 г., после 19 июня	Погребение тела Романа в Галиче, в храме св. Богородицы	Нет известия
	Присяга галичан Данилу Романовичу	Нет известия
	Нет известия	Встреча вдовы Романа с венгерским королем в Саноке
	Нет известия	Введение в Галич венгерского гарнизона по просьбе вдовы Романа
	Поход на Галич Рюрика Ростиславича и Ольговичей (половцы не упомянуты)	Поход на Галич Рюрика Ростиславича и половцев (Ольговичи не упомянуты)

?	Уход венгров из Галича (предположительно, в источниках упоминания об этом нет)	
?	Нет известия	«Малу же времени минувшую» (после похода Рюрика на Галич): возвращение в Галич двух «кормиличичей», их агитация в пользу Игоревичей
1206 г., весна и лето	Поход на Галич Рюрика Ростиславича и Ольговичей (вместе со смоленскими князьями, половцами и берендеями)	Нет известия
	Поход поляков на Владимир-Волынский	Нет известия
	Поход венгерского короля в помощь Романовичам	Нет известия
	«Мятеж велик» в Галицкой земле	Нет известия
	Бегство из Галича вдовы Романа с детьми	Бегство из Галича вдовы Романа с детьми + вокняжение Игоревичей в Галицкой земле; Владимир Игоревич изгоняет Романовичей из Владимира-Волынского и сажает там своего младшего брата Святослава
	Подход венгерского короля к Владимиру-Волынскому и его переговоры: — с поляками (успешные: заключен мир, поляки ушли)	Нет известия
	— с галицкими боярами (неудачные, не имевшие последствий)	Нет известия; ниже утверждается, что мир с поляками не был заключен
	Разделение галицких бояр на партии: сторонников Игоревичей и сторонников Ярослава Всеволодича	Нет известия, но см. выше об агитации «кормиличичей» в пользу Игоревичей
	Уход венгерского короля	Нет известия
	Вокняжение Игоревичей в Галицкой земле	Соответствующее известие см. выше
Зима 1206/07 г.	Владимир Игоревич изгоняет Романовичей из Владимира-Волынского и сажает там своего младшего брата Романа	То же, хотя вместо Романа назван другой брат Владимира — Святослав (см. выше)

Если бы мы располагали только данными «Галицко-Волынской летописи», неизбежен был бы вывод, что события после смерти Романа развивались стремительно и заняли не более нескольких месяцев.

На самом деле они растянулись, как показывают данные Лаврентьевской летописи, на целых полтора года. Рассказ «Галицко-Волынской летописи», при наличии ряда интересных дополнительных известий, все-таки очень сильно скомкан: два похода на Галич Рюрика Ростиславича и Ольговичей, разделенные довольно большим промежутком времени, слились в один, а из множества событий 1206 г. отражено только бегство из Галича вдовы Романа с детьми. Все это хорошо укладывается в довольно старую, но все еще малоизвестную концепцию формирования «Галицко-Волынской летописи», созданную украинским историком М. С. Грушевским. Согласно Грушевскому, события 1205–1245 гг. описаны «одним пером» и ретроспективно.⁵⁶ Другими словами, здесь перед нами вообще не летопись, а своего рода мемуары.

Пропуски и путаница при описании событий 1205–1207 гг. показывают, что «мемуарист» описывал их через несколько десятилетий и к тому же с чужих слов (подобно тому как Геродот, родившийся около 484 г. до н.э., описывал с чужих слов греко-персидские войны 490 и 480–478 гг. до н.э.). «Волынский Геродот» XIII в. был верным слугой своего князя, Данила Романовича, и великим недоброжелателем галицких бояр, которых он костерит последними словами: «безбожные»,⁵⁷ «беззаконные»,⁵⁸ «лживые»,⁵⁹ «льстивые»,⁶⁰ «неверные»,⁶¹ «нечестивые». ⁶² Политическую позицию этого автора, навидавшегося на своем веку боярской крамолы, нельзя не учитывать, оценивая достоверность его рассказа о давно минувших событиях, современником и очевидцем которых он не был.

Тенденциозная версия «Галицко-Волынской летописи», передаваемая Ипатьевской летописью, сильно расходится с идеологически нейтральным (по крайней мере, в отношении галицкого боярства) и эпически спокойным повествованием Лаврентьевской летописи. Оказывается, после победы вдовы Романа над Рюриком и Ольговичами был длительный (многомесячный) период политической стабильности. Бегство княгини с малолетними сыновьями из Галича последовало вовсе не в мирной обстановке, как это изображает «Галицко-Волынская летопись», а в самый разгар новой войны. На Галич в это время шло объединенное войско трех древнерусских земель (Киевской, Черниговской, Смоленской), усиленное еще и вспомогательными отрядами берендеев и половцев; одновременно на Владимир-Волынский шли поляки. Столь масштабное вторжение, независимо от исхода борьбы, обещало вызвать хозяйственное запустение

на огромном пространстве. Особенно сильно должна была пострадать восточная половина Галицкой земли, не успевшая еще вполне оправиться от прошлогодней войны, когда Рюрик и его союзники дошли до самого Галича. Тогда правительница справилась с ситуацией, но теперь ее положение было гораздо сложнее, а единственный союзник — венгерский король — почему-то запаздывал с помощью. В этих условиях и возник «мятеж в земли велик». ⁶⁵ Причина его вполне очевидна: всеобщее недовольство слабой властью, допустившей повторное разорение галицких волостей. Поскольку слово «мятеж» многозначно, нет оснований считать, что это было чисто боярское выступление. Впрочем, быстрый успех мятежа можно объяснить только тем, что во главе его стояли бояре (подобно европейским рыцарям той же эпохи, они составляли главную ударную силу войска).

Как видим, совершенно невозможно воспринимать всерьез версию «Галицко-Волынской летописи», где единственной причиной утраты малолетним Даниилом Романовичем галицкого стола объявлены происки двух бояр. Существовали гораздо более веские причины — экономические. Кроме того, обсуждение кандидатуры нового галицкого князя началось, согласно Лаврентьевской летописи, уже *после бегства княгини с сыновьями из Галича*. Таким образом, агитация бояр — «кормилничей» в пользу Игоревичей не только не была причиной утраты малолетним Даниилом Романовичем галицкого стола, но даже хронологически этому событию не предшествовала. Отсюда ясно, что «кормилничичи» руководствовались в своих действиях вовсе не желанием отомстить покойному Роману за свое изгнание. Когда окруженный сильными врагами Галич остался без князя, они как авторитетные представители верхушки местного сообщества, на которых обращены были взоры «меньших» людей, силою вещей подталкивались к тому, чтобы занять какую-то определенную позицию, и они ее заняли, поддержав Игоревичей, которым были обязаны.

О каких-либо старых счетах между боярами и семьей Романа вообще речь идти не может. Около года ⁶⁴ изо дня в день бояре видели на златокованом столе галицких князей малолетнего сына «узурпатора» Романа, но так и не смогли (или не захотели) что-либо предпринять. Когда же были задеты их материальные интересы, положение сразу переменялось, и власть новой династии с удивительной легкостью пала. Галицкий стол занял Владимир Игоревич. С этого

момента все бояре, желавшие сохранить свои владения, в силу необходимости должны были поддерживать начинания нового князя. В самом деле, в «Галицко-Волынской летописи» сказано: «И еще же хотящу Володимеру искоренити племя Романово, поспевающим же безбожным Галичаном...». ⁶⁵ Буквальный смысл такой: когда Владимир Игоревич захотел искоренить род Романа, безбожные галичане (из контекста ясно, что речь идет о боярах) помогли ему. В литературе иногда по недоразумению стремление «искоренити племя Романово» приписывается боярам, хотя летописный текст совершенно ясен и такого толкования не допускает; боярам («безбожным Галичаном») ставится в вину только содействие новому князю. С их стороны мы не видим ни стремления к мести, ни непримиримой враждебности к сыновьям Романа. Особенно характерно, что всего через несколько лет (в 1211 г.), при очередной перемене политической обстановки, боярский лидер Володислав «кормилничич» — не кто иной, как бывший изгнанник, пострадавший от Романа? — объявляет его старшего сына законным наследником галицкого стола («отчич Галичу») и сам способствует его триумфальному возвращению из Венгрии. ⁶⁶ Отметим, что при желании Володислав мог пойти совсем другим путем и призвать на галицкое княжение сына владимиристо-суздальского князя Всеволода, тем более что прецедент уже был. В 1206 г. после бегства вдовы Романа с сыновьями из Галича одна из боярских партий приглашала княжить Ярослава Всеволодича, причем этот кандидат был одобрен венгерским королем. ⁶⁷

Мы убедились, что роль двух некогда изгнанных Романом «кормилничичей» в галицких событиях 1205–1206 гг. была более чем скромной. Но где же были в это время все прочие знатные люди Галича, в страхе перед свирепым тираном разбежавшиеся, как уверяет нас Винцентий, по чужим землям? Никакого следа их деятельности в рассказах Ипатьевской и Лаврентьевской летописей нет! Правда, известный советский историк В. Т. Пашуто предпринял попытку расширить список пострадавших от Романа бояр и причислил к таковым целый родовой клан: «Бояре Домажиричи, так же, как и Володислав Кормилничич, со своей родней были изгнаны Романом Мстиславичем и в качестве “выгонцев” галицких обосновались где-то в Понизье». ⁶⁸ Однако при проверке ссылок на источники, которыми пользовался Пашуто, вся его конструкция немедленно рассыпается, как картонный домик.

Прежде всего следует уточнить, что такое «Понизье» и кто такие «выгонцы». Вопреки представлениям Пашуто, летописец называет Понизьем *часть Галицкого княжества*, а вовсе не «дикое поле» за его границей. Невозможно поверить, что власть Романа не распространилась на ту сравнительно небольшую территорию вниз по течению Днестра от Галича до Ущицы, которую контролировали все прочие галицкие князья — как предшественники Романа, так и его преемники.⁶⁹ Поэтому изгнанные Романом бояре никак не могли «обосноваться» в Понизье. Оставив пока несчастных изгнанников бесприютными, попробуем определить, что же нам вообще о них известно. И тут нас поджидает сюрприз: оказывается, что никаких «бояр Домажиричей» летописи вообще не знают!

Под 1240 г. в Ипатьевской летописи упоминается некий «Лазорь Домажирец».⁷⁰ Судя по контексту, это был всего лишь безродный авантюрист-откупщик, но многие историки упорно зачисляют его в бояре.⁷¹ Психологическая подоплека очевидна: в паре с ним в летописи назван некий Ивор Молибожич, а Молибожичи — бесспорно боярский род, хотя, по всей видимости, захудалый. Об этом говорит сама чрезвычайная разветвленность рода: Молибожичи исчислялись десятками.⁷² Летописец, раздраженный попыткой двух авантюристов получить в держание Коломью «без повеления княжа», отказывается в благородном происхождении обоим: «два незаконника от племени смердя».⁷³ Ивору Молибожичу, скорее всего, досталось просто «за компанию», но низкое происхождение его напарника Лазаря нет оснований подвергать сомнению. Боярин Домажир, наивно предлагаемый некоторыми историками на роль отца этого Лазаря, в 1200 г. был в числе трех знатнейших послов Романа в Константинополе.⁷⁴ Попрекнуть сына такого человека низким происхождением никому не пришло бы в голову даже в полемическом задоре! Кроме того, «Домажирец» — вовсе не отчество; с точки зрения ономастики это скорее прозвище, образованное от топонима и указывающее на происхождение Лазаря из села, принадлежавшего боярину Домажиру (село могло называться «Домажирово» или «Домажиричи»).

Пашуто указывает нам еще одного Домажирича — воеводу, участвовавшего в походе против татар весной 1223 г.; следует ссылка на известный рассказ Ипатьевской летописи о битве на Калке. Раскрыв книгу в указанном месте, мы увидим, что маститый историк нас попросту обманывает: ладейный поход галицких «выгонцев»

возглавляли Юрий Домамирич (не Домажирич!) и Держикрай Володиславич.⁷⁵ Забавно, что Пашуто приискал даже замок для открытого им боярского клана Домажиричей — «Печера Домажира».⁷⁶ Для этого пришлось, правда, вырвать словосочетание из контекста и придать ему совсем другой смысл, а затем слегка «подправить» имя собственное (точь-в-точь как в случае с рассказом о битве на Калке). На самом деле на страницах летописи действует под Печерой (кроме названия, об этом урочище под Галичем ничего не известно) боярин Домамир (не Домажир!).⁷⁷

Нельзя не изумляться той степени свободы творчества, которую присвоил себе Пашуто. Уже сама его идея о какой-то связи между судьбой воевод 1223 г. и репрессиями Романа является не более чем причудливой игрой ума, цепью произвольных и к тому же совершенно невероятных допущений. Сначала утверждается, вопреки прямым указаниям летописи, что Понизье было вне юрисдикции галицкого князя. Затем совершенно безосновательно предполагается, что Володислав «кормилнич», будучи изгнан Романом, «обосновался» в Понизье, хотя прекрасно известно, что по возвращении в Галич он расхваливал Игоревичей Северских (не в Понизье же он общался с этими князьями?). Затем столь же безосновательно предполагается, что воевода Держикрай был сыном именно этого Володислава (хотя в боярской среде имя «Володислав» не было редкостью). Далее следует совсем уже необычное умозаключение: Юрий Домамирич (у Пашуто — Домажирич) вместе со всей своей *предполагаемой* родней зачисляется в изгнанники на том основании, что в 1223 г. (через 18 лет после гибели Романа!) он оказался в одной компании с Держикраем Володиславичем — *предполагаемым* сыном изгнанника.

Развивая свои фантастические построения, Пашуто говорит (уже без ссылок на источники) о «владениях» бояр в Понизье и на той же странице — об их связях «с местной вольницей».⁷⁸ Чтобы вполне осознать нелепость и даже комичность таких построений, попробуем для сравнения представить себе парочку боярских вотчин на Дону среди казачьих станиц, а во главе казачьего похода «за зипунами» двух бояр вместо Стеньки Разина и Васьки Уса. Я не слишком утрирую: галицкие «выгонцы» в представлении Пашуто в самом деле что-то вроде позднейших казаков, беглецы и изгнанники;⁷⁹ с его легкой руки эта трактовка проникла даже в словари древнерусского языка.⁸⁰ Однако слово это в Ипатьевской летописи употреблено один-единственный

раз, а другим памятникам вообще неизвестно.⁸¹ Судить о его значении можно лишь по контексту рассказа о битве на Калке.

Для похода галицким «выгонцам» понадобилась 1000 ладей, способных выйти в море.⁸² Каждая такая ладья, судя по рассказу «Повести временных лет» о походе Олега на Царьград, вмещала по 40 человек.⁸³ Получается, что в походе 1223 г. участвовало 40 тысяч галицких «выгонцев»... Для сравнения укажем, что запорожские казаки в первой половине XVII в. строили для своих морских походов по 80–100 беспалубных кораблей, похожих на древнерусские ладьи-«однодеревки»; в каждом из них размещалось от 50 до 70 человек.⁸⁴ Таким образом, даже в эпоху наивысшего расцвета казачества участвовать в морском походе могло не более 7000 человек (причем в реальной жизни такая численность никогда не достигалась).

Разумеется, к летописному известию о тысяче ладей в походе 1223 г. следует относиться критически. С учетом экономических и политических обстоятельств того времени сорокатысячное русское войско практически невыполнимо. А ведь в летописи речь идет лишь об одном из многих подразделений русского войска, выступившего в поход против татар! Остается полагать, что сообщивший о «тысяче ладей» средневековый автор вовсе не передает количественные данные, а просто хочет сказать, что численность галицких «выгонцев» была необыкновенно велика. Откуда же взялось это эпически огромное (пусть даже отнюдь не сорокатысячное в реальности) войско? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно определить, какая перед «выгонцами» стояла задача. Анализ летописного рассказа позволяет утверждать, что они должны были спуститься по Днестру и выгнать ладьи в море, чтобы затем подняться по Днепру и соединиться с конным войском.⁸⁵ Перед нами часть мобилизационного плана в масштабах *всего Галицкого княжества*. Именно поэтому галицких «выгонцев» и возглавляют два боярина.

Итак, пресловутые «выгонцы» были обыкновенными пешими ополченцами. На роль «казаков» они явно не годятся: их слишком много, и они слишком хорошо организованы. Возможно, впрочем, что предшественники казаков все-таки реально существовали в XII–XIII вв.: летописи упоминают в половецких степях левобережья Днепра неких «бродников».⁸⁶ Судя по Новгородской I летописи, «бродники» даже участвовали в битве на Калке, но только... на стороне татар.⁸⁷

* * *

Мы рассмотрели все летописные известия, выдаваемые некоторыми историками за свидетельства, косвенно подтверждающие рассказ Винцентия о массовом терроре против знати, развязанном в Галиче Романом. Как выяснилось, наличие таких свидетельств — не более чем историографический миф. Пострадавших от свирепого князя Романа обнаружилось только двое, причем оба отделались изгнанием. Очень важно, что нет никаких признаков ненависти бояр к сыновьям Романа: после гибели отца они продержались в Галиче довольно долго — около года; изгнание их было следствием внешнего вторжения, а не боярских интриг; после пятилетнего изгнания они вернулись в Галич (т. е. никто не пылал непримиримой злобой). Как вели себя галицкие бояре, будучи действительно озлобленными, можно видеть на примере развития их отношений с северскими князьями, занявшими в 1206 г. место малолетних Романовичей. Пять лет спустя, вполне освоившись на новом месте, хваленые Игоревичи устроили заговор и организовали кровавую бойню, в которой погибло 500 бояр, причем среди них было несколько «великих»: «Съвет же створиша [“совет сотворили”, т. е. устроили заговор] Игоревичи на бояре Галичкыи [против галицких бояр], да избьютъ ѿ [чтобы перебить их]. И по прилучаю [при удобном случае] избьени быша. И убьен же быс<ть> Юрьи Витанович, Илия Щепановичъ, инии велиции бояре. Убьено же быс<ть> их числом 500, а инии разбегосаша».⁸⁸ В результате Игоревичи остались без сколько-нибудь надежного войска, цветом которого в ту эпоху были боярские дружины,⁸⁹ и не смогли отразить организованное уцелевшими великими боярами вторжение венгров. На страницах летописи пресловутый Володислав «кормилчич» произносит речь под стенами осажденного венграми Перемышля, склоня к сдаче защитников города.

Речь Владислава под Перемышлем	
Летописный текст	Перевод
Не сии ли избиша отци ваши и братью вашу, а инии имение ваше разграбиса, и дщери ваша даша за рабы ваша, а отчъствии вашими владеша инии пришелци ⁹⁰	Не эти ли (князья, за которых сейчас сражаетесь) перебили отцов ваших и братию вашу, а другие имущество ваше разграбили? И дочерей ваших (те князья) выдали замуж за (бывших) рабов ваших, а наследственными владениями вашими завладели другие — пришельцы (из другого княжества)

Боярский лидер проводит мысль, что развязанная Игоревичами в Галиче политика террора прямо и непосредственно затрагивает жизненные интересы всех бояр Галицкого княжества. Насколько нам известно, вменяемые Игоревичам преступления к Перемышлю и тамошним боярам отношения не имели. Однако Володислав явно был убежден, что возглавляющие оборону Перемышля бояре воспримут трагедию жертв галицкой резни как свою собственную, отсюда — настойчивое повторение в его речи притяжательного местоимения «ваше». Володислав не ошибся: осажденные сдались.

Через некоторое время, после окончательного поражения Игоревичей и захвата их в плен, мы видим в Галиче тех самых озлобленных «кровников», которых тщетно ожидали встретить там после гибели Романа. Игоревичей *вешают* «мести ради», не пожалев «великих даров» для предводителей венгерского войска, собиравшихся было отпустить пленных к своему королю.⁹¹ В сущности, речь идет об очень крупной взятке, заставившей венгерских рыцарей отказаться от рыцарских традиций обращения со знатными пленными. Надо полагать, стоимость боярских даров в самом деле была очень велика.

Уловить в летописном рассказе связь военной слабости Игоревичей с их антибоярской политикой не слишком сложно. Бояре исчислялись *сотнями*, что исключает возможность видеть в них «крупных феодалов»; если уж проводить аналогию с Европой, то следует уподобить их рыцарскому сословию, дворянству. Как мы только что убедились, бояре составляли своего рода касту, спаянную хорошо осознаваемыми общими интересами. Именно поэтому кровавая бойня в Галиче, задуманная Игоревичами как средство укрепления их княжеской власти, привела к прямо противоположному результату. «Это хуже чем преступление — это ошибка», как говорил в подобных случаях наполеоновский министр полиции.

Здесь самое время вспомнить, что у Игоревичей, согласно общепринятой точке зрения, был предшественник! Нам рассказывают о самых жутких зверствах, чинившихся в Галиче Романом, который будто бы истребил всех знатнейших бояр, а немногих уцелевших разогнал по окрестным землям. Перед историком, принимающим этот рассказ Винцентия за истину, неизбежно встают два вопроса:

1. Почему через каких-нибудь шесть лет после полосы жесточайшего антибоярского террора в Галиче понадобилось истребить там для укрепления княжеской власти еще 500 человек?

2. Почему одна и та же политика привела проводивших ее князей к совершенно противоположным результатам? В самом деле: Роман на протяжении всех пяти или шести лет своего княжения в Галиче имел возможность осуществлять крупномасштабные наступательные военные предприятия («покори Половецкую землю и воева на иные страны все», как говорит летописец),⁹² а Игоревичи, едва открыв «сезон охоты» на бояр, почти сразу же остались без войска и очень скоро бесславно погибли!

В отношении первого вопроса мы видим в литературе полный разброд мнений. Карамзин смог дать гладкую версию событий только за счет значительной литературной коррекции источника: «Игоревичи вздумали казнию первостепенных Бояр обуздать народ, и погубили себя невозвратно: без явной, особенной вины, без улики, без суда, исполнители Княжеской воли хватали знатнейших людей, убивали, и произвели всеобщий ужас».⁹³ Названное летописцем число убитых бояр отброшено историком как досадная помеха и не обсуждается даже в примечаниях. Соловьев, в отличие от Карамзина, принимает летописную цифру, но при этом называет убитых несколько двусмысленно — *галицкой дружиной*: «500 человек из нее погибло, в том числе двое знатнейших бояр»⁹⁴ (сразу уточним, что летописец говорит не о двух, а о *нескольких* великих боярах среди погибших, хотя по именам действительно называет только двух). Соловьев деликатно и ненавязчиво смягчает проблему: его пересказ летописного текста наводит читателя на мысль, что погибшие были преимущественно «мелкой сошкой», ибо существовала не только старшая дружина («великие бояре»), но и младшая дружина («отроки», «детские», «гридьба», «пасынки»).⁹⁵ Однако летописец вполне ясно и недвусмысленно называет боярами всех убитых. Да и какой смысл был истреблять «за компанию» молодых воинов-профессионалов, пусть даже из боярских дружин? Оставшись без предводителей, они уже не представляли никакой угрозы для княжеской власти. Князьям следовало бы возвысить лучших из них до положения бывших господ, чтобы разжечь честолюбие всей этой военной молодежи и побудить ее перейти на службу в княжеские дружины (в ожидании новых беспрецедентных милостей). Есть основания думать, что именно этим путем и пошли в своей политике Игоревичи после «большого террора»: недаром Володислав «кормилнич» говорил под Перемышлем, что боярских дочерей выдавали замуж «за рабы».⁹⁶ Разумеется, здесь риторическое

преувеличение: речь идет о рабах не в буквальном, а в фигуральном смысле — о тех «отроках» погибших бояр, которых Игоревичи сочли достойными женитьбы на дочерях их бывших господ.

Наиболее оригинальная трактовка «заговора Игоревичей» принадлежит советскому историку В. Т. Пашуто. Мы уже знаем, что он не отличался безукоризненной честностью и позволял себе «подправлять» летописный текст там, где этого требовала концепция. Однако источники Пашуто все-таки знал великолепно, и не только летописные; кроме того, именно он был крупнейшим советским исследователем истории Галицко-Волынской Руси. В его монографии 1950 г., хорошо известной специалистам и неоднократно цитировавшейся выше, летописное число жертв заговора Игоревичей принимается. Но если Соловьев сводит число убитых «великих бояр» к двум, то Пашуто, напротив, доходит до степени почти эпического преувеличения, возводя в этот ранг *всех* убитых. Однако и на этом историк не останавливается: «Игоревичи истребили одних “великих” бояр *свыше* пятисот».⁹⁷ Эту удивительную версию (основанную, увы, всего лишь на неверном прочтении вполне ясного летописного текста) Пашуто продолжал пропагандировать и много лет спустя, уже в другой своей монографии.⁹⁸ Разумеется, за этим искажением известия источника у талантливого исследователя середины XX в., как и у его великих предшественников из века XIX, скрывается некая тенденция. Оказывается, Пашуто считал Игоревичей продолжателями дела Романа, осуществлявшего (по Винцентию) «массовые казни и высылки бояр из страны».⁹⁹ Вероятно, галицкое боярство представлялось советскому историку какой-то жуткой неистребимой многоглавой гидрой. Борьба носителей государственного начала, князей, с этой враждебной историческому прогрессу силой должна была казаться в эпоху Сталина вовсе не цепью злодеяний, а чем-то героическим (вспомним многочисленные попытки прославления деяний Ивана Грозного и его опричников).

Без малейшей опоры на источники, исходя только из внутренней логики своей концепции, Пашуто приписал Роману конфискацию владений казненных: «За счет боярских земель князь укрепил свой домен, шедший на раздачу служилым людям».¹⁰⁰ Возможно, такого рода мероприятие действительно было проведено, однако вовсе не Романом, а Игоревичами — после массового избиения по их приказу галицких бояр. Володислав «кормилчич» говорил своим

ущелевшим собратьям: «отчъствию вашими владеша инии пришелци»; следовательно, наследственные владения погибших бояр Игоревичи раздали выходцам из Северной земли, скорее всего, своим собственным младшим дружинникам.¹⁰¹ В концепции Пашуто ярко выражено противопоставление зловердных бояр, с которыми князья никак не могли ужиться, неким добропорядочным «служилым людям». Такой подход совершенно неправомерен. Поскольку бояре исчислялись сотнями, совершенно ясно, что именно они и являлись служилыми людьми. Когда Игоревичи раздали села ненадежных галицких бояр «пришельцам» из другого княжества, то тем самым они не произвели никакого социального переворота.

Могут возразить, что боярство было неоднородно по своему имущественному положению, и в интересах Игоревичей было разделение конфискованных земель «крупных феодалов» между более мелкими владельцами. Напомним, однако, что среди пяти сотен жертв галицкой резни было всего несколько «великих бояр», особый статус которых позволяет *предполагать*, что они являлись крупными земельными собственниками. «Летопись не оставляет сомнений в том, что бояре имели крупные вотчинные владения», — заявляет Пашуто и в подтверждение указывает ряд мест, создавших у него такое впечатление.¹⁰² Проверка ссылок обнаруживает, однако, что здесь историк в очередной раз морочит голову доверчивым читателям: о земельной собственности ни в одном случае речь не идет.

Поскольку никаких актовых данных в нашем распоряжении нет,¹⁰³ необходимо признать, что у нас нет оснований для объективного суждения не то что о размерах земельных владений бояр в XII в., но даже о самом существовании в Галицкой Руси классического землевладения. Бояре владели некими «отчъствию», но точный смысл понятия нам неизвестен, а встречающееся у Пашуто отождествление этого владения с позднейшей боярской «вотчиной» совершенно произвольно. Применение термина «вотчина» к домонгольской эпохе вообще не оправдано. Этот модернизм приводит к смешению понятий (нечто подобное было в XIX в. с термином «удел», которым многие историки упорно обозначали владения русских князей домонгольской эпохи, именуемые в летописях «волостями»). «Вотчина» как участок земли, находящийся в собственности частного лица, упоминается впервые лишь в документе 1510 г.¹⁰⁴

Источником богатства галицких бояр могли быть временные владения, которые Пашуто не совсем удачно обозначил как «княжеские держания» (в смысле — «держания, полученные от князя»). Ранг «великих» и «менших» бояр отражал, видимо, разницу в их имущественном положении. Один из памятников церковного права дает весьма выразительное свидетельство: «Аще ж пустить боярин жену: великих бояр — за сором ей 300 гривен (серебра. — А. Г.)... менших бояр — гривна золота».¹⁰⁵ Разница суммы штрафа здесь шестикратная (о соотношении стоимости золота и серебра см. часть 1, примеч. 176, пункт 2).

Допустим, однако, что бояре все-таки были, в той или иной форме, землевладельцами, и попробуем войти в положение Игоревичей. Несложно догадаться, что после избиения *пяти сотен* галицких землевладельцев выморочные владения в большинстве своем оказались мелкими (при таком количестве погибших иначе просто быть не могло). Отсюда ясно, какой перед Игоревичами встал выбор: либо *укрупнять* предназначенные для новых собственников владения, либо *не укрупнять*, т.е. наплодить в одночасье столько же новых бояр, сколько их было до «большого террора» (или еще больше, если вообразить себе раздел единичных крупных владений). Осуществление первого сценария крайне маловероятно: в этом случае Игоревичи своими руками создали бы группу «сильных людей», что, разумеется, не могло способствовать укреплению княжеской власти. Видимо, в реальной жизни события развивались по второму сценарию. Однако в этом случае заговор Игоревичей лишается в наших глазах социального смысла: получается, что это была лишь проведенная с чудовищным варварским цинизмом «кадровая чистка». Дальнейшее понятно: массовое вторжение чужаков затронуло жизненные интересы замкнутой местной корпорации, вызвав бурную ответную реакцию (рассказ о которой, воспринимаемый некоторыми историками под особым углом зрения, создает ложное впечатление о непримиримой враждебности двух социальных сил — боярства и княжеской власти).

Винцентий не сообщает нам, сколько именно галицких бояр казнено было по приказу Романа. В результате новейшие историки имеют полную свободу приписывать Роману как «массовые казни», так и расправу над единичными личными врагами. Зато вполне определенное число жертв заговора Игоревичей, названное

летописцем, оказалось для историков весьма неудобным. Вплоть до нашего времени это злосчастное число никак не могут оставить в покое: то оно объявляется завышенным на порядок,¹⁰⁶ то достоверным, но имеющим «не прямое, а символическое значение».¹⁰⁷ Между тем на второй план оказывается вытесненным гораздо более важный вопрос: почему одна и та же политика привела проводивших ее к совершенно противоположным результатам? Наличие здесь серьезной проблемы, кажется, вообще не осознается исследователями. С завидным единодушием представители разных научных школ разъясняют нам, что Игоревичи просто-напросто были бездарными учениками талантливого учителя и проводили репрессии неграмотно.

В новейшей литературе находим очень яркую попытку показать Романа в качестве настоящего гения террора. Предполагается (А. В. Майоров: «Галицко-Волынская Русь», 2001), что истреблением признанных лидеров галицкой общины, произведенным публично с использованием лютых истязаний, Роман сумел оказать «магическое воздействие на общественное сознание» и парализовал волю к сопротивлению.¹⁰⁸ Все это было бы очень интересно и заслуживало бы самого пристального внимания, если бы сообщаемые Винцентием «факты» действительно подтверждались, как утверждает автор, русскими источниками, но как раз этого-то и нет! Среди аргументов мы находим неизбежное упоминание пресловутых «кормиличичей» (всего лишь *изгнанных* Романом) и столь же неизбежную ссылку на сотника Микулу (проповедовавшего свои радикальные политические взгляды *через четверть века* после гибели Романа). Чем же подтверждается рассказ Винцентия о массовых казнях бояр в Галиче? Оказывается, соответствием этого рассказа «духу времени» и наличием «устойчивой фольклорной традиции, изображающей Романа жестоким тираном, беспощадным по отношению к своим врагам».¹⁰⁹ Ссылка на «дух времени» алогична и должна быть отброшена без обсуждения: конечно, время было жестокое, но из этого отнюдь не следует, что лютовали все. Гуманные правители встречались и в XII–XIII вв. (такую память оставили по себе византийские императоры Иоанн II Комнин и Алексей III Ангел),¹¹⁰ а зверские казни случались и в век Просвещения, причем не где-нибудь, а в Париже — культурной столице тогдашней Европы (см. описание казни Дамьена в 1757 г.).¹¹¹

А то, что духом времени зовут,
Есть дух профессоров и их понятий.

Что касается попытки отождествления фольклорного персонажа с его историческим прототипом, то путь этот очень скользкий. Самая что ни на есть «устойчивая фольклорная традиция» вполне может изображать реальное историческое лицо с точностью до наоборот. Так, например, в косовском цикле сербского эпоса роль предателя досталась Вуку Бранковичу:

Будь он проклят и все его племя!
Изменил на Косово он князю
И увел с собой двенадцать тысяч...¹¹²

Между тем исторический Вук Бранкович честно сражался на Косовом поле вместе с сербским князем Лазарем.

Мы убедились, что русские источники не содержат никаких данных, подтверждающих рассказ Винцентия о казнях в Галиче. Можно согласиться с тем, что рассказ этот выглядит правдоподобным — и только! Историки в большинстве своем доверяют Винцентию, но любая попытка подкрепить это чисто интуитивное доверие какой-либо рациональной аргументацией неизменно проваливается. Если задача обнаруживает столь высокую сопротивляемость попыткам ее разрешить, возникает вопрос: а верны ли исходные данные? В предыдущей главе мы познакомились с творческой манерой Винцентия. Право же, не стоит каждому его слову внимать со священным трепетом, уподобляясь наивному автору компилятивной «Великой хроники...» начала XIV в., ставившему своего предшественника в один ряд с апостолом Иоанном: «...знаем, что истинно свидетельство его».¹¹³ Роман был избран Винцентием на роль главного злодея; образ его формировался средствами чисто литературными, и с историческими реалиями автор не слишком считался. В области изящной словесности достижения Винцентия очень велики, хроника его ставится новейшими исследователями «в ряд лучших произведений средневековья».¹¹⁴ Столь талантливому писателю (и столь бесцеремонному историку) ничего не стоило приписать Роману политику антибоярского террора, реально проводившуюся в Галиче Игоревичами (подобно тому, как другой историк, живший в XX в., приписал Роману политику раздачи верным людям выморочных боярских владений, реально проводившуюся теми же Игоревичами).

Литературоведам хорошо известно, что концентрация событий вокруг знаковых персонажей — явление вполне закономерное, обусловленное психологией восприятия художественного повествования и распространенное чрезвычайно широко — начиная с народного эпоса и заканчивая историческим романом. Встречается это явление и в историографии: «героям» приписывают подвиги, которых они не совершали, а на «злодеев» вешают всех собак (общеизвестный пример — Ричард III, зловецкий образ которого был создан отнюдь не Шекспиром, а историографами первых Тюдоров). Роман Мстиславич, объединивший под своей властью два княжества и несколько лет державший в страхе всех своих ближайших соседей, был, безусловно, знаковым персонажем. Игоревичам не удалось подняться до этого уровня. Это были правители довольно жалкие, которые даже между собой не могли договориться (не говоря уже о том, что в период их княжения Галицко-Волынская Русь подвергалась нашествиям поляков и венгров). Если бы Винцентию суждено было довести хронику до этого смутного времени, ничтожные преемники Романа неизбежно оказались бы задвинуты в повествовании на третий план. После выразительного описания Винцентием злодеяний Романа Игоревичи с их антибоярским заговором и скорой гибелью могут восприниматься только как незадачливые подражатели своего знаменитого предшественника. Неудивительно, что именно в этом качестве и представляют Игоревичей читателю все историки нового времени. Фактически это запрограммировано Винцентием.

Фабрикация новых «исторических фактов» путем переноса существовавших некогда отношений и обстоятельств на других лиц и в другое время — вполне обычный для творчества Винцентия, можно даже сказать, шаблонный прием. Если Винцентий пишет, что Роман «почти с колыбели»¹¹⁵ воспитывался при дворе Казимира II, то это заведомая ложь, однако малолетний сын Романа Василько действительно некоторое время рос при дворе Лешка Казимировича.¹¹⁶ Если Винцентий пишет о завоевании Казимиром Перемышля, Владимира, Берестья и Дорогичина,¹¹⁷ то это ложь, но сын Казимира Лешек однажды действительно захватил и разграбил Владимир, посадив там своего ставленника — Александра Белзского,¹¹⁸ а впоследствии завоевал и несколько лет удерживал под своей собственной властью Перемышль, Берестье и ряд менее значительных городов, включая, видимо, и Дорогичин.¹¹⁹ Если Винцентий утверждает,

что Роман получил свое княжество по милости Казимира,¹²⁰ то это снова ложь, однако дети Романа, изгнанные Игоревичами и нашедшие убежище в Польше, действительно получили небольшую часть своих прежних владений по милости Лешка.¹²¹ Если Винцентий пишет, что Лешек «над всеми русскими князьями воссиял словно солнце»,¹²² то это ложь применительно ко времени похода с Романом на Галич, но в то же время — прекрасная образная характеристика реального положения дел после гибели Романа (вплоть до женитьбы Данила Романовича на дочери Мстислава Удатного, т. е. по меньшей мере 12 лет, Лешек легко манипулировал измелчавшими князьями Западной Волыни¹²³). Если Винцентий пишет, что Казимир посадил Романа в Галиче, «изгнав тамошнего короля Владимира»,¹²⁴ то это ложь применительно к событиям 1188 г., хорошо известным благодаря подробному рассказу Ипатьевской летописи,¹²⁵ однако много лет спустя, дождавшись смерти Владимира, Роман занял освободившийся галицкий стол благодаря военной помощи сына Казимира. Даже самая нелепая из побасенок Винцентия — рассказ о том, как Роман униженно просил князя-отрока Лешка «обязать его вечным подданничеством» — возможно, представляет собой не ложь в чистом виде, а смутный отголосок реальных событий 1188 г.: Роман, лишившийся тогда всех своих владений, безуспешно просил помощи у Казимира.¹²⁶ Как должен был Роман в тех обстоятельствах обращаться к своему дяде по матери, могущественному краковскому князю? Видимо, как к «отцу и господину» (ср. известное обращение Владимира Галицкого к великому князю Всеволоду в 1190 г.). Поляки легко могли истолковать эту этикетную формулу как стремление к «подданничеству», хотя на Руси она такого смысла не имела (см. с. 61–62).

Все перечисленные выше примеры являются звеньями одной цепи. Винцентий хочет показать, что самой силою вещей предопределено постоянное моральное и военно-политическое торжество поляков над русскими. Отсюда — удвоение на страницах хроники реальных событий с переносом дуплетной версии в прошлое. Читатель очень легко выведет из такого рассказа именно ту закономерность, к которой подводит его автор. Винцентий никогда не лжет ради лжи, но к исторической истине он совершенно равнодушен. Важно понимать, что Винцентий не просто «искажает факты», как часто о нем отзываются исследователи (это общее место всей обширной литературы, посвященной творчеству польского хрониста). Винцентий

позволяет себе *конструировать* факты. Это — качественно иное явление. «Факты» Винцентия зачастую суть факты идеологии, а не факты истории.

Следует очень серьезно задуматься над тем, к какому разряду «фактов» относится рассказ о зверствах Романа в Галиче. В принципе можно допустить, что Роман предал жестокой казни нескольких личных врагов (хотя русские источники даже эту часть рассказа польского хрониста не подтверждают). Что касается популярной версии о целенаправленном истреблении Романом галицкой знати, то с ней, безусловно, следует расстаться. При этом сразу же исчезнут многие странности, отмечавшиеся историками в летописных рассказах о развитии событий после 1200 г. Получат свое объяснение и крупные военные успехи Романа (в обстановке антибоярского террора невозможные, как наглядно показывает пример Игоревичей), и неожиданно большое число жертв антибоярского заговора Игоревичей. Станет ясно также, на чем основывались притязания на галицкий стол князя Ростислава, сына Михаила Черниговского (этих двух князей, отца и сына, один украинский историк наивно именуется «черниговскими князьями-оккупантами Галицкой земли»¹²⁷). В отличие от Игоревичей, Ростислав Михайлович не был в родстве с Ярославом Осмомыслом (если не считать, конечно, общего происхождения этих двух князей от жившего в XI в. Ярослава Мудрого). Зато Ростислав Михайлович был... родным внуком Романа Мстиславича! (Михаил Черниговский был женат на дочери Романа.)¹²⁸ Борьба Ростислава Михайловича за галицкий стол со своим дядей, Данилом Романовичем, развернувшаяся в 30-х гг. XIII в., была борьбой между внуком Романа и сыном Романа (при активном участии зятя Романа). Сама возможность такой внутрисемейной борьбы уже доказывает легитимность княжения Романа в Галиче в глазах галицких бояр и свидетельствует об отсутствии ненависти в Галиче к потомкам Романа.

Известно, что в молодые годы Данил Романович плохо ладил с галицкими боярами. Многочисленные летописные рассказы, развивающие эту тему, вызвали ироническое замечание С. М. Соловьева: «Как видно, Роман не успел передалить всех пчел, и дети его долго не могли спокойно есть меда».¹²⁹ Однако мы видели, сколь усердно «давили пчел» наследовавшие власть Романа Игоревичи, что отнюдь не дало им возможности «спокойно есть меда». Зная печальный опыт Игоревичей, мы поймем, почему князья, занимавшие после них галицкий

стол (сперва «великий удатный князь» Мстислав Мстиславич, а потом и его зять Данил Романович), проявляли поразительную кротость по отношению к дерзким или политически неблагонадежным боярам, включая явных мятежников.¹³⁰ Вступление на путь террора сделало бы этих князей подражателями погибших злой смертью Игоревичей, а вовсе не преуспевавшего во всех своих начинаниях Романа.

Слепота историков, принимающих версию Винцентия, бывает иногда просто поразительна. Пашуто, например, обнаружил в летописи ряд известий, указывающих на стремление Мстислава Удатного к сотрудничеству с боярством. На этом основании советский историк обвинил древнего князя в «недальновидном правлении»¹³¹ и даже в служении «боярской феодальной реакции».¹³² «Дальновидным» Пашуто считал, видимо, правление Игоревичей. Данил Романович почему-то избежал обвинений в потворстве боярам, хотя его внутренняя политика была столь же осторожной, как и политика его тестя Мстислава Удатного. Знаменитый совет сотника Микулы очень долго оставался без употребления. В 1241 г., после нашествия Батые, мы видим в Галицкой земле картину полного боярского засилья: «Бояре же Галичести Данила князем себе называху, а саме всю землю держаху».¹³³ Однако даже это не подвигло князя, окруженного со всех сторон сильными врагами, на крутые меры. Данил Романович решил, правда, арестовать двух отличавшихся особым своеволием бояр (которые, судя по контексту, не были казнены, но лишь подверглись заточению).¹³⁴ Только 4 года спустя, после решительной победы над противостоящей ему русско-польско-венгерской коалицией в битве под Ярославом (17 августа 1245 г.), Данил Романович дал волю своему гневу и казнил, наряду со многими пленными венграми, боярина Володислава — «злого мятежника земли», сражавшегося на стороне его врагов.¹³⁵ Таким образом, первая казнь боярина, засвидетельствованная летописью, имела место *через 40 лет после гибели Романа*.

Глава третья

«ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ», ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЕЕ ХРОНОЛОГИЗОВАННОЙ РЕДАКЦИИ И «ПРОПАВШИЙ» РАССКАЗ О КНЯЖЕНИИ РОМАНА В ГАЛИЧЕ

С. М. Соловьев в свое время категорично утверждал, что Роман «оставил по себе кровавую память в Галиче».¹³⁶ Мы уже убедились, что Роман оставил по себе «кровавую память» вовсе не в Галиче, а на страницах книг, начиная с памятников польской средневековой историографии. Однако факт отсутствия в русских источниках последовательного рассказа о княжении Романа в Галиче требует какого-то объяснения. Считается, что летописание контролировалось князьями. Может быть, потомки Романа попросту уничтожили все компрометирующие своего предка свидетельства? Получается, правда, что в данном случае они поступили по принципу «на блох осердяться, да и шубу в печь». Не лучше ли было просто отредактировать рассказ о княжении Романа в Галиче, вместо того чтобы полностью уничтожить его? И существовал ли вообще такой рассказ? Сохранились ли какие-то его следы в более поздней традиции? Чтобы ответить на эти вопросы, нам придется сделать довольно пространственный экскурс в область источниковедения.

В оригинальном своем виде южнорусские летописи XII–XIII вв. не сохранились. Историографическую традицию региона передают две сравнительно поздние летописи — Ипатьевская (конца 20-х–начала 30-х гг. XV в.) и Хлебниковская (60-х гг. XVI в.). Возраст этих рукописей был установлен путем исследования водяных знаков.¹³⁷ Первая из них в XVII–XVIII вв. хранилась в ризнице Троицкого собора костромского Ипатьевского монастыря (откуда и проистекает

традиционное название рукописи). Вторая рукопись получила свое название по одному из владельцев (с 50-х гг. XVIII в. хозяином ее был коломенской купец Хлебников).

В языке Ипатьевской летописи выдающийся филолог А. А. Шахматов обнаружил яркие диалектные черты — так называемые «псковизмы».¹³⁸ Однако они свойственны не всем участвовавшим в работе над рукописью писцам, поэтому нельзя утверждать вполне определенно, что рукопись происходит из Пскова. Речь должна идти скорее о псковско-новгородских владениях в целом.¹³⁹ Какова была судьба рукописи в XV–XVI вв., прежде чем она попала в костромской Ипатьевский монастырь, — неизвестно. С Хлебниковской летописью дело обстоит проще. Язык рукописи южнорусский, и появилась она, вне всякого сомнения, на Украине (по некоторым косвенным данным — в знаменитом Киево-Печерском монастыре).¹⁴⁰

Состав обеих летописей один и тот же, поэтому их возводят к общему первоисточнику («протографу») и считают копиями («списками») единого памятника — Ипатьевской летописи. Получается, что есть Ипатьевский список Ипатьевской летописи и есть Хлебниковский список Ипатьевской летописи. Есть еще поздние копии Хлебниковской летописи, есть копии с копий; их тоже называют «списками Ипатьевской летописи». Мало того, что при этом возникает терминологическая путаница; представление об «Ипатьевской летописи» становится совершенно метафизическим, она понимается уже не как определенная рукопись и даже не как гипотетический общий протограф, а как некая *совокупность списков*. Однако такова традиция, и с ней приходится считаться.

Рассмотрим состав метафизической «Ипатьевской летописи», общий для всех ее реальных списков. Сначала идет «Повесть временных лет». Затем следует киевское летописание XII в., с вкраплениями сравнительно небольших по объему текстов, восходящих к летописанию южного Переяславля. Не исключается использование и других источников (версии многочисленны, но характер их преимущественно гадательный).¹⁴¹ Так или иначе, но в основе этой части Ипатьевской летописи бесспорно лежит киевская летопись конца XII в. На протяжении целой четверти века (1173–1198 гг.) она прославляет Ростиславичей, преимущественно Рюрика, который подобострастно именуется *великим князем*.

На описании событий сентября 1198 г. киевская летопись заканчивается.¹⁴² Далее следует текст совсем иного характера — так

называемая «Галицко-Волынская летопись». По сути своей, вопреки укоренившемуся в науке названию, это вовсе не «летопись», а свободное историческое повествование, не стиснутое рамками погодных статей (правда, в Ипатьевском списке текст изуродован не слишком удачно проставленными каким-то поздним книжником датами, зато в Хлебниковском списке мы находим текст в его первоначальном виде).¹⁴³ Более половины «Галицко-Волынской летописи» (около 60 % текста) занимает жизнеописание Данила Романовича Галицкого. Отправной точкой повествования служит смерть его отца (погибшего, как мы знаем по другим источникам, 19 июня 1205 г.). Рассказ содержит множество признаков ретроспективности изложения и в целом гораздо больше напоминает мемуары, чем традиционную летопись. Он доведен до событий зимы 1258/59 г. и явно не окончен (стык этой части текста с его продолжением виден очень хорошо, так как повествование обрывается буквально на середине фразы).¹⁴⁴ Продолжение (40 % текста) существенно отличается стилистически и написано, бесспорно, уже иным лицом. Этот книжник работал через много лет после 1258 г.: прерванный летописный рассказ возобновляется с описания событий 1260 г.,¹⁴⁵ но снова содержит многочисленные признаки ретроспективности изложения. Данил Романович здесь уже не главный герой, а персонаж второго плана, который к тому же вскоре сходит со сцены. При этом в известии о его смерти даже не указывается дата (проставил ее лишь позднейший хронологизатор Ипатьевского списка — скорее всего, ошибочно). Волынское происхождение книжника, завершившего работу над «Галицко-Волынской летописью», не вызывает никаких сомнений; отзывы о современных ему князьях наводят на мысль, что он принадлежал к ближайшему окружению волынского князя Владимира Васильковича, а после его смерти перешел на службу к его наследнику — Мстиславу Даниловичу. Рассказ доведен до событий зимы 1289/90 г.¹⁴⁶

«Галицко-Волынская летопись» долгое время была настоящим камнем преткновения для историков, занимавшихся историей летописания. Культурную зрелость древнерусского общества сильно преувеличивали. Принято было считать, что уже в эпоху «Слова о полку Игореве» (или, по крайней мере, к моменту татарского нашествия) в каждом крупном городе на Руси работал по меньшей мере один летописец (княжеский), мог быть и второй (епископский), причем как светские, так и духовные власти осознавали важность их работы, следили за ее ходом и постоянно раздавали своим летописцам разного рода указания. В сознании исследователей существовал образ летописца-«протоколиста», систематически фиксирующего текущие события. Альтернативная концепция спорадически возобновлявшихся циклов летописания с ретроспективным изложением событий всерьез не рассматривалась, хотя прямые и косвенные указания на ретроспективный характер изложения в летописях нередки. О «Галицко-Волынской летописи» под этим углом зрения мы подробно поговорим далее, а здесь укажем только один пример, относящийся к гораздо более ранней эпохе. При описании событий 1128 г. летописец сообщает: «бъшесть бо в ты дни игумен святаго Андрея Григории».¹⁴⁷

Любопытно, что представление о ретроспективном характере русского летописания, отброшенное исторической наукой XIX–XX вв., ярко отразилось в трагедии Пушкина «Борис Годунов». Выведенный здесь летописец Пимен совершенно не интересуется современностью, уже 12 лет он не вникает «в дела мирские»; в 1603 г. он заканчивает описание событий 1552–1591 гг. (что легко определить по рассеянным в тексте пушкинской трагедии хронологическим указаниям). Свой труд Пимен собирается передать Григорию: «Описывай, не мудрствуя лукаво, // Всё то, чему свидетель в жизни будешь...». Однако начать Григорий должен будет с событий 1591 г.; пока он доберется до 1603 г., пройдет как минимум несколько лет. Разрыв между текущим моментом и описываемыми в летописи событиями, возможно, уменьшится, но все-таки сохранится. Как видим, ретроспективный взгляд на события представлялся Пушкину типичным для летописцев. А вот считал ли поэт возможным «текущее летописание» — большой вопрос.

Историки XIX в., прекрасно знавшие пушкинскую трагедию, считали образ Пимена совершенно оторванным от реальности (такое

восприятие основывается на знаменитой формуле «добру и злу внимая равнодушно», вырванной из контекста и перенесенной с внешности летописца на его творчество). Для нашей темы более важен, однако, другой аспект: историки, пропитавшиеся еще на студенческой скамье традиционными научными представлениями о «текущем летописании», были абсолютно убеждены в непрерывности южнорусской летописной традиции XII–XIII вв. Жанровое своеобразие «Галицко-Волынской летописи» попросту не осознавалось, что видно уже по закрепившемуся в науке названию; ее рассматривали как очередную летописный свод, хотя и с претензией на некоторую оригинальность.¹⁴⁸ Консервации этих взглядов способствовали научные издания Ипатьевской летописи, в основу которых начиная с 1843 г. неизменно клали текст старейшего, Ипатьевского списка. Во всех этих изданиях «Галицко-Волынская летопись» оказывалась испещренной обозначениями годовых статей и в самом деле выглядела как вполне обычный летописный свод (что гипнотизировало даже тех исследователей, которые помнили, что в Хлебниковском списке хронологической сетки нет, и сознавали, что в протографе двух списков ее тоже не было). Самым впечатляющим примером такого восприятия Ипатьевской летописи является концепция корифея отечественного летописеведения — Шахматова. Воображению этого исследователя представлялась грандиозная «единая» галицко-волынская летопись XII–XIII вв. По мнению Шахматова, из начальной (до 1198 г.) части этого утраченного источника поздний сводчик, работавший над протографом Ипатьевской летописи, извлекал известия выборочно. Заключительная часть, от смерти Романа, использована была сводчиком полностью; это и есть нынешняя «Галицко-Волынская летопись» в составе Ипатьевской летописи.¹⁴⁹ Почему сводчик не извлек из своего галицко-волынского источника никаких сведений о событиях 1199–1204 гг. — об этом Шахматов умалчивает. Трудно поверить, что столь добросовестный исследователь сознательно уклонился от обсуждения текстологического факта, способного совершенно уничтожить предложенную им гипотезу. Видимо, Шахматов все-таки находился в известной степени под гипнозом Ипатьевского списка, содержащего непрерывную сеть годов, и попросту не заметил семилетнюю хронологическую лакуну между окончанием Киевской летописи в 1198 г. и смертью Романа в 1205 г.

В дальнейшем версия Шахматова была заметно усложнена Приселковым — автором первой систематической реконструкции истории русского летописания. Приселков признает, что в протографе Ипатьевского и Хлебниковского списков был не «летописный», а «целостный» рассказ, но утверждает, что появился он сравнительно поздно — в результате переделки «когда-то в конце XIII в.» первоначального погодного (!) летописного рассказа.¹⁵⁰ Согласно Приселкову, в Хлебниковском списке текст «Галицко-Волынской летописи» так и остался навсегда в искаженном виде, а в Ипатьевском списке подвергся вторичной хронологизации (что привело к восстановлению первоначальной летописной формы, но привнесло множество хронологических ошибок).¹⁵¹ Эта анекдотически нелепая концепция и поныне воспроизводится в учебниках по источниковедению,¹⁵² хотя сам автор в конце жизни от нее отказался. В публикации 1940 г. Приселков выразил свое согласие с тем, что «уже признается всеми исследователями», — с первичностью в пределах «Галицко-Волынской летописи» сплошного исторического повествования без летописной сети годов.¹⁵³ Приселков не смог расстаться с усвоенной от Шахматова идеей непрерывности в XII–XIII вв. «галицко-волынской историографии», но теперь его воображению представлялись уже не «летописцы», а «историографы», работавшие при дворах шести князей — за исключением «перерыва при Романе».¹⁵⁴ Исследователь явно не понимал, что признание «перерыва при Романе» совершенно уничтожает декларируемую на предыдущей странице непрерывность галицко-волынской историографии.

Несколько иную линию во взглядах на «Галицко-Волынскую летопись» проводят те исследователи, которые веруют, вместе с Шахматовым и Приселковым, в непрерывность южнорусской летописной традиции, но в то же время не закрывают глаза на хронологическую лауну между 1198 и 1205 гг. Им приходится примирять априорную концепцию с текстологическим фактом.

Оказывается, это проще простого! Если рассказ о событиях 1199–1204 гг. непременно должен был когда-то существовать, но его все-таки нет в наличии — значит, он *утрачен*. Еще Костомаров предполагал, что «Галицко-волынская летопись» дошла да нас «без начала».¹⁵⁵ Позднейшие вариации на ту же тему неизменно используют киноварный заголовок, открывающий «Галицко-Волынскую летопись»

в печатных изданиях Ипатьевской летописи: «В лето 6709 начало княжения великаго князя Романа, како держев бывша всеи Руской земли, князя Галичкого».¹⁵⁶ Сразу же возникает иллюзия понимания. «Вся недостающая в этой летописи история княжения Романа Мстиславича, обещанная летописцем в приведенном выше заглавии, также, очевидно, первоначально входила в нее», — заявляет историк древнерусской литературы.¹⁵⁷ «В этой части, судя по сохранившемуся вступительному предложению, должно было содержаться жизнеописание Романа Мстиславича в качестве галицко-волынского князя», — вторит ему специалист по исторической географии.¹⁵⁸ Оба автора, введенные в заблуждение печатным текстом, возводят датирующий «начало княжения» Романа киноварный заголовок к протографу Ипатьевской летописи, в то время как он является уникальной особенностью Ипатьевского списка и тесно связан с реализованным здесь замыслом хронологизации «Галицко-Волынской летописи».

Первый протест против традиционного подхода издателей к Ипатьевской летописи принадлежит М.С. Грушевскому. В его «Истории украинской литературы» (1923) справедливо указывается, что Ипатьевский список, хотя и самый старший по времени своего написания, с точки зрения редакции своего текста «принадлежит к наименее авторитетным».¹⁵⁹ Однако исследование Грушевского, изданное за границей и к тому же на украинском языке, в нашей стране долгое время оставалось неизвестным.¹⁶⁰ Сорок лет спустя к той же мысли пришел Д.С. Лихачев, признавший в своем руководстве по текстологии, что будущее издание Ипатьевской летописи «предпочтительнее по Хлебниковскому [списку], хотя и более позднему, чем Ипатьевский, но сохраняющему древний тип текста».¹⁶¹ Досадно, что позднее Лихачев пошел на попятную: когда «Галицко-Волынская летопись» была издана под его редакцией в серии «Памятники литературы Древней Руси», текст в очередной раз был воспроизведен по Ипатьевскому списку.¹⁶² Вопрос потерял свою актуальность только после появления в 1990 г. факсимильного издания Хлебниковской летописи (вышедшего, к сожалению, за рубежом).

Когда хронологизатор Ипатьевского списка расставлял в тексте «Галицко-Волынской летописи» даты, он вписал перед ее началом уже известный нам киноварный заголовок. После этой редакторской

вставки сразу же начинается подлинный текст «Галицко-Волынской летописи»: «По смерти же великого князя Романа...».¹⁶³ Так упоминание о смерти Романа оказалось в статье Ипатьевского списка, датирующей начало его княжения 6709 г. Как видим, уточнение даты гибели Романа хронологизатор не считал для себя обязательным. Отсюда ясно, что деятельность хронологизатора не имеет никакого отношения к княжеским дворам Галицко-Волынской Руси конца XIII–начала XIV в. Потомки Романа не могли лишиться своего великого предка церковного поминовения, следовательно, дата его гибели в их среде была хорошо известна. Мужская линия основанной Романом династии пресеклась около 1334 г., но поминовение Романа продолжалось, конечно же, и в годы княжения в Галицко-Волынской Руси Юрия-Болеслава, потомка Романа по женской линии. Таким образом, хронологизацию «Галицко-Волынской летописи» можно отнести только к смутным временам после смерти Юрия-Болеслава (1340). Это — нижний рубеж деятельности хронологизатора. Наиболее поздняя бумага, использованная при создании Ипатьевского списка, датируется 1428 г.¹⁶⁴ Этот палеографический факт дает нам условную дату создания рукописи, а вместе с тем определяет и верхний рубеж деятельности хронологизатора.

Принято считать, что хронологизатор расставлял даты совершенно произвольно. Характерно высказывание Д. С. Лихачева: «Первая же дата галицко-волыньских известий представляет собою неверный домысел позднейшего летописца».¹⁶⁵ Здесь в основе рассуждения — предвзятое мнение: Лихачев полагает, что «позднейший летописец» (хронологизатор) намеревался датировать гибель Романа. На самом деле все не так. Дата гибели Романа совсем не интересовала хронологизатора, вписанный им киноарный заголовок призван был датировать «начало княжения». После вставки заголовка в исходный текст указание этого текста на смерть Романа как на отправную точку повествования оказалось не на своем месте (что и дезориентировало Лихачева, как и многих других исследователей).¹⁶⁶ Дата начала княжения Романа, выделенная киноарью и акцентированная претенциозным заголовком, совсем не случайна и никак не может быть признана «домыслом». Эта «неверная» на первый взгляд дата указывает на знакомство хронологизатора с летописной традицией Северо-Восточной Руси: «лето 6709» при мартовском стиле летосчисления соответствует 1201 г., когда Роман установил свой контроль над Киевом.

Осознать это не так уж просто: в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях о походе Романа на Киев рассказывается под 6710 г.¹⁶⁷ Однако если вспомнить, что год этот — ультрамартовский и соответствует 6709 мартовскому,¹⁶⁸ то все сразу становится на свои места.* В данном случае хронологизатор Ипатьевского списка ничего не домысливал; первую свою дату (естественно, наиболее близкую к последней статье Киевского свода 1198 г.) он установил при помощи внешнего источника, причем установил верно.

Что подразумевал поздний хронологизатор под «началом княжения» Романа? Видимо, Роман представлялся хронологизатору великим князем киевским с 6709 г. («како держев бывша всеи Руской земли»). Неважно, что Роман физически никогда в Киеве не княжил: имя его значится в открывающем Ипатьевскую летопись перечне киевских князей.¹⁶⁹ Кроме того, в глазах хронологизатора начало княжения Романа в Галиче и последующий победоносный поход на Киев являлись, видимо, событиями одного года: на страницах летописей Северо-Восточной Руси Роман впервые выступает в роли галицкого князя именно в рассказе о походе на Киев.

Хронологизатор очень дорожил выведенной им датой «начала княжения» Романа. Чтобы подвести к ней читателя, он не остановился перед грубой фальсификацией исходного летописного текста и в двух местах заключительной статьи Киевской летописи, 6706 г., вместо трафаретного для перехода от темы к теме выражения «того ж лета» вписал заголовки «новых» годовых статей, 6707 и 6708 гг.¹⁷⁰ Таким образом, единая статья 6706 г., первоначальный вид которой известен нам по Хлебниковскому списку, оказалась искусственно разделенной на три. Этот вполне очевидный текстологический факт часто игнорируется в нашей литературе, в результате чего Киевскую летопись с достойным лучшим применением упорством датируют 1200 г. (вместо 1198 г.). Не избежал этого расхожего заблуждения даже такой многоопытный текстолог, как Д. С. Лихачев: «Последнею

* Напомним читателю соотношение древнерусских мартовского и ультрамартовского стилей летосчисления с «византийским» сентябрьским: при одинаковом во всех трех случаях числом обозначении года «от сотворения мира» ультрамартовский год на 6 месяцев опережает сентябрьский, а мартовский год, напротив, на 6 месяцев отстает от сентябрьского. Так, например:

6709 ультрамартовский год начинается 1.03.1200 г.;

6709 сентябрьский год начинается 1.09.1200 г.;

6709 мартовский год (он же 6710 ультрамартовский) начинается 1.03.1201 г.

датою Киевского свода был 1200 г., поэтому в качестве следующей даты составитель Ипатьевского списка, не раздумывая, поставил 1201 г., обозначив им смерть Романа Галицкого». ¹⁷¹ Здесь что ни слово, то ошибка. Во-первых, 1201 г. (точнее, 6709-й) обозначает вовсе не смерть Романа, а «начало княжения»; во-вторых, хронологизатор Ипатьевского списка все-таки *думал* над тем, что он делает, просто его логика осталась непонятной Лихачеву, не заметившему изменений, внесенных хронологизатором в заключительную статью Киевской летописи.

Не стоит удивляться тому, что «смерть Романа» не была вынесена хронологизатором в отдельную годовую статью. Вчитавшись в текст «Галицко-Волынской летописи», мы увидим, что никакого *известия* о смерти Романа там, собственно говоря, нет: автор просто указывает, что действие его рассказа начинается после смерти Романа. Следовательно, средневековый хронологизатор в данном случае перед нами не виноват: в исходном тексте просто не было материала для отдельной летописной статьи. Вообще стоявшая перед хронологизатором задача была крайне сложной. Лишь для 80-х гг. XIII в. он имел две опорные даты в самом тексте «Галицко-Волынской летописи»: смерть Владимира Васильковича Волынского (10 декабря 1288 г.) и вокняжение его наследника — Мстислава Даниловича (10 апреля 1289 г.). ¹⁷² Других точных дат в «Галицко-Волынской летописи» нет. Широко известных событий общерусского значения упомянуто не так уж много. В большинстве случаев единственной опорой для хронологизатора была внутренняя логика текста. Сопоставление Ипатьевского списка с Хлебниковским показывает, что хронологизатор довольно последовательно выбрасывал словосочетания, указывающие на соотношение событий во времени: «потом же», «в та ж лета», «в то ж время», «зиме ж бывши», «по сем же времени минувши», «потом же минувшим летом», «противу ж сему», «быс<ть> же по сем минувшим непоколицем днем» ¹⁷³ и т. д., заменяя их более или менее произвольными датами. Исключения немногочисленны и представляют для нас особый интерес.

Как известно, все дошедшие до наших дней летописи XIV–XV вв. представляют собой *своды*, в которых с большей или меньшей полнотой представлена ранняя традиция. Известия утраченных древних летописей образуют в известных нам сводах очень сложный мозаичный рисунок. Исходным материалом для сводчиков были летописи,

происходящие из разных древнерусских земель, с разным стилем летосчисления (преимущественно с мартовским и ультрамартовским, хотя не исключено, что где-то применялся и сентябрьский). Проблема соединения хронологически разнородного материала решалась каждым сводчиком по-своему. Результат их деятельности налицо: для текста каждой из летописей XIV–XV вв. характерно свое собственное, оригинальное соотношение «полос» использования мартовского и ультрамартовского стилей. Это своего рода генетический код наших летописных сводов.

Рассмотрев в этом аспекте хронологию «Галицко-волынской летописи» по Ипатьевскому списку, мы увидим, что хронологизатор следовал традиции, восходящей к своду 1408 г. (в настоящее время он известен по реконструкции утраченной Троицкой летописи, выполненной М. Д. Приселковым, и по сохранившейся более поздней Симеоновской летописи). ¹⁷⁴ Совпадают четыре ключевые даты:

- установления гегемонии Романа на юге Руси («како держев бывша всеи Руской земли»), 6709 г.;
- битвы на Калке, 6732 г.;
- нашествия Батыя на Рязанскую и Владимиро-Суздальскую земли, 6745 г.;
- взятия Батыем Киева, 6748 г. ¹⁷⁵

В других летописных сводах XIV–XV вв. такой комбинации дат больше нигде нет. Важное известие об убийстве в Орде Михаила Черниговского датировано хронологизатором 6753 г., а в своде 1408 г. оно было, скорее всего, в статье 6754 г. (как ныне в тексте Симеоновской летописи). На первый взгляд, этот факт уничтожает предположение об использовании хронологизатором свода 1408 г. Однако в данном случае в распоряжении хронологизатора был еще один источник, широко известный и весьма авторитетный, — житие Михаила Черниговского, в древнейшей редакции которого проставлен 6753 г. ¹⁷⁶ Очень характерно, что именно эта дата проникла в новгородскую летописную традицию XV в. (причем вместе с текстовым материалом жития). ¹⁷⁷

Итак, хронологизатор точно датировал не только составленное им самим вводное известие о «начале княжения» Романа (6709 г.), но и три важнейших рассказа о борьбе с татарами (6732, 6745 и 6748 гг.), а также рассказ о гибели Михаила Черниговского (6753 г.). Невозможно

приписать такой расклад простой случайности. Есть и внешние приметы того, что хронологизатор действовал вполне целенаправленно. Первая дата, как мы уже знаем, содержится в киноварном заголовке, который он вписал перед «Галицко-Волынской летописью». Еще один киноварный заголовок находим перед третьей датой: «Побоище Батыево».¹⁷⁸ Вторая дата (битвы на Калке) осталась не акцентированной внешне. Важно, однако, что через четверть века и это известие было выделено каким-то любознательным читателем, сделавшим приписку на нижнем поле: «Калецкое побоище».¹⁷⁹ Тот же читатель сделал приписку и при известии о смерти Михаила Черниговского: «Убьение благоверного великаго князя...».¹⁸⁰ Обе приписки точно датируются 1450 г. благодаря еще одной, помещенной много выше при известии о призвании варягов, с расчетом минувших лет.¹⁸¹ Как видим, хронологизатор точно датировал именно те известия о татарах, которые вызывали в его эпоху повышенный читательский интерес.

Перед четвертой датой (взятия Киева) отсутствие особого заголовка закономерно, ибо продолжается рассказ о нашествии Батыя. Важно, однако, что непосредственно перед рассказом о взятии Киева хронологизатор проставил «пустую», без текста, годовую статью: «В лето 6747». Это доказывает наличие вполне определенной установки: с точки зрения хронологизатора, датировать взятие Киева надо было непременно 6748-м, а не 6747 г. Это тем более интересно, что во многих других случаях хронологизатор обнаруживает при расстановке дат потрясающую воображение безалаберность. Так, например, обозначение одной из годовых статей («В лето 6740») он вlepил прямо в середину красочной батальной сцены, нисколько не смущаясь тем, что после этой манипуляции начатое в одном году сражение будет продолжаться и в следующем.¹⁸² Отчасти такая топорность работы может быть объяснена тем, что хронологизатор плохо рассчитал пространство текста, необходимое для размещения строго определенной порции дат. До «Побоища Батыева», отнесенного к 6745 г., оставалось не слишком много места, а разместить здесь надо было еще пять годовых статей (6740–6744 гг.).

Нет смысла перечислять здесь все вопиющие примеры топорности работы хронологизатора: другими авторами они уже указывались многократно. Гораздо важнее уяснить, что расставленные хронологизатором даты были изначально определенным образом ранжированы. Дата смерти Михаила Черниговского взята была из его жития.

Две даты хронологизатор нашел в готовом виде в самом тексте «Галицко-Волынской летописи»; еще четыре взял из внешнего источника, который мы выше определили как свод 1408 г. В совокупности эти семь дат служили хронологизатору ориентирами в дальнейшей работе, своего рода хронологическими вешками. Несколько дат являются производными от семи заранее установленных — например, все непосредственно предшествующие им (включая две заведомо ложные даты, вставленные в последнюю годовую статью Киевской летописи). Из этого же разряда статьи 6746 и 6747 гг., оказавшиеся в узком интервале между двумя заимствованными из внешнего источника датами (статьи 6745 и 6748 гг.). Все остальные даты — «производные второго порядка»; при их расстановке хронологизатор опирался не столько на расставленные заранее хронологические вешки, сколько на внутреннюю логику текста. Можно сказать, что деятельность хронологизатора Ипатьевского списка была первым в истории науки исследованием по хронологии «Галицко-Волынской летописи» (второе и последнее исследование по этой теме, выполненное Грушевским, появится только в 1901 г.).

Рукописные книги XV в. не могли распространяться с такой же скоростью, как позднейшие печатные издания. Вряд ли свод 1408 г., созданный на территории Великого княжества Владимирского, сразу же попал в руки псковско-новгородских книжников; должен был пройти более или менее значительный промежуток времени. Получается, что хронологизация «Галицко-Волынской летописи» была проведена либо непосредственно в момент создания Ипатьевского списка, т. е. около 1428 г., либо в промежутке между созданием свода 1408 г. и созданием Ипатьевского списка, но ближе к последней дате (т. е. в конце 10-х или, что вероятнее, уже в 20-х гг. XV в.). К очень близким выводам можно прийти совершенно иным путем.

Изучение летописной традиции XV в. показывает, что Ипатьевская летопись была известна в Новгороде: ее протограф был использован при составлении так называемого Новгородско-Софийского свода — гипотетического предшественника Новгородской IV и Софийской I летописей. Значительные фрагменты заимствованы новгородским сводчиком из рассказов о татарском нашествии. Можно доказать, что версия «Новгородско-Софийского свода» вторична и сконструирована искусственно на основе данных, содержащихся в Ипатьевской летописи (другими словами, рассказы о татарском

нашествии в Ипатьевской, Новгородской IV и Софийской I летописях нельзя возвести к независимому, общему для всех трех летописей источнику). Рассмотрим рассказ об осаде татарами Чернигова.

Ипатьевская летопись	Софийская I летопись	Новгородская IV летопись
Слышав же Мьстислав Глебович нападение на град иноплемных, приде на не со всеми вои. Бившимъ-ся им, побежен быс<ть> Мьстислав... ¹⁸³	Слыша же Мьстислав Глебович нападение иноплемных на град, и приде на ня съ своими вои. Бившеся им крепко, <i>лют бо бе бои у Чернигова, оже и тараны на нь поставиша, и меташа на нь каменем полтора перестрела, а камень же, яко ж можяху 4 мужи силнии подъяти.</i> И побежен быс<ть> Мьстислав... ¹⁸⁴	Слышав же Мьстислав Глебович нападение иноплемных на град, и приде на нь съ своими вои. И бившеся им, <i>лют бо бе бои бысть у Чернигова, оже и таран на нь поставиша, меташа бо каменем полтора перестрела, а камень якоже можяхуть 4 мужи силнии подъяти.</i> И побежден бысть Мьстислав... ¹⁸⁵

Выделенный курсивом текст Софийской I и Новгородской IV летописей представляет собой очевидную интерполяцию в исходный текст (представленный Ипатьевской летописью): возникла дублировка («бившеся им» + «лют бо бе бои»), и полевое сражение у стен города оказалось перебито описанием осадных работ («тараны на нь поставиша, и меташа на нь каменем...»). Источником вставки является фрагмент Ипатьевской летописи, взятый с другого листа, из рассказа о неудачной осаде Чернигова Данилом Романовичем, имевшей место за несколько лет до прихода татар¹⁸⁶ (происхождение этой вставки показывает нам, что сводчик XV в. использовал именно Ипатьевскую летопись, а не какой-либо иной источник).

После рассказа о взятии татарами Чернигова обе восходящие к «Новгородско-Софийскому своду» летописи дают совершенно фантастическое известие о приходе победителей к Киеву «с миром». Названы даже три русских князя, которые будто бы заключили мир с татарами под Киевом: Мстислав, Владимир и Данил.¹⁸⁷ Странный подбор имен указывает источник, использованный новгородским сводчиком: это все тот же рассказ о неудачной осаде Чернигова Данилом Романовичем.¹⁸⁸

Можно утверждать, что список Ипатьевской летописи, использованный составителем «Новгородско-Софийского свода», напоминал нынешний Хлебниковский (т.е. там еще не были расставлены даты на протяжении текста «Галицко-Волынской летописи»).

Доказывается это тем, что сводчик провел работу по хронологизации заинтересовавших его известий о татарском нашествии совершенно самостоятельно и вывел даты, отличные от проставленных в Ипатьевском списке.¹⁸⁹ Работал составитель «Новгородско-Софийского свода» не ранее 1418 г. (статья 6926 г. — последняя в Софийской I летописи старшего извода). Отсюда ясно, что между 1418 и 1428 гг. редакция Ипатьевской летописи с хронологизированным текстом «Галицко-Волынской летописи» либо еще не существовала, либо еще не получила распространения. Два опыта хронологизации, результаты которых мы находим в Ипатьевском списке и в летописях, основанных на «Новгородско-Софийском своде», проведены были независимо и почти одновременно.

Как видим, время работы хронологизатора «Галицко-Волынской летописи» значительно приблизилось к условной дате создания Ипатьевского списка (1428 г.). Здесь невольно вспоминается суждение Д. С. Лихачева: даты в «Галицко-Волынской летописи» расставлены, «по-видимому, самим книжником, писавшим Ипатьевский список».¹⁹⁰ С этим можно было бы согласиться, если бы Ипатьевский список являлся продуктом индивидуального творчества. Палеографические данные показывают, однако, что для работы над рукописью привлечено было несколько писцов (как минимум трое, а может быть, четверо или даже пятеро).¹⁹¹ Отсюда ясно, что замысел хронологизации следует приписывать не рядовым исполнителям, а заказчику рукописи.

Попробуем представить себе этого заказчика и понять его логику. Без домыслов тут уже не обойтись, но мы постараемся не увлекаться. Воспользуемся, как говорят в подобных случаях, некоторыми общеисторическими сведениями. Время создания Ипатьевского списка практически совпадает с началом активного использования летописей в политике. После смерти Василия I (1425) разгорелся спор о великом княжении между его сыном, Василием Васильевичем, и младшим братом, Юрием Дмитриевичем. Когда в 1432 г. Юрий доказывал в Орде перед татарским «царем» свое преимущественное право на великий стол, среди его аргументов были ссылки на некие древние летописи.¹⁹² В сложившейся после 1425 г. политической обстановке любые новые сведения по истории порядка престолонаследия на Руси являлись для обеих противоборствующих сторон большой ценностью. Получить эти сведения можно было только из малоизвестных

летописей. Таким образом, политическая атмосфера эпохи способствовала вспышке интереса к летописанию.

Вообразим теперь умного и образованного московского боярина, оказавшегося вскоре после 1425 г. на территории псковско-новгородских владений (например, в качестве великокняжеского наместника). Благодаря своему высокому общественному положению он имел возможность ознакомиться с местным книжным фондом. Если он отличался благочестием и любил общество пастырей духовных, не составляло особого труда получить доступ даже к самым редким рукописям. И вот кто-то показал ему ветхий пергаментный «ЛЕТОПИСЕЦ РУСКИЙ» (так озаглавлена Ипатьевская летопись в обоих древнейших списках, следовательно, то же заглавие было и в протографе). Наш благочестивый боярин немедленно заказал копию этого «Летописца»: здесь ведь содержались подробные рассказы о многих совершенно неизвестных прежде во Владимиро-Суздальской Руси событиях XII–XIII вв. Особую ценность представляло известие о получении волостей Мстиславичами (Романом и его братьями) не по традиционному родовому праву, а по завещанию их отца, заключившего особый договор со своим младшим братом. Почти весь этот небольшой рассказ в Ипатьевском списке вписан *другой рукой*¹⁹³ (что свидетельствует о повышенном внимании «авторского коллектива» к затронутому сюжету).

Полагаю, что именно политический, а вовсе не научно-познавательный интерес привел заказчика нашего «Ипатьевского списка» к мысли привести заключительную часть рукописи, где не было дат, в соответствие с привычным видом традиционной летописи. Цель представляется очевидной: заказчик хотел таким образом повысить авторитетность списка. Трудно допустить, что хронологизацию провел сам заказчик (в исполнении слишком уж выражен элемент небрежности). Да и «не боярское это дело»... Видимо, заказчик только инструктировал книжника, назначенного ответственным за переписку летописи. Задача на первый взгляд казалась несложной: надо было «всего лишь» разбить сплошной текст заключительной части оригинала на годовые статьи.

Привлечение к работе над рукописью целого коллектива писцов представляет собой явление не совсем обыкновенное. Как правило, в XIV–XV вв. над одной книгой трудился один писец, реже — двое, и только в единичных случаях с целью ускорения работы создавалась

«артель» из трех и более писцов. Можно утверждать, таким образом, что заказ выполнялся в спешке. При этом надо было еще и провести хронологизацию весьма объемной заключительной части летописи. Сам книжник-хронологизатор мог не принадлежать к числу писцов: ему достаточно было расставить даты на полях протографа, чтобы писцы сами вносили их в текст (будущие киноарные заголовки тоже вполне могли быть написаны хронологизатором на полях протографа). Но даже если хронологизатор действительно был освобожден от изнурительного механического труда книгописца, работал он все-таки в условиях дефицита времени, а поставленная перед ним задача неожиданно оказалась крайне сложной (в силу «мемуарного», а не летописного характера исходного текста). Стоило ли хронологизатору проводить дополнительные изыскания и ломать себе голову над вопросами, которые не имеют простых и очевидных решений? Чтобы избежать нареканий, достаточно было расставить должным образом те единичные даты важнейших событий, которые легко было проверить по своду 1408 г. Отсюда и проистекает некоторая халтурность работы хронологизатора, неизменно бросавшаяся в глаза всем исследователям Ипатьевского списка. В сущности, книжник-хронологизатор имел полную возможность саботировать заказ, расставив большую часть дат почти произвольно. Серьезные интеллектуальные усилия понадобились нашему книжнику лишь в одном случае — при создании более или менее гладкого перехода от Киевского свода к «Галицко-Волынской летописи». С этой задачей, как мы уже знаем, он справился блестяще.

Анализ дополнений, внесенных хронологизатором Ипатьевского списка в начало «Галицко-Волынской летописи», показывает вполне ясно, что заказчик рукописи хотел получить не принципиально новый летописный свод, а лишь слегка подправленную версию уже имевшегося текста. Следствием этой установки является, в частности, отказ хронологизатора от буквального воспроизведения летописных статей свода 1408 г., содержавших важные сведения о Романе. Данные статьи 6709 г., впервые называющей Романа галицким князем и рассказывающей о его походе на Киев, были использованы для создания киноарного заголовка и в целях выведения отправной точки для дальнейшей расстановки дат. Однако фабула статьи 6709 г. воспроизведена не была. Хронологизатор не указал и подлинную дату гибели Романа (6713), что позволило ему уклониться от заполнения обозначенной

этим годом статьи новым текстом, равно как и трех предыдущих (6710, 6711 и 6712): в «Галицко-Волынской летописи» никакого материала для этих статей не было. Все четыре даты были произвольно распределены в разделе, описывающем события после гибели Романа (что, конечно, было явной фальсификацией, но не большей, чем фальсификация заключительной статьи Киевского свода, куда хронологизатор произвольно втиснул обозначения статей 6707 и 6708 гг.). Очень жаль, конечно, что хронологизатор не проявил «научной добросовестности», но в его время и в его положении действовать иначе, видимо, было нельзя.

Мы уделили так много места проблеме возникновения Ипатьевского списка совсем не случайно. Еще Бестужев-Рюмин полагал, что существовал некий особый источник, «на основании которого составитель Волынской летописи хотел описать княжение Романа».¹⁹⁴ Причину появления такого мнения мы обнаруживаем ниже, когда исследователь высказывает свое недоумение по поводу киноварного заголовка (содержащегося, как мы помним, лишь в Ипатьевском списке!): «в начале обещание рассказать княжение Романа, а рассказ начинается по его смерти».¹⁹⁵ Если бы Бестужев-Рюмин обратился к Хлебниковскому списку, он увидел бы, что никакого «обещания рассказать княжение Романа» здесь нет и в помине...

Сила традиции в историографии чрезвычайно велика: гипотеза Бестужева-Рюмина, основывающаяся на простейшей текстологической ошибке, нередко воспроизводится и в наше время. Всякий историк, занимающийся эпохой Романа, должен наконец осознать, что пресловутый киноварный заголовок не может быть чудом сохранившимся «вступительным предложением» к исчезнувшему рассказу о галицком княжении Романа. Мнимое «вступительное предложение» открывает в Ипатьевском списке «Галицко-Волынскую летопись», но к ее тексту *не принадлежит*; эта фраза вписана рукой работавшего около 1428 г. хронологизатора, не располагавшего какими-либо оригинальными, не дошедшими до нашего времени известиями о княжении Романа. Когда этот факт будет усвоен, содержащаяся в киноварном заголовке вторичную информацию уже не будут принимать за «первое известие о господстве Романа в Галиче».¹⁹⁶ Историографический миф об утраченной начальной части «Галицко-Волынской летописи» лишится своего призрачного основания и постепенно развеется.

Глава четвертая

ПОЧЕМУ НЕ БЫЛ НАПИСАН РАССКАЗ О КНЯЖЕНИИ РОМАНА В ГАЛИЧЕ (К ВОПРОСУ ОБ ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ)

Зная особенности Ипатьевского списка, заключающие в себе, хотя и в неявном виде, историю его происхождения, нельзя уже воспринимать всерьез версию об «утрате» летописного рассказа о галицком княжении Романа. Общий протограф Ипатьевского и Хлебниковского списков легко восстанавливается; мы видим, что Киевский свод 1198 г. имеет типичную для законченного литературного произведения концовку; следующая за ним «Галицко-Волынская летопись» открывается своеобразным введением — похвалой Роману, текст которой чисто риторического содержания; никаких признаков того, что в промежутке между двумя четко очерченными составными частями протографа в прошлом был еще какой-то текст, не обнаруживается. Но если текст не оставил никаких следов своего существования, то логично предположить, что его попросту никогда не существовало. Древний мудрец сказал: «Очень трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет». Прислушавшись к этому изречению, мы должны будем сформулировать нашу проблему по-новому. Вопрос уже не в том, куда *исчез* рассказ о галицком княжении Романа; вопрос в том, почему этот рассказ *не был написан*.

То, что сам Роман не интересовался летописанием — достаточно очевидно: никаких следов его летописания в источниках нет. Первые 40 лет после гибели Романа были наполнены войнами и мятежами. Его сыновья, упорно боровшиеся за возвращение отцовских владений, вели трудную, полукочевую жизнь, полную опасностей

и приключений; конечно же, им было не до летописания («измлада бо не бы има покоя», как говорит автор позднейшего жизнеописания Данила Романовича¹⁹⁷). Однако после блестящих военно-дипломатических побед 1245 г. положение Романовичей значительно упрочилось; особенно важным было подтверждение Батыем прав Данила Романовича на Галич.¹⁹⁸ К этому времени Киевский свод 1198 г. уже находился, видимо, в новой княжеской резиденции — Хóлме. Осенью 1240 г., непосредственно перед нашествием Батые, Киев был захвачен и пограблен Данилом Романовичем, причем наиболее ценное имущество вывозилось в хорошо укрепленный Холм.¹⁹⁹ Ставка оказалась верной: во время татарского нашествия этот город устоял.²⁰⁰ После переломного 1245 г. Данил Романович мог некоторое время поживать на лаврах; ситуация была исключительно благоприятной для возникновения разного рода культурных проектов. Логично предположить, что именно в это время и началась работа над жизнеописанием Данила Романовича.

Около 1246 г. еще можно было собрать вполне достоверные сведения о событиях 1199–1205 гг., не описанных в Киевском своде. Однако автор жизнеописания Данила Романовича явно не собирался рассказывать о княжении отца своего героя. Первая же фраза текста обнаруживает авторскую установку: смерть Романа должна была стать отправной точкой повествования («По смерти же великаго князя Романа <...> велику мятежу воставшу в земле Руской»).²⁰¹ Этому автору сведения о политике Романа требовались лишь для того, чтобы объяснить читателю последовавшие за его смертью события. Характерно, что все известия о Романе, имеющие политическую окраску, отрывочные и глухие — о чем бы ни шла речь: об изгнании кормиличей («неверы ради»);²⁰² о союзе Романа с Андреем Венгерским («клялася бо беста, яко оставшу в животе племени его любовь имети»);²⁰³ о Владиславе как виновнике разрыва Романа с Лешком Краковским («Володислав лестя межи има и зазор имеа любви его»).²⁰⁴ Все это — не более чем сделанные мимоходом пояснения. В одном случае можно усмотреть болезненную чувствительность автора к затронутой теме: сказано, что Рюрик постригся «боязни ради Романовы». Что это — отрицание факта насильственного пострижения Рюрика? Контекст показывает, однако, что автор говорит не о *пострижении* Рюрика, а о причине его *расстрижения*: «приде на Галич, оставив мнишский чин, бе бо приял боязни ради Романовы». ²⁰⁵ Перевести это

можно так: Рюрик «пришел на Галич [войной], оставив монашеское звание, ибо принял [это звание] лишь из страха перед Романом». Речь идет как раз о *недобровольности* пострижения (что мотивирует весьма необычный факт расстрижения). Много ниже истина лишний раз обнаруживается в словах Владимира Рюриковича, собирающегося в поход на Данила Романовича: «отец его постригл отца моего». ²⁰⁶ Как видим, автор жизнеописания Данила Романовича прекрасно знал о роли Романа в пострижении Рюрика и нисколько не стеснялся об этом писать.

Все прочие упоминания о Романе отражают образ идеального князя старого доброго времени, существовавший в сознании автора текста и его современников. Два известия говорят о популярности Романа в его наследственных владениях. Около 1209 г. жители Владимира открыли ворота осаждавшему город полякам только потому, что с ними был племянник Романа («и отвориша им врата Володимерци, рекуще: “се сыновець Романови”»). ²⁰⁷ Чуть позже жители Берестья, державшие сторону Романовичей, встретили вдову Романа и его младшего сына с такой радостью, словно сподобились видеть живым самого великого князя («яко великаго Романа видящи»). ²⁰⁸ Здесь еще можно допустить, что автор передает отголоски реальных настроений на Волыни времен малолетства Романовичей. Далее, однако, образ Романа уже несомненно идеализируется. Великий князь галицкий предстает перед нами в каком-то апофеозе, как «цесарь (!) в Руской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все». ²⁰⁹ Выдающиеся военные успехи Данила Романовича в борьбе с ятвягами всякий раз побуждают волынского книжника вспоминать о подвигах его отца. ²¹⁰ Для врагов Роман был страшен, именем его половцы пугали непослушных детей. ²¹¹

Как видим, образ Романа в жизнеописании его сына скорее эпический, чем исторический (что лишний раз подтверждает позднее происхождение «жизнеописания», но не дает нам каких-либо четких хронологических ориентиров). В отношении времени присоединения жизнеописания Данила Романовича к Киевскому своду можно высказаться более определенно. В пределах Киевского свода 1198 г., созданного сторонником Рюрика Ростиславича, имеется несколько довольно резких выпадов против Романа. ²¹² Волынский книжник, в глазах которого Роман был героем, не подверг киевский текст редактуре; следовательно, для описываемых событий уже наступила

историческая давность. Это отсылает нас к той эпохе, когда политические страсти времен вражды Романа с его тестем полностью потеряли какую-либо актуальность, т. е. к временам внуков и правнуков Романа.

Посмотрим теперь, насколько соответствуют наши умозрительные рассуждения тем сведениям по истории текста, которые можно извлечь из «Галицко-Волынской летописи». Автор жизнеописания Данила Романовича вовсе не пытается подделаться под «летописца»; во многих случаях он прямо указывает, что ведет рассказ о давно минувших событиях. Вот, например, сцена примирения Мстислава Удатного с Данилом: «...и да ему конь свои борзый актаз (арабский конь белой масти. — А. Г.), якого же в та лета (в те годы. — А. Г.) не бысть».²¹³ Нередки характерные для текстов мемуарного характера отсылки к неопределенному «нынешнему» времени, например: «Тогда же Клим убьен бысть Хрystиничь... егоже крест и доныне стоить на Сухой Дорогви».²¹⁴ В других случаях указания на ретроспективный характер изложения не прямые, а косвенные: рассказывая о событиях давно минувших времен, автор попутно упоминает и о том, что было позже, т. е. забегает вперед. Так, например, назвав среди множества литовских князей, пожелавших заключить мир с Романовичами, Миндовга и Вишимута, «летописец» упоминает мимоходом о трагической судьбе последнего: «его же уби (потом. — А. Г.) Миндого ть и жену его поял, и братью его побил».²¹⁵ Такие косвенные признаки ретроспективности изложения открывают интересную перспективу: если бы мы могли, например, определить по другим источникам, в каком году Миндовг убил Вишимута, мы узнали бы заодно и ту дату, ранее которой не мог быть записан рассказ о мирных переговорах Романовичей с литовскими князьями. Число «забегающих вперед» известий, пригодных для такого исследования, в жизнеописании Данила Романовича сравнительно невелико, и мы разберем их все.

Известие № 1 (под 6714 и 6715 гг. в Ипатьевском списке) — о несостоявшемся обручении старшего сына Романа и венгерской принцессы. Текст сложен для восприятия; самые необходимые пояснения даны в скобках, курсивом.

«Данилови сущу во Угрех (*в Венгрии*), король же Андреи и бояре Угорьстеи и вся земля хотяше дати дщерь свою (*по имени Кинека*) за князя Данила, обеима детьскома бывшима: зане сына у него (*короля Андрея*) не бе. **В та ж лета** убьен бысть цесарь великий Филип

Римський (*император Священной римской империи Филипп Швабский, из рода Штауфенов*) советом брата королевое (*при участии в заговоре брата венгерской королевы Гертруды*). Моляшесь сестре, да бы ему нашла помощника (*союзника в борьбе против Штауфенов*). Она же никакo могущи помощи брату своему (*не нашла иного способа помочь брату*), и да дщерь свою (*Кинеку, несостоявшуюся невесту Данила*) за Лонокрабовича (*за сына ландграфа*) за Лудовика, бе бо муж силен и помощник брату ее. Юже (*Кинеку*) ныне святу наречают (*называют святой*), именем Альжьбитъ (*Елизавета*), преднее бо имя еи Кинека, много бо послужи Богови по мужи своемъ (*после смерти своего мужа*)».²¹⁶

Обручение Данила Романовича и Кинеки планировалось между 1207 и 1211 гг. (что определяется временем пребывания Данила в Венгрии).²¹⁷ Предлагаемое «летописцем» объяснение замысла венгерского короля («зане сына у него не бе») безусловно ошибочно: сын Андрея II Бела родился в 1206 г. и был на год старше несостоявшейся невесты Данила. Филипп Швабский был убит 21 июня 1208 г. баварским пфальцграфом Отто фон Виттельсбахом. Считается, что мотив убийства был личный, а не политический. Кого летописец имеет в виду под братом королевы? Ниже упоминается шурин венгерского короля «патрeархъ Авлеский»²¹⁸ (*Аквилейский*). Речь идет о Бертольде, патриархе Аквилейском с 1218 г. Однако в заговоре против Филиппа Швабского участвовал не этот брат королевы Гертруды, а двое других: старший, Оттон I (герцог меранский), и один из младших — Генрих. Очевидно, наш летописец говорит об Оттоне I (ум. 1234). «Лонокрабович» нашего летописца — сын ландграфа Тюрингии Германа I (ум. 1216) Людовик (Людвиг) IV (ум. 1227). «Альжьбитъ» — Елизавета Венгерская (род. в 1207 г.; обручена с Людвигом Тюрингским в 1212 г., воспитывалась в Вартбурге; с 1229 г. вела подвижническую жизнь в Марбурге; ум. в 1231 г.; канонизирована в 1235 г.). Как видим, обручение 5-летней Кинеки-Елизаветы с сыном ландграфа Тюрингии состоялось через 5 лет после убийства императора Филиппа; вряд ли эти события могли быть непосредственно связаны. Весь рассказ «летописца» представляет собой смутные воспоминания о разных событиях *двадцати семи лет* (1208–1235 гг.), записанные много позже.

Известие № 2 (под 6718 г. в Ипатьевском списке). В самом начале похода венгерского короля на Галич его вельможи («бояре») устроили заговор: «хотеша его убити, и убиша же жену его, а шурин его одва

утече патрарх Авлеский».²¹⁹ Известна точная дата убийства жены Андрея II — 28 сентября 1213 г.²²⁰ Королевский шурин Бертольд стал патриархом Аквилейским значительно позже — в 1218 г.

Известие № 3 (под 6725 г. в Ипатьевском списке). Начиная рассказ о разгроме и пленении под Галичем венгерского воеводы Фильния, «летописец» сообщает: «во ино время убьенъ бысть Данилом Романовичемъ древле прегордыи Филя». ²²¹ Фильний был казнен по приказу Данила Романовича после битвы под Ярославом, 17 августа 1245 г.²²²

Известие № 4 (под 6731 г. в Ипатьевском списке). Перед рассказом о битве на Калке (31 мая 1223 г.) «летописец» упоминает мимоходом о построении Данилом Романовичем города Холма («создание же его иногда скажем») и упоминает епископа Иоасафа Угровского («иже скочи на стол митрополич»).²²³ Холм был основан не позднее 1238 г.;²²⁴ захват Иоасафом митрополичьего стола был возможен только в 1241 г.²²⁵

Известие № 5 (под 6732 г. в Ипатьевском списке). После рассказа о битве на Калке (31 мая 1223 г.) сообщается об уходе татар на восток: «...и воеваша землю Таногутъску и на ины страны, тогда же и Чаногиз кано их Таногуты убьен бысть. Их же прельстивше, последи же лъстию погубиша. Иные же страны ратми, наипаче лъстью погубиша».²²⁶ Последняя война монголов с тангутами началась осенью 1225 г.²²⁷ Чингиз-хан умер в 1227 г. от болезни, приключившейся во время осады его войсками столицы тангутов.²²⁸ Слух о насильственном характере его смерти, передаваемый нашим «летописцем», неизбежно должен был возникнуть вследствие принятого монголами образа действий: сам факт смерти Чингиз-хана долгое время скрывался, а после сдачи столицы тангутов (в том же 1227 г.) все жители были поголовно истреблены («их же прельстивше, последи же лъстию погубиша»), что выглядело как месть победителей за смерть их верховного правителя. Завоевание монголами «иных стран» возобновилось с 1229 г., после провозглашения великим ханом Угедея.²²⁹ Таким образом, «летописец» говорит о событиях 1225–1229 гг. и ряда последующих лет. Несколько выше, непосредственно в тексте рассказа о битве на Калке, «летописец» упоминает мимоходом о дальнейшей судьбе одного из действующих лиц — князя Мстислава Немого: впоследствии он, оказывается, завещал свою волость Данилу Романовичу.²³⁰ К сожалению, дата смерти Мстислава Немого неизвестна.

Известие № 6 (под 6743 г. в Ипатьевском списке). Конрад Мазовецкий, вторгнувшийся во владения Данила Романовича, остановился на месте, «где ныне град Холм стоит».²³¹ Поход Конрада отделен от основания Холма по меньшей мере двумя годами, судя по имеющимся в повествовании многочисленным указаниям на смену времен года.²³²

Известие № 7 (под 6745 г. в Ипатьевском списке). После рассказа о взятии татарами Чернигова сообщается: «Меньгуканови же пришедшу сглядать града Києва...».²³³ Обнаружить здесь ретроспективный взгляд на события непросто: он скрыт в имени действующего лица. Недавно один исследователь, разбиравший представления контактировавших с монголами народов о титуле их верховного правителя, выразил свое недоумение: «Очень странно в приведенном сообщении о походе на Киев в 1239 г. выглядит титул *кан* у Менгу, который, как известно, стал императором только в 1251 г.».²³⁴ Странно выглядит это лишь в глазах историков, не понимающих специфики «Галицко-Волынской летописи» как исторического источника и наивно считающих рассказ о первом появлении татар под Киевом отражением «текущего летописания». Если же признать, что рассказ этот мемуарного происхождения, все сразу проясняется. Присвоение титула *кан* одному из младших татарских царевичей становится глубоко закономерным и приобретает датирующее значение (рассказ о приходе к Киеву «Меньгу-кана» не мог быть написан ранее 1252 г.).²³⁵

Известие № 8 (под 6746 г. в Ипатьевском списке). Непосредственно перед рассказом о взятии Киева Батыем (6 декабря 1240 г., согласно Лаврентьевской летописи)²³⁶ описываются скитания Михаила Черниговского, лишившегося всех своих владений. Часть этого рассказа относится ко времени *после взятия Киева* («Михаил же уведав приятье Киевское, и бежа...»),²³⁷ вплоть до событий апреля 1241 г. (упоминается битва при Легнице 9 апреля 1241 г., в которой погиб Генрих II Силезский, сын Генриха I: «уже бо бяху Татари пришли на бои ко Иньдриховичю».)²³⁸

Известие № 9 (под 6748 г. в Ипатьевском списке). В начале рассказа о взятии Киева Батыем среди татарских воевод назван «Кююк», причем «летописец» поясняет: «иже вратися, уведавъ смерть канову, и бысть каномъ».²³⁹ Речь идет о двоюродном брате Батыя — Гуюке; избрание его великим ханом состоялось 24 августа 1246 г.²⁴⁰ Гуюк правил совсем недолго — «около года».²⁴¹ Любопытно, что русский автор

говорит о правлении «Кююка» в качестве великого хана *в прошедшем времени*: «и бысть каном». Не следует думать, что глагол «быти» употреблен в нашем тексте в значении «*стать кем-либо*» (в этом случае чтение было бы другое: «и бысть канъ»).

Известие № 10 (под 6753 г. в Ипатьевском списке). Рассказывая о поездке Михаила Черниговского в Венгрию, «летописец» сообщает заодно и о дальнейшей судьбе этого князя, вплоть до его мученической смерти в Орде.²⁴² Поездка Михаила в Венгрию точно не датируется, но, во всяком случае, она предшествовала битве под Ярославом (17 августа 1245 г.). Смерть Михаила датируется 20 сентября 1246 г.²⁴³

Известие № 11 (под 6758 г. в Ипатьевском списке). Чтобы показать читателю степень опасности, угрожавшей Данилу Романовичу во время его пребывания в Орде зимой 1245/46 г., «летописец» сообщает о гибели от рук татар двух других русских князей: «Ярослава, великого князя Суждальского, зелием умориша; Михаила, князя Черниговского... со своим боярином Федором ножем заклана быста, еже преде сказахом кланяние их».²⁴⁴ Михаил был убит 20 сентября 1246 г. в ставке Батыя, т. е. где-то на нижней Волге. Ярослав умер 30 сентября 1246 г. в Монголии.²⁴⁵ Известие о смерти Ярослава, случившейся в глубинах Азии, могло достичь Галицко-Волынской Руси в лучшем случае через полгода,²⁴⁶ т. е. не ранее апреля 1247 г.

Как видим, автор жизнеописания Данила Романовича в своем рассказе постоянно забегает вперед; это неотъемлемая черта его творческой манеры. При этом прямые признаки ретроспективности изложения рассеяны по всему тексту, а косвенные, позволяющие нам определять временной разрыв между упоминаемыми событиями, сконцентрированы в первой части, где описываются события 1205–1245 гг. (65 % текста «жизнеописания»). Кроме того, обращает на себя внимание следующий факт: события 1240–1245 гг. описаны с беспрецедентной полнотой (даже более подробно, чем последующие события, не говоря уже о предшествующих).

Эти наблюдения вполне соответствуют распространенному среди историков представлению о наличии в истории текста хронологического рубежа, находящегося где-то около 1245 г. Грушевский полагал, что события 1205–1245 гг. описывались ретроспективно, а последующие — «одновременно с событиями».²⁴⁷ Всем позднейшим исследователям первая часть жизнеописания Данила Романовича представлялась отделенной от второй более или менее значительным

промежутком времени. Это допущение объединяет три сильно различающиеся гипотезы, посвященные истории текста «Галицко-Волынской летописи».²⁴⁸ Мы не будем разбирать отдельные версии в деталях, поскольку сама основная идея представляется ложной. Ограничимся ознакомлением с концепцией А. Н. Ужанкова, выгодно отличающейся от всех прочих ясным пониманием ретроспективного характера изложения в *обеих* составных частях «жизнеописания».²⁴⁹ Именно в этом — непреходящая ценность исследования Ужанкова (хотя все другие выводы этого автора, по-видимому, ошибочны).

Ужанков говорит о «двух редакциях» текста: в 1247 г., по его мнению, был одновременно составлен рассказ о событиях от смерти Романа и до начала 1247 г.; это — «первая редакция». После многолетнего перерыва, уже в 60-х гг. XIII в., у «первой редакции» появилось продолжение, написанное тоже одновременно; так появилась «вторая редакция» («первая редакция» + продолжение = «вторая редакция»)²⁵⁰ Сразу же напрашивается возражение: предполагаемая «первая редакция» не имеет концовки. Никакого шва в тексте после ее «окончания» нет, рассказ продолжается вполне плавно. Автора концепции это не смущает: лично ему «первая редакция» представляется «логически завершенной».²⁵¹ Не думаю, однако, что древнерусские книжники могли рассуждать в таких категориях.

Главный аргумент Ужанкова в пользу реальности «первой редакции» следующий: текст жизнеописания, рассказывающий о событиях 1205–1246 гг., «не содержит ссылок ни на одно событие, произошедшее после 1247 г.». Следует вывод: «Автор, об этом можно сказать с уверенностью, не знает, что происходило дальше в истории Данилова княжения».²⁵² Здесь перед нами весьма любопытный (по своей очевидности) образчик презрения к логике: тезис не вытекает из основания. Однако логика — дама серьезная, и она не замедлила за себя отомстить. Заманчивый паралогизм увлек исследователя на ложный путь: осталось незамеченным присвоение автором «жизнеописания» титула *кан* одному из младших татарских царевичей, находившихся во время завоевания русских земель в подчинении у Батыя. Между тем этот факт перечеркивает предложенную Ужанковым датировку и отсылает нас к 1252 г. как к хронологическому рубежу, ранее которого не могла быть написана первая часть «жизнеописания».

Можно привести и другие, не менее веские аргументы в пользу сравнительно позднего происхождения первой части жизнеописания.

Так, например, известие о смерти Михаила Черниговского помещено значительно выше известия о поездке Данила Романовича в Орду. Рассказывая о 25-дневном пребывании Данила Романовича в Орде, автор жизнеописания повторно сообщает о смерти Михаила, причем со ссылкой на свое собственное более раннее известие («еже преде сказахом»)²⁵³ Нам известно, что в марте 1246 г. посол римского Папы Джованни дель Плано Карпини, направлявшийся в Монголию, встретил возвращавшегося от Батые Данила Романовича где-то в придонских степях.²⁵⁴ Отсюда следует, что Данил Романович находился в ставке Батые в январе–феврале 1246 г. и уехал оттуда за 8 месяцев до казни Михаила Черниговского, точная дата которой известна по Лаврентьевской летописи.²⁵⁵ Как видим, автор жизнеописания Данила Романовича в своем лишенном точных дат рассказе поменял два важных события местами (что вполне естественно, если он работал через много лет после этих событий, но совершенно невероятно при отнесении его работы к 1247 г.).

После известий о походе Василька Романовича на ятвягов и о возвращении Данила Романовича из Орды, относящихся к зиме 1245/46 г., в тексте жизнеописания идет заключительный фрагмент предполагаемой Ужанковым «первой редакции». Здесь должны излагаться события полутора лет (последнее известие — о свадьбе Льва Даниловича, которую Ужанков датирует началом 1247 г., но которая может быть отнесена и к весне, и к лету 1247 г.; следующее известие — о смерти Конрада Мазовецкого — точно датируется по польским источникам 31 августа 1247 г.). В печатном издании Ипатьевской летописи весь рассказ о событиях этого временного периода, длительностью от года до полутора лет, занимает 18 строк.²⁵⁶ Чтобы вполне осознать значение этого наблюдения, надо ознакомиться с числовыми показателями, относящимися к предыдущему рассказу. Описание пяти лет и трех месяцев — от взятия Киева Батыем (6 декабря 1240 г.) до возвращения Данила Романовича из Орды (в марте–апреле 1246 г., согласно сведениям Плано Карпини) — занимает в печатном издании Ипатьевской летописи 665,5 строк (в среднем 127 строк на 1 год повествования). Даже если мы «заберем» из этого раздела известия о гибели Михаила Черниговского и Ярослава Всеволодича, относящиеся реально к сентябрю 1246 г. (25 строк), ситуация принципиально не изменится: 43 строки текста (18+25) на полтора года от марта 1246 г. до августа 1247 г., в среднем 28,6 строк на 1 год; 640,5 строк текста (665,5–25)

на 5 лет с четвертью для периода от 6 декабря 1240 г. до весны 1246 г., в среднем 122 строки на 1 год. Соотношение среднего числа строк на один год для двух названных периодов составляет 1:4,2. Ожидаемое в рамках концепции Ужанкова соотношение должно быть обратным, $(1+n):1$, ибо он утверждает, что «чем ближе автор подходит в отображении истории ко времени своей работы, тем больше в тексте встречается подробностей».²⁵⁷

Зная эти количественные данные, невозможно поверить, что автор жизнеописания Данила Романовича «заканчивал свою работу в 1247 г. событиями начала этого же года», как уверяет нас Ужанков.²⁵⁸ Даже баснословные времена после гибели Романа (1205–1206 гг.) описаны несколько подробнее, чем события 1246–1247 гг. При этом события «после 1247 г.», вопреки мнению Ужанкова, автору жизнеописания хорошо известны. Рассказ о событиях 1248–1258 гг. довольно подробный, причем с множественными признаками ретроспективности изложения. Нельзя приписывать эту вторую часть текста какому-то другому автору, как это делает Ужанков: здесь сохраняются все яркие стилистические особенности первой части (вскоре мы в этом убедимся).

О позднем происхождении *всего* жизнеописания Данила Романовича свидетельствуют и рассеянные в тексте календарные известия. В очень длинном, охватывающем события 53 лет историческом повествовании *нет ни одной полной даты*, но некоторые события обозначены, без указания года, по церковным праздникам. Таких известий насчитывается всего лишь семь.²⁵⁹ Кроме того, довольно часто встречаются указания на время года. В трех случаях автор смог указать даже месяц,²⁶⁰ еще в трех случаях — день недели (неизвестно какого месяца).²⁶¹

Любому человеку, воспитанному в православной традиции, церковный календарь служит естественной опорой для памяти. Все «даты», обозначенные по церковным праздникам, связаны со значимыми событиями в жизни Данила Романовича,²⁶² однако их подбор все-таки случаен. Так, например, есть дата отъезда Данила Романовича в Орду, но нет дат прибытия и отбытия, не назван даже месяц (хотя сообщается, что князь провел в ставке Батые 25 дней). Нет даты возвращения Данила Романовича из Орды. Нет очень важной даты женитьбы Льва Даниловича на венгерской принцессе (этот династический брак означал пересмотр политики Данила Романовича

в отношении Венгрии). Для мемуарного текста, писавшегося через много лет после 1245 г., крайняя редкость «дат» и случайность подбора «датированных» событий глубоко закономерны. А вот для текста, написанного в 1247 г., такой расклад совершенно невозможен. Сомневающимся отсылаем к тексту написанных осенью 1247 г. воспоминаний Плано Карпини о путешествии в Монголию в 1246–1247 гг.: автор сумел припомнить не семь и не восемь, а добрых два десятка дат (все они обозначены, естественно, по церковным праздникам).²⁶³

Интересно, что все семь содержащихся в жизнеописании Даниила Романовича «дат» находятся в промежутке между 1219 и 1245 гг.²⁶⁴ (т. е. в пределах «первой редакции», по Ужанкову). Для последующего текста характерна сугубая неточность хронологических указаний. Так, например, важнейший рассказ о приезде на Волынь папского легата с королевскими регалиями для Даниила Романовича датирован лишь неопределенной отсылкой к предыдущему известию о возвращении князя из похода к Опаве («в то ж время»²⁶⁵). Сама коронация в хронологическом отношении привязана к последующей войне с ятвягами («Данило же прия от Бога венец в городе Дорогычине, идущу ему на воину...»²⁶⁶). Наконец, после завершения рассказа о походе на ятвягов следует совершенно неподобающее хронологическое указание: «в та же лета, или преже или потом, приехаша Татаре ко Бакоте...».²⁶⁷ Как видим, автор не помнит, когда именно татары появились у Бакоты: в год коронации Даниила Романовича, или прежде, или потом... Такого рода забывчивость предполагает значительную временную дистанцию между событием и летописным рассказом — как минимум лет десять. Учитывая, что исследователи датируют коронацию концом 1253 г.,²⁶⁸ ретроспективный рассказ о ней и о последующих событиях следует относить к самым последним годам правления Даниила Романовича (или даже ко времени после его смерти в 1266 г.²⁶⁹).

Концентрация «дат» на участке текста с описанием событий 1219–1245 гг., при отсутствии их на участках с описанием событий 1205–1218 гг. и 1246–1258 гг. — явление, в рамках традиционного «летописеведения» совершенно необъяснимое. Здесь необходим какой-то принципиально новый взгляд. Поскольку мы уже знаем, что исследуемый текст — мемуарного происхождения, попробуем использовать данные современной психологии о «пиках воспоминаний». В автобиографических воспоминаниях наших современников отчетливо выделяется возрастной период, для которого характерна

особая насыщенность событиями: от 16 до 25 лет. Поскольку психофизиология человека за последние 800 лет существенных изменений не претерпела, у людей XIII в. наиболее яркие и подробные воспоминания тоже должны были оставаться, как и у наших современников, от времен их юности. Жизнеописание Даниила Романовича, будучи текстом мемуарной природы, неизбежно содержит элемент автобиографический (в широком смысле, включая события общеисторического значения, пришедшиеся на жизнь мемуариста; к автобиографическим сведениям следует относить и рассказы о татарском нашествии, включая описание осады и взятия Киева, где автор свидетелем и очевидцем уж точно не был).²⁷⁰ В содержащем такого рода личные воспоминания тексте, созданном где-то около 1266 г., должен определяться информационный пик, соответствующий молодым годам автора. Судя по тому, что с максимальной полнотой описаны события 1240–1245 гг., после чего следует резкий информационный спад, автор жизнеописания Даниила Романовича родился около 1220 г. Его личный «пик воспоминаний» соответствует 1236–1245 гг.

Картина осложняется тем, что автор «жизнеописания» широко использует воспоминания своего героя (некоторые подробности, особенно относящиеся к батальным сценам, только сам князь и мог сообщить).²⁷¹ Вполне вероятно также использование воспоминаний княжеских приближенных, но в случае с четырьмя наиболее ранними «датами», обозначенными по церковным праздникам (события 1219, 1221, 1228 и 1233 гг.), информатором являлся, скорее всего, сам князь. Это были молодые годы Даниила Романовича (от 18 до 32 лет), лучшее время его жизни. Следующие три даты находятся в пределах гипотетически определенного «пика воспоминаний» автора «жизнеописания».

Попытаемся теперь суммировать наиболее важные наблюдения и сделать предварительные выводы. События 1205–1245 гг. описывались ретроспективно (причем не ранее 1252 г.). События 1248–1258 гг. описывались тоже ретроспективно (причем не постепенно, с отставанием на 2–3 года от событий, как ошибочно полагал Грушевский, а одномоментно, и лет через десять, как минимум, после 1253 г.). Разделение текста «жизнеописания» на две части, вошедшее в обиход у исследователей, предопределено крайне слабой осведомленностью автора о событиях 1246–1247 гг., но граница в тексте может быть проведена лишь искусственно; следовательно, перерыва в работе автора не было. Не исключено, что в 1246–1247 гг. автор

жизнеописания Данила Романовича выполнял какое-то дипломатическое поручение своего князя за пределами его владений. Однако если бы он после возвращения из чужих краев сразу же приступил к работе над жизнеописанием Данила Романовича, собрать подробные сведения о событиях 1246–1247 гг. не составляло бы никакого труда. Еще и в начале 50-х гг. XIII в. сделать это было несложно. Поскольку автор этого все-таки не сделал, надо полагать, что работал он много позже, когда сбор сведений стал уже проблематичным, да и стимула особого заниматься этим уже не было. По всей видимости, обе части жизнеописания Данила Романовича написаны после 1258 г. и не разделены сколько-нибудь значительным промежутком времени (хотя работа была сложной и вполне могла растянуться на несколько лет).

Первоначальный вид жизнеописания Данила Романовича несколько отличался от нынешнего. В самом начале текста «Галицко-Волынской летописи» мы находим довольно длинную вставку. Она вносит грамматическую неправильность, разрывая некогда единую вводную фразу: «По смерти же великаго князя Романа <...> велику мятежу воставшу в земле Руской». ²⁷² Содержание вставки крайне любопытно. Автор начинает с прославления Романа — «приснопамятнаго самодержца всея Руси, одолевша всем поганьским языком». ²⁷³ (Победителя всех языческих племен. — А. Г.) Продолжение вполне типично для похвального слова, но уже через несколько строк автор сворачивает рассказ о подвигах Романа, вспоминая о еще более выдающихся успехах его предка — Владимира Мономаха, вынудившего некоторых половецких князей покинуть родные для них степи у Дона. Далее следует совсем уже неожиданный поворот сюжета. Отвлекая внимание читателя от заявленной темы, автор вставляет в свой рассказ трогательную легенду о степной траве емшан, запах которой побудил вернуться на родину (уже после смерти Мономаха) вполне преуспевавшего на чужбине половецкого князя, отца знаменитого Кончака. ²⁷⁴ Такой способ общения автора с читателем живо напоминает поведение некоторых студентов на экзамене: по сути вопроса сказать нечего, но и молчать нельзя — это означает верный провал; остается говорить о том известном, что хоть мало-мальски связано с темой, в надежде на снисходительность или рассеянность экзаменатора. Поскольку автор так и не дал никаких фактических сведений о Романи, хотя исписал почти целую страницу, вывод напрашивается:

рассказывать о княжении «приснопамятнаго самодержца» в Галиче он *не мог* или *не хотел*.

Появление прославляющей Романа вставки было вызвано изменением взгляда на роль и значение жизнеописания Данила Романовича. У кого-то из преемников этого князя возникла идея создания официального «летописца» (именно в этом качестве воспринимался волынскими князьями протограф нынешней Ипатьевской летописи), ²⁷⁵ и в числе исходных материалов естественным образом оказалось, наряду с Киевским сводом 1198 г., жизнеописание Данила Романовича. Традиционного летописания в Галицко-Волынской Руси не существовало (следов использования источника с погодным изложением событий нет ни в тексте жизнеописания Данила Романовича, ни в тексте написанного на Воляни продолжения). Поэтому не оставалось ничего иного, кроме как изготовить суррогат «летописца» путем соединения двух имевшихся в наличии историографических сочинений.

Если бы жизнеописание Данила Романовича было просто механически приписано к тексту Киевского свода, оно так и осталось бы навсегда самостоятельным литературным памятником. Получился бы не *свод*, а обычный сборник — конволют (между прочим, у историков было бы меньше проблем). Однако цель волынского книжника была в том, чтобы составить из двух памятников единый «летописец»; при такой установке возникает потребность в создании некоего моста между составными частями. Прежде всего надо было устранить (или по меньшей мере замаскировать) семилетнюю хронологическую лаку между последним известием Киевского свода (сентябрь 1198 г.) и началом жизнеописания Данила Романовича, отправной точкой которого служит смерть его отца (июнь 1205 г.). Конечно, в тексте жизнеописания не были проставлены даты, и лаку не бросалась в глаза, но наличие тематического пробела в месте стыка разнородных частей было вполне очевидно. Лаку можно было бы заполнить рассказом о княжении Романа в Галиче, но для этого требовались сложные исторические разыскания. Сводчик решил проблему гораздо проще, попросту задрапировав лаку пространной вставкой, восхваляющей подвиги Романа в борьбе с половцами. Тематический пробел был устранен, родоначальнику правящей династии отдана была необходимая дань, а хитроумный сводчик избавился от ненужной ему и практически невыполнимой работы.

Смысл и значение прославляющей Романа вставки совершенно неясны без четкого осознания того факта, что она «замещает» (заведомо ущербно) отсутствующий рассказ о галицком княжении Романа. Непонимание этого обстоятельства закономерно вызывает полет фантазии. **В тексте вставки, занимающей в рукописи всего лишь полтора столбца (см. с. 142), особо пронизательные** исследователи обнаруживают то отрывок из предполагаемой, не дошедшей до нашего времени «первой части» «Слова о полку Игореве»,²⁷⁶ то «отрывки несохранившихся повестей о Владимире Мономахе и Романе Галицком и повесть о половецких ханах».²⁷⁷ В общем, нас уверяют, что здесь использована целая библиотека... На самом деле все, конечно, гораздо проще, но в то же время и интереснее.

Особого внимания заслуживает присвоение Роману сводчиком-панегиристом титула «самодержца всея Руси». «Самодержец» — один из вариантов перевода греческого слова «автократор», служившего для определения характера власти византийских императоров (другой вариант перевода, с оттенком неодобрения такого типа правления, — «самовластец»). До появления летописного панегирика Роману «самодержцем» именовали на Руси, кажется, только Владимира Крестителя: «Сущу самодръжьцю въсеи Русьскеи земли Володимиру, сыну Святославлю...».²⁷⁸ Важно, что Роман, в отличие от Владимира Святославича, именуется самодержцем «всея Руси», а не «въсеи Русьскеи земли». Эта деталь указывает на сравнительно позднее время создания летописного панегирика Роману. Использование в княжеском титуле словосочетания «...всея Руси», заимствованного из титула митрополитов, впервые зафиксировано (вне летописей) в датированном 1310 г. послании константинопольского патриарха Нифонта тверскому князю Михаилу Ярославичу, который в то время был также великим князем владимирским.²⁷⁹ В Ипатьевской летописи титул великого князя «всея Руси» приписан Владимиру Мономаху, умершему в 1125 г.,²⁸⁰ но здесь мы, видимо, имеем дело с вторжением в древний текст сводчика второй половины XIII в. — того самого, который величает «самодержцем всея Руси» Романа.

Может быть, этим сводчиком был работавший в 1289–1290 гг. волынский летописец, автор финальной части «Галицко-Волынской летописи»? Именно у него практически не было шансов собрать какие-либо достоверные сведения о Романе. Волынский летописец неожиданно вспоминает Романа при описании ритуального плача

владимирских горожан над телом князя Владимира Васильковича, умершего 10 декабря 1288 г.²⁸¹ Буквальный смысл слов, вложенных летописцем в уста горожан, очень интересен: оказывается, Роман покровительствовал жителям Владимира-Волынского, успешно защищал их от каких-то обид. От кого, спрашивается, должен был князь защищать горожан, как не от «злых бояр»? Советские историки очень охотно цитировали данное «известие», приписывая Роману социально окрашенную политику. Однако обращение к контексту «известия» показывает, что мы имеем дело вовсе не с добросовестным пересказом городского предания, а с литературным творчеством в чистом виде. Составлявший некролог Владимира Васильковича летописец просто позаимствовал, со свойственной средневековым книжникам бесцеремонностью, показавшееся ему удачным выражение из Киевского свода 1198 г. Внимание его привлек содержащийся там «некролог» Мстислава Ростиславича, умершего в 1180 г. в Новгороде. Сопоставим тексты ритуального плача горожан над телом своего князя (в первом случае передается «прямая речь» новгородцев, во втором — жителей Владимира-Волынского).

Ипатьевская летопись, под 6686 г. (в пределах Киевского свода 1198 г.)	Ипатьевская летопись, под 6797 г. (в заключительной части «Галицко-Волынской летописи»)
Добро бы ны, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу Новгородьцемь от поганых, якоже и дед твои Всеволод свободил ны бяше от всех обид ²⁸²	Добрыи ны господине! С тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дед твои Роман свободил бяше от всих обид ²⁸³

Любопытно, что составитель летописного некролога Мстислава Ростиславича тоже был не оригинален в своем творчестве, заимствовав интересующий нас оборот из переводной «Александрии», где есть речь «простеца» у одра умирающего Александра: «добре же бы и нам с тобою умрети, сътворьшему Макидон великую свободу».²⁸⁴

Мы видим, что работавший около 1290 г. волынский летописец, во-первых, был безусловно знаком с Киевским сводом 1198 г., а во-вторых, как и следовало бы ожидать, не имел положительных сведений о княжении Романа и мог на эту тему только *фантазировать*, используя литературные штампы. Очень соблазнительно именно этому летописцу приписать сшивку «Галицко-Волынской летописи» и Киевского свода. Однако такой вывод будет опрометчивым. Вернемся к «панегирику» в честь Романа, прикрывающему хронологическую

лакуну в месте стыка двух книг. «Панегирик» представляет собой замечательный в литературном отношении текст, очень ярко отражающий творческую манеру автора. Манера эта характеризуется следующими чертами: 1) настойчивым использованием «дательного самостоятельного» («Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою оживъшю»; «и приемшю землю их всю и загнавшю оканьныя агаряны»; «оставшю у Сыръчана единому гудьцю же Ореви»; «оному же не восхотевшю обратитися»; «оному же обухавшю и восплакавшю»; «от него родившюся Кончаку»; «Роману же князю ревновавшю за то»²⁸⁵); 2) наличием скрытой цитаты из славянского перевода хроники Иоанна Малалы. Оказывается, Роман вызвал у панегириста ассоциацию с Гераклом, следствием чего было обращение к соответствующему месту хроники, с использованием одной из фраз в качестве литературного образца:

Хроника Иоанна Малалы, характеристика Геракла («Иракла»)	Ипатьевская летопись, под 6709 г., начало «Галицко-Волынской летописи», характеристика Романа
одолевша частым злым похотем ума мудростию, акы палицею, ходяща в котызе, акы в левьи яме, в тверде уме ²⁸⁶	одолевша всем поганьским языком ума мудростью, ходяща по заповедемъ Божим: устремил бо ся бише на поганья, яко и лев, сердит же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодил; и прехожаше землю их, яко и орел, храбор бо бе, яко и тур ²⁸⁷

Обе черты творческой манеры сводчика-панегириста совсем не свойственны для работавшего в 1289–1290 гг. волынского летописца, но в высокой степени характерны для автора жизнеописания Данила Романовича. Первая была подмечена еще Костомаровым: «Замечательная особенность слога есть частое, почти беспрестанное употребление дательного самостоятельного (*Dativus absolutus*), и это уже показывает страсть к образности и поэтическую натуру писателя».²⁸⁸ Отметим, что Костомаров фактически признал текст летописи, для которого характерна указанная «особенность слога», авторским литературным произведением. В дальнейшем трудами нескольких поколений отечественных филологов выявлено было огромное влияние, оказанное на слог «летописца» (лучше сказать, на слог автора жизнеописания Данила Романовича) славянским переводом ранней византийской хроники Иоанна Малалы. Указывают несколько прямых и скрытых цитат; выявлены и другие признаки литературного

ученичества, включая множественные лексические заимствования, рассеянные по всему тексту «жизнеописания» от его начала и до границы с волынским продолжением. Предполагается, что уже в XIII в. хроника Иоанна Малалы входила в состав компилятивного хронографа. Лексика славянского перевода хроники весьма своеобразна, многие употребленные здесь слова характерны только для этого памятника.²⁸⁹

Все эти наблюдения позволяют утверждать, что автор жизнеописания Данила Романовича и автор панегирика Роману — одно и то же лицо. Поскольку именно этот книжник «несет ответственность» за отсутствие в летописи рассказа о галицком княжении Романа, познакомимся с другими чертами его творческой манеры — теми, что не нашли отражения в сравнительно кратком тексте панегирика.

Любой читатель первой части «Галицко-Волынской летописи» — даже не успевший осознать, что имеет дело с княжеским жизнеописанием, а не с традиционной летописью — непременно отметит пристрастие автора к своеобразным «пояснениям», привлекающим внимание и несколько замедляющим течение рассказа. Распределены они по тексту «жизнеописания» довольно равномерно, причем некоторые навязчиво повторяются.

Текст Ипатьевской летописи	Обозначение года в Ипатьевском списке	Столбец в издании 1908 г.
во колымагы свои, рекше во станы	6716	726
Судислав же во злато пременися, рекше много злата дав	6717	728
моавитяне, рекомьи татаръве	6732	740
в горы Кавокаський, рекше во Угорьскыя	6734	747
рикс, рекъмыи король угорьскыи	6737	760
убеди ѝ, рекше умоли ѝ, и дасть ему дары многи	6749	792
колимогы своя, рекше станы	6759	811
во день воскресения, рекше недели	6759	811
убеди ѝ дарми многими, сиречь умоли его	6761	816
королеви же угорьску риксу	6762	820
во колымагъ свои, рекше во стан	6762	824
вся окрестная веси, рекома я окольная	6762	825
рикс ти угорьскыи, рекше король	6765	836–837
богы своя поминающее, рекомья беси	6766	839
вратишася во станы своя, рекше в поле	6767	842
стюденецъ, рекомья кладязь	6767	844

В свое время 10 из 16 «пояснений» выявил В. Т. Пашуто, но трактовку этой верно подмеченной особенности источника исследователь дал самую неправдоподобную, даже комичную. Согласно его мнению, поздний владимирский «редактор», перерабатывавший «холмскую летопись» времен Данила Романовича, «внес пояснения к тем словам, которые показались ему, владимирцу, малопонятными».²⁹⁰ Получается, что лексика созданного в Холме текста требовала комментария в соседнем Владимире (причем к числу лексических сложностей Пашуто относит даже церковнославянское прилагательное «окрестьны»). Особенно трудно поверить, что во Владимире не понимали таких слов, как «стан» или «воскресенье».

Любой добросовестный исследователь должен признать, что в некоторых случаях пояснения совершенно излишни («во день воскресения, рекше недели»; «окрестная... рекома околняя»). Безусловно, излишне и повторение пояснений по три раза, отмечаемое в случаях с колымагами и угорским королем-риксом. В одном случае («вратишася во станы своя, рекше в поле») разъясняется *ситуация*, а вовсе не слово; между прочим, слово «станы» трижды использовалось выше для объяснения действительно редкого, чисто книжного слова «колымагы», заимствованного из славянского перевода хроники Иоанна Малалы. В одном случае разъясняется довольно прозрачное иносказание («во злато пременися»). Все эти очевидные факты обнажают сущность явления: мы имеем дело не с разъяснением каких-то лексических сложностей и вообще не с пояснениями как таковыми. Перед нами — особый литературный прием, который следовало бы назвать «пояснение — акцент».

Кроме акцентирующих внимание читателя псевдопояснений руку одного и того же автора выдают его излюбленные (неоднократно повторяющиеся в тексте) словечки, словесные формулы и словосочетания. Трижды повторяется, по разным поводам, словосочетание «злее зла».²⁹¹ Трижды повторяется словесная формула перелома в ходе боя — «яко крепчее брань належить».²⁹² Четырежды повторяется формула изъявления покорности побежденными — обещание «в работе быти».²⁹³ Трижды употребляется существительное «прирок», крайне редкое в памятниках древнерусской книжности и впервые употребленное, за пределами славянского перевода хроники Иоанна Малалы, именно в жизнеописании Данила Романовича.²⁹⁴

1) в ретроспективном перечне епископов владимирских назван на третьем месте «Микифор, прироком Станило»;²⁹⁵

2) в рассказе о битве на Калке (1223 г.) указывается происхождение Мстислава Немого — «от племени Володимеря, прироком Маномаха»;²⁹⁶

3) при описании войны за австрийское наследство в 1253 г. упомянут «Вереньгеръ, прироком Просвел» — австрийский рыцарь Бернхард Пройссель, друг Романа Даниловича, выручивший его из крайне затруднительного положения.²⁹⁷ Отметим, что во втором и третьем случаях крайне редкое существительное употреблено при описании событий, разделенных во времени тридцатью годами!

Внимательный читатель мог уже заметить, что некоторые приметы неповторимого стиля автора жизнеописания Данила Романовича обнаруживаются не где-нибудь, а в рассказе о битве на Калке, который многие историки ошибочно считают вставкой. Традиция идет еще от Бестужева-Рюмина, причислившего этот рассказ к «отдельным сказаниям».²⁹⁸ Однако календарные известия рассказа о битве на Калке точно такого же рода, как и во всем тексте «жизнеописания»: отрывочные, неполные, производящие впечатление случайно удержанных памятью. Приход галицко-волынских полков к Днепру отнесен к апрелю;²⁹⁹ ниже сказано, что Днепр перешли во вторник,³⁰⁰ неизвестно какого месяца — апреля или мая; дата битвы отсутствует. Кроме того, рассказ о битве на Калке содержит *три забегающих вперед известия* (первое — о завещании Мстислава Немого; второе — о войне татар с тангутами и о гибели на этой войне Чингис-хана; третье — о завоевании татарами после истребления тангутов «иных стран»). Выше мы видели, что наличие большого числа забегающих вперед известий является характерной чертой жизнеописания Данила Романовича.

Обычно историки бесцеремонно вырывают рассказ о битве на Калке из текста «жизнеописания» и рассматривают его изолированно. Между тем этот вырванный из контекста рассказ немедленно превращается в рассказ *умерщвленный*. Если историк принадлежит к числу эпигонов Шахматова, он и дальше обращается с текстом несчастного рассказа точно так же, как убийца с трупом: принимает его *расчленять*. Этот нехитрый прием позволяет поупражняться в поисках следов исчезнувших летописных традиций. Понятно, что общее число выделенных «фрагментов» рассказа о битве на Калке

и характер мнимых источников сильно различаются (в зависимости от вкусов конкретного исследователя).

Несомненные признаки стилистического единства всей первой части «Галицко-Волынской летописи» образуют в совокупности «критическую массу», совершенно уничтожающую многочисленные попытки произвольно расчленить этот текст, составляющий целостное авторское литературное произведение, на мнимые «составные части». Невозможно представить себе двух или более писателей с ярко выраженной и при этом одинаковой творческой манерой. Историки первой половины и середины XX в., помешанные на воображаемой череде «летописных сводов», которые якобы без конца редактировались по указке сменяющихся князей, приписывали стилистическое единство первой части «Галицко-Волынской летописи» последнему по времени редактору этого текста. Если так, то получается, что редактор фактически заново написал весь текст. Другими словами, «редактор» тождествен автору... Филологи давно уже это поняли, но психологическое давление со стороны историков-«летописеведов» часто вынуждало их искать компромисс. Вот характерное высказывание филолога об авторе «первой части Галицко-Волынской летописи»: «В руках его были, разумеется, различные источники, в том числе, вероятно, повести о Калкской битве, о Батыевом побоище 1237 г. и др., но через весь этот материал внимательно прошлась рука книжника, отличавшегося очень индивидуальной манерой письма...».³⁰¹ Здесь особенно удивительна позорная уступка «летописеводам» рассказа о битве на Калке, буквально напичканного признаками «очень индивидуальной манеры письма». Поскольку филолог говорит и о других мнимых источниках «первой части Галицко-Волынской летописи» — повестях «о Батыевом побоище 1237 г. и др.», отметим следующее. Если бы эти «повести» реально существовали до появления летописного свода, известного ныне под именем Ипатьевской летописи, то их можно было бы встретить и в других летописных сводах, причем в *первоначальном* виде — до того, как по ним прошлась рука «книжника, отличавшегося очень индивидуальной манерой письма». Однако же этого нет: обнаруживая названные «повести» в других летописях, за пределами Ипатьевской, мы видим, что они *всегда вторичны* и представляют собой либо переделку текстов Ипатьевской летописи, либо компиляцию с использованием этих текстов.

Вернемся, однако, к вставке с панегириком Роману. Мы пришли к выводу, что вставка эта авторская, а не редакторская. В какой-то

момент автор жизнеописания Данила Романовича получил указание присоединить его незаконченный труд к Киевскому своду. Но когда именно это произошло? Ответ на этот вопрос возможен, ибо вставка с панегириком Роману — не единственная в своем роде. «Вставка № 2», к рассмотрению которой мы переходим, имеет много общего с «вставкой № 1»: в сущности, это еще один «панегирик» — на сей раз младшему сыну Романа. Интересно, что снова уделяется много места знаменитым врагам.

«Преже же воины Даниловы Черниговское, сидящу ему в Галиче, а Василку в Володимере, [здесь в Ипатьевском списке вставлена дата] воеваша Ятвязе около Охоже и Бусовна, и всю страну ту поплениша, и еще бо Холму не поставлену бывъшу Данилом. [далее в обоих списках рассказывается о разгроме ятвягов Васильком у Дорогичина и о радости при известии об этом в Галиче] Василко бо бе возрастом середний, умом велик и дерзостью, иже иногда многажды побежаше поганые, или иногда многажды посылающима има на поганяя, еже Скомонд и Боруть злаа воинника, иже убьена быста посланиемь. Скомонд бо бе волъхв и кобник нарочит, борз же бе яко и зверь, пещь бо ходя, повоева землю Пиньскую, иныи страны; и убьен бысть нечестивый, и глава его взотъчена бысть на кол. И во иная времена Божию милостию избьени быша погании, ихже не хотехом писати от множества ради».³⁰²

В отношении чисто литературном интересно противопоставление невзрачной внешности Василька («возрастом середний» — среднего роста) его душевным качествам — уму и храбрости («умом велик и дерзостью»). Отметим, что этот хвалебный отзыв является *посмертным* (нельзя написать о живом князе: «Василько был роста среднего»). Отсюда ясно, что перед нами — поздняя вставка, которая могла появиться только после смерти обоих Романовичей (Василько на несколько лет пережил своего старшего брата). Можно указать и другие, менее значительные по своему объему вставки, призванные акцентировать роль Василька Романовича.³⁰³ Несложно догадаться, что сделаны они были в то время, когда автор жизнеописания Данила Романовича оказался при дворе владимирово-волынского князя Владимира Васильковича (единственного сына Василька Романовича). Чтобы заслужить расположение нового покровителя, книжнику пришлось внести в текст ранее написанного сочинения некоторые поправки и дополнения.

При жизни Данила Романовича автор его жизнеописания уделял слишком мало внимания младшему брату своего героя. В новых условиях вспомнившаяся книжнику давняя история разгрома Васильком ятвягов у Дорогичина явилась удачным поводом подчеркнуть заслуги младшего Романовича в борьбе с северными варварами. «Вставка № 2», прославляющая Василька, должна была составить пару «вставке № 1», прославляющей Романа; вместе они образуют литературный вектор, указывающий на Владимира Васильковича (первый из прославляемых героев — Роман — его дед; второй из них — Василько — его отец). Принадлежность обеих вставок одному автору определяется стилистическим сходством,³⁰⁴ вплоть до буквального совпадения одного редкого словосочетания в характеристике знаменитых врагов:

Ипатьевская летопись, похвала Роману Мстиславичу под 6709 г. (характеристика Кончака)	Ипатьевская летопись, похвала Васильку Романовичу под 6756 г. (характеристика Скомонда)
иже снесе Сулу, пешь ходя ³⁰⁵	пешь бо ходя, повоева землю Пиньскую ³⁰⁶

Мы видели, что появление «вставки № 1» вызвано присоединением жизнеописания Данила Романовича к Киевскому своду (при установке на создание из этих двух книг официального «летописца»). «Вставка № 1» точно не датируется, но составляющая с ней пару «вставка № 2» могла появиться только после смерти Василька Романовича. Мы знаем, что Владимир Василькович, умерший 10 декабря 1288 г., княжил 20 лет;³⁰⁷ следовательно, отец его умер зимой 1268/69 г. Таким образом, создание на Волыни официального «летописца» датируется временем после 1268 г.

К тому же временному слою (после 1268 г.) относится еще одна очевидная вставка, содержащая принципиально важное рассуждение автора о принципах его работы: «Хронографу же нужна есть писати все и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя: чьтыи мудрыи разуметь».³⁰⁸ Вставка несомненно авторская: в ней содержится очередная цитата из Иоанна Малалы.³⁰⁹ Можно показать, что появление и этой вставки вызвано *присоединением жизнеописания Данила Романовича к Киевскому своду*. Автор далее утверждает, что изобрел способ примирить свое недатированное повествование с предшествующим летописным: «Число же летом зде не писахом, в задняя впишем: по Антивохыискымь с<б>ором, алумъпиядамь, гръцкыми же численицами, римьскы же висикостомь, якоже Евъсевии

и Памьфилъво иннии хронографи списаша от Адама до Хрестоса. Вся же лета спишемь, роцетъше, в заднья».³¹⁰ Здесь автор обращается к князю-заказчику, пожелавшему иметь официальный «летописец», и уверяет его, что намерен провести хронологические изыскания, с результатами которых можно будет ознакомиться в самом конце книги. Задача поставлена столь сложная, что дух захватывает... Дерзостью и лукавством это обещание волынского книжника своему покровителю напоминает известное обещание Ходжи Насреддина падишаху — за 20 лет научить ишака говорить (при условии получения скромного ежемесячного пособия из казны). Подоплека безусловно та же: «Через 20 лет либо я умру, либо ишак, либо падишах».

В тексте жизнеописания Данила Романовича имеются и другие авторские вставки, появление которых можно связывать с переработкой текста в момент его присоединения, после 1268 г., к Киевскому своду. Вставкой является, видимо, рассказ об основании Холма.³¹¹ Несколько «доработан» рассказ о битве на Калке (что создает ложное впечатление компилятивности его структуры и неизменно вводит в соблазн незадачливых подражателей Шахматова). Безусловно вставлена после 1268 г. фраза, объясняющая неучастие младшего Романовича в битве на Калке: «Василка же не бе, бе бо в Володимере млад».³¹² Неучастие Василька Романовича в знаменитой битве, где отличился его старший брат, требовало не только объяснения, но и оправдания (ср. сербскую традицию: неучастие в роковой битве на Косовом поле со временем стало считаться несмываемым позором).³¹³ Оправдать Василька как раз и призвана вторая вставка, содержащая точное (и заведомо ложное, как мы сейчас понимаем) указание на возраст его старшего брата.

Предполагаемый первоначальный текст жизнеописания Данила Романовича, до произведенной после 1268 г. переработки	Ныне читаемый текст Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 743–744). Предполагаемая вставка выделена курсивом
Данил же выеха на перед, и Семьюн Олюевич, и Василко Гаврилович, поткоша в полкы Тотарьскыя, Василкови же сбодену бывшу, а самому Данилу бодену бывшу в перси. Видив то Мьстислав Немьи, мнев, яко Данил сбоден бысть, потче и сам в не	Данил же выеха на перед, и Семьюн Олюевич, и Василко Гаврилович, поткоша в полкы Тотарьскыя, Василкови же сбодену бывшу, а самому Данилу бодену бывшу в перси. <i>Младѣства ради и буети не чуюше ран, бывших на телеси его, бе бо возрастом 18 лет, бе бо силен. Данилови же крепко борюцися, избиваюци Тотары.</i> Видив то Мьстислав Немьи, мнев, яко Данил сбоден бысть, потче и сам в не

Первая фраза приведенного фрагмента мотивирует заключительную. В схватке с татарами боярин Василько Гаврилович был сбит с коня, а князь Данил Романович ранен в грудь; Мстиславу Немому, видевшему бой издали, показалось, что сбит с коня Данил, и он тут же бросился на выручку сыну своего старого друга Романа. Две добавленные фразы разрывают первоначальную ткань повествования: трудно становится понимать, почему, собственно, Мстислав Немой решил, что успешно сражающийся и избивающий татар Данил Романович сбит с коня. Зачем же понадобилась эта затемняющая смысл вставка? Ключевое значение имеет здесь указание на возраст Данила. Сообщив, что старшему из Романовичей было всего 18 лет, автор косвенно указал, что младший был еще моложе, т.е. подтвердил свое собственное указание на возраст Василька Романовича, сделанное чуть выше («...бе бо в Володимере млад»). Поскольку даты проставлены не были, читатель никак не мог заметить «омоложение» обоих братьев на четыре года. Читатель знал только *разницу в возрасте* между братьями, которая составляла два года (в самом начале «Галицко-Волынской летописи» сказано: «По смерти же великаго князя Романа <...> велику мятежу воставшу в земле Руской, оставивши ма же ся двема сынома его, един 4 лет, а другии дву лет».³¹⁴ С учетом этого известия неопределенное указание на возраст Василька в год битвы на Калке («бе... млад») конкретизируется. Если старшему брату было 18 лет, то младшему, соответственно, 16 лет. В понятиях своей эпохи младший брат был уже совсем взрослым. Однако неучастие в походе против татар Василька Романовича шестнадцатилетнего, видимо, казалось автору вставки более «простительным», чем неучастие Василька Романовича двадцатилетнего.

Нам нет особого смысла разбирать в деталях всю историю текста жизнеописания Данила Романовича. Необходимо разрешить, однако, одно досадное недоразумение. В рассказе о победе Данила Романовича над ятвягами (в Ипатьевском списке под 6765/1257 г.) некоторые исследователи усматривают прямую отсылку автора к панегирику в честь Романа Мстиславича (под 6709/1201 г.): «По великом бо князе Романе никто же не бе воевал на не в Руских князих, разве сына его Данила... яко от Бога мужество ему показавшу, якоже премудрыи хронограф списа, якоже добродейня в веки светятися. Яко же сказахом о ратех многих, си же написахом о Романе, древле бо писати си, ныне же zde вписано бысть в последняя».³¹⁵ В Ипатьевском

списке далее следует разделительный знак, а первая буква следующей фразы выделена кинovarью. Создается полное впечатление завершения одного тематического раздела и перехода к другому. Впечатление это ложное: переписчик ошибся, поставив разделительный знак не в том месте (надо было перед подчеркнутой нами фразой).^{*} Однако догадаться об этом нелегко, и недоразумения вполне закономерны. Ужанков, например, толкует спорную фразу так: «Собственно, сам автор напомнил, что ранее писал о князе Романе Галицком, и “ныне”, в продолжении текста под 1257 г., написал о нем в последний раз».³¹⁶ На самом деле злополучная фраза не имеет никакого отношения ни к предшествующему тексту, ни к Роману Мстиславичу Галицкому. Она является введением в *последующий* рассказ. Автор здесь выражает сожаление, что не закончил прерванный много выше рассказ о Романе Даниловиче («древле бо писати си» = «раньше надо было написать об этом»), и сообщает, что ему, автору, ничего не оставалось, кроме как вписать все пропущенное в самый конец текста («ныне же zde вписано бысть в последняя»). Далее следует, естественно, продолжение рассказа о приключениях Романа Даниловича: «Потом же, якоже преже рекохом, створи король обет велик и не исправи его к Романови...».³¹⁷

Мы убедились, что текст жизнеописания Данила Романовича имеет как минимум два временных слоя (разделенных, впрочем, не очень большим промежутком времени). Второй слой представлен авторскими вставками, сделанными в момент присоединения жизнеописания Данила Романовича к Киевскому своду (что произошло не ранее 1269 г.). Сознательно отказавшись от попытки создать последовательный рассказ о княжении Романа, наш книжник не просто пошел по пути наименьшего сопротивления: избранная им тактика была, вероятно, единственно возможной. События 1205–1206 гг. автор жизнеописания Данила Романовича описывал в самом начале своего многолетнего труда (полагаю, где-то около 1263 г.). Уже тогда он столкнулся с серьезными трудностями (выше, во второй главе второй части, мы подробно разобрали его рассказ о событиях 1205–1206 гг. и убедились, что рассказ этот довольно путанный). После 1269 г. положение могло только ухудшиться. Стариков, помнивших время

^{*} В современных изданиях слова «Яко же...» должны открывать новый абзац, что, увы, не выполнено даже в новейшем издании: Галицко-Волынская летопись. С. 131.

Романа, скорее всего, в живых уже не осталось; летописание в Галицко-Волынской Руси не велось; летописей из других земель в руках сводчика не было; в результате он с горем пополам вышел из положения, кое-как задрапировав образовавшуюся между 1198 и 1205 гг. лакуну уже известной нам вставкой, этим оригинальным панегириком Роману, где больше места, чем главный герой, занимают предок его Мономах, современные тому половецкие князья и степная трава емшан. Как видим, отсутствие рассказа о галицком княжении Романа в Ипатьевской летописи *практически предопределено* самой историей формирования ее текста.

Время и место	Предполагаемые этапы формирования текста Ипатьевской летописи и важнейшие события, которые могли оказать влияние на этот процесс
Зима 1198/99, Киев	Завершение в Михайловском Выдубицком монастыре «летописного свода 1198 г.»
1206, южный Переяславль	Город захвачен Всеволодом Чермным. В руках у черниговского князя впервые оказываются переяславские летописные материалы
1211–1212, Киев	Период политической стабильности на юге Руси, княжение Всеволода Чермного в Киеве. Создание новой версии «свода 1198 г.», не выходящей за его хронологические рамки, но расширенной за счет использования летописных материалов Северской земли и южного Переяславля. Появление хронологических сбоя, вызванных компилированием статей, авторы которых пользовались в свое время тремя разными стилями летосчисления
1240, Киев	Захват Киева Даниилом Романовичем, вывоз наиболее ценного имущества в Холм, включая расширенную версию «киевского летописного свода 1198 г.»
1262, Холм	Создание хронографического свода, включающего хронику Иоанна Малалы (к этому своду восходят известные ныне Хронограф Виленский и Хронограф Архивский)
Между 1262 и 1266, Холм	Написано «Жизнеописание Даниила Галицкого» (возможно, тем же самым книжником, который составил «хронографический свод 1262 г.», или кем-то из его учеников)
1266, Холм	Смерть Даниила Романовича, вокняжение в Холме Льва Даниловича. Возможно, продолжалась работа над «Жизнеописанием Даниила Галицкого»
Зима 1268/69, Владимир-Волынский	Смерть Василька Романовича, вокняжение Владимира Васильковича, который задумывает составление «официального летописца» и для работы над ним приглашает автора «Жизнеописания Даниила Галицкого»

Ряд лет после 1268, Владимир-Волынский	Переезд автора «Жизнеописания Даниила Галицкого» во Владимир-Волынский, начало работы над заказанным Владимиром Васильковичем официальным летописцем. Объединение текстов «киевского летописного свода 1198 г.» и «Жизнеописания Даниила Галицкого», с редактированием последнего. После смерти автора работа надолго прервана
Около 1188, Владимир-Волынский	Другим книжником составлено ретроспективное продолжение летописного свода, созданного автором «Жизнеописания Даниила Галицкого»
1189–1190, Владимир-Волынский	Тем же книжником описаны смерть Владимира Васильковича, вокняжение Мстислава Даниловича и ряд последующих событий

Глава пятая

РОМАН СТАНОВИТСЯ ГЕРОЕМ ЭПОСА

Гибель Романа в зените могущества и славы произвела глубокое впечатление на современников. Для Польши неожиданный поворот событий имел едва ли не большее значение, чем для Руси. Согласно красноречивому преданию, отразившемуся в «Анналах» Яна Длугоша (1415–1480 гг.), юные победители — князя Лешко и Конрад — отвели в краковском соборе особый придел святым Гервасию и Протасию, в день памяти которых был убит Роман.³¹⁸ Через два с половиной века после драматических событий 1205 г. они все еще вызывали в Польше самый живой интерес: рассказ Длугоша несравненно подробнее и занимательнее для читателя, чем ранние версии в Рочнике краковского капитула и «Великой хронике...».

Какие же методы использовал польский историк XV в. для наполнения истории? Прежде всего он искусственно растянул действие на два года, сделав из одного вторжения Романа в Польшу два (рассказы о них читаются в «Анналах» Длугоша под 1204 и 1205 гг.). Сравнительно краткое «известие» под 1204 г. не представляет никакого интереса, так как попросту сфабриковано Длугошем,³¹⁹ зато весьма пространственный рассказ под 1205 г. имеет определенную ценность.

Длугошу известна точная дата гибели Романа — 19 июня 1205 г.³²⁰ Она подтверждается независимым ранним источником — синодиком Эрфуртского монастыря св. Петра: Роман, пожертвовавший этому монастырю 30 марок, был включен там в посмертное литургическое поминание наряду с братией обители.³²¹ Однако Длугошу для уточнения даты гибели Романа никакой письменный источник не требовался. Достаточно было знать историю упомянутого выше придела в краковском соборе: 19 июня — день памяти Гервасия и Протасия.

За исключением названной даты и вполне вероятной догадки о стремлении Романа овладеть Люблином, все дополнительные сведения Длугоша о событиях 1205 г. неисторичны. Сообщив нам, что еще и в его время можно было слышать песни о победе над князем Романом,³²² польский историк фактически сам указал свой главный источник информации. Впрочем, даже если бы он этого не сделал, догадаться не составляло бы особого труда. Рассказ Длугоша о последнем походе Романа содержит целый ряд весьма выразительных примет использования народного эпоса. Перечислим их.

1. Утверждается, что Роман задумал **три года** опустошать Польшу.³²³ Гиперболическое растягивание времени военных действий чрезвычайно характерно для эпоса (начиная с преданий о Троянской войне, длившейся, как известно, 10 лет).

2. Дерзкому Роману противопоставлен мудрый владимирский епископ, отказавшийся дать ему благословение и предсказавший трагический финал похода.³²⁴ Любопытно, что даже такой серьезный историк, как В. Т. Пашуто, принял художественный образ владимирского епископа за историческую фигуру, а эпический конфликт — за исторический факт.³²⁵ На самом деле в рассказе Длугоша заключена в неявной форме эпическая **тема Кассандры**: ниже польский историк сообщает, что после поражения и гибели Романа владимирский епископ прославился среди своей паствы как провидец.³²⁶ Наличие пророков и ясновидящих в эпосе совсем не обязательно; едва ли не чаще встречается более приземленная фигура умудренного жизнью скептика, безуспешно отговаривающего легкомысленного властителя от опасной военной авантюры. Наиболее известная эпическая пара такого рода — мудрец Заль и молодой шах Кей-Кавус у Фирдоуси.³²⁷ В русской былине о князе Романи, которую мы подробно рассмотрим ниже, разрабатывается вариант той же темы (в роли мудреца выступает старый иноземный король, которому противопоставлены молодые, жаждущие бранной славы племянники).

3. Разгневанный отказом в благословении князь Роман грозит-ся по возвращении из похода **отрубить голову** дерзкому епископу.³²⁸ Отношение историка и фольклориста к этому известию Длугоша будет, вероятно, совершенно различным. Историк найдет его «очень ценным» и «безусловно заслуживающим доверия»; он непременно вспомнит яркий рассказ Винцентия о жестокости и о скверном характере Романа, а затем будет доказывать, что угроза Романа епископу,

как и вероятность ее осуществления, вполне «в духе эпохи». Легко предвидеть, что в подтверждение своей точки зрения он сошлется на прецедент из польской истории — убийство краковского епископа Станислава в 1079 г. королем Болеславом II.³²⁹ Правда, последствия этого злодеяния оказались для короля весьма печальными (изгнание и смерть на чужбине). Тем не менее факт имел место: светский властитель поднял руку на святителя. Фольклорист будет слушать все эти рассуждения историка с иронической улыбкой. Угроза неумного владыки «срубить голову» положительному герою, честно пытающемуся удержать его от затеянной глупости, — ситуация вполне фольклорная.

4. В ночь перед битвой с поляками Роман видит сон: прилетевшая со стороны Сандомира небольшая стайка щеглов заглатывает огромное количество воробьев. Разумеется, князь хочет разгадать значение сна. Следуют два варианта его трактовки княжескими приближенными: благоприятный (ошибочный) и неблагоприятный (верный).³³⁰ Князь в ослеплении своем никак не реагирует на это очевидное предостережение. Тема **вещего сна, предвещающего гибель**, чрезвычайно широко распространена едва ли не во всех жанрах фольклора. Отразившийся в рассказе Длугоша фольклорный источник разрабатывал эту тему в одном из самых популярных вариантов: перед боем обреченному на поражение герою или кому-то из близких ему людей снится сон, где происходит столкновение между птицами разных видов. Так, например, в русской былине о Волхе Всеславьевиче иноземная царица рассказывает мужу свой сон, где символизирующий его черный ворон терпит поражение от «малой пташицы», символизирующей Волха.³³¹

5. Теснимый в бою поляками и лишившийся боевого коня Роман переправляется через Вислу на первой попавшейся кляче, после чего **благодарит ее за спасение, словно мать родную**.³³² Здесь фольклорная основа рассказа (беседа героя со своей лошадей) столь очевидна, что какие-либо комментарии не нужны.

6. Во время всеобщего бегства русских Роман все-таки гибнет, а торжествующие поляки преследуют побежденных от Вислы **«до самого Владимира»**.³³³ Согласно Лаврентьевской летописи, русские отступили вполне организованно, причем двигались вовсе не на Владимир, а совсем в другую сторону — на Галич.³³⁴ Так или иначе, но у Длугоша все-таки несомненное эпическое преувеличение.

Вспомним летописный рассказ о разгроме Мамаю на Куликовом поле: после битвы русские преследовали татар на *огромном* по тем временам расстоянии — от реки Непрядвы до реки Мечи,³³⁵ что, однако, примерно вдвое меньше, чем расстояние от Завихоста до Владимира-Волынского.

7. Согласно Длугошу, тело Романа после боя осталось в руках поляков.³³⁶ Этот рассказ польского историка XV в. противоречит Лаврентьевской летописи, воспроизводящей свод 1305 г. Здесь сообщается, что тело Романа было взято с места боя его соратниками.³³⁷ Получается, что поляки, вопреки рассказу Длугоша, не успели опознать тело князя и увезти его. Длугош утверждает, что поляки в бою легко узнавали Романа «ex insignibus»,³³⁸ т. е. «по гербам» (или, если угодно, «по знакам», «по эмблемам»). Здесь польский историк, живший в эпоху расцвета рыцарства, попросту переносит в прошлое реалии своего времени (что видим и в некоторых других случаях³³⁹). Посмотрим, какие в эпоху Романа были у знатных воинов «инсигнии» и как можно было узнать князя на поле боя во второй половине XII–первой четверти XIII в.

В 1151 г. дед Романа, Изяслав Мстиславич, разбивший Юрия Долгорукого на речке Рут под Киевом, едва не погиб после сражения от рук собственных воинов: «Изяслав же лежаше ранен, и тако възсхопися (*привстал*), и ту хотеша ѿ (*его*) кияне пешци убити, мняще ратного (*приняв за врага*), не знающе его».³⁴⁰ Тут Изяслав сказал, что он князь (т. е. сами пешие киевляне по его оружию и доспехам об этом не догадались). Реакция была неожиданной: Изяслава приняли за чужого князя. Один из киевлян со словами «тебя-то нам и надо» ударил его мечом по голове, не разбирая, какой там у князя на шлеме изображен святой («бе же на шеломе над челом Пантелемон злат», — сообщает нам летописец). Изяслав поспешил назвать свое имя и снял шлем в подтверждение своих слов, только тут его узнали.³⁴¹

В 1185 г. печально известный Игорь Святославич в ходе боя с половцами на реке Каяле пытался остановить обратившихся в бегство союзников — «ковуев»; при этом он должен был снять шлем, чтобы его могли узнать.³⁴²

В 1195 г. в битве на реке Мозгаве (в которой, между прочим, участвовал и Роман) едва не погиб Мешко III Старый: «вот и [самого] Мешко какой-то рядовой воин, ранив, хочет убить, но [Мешко], откинув шлем, восклицает: “Я князь!”. Узнав его, [воин] просит за ошибку

Св. Георгий. Рельеф декора северного притвора
Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.
Известия. 1234 г.

прощения и, защищая его от нападения других, помогает покинуть [поле] боя».³⁴³

В 1223 г. в бою с татарами на реке Калке князь Мстислав Ярославич (по прозвищу «Немый») принял боярина Василько Гавриловича, сбитого с коня и подвергнутого смертельной опасности, за своего двоюродного племянника — князя Данила Романовича (который был ранен в грудь ударом копья, но остался в седле). Этот интереснейший рассказ, который по другому поводу уже цитировался в предыдущей главе (с. 234?), показывает нам, среди прочего, что доспех князя практически не отличался от доспеха боярина.

1234 г. датируется первое известное нам изображение щита с эмблемой, выполненное на Руси (см. ил.). При этом эмблема не индивидуальна (ср. ил. на с. 243). Щит Конрада Мазовецкого на его печати 1228 г. лишен каких-либо изображений (см. ил. на с. 105). Предполагать, что еще в 1205 г. на щите Романа Мстиславича мог быть какой-либо узнаваемый рисунок, нет решительно никаких оснований.

8. Согласно Длугошу, тело Романа не только осталось в руках поляков, но и отвезено было в Сандомир, где по приказу Лешка погребено и лишь впоследствии **выкуплено** «русской знатью» за **1000 марок серебра**, после чего перезахоронено во Владимире.³⁴⁴ В Лаврентьевской летописи указывается, что тело Романа погребено было в Галиче (а вовсе не во Владимире, как уверяет нас Длугош). Русский летописец сообщает даже название храма, в котором погребли тело Романа,³⁴⁵ поэтому данное известие представляется вполне достоверным. В Ипатьевской летописи тоже есть важное указание по интересующей нас теме: в начальной части «Галицко-Волынской летописи»

Миниатюра XII в. с изображением рыцарского вооружения

сообщается, что Лешек после гибели Романа «мира не створил».³⁴⁶ Таким образом, ни о каком «выкупе тела» речь идти не может. Позднее предполагаемое перезахоронение тела Романа не могло состояться ни во Владимире, ни в Галиче по той простой причине, что вдова Романа и его малолетние сыновья очень надолго лишились обоих городов (Длугошу, не знавшему «Галицко-Волынской летописи», этот факт был неизвестен).

В рассказе Длугоша следует обратить особое внимание на число серебряных слитков («марок серебра»), будто бы уплаченных «русской знатью» за тело Романа. «Марки» Длугоша безусловно тождественны древнерусским «гривнам».³⁴⁷ **Тысяча марок** (гривен) — половина той суммы, которую в 1190 г. лишившийся своего княжества Владимир Галицкий обязался выплачивать германскому императору в виде годовой дани.³⁴⁸ Становится ясно, что сообщаемая Длугошем сумма неправдоподобно велика. Здесь, конечно, очередное эпическое преувеличение — такое же, как и упомянутое выше намерение

Романа **три года** опустошать Польшу. Сам сюжет выкупа тела павшего героя тоже вполне эпический, он известен со времен Гомера (см. 24-ю песнь «Илиады»).

Согласно версии Длугоша, тело Романа было погребено в Сандомире вполне достойно; получается, что русские платили огромные деньги всего лишь за право *перезахоронить* своего князя. Видимо, Длугоша и самого несколько смущало, что сумма столь велика, поэтому в его рассказе мы находим элемент рационализации. Оказывается, пресловутая тысяча марок серебра была одновременно «ценой свободы всех взятых в плен поляков».³⁴⁹ Тысяча гривен как сумма выкупа за всех взятых в ходе военной кампании пленными абсолютно реалистична для эпохи Длугоша (можно указать даже буквальное совпадение).³⁵⁰ Помимо реалий его собственного времени идею переосмысления эпической версии Длугошу мог подать известный ему рассказ «Повести временных лет» о браке Казимира I и сестры Ярослава Мудрого (обязательство Казимира освободить 800 русских пленников, захваченных много лет назад его предшественником, Болеславом I, оформлено было как «вено», т. е. выкуп за невесту).³⁵¹ Так или иначе, но «рационалистическая» версия истории с выкупом тела Романа безусловно вторична, поскольку автор ее допустил логическую ошибку. Допустим, что состоялся простой обмен: с одной стороны — тело Романа, с другой — пленные. Но если так, то зачем было устанавливать фиксированную сумму выкупа?

Заканчивая тему неисторичности рассказа Длугоша о событиях 1205 г., отметим еще один любопытный факт. Длугош прекрасно знал, что Роман владел не только Владимиром, но и Галичем. Тем не менее в его рассказе отчетливо просматривается взгляд на Романа как на князя исключительно владимирского. Благословения Роман просит у епископа Владимирского, а не Галицкого; вторгается Роман прежде всего в Люблинскую область, которая названа «соседней», т. е. поход начат явно из Владимира, а не из Галича; поляки преследуют обращенных в бегство русских от Вислы «до самого Владимира»; тело Романа перевозят из Сандомира во Владимир, а не в Галич. Легко догадаться, что во всех этих случаях Длугош следует за своим фольклорным источником.

Интересно сопоставить объем рассказов о событиях 1205 г. у Длугоша и его предшественников. Обнаруживается, что «старые» известия (Рочника краковского капитула и «Великой хроники...»)

буквально тонут в массе нового материала «Анналов». Эпический источник Длугоша приходится признать *основным*, а письменные источники — *дополнительными*. Совокупность имеющихся данных позволяет утверждать, что в распоряжении Длугоша была большая эпическая поэма о событиях 1205 г. Исполнялась она, подобно аналогичным западноевропейским («Песнь о Роланде» и др.), по меньшей мере, двумя сказителями, а может быть, и целым коллективом: Длугош пишет, что песни о князе Романе «нараспев исполняют в театрах» («in theatris»).³⁵²

Польские историки XVI в., перелавившие — каждый по-своему — повествование Длугоша, уже не внесли в рассказ о гибели Романа ничего принципиально нового. Один только Мартин Бельский добавляет пусть мелкую, но все-таки заслуживающую нашего внимания деталь: «тело его (Романа. — А. Г.) погребено в Сандомире, но русские выкупили его за тысячу фунтов серебра и погребли между богатырей своих в Киеве».³⁵³ Здесь надо заметить, что на территории Польско-Литовского государства уже в XVI в. были известны некоторые персонажи древнейшей части русского былинного эпоса,³⁵⁴ а знаменитые киевские «пещеры» считались местом погребения русских богатырей.³⁵⁵ Поэтому в принципе ясно, откуда появилось вдруг на страницах хроники Бельского упоминание о Киеве и богатырях, чуждое более ранней польской историографии. Как видно, не одни лишь поляки помнили князя Романа, если уж он оказался причтен (причем не позднее конца XVI в.) к русским богатырям.

Польская эпическая традиция к моменту начала серьезного изучения фольклора (XIX в.) полностью угасла, зато на Русском Севере собирателей песен ожидала самая богатая жатва. Благодаря деятельности двух энтузиастов — П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга — уже в 1860–1871 гг. стали известны практически все сюжеты героических былин. К настоящему времени их насчитывают около пятидесяти.³⁵⁶ Число отдельных вариантов несоизмеримо выше: для песен о подвигах самых любимых народных героев, Ильи и Добрыни, счет идет на десятки и может превышать сотню. На этом фоне былина о князе Романе, которой фольклористы присвоили невыразительное название «Наезд литовцев», выглядит очень скромно. Скорее она должна быть отнесена к числу редких, нежели к числу популярных. К настоящему времени опубликованы записи от 19 сказителей, сделанные в 1860–1947 гг.³⁵⁷ Былина о князе Романе бытовала

Павел Николаевич Рыбников.
Фотография (со старого дагерротипа)

в трех областях Русского Севера: в Прионежье (Кижы, Повенец, Пудога); в районе Каргополя; на реке Печоре. Кроме того, в эпоху угасания эпоса два очень коротких текста записаны были в Сибири, но эти поздние и дефектные версии, занесенные на периферию русского мира переселенцами, для нашей темы никакого значения не имеют.

Гильфердинг в свое время остроумно заметил, характеризуя сказителей: «они представляют целую градацию от истинных мастеров, одаренных несомненным художественным чувством, до безобразных пачкунов, так

что собрание былин, с их слов записанных, можно сравнить с картинною галереею, в которой однообразный ряд сюжетов повторялся бы в нескольких десятках копий, начиная от прекраснейших рисунков и кончая отвратительным мараньем».³⁵⁸ Это наблюдение в полной мере справедливо и в отношении былины о князе Романе (хотя в данном случае речь должна идти не о «картинной галерее», а о небольшом выставочном зале). Разбор всех вариантов, сгруппированных по региональным редакциям, помещен ниже — в разделе «Дополнения». Выделяется из общего ряда своим «прекраснейшим рисунком» текст былины, записанный Рыбниковым в 1860 г. от Андрея Сорокина. Этот скромный крестьянин, родившийся и выросший в глуши Пудожского края, был одним из талантливейших сказителей Заонежья. Между прочим, именно ему русская культура обязана приобретением единственной полной версии былины о Садко, использованной в либретто оперы Римского-Корсакова, во всех бесчисленных пересказах былины для детей и в сценарии знаменитого советского кинофильма 1952 г.

Малоизвестный сюжет о князе Романе разработан у Сорокина ничуть не хуже, чем ставший национальным достоянием сюжет о чудесных приключениях новгородского гусяра. Песня производит впечатление полноты и цельности, она композиционно стройная, с большим числом тщательно выписанных эпизодов. Поэтому мы рассмотрим *структуру и содержание* былины о князе Романе, основываясь именно на сорокинской версии (но привлекая в случае необходимости и варианты других сказителей).

Эпизод 1. На пиру у литовского короля два его юных племянника сидят невеселы; в ответ на расспросы дяди они заявляют, что не могут больше «терпеть славы великия про московского князя Романа Дмитриевича» (именно *московского* и именно *Дмитриевича*: так и у Сорокина, и в других лучших вариантах былины).

Братья просят у короля войско, но тот запрещает поход на Русь, ссылаясь на свой собственный печальный опыт. Затем король направляет бьющую через край энергию своих юных племянников в иное русло, показывая им более выгодный объект для нападения — богатую и практически беззащитную «землю Левонскую».

Эпизод 2. Последовав совету дяди-короля, братья одерживают в «Левонской земле» легкую победу; вдохновленные ею, они решаются нарушить запрет старшего и вторгаются во владения князя Романа.

Эпизод 3. Братья разоряют четыре русских села и в последнем из них захватывают в плен сестру князя Романа с ее сыном-младенцем.

Эпизод 4. Братья останавливаются и ожидают осени — наиболее благоприятного времени для похода на Москву.

Эпизод 5. Вещая птица приносит князю Роману весть о вражеском набеге. У современного читателя столь необычный вестник, вероятно, вызовет некоторые сомнения в историчности описываемых событий. Однако былинный эпос вообще насквозь пронизан сказочными мотивами и отражает прошлое весьма своеобразно. Былина отнюдь не является «испорченной» или «претерпевшей искажения» исторической песней; поэтика ее принципиально иная.

Эпизод 6. Реакция героя на известие о вражеском набеге.

В редакции былины, представленной лучше всего у Сорокина, здесь следуют жалобы героя на старость, мешающую отомстить врагам. У многих других сказителей этот эпизод (6а) замещен сценой гнева героя (6б). Раздраженный известием о вражеском набеге Роман хватает «ножище-кинжалище», бросает «о дубовый стол»

и пробивает его, а заодно и вымощенный кирпичом пол под ним. В художественном отношении этот второй вариант нельзя признать удачным: наделенный такой чудовищной физической силой герой просто обречен на победу, и его дальнейший образ действий с активным использованием сверхъестественных способностей вызывает некоторое недоумение, в то время как для старого, потерявшего былую силу героя обращение к тайному знанию представляется вполне естественным.

Эпизод 7. Собрав войско, Роман часть его выбраковывает путем гадания, определяя по способу питья из реки, кому из воинов судьба сулит ранение или гибель. У некоторых сказителей гадание проводится иначе — на бросаемых в воду жребиях, иногда — двумя способами кряду.

Поведение Романа в этом эпизоде подозрительно напоминает образ действий библейского Гедеона перед нападением на лагерь мадианитян (Суд. 7, 4–8). Вообще былинный рассказ все более и более напоминает сказку. Терпение, любезный читатель! Это только при- сказка, а сказка впереди.

Эпизод 8. Дав наказ своей дружине, Роман *оборачивается вороном* и улетает к расположенному у реки вражескому стану. Здесь он снова меняет облик, в образе волка расправляется с пасущимися конями, а затем в образе горносталя проникает в раскинутые врагами шатры, где незаметно приводит в негодность все оружие.

Эпизод 9. Князь-оборотень оказывается в том шатре, где враги держат его сестру с ее сыном-младенцем. Выясняется, что трехмесячный племянник Романа тоже наделен сверхъестественными способностями: он узнает своего дядю в образе горносталя, говорит об этом своей матери и тем самым невольно, по детской простоте, выдает его присутствие врагам. Жизнь героя висит на волоске, но попытка королевских племянников изловить чудесного горносталя оказывается безуспешной.

Эпизод 10. Вырвавшись из шатра, Роман *оборачивается вороном* и вызывает свою дружину тройным грянием. Дружина Романа легко побеждает врагов, оружие которых выведено из строя.

Эпизод 11. Следует жестокая расправа над захваченными в плен королевскими племянниками: старшему выкалывают глаза, младшему отрубают ноги по колено, после чего обоих отпускают, посадив безногого на безглазого.

Эпизод 12. Возвращение королевских племянников в Литву: дядя укоряет их бесчестьем, и они со стыда сами упрашивают его предать их казни.

Как видим, содержание былины преимущественно сказочно-фантастическое. Фигура главного героя вызвала в фольклористике споры. Уже в примечаниях к первому изданию собранных Рыбниковым песен высказано было мнение, что в былинном князе Романа «трудно не узнать Романа Волынского».³⁵⁹ В дальнейшем представление о Романа Мстиславиче как историческом прототипе эпического героя нашло убежденного сторонника в лице И. Н. Жданова. Его обширное и бесспорно талантливое исследование, впервые опубликованное в 1890 г.,³⁶⁰ не лишено слабых мест и откровенных натяжек, однако многие важные наблюдения автора сохраняют свое значение и в наше время.

Былина о князе Романа в некотором отношении уникальна: здесь русскому герою противопоставляется не один главный противник, а сразу двое. Это юные братья, безымянные и безликие, именуемые почему-то «витниками», «витвичками» или «ливиками». Во всех версиях былины они названы племянниками литовского короля, поэтому в поисках исторической основы сюжета следует обратить особое внимание на западную границу русских земель. Сказители неизменно подчеркивают молодость двух братьев, а их противника, русского князя Романа, изображают стариком. Разбирая многовековую историю конфликтов Руси с ее западными соседями, мы без особого труда обнаружим исторические прототипы былинных героев. В 1205 г. князь Роман Мстиславич, которому было около 50 лет, сражался против двух юных братьев — Лешка и Конрада Казимировичей.

Напрасно некоторые исследователи утверждают, что «между обстоятельствами жизни Романа Мстиславича и содержанием былины нет буквально ничего общего».³⁶¹ Не так уж сложно разглядеть в этой былине, сквозь ее сказочные кружева, общую схему реальных событий 1205 г. (точнее, тенденциозную перелицовку рассказа об этих событиях, выполненную в русском национально-патриотическом духе). В летописи мы находим следующую цепочку событий: вторжение Романа во владения двух юных польских князей, захват двух польских «городов», стан торжествующего победителя над рекой Вислой, его неожиданное поражение и гибель в бою. В былине же все происходит с точностью до наоборот: два юных королевских племянника

вторгаются во владения Романа, разоряют три или четыре богатых села, торжествуют победу и устраивают стан у некоей реки; подходит Роман с войском, побеждает врагов и при этом остается жив. Такое преобразование в устном народном творчестве исторических фактов не будет вызывать особого удивления, если мы вспомним относящееся к концу XVI в. свидетельство Мартина Бельского: князь Роман был причислен народом к сонму русских богатырей. Богатыри же, в силу своего высокого звания, просто обязаны всегда торжествовать над врагами! В былинах даже непобедимый Батый («Батыга») терпит под Киевом неудачу, став жертвой военной хитрости далеко не первостепенного богатыря — Василия Игнатьевича.

То, что в былинах действует Роман Дмитриевич, а не Роман Мстиславич, легко объяснимо: между смертью исторического Романа Мстиславича и первой записью былины о князе Романае прошло 655 лет. Не вызывают особого удивления и единичные случаи «подмены» князя Романа, традиционного героя разбираемого сюжета, другими персонажами эпоса³⁶² (это вполне закономерное явление, которое можно продемонстрировать и на многих других примерах). Однако есть целый ряд важных наблюдений, решительно противоречащих версии раннего происхождения былины.

Ни один из сказителей не связывает князя Романа с Волынью или Галичем. Более того — в наиболее полных и художественно совершенных версиях былины, из числа самых старых по времени записи, главным городом князя Романа является «каменная Москва». Важно также, что противники героя названы племянниками литовского короля. Литва никогда не являлась королевством, но в XV–XVI вв. почти все великие князья литовские были «по совместительству» польскими королями; в Московском государстве их часто называли королями литовскими. Еще более четкую хронологическую привязку имеет отразившееся в былине народное представление о Ливонии. Ее краткая, но выразительная характеристика вложена в уста литовского короля:

— Поезжайте вы во землю во Левонскую <...>
Там молодцы по спальным засыпалися,
А добрые кони по стойлам застоялися,
Цветно платьице по вышкам залежалося,
Золота казна по погребам запасена.³⁶³

В другой редакции былины:

— Поезжайте вы во землю во Левонскую:
Тая земля пребогатеюща,
Много есть злата и серебра,
Много есть бесчетной золотой казны,
Силы-войска-рати маломощица.³⁶⁴

Итак, эпическая «земля Левонская» очень богата и при этом неспособна дать серьезный отпор врагам. Именно такой представлялась наблюдателям реальная Ливония середины XVI в. На удивление близка характеристика князя Курбского, которому в 1558 г. пришлось вести против этой страны войну. Войдя «в землю в Лифляндскую» (составляющую, как известно, часть Ливонии), русские войска разорали ее целый месяц, практически не встречая сопротивления, и захватили множество добычи: «понеже там земля зело была богатая и жители в ней быша так горды зело, иже и веры христианския отступили (речь идет о принятии лютеранства. — А. Г.), и обычаев, и дел добрых праотец своих, но удалилися и ринулися все к широкому и пространному пути, сиречь к пьянству многому, и невоздержанию, и ко долготу спанью, и ленивству, к неправдам и кровопроливанию междоусобному...».³⁶⁵

Таким образом, былинная характеристика «земли Левонской» ведет нас к эпохе упадка Ливонского ордена (XVI в.), что совсем не вяжется с версией раннего происхождения былины. Исследователь, первым обнаруживший это щекотливое обстоятельство (И. Н. Жданов), вынужден был ради спасения своей гипотезы доказывать, путем очевидных натяжек, что объектом вторжения королевских племянников «была первоначально не Ливония, а какая-то другая область».³⁶⁶ Выше мы видели, однако, что характеристика «земли Левонской» — не единственная черта в былине, указывающая на ее позднее происхождение. Можно добавить, что во всех без исключения вариантах былины среди оружия врагов наряду с луками упомянуты «оружьица» с «кремешками» или «замочками», т. е. ружья. «Замком» с XVI в. называлась на Руси самая сложная механическая деталь ружья, где воспламенялся заряд. Что касается «кремешков», то здесь в былине отражение реалий еще более позднего времени: изобретенный во Франции около 1610 г. кремниевый замок распространился по Европе только к середине XVII в. Впрочем, более ранние образцы

воспламеняющих порохов устройств, при всем своем несовершенстве, были достаточно эффективны и уже во второй половине XVI в. сделали аркебузы и мушкеты массовым вооружением пехоты. На Руси стрелецкое войско было создано Иваном Грозным в 1550 г., при этом на вооружении конницы еще около 100 лет оставались луки.

Вполне закономерно, что в фольклористике не прижилась концепция раннего происхождения былины о князе Романе. Составители сборников помещают ее обыкновенно в разделе «Поздний воинский эпос».³⁶⁷ Наверно, там ей и место, но вот согласиться с тем, что содержание этой поздней былины «не связано с какими-либо конкретно-историческими фактами»,³⁶⁸ никак нельзя. Связь фабулы былины с реальными событиями 1205 г. представляется очевидной. Но каким образом герой седой старины, не относящийся к числу популярных персонажей древнерусской книжности, стал прототипом героя позднего воинского эпоса, сложившегося в XVI–XVII вв. на территории Московского государства? Возможен ли вообще исчисляющийся столетиями разрыв между временем жизни исторического лица и проникновением его образа в эпос?

Чтобы доказать, что здесь нет ничего принципиально невозможного, сделаем небольшое отступление, обратившись к былине чисто сказочного содержания — «Соломан и Василий Окулович». Герою ее является «премудрый Соломан», царствовавший «за синим морем во граде Ерусалиме», т. е. не кто иной, как библейский царь Соломон — лицо вполне историческое; годы его правления, указываемые в новейших справочниках, — 965–926 до Р. Х. Былина о царе Соломане впервые была записана от того же сказителя, что и былина о князе Романе, — от Андрея Сорокина и в том же 1860 г.³⁶⁹ Таким образом, временной разрыв между смертью исторического Соломона и первой записью русской былины о «Соломане» составляет — ни много, ни мало — 2785 лет.

Вряд ли кто-либо станет утверждать, что былина о приключениях «Соломана» относится к X в. до Р. Х.; всем совершенно ясно, что образ премудрого царя проник в русский эпос при посредстве книжности (причем речь должна идти не о библейской 3-й книге Царств, а об апокрифах и восходящих к ним устных преданиях). Механизм возникновения былины о князе Романе представляется типологически близким, хотя в данном случае дело явно обошлось без участия книжной традиции. Вероятный посредник между историей

русско-польского конфликта 1205 г. и поздним русским эпосом — *ранний польский эпос*. Сюжет о князе Романе в польском эпосе бесспорно существовал и был известен в живом бытовании по меньшей мере до второй половины XV в., когда Ян Длугош воспользовался им для своего исторического труда.

В русских былинах о князе Романе находим любопытную приметку западнославянского влияния. В текстах, записанных от Андрея Сорокина и его учеников, племянники литовского короля устойчиво именуется «витниками». В данном случае мы явно имеем дело с лексическим рудиментом: смысл слова сказителям неизвестен. В глазах Сорокина «витники» были, видимо, разновидностью придворных: в начале былины сообщается, что литовский король на пиру «увидел двух своих витников-советников».³⁷⁰ В другой региональной редакции былины процесс осмысления развивался иначе: здесь королевские племянники именуется «ливиками»³⁷¹ (видимо, сказители переименовали «витников» в «ливиков» на том основании, что на Русь они явились через Ливонию). В исторических словарях русского языка слово «витник» не зафиксировано. Жданов сообщает нам о наличии чешского слова «vitnik» — «витязь, удалец».³⁷² Вряд ли здесь возможно простое совпадение. Но каким образом чешское слово стало известно русским сказителям? В рамках концепции Жданова, возводившего былину о князе Романе к русским историческим преданиям, это совершенно необъяснимо. Если же допустить, что источником русской былины была польская песня, все становится на свои места: получается, что чешское слово проникло на Русь через Польшу. Гипотеза о посреднической роли раннего польского эпоса в передаче сведений о событиях 1205 г. позднему русскому эпосу будет вполне подтверждена, если в польских текстах XVI–XVII вв. обнаружится слово «vitnik». Тот факт, что польские герои остались «витниками» и на Руси, вместо того чтобы стать «витязями», объясняется довольно просто: слово «витязь», известное на Руси с XV в., было чисто книжным; народные сказители его попросту не знали.³⁷³

По-видимому, ничто не мешало польской песне о князе Романе существовать и после эпохи Длугоша, в XVI–XVII вв. (процесс разрушения эпической традиции сопряжен с проникновением в народ достижений цивилизации, преимущественно грамотности). Наиболее вероятное время ознакомления русских сказителей с польской песней о князе Романе — эпоха затянувшейся войны с Речью Посполитой

из-за Ливонии (1562–1582 гг.). Военное счастье было переменчиво, обе стороны взяли большое количество пленных, которые долгие годы оставались на чужбине, что весьма способствовало культурным контактам на низовом, народном уровне. Для наших воинов слушать песню, в которой польские герои торжествовали над русским князем, было, разумеется, обидно, особенно на фоне череды поражений на заключительном этапе войны. Оскорбленное национальное самолюбие и могло стать основным мотивом разработки, в пик по полякам, совершенно противоположной версии столкновения русского князя Романа с польскими «витниками».

Враги Романа превратились в былине из независимых польских князей, положение которых сказителю XVI в. было совершенно непонятно, в представителей высшего сословия Польско-Литовского государства (подчеркивая знатность происхождения, сказитель сделал их королевскими племянниками). Роман в польской песне, судя по Длугошу, именовался князем владимирским (князем Владимира-Волынского). В русскую былину эта информация не могла быть механически перенесена. Еще в XIV в. наследие Романа и его потомков было поглощено находившимися на подъеме соседними державами: Владимир-Волынский подпал под власть Литвы, а Галич — под власть Польши. Двести лет спустя оба города, оказавшиеся в пределах единого Польско-Литовского государства, воспринимались уже в Московской Руси как *иноземные*, хотя и населенные русскими.³⁷⁴ Понятно, что в русской песне, сложенной в XVI в., племянники «литовского короля» не могли вторгаться в его собственные владения. По той же причине русский князь, противостоящий явившимся из-за литовского рубежа врагам, не мог быть представлен как князь волынский. А вот сделать этого жившего в отдаленном прошлом русского князя *князем московским* было вполне естественно. Эпоха возвышения Москвы успела стать глубокой стариной, известна была довольно смутно, а из семи московских князей XIII–XIV вв. приобрел посмертную славу лишь один — Дмитрий Донской. Не отсюда ли, кстати, отчество эпического князя Романа — «Дмитриевич»? На Руси прекрасно помнили, что противостояние с Литвой восходит ко временам Куликовской битвы (недаром «Сказание о Мамаевом побоище» изображает Ольгерда Литовского союзником Мамаю).³⁷⁵

Удержав в памяти только ключевые моменты польской песни о борьбе князя Романа с двумя противостоявшими ему юными

братьями (вторжение, временный частный успех, стан у реки, атака врагов и гибель), русский сказитель нарочито их «вывернул наизнанку» — назло кичливым ляхам. В остальном же базой для создания новой песни послужил богатый запас общих мест былинного эпоса и бродячих мотивов мирового фольклора. Именно отсюда и проистекает сказочно-фантастический характер былины, имеющей в основе своей фабулы конкретно-исторический факт. Недаром уже Жданов обнаружил в этой былине многочисленные «картины и подробности», которые «встречаются в других памятниках в иных сочетаниях».³⁷⁶ В самом деле — чего только нет в былине о князе Романи! Здесь и традиционно используемая в качестве зачина сцена пира (вариант с изображением закручинившегося героя); здесь и древний мотив нарушения запрета, с трагическими последствиями, и не менее древний мотив похищения женщины. Здесь целый ряд «вещих» персонажей: птица-вестница; владеющий тайным знанием и способный менять свой внешний облик герой; прозревающий скрытое от всех, да еще и говорящий младенец. Троекратное гряние ворона, которым князь-оборотень призывает свою дружину, может быть соотнесено как с образом вещего ворона из былины о Козарине, так и с троекратным вызовом дружины сигналом рожка из былины о Соломане. Форма расправы над захваченными в плен врагами, отражающая, по мнению некоторых историков, жестокость исторического Романа Мстиславича,³⁷⁷ на поверку оказывается лишь применением к ситуации очень древнего, в незапамятные времена ставшего международным достоянием фольклорного мотива «слепец и хромец».³⁷⁸ Не избежала былина и некоторого влияния книжной традиции: эпизод отбора дружины Романом имеет прообраз в библейском рассказе о Гедеоне.

Особого внимания заслуживает эпизод с жалобами героя на старость. Этот лирический мотив можно встретить в поэзии многих народов. Введение его русским сказителем в былину о князе Романи было гениальной находкой: жалобы героя на старость вызывают сопереживание слушателей, объясняют и оправдывают применение необычных средств достижения победы. В польской песне, видимо, подчеркивалась молодость и неопытность врагов Романа — там это было в честь героям. В русской песне это уже им в поношение («щенять белогубая»). Отсутствие физического превосходства старого князя Романа над его наглыми врагами усиливает интерес слушателей

к предстоящей развязке, которая не столь очевидна и не столь предсказуема, как в подавляющем большинстве других былин.

Как видим, жалобы героя на старость играют важную роль в структуре былины о князе Ромane. И все-таки этот эпизод должен был казаться чужеродным некоторым сказителям, склонным культивировать одноплановые, чисто героические образы. Со временем это привело к появлению новой редакции былины: здесь жалобы на старость выброшены и заменены сценой бурного гнева героя, призванной показать нам его богатырскую силу. Легко видеть, что эта версия вторична, ибо в обеих редакциях былины князь Роман с врагами *вообще не сражается*: он обеспечивает победу своей дружине еще до сражения. Во второй редакции физическая сила Романа остается без какого-либо применения.

Песня о князе Ромane, созданная безвестным народным поэтом, оказалась несомненной художественной удачей. Вероятно, в свое время она сыграла определенную роль в поддержании национально-патриотического духа. В дальнейшем, в эпоху угасания эпоса, эта замечательная былина оказалась отесненной на периферию русского культурного мира. Знавших ее сказителей можно было пересчитать по пальцам, число слушателей тоже было не слишком велико. Однако былина все-таки успешно выдержала испытание временем: в последний раз исследователям фольклора удалось записать вполне полноценную ее версию в 1947 г.³⁷⁹ Затем угасшая фольклорная традиция замещена была книжной (с соответствующим увеличением аудитории). В 1949 г. вышла из печати книга Ирины Карнауховой «Русские богатыри», содержащая пересказы 21 былинного сюжета. В дальнейшем эта замечательная книга неоднократно переиздавалась и для нескольких поколений советских детей стала основным источником сведений о главных героях русского эпоса, в числе которых оказался и князь Роман. Жаль только, что писательница использовала не сорокинскую версию, а другую, в художественном отношении более слабую, и к тому же изрядно переделала ее на свой вкус. Так, например, эпизод вторжения племянников литовского короля «в землю Левонскую» у Карнауховой полностью переосмыслен: оказывается, королевские племянники вовсе не грабили эту землю, а набирали здесь, по совету своего дядюшки, войско для похода на Русь. В результате этого маневра писательницы былинному князю Роману пришлось сражаться не с литовцами (напомним, что Литва в 1949 г. была одной

Князь Роман в бою с ливонскими рыцарями.

Ил. Н. М. Кочергина к былине о князе Ромane в пересказе И. В. Карнауховой. 1949 г.

из «братских советских республик»), а с «левонскими рыцарями», которых русский эпос на самом деле не знает. Иллюстратор книги — замечательный мастер книжной графики Н. М. Кочергин — не замедлил представить этих рыцарей как крестоносцев. Еще одна любопытная деталь: писательница не захотела оставить Романа праздным зрителем истребления врагов и поместила его впереди атакующей дружины. И вот художник, естественно, показывает нам героя скачущим на лихом коне, с занесенной для удара саблей; сопротивление врагов уже сломлено, поле усеяно трупами; одежда и оружие поверженных пестрят крестами. Все это очень напоминает многочисленные картинки с изображением «Ледового побоища». Роман оказывается в одном ассоциативном ряду с Александром Невским.

Посмертная судьба Романа Мстиславича поистине достойна удивления. Совершенно забытый потомками древний князь восстал из небытия в образе былинного богатыря. Не удержавшись в массовом сознании как фигура историческая, он все-таки «взял реванш» и занял почетное место в пантеоне героев русского эпоса (вопреки целому комплексу исключительно неблагоприятных для поддержания памяти о нем обстоятельств). Видимо, в этом есть некая высшая справедливость.

Совсем иной оказалась судьба образа князя Романа в пределах Юго-Западной Руси. Как известно, ничего подобного русским былинам не сохранилось на Украине, что объясняют обычно трагической судьбой украинского народа, который польско-литовские

завоеватели в союзе с местной ополячившейся знатью пытались превратить в «быдло». Угнетенное и приниженное положение не способствует сохранению памяти о древних героях. В период борьбы за свободу начиная с XVI в. воображением народных поэтов всецело завладевают герои настоящего — отважные *козаки*; постепенно на Украине складывается совершенно новый эпос («думы»). Что касается исторических воспоминаний о блестящей эпохе Киевской Руси, то уже к XIX в. они были почти полностью стерты. Тем не менее имя Романа изредка фиксировалось (по иронии судьбы, преимущественно поляками) при записи смутных преданий, связанных с той или иной местностью в пределах Поднестровья (Завалов, Тысменица). При этом молва всякий раз представляла Романа, называемого то князем, то воеводой, победителем некоего «шелудивого Буняка» (в польской транскрипции *szeludywego*, или *solodywego Buniaka*), представляемого предводителем то половцев, то татар.³⁸⁰ Кроме того, сохранилась очень короткая, основанная на том же самом сюжете шуточная песенка (видимо, самим преданием и порожденная). Нет смысла ее пересказывать — проще привести полностью (для облегчения восприятия не в польской, как в прежних публикациях, а в русской транскрипции).

Що ж то за дывы!
 Може, Буняк солодывы?
 Кажут, его череда
 Пришла нас выгнаты.
 Лучше дадут ему знаты,
 Куда буде утикаты.
 Гей-на-на, Буняка!
 Ей, берутся до него
 Князь Роман, бояры,
 А що ж буде з него,
 Гды пиде в прегоны.
 От втикает голова,
 За ним бижыт череда.
 Голова Буняка,
 Здраст вам Боже,
 Вже наша!³⁸¹

Подлинность этого текста оспаривалась,³⁸² но в данном случае нет никакого смысла вникать в дискуссию. Даже если перед нами

подлинный продукт народного творчества, его информационная ценность близка к нулю: содержание показывает, что мы имеем дело со своеобразным шуточным комментарием к преданию о Романи и Буняке. На Украине подобные забавные песни-однодневки всегда возникали очень легко и по любому поводу.

Как видим, имеющийся на Украине фольклорный материал о князе Романи крайне скуден. Следует добавить, однако, что если Роман упоминается неизменно в паре с «шелудивым Буняком», то образ этого последнего встречается отдельно и разработан гораздо подробнее и интереснее. Вне связи с Романом это уже не предводитель кочевников, а злое чудовище — нежить, людоед, вставший из гроба мертвец, одолеть которого можно только хитростью.³⁸³ Персонаж этот страшнее гоголевского Вия; с противником князя Романа из поднестровских преданий роднит его только имя.

Именно благодаря этому выразительному имени в образе «шелудивого Буняка» легко узнается, несмотря на фантастические напластования, его исторический прототип — «шелудивый Боняк», знаменитый половецкий князь эпохи Мономаха («Повесть временных лет» рассказывает о нем под 1096 и 1097 гг.). Если верно утверждение летописца XIII в., что именем Романа половцы пугали детей,³⁸⁴ то Боняку тоже «повезло» в этом отношении, и даже гораздо больше: его именем на Украине пугали детей (да и впечатлительных взрослых) вплоть до XIX в., т. е. более 700 лет. В этом смысле вполне естественно, что именно Роман и Боняк — два исторических персонажа, хронологически разделенных целым веком, оказались противопоставлены друг другу в народной памяти. Еще Жданов предложил вполне убедительное объяснение этого явления: «Помнили страшного Боняка, помнили и грозного Романа, “им же половцы дети стращаху”. Эти два ряда воспоминаний шли навстречу один другому, выказывали взаимное притяжение. Когда приходилось говорить о набеге поганых, невольно подвертывалось имя шелудивого Боняка; когда нужно было рассказать об отражении и гибели степняков, из памяти выдвигался образ князя Романа...».³⁸⁵

В целом с этим нельзя не согласиться, но вот понятие «образ» в данном случае, увы, не слишком уместно. Роман из поднестровских преданий — всего лишь бледная тень, а имя его — едва ли не нарицательное обозначение победителя степняков. Никакого художественного образа в украинских преданиях нет. Между тем в русских

былинах, бытовавших за тысячу верст от родины исторического князя Романа, образ его, хотя и трансформированный привнесением сказочных мотивов, был вполне полнокровным и очень долго жил своей особой жизнью. И здесь вовсе не исторический парадокс, как могло бы показаться на первый взгляд, но частное проявление культурно-исторического процесса огромного масштаба. Войдя в состав Речи Посполитой, Украина унаследовала лишь *территорию*, на которой располагалось Галицко-Волынское княжество исторического Романа Мстиславича; недаром предания о князе Романе здесь связаны исключительно с некими урочищами, удручающе скудны и убоги. Зато Московское царство, утратившее бóльшую и лучшую часть территории Киевской Руси, смогло унаследовать, вместе с непрерывной традицией государственности, сам дух киевской эпохи. Поэтому вполне закономерно, что именно здесь, а не на Украине, был создан в народной поэзии действительно полноценный художественный образ князя Романа.

Глава шестая

ТАТИЩЕВСКИЙ «ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД» И СОВЕРШЕННО НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОМАНА

Мы видели, какую роль играл Роман в хронике Винцентия и в польском средневековом эпосе. В XV в. Ян Длугош мастерски объединил в своих «Анналах» версии двух источников, устного и письменного. Поздние польские хронисты — Кромер, Стрыйковский и Бельский, рассказывая о Романе, всякий раз воспроизводили с большей или меньшей точностью рассказ Длугоша. В результате сложилась устойчивая историографическая традиция, с которой в XVII в. познакомилась и на Руси (особенно популярен был Стрыйковский, распространявшийся в переводах). После реформ Петра Великого, которые вызвали рост национального самосознания в дворянской среде, очернение польскими историками образа князя Романа уже не могло не задевать русских читателей. Образованной части русского общества предстояло дать некую отповедь полякам. По всей видимости, именно такой отповедью и является интереснейшая апология Романа, которую мы находим в творчестве русского историка В. Н. Татищева (1686–1750).

В первой половине XVIII в. многие частные лица интересовались летописями. Считалось хорошим тоном иметь в личной библиотеке хотя бы один-два «манускрипта». Однако во времена Татищева еще не были известны три древнейшие рукописи (Новгородская I летопись старшего извода, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи), которым со времен Карамзина суждено было стать основой всех наших научных представлений о Киевской Руси (это — те «три кита», на которых держится наш «мир истории»). С другой стороны, Татищев, в принципе, мог располагать данными, недоступными современной науке: широко распространено мнение, что некоторые

Василий Никитич Татищев

использованные им летописи безвозвратно утрачены.

Созданная Татищевым «История Российская» прилежно воспроизводит летописную манеру изложения событий, которые расположены по годам в строгой хронологической последовательности. Автор уверяет нас, что ничего от себя не вносил, ограничившись сведением воедино рассказов известных ему летописей, а все собственные суждения поместил в примечаниях. Сохранились две редакции «Истории Российской».

Первую многие историки рассматривали (а некоторые и до настоящего времени продолжают рассматривать) как последний в русской книжной традиции летописный свод. Эта редакция написана «древним наречием», хотя и с поновлением слога (местами весьма значительным).

Вторая редакция представляет собой расширенную переработку первой и написана современным Татищеву языком. В некоторых случаях переработка является радикальной. Чтобы показать, какие сюрпризы могут поджидать историка, работающего со второй редакцией татищевского труда, приведем самый яркий пример. В первой редакции «Истории Российской» в полном соответствии с текстом «Повести временных лет» рассказывалось о войне Ярослава Мудрого с Болеславом Польским, желавшим посадить в Киеве своего зятя Святополка (1018). Ярослав, разбитый в пух и прах на реке Буге, вскоре объявился в Новгороде и собирался бежать «за море». Однако посадник Константин Добрынич с новгородцами очень решительно воспротивились этому («разсекоша лодьи Ярославли»), а затем взяли на себя инициативу дальнейшей борьбы с врагами, организовав сбор денег и войска для своего князя.³⁸⁶ Во второй редакции текст совершенно другой. Оказывается, Ярослав «просил посадника Снятина, сына Добрынина, чтоб приготовили войско, если Святополк на него

придет. И обещались все новгородцы ему помогать...».³⁸⁷ Здесь уже нет ни слова о планировавшемся бегстве и о расчлененных новгородцами «лодьях» Ярослава. Вполне очевидно, что Татищев сознательно снял этот неприятный эпизод, где Ярослав, представлявшийся историку «российским монархом», был выставлен жалким трусом и едва ли не пешкой в руках его «подданных».

Как видим, Татищев отнюдь не испытывал священного трепета по отношению к древним текстам. Тем не менее многие известные историки обращались и продолжают обращаться ко второй редакции татищевского труда как к источнику информации. Первую редакцию, как правило, попросту игнорируют, не смущаясь даже очевидной опасностью принять татищевское осмысление исходного текста за сообщение исчезнувшего источника. В свое время на этом «попался» даже такой корифей отечественной науки, как М. Н. Тихомиров. Цитируя по второй редакции татищевского труда известие о замене княгиней Ольгой «княжего» иной повинностью («уложила братъ от жениха по черной куне, как князю, так и боярину от его подданного»), Тихомиров заявляет: «Слово “подданный” в устах Татищева, как правило, означает холопа или смерда».³⁸⁸ Когда это писалось, первая редакция «Истории Российской» еще не была опубликована, но если бы исследователь дал себе труд обратиться к ее рукописному тексту, он увидел бы, что в соответствующем месте ни о холопах, ни о смердах речь не идет. В первой редакции сказано только: «положи имати от жениха по черне куне князеви или бояринови».³⁸⁹

Еще в 1920 г. крупнейшим исследователем русского летописания Шахматовым высказана была интересная идея: «можно обосновать положение о том, что ничего изобретенного самим Татищевым не найдется в первой его редакции. Наличие в последней того или иного известия представляется ручательством в том, что Татищев нашел это известие в своих источниках».³⁹⁰ Мы легко можем проверить, справедливо ли это суждение Шахматова: среди множества «татищевских известий», не имеющих соответствия в сохранившихся до наших дней летописях, едва ли не все самые интересные связаны с личностью нашего главного героя — Романа Мстиславича. Таких известий насчитывается шесть. Разбирая их, мы будем использовать преимущественно первую редакцию татищевского труда (привлекая при необходимости и вторую).

Известие № 1. Под 1182 г. находим оригинальный рассказ о столкновении русских князей из-за Берестья. Согласно Татищеву, городом владел первоначально минский князь Владимир. Против него выступил дорогичинский князь Василько, женатый на польской княжне. При поддержке своих польских родственников Василько одержал победу, но не имел наличных средств, чтобы расплатиться за помощь. Будучи бездетным, он составил завещание в пользу своего тестя: «вдаде тестеви города своя по себе, иже дети не имел». Получается, что после смерти Василько и Берестье, и Дорогичин должны были отойти к Польше. «И тако сольщен (обманут. — А. Г.) бысть Василько тестем своим», — комментирует Татищев (или, если угодно, цитируемый Татищевым летописец). Остается непонятным, в чем именно заключался обман и почему обманщик-тесть надеялся пережить зятя, если обычно бывает наоборот. Финал этой загадочной истории совершенно неожиданный: явился Роман и выгнал из Берестья обоих.³⁹¹ Хотя Роман упоминается лишь в последней фразе татищевского рассказа, читателю сразу ясно, что это — сильный и решительный человек, способный управлять событиями.

Известие № 2. Под 1195 г. имеется подробный рассказ о походе Романа в помощь Казимировичам и о знаменитой битве с войсками Мешко III. Эти события уже известны нам (см. с. 70–71?) по хронике Винцентия и по рассказу в Ипатьевской летописи, восходящему к летописному своду Рюрика Ростиславича. Летописец Рюрика изображает Романа разбитым наголову и позорно бежавшим с поля боя под защиту крепостных стен Кракова. Татищевский текст в начальной своей части очень близок к тексту Ипатьевской летописи, но вставлен любопытный рассказ о ходе битвы: в этой версии событий Роман доблестно сражается и остается непобежденным. Финал у Татищева тоже принципиально иной. Ночью Роман отходит к своему обозу, где начинает собирать рассеявшихся в ходе боя воинов. Здесь он стоит целых 12 дней, ожидая подкрепления из Кракова, и только после известия о постигшей союзников неудаче («Мешек оных перья и разгна») возвращается во Владимир-Волынский.³⁹²

Известие № 3. Под 1197 г. рассказывается о вокняжении Романа в Галиче. Согласно «Истории Российской», Роман после смерти Владимира Галицкого просил своего тестя Рюрика Ростиславича поддержать его притязания на Галич, но фактически встретил отказ: Рюрик

предложил созвать для решения вопроса о галицком столе княжеский съезд («снем»). Опасаясь неблагоприятного для себя решения в случае созыва такого «снима», Роман пошел другим путем — обратился за помощью в Польшу. Мать малолетнего князя Лешка, «брата-нична» Романа, прислала своего сына с войском, и Роман, возложив на «ляхов» охрану своей волынской волости, отправился завоевывать Галич. Галичане успели пригласить на княжение сына Рюрика — Ростислава, но отправленное к Рюрику посольство долго не возвращалось, между тем к городу подступал Роман. Дело решилось, когда получено было известие о походе на Галич венгерского короля (полки его уже шли через Карпаты). Оказавшись в столь сложном положении, галичане приняли на княжение Романа; венгры, узнав об этом, повернули назад.³⁹³

Если считать, вместе с Шахматовым, что первая редакция татищевского труда не содержит «ничего изобретенного самим Татищевым», то рассказ о вокняжении Романа в Галиче автоматически получает статус исторического источника. Легко видеть, однако, что татищевская версия не может быть согласована с рассказом польского хрониста Винцентия — современника и едва ли не очевидца событий. Согласно Винцентию, поход на Галич был предприятием чисто польским; галичанам навязали Романа поляки. Согласно Татищеву, поляки в походе на Галич вообще не участвовали; их роль свелась к обеспечению безопасности тыла. Историки, использующие сведения «Истории Российской» вперемешку с данными Винцентия, почему-то не замечают противоречия.³⁹⁴

Известие № 4. Под 1203 г. в «Истории Российской» помещен рассказ, изображающий Романа несостоявшимся реформатором, политические идеи которого опередили свое время. Согласно Татищеву, Роман создал особую комиссию из князей и бояр, которая обсуждала мнения о будущем политическом строе («нача гадати со князи и дружиною о устрое Русские земли»). Работа комиссии была успешно завершена, после чего Роман разослал выработанные предложения сильнейшим русским князьям, начиная с великого князя Всеволода. Рассказ об этих предложениях имеет вид произнесенной Романом речи (причем князь почему-то сбивается временами с древнерусского языка на украинский). Природу этого загадочного явления мы пока оставим в стороне; рассмотрим сначала суть выдвинутых Романом политических идей.

В «сплошном» тексте речи Романа можно условно выделить семь отдельных пунктов.

1. Великий князь должен жить в Киеве.
2. Занимать киевский стол надлежит «старейшему и смысленнейшему во всей братии», обязанности которого — доброе управление, оборона всей Русской земли от внешних врагов и поддержание внутреннего мира.
3. В случае смерти великого князя проводятся выборы. Коллегия выборщиков состоит из 6 сильнейших областных князей: «сошедся во Киев местные князи, владимирский, и черниговский, и галицкий, и смоленский, и полоцкий, и рязанский, и погадав, изберут старейшаго и годнейшаго мужа себе и утвердят крестным целованием, яко в иных умных землях творится, младшия князи не треба, а послушают сих старейших». Хотя названы только 6 князей, сразу же вспоминаются 7 курфюрстов средневековой Германии («яко в иных умных землях творится»). Однако немецкая система выбора императора в классическом своем виде сформировалась лишь в XIV в. («Союз курфюрстов» — 1338 г., «Золотая булла» императора Карла IV — 1356 г.). Поэтому не очень ясно, на какие заграничные образцы мог ориентироваться в 1203 г. Роман.
4. Уходя в Киев, избранный великим князем оставляет «на своей отчине» старшего сына. При этом раздел княжества не проводится, хотя младшие сыновья нового великого князя все-таки не переходят в разряд безземельных служилых князей; они наделяются мелкими «волостями» либо в пределах отцовского княжества, либо на Киевщине.
5. В случае возникновения междоусобной войны великий князь собирает совет старших «местных князей», решение которого по спорному вопросу обязательно к исполнению («да посудит с местными князи и омирит»). Каким образом вердикт старших князей будет воплощаться в жизнь при несогласии с ним участников конфликта, ничего не сказано.
6. В случае вторжения во владения кого-либо из «местных князей» превосходящих сил иноземцев великий князь посылает своему младшему собрату помощь «от всея Руския земли», предварительно согласовав вопрос с «местными» князьями.
7. Чтобы избежать разрушительных последствий бесконечного дробления княжеских владений, «местным князьям» надлежит

отказаться от традиционной системы наследования волостей. Суть этой системы, как известно, заключалась в том, что доли сыновей-наследников практически всегда оказывались хотя и не равной, но все-таки вполне сопоставимой величины. Понятно, что «русская сила» со смертью каждого крупного князя неизбежно умахалась. Теперь же Роман предлагал с этой порочной практикой покончить: старший сын, наследующий «стол» своего отца и его политическое значение «местного князя», должен был получать львиную долю — почти всю территорию княжества. Младшим сыновьям предлагалось оставлять «на прокорм» по городу или даже по селу, полностью лишив их политического значения: «И сии имут ходити под рукою старейшаго си брата». В случае бездетности князя наследником его мог быть родной брат или, при отсутствии такового, любой старший представитель рода.

Татищев сообщает, что Роман предлагал великому князю Всеволоду и другим русским князьям собраться в Киеве для обсуждения данных предложений и для заключения договора о введении новой политической системы в действие. Однако идеи Романа ни у кого не встретили одобрения, и вся затея провалилась.³⁹⁵

Известие № 5. Под 1204 г. находим у Татищева пространный рассказ о походе Романа в Сандомирскую землю, где он не только воевал, но и принимал послов от князя Лешка и Папы Римского. Первая часть этого рассказа (известие о походе) имеет много общего с известиями поздних польских историков, начиная с Длугоша; вторая часть (известие о приеме папского посольства) совершенно оригинальна.

В самом начале татищевского известия 1204 г. содержится неявная отсылка к татищевскому же известию 1195 г. Тогда в бою с Мешко Роман был ранен и потерял много людей; Татищев объяснял это тем, что союзные «ляхи» умышленно поставили его в самое невыгодное положение на поле боя. Теперь же «Роман Мстиславич, мстя ляхом неправды и свои раны, весне собрав войско галицкое и володимерское, иде к Сендомиру, два города взя и много попустоша. А слыша, иж Мешко умер, чая от братаничны королевы и сына ея Лешка приреченную ему за проторь получитьи, възпятився, не взяв мира».³⁹⁶ Здесь много странностей. Прежде всего, Татищев (или автор использованного им текста) заведомо неисторичен, когда присваивает «братаничне» Романа, вдове краковского князя Казимира, титул королевы.

Кроме того, трудно понять логику событий. Из польских источников известно, что Мешко, с которым Роман сражался в 1195 г. на стороне Казимировичей, незадолго до своей смерти примирился с племянниками и занял краковский стол. Лешек удалился в Сандомир, но в случае смерти дяди должен был вернуться в Краков. При анализе татищевского рассказа возникает вопрос: почему Роман вторгся во владения Лешка, потерявшего большую и лучшую часть Малой Польши? Подразумевается, видимо, что Романа не устраивали условия заключенного между дядей и племянником соглашения. В самом деле, получалось так, что 9 лет назад русский князь совершенно напрасно проливал свою кровь за дело Казимировичей, не говоря уже о его моральных издержках («неправды» ляхов) и денежных затратах («проторь»). Узнав о смерти Мешко, которая означала скорое возвращение Лешка в Краков, Роман приостановил военные действия, так как юный князь и его мать обещали ему какое-то денежное вознаграждение («чая от братаничны королевы и сына ея Лешка приреченную ему за проторь получить»).

Однако Лешек в Краков так и не попал (между прочим, в доступных Татищеву польских хрониках сообщалось, что краковская знать после смерти Мешко пригласила в город его сына Владислава). В результате Роман остался ни с чем: «А слыша, иж Лешка на королевство не взяли, разгневался, иде паки к Сендомиру, нача более разоряти и села жещи. Ляхи же просиша Лешка, абы слал (к Роману. — А. Г.) от себе просити Ярослава» (Ярослав был ближайшим к Польше из городов Галицкого княжества). Итак, Роман возобновил разорение владений Лешка, когда узнал, что «на королевство», т. е. в Краков, тот не попадет. Цель Романа была все той же: получить от Лешка вознаграждение «за проторь». В положении Лешка проще всего было бы согласиться, но помешали некие «ляхи», предложившие ответить Роману выдвиганием территориальных претензий. Идея была в том, чтобы предоставить Лешку, так и не получившему Краков, частичную компенсацию за счет Романа. Посоветовать Лешку обратиться к Роману с такой дерзкой просьбой могли только краковские вельможи — те самые, которые «Лешка на королевство не взяли».

Согласно Татищеву, Лешек согласился с предложенной ему «ляхами» идеей, так как из-за своей детской наивности не увидел в этом никакого вреда для себя: «Он же, не ведый льсти их, детск

бо бе, посла от себе послы Романа просити». Далее Татищев сообщает, что одновременно с послами Лешка прибыли к Роману послы от Папы. Оказывается, римский первосвященник успел прослышать о том, что Роман победил венгров и поляков, а также «всю Русь под себе приведе» (видимо, речь идет о том, что Роман добился первенствующего положения среди южнорусских князей). Задача папского посольства была в том, чтобы обратить Романа в католичество («в латинскую веру свою»), соблазнив его заманчивыми обещаниями («обещевая ему города и королем в Руси учинити»). Роман вступил с послами в богословский спор, цитируя Священное Писание, а его противники прибегли к самой беззастенчивой лести («Роман же препирашеса от письма, а они не срамляся належаху ему лагодными словесы»). Наконец, один из послов завел разговор о том, какой Папа «мочный» и как может он Романа «богата, сильна и честна мечем Петровым устроити» (не лишним будет напомнить, что «меч Петров» есть «меч духовный», владение которым приписывают себе римские папы, преемники апостола Петра). Здесь Роман, видимо, потерял терпение и решил прекратить прения. Вынув из ножен свой собственный меч, князь дал папскому послу решительную отповедь.

Ответ Романа «древним наречием» (по тексту первой редакции «Истории Российской» Татищева)	То же, в переводе на современный русский язык
Такий ли то меч Петров у папы? Иж имат такий, то может города давати, а яз доколе имам и при бедре не хочу куповати ино кровию, яко же отцы и деды наши размножили землю Русскую ³⁹⁷	Такой ли тот «меч Петров» у папы? Если имеет такой, то может города раздавать; а я, доколе имею его (<i>свой меч</i>) при бедре, не хочу приобретать (<i>города</i>) иначе, нежели кровью, — так же, как отцы и деды наши расширили пределы земли Русской

Судя по татищевскому рассказу, папские послы ничего не добились от Романа. Послы Лешка были несколько счастливее. Роман продолжал настаивать на уплате ему военных издержек, соглашаясь, впрочем, удовлетвориться временной уступкой приграничных польских волостей: «А не можете ли толико сребра воскорс собрати, дайте ми Люблин с землею, даже (пока. — А. Г.) выплатите».³⁹⁸ Далее Татищев лаконично сообщает об уходе Романа в Галич. Поскольку известия о заключении мира нет, остается полагать, что Роман великодушно предоставил «ляхам» время на размышление.

Известие № 6. Под 1205 г. находим у Татищева подробный рассказ о новом вторжении Романа в Малую Польшу, которое закончилось его гибелью. В начальной части этого известия просматривается близость к рассказам Воскресенской и Никоновской летописей XVI в., которые были в числе основных источников Татищева. Однако «История Российская» содержит целый ряд принципиально новых сведений (отчасти пересекающихся, впрочем, со сведениями поздних польских хроник).

Судя по контексту татищевского труда, Роман более года ждал от «ляхов» удовлетворения. Сопоставим хронологические указания: поход 1204 г. начался весной; поход 1205 г. начался «лету исходящу», т. е. незадолго до 1 сентября (как увидим далее, летосчисление в данном случае несомненно сентябрьское). Целью похода Татищев называет Люблин (чего ни в одной летописи нет). Успев взять два польских «города», Роман узнал о выдвигании против него польского войска и выступил навстречу врагам, в сторону Сандомира. Перейдя Вислу, он устроил «над берегом» свой стан. Отправленные во все стороны сторожевые отряды не принесли о неприятеле никаких известий. Вместо вражеского войска явились послы от Лешка. Не желая продолжать войну, Роман отослал их назад к Лешку со своими собственными послами и прекратил разорение окрестностей своими разъездами: «собрався зажитники своя, ожида отповеди о мире». Не опасаясь уже никаких враждебных действий со стороны поляков, Роман решил развеяться и съездить в сопровождении небольшого отряда на охоту: «еха в поле прогулятися со псы в мале дружине» (между прочим, здесь содержится косвенное указание на время года: лучшее время для псовой охоты — ранняя осень). Когда князь далеко отъехал от своего стана, он был неожиданно атакован поляками, стоявшими «в поросли», т. е. в молодом лесу или в зарослях кустарника (еще одно косвенное указание на время года: вражеский отряд скрыт листвой, т. е. действие происходит летом или ранней осенью). Роман был совершенно не готов к бою, но встретил врагов мужественно и отбивался так долго, что о нападении на него успели узнать в стане. К сожалению, ринувшиеся на помощь своему князю воины все-таки опоздали: «Роман прободен бысть копием, и едва отъяша его, привезоша к товару (в обоз. — А. Г.) еле жива. Ляхов же мало утече, вси избиша. И Роман того дни умре, и тысяцкий его, взем тело, иде к Галичу со всеми вои. Ляхи же, ач Лешко сам близу бе, но не смеяху наступити».³⁹⁹

Как видим, Роман у Татищева фактически умирает победителем. Вместо атмосферы трагедии мы находим в татищевском рассказе атмосферу апофеоза, которую прекрасно поддерживает следующий далее «некролог» Романа, включающий сведения о его внешности и характере. Оказывается, Роман был среднего роста, широкоплечий и сильный. Лицом он был красив, имел черные глаза и крупный нос с горбинкой, волосы черные, короткие. Имея повод для гнева, Роман легко приходил в ярость; распалившись, он даже начинал заикаться («не можаше изрещи слова, гугнив бо бе языком»). В то же время, часто веселясь с дружиною на пирах, Роман ни разу не напился пьян. Верным супругом Роман не был, но ни одна из его многочисленных любовниц не сумела приобрести над ним власти («И ач многи жены любляше, а ни едина им поводи»). Главным достоинством Романа было великолепное знание военного ремесла: «Страшен бе всем окрестным, зане бысть воин сильный и в рати хитрый, всю жизнь свою на рати проводи, а единою только от ляхов побежден бысть, сам же всегда и всюду побеждая».⁴⁰⁰

Можно смело сказать, что положение Романа Мстиславича на страницах «Истории Российской» совершенно исключительное. Ни один другой древнерусский князь не удостоился такого внимания со стороны Татищева, ни о ком другом не сообщается столько интересных и при этом вполне уникальных сведений (хотя замечательные словесные «портреты-характеристики» венчают рассказы о деятельности многих князей). Но вот историчны ли татищевские рассказы о Романах? К сожалению, автор «Истории Российской» указывает в примечаниях происхождение только двух известий из шести (№ 1 и 4). Именно с них мы и начнем, а разбор остальных (№ 2, 3, 5, 6) отложим до следующей главы.

Под 1182 г. (известие № 1) Татищев рассказывает о том, как минский князь Владимир утратил Берестье: утверждается, что сперва этот город захватил Василько Дрогичинский, а чуть позже — Роман Волинский. Уже Карамзин сделал вывод, что данное известие «смешено с явной ложью», ибо Берестье изначально принадлежало не минским, а волинским князьям.⁴⁰¹ Наблюдение Карамзина в отношении Берестья совершенно справедливо; более того — данные Ипатьевской летописи позволяют предполагать, что наряду с Берестьем волинским князьям принадлежал и Дорогичин, причем еще до начала княжения Романа, т. е. до 1170 г.⁴⁰² Однако история Берестья и Дорогичина

известна по русским источникам лишь фрагментарно. Польский хронист Винцентий уверяет нас, что Дорогичин в последние годы правления Казимира II (между 1191 и 1194 гг., по мнению комментаторов хроники) был столицей отдельного русского княжества.⁴⁰³ Выше Винцентий описывает борьбу за Берестье между русскими князьями, но ясных хронологических ориентиров нет; борьба ведется между братьями Романа, а князь Дорогичина в ней не участвует. Любопытно, что финал у Винцентия точно тот же, что и у Татищева: город переходит под власть Романа.⁴⁰⁴

Многим историкам последнее обстоятельство давало повод рассматривать татищевское известие о борьбе за Берестье всерьез.⁴⁰⁵ Автор этих строк некогда был в их числе, но впоследствии сделал два важных наблюдения, которые, как теперь приходится признать, практически уничтожают татищевскую версию.

1. Согласно Ипатьевской летописи, в Берестье умер младший брат Романа.⁴⁰⁶ Событие это относится к концу лета или к началу осени 1170 г.⁴⁰⁷ Оставшийся без князя город должен был достаться Роману (хотя претензии могли выставить и другие братья покойного). Минский князь, упоминаемый Татищевым под 1182 г. как владетель Берестья, мог овладеть этим городом только силой, отобрав его между 1170 и 1182 гг. у кого-то из трех Мстиславичей (Романа, Святослава или Всеволода). Однако при внимательном знакомстве с картой обнаруживается, что область Берестья, равно как и вся Волынь, не имела общей границы с владениями минских князей. «Буферная зона» была довольно обширной и состояла из двух княжеств: Городенского и Турово-Пинского. Таким образом, минскому князю было весьма несподручно завоевывать Берестье.

2. Рассказ о борьбе за Берестье в хронике Винцентия не датирован. Выше было показано с использованием данных Ипатьевской летописи (часть 1, гл. 2), что рассказ Винцентия довольно точно соответствует политической обстановке на Волыни, сложившейся в 1170 г. после смерти главы рода волынских князей Мстислава Изяславича. Отнесение конфликта из-за Берестья к 1182 г. является не более чем историографическим штампом, восходящим к польской латиноязычной «Великой хронике...» конца XIII в., которую используют обычно в качестве «склада фактов», без учета специфики этого источника как произведения историографии. Неудивительно, что многочисленные попытки историков разных веков опереться на рассказ Винцентия,

датируя описанные им события 1182 г., неизменно приводят к одному и тому же результату: в оригинальном своем виде рассказ Винцентия оказывается совершенно неприемлемым, и хрониста начинают «поправлять», причем самыми разными способами (что, конечно же, лишь усугубляет путаницу). А ларчик открывается просто: не надо подгонять рассказ Винцентия, который не датирован, к политической обстановке на Волыни, сложившейся к 1182 г.

Историческая география и хронология свидетельствуют против Татищева; его рассказ о событиях 1182 г. предстает искусственной конструкцией, а вовсе не выпиской из древней летописи. Если же мы захотим узнать, откуда историк почерпнул свои сведения, то быстро обнаружим, что в данном случае он «путается в показаниях». В первой редакции «Истории Российской» в качестве источника информации о событиях вокруг Берестья указан «летописец Еропкина».⁴⁰⁸ Речь идет о неизвестной ныне рукописи, принадлежавшей архитектору Еропкину — одному из приятелей Татищева, интересовавшихся русской историей. Во второй редакции «Истории Российской» вместо Еропкина почему-то назван другой приятель Татищева — Хрущев.⁴⁰⁹ Та же подмена имени информатора наблюдается в примечаниях двух редакций к известию о безуспешной попытке Романа провести реформу сложившейся на Руси политической системы (под 1203 г.). В этих примечаниях есть любопытнейшие разночтения.

Первая редакция (примеч. 429)	Вторая редакция (примеч. 569)
Сие Романово предложение ни в одном манускрипте, которые я в руках имел, не находится, а сообщил мне Еропкин выписанное и сказал, выписано в Новеграде из древняго летописца ⁴¹⁰	Сие Романово предложение ни в одном манускрипте, которые я в руках моих имел, не находится, а сообщил мне Хрущев выписанное и сказал, что выписано в Новеграде из древняго летописца и писано было древним наречием, которое мы с ним преложили, как здесь ⁴¹¹

Далее текст в обеих редакциях практически идентичен. Сперва Татищев сообщает, что «выписка» вызвала у него некоторые сомнения, а затем обстоятельно разъясняет, почему в конечном счете эти сомнения отпали. Сторонники достоверности татищевских известий легко заглаживают крючок и охотно цитируют данное примечание (обычно по тексту второй редакции) как демонстрирующее научную добросовестность автора «Истории Российской».⁴¹² Апологеты Татищева, слабо знакомые с историей текста татищевского труда, никак не могут осознать, что версия второй редакции хронологически невозможна.

Вопрос настолько ясен, что не имеет даже значения, кому приписывать доставку Татищеву выписки «из древняго летописца». Оба названных историком лица — и Еропкин, и Хрущев — погибли в 1740 г. на плахе, будучи замешаны в деле Волынского. При жизни они застали только самую раннюю стадию формирования первой редакции татищевского труда, писавшейся, как известно, «древним наречием». Поэтому Татищев, безусловно, лжет, когда утверждает во второй редакции, что готовил для своего труда *перевод* «выписки» вместе с Хрущевым. Даже сам замысел перевода «Истории Российской» на современный Татищеву язык возник лишь после гибели Еропкина и Хрущева, не говоря уже о начале самой работы над переводом. Сохранилось письмо Татищева, из которого мы узнаем, что к 9 июля 1745 г. было переведено «близ половины». ⁴¹³ Таким образом, описание событий 1203 г., которое в тексте первой редакции ближе к концу, чем к середине, через пять лет после гибели Еропкина и Хрущева все еще оставалось не переведенным!

Можно допустить, что ложно лишь сообщение о *переводе* и что древнерусский текст известия о «Романовом предложении» все-таки был предоставлен Татищеву Еропкиным или Хрущевым. Но тогда надо ожидать упоминания о сенсационной «выписке», пусть даже без имени информатора, в самой ранней редакции примечаний к «Истории Российской». Этот текст сохранился только в переводе на немецкий язык, выполненном по просьбе Татищева (не позднее января 1741 г.). ⁴¹⁴ Обратный перевод давно опубликован, и всякий желающий легко может убедиться, что соответствующего примечания там нет. ⁴¹⁵

Очень жаль, что сторонники достоверности татищевских известий никогда не утруждают себя сопоставлением двух редакций «Истории Российской»: многих досадных ляпсусов (и большого стыда) можно было бы избежать. Татищев пишет, к примеру, о «древнем слоге» представленной ему выписки; почему все его апологеты принимают это утверждение на веру? Потому что в их убогом арсенале только вторая редакция «Истории Российской», написанная современным Татищеву языком. Разбирая известие о «Романовом предложении», они используют третий том современного научного издания «Истории Российской». ⁴¹⁶ Дав себе труд снять с книжной полки соседний, четвертый том, они узнали бы много нового и интересного (здесь напечатан текст первой редакции, написанной «древним наречием»). В пределах известия о «Романовом предложении» обнаруживаются

великолепные перлы «древнего слога», вроде следующего: «сошедся во Киев местные князи... изберут старейшаго и годнейшаго мужа себе и утвердят крестным целованием, яко в иных умных землях творится, младшия князи не треба, а послушают сих старейших». ⁴¹⁷ Как видим, у Татищева было весьма оригинальное представление о «древнем слоге». Чего стоит одно только малороссийское «не треба»! Иные модернизмы не столь очевидны, зато в доказательном отношении более интересны, так как их нельзя приписать произвольному поновлению лексики переписчиком Татищева. Так, например, выражение «местные князи» с точки зрения человека нового времени вполне «древнее»; тем не менее до XIV в. оно не употреблялось. ⁴¹⁸

Судьба распорядилась так, что из шести оригинальных татищевских известий о Романе Мстиславиче наиболее популярным в отечественной историографии оказалось именно известие о несостоявшейся политической реформе («Романово предложение»). Скептически настроенный в отношении «татищевских известий» Карамзин в данном случае от полемики уклонился. ⁴¹⁹ В дальнейшем сыграл свою роль авторитет крупнейшего русского историка XIX в. С.М. Соловьева, в глазах которого Роман, находившийся «в беспрестанных сношениях с пограничными иностранными государствами», был очень подходящей кандидатурой на роль проводника новых, родившихся на Западе политических идей. ⁴²⁰ В подкрепление своего взгляда Соловьев дал ссылку на Татищева, ⁴²¹ этому примеру начали следовать другие, и с тех пор конца в длинной цепи заимствований не видно. Едва ли не единственным скептиком оказался Грушевский, который уже в самом раннем своем сочинении (1891 г.) высказался по поводу «Романова предложения» вполне уверенно: «Этот проект принадлежит, конечно, XVIII, а не XIII в.». ⁴²² Сравнительно недавно, в 1997 г., опубликовано было пространное исследование, автор которого убедительнейшим образом доказал апокрифичность известия о «Романовом предложении». ⁴²³ Однако занимательный и будоражащий воображение татищевский рассказ не утратил приверженцев. Трудно ожидать, что положение изменится в обозримом будущем: сила инерции в историографии чрезвычайно велика.

Глава седьмая

АПОЛОГИЯ РОМАНА: ТАТИЩЕВСКИЕ ИЗВЕСТИЯ 1195, 1197, 1204 и 1205 гг.

Мы убедились, что указания Татищева на происхождение известий 1182 и 1203 гг. не заслуживают доверия. Историк нас попросту мистифицирует, и к тому же не слишком искусно. Обратимся теперь к остальным четырем татищевским известиям о Романи (№ 2, 3, 5, 6), которые образуют собой однородную группу, объединенную ярко выраженным апологетическим отношением к личности Романа, единством стиля и лексики. Известия № 2, 3, 5 объединены также наличием неизвестного летописцам действующего лица. Это — мать Казимировичей Елена, которая, если верить Татищеву, приходилась Роману родной племянницей («братаничной»). Единственное известие этой группы, где вдова Казимира не упоминается (№ 6, под 1205 г.), является продолжением рассказа о вторжении Романа в Польшу (№ 5, под 1204 г.), причем во второй редакции «Истории Российской» это даже акцентировано Татищевым. Здесь в текст рассказа о походе 1205 г. вставлена целая новая фраза: «В конце лета сего Роман, видя, что от поляк никоего ему удовольствия не учинено, собрав войска, паки пошел в Польшу к Люблину». Исходя из совокупности имеющихся данных, совершенно необходимо предположить общее происхождение всех четырех известий.

В примечаниях к «Истории Российской» источник этих уникальных известий специально не назван. Отсюда можно сделать вывод, что весь интересующий нас цикл содержался в одной из основных рукописей, использованных Татищевым для создания «Истории Российской». Летописи, которые были основными источниками первой

редакции, кратко описаны Татищевым в «Предъизвещении». Остается отыскать среди перечисленных здесь летописей ту, которая могла содержать апологетический цикл известий о Романи 1195, 1197, 1204 и 1205 гг. Сохранившиеся до наших дней летописи, естественно, отпадают. Неизвестная современной науке Раскольниковья летопись источником цикла известий о Романи быть не могла — она обрывалась на событиях 1197 г. Голицынскую летопись можно отнести к неизвестным лишь условно (есть мнение, что это была лишь неполная копия Ермолаевской летописи), но в любом случае Голицынская летопись тоже отпадает: она заканчивалась 1198 г. Остается принадлежавшая царю Петру Кабинетная летопись, доведенная до 1236 г.⁴²⁶ Татищев сообщает, что эта рукопись была первой, с которой начались его занятия русской историей еще в 1720 г.; копию с нее годом позже он «снес воедино» с копией Раскольниковьей летописи.⁴²⁷ Отсюда мы можем вывести с математической точностью, что уникальные татищевские известия 1199–1236 гг. могут восходить только к Кабинетной летописи. Только этому источнику и можно приписать интересующий нас единый цикл известий 1195, 1197, 1204 и 1205 гг. Посмотрим, однако, найдет ли этот бесспорный на первый взгляд вывод свое подтверждение при обращении к наиболее ранним татищевским текстам.

Речь идет о так называемом «Собрании из древних русских летописцев» Татищева (1739–1740 гг.), которое стало основой первой редакции «Истории Российской». Основной текст «Собрания...» полностью утрачен, но сохранились «Предъизвещение» и примечания (в переводе на немецкий язык, выполненном не позднее января 1741 г.⁴²⁸). В примечаниях находим следующую фразу: «Каким образом Роман после смерти Владимира получил Галич, не указано». Отсюда следует, что те рукописи, с которыми Татищев работал до 1741 г., не содержали под 1197 г. известия о походе Романа на Галич. Но это известие является составной частью цикла; следовательно, те рукописи, с которыми Татищев работал до 1741 г., не содержали также известий 1195, 1204 и 1205 гг.

Далее нас ожидает еще один сюрприз. Обратившись к «Предъизвещению» для «Собрания из древних русских летописцев»,⁴³⁰ мы не найдем среди перечисленных там рукописей «Кабинетного» манускрипта, хотя в двух последующих татищевских текстах — в двух редакциях «Истории Российской» — именно «Кабинетный»

манускрипт открывает список использованных источников.⁴³¹ Комментировать этот факт мы предоставляем многочисленным сторонникам достоверности татищевских известий. Для них же помещаем здесь еще одно любопытное наблюдение. Татищев рассказывает, что после смерти Романа (1205 г.) венгерский король «посла помощь к Галичю к сестреничу своему Данилу Романовичу».⁴³² Источником этого уникального известия, позволяющего определить вторую жену Романа как сестру венгерского короля, Татищев называет Голицынский манускрипт, «где дела Червонной Руси обстоятельно писаны».⁴³³ Однако Голицынский манускрипт, по собственному указанию Татищева, заканчивался 1198 г.⁴³⁴

Легко предвидеть, что сторонники достоверности татищевских известий просто отмахнутся от этих неприятных фактов и объявят их серией досадных недоразумений, происхождение которых за давностью лет исследованию не подлежит. Поэтому нам никак не обойтись без серьезного текстологического исследования «татищевских известий» о Романе. В этом отношении наибольший интерес представляет рассказ о походе Романа в Польшу для оказания помощи Казимировичам, воевавшим со своим дядей Мешко III (1195 г.). Академик Рыбаков, известный как пламенный сторонник достоверности всех татищевских известий, утверждает, что на странице «Истории Российской» рассказ «о войне Романа Мстиславича с поляками» мог попасть «из летописи Романа начала XIII в.».⁴³⁵ Сопоставление текстов легко опровергает этот домысел: татищевское известие находится в несомненной зависимости от текста некой летописи группы Ипатьевской. Это означает, что татищевское известие восходит вовсе не к мифической «летописи Романа начала XIII в.», а к хорошо известному киевскому летописному своду Рюрика Ростиславича 1198 г., вошедшему в состав Ипатьевской летописи. Для удобства сопоставления в следующих ниже текстах принципиально важные татищевские дополнения выделены жирным шрифтом.

Ипатьевская летопись	Татищев, «История Российская» (первая редакция)
<p>Роман же, улюбдъся тестя своего, ажъ ему извергл крестныя грамоты, и еха в Ляхи помочи деля ко Казимеричем.</p> <p>И рекоша ему Казимеричи: «Мы быхом тебе раде помогле. Но обидить нас стрый свои Межька, ищеть под нами волости, а переже оправи нас,</p> <p>а быхом быле вси Ляхове не раздно, но за одним быхом щитом быле с тобою и мстили быхом обиды твоя».</p> <p>Роман же улюбив свет их, и послушав их, и поеха на Межьку со сыновци его Казимеричи, сдума с мужи своими, рек: «Аж примучю сих, а Бог ми на ня поможеть, и тогда, совокупив всех на одно место, исполну с ними честь свою, и хотение мысли своя налезу». И то помывлив в сердци своемъ, и поеха противу Мьжьце биться.</p> <p>Межька же прислав противу ему и не хотяше битися с ним, но веляшеть Романови, абы и уладил со сыновцы его. Роман же не послушав их и ни мужии своих, и да ему полк⁴³⁶</p>	<p>Роман же, улюбдся тестя своего, ижъ повергл ему грамоты, еха в Ляхи ко Казимировичем и братаничне, матери их Елене, помощи деля.</p> <p>И рекоша ему Казимиричи: «Мы быхом ради тебе помогли. Но обидит ны стрый свой Мешек, ищет под нами волости, а преж оправили нас самих требе. И ты иди к нам на Мешка с твоею силою, абы могли вси ляхове не раздно, но за единым щитом быти с тобою и мстили быхом обиды твоя».</p> <p>Роман же улюби совет той, послуша их, иде на Мешка со сыновци его Казимиричи, здумав с мужи своими, рек: «Иж прилучит ми сих бог (поможет нам на ня), и тогда, совокупив всех на едино место, исполню с ними честь и хотение воли моя налезу». Тако помысли в сердци своем, поеха.</p> <p>Мешко же, не хотя битися с ним, но посла к нему, рекий: «Да уладиши мя со сыновцы моими», обещевая дати ему за проторь.</p> <p>А Роман, блюдя братаничны и детей ея, Лешка со братом, и послуша воеводы их, иж пришел к Романови во 3000 ляхов, а не слухая мужей своих, даде полк Мешкови⁴³⁷</p>

Завершающие фрагменты обоих текстов уже нет смысла приводить параллельно, так как они слишком сильно расходятся. В Ипатьевской летописи кратко сообщается об исходе битвы: «и победи Межька Романа, и избиша в полку его Руси много и Ляхов своих, а сам утече к Казимеричем в город (Краков. — А. Г.), и оттуду взявши ѿ дружина его несоша и к Володимерю».⁴³⁸ У Татищева же находим подробное описание хода битвы, причем Роман оказывается главным ее героем. Затем следует краткое известие о событиях ближайших 12 дней, где Роман тоже выставлен в самом лучшем свете. Оставаясь недалеко от поля боя, Роман ожидает помощи из Кракова (с явным намерением искать нового сражения с войсками Мешко). Только убедившись, что подкрепления не будет, Роман уходит в сторону Владимира. Интересно, что у Татищева Роман возвращается на Русь, не заезжая в Краков (что соответствует рассказам всех

польских средневековых хронистов, начиная с Винцентия, но явно противоречит Ипатьевской летописи).

Сопоставление текстов наглядно показывает соотношение между ними: пространственный вариант татищевского свода создан путем литературной доработки краткого варианта Ипатьевской летописи. При этом исходная тенденция сменилась прямо противоположной. В Ипатьевской летописи Роман выставлен в виде самоуверенного упряма, не желающего слушать ни мирных предложений противника, ни советов своих собственных бояр и наказанного — вполне заслуженно — жестоким поражением. Легко догадаться, что автором этой версии (сатирической) был киевский летописец, служивший своим пером Рюрику Ростиславичу. В татищевской версии Роман чудесным образом преобразился в дальновидного, благородного, мужественного и деятельного князя, неудача которого объясняется досадной случайностью. Об авторе этой новой (апологетической) версии вполне определенное суждение высказал уже Карамзин: «Татищев вымыслил некоторые обстоятельства битвы в честь Роману».⁴³⁹

Сторонники достоверности татищевских известий (М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков и др.) часто заявляют, что автор «Истории Российской» имел в своем распоряжении некий «полный» текст киевского летописного свода 1198 г. (дошедший до наших дней текст этого свода в составе Ипатьевской летописи, естественно, объявляется сокращенным).⁴⁴⁰ Вопреки этой гипотезе, сатирическая летописная версия событий 1195 г. не могла быть создана путем сокращения апологетической версии, читаемой у Татищева. Путем текстологического анализа легко в этом убедиться: так, например, татищевский рассказ о 12-дневном стоянии Романа недалеко от места битвы в ожидании подхода помощи из Кракова никак не может быть сокращен до презрительного замечания «а сам утече к Казимеричем в город», читаемого в Ипатьевской летописи. Автор апологетической версии, кто бы он ни был, прекрасно знает, что поле боя было далеко от Кракова, а сатирически настроенный киевский летописец смутно представляет себе театр военных действий и прибегает к домыслам.

Совершенно ясно, что апологетическая версия есть порождение сатирической, конечный продукт ее распространения и переработки. Вопрос только в том, когда и кем была проделана эта чисто

литературная работа. Можно ли оспорить вывод Карамзина и допустить, что автором апологетической версии был не Татищев? Может ли данный татищевский рассказ происходить из какой-нибудь летописи, пусть даже не современной Роману, а гораздо более поздней? Увы, отрицательный ответ представляется очевидным. Даже прямые потомки Романа не озаботились созданием его апологии. Ипатьевская летопись, получившая свой окончательный состав на Волыни, сохранила без изменений сатирический рассказ о событиях 1195 г., равно как и несколько более мелких выпадов киевского летописца против Романа. Причиной было сравнительно позднее обращение волынского сводчика к киевской летописи Рюрика Ростиславича (не ранее 1269 г., как было показано выше, с. 232–233?). К 70-м гг. XIII в. борьба Романа с Рюриком успела отойти в область преданий и живого интереса уже не вызывала. Нам неизвестны какие-либо летописные своды Юго-Западной Руси XII–XIII вв., кроме волынского свода 1290 г., представленного списками Ипатьевской летописи. Есть достаточные основания полагать, что иных сводов в этом регионе попросту не существовало. В XVII в. на Украине была составлена так называемая Густынская летопись, которая представляет собой попытку синтеза двух традиций, развивавшихся долгое время совершенно независимо, — южнорусского летописания и польской историографии. Однако автор Густынской летописи не более чем компилятор. Он обнаруживает повышенный интерес к деятельности Романа, но даже не пытается представить его читателю в благоприятном свете. Ему недостает внутренней свободы, им властвует польская традиция с ее резко отрицательным отношением к Роману.⁴⁴¹ Приходится констатировать, что у Татищева, создавшего свою замечательную апологию Романа в 40-х гг. XVIII в., не обнаруживается никаких идейных предшественников.

Продолжая текстологический анализ первой редакции «Истории Российской», мы постепенно все лучше и лучше понимаем методы работы Татищева. Известие о гибели Романа (№ 6, под 1205 г.) обнаруживает зависимость не от ранней летописной традиции, а от Никоновской летописи XVI в., которая была в числе основных источников татищевского труда. На первый взгляд, Никоновская летопись не более чем воспроизводит, причем практически буквально, рассказ неизвестной Татищеву Лаврентьевской летописи XIV в. Тем не менее принципиальное различие есть. В рассказе Никоновской

летописи вводится (причем впервые!) оценочная характеристика действий Романа, несмотрительно отъехавшего от основных сил своего войска с небольшим отрядом: «оплошися». Тот же глагол находим и в татищевском рассказе, хотя и переставленным в другое место.

Заданная Никоновской летописью тема «оплошности» Романа, чуждая ранней традиции (даже в Воскресенской летописи, составленной в 40-х гг. XVI в., этой темы еще нет), разрабатывается у Татищева подробно и красочно. Весь рассказ значительно расширен и переделан. Может даже показаться, что перед нами совершенно новая версия событий, но при внимательном прочтении ряд ключевых моментов исходного текста вполне узнаваем.

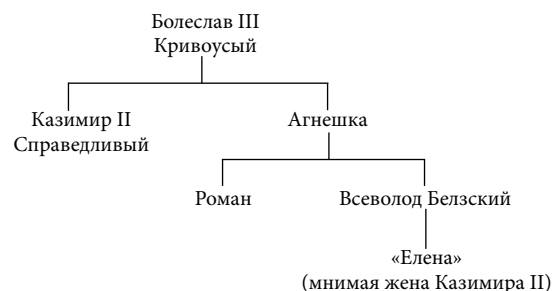
Никоновская летопись	Татищев, «История Российская» (первая редакция)
Того же лета князь велики Роман Мстиславич Галичский ходи ратью на Ляхи, и взя два града их, и ста над Вислою рекою, и ту стояв <u>оплошися</u> , и <u>отъехал</u> от полку своего в мале дружине... ⁴⁴²	Того ж году исходящу лету иде князь Роман на ляхи к Люблину и <u>взя два города</u> <...> перешед Вислу, ста над берегом <...> и <u>оплошися</u> <...> <u>еха</u> в поле прогулятися со псы в мале дружине. И яко бысть далеко <u>от полку</u> ... ⁴⁴³

Как видим, летописные слова и целые выражения в татищевской версии изрядно перетасованы, но все-таки бережно сохранены (у хорошего хозяина, как известно, ничего не пропадает). При этом Татищев не ограничивается летописными данными, он использует также известия хроники Мартина Кромера, изданной впервые в 1555 г.: о прибытии к Роману польских послов и о стремлении Романа овладеть Люблином.⁴⁴⁴

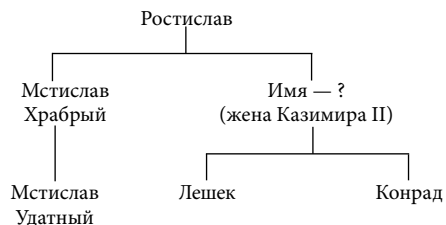
Принадлежность татищевских рассказов о событиях 1195 и 1205 гг. единому циклу сама по себе очень интересна, поскольку является косвенным отражением типичных для XVIII в. ложных представлений об истории летописания. Летописные рассказы, положенные Татищевым в основу статей 1195 и 1205 гг. «Истории Российской», совершенно разного происхождения. Первый из них восходит к киевскому своду Рюрика Ростиславича 1198 г. (точнее всего передает его текст Ипатьевская летопись 20-х гг. XV в.), второй — к своду, созданному в 1305 г. на территории Великого княжества Владимирского (его текст передает Лаврентьевская летопись 1377 г.). Татищев бессознательно соединяет в посвященном Роману едином цикле две летописные

традиции, которые, согласно современным представлениям, долгое время развивались совершенно независимо. В «Истории Российской» владими́ро-суздальская традиция после 1198 г. продолжает прервавшуюся киевскую, причем историк рубежа не видит. Дезориентировала Татищева находившаяся среди его источников Воскресенская летопись XVI в., соединяющая материал южнорусского летописания, до 1198 г. включительно, и владими́ро-суздальские известия за 1199–1205 гг. и далее, восходящие к своду 1305 г. В Воскресенской летописи это соединение чисто механическое. У Татищева известия 1195 и 1205 гг., восходящие к двум разным летописным традициям, подвергнуты радикальной переработке, придавшей им самое полное стилистическое единство.

Позднее происхождение татищевских рассказов о Романе Мстиславиче может быть показано и другими способами, например — с использованием данных генеалогии. Попробуем познакомиться несколько ближе с племянницей («братаничной») Романа, образ которой столь настойчиво вводится Татищевым в повествование (см. известия 1195, 1197 и 1204 гг.). О браке малопольского князя Казимира и Елены, дочери младшего брата Романа Всеволода Белзского, впервые сообщает польский историк XV в. Ян Длугош.⁴⁴⁵ Из его книги это известие перекочевало в польские хроники XVI в. (Кромера и Стрыйковского), которыми в процессе работы над «Историей Российской» пользовался Татищев. Известно его высказывание, свидетельствующее о полном доверии к подобным сведениям поздних польских хронистов: «из Стрыйковского генеалогии русских князей, видится, еще поправить во многом можно».⁴⁴⁶ В наше время вряд ли найдется историк, разделяющий это суждение. К сведениям поздних польских хронистов вообще следует относиться с большой осторожностью; что касается интересующего нас известия о браке Казимира и племянницы Романа, восходящего к Длугошу, то уж оно-то заведомо не может соответствовать действительности. Винцентий, младший современник Романа, сообщает, что как сам Роман, так и его братья были сыновьями родной сестры Казимира.⁴⁴⁷ Зная это известие Винцентия легко понять, что Казимир не мог быть женат на внучке собственной сестры. Однако этого простейшего умозаключения не сделали ни сам Длугош, создатель генеалогической легенды, ни те многочисленные историки последующих четырех веков, которые бездумно переписывали его известие.⁴⁴⁸

Длугош сфабриковал свою версию, видимо, с целью узаконить права польских королей (прямых потомков Казимира II и русской княжны) на захваченный поляками в XIV в. Белз. Подлинное происхождение жены Казимира мы можем узнать, обратившись к Ипатьевской летописи. Здесь Лешек Казимирович в поисках союзников обращается к Мстиславу Мстиславичу («Удатному»), желая втянуть его в борьбу с венграми за галицкие земли: «Брат ми еси; поиди и сяди в Галиче».⁴⁴⁹ Все властители одного ранга называли друг друга братьями, но в данном случае контекст показывает, что слово «брат» употреблено в буквальном смысле (Лешек хочет сказать, что предпочел бы видеть галицким князем близкого родственника, нежели кого-то иного). Итак, Лешек Казимирович — брат Мстислава Мстиславича (разумеется, двоюродный). Отсюда легко вывести, что неизвестная нам по имени мать Казимировичей была дочерью смоленского, позднее киевского князя Ростислава Мстиславича (ум. 1167).

Раз уж речь у нас зашла о генеалогии, укажем, в качестве психологической разрядки, на один из самых забавных просчетов Татищева. В обеих редакциях «Истории Российской» есть описание внешности Романа, где указывается, что он был черноглазый и черноволосый.⁴⁵⁰ От кого мог унаследовать Роман эти характерные для южных народов черты внешности? Среди предков Романа мы находим

Предстоящие Христу Константин IX Мономах и его третья жена, императрица Зоя. Мозаика в храме Св. Софии, Константинополь. Между 1034 и 1042 гг.

преимущественно славян и германцев: представителей двух «варяжских» княжеских династий Древней Руси — киевской и полоцкой; приднепровских славян из Любеча; польских князей — «пястов»; немцев, англосаксов, шведов... В раннем средневековье представители всех этих народов устойчиво сохраняли нордическую внешность, т.е. были голубоглазыми и светловолосыми. Исключения в среде знати из-за династических браков встречались, видимо, значительно чаще, чем среди простонародья, но в густую толпу арийских предков Романа затесалась лишь одна уроженка солнечного юга. Это — дочь византийского императора Константина IX Мономаха от второго брака (жена Всеволода Ярославича и мать Владимира Мономаха).⁴⁵¹ Однако сам Константин Мономах, судя по прекрасному мозаичному портрету в константинопольской Софии, был русоволосым! Предположим, что вторая жена Константина, внешность которой нам

неизвестна, была черноглазой и черноволосой (только такое допущение придает правдоподобие татищевскому описанию внешности Романа). Зная основы генетики, легко подсчитать, что для Романа, потомка этой женщины в шестом поколении, вероятность унаследовать черты ее внешности составляла 1:32. При этом все предки Романа по мужской линии, начиная с Владимира Мономаха, тоже должны были быть черноглазыми и черноволосыми (поскольку гены, «отвечающие» за эти признаки, — доминантные). Однако Татищев утверждает, что Владимир Мономах был *рыжеволосым*.⁴⁵² Если так, то черноглазый и черноволосый Роман никак не мог быть его генетическим потомком...

Теперь шутки в сторону. Апокрифичность татищевских рассказов о Романе может быть строго доказана указанием на целый ряд содержащихся там грубых анахронизмов. Захват Романом Галича отнести к 1197 г. никак нельзя. Во-первых, об этом молчит Ипатьевская летопись, рассказ которой доведен до зимы 1198/99 г. (последняя точная дата — 24 сентября 1198 г.).⁴⁵³ Во-вторых, из хроники Винцентия известно, что поход на Галич с целью посадить там Романа организован был в период княжения в Кракове Лешка. Между тем в 1196 г. Краков занят был Мешко III Старым,⁴⁵⁴ который оставался там достаточно долго — во всяком случае, больше года. Откуда же взял Татищев свою дату захвата Галича Романом? Оказывается, смерть Владимира Галицкого и польская экспедиция для поддержки притязаний Романа датированы 1197 г. у Кромера и Бельского.⁴⁵⁵

Татищевское описание похода Романа в Сандомирскую землю в 1204 г. не соответствует данным ранних польских источников. У Татищева только здесь сообщается о смерти Мешко III, которая на самом деле относится к 1202 г.⁴⁵⁶ У Татищева сказано, что «Лешка на королевство не взяли»; при этом матери его присвоен титул королевы. Представление о краковских князьях времен Романа как о польских королях, встречающееся не только у Татищева, но и у некоторых новейших историков,⁴⁵⁷ не отражает историческую реальность, является чисто книжным и восходит к поздним польским хроникам.⁴⁵⁸ Князь Лешек у Татищева представлен малым ребенком, которому злонамеренно заморочили голову его приближенные («не ведый льсти их, детск бо бе»). Между тем в 1204 г. этот ребенок достиг уже 12-летнего возраста.⁴⁵⁹ В его время это был возраст правоспособности, но Татищев — человек XVIII в. — этого явно не знал.

Еще один анахронизм, последний из допущенных Татищевым, предоставляет нам редкую возможность заглянуть в «кухню» этого историка и выяснить, по каким рецептам готовились некоторые блюда. Рассказ о походе Романа в Польшу (под 1205/6713 г.) открывается в «Истории Российской» словами «исходящу лету». Другими словами, утверждается, что Роман выступил в поход на исходе летописного 6713 г. Первым месяцем года на Руси в XII в. считался март. В летописях встречаются примеры использования и сентябрьского стиля летосчисления, но лишь как редкое исключение.⁴⁶⁰ Мы знаем, что Роман погиб 19 июня: эта дата содержится в двух независимых источниках — синодике Эрфуртского монастыря св. Петра, запись в котором появилась, видимо, уже в 1205 г., и в гораздо более позднем (XV в.) историографическом труде Яна Длугоша.⁴⁶¹ Легко видеть, что выступление Романа в поход «исходящу лету» было невозможно при любом способе определения начала года. Если стоять на том, что слова «исходящу лету» переписаны Татищевым из некоей летописи, противоречие устранить невозможно. В то же время загадка легко разрешается, если допустить, что злосчастное словосочетание вставлено самим Татищевым: все дело в том, что он неверно определил дату гибели Романа.

Татищев не знал Длугоша, но использовал польские хроники второй половины XVI в., Кромера и Стрыйковского, передающие известие о гибели Романа в день памяти Гервасия и Протасия. Число и месяц у поздних хронистов тоже указываются, но здесь есть противоречия и прямые ошибки. У Кромера гибель Романа датирована верно, но не совсем ясно для человека нового времени, с употреблением древнеримского счета дней от календ: «ad tertium decimum Calendas Iulij». Далее указан год (1205), а в следующей фразе — что день был памяти мучеников Гервасия и Протасия.⁴⁶² Хронику Кромера Татищев имел в оригинале, но работал все-таки не с латинским текстом, а со специально выполненным для него переводом.⁴⁶³ Переводчик Кромера определил дату гибели Романа как 19 июля (не июня!) 1205 г.: в старейшей редакции примечаний Татищев использовал эту дату, но впоследствии ее выбросил⁴⁶⁴ — видимо, счел ошибочной. У Стрыйковского гибель Романа датируется трижды. Сначала сообщается, что это было в 1205 г., «месяца червца, дня 13», т. е. 13 июня. Ниже, однако, на полях дата: 19 июля (не июня!). Еще ниже: в 1205 г., в день Гервасия и Протасия.⁴⁶⁵ Татищев оригинальным текстом

Стрыйковского не располагал (о чем глубоко сожалел: «Сей печатной Стрыйковского Гистории, почитай, сыскать уже невозможно»).⁴⁶⁶ С каким именно из сохранившихся русских переводов Стрыйковского работал Татищев, не установлено. Судя по цитате, приведенной Татищевым в примечаниях к первой редакции, гибель Романа в этом переводе Стрыйковского была обозначена только по дню памяти святых: после этой цитаты Татищев проставил в скобках дату «14 октября».⁴⁶⁷ Спрашивается: откуда он ее взял? Поскольку 14 октября — день памяти Гервасия и Протасия в православной традиции, легко догадаться, что Татищев проверял сообщаемую польскими источниками дату по православным святцам (чтобы быть вполне точным, следует отметить, что в подобных случаях наш историк пользовался рукописным справочником собственного изготовления).⁴⁶⁸ Татищев явно не знал, что дни памяти одних и тех же святых в православной и католической традициях могут быть совсем разными, зато прекрасно понимал, что искажение текста в рукописях гораздо вероятнее в отношении числа и месяца, нежели в отношении дня памяти святых. На этом бесспорном постулате и зиждется принятая им дата. Между прочим, универсальное значение этого постулата немедленно подтвердилось на рукописях самого Татищева: работая над второй редакцией «Истории Российской», он внес выведенную им дату гибели Романа в основной текст (в виде приписки). Число при этом оказалось искаженным: «октября 13 дня».⁴⁶⁹

Если датировать гибель Романа по Татищеву, то читаемое в «Истории Российской» хронологическое указание «исходящу лету» становится приемлемым и означает начало похода в конце августа (при сентябрьском стиле летосчисления). Рука Татищева здесь хорошо видна. Между прочим, Татищев прекрасно знал, с какого времени сентябрьский стиль использовался на Руси. Его общие рассуждения на эту тему нельзя назвать вполне ясными,⁴⁷⁰ зато первый конкретный пример употребления летописцем сентябрьского стиля, бесспорно, был ему известен: это рассказ волынского происхождения о болезни и смерти отца Романа.⁴⁷¹

Большой интерес для нашей темы представляет высказанное Романом намерение воевать с венграми: «Или, вся ляхи покорив, угров посещу, или не возвращуся».⁴⁷² Исторический Роман, в отличие от татищевского персонажа, ничего подобного изречь не мог, поскольку был в дружеских отношениях с венгерским королем.⁴⁷³ Татищев этого

не знал, как не знал вообще всей «Галицко-Волынской летописи» (это единственный источник, сохранивший известие о союзе Романа с Андреем Венгерским). Во второй редакции «Истории Российской» Татищев снял упоминание об агрессивных замыслах Романа в отношении венгров, поскольку заметил, что оно находится в противоречии со следующим ниже известием о помощи венгерского короля Данилу Романовичу.⁴⁷⁴ Интересно, что Татищев не отказался от самой идеи столкнуть Романа с венграми: ему ведь нужно было сформировать героический образ галицко-волынского князя. Работая над второй редакцией, Татищев просто перенес столкновение Романа с венграми из будущего («угров посещу») в прошлое (во второй редакции «Истории Российской» впервые появляется сообщение о том, что Роман некогда «венгров великое войско с малым своим разбил»).⁴⁷⁵

Если после всего этого еще нужны какие-либо наблюдения, свидетельствующие о позднем происхождении татищевских рассказов апологетического цикла, можно обратиться к анализу лексики первой редакции «Истории Российской», написанной, как уверяет нас Татищев, «древним наречием». Ограничимся ради экономии места только самыми демонстративными примерами. Слово «братанична», употребленное Татищевым 4 раза, ранними источниками не зафиксировано; встречаются только формы «братана», «братаньна».⁴⁷⁶ Под 1204 г. у Татищева читаем: «намовляти в латинскую веру свою». «Намовляти» — скорее всего, украинизм (ср. существительное «мова»). Известен русский глагол «намовляти» в значении «склонять к чему-либо», но он зафиксирован только в тексте 1594 г.⁴⁷⁷ Под 1205 г. у Татищева читаем: «ожида отповеди о мире». Существительное «отповедь», весьма характерное для лексики XVIII в., впервые зафиксировано в тексте 1674 г.⁴⁷⁸

Сторонники достоверности татищевских известий неоднократно заявляли, что все лексические модернизмы в «Истории Российской» являются следствием работы неквалифицированных переписчиков, снимавших для Татищева копии с древних рукописей. Появление этой версии было индуцировано самим Татищевым. Уверяя нас, что никто не мог снять копию с Раскольничей летописи, кроме ее хозяйина — раскольника, Татищев сетует: «Токмо в том неосторожность с сожалением воспоминаю, что он, списывая для меня, ради лутчаго выразумления наречие переменил».⁴⁷⁹ Странно, однако, что даже в заголовке Раскольничей летописи, приведенном Татищевым, содержится

явный модернизм: «Повесть временных дей...».⁴⁸⁰ М. Н. Тихомиров, принимая версию Татищева, объявляет нам, что слово «деи» появилось в результате поновления стиля переписчиком-раскольником.⁴⁸¹ Однако слово «деи» не только модернизм, но еще и полонизм (или, в лучшем случае, украинизм). Тихомиров этого «не замечает», представляя изумленному читателю самому догадываться, каким образом в лексику современных Татищеву сибирских раскольников проникли полонизмы.

Татищевские известия о Романе содержат яркие примеры модернизации лексики, не укладывающиеся в схему непроизвольного поновления ее переписчиком. Дважды (под 1195 и 1204 гг.) употреблено Татищевым существительное «проторь» — весьма почтенное, известное со времен «Русской Правды» (в форме «проторъ»). Какое искажение здесь можно приписать переписчику? Замену «ъ» на «ь»? Но это мелочь, принципиально важно другое. У Татищева данное слово, представляющее древнейший пласт лексики, употреблено для обозначения военных издержек! Между тем до XVII в. примеров подобного словоупотребления в памятниках письменности нет.⁴⁸² В предыдущей главе был приведен еще более показательный пример «неубиваемого» лексического анахронизма у Татищева («местные князи» в рассказе о «Романовом предложении» под 1203 г., см. с. 275?).

Особого внимания заслуживает употребление Татищевым украинизмов. Во многих местах татищевский текст являет нам «смешенье языков» (но не «французского с нижегородским», как у некоторых современников Грибоедова, а «древнерусского с миргородским»). Под 1195 г., например, читаем: «а преж оправити нас самих тебе»; «не можно». Под 1203 г., в известии о «Романовом предложении»: «не треба»; «елико тебе». Может быть, здесь вина какого-нибудь нанятого Татищевым переписчика-«хохла»? Однако сам Татищев, не моргнув глазом, объявляет текст с известием о «Романовом предложении» образцом «древнего слога».⁴⁸³ Отсюда ясно, что историк совершенно не стеснялся появления в его «летописном своде» тех словечек, которые в наше время воспринимаются как несомненные украинизмы. Видимо, Татищев принимал их за особенность «древнего наречия», сохранившуюся в живой речи современных ему малороссов. Если так, то заблуждение не беспричинно: одним из основных источников Татищева была рукопись, чрезвычайно близкая, как установлено проведенными уже в XX в. текстологическими исследованиями,

к хорошо известной нам Ермолаевской летописи начала XVIII в., изобилующей украинизмами. Предполагается, что наша Ермолаевская летопись и есть, в сущности, «Голицинская летопись» Татищева (хотя в работе над своим сводом историк использовал не Ермолаевскую летопись непосредственно, а специально изготовленную для него копию, доведенную до 1198 г.⁴⁸⁴).

В настоящее время история появления «Голицинской летописи» в списке источников татищевской «Истории» представляется следующим образом. Князь Дмитрий Михайлович Голицын, известный государственный деятель времен Петра Великого и первых его преемников, располагал едва ли не лучшей библиотекой своего времени; в этом смысле он представлял большой интерес для Татищева. Рукописный сборник-конволют начала XVIII в., включавший Ермолаевскую летопись и другие тексты исторического содержания, принадлежал к библиотеке Д. М. Голицына (некоторое время это оспаривалось, но теперь окончательно установлено Б. М. Клоссом⁴⁸⁵). Обстоятельства создания этой рукописи неизвестны, но здесь нам поможет биография Д. М. Голицына: в 1707–1718 гг. он управлял Киевом (в качестве воеводы, затем — губернатора). При этом у него сложились дружеские отношения с архимандритом Печерского монастыря Иоанникием (факт малоизвестный, но засвидетельствованный очень надежным источником — показаниями царевича Алексея в следственном деле 1718 г.⁴⁸⁶). Таким образом, князь Дмитрий имел возможность пополнять свою библиотеку списками хранившихся в Печерском монастыре книг. Согласно текстологически обоснованной гипотезе Клосса, Ермолаевская летопись является копией особой редакции Хлебниковской летописи, созданной около 1637 г. в Печерском монастыре.⁴⁸⁷ Возможно, Голицын видел или даже брал на время эту рукопись 30-х гг. XVII в., но украсть ее он не мог: для киевского губернатора дружба с печерским архимандритом была гораздо важнее приобретения любого книжного раритета (недаром же говорил царевич Алексей, что «в Печерского архимандрита и монастырь верит вся Украина, как в Бога»⁴⁸⁸). Поэтому вельможе-библиофилу пришлось удовольствоваться копией. Много лет спустя, беседуя с Татищевым среди своих книжных сокровищ в подмосковном Архангельском, Голицын не имел никакого резона выдавать изготовленную для него в Киеве рукопись за древнюю летопись. Да это и не удалось бы: начинающий историк, при всем своем дилетантизме, все-таки способен

был отличать рукописи своего времени от более ранних текстов. Следовательно, Татищев прекрасно знал, что «летопись» из библиотеки Голицына является сравнительно недавно изготовленной копией с ценной старинной рукописи, оставшейся в Киеве (и практически недоступной для нашего историка, поглощенного государственной службой). Однако авторитет «молодой» голицынской рукописи был в глазах Татищева очень велик: здесь содержалось множество красочных, зачастую очень подробных рассказов о событиях XII в., отсутствовавших во всех других собранных историком летописях.

В 1737 г. Д. М. Голицын был арестован и вскоре умер в заключении. Два года спустя, в 1739 г., заканчивая работу над «Собранием из древних российских летописцев» (из которого впоследствии выросла «История Российская»), Татищев столкнулся с проблемой приобретения доверия будущих читателей. Изображая себя в «Предъизвещении» знатоком подлинных древних манускриптов, историк никак не мог признать, что охватывающее 1110–1198 гг. повествование основано преимущественно на рассказах той летописи, которую он сам в глаза не видел! Из этого щекотливого положения Татищев вышел с гениальной простотой. В «Предъизвещении» он описал под именем «Голицынской летописи» не реальную рукопись из библиотеки Д. М. Голицына (10-х гг. XVIII в.), а ее оставшийся в Киеве протограф (датировавшийся, как мы сейчас знаем благодаря исследованиям Д. М. Клосса, 30-ми гг. XVII в.). Мистифицируя читателей своим рассказом о «Голицынской летописи», Татищев мог полностью выдумать данные о киевском протографе, но мог включить в свой рассказ и реальные сведения, полученные в недавнем прошлом от хозяина копии.

Таким образом, «Голицынская летопись» Татищева как реальный «манускрипт» никогда не существовала (хотя за этим вымышленным «манускриптом» скрывались две вполне реальные рукописи). Любопытно, что Ермолаевская летопись, подобно всем прочим спискам летописи Ипатьевской, содержит не только Киевский свод 1198 г., но и продолжающую его «Галицко-Волынскую летопись». Между тем Татищеву «Галицко-Волынская летопись» осталась неизвестной. Как такое могло произойти? Полагаю, все дело в том, что рукопись из библиотеки Д. М. Голицына к разряду «древних летописей» заведомо не относилась и с точки зрения палеографической никакого интереса не представляла. Татищеву нужно было только ее содержание. Однако при такой установке работа непосредственно с голицынской

рукописью становилась излишней. Видимо, Татищев только бегло полистал ее и поспешил заказать для себя копию. За такое легкомыслие начинающий историк был жестоко наказан судьбой, упустив случай стать первооткрывателем лишенной хронологической сетки «Галицко-Волынской летописи». Произошло следующее: переписчику дали в руки сборник-конволют и заказали копию *летописи*, так он именно летопись и скопировал, завершив свой труд словом «аминь», венчающим Киевский свод 1198 г. Между прочим, далее в Ермолаевской летописи следуют три чистых листа, и лишь затем начинается «Галицко-Волынская летопись».⁴⁸⁹ Неудивительно, что переписчик оставил без внимания весь следующий за пустыми листами текст, где нет летописных статей: он принял продолжение за отдельное произведение.

Глава восьмая

«МЕЧ РОМАНА ГАЛИЦКОГО»: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ

К настоящему времени накоплен очень большой материал, свидетельствующий об апокрифичности татищевских известий о Романах Мстиславиче. Однако след их двухвекового использования в отечественной историографии уже неизгладим. Многочисленные примеры показывают, что устоявшаяся традиция в принципе не может быть прервана, сколь бы ни были убедительны направленные против нее аргументы. Поэтому следует ожидать все новых и новых примеров использования татищевского труда в качестве исторического источника.

По странной иронии судьбы начало этой порочной традиции положил Карамзин — историк очень вдумчивый и настроенный по отношению к татищевскому наследию весьма скептически. Работая над «Историей государства Российского», Карамзин пришел к выводу, что все татищевские известия, не находящие соответствия в летописях, попросту сфабрикованы, а потому достойны разве что беглых упоминаний в примечаниях. Однако из этого принятого историком правила есть одно важное исключение. Между 1201 и 1205 гг. в основном тексте «Истории государства Российского» мы с изумлением обнаруживаем подробный пересказ татищевского известия 1204 г. о походе Романа в Сандомирскую землю и о приеме князем папского посольства.⁴⁹⁰ Что же заставило великого историографа поступить по принципам?

Известно, что Карамзин начинал свою творческую деятельность как литератор. Впоследствии, занявшись разработкой отечественной истории, Карамзин проявил самые блестящие способности в области источниковедения и исторической критики. Сотни примечаний, сопровождающие каждый том его труда, составляют, в сущности,

отдельную книгу, не утратившую научного значения вплоть до нашего времени. Тем не менее литератор в этом человеке никогда не умирал, и основной текст его «Истории государства Российского» — произведение прежде всего литературное. Поэтому можно предположить, что Карамзин просто-напросто соблазнился красочностью татищевского рассказа о папском посольстве к Роману: это ведь настоящий литературный шедевр, хотя и в жанре «миниатюры». Однако детальное знакомство с источниками Карамзина показывает, что для включения этого сюжета в основной текст «Истории государства Российского» были совсем другие, гораздо более веские основания.

Н. М. Карамзин в период работы над первыми томами «Истории государства Российского» (1800-е гг.). Акварель Молилари. Москва. Литературный музей

Обратившись к примечаниям Карамзина, мы увидим, что сцена приема Романом папского посольства вообще не воспринималась историографом как «татищевская». Она была взята вовсе не из татищевской «Истории», а из другого текста, имевшего в глазах Карамзина статус исторического источника. Речь идет о вышедшем в свет в 1767 г. первом издании Радзивилловской (иначе — Кенигсбергской) летописи, которое, как легко догадаться, было в текстологическом отношении весьма несовершенным. В частности, здесь содержалось много совершенно произвольных с точки зрения современной нам текстологии вставок; в ряде случаев их источником была рукопись первой редакции татищевского труда. Татищевские тексты представляли тогда огромный интерес и для издателей, и для читателей: к 1767 г. «История Российская» оставалась неизданной (год спустя, правда, вышел из печати текст второй редакции, написанной современным Татищеву языком, но для осуществления научного издания первой редакции понадобилось еще 200 лет без малого). Надо отдать должное первым издателям Радзивилловской летописи: они проявили научную добросовестность, обозначив свои вставки квадратными скобками и последовательно указывая в примечаниях их происхождение. Тем

не менее все это легко могло ускользнуть от читателя при его усталости или некоторой рассеянности. Видимо, именно это и произошло с Карамзиным: в издании 1767 г. рассказ о приеме Романом папского посольства читается на одной странице,⁴⁹¹ а сноска с уведомлением об использовании татищевского текста, равно как и квадратная скобка, обозначающая начало вставки, — на предыдущей.⁴⁹²

Не следует полагать, что проблемы с произвольными вставками возникают только при использовании устаревших изданий XVIII–XIX вв. Попытки внести в издание летописи элемент реконструкции, порожденные самыми благими намерениями, предпринимались и в XX в. Выпущенное в 1908 г. Шахматовым издание Ипатьевской летописи, долгое время считавшееся образцовым, включает реконструкцию весьма значительного по объему фрагмента текста: восстановлены, с использованием Хлебниковской летописи, утраченные в конце Ипатьевской летописи листы.⁴⁹³ Задача осложнялась тем, что в конце Хлебниковской летописи расположение листов перепутано.⁴⁹⁴ Вместо того чтобы напечатать последовательно оба реальных текста (сперва окончание Ипатьевской летописи, затем — окончание Хлебниковской), Шахматов принялся раскладывать своего рода текстологический пасьянс — восстанавливать первоначальное расположение листов, каким оно было в общем протографе. С этой сложной задачей исследователь не справился: один из фрагментов оказался совсем не на месте, два других поменялись местами.⁴⁹⁵ В результате последние пять листов научного издания Ипатьевской летописи 1908 г. явили миру совершенно новый, никогда не существовавший в реальных рукописях текст. Ошибочность реконструкции Шахматова давно доказана,⁴⁹⁶ однако созданный им псевдолетописный текст живет своей особой жизнью: он перепечатывался не менее четырех раз.⁴⁹⁷

В последнем издании Лаврентьевской летописи, осуществленном выдающимся лингвистом Е. Ф. Карским в 1926–1927 гг., имеются большие вставки текста, заимствованного из Радзивилловской летописи (они обозначены малозаметным отступом).⁴⁹⁸ В этом же издании находим иной образчик реконструкции текста, совершенно идентичный приемам издателей XVIII в. В летописном рассказе о призвании варягов читаем: «старейшии Рюрик [седе Новегороде]...»; в сноске разъясняется, что взятые в квадратные скобки слова заимствованы из утраченной Троицкой летописи.⁴⁹⁹ Однако это утверждение,

восходящее к неоконченному труду профессоров Чеботарева и Черепанова по изданию Лаврентьевской летописи (1804–1811 гг.), не соответствует действительности. На самом деле в Троицкой летописи, как и в Лаврентьевской, было *пропущено* название города, в котором княжил Рюрик, хотя в Троицкой летописи над именем Рюрика *другой рукой* сделана была приписка: «Новг».⁵⁰⁰ Добавим для полноты картины, что Ипатьевская и Радзивилловская летописи помещают призванного княжить Рюрика вовсе не в Новгород, а в Ладогу.⁵⁰¹

В 1950 г. появилось отдельное издание «Повести временных лет». Древнерусский текст памятника был воспроизведен с упрощенной передачей текста и многочисленными конъектурами; при этом широко использовались наработки Карского (из вышеуказанного издания Лаврентьевской летописи). Заимствована была и вставка с указанием на место княжения Рюрика. Здесь она приобрела следующий вид: «старейшии Рюрик *седе Новегороде...*».⁵⁰² Вообще надо сказать, что конъектуры — вещь чрезвычайно опасная: они вполне способны превратить *издание* текста в *реконструкцию* (вспомним закон диалектики о переходе количества в качество). Названное издание «Повести временных лет» вышло в серии «Литературные памятники» и преследовало чисто просветительские цели, но историки неожиданно возлюбили его паче меры и стали охотно цитировать. Издатель (Д. С. Лихачев) отмечает этот факт с явной гордостью,⁵⁰³ хотя в другом месте справедливо замечает: «Историк не может исследовать памятник, как исторический источник, текст которого установлен кем-то другим и не подлежит пересмотру. Историк не может ограничиваться одним текстом, если их есть несколько».⁵⁰⁴

Беда в том, что многие современные историки, цитирующие Лихачевское издание, всерьез полагают, что филологи предоставили им для их нужд некий «очищенный» текст «Повести временных лет» (которая нередко воспринимается даже как особый исторический источник, отличный от реальных летописей). Можно сказать, что давняя мечта Шлёцера об «очищенном Несторе» нашла наконец свое воплощение — на новом этапе развития, как и следовало бы ожидать, в виде фарса, что хорошо видно по приключениям летописного рассказа о призвании варягов. После 1950 г. этот злополучный рассказ едва ли не в 100 % случаев цитируется по Лихачевскому изданию «Повести временных лет», т. е. с известием о вокняжении Рюрика в Новгороде. На курсив никто внимания не обращает, при цитировании он

исчезает.⁵⁰⁵ В результате почти все исследователи истории раннего летописания абсолютно уверены в том, что Рюрик, согласно свидетельству «Повести временных лет», был призван княжить в Новгород.⁵⁰⁶ Таким образом, легенда о призвании варягов получила свой законченный вид не в XII в. и даже не в XIV–XV вв., а лишь в середине XX в.

Как видим, воспроизведение источника с использованием хотя бы частичной и даже самой незначительной реконструкции текста имеет тенденцию трансформироваться, вопреки воле издателей, в развитие летописной традиции. Естественно, это оказывает влияние на историографию. В издании 1767 г. одна-единственная квадратная скобка, оказавшаяся случайно в неудачном месте, породила впоследствии историографическую легенду о папском посольстве к Роману. Татищевский рассказ коварным образом «прокрался» в труд Карамзина и вполне обжился на страницах «Истории государства Российского», которая на протяжении целого столетия оставалась самой популярной книгой по истории отечества. Это имело далеко идущие последствия.

Во-первых, рассказ о папском посольстве к Роману приобрел статус исторического факта и прочно обосновался на страницах ученых трудов, посвященных взаимоотношениям Руси с католическим Западом. Аутентичные источники по этой теме крайне скудны, и с рассказом о папском посольстве к Роману упорно не желали расставаться даже те историки, которые смутно чувствовали неладное. Дашкевич, например, использовал этот рассказ в основном тексте своего исследования и лишь в *примечании* небрежно заметил: «Впрочем, стиль известия о Романовом ответе Папе, занесенного в кенигсбергский список, отличается новизною».⁵⁰⁷ В дальнейшем это важное наблюдение — более ценное, чем весь остальной труд Дашкевича, — никого не смущало. Следуя примеру Карамзина, историки дружно продолжали ссылаться на фрагмент издания 1767 г. как на летописный текст. Был курьезный случай, когда исследователь обнаружил параллельное место у Татищева, но указал его *только для сравнения* с мнимым летописным текстом.⁵⁰⁸ Другого рода курьезом оказалось суждение Грушевского, которому рассказ о папском посольстве к Роману понадобился для наполнения составляемой им «Истории украинской литературы». В глазах Грушевского этот рассказ, взятый все из того же издания 1767 г., был несомненной легендой, но весьма почтенного возраста — времен сближения Данила Романовича

с Римом (!).⁵⁰⁹ Не прошли мимо интересующего нас сюжета и советские историки: рассказ о папском посольстве к Роману был использован, по меньшей мере, в двух монографиях, претендующих на научность.⁵¹⁰ Кроме того, он неоднократно воспроизводился в научно-популярных изданиях. Интересно, что появление в 1962–1964 гг. научного издания обеих редакций татищевской «Истории Российской» не оказало заметного влияния на литературу вопроса. Даже и в наше время, в XXI в., легенда о папском посольстве к Роману все еще жива.

Другим важным следствием проникновения татищевского рассказа в труд Карамзина было появление иллюстративного ряда. Еще в 1837 г. талантливый график Борис Чориков изобразил сцену приема Романом папских послов в книге «Живописный Карамзин, или Русская история в картинах».⁵¹¹ Издание, предназначенное преимущественно для детей и юношества, пользовалось в XIX в. большой популярностью, да и сейчас еще не забыто (в последние годы появились, по меньшей мере, два переиздания). В станковой живописи тему приема Романом папских послов интересно разработал в 1876 г. Николай Неврев. Созданная им композиция весьма динамична: Роман не просто обнажает свой меч, избранный символом политического реализма, но даже взмахивает им в воздухе, вызывая явную оторопь у папского посла. К сожалению, этот шедевр русской исторической живописи нельзя увидеть ни в Историческом музее, для которого картина первоначально предназначалась по замыслу художника, ни в Третьяковской галерее, где собраны почти все лучшие работы Неврева. При советской власти прославляющая древнего галицкого князя картина каким-то загадочным образом покинула

ОТВЕТЪ КНЯЗЯ РОМАНА
или посольство Папы Римскаго III. 1004 года.
Рисунком Бориса Чорикова из книги
«Живописный Карамзин». 1837 г.

Неврев Н. В. Роман Галицкий изгоняет папских послов (фрагмент). Масло. 1876 г.
Государственный художественный музей Республики Беларусь

пределы РСФСР и обнаружилась в минском художественном музее, т. е. именно там, где сюжет не затрагивал исторические воспоминания любителей искусства (Роман Мстиславич в Белоруссии — малоизвестный «чужой» князь, даром что владел Берестьем). Неудивительно, что созданная еще в 1876 г. картина до самого последнего времени оставалась малоизвестной.⁵¹²

В 60-х гг. XIX в., т. е. незадолго до появления картины Неврева, рассказ Карамзина о папском посольстве к Роману привлек внимание графа А. К. Толстого — поэта, влюбленного в русскую историю. Появилось поэтическое переложение, которое сам автор, умерший в 1870 г., не успел опубликовать (вероятно, он считал его художественно несовершенным, требующим доработки). Тем не менее судьба этого стихотворения оказалась счастливой. Можно сказать, что оно стало хрестоматийным, так как неизменно входило во все издания

стихотворений А. К. Толстого, адресованные детям, т. е. самые многотиражные и к тому же иллюстрированные.

В новой своей версии — поэтической — сцена приема Романом папского посольства заметно изменилась. У Татищева действие происходит на польской земле, разоряемой Романом, а послы Папы являются одновременно с послами Лешка. Рассказ Карамзина значительно короче и уже не столь ясен; послы Лешка здесь являются первыми, Роман успевает дать им ответ еще до появления папских послов, и читатель вполне может подумать, что эти последние явились к Роману уже после его возвращения в Галич. Именно так и трактует происходящее поэт. Действие переносится в «светлые хоромы» над Днестром (подобно многим историкам, поэт ошибочно полагал, что древний Галич стоял на Днестре). В уста папского посла вложено прославление деяний Романа, причем самые яркие краски поэт почерпнул из летописной посмертной хвалы этому князю.

К Роману Мстиславичу в Галич послом
Прислал папа римский легата,
И вот над Днестром, среди светлых хором
В венце из царьградского злата,
Князь слушает, сидя, посольскую речь,
Глаза опустив, опершись на меч.
И молвит легат: «Далеко ты,
О княже, прославлен за доблесть свою!
Ты в русском краю
Как солнце на всех изливаешь щедроты,
Врагам ты в бою
Являешься Божиим громом;
Могучей рукой ты Царьград поддержал,
В земле половецкой не раз испивал
От синего Дона шеломом;
Ты храбр, аки тур, и сердит, аки рысь,
Но ждет тебя большая слава,
Лишь римскому папе душой покорись,
Святое признай его право:
Он может по воле решить и вязать,
На дом он на твой призовет благодать,
На недругов — Божье проклятье!
Прими ж от него королевскую власть,

К стопам его пасть
 Спешу — и тебе он отверзет объятья
 И, сыном коль будешь его наречен,
 Тебя опояшет духовным мечом!».
 Замолк. И, лукавую выслушав речь,
 Роман на свой меч
 Взглянул — и его вполювину
 Он выдвинул вон из нарядных ножен:
 «Скажи своему господину:
 Когда так духовным мечом он силен,
 То он и хвалить его волен;
 Но пусть он владеет по-прежнему им,
 А я вот и этим, железным своим,
 Доволен.
 А впрочем, за ласку к Червонной Руси
 Поклон ему наш отнеси!».⁵¹³

Ответ Романа папскому послу в поэтической версии заметно смягчен. Совершенно исчез татищевский мотив вызова католическому миру, передаваемый и Карамзиным. Жест прежнего, «татищевского» Романа, вынужденного перед папским послом из ножен свой меч, представлял собой, в сущности, демонстративное нарушение норм дипломатического этикета. У Толстого князь выдвигает меч из ножен лишь «вполювину»; мирный характер жеста подчеркивается тем, что ножны «нарядные». Характерно, что никаких прений о вере не происходит; легат ограничивается ссылкой на необычайное могущество Папы в сфере духовной. Однако это не производит никакого впечатления на Романа. Русский князь — известный всей Европе могучий властитель — не нуждается в какой бы то ни было поддержке и вполне спокойно, без экзальтации, демонстрирует папскому легату полную уверенность в своих силах. Заключительные слова Романа, выражающего благодарность «за ласку», показывают его вежливость; здесь он уже не проповедует право сильного, не заявляет о своем желании кровью расплачиваться за боем взятые чужие города. В результате этой метаморфозы Роман становится ближе и понятнее человеку нового времени. Суровый татищевский герой с его взрывным темпераментом и непоколебимой верой в свою силу вызывает противоречивые чувства. Роман из баллады Толстого совсем иной: он воспринимается скорее как обобщенный, идеализированный образ древнерусского князя, нежели как конкретно-исторический

персонаж. В этом — художественная неудача поэта, которую он, будучи натурой исключительно тонкой, видимо, чувствовал. Полагаю, что именно это и заставило его отказаться от публикации стихотворения, внешне вполне законченного.

Мало кто в наше время заподозрит, что прототипом героя баллады А. К. Толстого является тот самый князь Роман Мстиславич, который упоминается мѣлком в школьном учебнике истории как объединитель Волынского и Галицкого княжеств. Очень трудно пробить брешь в мощной стене, разделяющей научную историографию и массовое сознание. Тем не менее поэтический образ князя Романа знаком всем сколько-нибудь образованным носителям русской культуры. Следовательно, заложенный в татищевском рассказе заряд эмоционального воздействия не пропал даром.

Глава девятая

РОМАН МСТИСЛАВИЧ И ПЕТР БОРИСЛАВИЧ: ТАТИЩЕВСКИЕ ИЗВЕСТИЯ В МИСТИФИКАЦИЯХ АКАДЕМИКА РЫБАКОВА

Среди «столпов» советской исторической науки, занимавшихся эпохой Киевской Руси, совершенно особая роль принадлежала академику Б. А. Рыбакову (1908–2002). Это был разносторонне одаренный человек, начинавший свою ученую карьеру как археолог; впоследствии, уже в зрелые годы, он занялся изучением повествовательных источников. Этот не совсем обычный пример невольно заставляет вспомнить о Карамзине, который, согласно высказыванию Пушкина, приобрел обширную ученость «уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению».⁵¹⁴ Продолжателем традиций Карамзина сделала Рыбакова и его способность воспринимать прошлое не только логически, но и художественно.⁵¹⁵

Нельзя не признать, что Рыбаков был талантливым литератором и выдающимся популяризатором исторических знаний. Книги его — всегда интересные по замыслу, написанные живым и доступным языком — издавались большими тиражами, легко расходились и быстро принесли автору вполне заслуженную славу. Непревзойденным шедевром в своем жанре остается книга, посвященная русским князьям эпохи «Слова о полку Игореве».⁵¹⁶ Однако две ипостаси академика Рыбакова — историка и литератора — не всегда гармонично сочетались в его трудах. Подобно многим талантливым людям, академик был человеком увлекающимся и вполне способным ради красного словца пренебречь истиной. Иногда эта опасная для исследователя черта заводила его очень далеко, порождая эффектные концепции,

обоснование которых — с внешней стороны очень внушительное — на поверку оказывается не более чем каскадом мистификаций.

В 1972 г. вышла из печати книга академика Рыбакова, излагающая его представления о русском летописании XII в. (представления, разумеется, чисто гипотетические: древнейшая из дошедших до наших дней летописей датируется концом XIII–началом XIV в.⁵¹⁷). Около 20 % текста своего исследования автор посвятил анализу дополнительных известий татищевской «Истории Российской» за 1110–1197 гг.⁵¹⁸ Выводы сделаны были радикальные: основная масса татищевских известий бесспорно достоверна, поэтому они должны использоваться в качестве исторических источников. «Драгоценные для истории русской общественной мысли XII в. татищевские материалы должны слиться с обычными летописными»,⁵¹⁹ — объявил академик и немедленно сам начал в этом полезном деле упражняться (весьма активно, на протяжении последующих 116 страниц).

Среди прочего, Рыбаковым проведено было довольно обширное текстологическое исследование: определен (в условных единицах) объем годовых статей Ипатьевской летописи за 87 лет, с 1110 по 1197 г., затем — объем дополнительных татищевских известий за тот же период. Сопоставление полученных данных было представлено в виде диаграммы (см. с. 307). Существует мнение, что академик Рыбаков получил совершенно выдающиеся в научном отношении результаты: «Он создал мощный инструмент анализа близости изучаемых текстов путем построения гистограмм распределения количества информации за сотню лет на материалах так называемых “татищевских известий”». Этот блестящий методический прием позволил разрешить двухвековой спор о достоверности “татищевских известий” выводом о несомненно общем происхождении текста Летописи В. Н. Татищева за XII в. и текста Ипатьевской летописи, обнаруженной много лет спустя после смерти Татищева. В итоге эксперимента Б. А. Рыбакова был сделан решающий шаг к утверждению в правах метода “корреляции пиков информации”, математический аппарат к которому был создан известным математиком А. Т. Фоменко, работавшим в том же направлении, что и Б. А. Рыбаков, независимо от последнего».⁵²⁰

К сожалению, автор этого славословия академику Рыбакову (Л. В. Милов) не совсем точен. «Несомненно общее» происхождение текста «Истории Российской» В. Н. Татищева (которую Милов почему-то именует «Летописью») и текста Ипатьевской летописи

в пределах XII в. никогда и ни у кого из серьезных историков не вызвало сомнений. Уже Карамзин, который впервые ввел в научный оборот Ипатьевскую летопись, открытую А.И. Тургеневым около 1807 г., высказался по этому поводу вполне определенно.⁵²¹ Проблема достоверности дополнительных татищевских известий не имеет к этой давно закрытой теме никакого отношения. Цель академика Рыбакова, по его собственным словам, была иной. Он искал ответа на следующие вопросы: «Равномерно ли хронологически распределяется то, что считают вымыслом Татищева? Не восполнял ли он своей фантазией бедность сведений об определенных периодах русской истории?».⁵²²

Никакого «эксперимента» Рыбаков, разумеется, не проводил. Методика его исследования очень проста: в случае с дополнительными татищевскими известиями за единицу измерения взята «одна строка нового издания II и III томов «Истории Российской» (1962 и 1963 гг.)».⁵²³ Объем годовых статей Ипатьевской летописи дан с другой единицей измерения: здесь это — строка издания 1871 г.⁵²⁴ Задача историка сводилась к тому, чтобы выделить татищевские известия (для этого необходимо хорошее знание летописей) и разметить текст в двух томах «Истории Российской», а затем чисто механически пересчитать число строк (последнее легко мог бы сделать любой школьник, знающий арифметику). Алгебры для подобных исследований не требуется, не говоря уже о более сложных математических методах. Что касается «корреляции пиков информации», то она и в самом деле была обнаружена, однако ради достижения этой цели пришлось прибегнуть к некоторому насилию над исходным материалом.

Для начала Рыбаков смело подправил данные, касающиеся Ипатьевской летописи. Последние три «ступеньки» в нижней части составленной им диаграммы обозначают статьи 6703, 6704 и 6705 гг., после чего академик сообщает доверчивому читателю: «Конец Киевского свода 1198 г.». На самом деле этот свод вовсе не заканчивается на статье 6705 г. Открыв в указанном месте Ипатьевскую летопись, мы увидим, что далее следует огромная по объему статья 6706 г. (сохранившая свой первоначальный вид в Хлебниковском списке, а в Ипатьевском искусственно разбитая на три: 6706, 6707 и 6708 гг.). Только после этого начинается «Галицко-Волынская летопись». Поскольку статья 6706 г. самим фактом своего существования грубо нарушала искомую «корреляцию пиков информации», академик ее попросту «вырезал»,

справедливо рассудив, что никому даже в голову не придет заподозрить возможность столь дерзкой подтасовки данных (тем более что отдельные «ступеньки» диаграммы, обозначающие летописные статьи, не подписаны).

С верхней частью диаграммы, обозначающей дополнительные татищевские известия, дело обстоит еще хуже. Стиль работы академика Рыбакова легко показать на примере известий о Романе Мстиславиче под 1195, 1197, 1204 и 1205 гг., составляющих, как мы уже знаем, единый цикл. Оказывается, этот цикл академик искусственно разорван: первые два известия включены в диаграмму, а следующие два — уже нет. В чем причина такой избирательности? Исследование ограничено 1197 г.; после окончания верхней части диаграммы следует надпись: «Конец Раскольников и Голицынской летописей».

Однако «Голицынская летопись», написанная на бумаге и не слишком авторитетная в глазах изучающих источники Татищева историков, на самом деле заканчивалась 1198 г.⁵²⁵ Совершенно ясно, что Рыбакова интересовали только те татищевские известия, которые теоретически могли восходить к пергаментной «Раскольниковей летописи», заканчивавшейся 1197 г. Чтобы у нас не оставалось в этом отношении никаких сомнений, академик спешит высказаться вполне откровенно: «Самым интересным является сопоставление основной массы дополнений, взятых Татищевым из древней Раскольниковей летописи, с известным нам текстом Киевского свода (Ипатьевская летопись)».⁵²⁶ Курсив мой, навязчивая идея — академика Рыбакова.

Как видим, хронологический рубеж исследования был определен на основании предвзятого мнения. Однако даже этот весьма оригинальный принцип отбора информации Рыбаков не смог провести последовательно: в исследование включен татищевский рассказ о походе Романа к Галичу (под 1197 г.), хотя в тексте «Истории Российской»

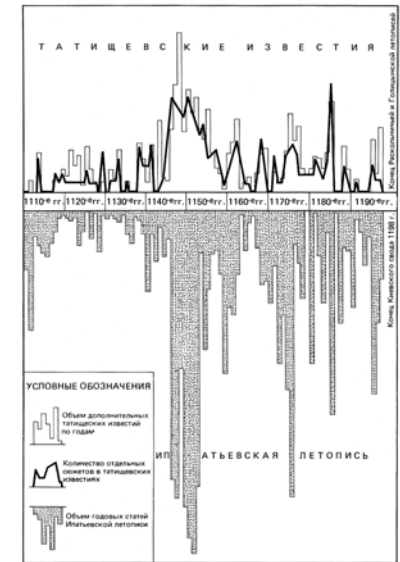

Диаграмма соотношения годовых статей Ипатьевской летописи и татищевских известий за XII в. (из книг Б. А. Рыбакова)

непосредственно перед этим рассказом находится примечание, указывающее на окончание «Раскольничьей летописи». Впрочем, понять логику Рыбакова легко: степень «корреляции пиков информации» на составленной им диаграмме без известия 1197 г. была бы заметно ниже. Включение в исследование более поздних известий о Романе было уже невозможно: в этом случае верхний ряд диаграммы продолжался бы до 1205 г., и его относительная симметрия с нижним рядом, отражающая «корреляцию пиков информации», была бы самым грубым образом нарушена. Рыбаков не может отрицать, что «татищевские дополнительные известия не прекратились в XIII в.», но утверждает, что «они в этом столетии приобрели совершенно иной характер».⁵²⁷ Уловка поистине жалкая! Мы видели (часть 2, гл. 7), что единство известий о Романе под 1195, 1197, 1204 и 1205 гг. не подлежит никакому сомнению. В совокупности они выстраивают на страницах татищевского труда очень прочный мост из XII в. в XIII. Ту же роль «моста» играет у Татищева и стилистически единая серия портретов-характеристик русских князей (три последние — под 1180, 1205 и 1211 гг.).

Все манипуляции, проделанные Рыбаковым с использованными в его исследовании текстами, для профана совершенно незаметны, но по сути своей настолько грубы, что невольно вспоминается древнегреческая легенда о разбойнике Дамасте. У этого злодея было ложе, на которое он заставлял ложиться путников, попавших в его руки. Если ложе оказывалось коротко, Дамаст отрубал своей жертве ноги, а если длинно — вытягивал несчастного до тех пор, пока его ноги не касались края ложа (этого разбойника так и прозвали «Прокрустом», т. е. «вытягивателем»). Полагаю, что метод академика Рыбакова, примененный при составлении рассмотренной нами диаграммы, вполне справедливо было бы называть, в честь вышеупомянутого мифологического персонажа, «методом Прокруста».

К сожалению, используемые историками количественные методы вообще очень легко поддаются фальсификации (вопреки расхожему представлению о надежности и объективности полученных с их помощью результатов). Как известно, итог исследования может считаться достоянием науки только в том случае, если он воспроизводим. Если при повторении исследования другими учеными неизменно получается один и тот же результат — значит, он вполне надежен и в дальнейшем может быть использован; в противном

случае в исследовании надо искать какой-то методический изъян. Все это — азбучная истина, но ее слишком часто игнорируют. Дело в том, что количественные исследования очень трудоемки, а повторение их не сулит никаких лавров. Поэтому итоги таких исследований обычно принимаются на веру. Выводы автора какой-нибудь увесистой монографии, испещренной таблицами и графиками, принимаются за «установленные факты» и начинают воспроизводиться другими историками. Между тем выводы однократно проведенного количественного исследования к числу научных фактов, строго говоря, отнесены быть не могут. Объективно они представляют собой всего лишь набор нуждающихся в проверке рабочих гипотез.

Пример с диаграммой академика Рыбакова в этом отношении очень показателен. Мы видели, что при попытке воспроизведения его исследования результат получается совсем другой. Для специалистов установить этот факт не составляло никакого труда, однако на протяжении 35 лет желающих оспорить выводы академика так и не нашлось.⁵²⁸ И это притом, что методическую состоятельность его исследования можно было подвергнуть сомнению даже без пересчета количественных данных.

Во-первых, границы дополнительных татищевских известий в тексте «Истории Российской» определялись самим автором исследования и вполне произвольно. Во-вторых, татищевские дополнения не всегда представляют собой цельные рассказы. Они могут иметь также характер отдельных вкраплений в «канонический» текст Киевского свода 1198 г., известный нам по Ипатьевской летописи (мы уже знакомились с подобной ситуацией на примере рассказа о походе Романа в Польшу в 1195 г., см. таблицу на с. 279). В таких случаях, видимо, некорректно расценивать *весь* дополненный рассказ как дополнительное татищевское известие. В-третьих, Рыбаков ввел в свое исследование помимо объема текстов еще один показатель, которого мы пока не касались. Это — «количество отдельных сюжетов в татищевских известиях» (см. ломаный график в верхней части диаграммы, поверх белых «ступенек», обозначающих объем дополнительных татищевских известий по годам). Такого рода показатели в научных исследованиях вообще использоваться не должны, поскольку они весьма субъективны и в силу этого являются принципиально невоспроизводимыми. Покажем это на примере татищевского рассказа о походе Романа в Польшу

под 1204 г. Проще всего усмотреть здесь один-единственный «сюжет»: рассказывается, в сущности, только о Романе, и все действие вертится вокруг его персоны. Достаточно легко обнаружить и два «сюжета»: о походе Романа в Польшу и о приеме им папского посольства. Есть основания и для выделения трех «сюжетов» (поход в Польшу, переговоры с польскими послами, прием папского посольства). При желании можно и далее расщеплять татищевский рассказ на «отдельные сюжеты» — не до бесконечности, но все-таки еще достаточно долго.

Самое уязвимое место построений академика Рыбакова — неуклюжая попытка «спасти» знаменитые татищевские портреты-характеристики древнерусских князей. Их много (тринадцать!), и при явном стилистическом единстве они охватывают целое столетие (1113–1211 гг.). Понятно, что возводить их к пресловутой «Раскольничей летописи» никак нельзя. Однако Рыбакова не устраивала перспектива расставания с самыми милыми его сердцу татищевскими текстами, и он принял поистине соломоново решение: если нельзя приписать эти маленькие литературные шедевры одному летописцу — припишем разным! В результате «портреты» Романа Мстиславича (под 1205 г.) и Рюрика Ростиславича (под 1211 г.), которые находятся вне хронологических рамок «Раскольничей летописи», оказались отнесены к «летописанию Романа Мстиславича и его дома».⁵²⁹ Здесь Рыбаков, что называется, пустился во все тяжкие. По поводу летописания самого Романа можно еще пофантазировать, но каким образом предполагаемое летописание «его дома» соотносится с «Галицко-Волынской летописью» — составной частью Ипатьевской летописи, прославляющей потомков Романа и являющейся реальным, а не мнимым летописанием его дома? Эту скользкую тему академик предпочитает не затрагивать.

Идея отражения в источниках Татищева «летописания Романа Мстиславича» всплывает в рассуждениях Рыбакова не менее четырех раз.⁵³⁰ Напрасно, однако, заинтригованный читатель ждет, когда исследователь выскажет свои соображения о том, какая из рукописей Татищева могла содержать «летописание Романа Мстиславича» (или хотя бы фрагменты этого летописания). При этом академик без ложной скромности заявляет: «мною выделены все татищевские дополнения и намечена их группировка как по княжеским домам, так и по манускриптам».⁵³¹

Последователи Рыбакова вполне могут заявить, что апокрифичность цикла татищевских известий о Романе Мстиславиче под 1195, 1197, 1204 и 1205 гг. вовсе не доказывает отсутствие у Татищева аутентичных источников. Даже если известия о Романе вымышлены Татищевым, из этого вовсе не следует, что вымышлены *все* дополнительные известия Татищева. Это рассуждение возвращает нас к любимой идее Рыбакова: основная масса дополнений восходит к пергаментной (т. е. заведомо древней, если указание Татищева не ложно) Раскольничей летописи. Распределив дополнительные известия «Истории Российской» «по княжеским домам», Рыбаков пришел к выводу: «Раскольничий манускрипт Татищева, содержащий 85 % всех дополнений XII в., представлял собой полную, еще не подвергшуюся сокращению Киевскую летопись двух поколений “Мстиславова племени”: Изяслава Мстиславича и двух внуков Мстислава — Мстислава Изяславича и Рюрика Ростиславича».⁵³² Увы, здесь академик снова нас мистифицирует. Допустим, что 85 % татищевских дополнений за 1110–1197 гг. действительно повествуют в благожелательном тоне о трех вышеназванных потомках Мстислава Великого. Но на каком основании эти дополнения отнесены Рыбаковым к «Раскольничьему манускрипту»? В данном случае вся «кухня» историка просматривается вполне отчетливо. Первоначально Рыбаков выделил 161 татищевское известие о «Мстиславовом племени». Обратившись к соответствующим татищевским примечаниям, он обнаружил неприятный факт отсутствия ссылок на Раскольничью летопись (при наличии трех ссылок на Голицынскую летопись). Понятно, что такой расклад Рыбакова не устраивал. Вследствие этого он причислил к известиям о «Мстиславовом племени» татищевский рассказ об основании Москвы,⁵³³ восходящий, согласно имеющемуся примечанию, к Раскольничей летописи.⁵³⁴ Не беда, что представители «Мстиславова племени» здесь не упоминаются вовсе, зато здесь представлен в черном свете Юрий Долгорукий. Логика Рыбакова такая: Юрий был врагом Изяслава Мстиславича, следовательно, порочащий Юрия рассказ принадлежит перу сторонника «Мстиславова племени». Таким образом, известий о «Мстиславовом племени» оказалось уже 162, и была приобретена одна прямая ссылка на Раскольничью летопись, при трех ссылках на Голицынскую.⁵³⁵ Оставался сущий пустяк: определить происхождение 158 известий, происхождение которых Татищевым не указано. Рыбаков вышел из этого затруднения с гениальной простотой,

припомнив, что Раскольников летопись содержала, согласно Татищеву, «разговоры и причины дел».⁵³⁶ Поскольку в татищевских известиях о «Мстиславовом племени» часто встречается прямая речь действующих лиц, происхождение этих известий из Раскольниковей летописи, по Рыбакову, «полностью подтверждается».⁵³⁷ Принять эту странную логику может только очень внушаемый или очень невнимательный читатель.

Как видим, благожелательные к «Мстиславову племени» дополнения «Истории Российской» отнесены Рыбаковым к «Раскольниковей летописи» вполне произвольно. Кроме того, не следует забывать, что самые выдающиеся представители «Мстиславова племени», Мстислав Изяславич и Рюрик Ростиславич, были врагами. Приписывать благожелательные известия о них обоим одному источнику можно только при допущении, что это был *свод*. Рыбаков же утверждает, что все эти известия восходят к тексту, созданному одним лицом: «Летопись на протяжении полувека настолько устойчиво сохраняет единый стиль, единую политическую концепцию и широту кругозора, что должна быть обязательно сочтена произведением одного человека».⁵³⁸ К сожалению, эта замечательная «летопись» не является реальным текстом; более того, она не существует даже в виде условной реконструкции (тот факт, что Рыбаков такой реконструкции нам не представил, уже сам по себе чрезвычайно показателен). А вот «История Российская» вполне реальна, и она действительно является произведением одного человека — Василия Никитича Татищева. Отсюда и проистекают единый стиль, единая политическая концепция и широта кругозора, справедливо отмеченные Рыбаковым. Однако замечательный татищевский труд сам по себе Рыбакову не интересен. То ли дело «древняя летопись»! И вот уже Рыбаков, увлеченный своей идеей до самозабвения, преспокойно переносит черты историка XVIII в. на предполагаемого гениального летописца XII в.

Разработка темы продолжается в том же стиле. Следует так называемая атрибуция — попытка установления личности автора погибшей летописи, читавшейся, по Рыбакову, в Раскольниковей летописи. С точки зрения текстологии ситуация вполне комическая, ибо разыскивается автор несуществующего текста. Сам Рыбаков ничего смешного тут не видит, логика его такова: конечно, текст погибшей летописи больше не существует как отдельный памятник, зато

содержание этого текста практически полностью воспроизведено Татищевым во второй редакции «Истории Российской». Однако эта гипотеза без реконструкции текста предполагаемого утраченного источника гроша ломаного не стоит. Кроме того, Рыбаков замалчивает проблему «минус-текста» татищевского труда (или, что еще хуже, вообще не догадывается о существовании этой проблемы). Между тем «минус-текст» татищевского труда, обнаруживающийся при сопоставлении «Истории Российской» с Ипатьевской летописью, представляет гораздо больший интерес для текстолога, чем «плюс-текст» в виде пресловутых добавочных известий.

Попробуем допустить, вслед за Рыбаковым, что составитель Киевского свода 1198 г. использовал более раннюю летопись «Мстиславова племени», подвергнув исходный текст переработке и произведя значительные сокращения.⁵³⁹ Но если бы Татищев располагал, как уверяет нас Рыбаков, полной версией летописи «Мстиславова племени» («Раскольниковей летописи»), то текст «Истории Российской» за 1110–1197 гг. значительно превосходил бы по объему соответствующий фрагмент Ипатьевской летописи. В реальности дело обстоит прямо противоположным образом. Обратившись к первой редакции татищевского труда, написанной «древним наречием» (что весьма облегчает сопоставление с летописными текстами), всякий желающий очень быстро обнаружит, что многие годовые статьи «Истории Российской» значительно уступают по объему соответствующим статьям Ипатьевской летописи.

Разумеется, в некоторых случаях такое положение обусловлено сокращениями, произведенными самим Татищевым. Так, например, весьма объемные статьи Ипатьевской летописи 6705 и 6706 гг. в татищевском своде замещены очень краткими пересказами: историк явно считал неуместным воспроизводить полностью длинные «церковные» рассуждения летописца (Татищев вообще систематически подвергал летописный материал довольно жесткой антиклерикальной цензуре). Кроме того, Татищев смело выбрасывал заведомо тенденциозные высказывания летописца (так, например, он устранил вложенный летописцем великого князя Всеволода в уста Романа отзыв о Всеволоде как о его, Романа, «отце и господине»)⁵⁴⁰ Для нашей темы более интересны, однако, другие случаи — те, где сокращения в «Истории Российской» не произвольны, а обусловлены состоянием имевшихся в распоряжении Татищева источников. Это и есть

«минус-текст» — феномен, для сторонников достоверности татищевских известий очень неудобный.

В качестве конкретного примера рассмотрим статью 6659 г. (1 марта 1151 г.—28 февраля 1152 г.). По объему она — самая большая в Ипатьевской летописи; события описываются очень подробно, местами рассказ приобретает характер дневника. Политические симпатии автора этого текста вполне очевидны: главным героем является Изяслав Мстиславич, старший из князей «Мстиславова племени». Следует ожидать, что у Татищева рассказ будет никак не меньшего объема, чем в Ипатьевской летописи. Может ли быть иначе, если Татищев имел в своем распоряжении «полную, еще не подвергшуюся сокращению Киевскую летопись» потомков Мстислава Великого? Однако сопоставление текстов показывает, что с определенного момента Татищев оставляет источник, близкий к Ипатьевской летописи, и начинает воспроизводить более краткий рассказ о тех же событиях по Радзивилловской летописи⁵⁴¹ (ее копия, как известно, была в числе основных источников Татищева). Чуть ниже появляются признаки использования Татищевым Воскресенской летописи,⁵⁴² рассказ которой тоже значительно короче, чем в Ипатьевской. Ближе к концу летописной статьи Татищев возвращается к пространной версии: источником снова становится летопись группы Ипатьевской. Всякий историк, знакомый с текстологией, вынужден будет признать, что основной источник Татищева, близкий к Ипатьевской летописи, в пределах статьи 6659 г. содержал значительную лакуну. Границы ее могут быть определены с большой точностью.⁵⁴³ При этом обнаруживается, что текстологически «вычисленная» лакуна татищевского источника совпадает с реальной лакуной поздней Ермолаевской летописи⁵⁴⁴ (условно отождествляемой рядом исследователей с Голицынской летописью Татищева). Во второй редакции «Истории Российской» лакуна сохраняется: никаких признаков восстановления текста нет. Зато имеется множество оригинальных мелких вставок — типичных татищевских известий.⁵⁴⁵

Как видим, Татищев был не в состоянии заполнять пробелы своего дефектного списка Ипатьевской летописи по другому, более исправному списку той же летописи; он вынужден был использовать параллельные тексты других летописных сводов. Надо признать, однако, что под 1151 г. Татищев показал незаурядное мастерство компилятора, заполнив большую лакуну текстами из Радзивилловской

и Воскресенской летописей столь удачно, что историки нескольких поколений вообще ее не замечали.⁵⁴⁶ Не менее показательна тактика Татищева в тех случаях, когда он находил в основном своем источнике не лакуну, а признаки перемещения фрагментов текста. Если в доступных ему летописях, не относящихся к группе Ипатьевской, параллельных мест не обнаруживалось, историк пытался восстановить первоначальный текст, основываясь на соображениях чисто умозрительных; при этом он делал, естественно, грубейшие ошибки (см. Дополнение 6).

Если допустить, вместе с академиком Рыбаковым и другими сторонниками достоверности татищевских известий, что пергаментная «Раскольничья летопись» реально существовала, то придется признать, что качество этого источника было совершенно неудовлетворительным. Помимо больших и малых лакун можно собрать в тексте «Истории Российской» за 1110–1198 гг. целую коллекцию курьезных дефектных чтений, порой обесмысливающих текст Киевского свода 1198 г. Происхождение этих дефектов совершенно непостижимо, если твердо стоять на том, что Татищев располагал пергаментной рукописью, содержащей «полную, еще не подвергшуюся сокращению Киевскую летопись». В то же время эти дефекты татищевского текста легко вывести из дефектного же текста Ермолаевской летописи.

Чтобы повеселить заскучавшего читателя, непривычного к сложным текстологическим штудиям, возьмем из огромной коллекции дефектных чтений первой редакции «Истории Российской» лишь несколько самых забавных примеров. Начнем с эпохи Изяслава Мстиславича. В «Истории Российской» описание его княжения в Киеве (1146–1154 гг.) пестрит весьма объемными дополнениями; тем более интересно проверить, насколько адекватно передан Татищевым реальный, дошедший до наших дней текст Ипатьевской летописи за те же годы.

После смерти 1 августа 1146 г. Всеволода Ольговича — князя, не пресекавшего злоупотреблений назначенных им должностных лиц и оттого нелюбимого народом, — в Киеве начинаются «массовые беспорядки». Взбунтовавшийся народ, как водится у нас на Руси, первым делом дорвался до грабежа. Пострадали от грабителей дворы княжеского тиуна Ратши и *мечников* (так называли младших служителей князя, выполнявших функции полицейских,

стражников, судебных исполнителей, а при случае и палачей). Исправный рассказ об этих событиях находим только в Ипатьевской летописи.

Ипатьевская летопись	Ермолаевская летопись	Татищев, «История Российская» (первая редакция)
Они же устремишася на Ратьшин двор и на мечьники ⁵⁴⁷	Они же устремишася на Ратшин двор и на менники ⁵⁴⁸	Киевляне же устремишася на Ратшин двор грабити и на Меннин ⁵⁴⁹

В Ермолаевской летописи и у Татищева текст испорчен, причем мы наблюдаем две последовательные стадии его искажения. В Ермолаевской летописи — обычная описка («менники» вместо «мечьники»), которая, однако, обесмысливает текст. У Татищева уже иное — неудачная попытка осмысления. На месте искаженного до неузнаваемости архаичного термина появляется имя собственное, и рядом с историческим тиуном Всеволода Ольговича Ратшей встает из небытия некий «Менна». Здесь сразу вспоминается «подпоручик Киж» из широко известного рассказа Юрия Тынянова, основанного на старинном анекдоте. Во все века дефектные тексты заселяются новыми персонажами по одной и той же схеме.

Второй пример мы возьмем из описания событий, следовавших за киевским бунтом. Изяслав Мстиславич, в то время князь южного Переяславля, начинает борьбу против младших Ольговичей и выступает на Киев. У местечка Дерновое происходит его встреча с представителями городских общин: сначала с белгородцами и василевцами, а затем и с киевлянами. Исправный текст снова находим только в Ипатьевской летописи.

Ипатьевская летопись	Ермолаевская летопись	Татищев, «История Российская» (первая редакция)
Том же месте прислашася к нему Белгородчи и Василевци, тако же рекуче: «Поиди, ты наш князь, а Олговичь не хотим». Том же месте приехаша от Киян мужи, нарекуче: «Ты наш князь, поеди, а Олговичь не хотим быти акы в задничи, кде узрим стяг твои, ту и мы с тобою готови есмь» ⁵⁵⁰	Том же месте прислашася к нему Белгородци и Василевци, тако же рекуче: «Поиди, ты наш князь, поед, а Олговичь не хотим быти, где узрим стяг твои, ту и мы с тобою готови есмы» ⁵⁵¹	В том же месте прислашася к нему белгородчи и василевцы, то же рекучи: «Иди и егда узрим стяг твой, совокупимся тебе» ⁵⁵²

Обращенная к Изяславу речь киевлян в Ипатьевской летописи довольно сложна для восприятия, но при внимательном прочтении смысл ее совершенно ясен: «Ты наш князь, поезжай (*вперед, на Киев*), а Ольговичам (*младшим, Игорю и Святославу*) не хотим достаться (*после смерти Всеволода Ольговича*) как некое наследуемое имущество («акы в задничи»); где увидим стяг твой, там и мы с тобою готовы (*сражаться против твоих врагов*)».

В Ермолаевской летописи текст значительно короче, нежели в Ипатьевской, по двум причинам. Во-первых, имеется типичный дефект переписки (гаплография) — выпал фрагмент, находившийся между дважды повторенным словосочетанием «ты наш князь». В результате о прибытии к Изяславу послов-киевлян уже не сообщается, а их речь оказывается «состыкованной» с речью белгородцев и василевцев. Тот же самый дефект прилежно воспроизведен в татищевском своде. Во-вторых, в Ермолаевской летописи пропущено переписчиком (жившим в начале XVIII в.) непонятное ему словосочетание «акы в задничи»⁵⁵³ («как некое наследуемое имущество»). В результате текст, который был просто неясен, стал уже совершенно бессмысленным. У Татищева видим следующую стадию процесса порчи текста: выброшен потерявший смысл оборот «а Олговичь не хотим быти».

Третий пример, который мы рассмотрим, ярко демонстрирует зависимость историка от качества его источников и показывает, в какую лужу можно сесть из-за ложного понимания текста. Летописец рассказывает о том, как Изяслав Мстиславич, ставший киевским князем, вступил в борьбу со своим дядей Юрием Долгоруким. Нуждаясь в союзниках, он отправился в Новгород, где на вече призвал новгородцев и псковичей выступить в поход против Юрия. В ответ на его речь новгородцы восторженно объявляют: «Пусть же пойдет каждый, даже и дьяк, которому уже выстригли гуменце на макушке, но еще не поставлен, и тот пойдет; а кто уже поставлен, пусть Бога молит».

На этот раз исправный текст находим только в Хлебниковской летописи XVI в. (т. е. в непосредственном источнике Ермолаевской летописи начала XVIII в.⁵⁵⁴).

Хлебниковская летопись*	Ермолаевская летопись	Татищев, «История Российская» (первая редакция)
Ать же поидет всяка душа, аче и дяк, а гуменце ему прострижено, а не поставлен будет, и тѣи поидет, а кто поставлен, а тѣ Бога молить ⁵⁵⁵	Ать поидем всяка душа, аче поп, дяк, игумен цело пострижено не будет и тот поидет, а кто поставлен, агъ он Бога молит ⁵⁵⁶	Да всяка душа поидет, аще клир, игумен и цело пострижен, но не поставлен; а кто поставлен от Бога молить, той останется ⁵⁵⁷
* В Ипатьевском списке текст дефектен, выпала часть фразы: «и тѣи поидет, а кто поставлен».		

В данном случае переписчик начала XVIII в., который вообще был очень тороплив и рассеян, сделал ряд грубых ошибок на протяжении совсем небольшого участка текста. В частности, вместо «гуменца» (тонзуры) Хлебниковской летописи на страницах Ермолаевской летописи явился «игумен», причем дальнейший текст сразу же оказался бессмысленным. Обратившись к татищевскому тексту, мы видим, что историк использовал именно Ермолаевскую летопись (или, если угодно, другой дефектный список с точно такой же ошибкой, как в Ермолаевской летописи). Доказывается это тем, что испорченное место не было осознано Татищевым как испорченное; более того, оно привлекло особое внимание историка и подвигло его на совершенно фантастическое толкование в примечаниях. Татищев решил, что выражение «цело пострижен» означает «посхимленного», принявшего схиму монаха. Здесь историк сразу же вспомнил широко известный в его время рассказ «Синописа» о чернецах Пересвете и Ослябе, которых Сергей Радонежский послал на битву с Мамаем, предварительно повелев им принять схиму.⁵⁵⁸ Сопоставив имевшиеся в его распоряжении факты, Татищев сделал вывод, что монахи в Древней Руси могли выступать в роли мобилизационного резерва: «Поставленного разумеет (летописец. — А. Г.) токмо священника, а цело пострижена посхимленного. Что же духовные, а особливо чернцы, в войско употреблялись, оно давно употребляемо, как то от греческих и римских гисторий видим. Особливо у папистов великое в том коварство показывалось, что сии сами, всеми образы о уменьшении власти и чести государей прилежа, под образом ревности к вере кардиналов, епископов и попов в главные воеводы определяли. У нас же хотя иногда тот или другой митрополит или патриарх в снискании власти над государем довольно себя обличил, однако ж над войском начальствовать

никто не осмелился; а что в войске духовные были, и поход Дмитрия 5-го (Донского. — А. Г.) противо Мамаю изъясняет, что чернцы действительно, в сражении быв, побиты, хотя она гистория в Синописе многу лжею и враками наполнена».⁵⁵⁹ Если бы Татищев имел второй, более исправный список Ипатьевской летописи, он легко осознал бы свою ошибку, и его замечательное научное открытие (особой социально значимой роли монашества в Древней Руси) не состоялось бы.

Приведем теперь доказательный пример использования Татищевым сразу двух источников. Первый был близок к Ермолаевской летописи и содержал в интересующем нас месте грубый дефект текста. Второй был привлечен Татищевым либо для коррекции текста известия, извлеченного из первого источника, либо для простого дополнения этого известия по содержанию. Интересно, что вторым источником оказывается вовсе не исправный список Ипатьевской летописи (как хотелось бы, конечно, сторонникам версии о наличии у Татищева особых источников), но хорошо известная нам Воскресенская летопись XVI в.

Ипатьевская летопись	Ермолаевская летопись	Воскресенская летопись	Татищев, «История Российская» (первая редакция)
Том же лете поя Ярослав, Галицкий князь, за сын свои за Володимира славлю* дщерь Болеславу Всеволодича. Том же лете приведе Ярославичъ Изяславичъ поем дщерь у Дюргя у Ярослава Мальфрид ис Турова за сына Всеволода ⁵⁶⁰	В том же лете поя Ярослав, Галицкий князь, из Володимира Святославлю дщерь Болеславу Всеволодича Малфрид ис Турова за сына Всеволода ⁵⁶¹	Того же лета Ярослав Галицкий поя за сын свои за Володимира Святославлю дщерь Всеволодича, а Ярослав Изяславичъ поя за сын свои за Всеволода Юрьеву дщерь Ярославича ⁵⁶²	Того же лета поя Ярослав галицкий Малфриду Болеславу, дщерь Святослава Всеволодича черниговского, за сына своего Всеволода. А Ярослав Изяславичъ поя дщерь за сына своего за Всеволода Юрьеву дщерь Ярославича ⁵⁶³
* Так в Ипатьевском списке; в Хлебниковском — «Святославлю».			

Текст Ипатьевской летописи наиболее полон и, несмотря на имеющиеся описки, совершенно ясен: «В том же году Ярослав, галицкий князь, взял за сына своего Владимира Болеславу, дочь Святослава Всеволодича [черниговского]. В том же году привел [луцкий князь] Ярослав Изяславич [невесту], взяв дочь у Юрия Ярославича, [именем] Мальфрид, из Турова, за [своего] сына Всеволода». В Ермолаевской

летописи текст грубо искажен из-за невнимательности переписчика. В результате явился на свет новый исторический персонаж — Всеволод Ярославич Галицкий (очередной «подпоручик Кижэ»), которому досталась чужая невеста со странным двойным именем «Болеслава-Малфрид» (странность в том, что оба имени — «языческие») и еще более странным происхождением (из Владимира, но в то же время из Турова; при этом она дочь Святослава Всеволодича, т.е. черниговского князя!). В Воскресенской летописи текст осмысленный и в общем верный, но сознательно сокращен (опущены имена невест и указание на туровское происхождение второй из них). У Татищева находим контаминацию: историк объединяет, причем неудачно, версии Ермолаевской и Воскресенской летописей. На этом примере хорошо видна методика работы Татищева. Если бы он сопоставлял параллельные тексты, как это делают современные текстологи, он легко догадался бы, что речь должна идти о Владимире Ярославиче Галицком (текст Воскресенской летописи вполне исправен). Однако место исторического Владимира Ярославича в «Истории Российской» заступил мифический Всеволод Ярославич. Отсюда ясно, что Татищев сперва произвел правку первого источника (дефектного, близкого к Ермолаевской летописи) по смыслу. Историк устранил противоречивые указания источника на происхождение невесты путем выбора одной из трех предлагаемых версий: признал ее дочерью Святослава Всеволодича Черниговского и, соответственно, выбросил ставшие «ненужными» упоминания Владимира и Турова. Позднее он привлек Воскресенскую летопись, но только в качестве дополнительного источника информации, взяв из нее данные о втором браке. Мы видим, насколько слаб был Татищев как текстолог (что неудивительно, ибо научной текстологии в его время не существовало) и насколько авторитетным был для него источник, близкий или тождественный поздней Ермолаевской летописи (о нем см. с. 290–291?).

На этом, видимо, следует остановиться, ибо продолжать в том же духе можно на протяжении нескольких десятков страниц. Еще Карамзин со свойственной ему пронизательностью объявил «Раскольничью летопись» Татищева «мнимой».⁵⁶⁴ К сожалению, во второй половине XX в. восторжествовало иное мнение. К этому времени занимавшиеся Киевской Русью советские историки завершили «марксистское осмысление» этой эпохи; начались поиски новых источников и новых тем. Ресурс берестяных грамот был довольно быстро

исчерпан историками (о лингвистах речь сейчас не идет). Введение в научный оборот нескольких малоизвестных летописей XV–XVI вв. несколько не расширило круг сведений о более раннем периоде. И тут как раз подоспело научное издание «Истории Российской»! Понятно, что татищевские известия сразу же всем понадобились (что называется, «для наполнения истории»). Для оправдания привлечения этих известий оказалось очень удобным сослаться на «пергаментную Раскольничью летопись Татищева».

В закреплении такого положения сыграла свою роль двуручническая позиция, занятая выдающимся исследователем русской историографии XVIII в. С. Л. Пештичем (ныне известным, прежде всего, по безуспешной попытке развенчать миф об «особых источниках» Татищева). С одной стороны, Пештич утверждал, что основным источником Татищева была копия Ермолаевской летописи, доведенная до 1198 г.⁵⁶⁵ С другой стороны, Пештич считал возможным, что «Татищев в некоторых случаях исправлял и дополнял чтения Ермолаевского списка по другому, близкому к Хлебниковскому, списку Ипатьевской летописи, но не совпадающему с ним. Таким списком могла быть Раскольничья летопись...».⁵⁶⁶ Ошибочность последних двух допущений Пештича может быть доказана текстологически (что иллюстрируют приведенные выше примеры, начиная с истории формирования в татищевском своде статьи 6659 г.; см. также Дополнение б). Оказывается, Татищев использовал для правки текста и для заполнения лакун вовсе не мифическую Раскольничью летопись (и вообще не «список Ипатьевской летописи»), а вполне реальные и хорошо нам известные летописи: Радзивилловскую и Воскресенскую. Есть основания полагать, что для «текстологических справок» Татищев в некоторых случаях привлекал и нелетописные источники, включая малоавторитетные в наших глазах тексты XVII в.⁵⁶⁷

Исследователь, который в ближайшем будущем возьмет на себя труд окончательно изгнать призрак Раскольничьей летописи со страниц научных трудов, должен будет уделить особое внимание форме воспроизведения имен собственных и топонимов у Татищева. Здесь счет ошибочных чтений идет на десятки. Некоторые из них вполне оригинальны и могут быть объяснены только ошибками технических сотрудников Татищева (переписчиков текста «Истории Российской»). Так, например, только переписчик может быть ответствен за появление в тексте первой редакции мифического Ванабара⁵⁶⁸ на месте

исторического Воибора, имя которого читается без искажений в двух рукописях, использованных Татищевым.⁵⁶⁹ Интересно, что во второй редакции вместо «...Ванабара» читается уже «...Ивана Бага».⁵⁷⁰ Оказывается, Татищев прекрасно понимал, что имя искажено, однако «исправил» его по догадке: ему даже в голову не пришло обратиться повторно к источникам! В подавляющем большинстве случаев ложные чтения «Истории Российской» не оригинальны, как в случае с «Ванабаром», а буквально совпадают с соответствующими чтениями Ермолаевской летописи или бесспорно выводятся из таковых. В этом последнем случае искажения текста в Ермолаевской летописи представляют собой «промежуточное звено», объясняющее возникновение ложных чтений «Истории Российской». Если бы Татищев располагал, наряду с рукописью, близкой к Ермолаевской летописи, каким-нибудь другим, более или менее доброкачественным списком Ипатьевской летописи, то безнадежно испорченные чтения могли бы быть хотя бы в некоторых случаях восстановлены. Однако таких примеров нет ни одного! Татищев бессилен восстановить текст даже в самых простых случаях. Так, например, мы встречаем у него посадника по имени Пук (как и в Ермолаевской летописи).⁵⁷¹ Выпала всего одна буква, но догадаться, что этот посадник на самом деле носил имя «Паук»,⁵⁷² уже нельзя. Понятно, что в более сложных случаях у Татищева и вовсе не было никаких шансов. Так, например, в знаменитом рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. трижды упоминается хан Кза: первый раз — с отчеством («Коза Бурнович»),⁵⁷³ ниже — без такового.⁵⁷⁴ Как выглядят параллельные места в «Истории Российской»? Оказывается, в первом случае у Татищева фигурируют какие-то мифические «Казабаировичи»,⁵⁷⁵ но ниже упоминается, как и должно, хан «Кзя».⁵⁷⁶ Осознать, что в первом случае речь идет о том же самом лице, Татищев не может, и это вполне закономерно: ошибка его восходит к испорченному чтению Ермолаевской летописи.⁵⁷⁷ Не повезло и сыну хана Кзы: вместо исходного, известного по Ипатьевской летописи чтения «Роман Кзич»,⁵⁷⁸ находим у Татищева, как и в Ермолаевской летописи, дефектное чтение «Роман князь».⁵⁷⁹

Особенно скверно обстоит дело с воспроизведением в «Истории Российской» имени киевского боярина Петра Бориславича. Этому историческому персонажу, действовавшему в 50-х и 60-х гг. XII в., нам придется уделить особое внимание: именно его Рыбаков

предложил на роль автора гипотетической летописи «Мстиславова племени». Выбор не случаен. Историческая роль реального Петра Бориславича — боярина, служившего нескольким киевским князьям, — была сравнительно скромной, но в отдаленном потомстве ему суждено было прославиться и стать вровень с наиболее крупными фигурами своей эпохи. Процесс его посмертного возвышения стартовал в первой половине XVI в. Один из создателей так называемой Никоновской летописи домыслил неизвестную ранним источникам деталь биографии Петра Бориславича, приписав этому боярину предательскую роль во время осады Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г.⁵⁸⁰ Поскольку выше автор текста сообщает, как и автор Ипатьевской летописи, о весьма неблагоприятном поведении Петра Бориславича в отношении княжившего в Киеве Мстислава Изяславича,⁵⁸¹ источник домысла представляется очевидным (не составляло никакого труда угадать, на чьей стороне был Петр Бориславич при подходе к Киеву войск, посланных Андреем Боголюбским для изгнания Мстислава).

Двести лет спустя, в первой половине XVIII в., Татищев на страницах своей «Истории» произвел Петра в должность киевского тысяцкого (позабыв указать, при каком князе этот боярин сделал такую блестящую карьеру) и объявил его братом «Федорца» — известного в истории русской церкви авантюриста, долгое время пользовавшегося покровительством Андрея Боголюбского.⁵⁸² Любопытно, что в обеих редакциях эти уникальные сведения о Петре Бориславиче текстуально связаны с предшествующим упоминанием этого боярина («о нем же преже речеса»), заимствованным из Никоновской летописи.⁵⁸³ Другими словами, здесь перед нами тот редкий случай, когда татищевские дополнения заведомо не могут быть возведены к какой-либо «древней летописи». Но раз так, то по здравом размышлении ничего иного не остается, кроме как отнести эти дополнения к творчеству самого Татищева. Логику историка XVIII в., сделавшего Петра и «Федорца» близкими родственниками, понять не так уж сложно: оба выступают на страницах летописей как отпетые мерзавцы; имена обоих оказались связаны с именем Андрея Боголюбского. Связь чисто смысловую Татищев закрепил связью родственной, объяснив тем самым читателю предыдущее известие о предательстве Петра: оказывается, у этого киевского боярина изначально была «своя рука» при дворе Андрея Боголюбского.

Более века после смерти Татищева никто не тревожил злосчастную тень Петра Бориславича. Однако во второй половине XIX в. было подмечено (И. П. Хрущовым), что рассказ Ипатьевской летописи о посольстве этого боярина в Галич (от Изяслава Мстиславича к Владимиру Володаревичу) изобилует такими подробностями, которые могли быть известны только самому послу. Сделано было вполне логичное заключение: «История посольства Петра Бориславича от Изяслава к Владимиру Галицкому есть отрывок мемуара этого самого Бориславича».⁵⁸⁴ В то же время Хрущов оспорил гипотезу Бестужева-Рюмина, выделявшего в Ипатьевской летописи «подробное сказание об Изяславе Мстиславиче, писанное его современником и, вероятно, даже соратником».⁵⁸⁵ В середине XX в. Д. С. Лихачев соединил подзабытые гипотезы своих предшественников и слегка обновил их, приписав Петру Бориславичу не все «сказание об Изяславе Мстиславиче», а лишь его составную часть — «повесть» о взаимоотношениях Изяслава и Владимира Галицкого,⁵⁸⁶ принадлежавшую, как полагал исследователь, к разряду «типичных повестей о политических преступлениях князей».⁵⁸⁷ Непонятно, правда, почему предполагаемый автор упоминает о себе только в третьем лице, в отличие от своих предшественников-летописцев (или, если угодно, авторов «летописных повестей»), которые нисколько не стеснялись употребления первого лица.⁵⁸⁸ И почему никто иной, кроме самого Петра Бориславича, не мог описать в деталях его приключения в Галиче? Почему нельзя считать Петра Бориславича лишь *информатором* неизвестного по имени книжника, записавшего его рассказ? Здесь надо отметить, что советские историки древнерусской литературы вообще очень охотно выделяли из текста летописей особые «Повести». Существовал определенного рода социальный заказ: требовалось увеличить число отдельных «произведений», а по возможности и число «писателей», дабы «Слово о полку Игореве» перестало казаться «единственным памятником посреди голой степи», как это было во времена Пушкина.

В знаменитом руководстве по текстологии, написанном тем же Д. С. Лихачевым, мы найдем пространные рассуждения, предостерегающие от произвольных атрибуций (с «публичной поркой» провинившихся).⁵⁸⁹ Quod licet Jovi, non licet bovi... Нельзя не признать, что качественный скачок в посмертной биографии Петра Бориславича произошел именно благодаря Лихачеву, объявившему его

«писателем». Дальше дело пошло быстрее. Каких-нибудь 12 лет спустя другой выдающийся мастер атрибуции, Рыбаков, произвел Петра Бориславича в следующий чин — из «писателя» в «летописцы»⁵⁹⁰ (интересно, что Лихачев сразу же принял эту идею⁵⁹¹). Позднее Рыбаков «открыл» в татищевской «Истории Российской» множество известий, восходящих к утраченному Раскольничьему манускрипту, который в его глазах был ранней копией или даже оригиналом уникальной летописи XII в. Авторство этого гениального сочинения было вполне закономерно приписано тому же Петру Бориславичу. Идея стала настоящей золотой жилой: «биографию» Петра Бориславича Рыбаков разрабатывал на протяжении 32 лет (1959–1991 гг.). Фактически это стало главным делом его жизни.

Поскольку сам Рыбаков не был текстологом-профессионалом, он не обратил никакого внимания на те особенности упоминаний Петра Бориславича в Ипатьевской летописи и в «Истории Российской», которые представляют огромный интерес для специалиста. В Ипатьевской летописи Петр впервые упоминается под 1152 г., с искажением отчества (вместо Петра Бориславича здесь действует Петр Борисович). Ошибка содержится во всех списках Ипатьевской летописи, т. е. принадлежит общему протографу (не исключено даже, что она восходит к оригиналу). Очень интересно было бы узнать, как выглядело соответствующее место в источнике Татищева. К сожалению, мы лишены этой возможности: в татищевском своде данное упоминание о Петре самым досадным образом выпало (вероятная причина — гаплографическая ошибка нанятого Татищевым переписчика).⁵⁹²

Второе и третье известия о Петре интересны тем, что в Ипатьевской летописи он именуется Бориславичем, а в Ермолаевской летописи и у Татищева — Борисовичем. С точки зрения историка, действующие в параллельных текстах «Петр Бориславич» и «Петр Борисович» безусловно тождественны, но с точки зрения текстолога — вовсе нет! Подобные разночтения, на первый взгляд пустяковые, дают очень важную информацию о качестве использованного Татищевым источника. Оказывается, в этих случаях, как и во многих других, текст «Истории Российской» воспроизводит ошибочное чтение поздней Ермолаевской летописи.

Второе известие о Петре Бориславиче, датируемое началом 1153 г.,⁵⁹³ представляет собой тот самый наполненный деталями рассказ, анализ которого породил в свое время гипотезу о причастности

Петра Бориславича к летописанию. Третье известие, относящееся к событиям весны 1169 г.,⁵⁹⁴ еще более интересно, ибо показывает нам некоторые нравственные свойства предполагаемого летописца. Оказывается, братья — Бориславичи, Петр и Нестор, заподозрены были княжившим в Киеве Мстиславом Изяславичем в потворстве холопам-конокрадам. Князь отказался от службы нечистых на руку бояр (что, конечно же, причинило им серьезный материальный и моральный ущерб). Вскоре Бориславичи нашли способ отомстить, поссорив Мстислава Изяславича с его двоюродными братьями — Рюриком и Давыдом Ростиславичами.⁵⁹⁵ Эта ссора стала одной из причин разрыва Ростиславичей с Мстиславом Изяславичем и перехода их на сторону Андрея Боголюбского. Как в Ипатьевской летописи, так и в татищевском своде мерзкий поступок Бориславичей объясняется кознями дьявола. Чуть ниже летописец заявляет, что злые люди, не желающие согласия между братьями-князьями, хуже беса⁵⁹⁶ (у Татищева эта сентенция выброшена). Понятно, что изображающий Бориславичей в столь черном свете рассказ принадлежит кому угодно, но только не Петру Бориславичу. Гипотеза Лихачева несколько не страдает, ибо он и не предполагал, что деятельность Петра в качестве «писателя» выходила за рамки княжения Изяслава Мстиславича (умершего в 1154 г.). А вот гипотеза Рыбакова, приписавшего Петру львиную долю летописных текстов времен Мстислава Изяславича и Рюрика Ростиславича, явно трещит по всем швам.

Надо сказать, что в начале своей многолетней работы над образом Петра Бориславича Рыбаков еще утверждал, что его летопись заканчивалась на описании событий 1168 г.: «точно на том самом месте, где князь Мстислав Изяславич, “озлобив” Петра Бориславича, отдал его от себя»; «летопись далее вел какой-то церковник».⁵⁹⁷ Позднее, однако, Рыбакову понадобилось «прописать» действовавшего в 50–60-х гг. XII в. киевского боярина в позднейшей эпохе (зачем именно понадобилось — легко догадаться, вспомнив, что это была эпоха «Слова о полку Игореве»). Понятное дело, что «характерная летописная манера Петра Бориславича» сразу же была обнаружена Рыбаковым и при описании событий после 1168 г., как только этого потребовало развитие концепции (нужда — мать изобретательности). Соответственно изменилась и роль «церковника»: из летописца-продолжателя он был фактически разжалован в редакторы. В модифицированной концепции Рыбакова утверждается, что порочащий

Бориславичей текст был написан «рукой церковника, к которому попала в какое-то время летопись Петра Бориславича».⁵⁹⁸

Попробуем отнестись ко всему этому серьезно. Прежде всего возникает вопрос: когда именно «церковник» успел переработать летопись Петра Бориславича? Сопоставим даты. «Раскольничий манускрипт», согласно Татищеву, заканчивался 1197 г.⁵⁹⁹ Киевский свод, датируемый по последней содержащейся там годовой статье 1198 г., создан был не позднее первых месяцев 1199 г.⁶⁰⁰ Рыбаков утверждает, что «Раскольничий манускрипт» содержал полный текст летописи Петра Бориславича, а составлявший Киевский свод «церковник» использовал эту гениальную летопись выборочно, перебивая ее сокращенный текст своими вставками. Получается, что «церковник» заполучил летопись Петра Бориславича где-то в начале 1198 г., на протяжении одного года управлялся с переработкой этого огромного по объему текста, а в первые месяцы 1199 г. приделал к обновленной летописи свое собственное окончание, описав события 1198 г. Уже в начальной фазе этой большой работы злобный «церковник» жестоко обругал на страницах вновь формируемого свода своего предшественника (из рук которого только что получил летопись!) за его участие в событиях 30-летней давности. Все это, мягко говоря, неправдоподобно. Что мог сделать в этой ситуации Рыбаков? Разве что несколько отодвинуть во времени окончание труда Петра Бориславича от 1198 г. Именно это обстоятельство породило очередное псевдотекстологическое наблюдение, увенчавшее работу Рыбакова над биографией гениального древнерусского литератора: «Характерная летописная манера Петра Бориславича внезапно и резко оборвалась на зимних событиях 1196 г., очевидно, в связи со смертью неутомимого и талантливого летописца».⁶⁰¹ Всем сестрам по серьгам: Петр Бориславич получил очень важную деталь биографии, а «церковник» получил дополнительное время для переработки его труда. Нельзя не восхититься гибкостью мышления академика Рыбакова: препятствия несколько не расхолаживают его, напротив — именно они дают стимул для творческой фантазии. Не разъяснил нам академик лишь один вопрос: откуда взялась в «Раскольничьем манускрипте», отражавшем летопись Петра Бориславича, статья 1197 г.?

Возвращаясь к теме дефектных чтений «Истории Российской», отметим еще одно весьма щекотливое обстоятельство. В концепции

Рыбакова предполагается, хотя и неявно, что из древней летописи Петра Бориславича перешло в татищевский свод лишь *одно-единственное* известие о политической деятельности этого боярина (о посольстве 1153 г.). То же известие есть в Ипатьевской летописи. Согласно концепции Рыбакова, Татищев располагал двумя текстами с рассказом о посольстве Петра Бориславича: один должен был читаться в Раскольничьем манускрипте («летопись Петра Бориславича»), другой — в Голицынской летописи (которая была поздним списком Ипатьевской летописи, доведенным до 1198 г.). И вот обнаруживается, что рассказ «Истории Российской» о посольстве Петра Бориславича содержит точно такую же ошибку в отчестве предполагаемого автора текста («Борисович» вместо «Бориславич»), как и поздняя Ермолаевская летопись.⁶⁰² Как трактовать этот текстологический факт? Сохраняя веру в реальность Раскольничьей летописи, приходится предполагать, что чтения двух источников Татищева в данном случае совпадали (ибо вряд ли историк мог предпочесть текст поздней Голицынской летописи тексту пергаментной Раскольничьей летописи). Получается, что на страницах Раскольничьей летописи ездил послом в Галич не Петр Бориславич, а его текстологический двойник — Петр Борисович. Учитывая, что другие известия татищевского свода о Петре Борисовиче/Бориславиче в рамках концепции Рыбакова не могут быть возведены к Раскольничьей летописи, мы приходим к парадоксальному выводу: Раскольничья летопись Татищева — она же предполагаемая «летопись Петра Бориславича» — *вообще не знала такого действующего лица, как Петр Бориславич!*

Далее у Татищева этот исторический персонаж упомянут еще дважды, оба раза форма отчества верная, но одно известие, как уже указывалось, взято из Никоновской летописи XVI в., а другое текстуально с ним связано («о нем же преж речеса» — прямая отсылка к известию Никоновской летописи). Предвижу, что все-таки найдутся желающие во что бы то ни стало «спасти» последнее татищевское известие о Петре Бориславиче и отнести его к «Раскольничьей летописи». Возможный ход мысли такой: единственное заимствованное из Никоновской летописи известие разорвало единую ткань повествования, и если его мысленно удалить, то выражение «о нем же преж речеса» будет относиться к *предыдущему* упоминанию о Петре Бориславиче. Увы, этот трюк не пройдет. *Предыдущее* упоминание — тот самый порочащий Бориславичей текст, который написан, согласно

Рыбакову, «рукой церковника, к которому попала в какое-то время летопись Петра Бориславича».

Рыбаков либо не замечал всех этих текстологических затруднений, порождаемых его модификацией старой гипотезы о причастности Петра Бориславича к летописанию, либо счел за благо их игнорировать. Зато он не пожалел сил и времени, чтобы расцветить образ боярина-летописца, остававшийся до появления его книги о летописцах XII в. еще довольно тусклым. Средства при этом использовались преимущественно литературные, а фактический материал заимствовался у Татищева. Между тем бесчисленные «татищевские известия», приписываемые Рыбаковым Петру Бориславичу, в совокупности своей очень ярко отражают личность автора «Истории Российской» — человека свободных суждений, пламенного патриота, сторонника твердой власти и неукоснительного отправления правосудия, врага «суеверий», поборника просвещения. В результате черты мировосприятия, свойственные историку первой половины XVIII в., оказались перенесены на мифического летописца второй половины XII в.: «В отличие от большинства летописцев того времени, этот автор... был далек от церкви. В его ясном и точном языке не было церковной витиеватости, в его философии отсутствовал провиденциализм. Светский писатель, полководец и дипломат, он обладал еще одной чертой, выгодно выделявшей его из общей массы средневековых летописцев, — он выражал свои, а не княжеские мысли, он не был придворным подневольным летописцем и мог временами, не нарушая феодальной верности, подняться до мудрого осуждения торопливых и необдуманных действий своего князя».⁶⁰³ Перед нами уже совсем новый Петр Бориславич, качественно отличный не только от своего тезки из XII в., но и от своего непосредственного предшественника — персонажа, выведенного на сцену Д. С. Лихачевым. Со страниц книги академика Рыбакова сошел «один из замечательнейших людей XII столетия, патриот, всегда призывавший к борьбе с половцами, сторонник мира, враг усобиц, талантливый историк и публицист».⁶⁰⁴ Неудивительно, что этому же лицу Рыбаков счел возможным приписать авторство «Слова о полку Игореве»...

На примере Петра Бориславича легко проследить в лабораторно чистом виде тот же самый процесс формирования виртуального двойника исторического лица, который мы уже наблюдали в предыдущих главах, разбирая запутанные «посмертные приключения»

нашего главного героя — Романа Мстиславича. Мы видим, как отделившийся от исторического лица фантом время от времени подпитывается творческой энергией новых поколений исследователей, постепенно обретает плоть и кровь, получает биографию, где появляются все новые и новые события. При этом многие исследователи, к сожалению, не понимают, что исторический персонаж и его разрабатываемый в историографии образ *в принципе* не тождественны (характерный пример — статья «Петр Бориславич» в пятитомной Энциклопедии «Слова о полку Игореве»).

Когда Рыбаков в 1972 г. выпустил в свет первую книгу о Петре Бориславиче и других летописцах XII в., все его построения имели оттенок некоторой условности и казались вполне безобидной интеллектуальной игрой. Представляя читателю своего героя, автор признавался: «сам облик этого летописца, составленный из разнородных источников, может вызвать много сомнений и возражений. Не свободен от сомнений и автор книги, рассчитывающий на товарищескую критику и указание наименее надежных звеньев в цепи его построений».⁶⁰⁵ Однако морально-психологический климат в советской науке 70-х гг. прошлого века (печально известный благодаря замечательным книгам Александра Зиновьева) не способствовал «товарищеской критике». Серьезные историки, видимо, решили «не связываться» и хранили гордое молчанье. Филологи преимущественно упражнялись в дифирамбах; особо предприимчивые подхватили тему (так, например, одна высокоученая дама из Киева, ранее никому не известная, сделала себе имя в науке на глубокомысленных рассуждениях о том, мог ли Петр Бориславич написать «Слова о полку Игореве»). Гипотеза Рыбакова удостоилась даже благожелательного отзыва Д.С. Лихачева, и не где-нибудь, а в новом издании его знаменитого руководства по текстологии. Дважды на одной странице Лихачев хвалит собрата за... «сопоставление реально существующих текстов».⁶⁰⁶ Нашелся, наконец, и филолог-скептик (в семье не без уродца!), справедливо заметивший, что сам факт физического существования Петра Бориславича в 1170–1185 гг. под вопросом, ибо в источниках после 1169 г. никаких известий об этом лице нет. Однако текстологических аргументов против обсуждаемой гипотезы не нашлось и у этого автора. В общем, обнаружилось полное и подавляющее интеллектуальное превосходство академика Рыбакова над всеми современными ему представителями ученого мира.

Избалованный успехом Рыбаков и сам со временем, кажется, до некоторой степени уверовал в тождество гениального литератора XII в., созданного его собственным воображением, с историческим Петром Бориславичем. Характерно, что новую свою книгу на ту же тему, изданную в 1991 г., Рыбаков так и назвал: «Петр Бориславич». Обложку украшает «портрет» героя, обнаруженный автором на одной из миниатюр Радзивилловской летописи (вообще-то Петр Бориславич в этой летописи не упоминается ни разу, но это уже не имеет никакого значения). На одной из последних страниц новой книги академик торжественно объявляет: «несколько неуверенный тон по поводу авторства Петра Бориславича в отношении киевской летописи 1190 года можно убрать».⁶⁰⁷ Не будем углубляться в вопрос о том, почему здесь речь идет о летописи 1190, а не 1196 г., как прежде. Обе эти летописи, увы, не существуют: ни в виде «реальных текстов», ни в виде научных реконструкций. С учетом этого обстоятельства неуверенный тон по поводу авторства Петра Бориславича в самом деле неуместен. В том, что вымышленному персонажу, носящему имя исторического лица, приписываются мнимые тексты (наряду с реальными), ничего из ряда вон выходящего нет; прием этот в истории литературы известен. Построения академика Рыбакова представляют собой вовсе не цепь досадных заблуждений, а интересную и сложную литературную игру. С неподготовленным читателем автор играет, как матерый котиче с глупым маленьким мышонком — явно наслаждаясь полной беспомощностью жертвы. «Петр Бориславич» — не провал исследователя, а *торжество мистификатора*.

Мнимый «портрет» Петра Бориславича: Радзивилловская летопись, л. 196 об. XV в.

Если называть вещи своими именами, то вторая книга о Петре Бориславиче, слегка загрифованная под научное исследование, должна быть отнесена даже не к научно-публицистическим работам, а к беллетристике (полагаю, что к жанру «фэнтези»). Это не осуждение: все жанры хороши, кроме скучного. Но когда некоторые почитатели академика Рыбакова выставляют этого талантливого человека с несомненными научными заслугами в роли «предтечи» академика Фоменко — приходится признать, что в этом есть доля истины.

*Часть 2: 1996 г.; 2003 г.;
август 2004 г.–декабрь 2008 г.*

ПРИМЕЧАНИЯ К ЧАСТИ ВТОРОЙ

- ¹ Предполагается («Великая хроника»... С. 228, примеч. 9 к гл. 47), что Винцентий вывел самого себя в образе монаха из свиты епископа Пелки, вызвавшегося отправиться к полю битвы на р. Мозгаве, чтобы собрать верные сведения об исходе дела (Там же. С. 133; рассказ восходит к Винцентию, кн. 4, гл. 23, но в составленной Н. И. Щавелевой выборке «русских» фрагментов его хроники этот эпизод выпущен). Если в день битвы, 13 сентября 1195 г., Винцентий был в свите епископа, то ближайшей ночью он вполне мог присутствовать при беседе епископа с Романом (которая описывается в той же главе и довольно живо, с прямой речью действующих лиц).
- ² *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 81. Уверенность в этом комментатора хроники вызывает недоумение. Представителей духовенства могли приглашать на переговоры между князьями, но только епископов и игуменов, а никак не простых попов (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229, под 6604 г.). Вполне вероятно, что Винцентия уже смолodu готовили к духовной карьере, но в глазах Романа он был, конечно же, не более чем латинский поп, поэтому его присутствие на серьезных переговорах практически исключено.
- ³ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 81.
- ⁴ Там же. С. 112 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 24).
- ⁵ Там же. С. 79.
- ⁶ Там же.
- ⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 730–731 (договор «во Зъпиши», ошибочно под 6719 г.).
- ⁸ Прямого известия об этом в источниках нет: мы видим только, как Романовичи отвоевывают у Лешка «Берестии, и Угровеск, и Верещин, и Столпъ, Комов и всю Украину» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 732, ошибочно под 6720 г.; действие происходит после вокняжения в Галиче Мстислава Удатного, т. е. не ранее 1218 г.). Захват Лешком названных городов историки традиционно связывают со спишским договором 1214 г. (см. примеч. 7).
- ⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 731–732, ошибочно под 6720 г. Установлено, что Мстислав Удатный выехал из Новгорода с целью «поискати Галиция» между 1 марта и 1 июля 1217 г. (ПСРЛ. Т. 3. С. 259, под 6726 г.; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 259, коммент. к статье 6726 г.). Следовательно, вокняжение Мстислава в Галиче относится к второй половине 1217 г. или к первой половине 1218 г.
- ¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 733–738.
- ¹¹ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 106 (фрагменты хроники Винцентия: кн. 4, главы 14 и 15).
- ¹² Там же. С. 109 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 23).
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 110 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 24).
- ¹⁵ Там же. С. 110 (перевод) и с. 96 (латинский текст).

- ¹⁶ Там же. С. 111.
- ¹⁷ Там же. С. 112 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 24).
- ¹⁸ Голово А. Б. Древняя Русь и Польша. С. 87. Ср. с версией В. Н. Татищева (с. 264 **настоящего издания**, «известие 3»).
- ¹⁹ Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 328.
- ²⁰ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 112 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 24).
- ²¹ Melle securius uti arum non posse, nisi penitus oppresso, non rarefacto, examine (Там же. С. 97). Предлагались следующие варианты перевода: «Чтобы спокойно есть медовый сот, надобно задавить пчел» (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2–3. С. 413); «Нельзя спокойно есть пчелиный мед, пока не задавишь весь рой» (Там же. С. 557, примеч. 106); «Медом нельзя безопасно воспользоваться, если не задавить внутри пчелиный рой, а не только рассеять его» (Пауткин А. А. Афористические максимы в Галицко-Волынской летописи. С. 86); «Мед удобнее добывать, если пригнетешь пчелиный рой, а не распустишь его» (Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 112). В латинской фразе Винцентия содержится отсылка к древней бортичной практике «подкуривания» пчел дымом; переводчики либо не понимают этого, либо не умеют ясно выразить.
- ²² ...лес sapere species nisi creberrime pilo contuses (Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 97; перевод см. ниже, с. 112: «трава не пахнет, если ее не растолочь пестом»). Поскольку перевод Щавелевой представляется ошибочным, приводим другой, более соответствующий латинскому оригиналу (Пауткин А. А. Афористические максимы в Галицко-Волынской летописи. С. 86).
- ²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 719.
- ²⁴ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 111 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 24).
- ²⁵ Там же. С. 112.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 720.
- ²⁷ Любопытно, что в новейшей литературе есть пример точно такого же подхода: известие о князях в Галиче попросту замалчивается (Голово А. Б. Князь Роман Мстиславич. С. 64).
- ²⁸ Щербатов М. М. История российская. Т. 2. С. 436.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 763, под 6739 г. Летописное «не погнетши» иногда ошибочно переводят как «не растревожив» (Гудзий Н. К. История древней русской литературы. С. 212). Смысл глагола «погнести» совсем иной (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 15. С. 189. См. также словарь Даля).
- ³⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2–3. С. 557, примеч. 106.
- ³¹ «Старый сотник вновь должен помогать князю избавиться от боярской угрозы, вселить в него уверенность, намекая на то, как поступал в свое время Роман» (Пауткин А. А. Афористические максимы в Галицко-Волынской летописи. С. 86).
- ³² Одного исследователя богатая фантазия увлекла еще дальше: он полагает, что Винцентий располагал «несохранившимся галицким летописным источником» (Пауткин А. А. Афористические максимы в Галицко-Волынской летописи. С. 86). Щавелева, несколько не сомневающаяся в личном знакомстве Винцентия с Романом (Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 81), все-таки осторожно замечает: «остается гадать», каким образом известная нам по Ипатьевской летописи русская поговорка попала в хронику Винцентия (Там же. С. 140, примеч. 12).
- ³³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2–3. С. 557, примеч. 106.
- ³⁴ Хониат описывает любые жестокости с неизменным отвращением; в итоговой характеристике каждого византийского императора он указывает, гуманным или жестоким

было его правление; подробно описываются зверства германского императора Генриха VI в Сицилии (*Никита Хониат*. История. Т. 2. С. 180). В самых черных красках представлен Иоанн Болгарский; греческий историк приписывает ему практически то же самое, что Винцентий — Роману: наказание соплеменников «страшными казнями и новоизобретенными родами смерти» (Там же. С. 398, при описании событий 1205 г.). Роману Хониат благодарен за его походы против половцев, облегчившие положение империи, но все-таки одобряет его деятельность небезусловно: междоусобная война с Рюриком осуждается (Там же. С. 246). Тем более интересно, что упоминания о жестокостях Романа нет.

- ³⁵ Пауткин А. А. Афористические максимы в Галицко-Волынской летописи. С. 86.
- ³⁶ «Первый и единственный, по последним данным, комментатор Хроники Ян Домбрувка, живший в XV в., составляя нечто вроде учебного пособия по изучаемой Хронике, выделит цитаты из 140 произведений и ссылки на 100 авторов» (Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 79). Возможно, Винцентий не закончил свою собственную книгу именно потому, что *слишком много читал*... Напомним, что в средневековье скорость чтения была значительно ниже, чем в наше время, поскольку сама техника чтения была иной.
- ³⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2–3. С. 413.
- ³⁸ Там же. С. 455: «славный Архиепископ Краковский, Летописец Кадлубко».
- ³⁹ Соловьев вывел из летописных данных, что только в Галицкой земле, в силу особенностей ее исторического развития, бояре приобрели важное значение «в качестве богатых землевладельцев и областных правителей» (Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 3–4. С. 17).
- ⁴⁰ По мнению Соловьева, в Галицкой земле бояре были «силою, перед которою никло значение князя» (Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 563); поскольку Роман при его характере не мог терпеть такого положения вещей, столкновение его с местным боярством было неизбежным. Далее следует краткий пересказ известия Винцентия. Любопытно, что при этом Соловьев, во-первых, безоговорочно принимает известие источника за исторический факт, а во-вторых, уверяет своих читателей, что Роман оставил по себе «кровавую память в Галиче». Историк не осознает, что «кровавая память» оставлена Романом исключительно на страницах *польской хроники*.
- ⁴¹ См. комментарии В. Т. Пашуто с дополнениями В. С. Шульгина к тому второму: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 735.
- ⁴² Котляр Н. Ф., Смолий В. А. История в жизнеописаниях. С. 99.
- ⁴³ Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 340. Ярko демонстрируемое этим автором смешение понятий «известие источника» и «исторический факт» встречается нередко даже в новейшей литературе, а для старых историков вполне типично (ср. примеч. 40).
- ⁴⁴ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 112; ср. латинский текст на с. 97 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 24).
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 585; 586; 590.
- ⁴⁷ Там же. Стб. 717.
- ⁴⁸ Там же. Стб. 718.
- ⁴⁹ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. С. 210.
- ⁵⁰ Некоторые полагают, что «кормилнич» — это сын *кормилицы*, т. е. «молочный брат какого-либо князя» (Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей. С. 69, примеч. 78). Эта точка зрения безусловно ошибочна: в летописи ниже упоминается «кормильча Нездиловаа» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 765), т. е. вдова *кормильца* Нездилы и, соответственно, мать или мачеха «кормилничей». См. также примеры употребления

- существительных «кормилец» и «кормилчич» в других источниках: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 7. С. 318 и 319.
- ⁵¹ Переводчица «Галицко-Волынской летописи» О. П. Лихачева неверно расставила в летописной фразе знаки препинания: «...и приведоша Кормилчича, иже бе загнал великий князь Роман неверы ради: славяху бо Игоревича» (ПлДР. XIII век. С. 238). Получилось, что «Кормилчичи» еще при Романи выказали себя сторонниками Игоревичей, за что и были изгнаны. Однако при такой трактовке текста теряет мотивацию призвание Игоревичей, последовавшее за возвращением «Кормилчичей» в Галич (см. продолжение летописной фразы: «послушав же их галичкыи бояре, и послаша по них [Игоревичей]»). Отсюда ясно, что в летописной фразе указание на причину изгнания «Кормилчичей» ограничивается словами «неверы ради». Следующее словосочетание «славяху бо Игоревича» уже мотивирует призвание Игоревичей. Перевод должен быть таким: «...и привели [в Галич] двух Кормилчичей, которых изгнал [в свое время] великий князь Роман, не доверявший им; поскольку [Кормилчичи] расхваливали двух Игоревичей, послушали их галичские бояре и послали за ними».
- ⁵² Например, О. П. Лихачева в указанном выше (примеч. 51) переводе «Галицко-Волынской летописи», с. 239.
- ⁵³ Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 341. Иногда по недоразумению называют братьями Володислава галичских бояр Яволода и Ярополка (*Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей. С. 69, примеч. 78). В подтверждение своего мнения соавторы дают 6 ссылок на летопись, но 4 из них попросту ложные; в 5-м случае в летописи сказано лишь, что Ярополк — брат Яволода (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 728), с чем мы спорить, разумеется, не будем; в 6-м случае Ярополк и Яволод упомянуты рядом с Володиславом без указания на какое-либо родство (Там же. Стб. 730).
- ⁵⁴ Использованные в таблице известия Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425–428) содержатся в двух смежных статьях с одинаковым обозначением года: «В лето 6714» (Там же. Стб. 421 и 426). В первом случае летосчисление ультрамартовское, во втором — мартовское (т. е. летописец здесь переходит от одного стиля летосчисления к другому). Отсюда ясно, что хронологический рубеж между двумя статьями — 1 марта 1206 г. Есть и другие хронологические ориентиры, позволяющие определить (хотя и в довольно широких пределах) время двух походов Рюрика и Ольговичей на Галич. Первый из них имел место не позднее чем осенью 1205 г., так как предшествовал женитьбе Ярослава Всеволодича, которая была «на зиму» (Там же. Стб. 426). Второй не мог начаться до 1 марта 1206 г. (это первый день 6714 мартовского года, которым поход датирован). Войска вернулись в Киев не позднее июля 1206 г.; дальнейшие события, завершившиеся прибытием Ярослава Всеволодича «в Суждаль» 22 сентября 1206 г. (Там же. Стб. 428), должны были занять не менее двух месяцев.
- Довольно точно определяется время изгнания Романовичей из Владимира-Волынского, последовавшее за неудачной трехнедельной осадой Киева Ольговичами в начале зимы 1206 г. (Там же).
- ⁵⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 717–718.
- ⁵⁶ Грушевський М. Історія української літератури. Т. 3. С. 137; с. 142.
- ⁵⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718, 762, 763, 774 (о Григории Васильевиче).
- ⁵⁸ Там же. Стб. 759: «безаконьни лихыи Семьюнько».
- ⁵⁹ Там же. Стб. 737 (о Жирославе).
- ⁶⁰ Там же. Стб. 747 (о Жирославе), 748 — дважды (о галичских боярах вообще и о «Семьюнке» Черномом), 750 (о Жирославе и Судиславе), 752 (о Судиславе), 790 (о Доброславе и Григории Васильевиче: «речи их... полны суть лъсти»).
- ⁶¹ Там же. Стб. 761, 762 (о Молибоговичих), 763 (снова о Молибоговичих), 764 — дважды (о галичских боярах вообще и о Володиславе Юрьевиче), 766, 775, 783, 787.

- ⁶² Там же. Стб. 791.
- ⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 427.
- ⁶⁴ Там же. Стб. 428, сообщается о возвращении Ярослава Всеволодича «в Суждаль» 22 сентября 1206 г. (под 6714 г.). Предшествующие события, начиная от бегства вдовы Романа с малолетними сыновьями из Галича, могли занять в совокупности около трех месяцев, т. е. относятся они, безусловно, к лету 1206 г. (само бегство, вероятнее всего, имело место в мае или июне 1206 г.). Роман погиб 19 июня 1205 г.
- ⁶⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718.
- ⁶⁶ Там же. Стб. 724. Дата определяется по событиям, которые были непосредственным следствием обращения Володислава к венгерскому королю: это — поражение и гибель Игоревичей, точно датированные благодаря Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. 7. С. 117, под 6719 г.).
- ⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 427.
- ⁶⁸ Паушто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 144; ср. с. 169 и с. 192. Эта версия имела хождение в литературе до самого последнего времени; в качестве любопытного курьеза можно указать попытку прикрыть ее использование ссылкой на источник: «Из летописи известно, что “выгонцами” нередко становились видные галичские бояре, — например, Кормилчичи или Домажиричи» (*Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 447, с ложной ссылкой на Ипатьевскую летопись, стб. 718, и без ссылки на Паушто).
- ⁶⁹ См. рассказ о разделе Галицкого княжества Мстиславом Удатным (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 750, под 6734 г.; ср. стб. 752 и 758). Около 1240 г. административным центром Понизья стал город Бакота (Там же. Стб. 789), расположение которого давно уже установлено (*Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли. С. 3: «Бакота — село на Днестре между Ушицею и Каменном Подольским в Подольской губ.»). См. также: *Грушевський М. С.* Історія України–Руси. Т. 2, вид. 2; в приложениях — хорошая карта «Західня Україна в X–XIII віках»; Бакота помещена на Днестре чуть выше Ушицы, где ей и место. Таким образом, центр Понизья обнаруживается в пределах старых границ Галицкого княжества, установившихся еще в середине XII в. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 316).
- ⁷⁰ Там же. Стб. 790.
- ⁷¹ Так, например, составительница указателя имен к Ипатьевской летописи отождествляет его с двумя совсем иными Лазарями: с одним из знатнейших галичских бояр времен юности Данила Романовича, державшимся венгров (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 736, под 6725 г.), и с действовавшим четверть века спустя боярином Данила Романовича (Там же. Стб. 811). В обоих случаях при обращении к тексту ошибка отождествления очевидна.
- ⁷² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 763.
- ⁷³ Там же. Стб. 790.
- ⁷⁴ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград... С. 79.
- ⁷⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 724.
- ⁷⁶ Паушто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 144.
- ⁷⁷ «Ростислав же одинако не престааше. о злобе своеи. но вои. собравъ. и Володислава неверного. поиде на Галичь. и пришедь ко Печере Домамири. и прельсти е Володиславъ. и вдашася Ростиславу. и оттуда поима поиде ко Галичу. рекыи яко тво(и) есть Галичь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 793). Текст сложен для понимания, поэтому имеет смысл привести здесь (впервые!) его правильный перевод на современный русский язык.

Древнерусский текст (с расстановкой современных зна- ков препинания)	Старый перевод (О. П. Лихачевой)*	Новый перевод (А. В. Горovenko)
Ростислав же, одинако, не престааше о злобе своеи, но вои собравъ и Володислава неверного, поиде на Галичь. И пришедъ ко Печере Домамири, и прельсти е Володиславъ, и вдашася Ростиславу; и оттуда, поима, поиде ко Галичю, рекыи, яко «Тво<и> есть Галичь»	Ростислав, однако, не оста- вил злобы своей, но собрал воинов и вместе с измени- ком Володиславом пошел на Галич. Когда они пришли к Дома- жировой Печере, обманул жителей Воло- дислав, и они предались Ростиславу; а оттуда, заняв этот город, пришел он к Галичу, и ска- зал Володислав: «Твой есть Галич»	Ростислав, однако, не оста- вил злобы своей, но собрал воинов и вместе с измени- ком Володиславом пошел на Галич. И когда пришел к Печере Домамир (судя по контек- сту — галицкий боярин и воевода Данила Романо- вича, посланный с войском навстречу врагам. — А. Г.), прельстил их (Домамира и его людей. — А. Г.) Во- лодислав, и перешли они на сторону Ростислава; и оттуда, взяв их с со- бой, пошел он (Володис- лав. — А. Г.) к Галичу, сказав (Ростиславу. — А. Г.): «Твой теперь Галич»
* ПЛДР. XIII век. С. 303. Обратившись к комментарию (Там же. С. 588), мы увидим, что ошибки перевода обусловлены рабским следованием за версией Пашуто (причем подлог в имени боярина переводчица ухитрилась не заметить).		

- ⁷⁸ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 169.
- ⁷⁹ В данном случае Пашуто зависим от Грушевского, см.: Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины... С. 167.
- ⁸⁰ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 3. С. 194. См. также: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 2. С. 239 (здесь несколько более туманная трактовка — «переселенец»).
- ⁸¹ Там же: после заглавного слова «выгоньць» следует указание на количество употреблений (1*), причем звездочка в данном словаре означает исчерпывающую подачу примеров.
- ⁸² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 742: «бе бо лоеи тысяща».
- ⁸³ Там же. Стб. 22: «а в корабли по 40 мужь».
- ⁸⁴ Боплан Г. Л., де. Описание Украины. С. 261.
- ⁸⁵ В летописи сказано буквально следующее: «А выгонци Галичькыя придоша по Днепру, и воидоша в море, бе бо лоеи тысяща, и воидоша во Днепр, и возведоша пороги...» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 742). Как видим, Днепр упомянут летописцем дважды; зная географию Украины, мы должны сделать вполне однозначный вывод, что первое упоминание этой реки является механической ошибкой, здесь следует читать «Днестр».
- ⁸⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342; ПСРЛ. Т. 3. С. 63.
- ⁸⁷ «Ту же и бродници с Татары быша, и воевода Плоскына...» (ПСРЛ. Т. 3. С. 63). Историки предполагают в «бродниках» русских изгнанников, поскольку имя их предводителя звучит вполне по-славянски. Иных оснований видеть в «бродниках» предшественников казаков нет.

- ⁸⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 723–724.
- ⁸⁹ Именно поэтому малолетний Данил Романович имел военное преимущество перед своими двоюродными братьями, даже когда княжил в незначительном Каменце: «бе бо вои Даниловъ болши и креплеиши, бяху бояре велиции отца его вси у него» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 729–730). Пашуто, который полагал, что боярство было в закономерной непримиримой вражде с князьями, всячески выпячивал роль пехоты (Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 184–186), но и он признавал военную силу бояр (Там же. С. 145–146). В новейшей литературе выдающаяся роль боярских дружин уже никем не оспаривается.
- ⁹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 724.
- ⁹¹ Там же. Стб. 727.
- ⁹² Там же. Стб. 808.
- ⁹³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2–3. С. 427.
- ⁹⁴ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 567.
- ⁹⁵ См. любопытное перечисление разных слоев княжеской дружины: «он же (князь. — А. Г.) приеха Ростову, совокупив Ростовци: и боляре, [и] гридьбу, и пасынкы, и всю дружину» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 380).
- ⁹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 724.
- ⁹⁷ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 197. Это не случайная ошибка, как можно было бы подумать, а настойчиво внушаемое читателю представление; выше уже сообщалось, что Игоревичи истребили «около пятисот одних «велиций бояр»...» (Там же. С. 143).
- ⁹⁸ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 244.
- ⁹⁹ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 142; ср. далее о политике Игоревичей.
- ¹⁰⁰ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 164. Не совсем понятно, о каких «служилых людях» здесь говорит автор: дворян как особого служилого сословия в XII–XIII вв. еще не было, княжеский «двор» первоначально был идентичен более ранней «младшей дружине» (первое упоминание «двора»: ПСРЛ. Т. 3. С. 40, под 6700 г.).
В более ранней работе того же автора речь шла только об «укреплении галицкого княжеского домена» (Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 192), версия о раздаче конфискованных земель «служилым людям» родилась позже. Со временем к ней привыкли и стали воспринимать ее как общеизвестный исторический факт (см., например: Шавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 139, примеч. 7).
- ¹⁰¹ Пашуто полагал, что Игоревичи «захватили «отечествия» (т. е. вотчины) убитых и передали их (вероятно, в держание) пришежшим с ними северским боярам» (Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 143). Уже само введение понятия «вотчина» и тем более противопоставление «вотчины» «держанию» — грубая модернизация. Однако Пашуто на этом не останавливается и разъясняет нам, что «боярство и мелкое «князь» стремились рассматривать свои «держания» как «отечествия», и на практике многие боярские держания стали наследственными, превратились в вотчины» (Там же. С. 139). Все это — обычные домыслы, и не более того.
- ¹⁰² Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 143.
- ¹⁰³ Как уже указывалось выше (ч. 1, примеч. 274), единственная известная грамота Романа Мстиславича — безусловно подложная. Принято считать, что акты Юго-Западной Руси XII–XIII вв. безвозвратно утрачены. Возможна, однако, и альтернативная точка зрения: в эту эпоху и в этом регионе никаких актов изначально не существовало. Есть интереснейший документ XV в. с упоминанием Романа Мстиславича, позволяющий понять, каким именно образом делались в его время княжеские пожалования. В 1444 г.

- волинскому князю Свидригайло представили древнее Евангелие с памятными записями о пожалованиях Владимиро-Волинской епископской кафедре, сделанных его предшественниками. Среди них обнаружилась «запись Романа Мстиславовича на Купечов и иные села», которая, как подчеркивает современный исследователь, «явно не имеет признаков документа», поэтому «ее следует рассматривать как запись, сделанную клириками кафедры для памяти, в то время когда такие пожалования письменно не оформляли и довольствовались их провозглашением перед послухами» (Флоря Б. Н. О церковном землевладении в Галицко-Волинской Руси. С. 253). Характерно, что Свидригайло — правитель другой эпохи — подтвердил все ранние пожалования особым актом (который и является нашим источником: Там же, примеч. 7).
- ¹⁰⁴ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 3. С. 74.
- ¹⁰⁵ Устав князя Ярослава о церковных судах // Древнерусские княжеские уставы... С. 94.
- ¹⁰⁶ Пашин С. С. Червонорусские акты... С. 25: «число убитых едва ли превышало несколько десятков человек. Сведения о 500 жертвах репрессий крайне сомнительны».
- ¹⁰⁷ Майоров А. В. Галицко-Волинская Русь. С. 390–391. Символическое значение заключается в том, что 500 есть половина 1000, а «тысяча», как известно, есть элемент военной организации древнерусского общества. Рассуждение интересное, хотя несколько отдает софистикой.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 343 и далее.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 340; с. 341.
- ¹¹⁰ Иоанн II Комнин, находившийся у власти четверть века (24 года и 8 месяцев), «ни у кого во все свое царствование ни жизни не отнял, ни тела не изуродовал» (Никита Хониат. История. Т. 1. С. 60). Гуманным может быть названо также правление венценосного союзника Романа — Алексея III Ангела. Этот государь получил власть, свергнув с престола и ослепив своего родного брата; позднее он приказал убить любовника своей жены. Однако, за исключением этих двух трагических эпизодов, во все его восьмилетнее царствование не было казней и членовредительских наказаний (Там же. Т. 2. С. 284–285).
- ¹¹¹ Казнь этого человека, обвиненного в покушении на жизнь короля, состоялась 28 марта 1757 г. Сперва Дамьена терзали калеными щипцами, вливали в раны расплавленный свинец и кипящее масло. Затем несчастного четвертовали, разорвав его тело на части при помощи четырех тянувших в разные стороны лошадей.
- ¹¹² Караджич. С. 189.
- ¹¹³ Ин. 21, 24. Ср.: «Великая хроника»... С. 126.
- ¹¹⁴ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 81.
- ¹¹⁵ Там же. С. 109 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 23).
- ¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 719.
- ¹¹⁷ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 105 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 8).
- ¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 720, ошибочно под 6712 г.
- ¹¹⁹ См. примеч. 8.
- ¹²⁰ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 109 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 23).
- ¹²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 720–721, 730, 731.
- ¹²² Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 110 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 24).
- ¹²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 720–732. Данил Романович женился на дочери Мстислава Удатного после первого вокняжения этого князя в Галиче (см. примеч. 9).
- ¹²⁴ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 106 (фрагмент хроники Винцентия: кн. 4, гл. 15).
- ¹²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 660–662.
- ¹²⁶ Там же. Стб. 661.
- ¹²⁷ Галицко-волинская летопись. С. 245.
- ¹²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782–783.
- ¹²⁹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 563.
- ¹³⁰ См. выразительные рассказы о прощении Мстиславом Удатным боярина Судислава (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 738, под 6727 г.) и о прощении Данилом Романовичем 28 мятежников, захваченных в плен его седельничим (Там же. Стб. 763, под 6738 г.). Далее сообщается о тяжком оскорблении действием, нанесенном однажды Данилу Романовичу: «И некогда ему в пиру веселящемуся, один от тех безбожных бояр лице зали ему чашею, и то ему стерпевшу» (Там же).
- ¹³¹ Паушто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. С. 149.
- ¹³² Там же. С. 207.
- ¹³³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789.
- ¹³⁴ Там же. Стб. 791: «и повеле его изоимати»; в Хлебниковском списке иначе: «и повеле я изоимати», т. е. «повелел *обоих* взять под стражу» («я» — личное местоимение третьего лица, двойственного числа, в винительном падеже). Чтение Ипатьевского списка не может восходить к протографу: местоимение единственного числа «его» не могло быть исправлено в рукописи XVI в. (Хлебниковском списке) на архаичное местоимение двойственного числа «я». Следовательно, к протографу восходит чтение Хлебниковского списка. Появление в Ипатьевском списке «его» на месте архаичного «я», читавшегося в протографе, легко объяснимо как ошибка переписчика XV в.
- ¹³⁵ Там же. Стб. 804.
- ¹³⁶ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 563.
- ¹³⁷ ПСРЛ. Т. 2. «Предисловие к изданию 1198 г.» Б. М. Клосса, с. 6, 8.
- ¹³⁸ На первом этапе своего исследования Шахматов осторожно заметил, что «Ипатьевский список сделан в одной из севернорусских областей» (ПСРЛ. Т. 2, «Предисловие к изданию 1908 г.» А. А. Шахматова, р. VIII). Впоследствии, сделав ряд новых наблюдений, он высказался уже более определенно: отразившиеся в рукописи фонетические особенности «указывают на Псков; графические приемы ведут туда же, ибо они оказываются общими вообще псковским памятникам XV в. Необходимо отметить, что Ипатьевская летопись писана четырьмя почерками, отличающимися и по языку; но оставляю в стороне эти любопытные отличия» (Шахматов А. А. Несколько заметок о языке псковских памятников. С. 119).
- ¹³⁹ Отдельные выходцы из Пскова легко могли оказаться в любом из многочисленных новгородских монастырей. Спасо-Мирожский монастырь, основанный новгородским архиепископом Нифонтом около 1153 г., вообще находился на территории Псковской земли. Достоверно известно, что в XV–XVII вв. монахам случалось «подрабатывать» перепиской книг в других монастырях. Например, в написании Хронографа (БАН, Успенск. 191) в Новоспасском Московском монастыре принимали участие пять человек (соловецкий монах иеродиакон Андроник, Сергей путивец, Герасим белоградский, крылошане Новоспасского монастыря: головщик Аарон Косой и дьячок Никита). Рукопись была заказана келарем Новоспасского монастыря, который удостоверил это своей подписью: «А за труды их платил я, келарь Трифиллий, свои келейные деньги» (Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. 2-е изд. М.; Л., 1959. Т. 3, вып. 1. С. 238–239).
- ¹⁴⁰ По выражению Шахматова, «язык рукописи южнорусский с весьма типичными местными особенностями» (ПСРЛ. Т. 2. «Предисловие к изданию 1908 г.», р. IX). О вероятном происхождении рукописи из Киево-Печерского монастыря: Там же. «Предисловие к изданию 1198 г.» Б. М. Клосса, с. М.

- ¹⁴¹ См., например, изобилующие произвольными утверждениями построения А. А. Шахматова: *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. С. 573–581.
- ¹⁴² *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 209–211, коммент. к статьям 6707 и 6708 гг.
- ¹⁴³ Уже Карамзин понимал, что общий протограф двух рукописей был лишен хронологической сетки: «Хотя в Ипатьевском списке и означены годы, но без сомнения не Автором, а переписчиком, и наугад, ибо его летосчисление во всех известных нам случаях несправедливо» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2–3. С. 560, примеч. 113). Увидим, однако, что Карамзин заблуждался, полагая, что расставленные хронологизатором даты ошибочны во всех известных случаях.
- ¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 848: «Аще вы будете у мене, вам ездити в станы к ним, аже ли аз буду...». Эта граница между двумя частями «Галицко-Волынской летописи» впервые была отмечена Н. И. Костомаровым (Лекции по русской истории. Ч. 1. С. 50–51); единичные попытки опровергнуть эту точку зрения не оказали влияния на развитие научных представлений об истории текста.
- Первая часть «Галицко-Волынской летописи» именуется в литературе по-разному: «Галицкая летопись», «Летописец Даниила Галицкого», «Жизнеописание Даниила Галицкого» (последний вариант лучше прочих соответствует содержанию). Заканчивается эта часть описанием похода Бурунда на Литву (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 846–848, ошибочно под 6768 г.). Согласно Новгородской I летописи, поход татар на Литву относится к зиме 1258/59 г. (ПСРЛ. Т. 3. С. 82, под 6766 г.).
- ¹⁴⁵ «Волынский» рассказ начинается с пространного описания татарского похода в Малую Польшу, в котором вынуждены были участвовать и русские князья (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 848–855). Поход этот закончился в феврале 1260 г. (*Грушевский М.* Хронология подій Галицко-Волыньської літописи. С. 41–42).
- ¹⁴⁶ Заключительный раздел летописи содержит две точные даты. Смерть Владимира Васильковича: 10 декабря 6797 г., «на святого отца Мины», на рассвете в пятницу — «светающую же пятку» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 918). Ниже сообщается о вокняжении во Владимире-Волынском Мстислава Даниловича: 10 апреля 6797 г., на Пасху — «на самыи велик день» (Там же. Стб. 932). Поскольку декабрь и апрель являются в представлении летописца месяцами одного и того же 6797 г., совершенно ясно, что стиль летосчисления в данном случае сентябрьский. Первая дата соответствует 10 декабря 1288 г., вторая — 10 апреля 1289 г. Хронологические выкладки подтверждают, что 10 декабря 1288 г. действительно приходилось на пятницу и что 10 апреля 1289 г. действительно была Пасха. Самое последнее известие летописи открывается словами «тое же зимы», т. е. речь идет о зиме 1189/90 г. (Там же. Стб. 938, ошибочно под 6800 г.).
- ¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 291. Когда могла быть сделана эта запись? К сожалению, мы не знаем, когда в монастыре св. Андрея пришел на смену упомянутому Григорию иной игумен, зато можем опереться на факт особого внимания летописца к Изяславу Мстиславичу в нижеследующем тексте той же летописной статьи (стб. 292). Кажется, никем не оспаривается наличие у Изяслава в период его княжения в Киеве «собственного» летописца, его перу приписывают очень большие массивы текста. Полагаю, что ретроспективная статья 6636 (1128) г. тоже относится к периоду княжения Изяслава в Киеве (1146–1154 гг., с перерывами).
- ¹⁴⁸ «Волынская летопись — такой же свод, как и все остальные, только свод с претензиями на целостность и некоторый, так сказать, прагматизм» (*Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей. С. 157).
- ¹⁴⁹ *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. С. 572; с. 573–574.
- ¹⁵⁰ *Приселков М. Д.* История русского летописания. С. 96.
- ¹⁵¹ Там же. С. 86 (о «явно позднейших» и «не всегда ловких» вставках годов в Ипатьевском списке).
- ¹⁵² Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. М., 1998. С. 197–198.
- ¹⁵³ *Приселков М. Д.* Летописание Западной Украины и Западной Белоруссии. С. 291.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 292.
- ¹⁵⁵ *Костомаров Н. И.* Лекции по русской истории. Ч. 1. С. 25.
- ¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 715.
- ¹⁵⁷ *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. С. 208–209.
- ¹⁵⁸ *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси... С. 119–120. Ср.: *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 324. Любопытно, что последние два автора предлагают считать «недошедшую начальную часть Галицко-Волынской летописи» источником некоторых уникальных татищевских известий.
- ¹⁵⁹ *Грушевський М.* Історія української літератури. Т. 3. С. 133.
- ¹⁶⁰ В наше время это исследование Грушевского замалчивается вполне сознательно — дабы избежать полемики с авторитетным автором, выводы которого находятся в непримиримом противоречии с утвердившейся в СССР концепцией Черепнина. В результате научные заслуги Грушевского умалются, а история исследования Ипатьевской летописи подается в ложном свете: «Вплоть до 40-х гг. XX века (т. е. до появления статьи Черепнина. — А. Г.) Галицко-Волынская летопись изучалась вяло и часто поверхностно» (Галицко-волынская летопись. С. 30, вводный текст Н. Ф. Котляра).
- ¹⁶¹ *Лихачев Д. С.* Текстология. 1962. С. 522. Тот же тезис находим и во втором издании, и в третьем (посмертном).
- ¹⁶² ПЛДР. XIII век. С. 236–425. Трудно судить о том, использовалась ли при подготовке издания подлинная рукопись XV в., как это утверждается в примечаниях (Там же. С. 567). Есть основания в этом сомневаться: заключительный фрагмент текста (с. 410–414) определенно воспроизведен не по рукописи, а по печатному тексту «шахматовского» издания Ипатьевской летописи 1908 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 923–927), с рабским повторением допущенных там грубых текстологических ошибок (о них см. ниже, примеч. 489–490 и соответствующее место основного текста). Хлебниковский список в ПЛДР практически не использован. Готовившая текст к печати О. П. Лихачева не только сохранила заголовки годовых статей Ипатьевского списка, чуждые протографу, но и последовательно использовала их при разделении древнерусского текста на абзацы. Именно этим обусловлены многие смысловые ошибки ее перевода.
- В 1997 г. «Галицко-Волынская летопись» была переиздана (БЛДР. Т. 5: XIII век. С. 184–356), и снова по Ипатьевскому списку, с повторением *всех* текстологических ошибок издания 1981 г.
- ¹⁶³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 715.
- ¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. 2. «Предисловие к изданию 1198 г.» Б. М. Кюсса, с. 6.
- ¹⁶⁵ *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 249. Та же фраза не раз буквально воспроизводилась в более поздних публикациях того же автора.
- ¹⁶⁶ Непонимание элементарного факта — того, что редактор Ипатьевского списка, расставлявший даты, намеревался датировать «начало княжения» Романа, а вовсе не дату его гибели — распространено чрезвычайно широко. См., например: *Толчок А. П.* «История Российская» Василия Татищева. С. 135, примеч. 88.
- ¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 417; Т. 38. С. 154.
- ¹⁶⁸ *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 86–87.
- ¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 2: «а по Рюрице Роман».

- ¹⁷⁰ Там же. Стб. 708 и 711; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 209–211, коммент. к статьям 6707 и 6708 гг.
- ¹⁷¹ *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 249; ту же мысль находим в слегка перефразированном виде в позднейшей статье (ПлДР. XIII век. С. 18). Такое мнение высказывалось и до Лихачева (*Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого. С. 230), но лишь он один пошел дальше: ошибочное с точки зрения текстологии суждение привело его к выдвиганию заведомо ложной гипотезы, касающейся истории летописания (*Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 188–189).
- ¹⁷² См. примеч. 146.
- ¹⁷³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 747, 719, 720, 727, 731, 798, 882, 911.
- ¹⁷⁴ Предполагалось, что в основе Троицкой летописи был «Первый митрополичий общерусский свод», кончавшийся нашествием Едигея, т. е. 1408 г. Более того — предполагалось тождество пергаментной Троицкой летописи с этим сводом (*Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 248). Недавно было доказано, однако, что Троицкая летопись «составлялась после 1422 г.» (*Кучкин В. А.* О времени написания створешей в 1812 г. Троицкой летописи. С. 242).
- Симеоновская летопись была составлена около 1500 г. (*Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 26, о Мазуринском списке с фрагментом Симеоновской летописи). Это — типичный поздний свод, использующий разнородные источники. Считается, что между 6685 (1177) и 6898 (1390) гг. ее текст «в общем весьма удовлетворительно передает нам текст Троицкой летописи» (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 41). Однако в рамках указанного периода Троицкая летопись была не единственным источником Симеоновской: так, например, вторая из двух статей, обозначенных 6747 г., и статья 6748 г. воспроизводят текст Ипатьевской летописи (который в Ипатьевском списке оказался в пределах статей 6745, 6746 и 6748 гг.). Существует мнение (нуждающееся, впрочем, в развернутом текстологическом обосновании), что в статьях 6743–6745 гг., 6747–6757 гг. и 6769–6772 гг. Симеоновской летописи восходящий к Троицкой летописи текст объединен с текстом, взятым из Московского свода конца XV в. (*Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 25).
- ¹⁷⁵ В Симеоновской летописи рассказ о походе Романа на Киев оказался в пределах механической лакуны, но находился он в мартовской статье 6709 г. Сохранилось ее годовое обозначение и крошечный фрагмент начала текста (ПСРЛ. Т. 18. С. 38), из которого ясно, что речь шла о смерти Игоря Черниговского, как тому и должно быть в начале мартовской статьи 6709 г. о походе Романа на Киев (ср. ультрамартовские статьи 6710 г.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 417; Т. 38. С. 154). В Симеоновской летописи после пробела, обусловленного утратой двух листов, следует окончание рассказа о взятии Киева Рюриком и половцами. Затем идет обозначение следующей годовой статьи, 6711 г., которая открывается известием о посольстве Романа к Всеволоду (ПСРЛ. Т. 18. С. 38). Статья 6711 г. мартовская, ср. соответствующую ультрамартовскую статью 6712 г. в Радзивилловской летописи (ПСРЛ. Т. 38. С. 161). Как видим, статьи Симеоновской летописи 6709 и 6710 гг., утраченные почти полностью, определенно были мартовскими.
- Рассказ о битве на Калке в Симеоновской летописи утрачен, но был в статье 6732 г., судя по уцелевшей последней фразе: «То же слышав Василко приключившееся в Руси, възвратися от Чернигова...» (ПСРЛ. Т. 18. С. 52). Рассказы о нашествии Батыея и о взятии татарами Киева в Симеоновской летописи: Там же. С. 54, под 6745 г.; с. 60, под 6748 г.
- Ср. реконструированный текст Троицкой летописи: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 284 (под 6709 г.); с. 306 (под 6732 г.); с. 313 (под 6745 г.); с. 321 (под 6748 г.).
- ¹⁷⁶ ПлДР. XIII век. С. 234. См. также: *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и текста) // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. М., 1915. Кн. 3, тексты. С. 70.
- ¹⁷⁷ В Новгородской I летописи старшего извода нет известия о гибели Михаила Черниговского. См., однако: ПСРЛ. Т. 3. С. 298; Т. 6, вып. 1. Стб. 318.

- ¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778.
- ¹⁷⁹ Там же. Стб. 740, примеч. «и».
- ¹⁸⁰ Там же. Стб. 795, примеч. «а».
- ¹⁸¹ Там же. Стб. 14, примеч. «д».
- ¹⁸² Там же. Стб. 768.
- ¹⁸³ Там же. Стб. 782.
- ¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. 6. Стб. 300.
- ¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. 4. С. 222–223.
- ¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 772.
- ¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 4. С. 223; Т. 6. Стб. 300–301.
- ¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 772.
- ¹⁸⁹ См. нижеследующую таблицу:

События времен татарского нашествия	Софийская I летопись (ПСРЛ. Т. 6)	Новгородская IV летопись (ПСРЛ. Т. 4)	Ипатьевский список (ПСРЛ. Т. 2)
Нашествие татар на Рязанскую и Владимиро-Суздальскую земли	6745 (стб. 288)	6745 (с. 215)	6745 (стб. 778)
Гибель великого князя Юрия Всеволодича	6746 (стб. 294)	6746 (с. 218)	6745 (стб. 779)
Оборона Козельска	6746 (стб. 299)	6746 (с. 221–222)	6745 (стб. 781)
Оборона Чернигова	6747 (стб. 300)	6747 (с. 222–223)	6745 (стб. 782)
Приход татар к Киеву и заключение мира с русскими князьями	6747 (стб. 300–301)	6747 (с. 223)	Нет известия
Приход Менгухана к Киеву	6748 (стб. 301)	6748 (с. 225)	6745 (стб. 782)
Взятие Киева Батыем	6748 (стб. 301)	6748 (с. 226–227)	6748 (стб. 784)

Позднейшие летописи Московской Руси либо следуют хронологии Софийской I и Новгородской IV летописей (см., например: ПСРЛ. Т. 25. С. 126, 128, 131), либо дают свою собственную, оригинальную хронологию (ПСРЛ. Т. 18. С. 54–60; Т. 26. С. 71–76).

- ¹⁹⁰ ПлДР. XIII век. С. 18.
- ¹⁹¹ В Древней Руси был только один способ значительно ускорить переписку: старую книгу расшивали, и составляющие ее «тетради» разделялись между несколькими писцами. Каждый из них обычно заканчивал переписку своей порции текста раньше, чем кончалась выделенная ему бумага, и новый текст не доходил до конца новой «тетради». Понятно, что при шивке новой рукописи внутри текста появлялись пробелы. В Ипатьевском списке значительные пробелы, не обусловленные утратой текста, имеются в конце трех «тетрадей» из сорока. Когда этот факт впервые был установлен, естественным образом возникла версия о трех переписчиках. Однако Шахматов обнаружил в рукописи не три, а четыре почерка (ПСРЛ. Т. 2. «Предисловие к изданию 1908 г.», р. VI–VII). По Шахматову,

- вся «Галицко-Волынская летопись», занимающая в рукописи листы 245–307, была переписана одним человеком (4-й почерк, тетради 29–40, листы 213–307).
- Уже в наше время появилась альтернативная версия, согласно которой в Ипатьевском списке пять почерков (Там же. «Предисловие к изданию 1998 г.» Б. М. Клосса, р. F). Текст «Галицко-Волынской летописи», по Клоссу, переписывали два человека (5-й почерк, листы 213–284; 3-й почерк, листы 285–307). При этом получается, правда, что первый писец, исписав лист 284, бросил работу на середине фразы, а второй продолжил эту фразу и закончил ее уже на листе 285 (т. е. работали эти двое не одновременно, каждый над своим особым заданием, а последовательно). Разумеется, это маловероятно.
- ¹⁹² Он пользовался некими «летописцы старыми списку» (ПСРЛ. Т. 26. С. 188; Т. 18. С. 172).
- ¹⁹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 559, текст и примеч. «д».
- ¹⁹⁴ Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. С. 145–146.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 153.
- ¹⁹⁶ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 138, примеч. 1.
- ¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 750, под 6735 г.
- ¹⁹⁸ Там же. Стб. 808: «и поручена бысть земля его ему».
- ¹⁹⁹ О захвате Киева: Там же. Стб. 782, под 6746 г. О разграблении города Данилом Романовичем можно догадаться по имеющимся ниже известиям о вывозе икон и колоколов (Там же. Стб. 844). Пашуто полагал, что Киевская летопись легко могла попасть к Данилу Романовичу при посредстве игумена Выдубицкого монастыря, с которым князь «был дружен» (*Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 45, примеч. 1, со ссылкой на Ипатьевскую летопись). Однако в указанном месте находим лишь известие о посещении князем Выдубицкого монастыря по дороге в Орду (т. е. поздней осенью 1245 г.) и просьбу князя к «игумену и всеи братьи» молиться о нем (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806). Ни малейшего намека на какие-то особые отношения князя с игуменом нет.
- ²⁰⁰ Там же. Стб. 843.
- ²⁰¹ Там же. Стб. 715; стб. 717.
- ²⁰² Там же. Стб. 718.
- ²⁰³ Там же. Стб. 719, под 6711 г.
- ²⁰⁴ Там же. Стб. 719, под 6710 г.
- ²⁰⁵ Там же. Стб. 717, под 6710 г.
- ²⁰⁶ Там же. Стб. 736, под 6736 г.
- ²⁰⁷ Там же. Стб. 720, под 6712 г.
- ²⁰⁸ Там же. Стб. 721, под 6712 г.
- ²⁰⁹ Там же. Стб. 808.
- ²¹⁰ Там же. Стб. 813, под 6759 г.; стб. 835–836.
- ²¹¹ Там же. Стб. 813, под 6759 г.
- ²¹² Особенно характерны два подробных рассказа о Романе с явными элементами сатиры: о неудачной попытке захвата Галича в 1188 г. (Там же. Стб. 660–662) и о выступлении на стороне Казимировичей против Мешко III в 1195 г. (Там же. Стб. 686–688, особенно стб. 687).
- ²¹³ Там же. Стб. 746.
- ²¹⁴ Там же. Стб. 732, под 6721 г.
- ²¹⁵ Там же. Стб. 736, под 6723 г.
- ²¹⁶ Там же. Стб. 723, под 6715 г.; жирным курсивом выделено исправление текста по Хлебниковскому списку (см. там же варианты, ^{13–13}); в Ипатьевском списке здесь неудачно вставлено обозначение годовой статьи. Ни один из опубликованных комментариев к этому летописному рассказу не свободен от ошибок. Составительница указателя имен

- к Ипатьевской летописи почему-то принимает упомянутую здесь королеву за жену императора, хотя текст вполне ясен: речь идет о венгерской королеве (Гертруде), матери «Альжьбитъ» (св. Елизаветы). Кроме того, надо знать, что жена императора («цесаря») вообще не может быть названа королевой; в древнерусской лексике это, разумеется, «царица». Украинский историк Котляр принимает жену Андрея II Гертруду за его дочь (Галицко-волынская летопись. С. 195, коммент. к рассказу об убийстве Филиппа), а планы брака Данила Романовича и венгерской принцессы, родившейся в 1207 г., относит к 1204-му или к первой половине 1205 г. (Там же, предыдущий коммент.).
- ²¹⁷ В Венгрию Данил Романович поехал из Кракова, где оказался с матерью и братом после бегства из Владимира-Волынского, датируемого зимой 1206/07 г. (см. примеч. 54). Отъезд из Венгрии связан с походом против Игоревичей, гибель которых датируется сентябрем 1211 г. Месяц указан в Ипатьевской летописи: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 727, под 6716 г. Год в Ипатьевском списке проставлен произвольно, но см. известие о казни Игоревичей в Воскресенской летописи: ПСРЛ. Т. 7. С. 117, под 6719 г.
- ²¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 729, под 6718 г.
- ²¹⁹ Там же.
- ²²⁰ Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. С. 61.
- ²²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 736, под 6725 г.
- ²²² Там же. Стб. 804. О дате битвы см.: Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. С. 67.
- ²²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740, под 6731 г.
- ²²⁴ Холм основан безусловно до окончательного вокняжения Данила Романовича в Галиче (Там же. Стб. 777), которое датируется 1238 или 1239 гг. (Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. С. 28).
- ²²⁵ Источники ничего не сообщают о судьбе прежнего митрополита, но легко догадаться, что он погиб при взятии Киева Батыем 6 декабря 1240 г. (бегство митрополита еще не делало его стол вакантным).
- ²²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 745.
- ²²⁷ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. С. 258.
- ²²⁸ Там же («год свиньи»). Точная дата смерти Чингис-хана, указываемая выше этим автором (с. 233), безусловно ошибочна, так как противоречит его же рассказам о сдаче столицы тангутов (с. 233 и с. 258) и дважды приведенной дате официального объявления о смерти Чингис-хана после доставки его тела в Монголию (с. 247; с. 258).
- ²²⁹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 20–21.
- ²³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 744.
- ²³¹ Там же. Стб. 775.
- ²³² Там же. Стб. 775–777.
- ²³³ Там же. Стб. 782.
- ²³⁴ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». С. 191. Отнесение событий к 1239 г. совершенно произвольно. Вообще автор этого интересного и в целом очень полезного исследования плохо ориентируется в мире русских летописей, что видно по курьезным цитатам и не менее курьезным ссылкам (Там же. С. 278–280). Однако это не мешало исследователю сделать верное умозаключение: «Проставка к имени (Менгу-хан = Менгу-каан) показывает, что летописец знал о том, что Менгу стал великим ханом» (Там же. С. 382, примеч. 347).
- ²³⁵ Менгу (он же Мункэ) правил монгольской империей в 1251–1259 гг., см.: Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 128–148. На Руси могли узнать о том, что Менгу стал «каном», в лучшем случае в конце 1251 г.
- ²³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470, под 6748 г.: «на Николин день».

- ²³⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 783–784.
- ²³⁸ Там же. Стб. 784.
- ²³⁹ Там же. Стб. 785.
- ²⁴⁰ *Плано Карпини Д.*, дель. История Монгалов. С. 72; с. 219, примеч. 206.
- ²⁴¹ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 121.
- ²⁴² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795.
- ²⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471, под 6754 г. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 111–112 (коммент. к статье 6754 г. Лаврентьевской летописи).
- ²⁴⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808.
- ²⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471, под 6754 г. О Ярославле здесь сказано только, что он «преставился во иноплеменищех, ида от Канович», т. е. на обратном пути из ставки великого хана. Согласно рассказу свидетеля событий, папского посла Джованни дель Плано Карпини, мать великого хана Гуюка поднесла Ярославу медленно действующий яд: «он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней» (*Плано Карпини Д.*, дель. История Монгалов. С. 77; ср. с. 82).
- ²⁴⁶ Скорость передвижения послов определяется рассказом Плано Карпини, который, выехав из ставки великого хана 13 ноября 1246 г. (Там же. С. 80 и с. 221, примеч. 220), добрался до Киева 9 июня 1247 г. (Там же. С. 81 и с. 221, примеч. 222).
- ²⁴⁷ *Грушевський М.* Історія української літератури. Т. 3. С. 142. Грушевский подчеркивает: «приблизительно одновременно»; в одном случае он допускает возможность двухлетнего интервала между событием и записью рассказа о нем (Там же, примеч. 2).
- ²⁴⁸ По версии Черепнина, в 1256–1257 гг. был составлен («скорее всего, при кафедре епископа Холмского») «официальный летописец Даниилова княжения», «Летописец Даниила Галицкого» (*Черепнин Л.В.* Летописец Даниила Галицкого. С. 232–233, 236, 252). При этом, наряду с длинным рядом других источников, использована была антибоярская «галицкая повесть», составленная «между 1238 и 1245 гг.» (Там же. С. 251; ср. с. 253).
- Пашуто, державшийся ультраконсервативных взглядов (в духе Бестужева-Рюмина), видел в «Галицко-Волынской летописи» своего рода матрешку из предшествовавших «летописных сводов». В его построениях антибоярской «галицкой повести» Черепнина соответствует «холмский княжеский свод», составленный около 1246 г. (*Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 91–92), а «Летописцу Даниила Галицкого» 1256–1257 гг. соответствует «холмская летопись» начала 60-х гг. XIII в. (Там же. С. 97).
- Версия А. Н. Ужанкова, знаменующая принципиально новый этап в исследовании «Галицко-Волынской летописи», рассматривается ниже.
- ²⁴⁹ *Ужанков А.Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания. С. 262–271 (о ретроспективном характере изложения в первой части «жизнеописания»); с. 272–273 (то же о второй части).
- ²⁵⁰ Там же. С. 272–275; с. 282.
- ²⁵¹ Там же. С. 273–274.
- ²⁵² Там же. С. 272.
- ²⁵³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808.
- ²⁵⁴ «Король Даниил Русский... нашел нас вблизи ставок Картана» (*Плано Карпини Д.*, дель. История Монгалов. С. 81–82). О проезде рассказчика через кочевья этого Картана у Дона между «первым воскресеньем Четырдесятницы» (26 февраля 1246 г.) и «средой Страстной недели» (4 апреля 1246 г.) см.: Там же. С. 70.
- ²⁵⁵ См. примеч. 243.
- ²⁵⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809, со слов «В то ж лето присла король...» (11,5 строк — дипломатическая предыстория венгерского брака, тесно связанная с путешествием митрополита Кирилла «на поставление» через Венгрию; еще 6,5 строк — известие о самом браке).

- ²⁵⁷ *Ужанков А.Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания. С. 265.
- ²⁵⁸ Там же. С. 272.
- ²⁵⁹ См. нижеследующую таблицу:

Хронологические указания в тексте Ипатьевской летописи	Обозначение года в Ипатьевском списке	Реальная дата, определенная дополнительными изысканиями	Столбец в издании Ипатьевской летописи 1908 г.
Канун святого Дмитрия	6721	1219 г.	735
Канун святой Богородицы	6727	1221 г.	737
Великая Суббота, следующий за ней Великий день (Пасха) и понедельник пасхальной недели	6735	1228 г.	752
Великая Суббота	6740	1233 г.	770
Промежуток от Крещения до Вознесения	6742	1236 г.	773
Канун Фрола и Лавра	6757	1245 г.	805
Праздник святого Дмитрия	6758	1245 г.	806

- ²⁶⁰ Сентябрь (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 727, под 6716 г.); апрель (Там же. Стб. 741); март (Там же. Стб. 776).
- ²⁶¹ Суббота (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 739, под 6729 г.); вторник (Там же. Т. 2. Стб. 743, под 6732 г.); воскресенье (Там же. Стб. 811, под 6759 г.).
- ²⁶² Единственное исключение — мнимое. В сражении с венграми и поляками под Галичем «на канун святой Богородицы» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 737) Мстислав Удатный обошелся без помощи своего зятя. Однако для Данила Романовича эта победа его тестя над общими врагами имела огромное значение.
- ²⁶³ *Плано Карпини Д.*, дель. История Монгалов. С. 66–81.
- ²⁶⁴ Первая дата (канун святого Дмитрия) относится к году, когда Мстислав Мстиславич был изгнан венграми из Галича; в Воскресенской летописи это событие датировано 6727 (1219) г. (ПСРЛ. Т. 7. С. 126).
- Последняя дата (праздник святого Дмитрия) относится к осени 1245 г.: речь идет об отъезде Данила Романовича в Орду, что имело место вскоре после битвы под Ярославом, датируемой 17 августа 1245 г. (*Грушевський М.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. С. 32).
- ²⁶⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 826.
- ²⁶⁶ Там же. Стб. 827.
- ²⁶⁷ Там же. Стб. 828.
- ²⁶⁸ *Грушевський М.С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. С. 36–37.
- ²⁶⁹ Дата смерти Данила Романовича известна по польскому источнику («Великая хроника»... С. 192). Тем не менее многие историки принимают произвольную дату, проставленную хронологизатором «Галицко-Волынской летописи» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 862, под 6772 г.). Причина, видимо, в том, что «польская» дата была оспорена М. С. Грушевским (*Грушевський М.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. С. 44–45).

- ²⁷⁰ Между прочим, есть веские основания полагать, что автор вообще никогда не бывал в Киеве. Он пишет, что в ночь после захвата городских стен татарами киевляне «создаша паки другии град около святое Богородице» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 785), что было физически невозможно и в чем не было никакой необходимости. Городской район около храма Богородицы («город Владимира» в терминологии наших археологов) изначально был окружен особыми стенами. Таким образом, «летописец» фактически расписался в незнании топографии современного ему Киева. Он знал по рассказам, что в последнюю очередь пал «други град около святое Богородице»; не представляя отчетливо места действия, он домыслил, что это было какое-то импровизированное укрепление.
- ²⁷¹ См., например, яркий эпизод боя у Торчева, когда Данил Романович едва не попал в плен (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 768–769). Вообще автор текста видит все происходящее на поле боя глазами своего князя: «Данил же вбоде копье свое в ратьного, изломившу же ся копью, и обнажи мечь свои; позрев же сем и сем, и виде стяг Василков стояще...» (Там же. Стб. 768).
- ²⁷² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 715–717.
- ²⁷³ Там же. Стб. 715.
- ²⁷⁴ Там же. Стб. 716.
- ²⁷⁵ Мстислав Данилович, например, говорит о провинившихся перед ним жителях Берестья: «вписал есмь в летописець коромолу их» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 932). Эти слова завершают текст вписанной в летопись уставной грамоты с регламентацией новой повинности для жителей Берестья. Выше дословно вписано в летопись завещание Владимира Васильковича (Там же. Стб. 903–904).
- ²⁷⁶ Миллер В. Ф. Взгляд на «Слово о полку Игореве». С. 141–142.
- ²⁷⁷ В отношении последней даже уточняется, что она могла быть сложена «при дворе Владимира Игоревича в бытность его галицким князем» (Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. С. 240).
- ²⁷⁸ Сказание о Борисе и Глебе. С. 278.
- ²⁷⁹ Русская историческая библиотека. Т. 6, ч. 1. Стб. 147.
- ²⁸⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 289, под 6634 ультрамартовским годом.
- ²⁸¹ О дате смерти Владимира Васильковича см. примеч. 146.
- ²⁸² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 610. Приведенная летописцем полная дата смерти князя соответствует не 6686, а 6688 г. (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 199, коммент. к статье 6686 г., пункт «а»).
- ²⁸³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 920.
- ²⁸⁴ Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи. С. 116.
- ²⁸⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 716–717.
- ²⁸⁶ Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы... С. 29–30.
- ²⁸⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 715–716.
- ²⁸⁸ Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Ч. 1. С. 48. Ср.: Гудзий Н. К. Галицко-Волынская летопись. С. 27.
- ²⁸⁹ Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи. С. 93–114.
- ²⁹⁰ Пауто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 108.
- ²⁹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 770, под 6741 г.; стб. 807, под 6758 г.; стб. 817, под 6760 г.
- ²⁹²

Текст Ипатьевской летописи	Статья по Ипатьевскому списку	Столбец в издании 1908 г.
Данил видив, яко крепщеиши брань належить в ратных...	6732	744

Се увидев князь Всеволод, яко крепче брань належить...	6745	780
И уведевъше Ляхове, яко крепче брань Руская належить...	6753	796

293

Текст Ипатьевской летописи	Статья по Ипатьевскому списку	Столбец в издании 1908 г.
Он же... обещаея работе быти ему	6728	738
они же обещаея работе быти	6749	792
обещавающимся им в работе быти	6763	828
обещавахуся работе быти ему	6764	835

294 СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 19. С. 268.

295 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740.

296 Там же. Стб. 744, под 6732 г.

297 Там же. Стб. 837, под 6765 г. См. также коммент. к этому сюжету: Пауто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 256, примеч. 5.

298 Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей... С. 153.

299 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741.

300 Там же. Стб. 743.

301 Гудзий Н. К. История древней русской литературы. С. 209.

302 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 798–800.

303 Впервые комплекс вставок, акцентирующих роль Василька Романовича, был выявлен В. Т. Пауто (Пауто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 104, 106–108). Однако исследователь не заметил, что наиболее пространная вставка (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 798–800) является посмертной. В результате было сделано заведомо ошибочное заключение: «холмская летопись» (так называет Пауто жизнеописание Даниила Романовича) была переработана и продолжена «при дворе князя Василько» (Пауто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 103). Впрочем, ниже исследователь оговаривается: работа по редактированию «холмской летописи» была только начата при Василько Романовиче, а завершена уже при Владимире Васильковиче (Там же. С. 105–106). Эту версию уже можно было бы принять, если бы Пауто не настаивал на том, что при дворе Василько Романовича велось «текущее летописание» (Там же. С. 105). Кроме того, исследователь начал поиски продолжения «холмской летописи» за пределами рассказа о нашествии Бурундая на Литву. Мы знаем (см. примеч. 144), что именно на этом неоконченном рассказе обрывается жизнеописание (или, если угодно, «летописание») Даниила Романовича. Однако Пауто этого не понимал и в результате так запутался в своих построениях, что отнес к «холмской летописи» даже порочащую Даниила Романовича тираду из позднейшего текста, механически присоединенного к панегирическому жизнеописанию старшего Романовича уже при Владимире Васильковиче: «Данилу же убоявшуся, побеже в Ляхы, а из Ляхов побеже в Угры» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 850; Пауто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 104, примеч. 6 и соответствующее место основного текста).

В некоторых случаях Пауто видел вставку там, где книжник XIII в. попросту не справился со сложной синтаксической конструкцией. Вот самый выразительный пример: «Данил же вбоде копье свое в ратьного, изломившу же ся копью, и обнажи мечь свои, позрев же сем и сем, и виде стяг Василков стояще и добре борющь и Угры гонящу,

обнажив мечь свои, идущу ему брату на помощь, многы же язвы, и инии же от меча его умроша, снемшеся с Мирославом, и виде, яко Угре собираются, и ехаста на не два» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 768). Наличие повторенного дважды словосочетания Пашуто считается признаком вставки и неумелого редактирования. На самом деле природа дублировки здесь другая: писавший без черновиков автор не смог сохранить осмысленность закрученной им длинной фразы без «синтаксической петли». С точно такими же проблемами сталкивались и русские писатели первой половины XIX в., любившие выстраивать длинные периоды. Так, например, у Гоголя в 11-й главе «Мертвых душ» есть известная каждому школьнику фраза, начинающаяся восклицанием «Русь! Русь!» (здесь между дважды повторенным словосочетанием «не блеснут сквозь» находим оборот в 15 слов).

Вероятно, Пашуто понимал, что наличие вставки в приведенном выше летописном тексте очень сомнительно, и решил подкрепить свое предположение смысловым анализом: «в первоначальном описании князь Даниил шел на помощь вовсе не Васильку, а Демьяну, который в помощи действительно нуждался» (*Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 107). Увы, здесь историк демонстрирует полное непонимание хода описываемого сражения. Бегство тысяцкого Демьяна перед венграми было прямым следствием маневра Даниила Романовича, который зашел венграм в тыл и тем самым создал у тысяцкого преувеличенное представление о численности противостоящих его отряду врагов (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 768). Данил Романович уже ударил в тыл венграм, перед которыми бежал Демьян; оказать еще какую-либо помощь своему тысяцкому он уже не мог. Продолжение рассказа показывает, что Данил шел на помощь именно Васильку, как и сообщает автор текста в мнимой вставке, хотя Пашуто почему-то этого в упор не видит: «Гонящим же има разлучистася (речь идет о князе Даниле и боярине Мирославе, которые потеряли связь между собой, преследуя венгров. — А. Г.), потом же виде (Данил. — А. Г.) брата добре борюшася, и сулицы его кроваве суци...» (Там же. Стб. 768). Здесь — финал предпринятого Данилом маневра: он добрался до места, где сражался его младший брат, и съехался с ним практически вплотную, так что разглядел даже кровь на его сулице.

³⁰⁴ Для историков литературы это не новость: «Стилистически пересекается с рассказом о Романи и Владимире Мономахе и рассказ о волхве Скомонде под 1248 г., написанный под влиянием хроники Малалы» (*Гудзий Н. К.* Галицко-Волынская летопись. С. 27; ср.: *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. С. 211). Принадлежность этих двух рассказов одному автору никогда не предполагалась из-за груза историографической традиции, где вокруг «рассказа о Романи и Владимире Мономахе» (панегирика в честь Романа) скопилось много фантазий.

³⁰⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 716.

³⁰⁶ Там же. Стб. 799–800.

³⁰⁷ Там же. Стб. 918, ошибочно под 6797 г. О дате смерти Владимира Васильковича см. примеч. 146.

³⁰⁸ Там же. Стб. 820, под 6762 г.

³⁰⁹ *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы (кн. XVIII).

³¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 820, под 6762 г.

³¹¹ Перед рассказом о битве на Калке автор обещает рассказать об основании города Холма (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740, под 6731 г.). Почти в самом конце текста «жизнеописания» обещание это повторяется — при рассказе о пожаре Холма, совпавшем с набегом татарского военачальника Куремсы (Там же. Стб. 841, под 6767 г.). На сей раз читателю не приходится долго ждать: уже на следующей странице, сразу после известия об уходе Куремсы, начинается рассказ о Холме. Он открывается словами: «Якоже древле писахом во Куремсыну рать о зажъжены города Холма; Холм бо город сице быс создан...» (Там же. Стб. 842–846, под 6767 и 6768 гг.). Такое вступление («древле писахом») было бы невозможно, если бы текст об основании Холма был написан сразу же после текста о набеге Куремсы. Перед

нами или продолжение, сделанное после существенного перерыва в работе, или поздняя вставка, разрывающая более ранний текст. Удалив мысленно текст об основании Холма, мы получим вполне связный рассказ; следовательно, справедлива версия о вставке. После вставки читается рассказ о походе Бурундая на Литву, датируемый зимой 1258/59 г., который должен был появиться раньше вставки. Следовательно, вставка появилась через значительное время после 1259 г., причем она снова авторская (здесь автор сообщает об этом сам: «Якоже древле писахом...»).

³¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741; возможно, вставка гораздо шире и начинается словами «Тогда бо беахуть Мьстивлав Романовичь в Кыеве...».

³¹³ См. песню «Царь Лазарь и царица Милица», где отправляющиеся на Косово поле юнаки, даже получив разрешение Лазаря остаться с царицей, один за другим оставляют ее, чтобы исполнить свой долг (Караджич. С. 184–189).

³¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 717.

³¹⁵ Там же. Стб. 835–836. Последней фразе особенно не повезло в нашей литературе, смысл ее постоянно искажается. Приведем пример:

Древнерусский текст	Старый перевод (О. П. Лихачевой)*	Новый перевод (А. В. Горюнов)
Яко же сказахом о ратех многих, си же написахом о Романи, древле бо писати си, ныне же zde вписано бысть в последняя	Также и мы написали о многих войнах, также мы написали и о Романи: раньше писали о нем, а здесь написали ныне в последний раз	Также и мы рассказали о многих войнах, а это [нижеследующее] написали о Романи: раньше надо было написать об этом, теперь же это оказалось вписанным здесь, в конце [рассказа о многих войнах]
* ПЛДР. XIII век. С. 339. Несмотря на грубые ошибки, допущенные при переводе, исследовательница все-таки понимала общий смысл текста и верно указала в комментарии, что автор здесь возвращается к прерванному выше рассказу о войне за австрийское наследство (Там же. С. 594). Лихачева понимала также, что речь идет о Романи Даниловиче. Впрочем, этот факт был очевиден уже исследователям XIX в. (<i>Бестужев-Рюмин К. Н.</i> О составе русских летописей... С. 157).		

³¹⁶ *Ужанков А. Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: К вопросу об авторе второй редакции. С. 74. Здесь очевидно влияние Черепнина, который тоже полагал, что речь идет о Романи Мстиславиче. Не разобрав смысла словосочетания «древле бо писати си», исследователь начал фантазировать и усмотрел в летописной фразе, содержащей это словосочетание, отсылку к какой-то воображаемой «повести о деяниях Романа» (*Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого. С. 240).

³¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 836–837. Выше Роман Данилович исчез из поля зрения летописца, едва женившись на сестре австрийского герцога (Там же. Стб. 821): автор увлекся описанием похода своего главного героя, Даниила Романовича, на Опаву (Там же. Стб. 821–826).

³¹⁸ *Dlugosz J.* Annales... Lib. V, VI. P. 196.

³¹⁹ Сомневающимся рекомендую внимательно изучить комментарий А. Н. Назаренко к рассказу Длугоша под 1204 г. (*Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI). С. 443, примеч. 339).

³²⁰ *Dlugosz J.* Annales... Lib. V, VI. P. 194.

- ³²¹ Excerpta ex Necrologio S. Petri Erfordiae. P. 19.
- ³²² *Dlugosz J. Annales...* Lib. V, VI. P. 196.
- ³²³ Ibid. P. 193.
- ³²⁴ Ibid.
- ³²⁵ Этот мнимый факт послужил основанием для очень смелых предположений и выводов (*Паушто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 18*).
- ³²⁶ *Dlugosz J. Annales...* Lib. V, VI. P. 197.
- ³²⁷ *Фурдоуси. Шахнаме. Т. 1. С. 356–359.*
- ³²⁸ *Dlugosz J. Annales...* Lib. V, VI. P. 193.
- ³²⁹ «Великая хроника»... С. 75.
- ³³⁰ *Dlugosz J. Annales...* Lib. V, VI. P. 197.
- ³³¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 262 (№ 38); Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2 (№ 91).
- ³³² *Dlugosz J. Annales...* Lib. V, VI. P. 195.
- ³³³ Ibid. P. 196.
- ³³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425.
- ³³⁵ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 139–140.
- ³³⁶ *Dlugosz J. Annales...* Lib. V, VI. P. 196.
- ³³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425.
- ³³⁸ *Dlugosz J. Annales...* Lib. V, VI. P. 195.
- ³³⁹ Так, например, Длугош рассказывает о *турнире* при дворе Болеслава II в 1067 г. (*Dlugosz J. Annales...* Lib. V, VI. P. 95), что решительно невозможно: родиной турниров является Франция. «Само слово это впервые появляется в хронике Сен-Мартина из Тура в 1066 г., которая повествует о том, как множество баронов было убито близ Анжера, и об одном из них, Жофруа де Прейли, говорится, что он “изобрел турниры”» (*Дюби Ж. Битва при Бувине. С. 162*). К середине XII в. турниры вошли в обычай в Германии и Англии; в других странах Европы они стали проводиться еще позже.
- ³⁴⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 438.
- ³⁴¹ Там же. Стб. 438–439.
- ³⁴² Там же. Стб. 642.
- ³⁴³ *Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 109* (кн. IV, гл. 23 хроники Винцентия). Странное поведение польского воина обусловлено представлением о неприкосновенности особы государя, насаждаемым Католической Церковью. Ср. сцену из битвы при Бремеле, 1119 г.: «...один из товарищей Людовика VI, пытаясь схватить Генриха V, сорвал с него шлем, но дальше этого не пошел, поскольку “поднять руку и снести ударом шпаги (так у переводчика. — А. Г.) голову, которую епископ помазал святым миром, есть преступное деяние”» (*Дюби Ж. Битва при Бувине. С. 207*).
- ³⁴⁴ *Dlugosz J. Annales...* Lib. V, VI. P. 196.
- ³⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425.
- ³⁴⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 719, под 6710 г.
- ³⁴⁷ См. его пересказы тех известий «Повести временных лет», где упоминаются гривны (*Dlugosz J. Annales...* Lib. I, II. P. 262; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143; *Dlugosz J. Annales...* Lib. III, IV. P. 203; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 274). Писавший по-польски Стрыйковский, передавая восходящий к Длугошу рассказ о выкупе тела Романа, называет сумму: «1000 гривен серебра» (*Strykowski M. Kronika Polska...* P. 242).
- ³⁴⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666.
- ³⁴⁹ *Dlugosz J. Annales...* Lib. V, VI. P. 196.
- ³⁵⁰ Это известие Новгородской I летописи младшего извода о тысяче гривен, уплаченной в качестве выкупа за пленных Витовту под Порховом (ПСРЛ. Т. 3. С. 415, под 6936 г.).
- ³⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 142–143. Знакомство Длугоша с этим известием «Повести временных лет» доказывается тем, что именно он в польской традиции первым сообщает точные сведения о происхождении жены Казимира I (*Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI). С. 253*). Ср. более ранние известия: «Великая хроника»... С. 70; Аноним Галл (*Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 53*). У Винцентия сообщения об этом браке вообще нет. Длугош по своему обыкновению тенденциозно искажил известие русской летописи: в его рассказе Казимир получает от Ярослава богатое приданое, а вовсе не уплачивает ему «вено» за невесту, как в «Повести временных лет». Понять Длугоша легко: славянское «вено» — не что иное, как языческий пережиток; согласие Казимира уплатить вено не вяжется с образом благочестивого католика. Обязательство Казимира вернуть пленных вообще должно было показаться Длугошу унижительным, недаром у него при «творческом» использовании этого эпизода в рассказе о событиях 1205 г. роли поменялись зеркальным образом (пленных здесь возвращают русские).
- ³⁵² *Dlugosz J. Annales...* Lib. V, VI. P. 196.
- ³⁵³ *Bielski M. Kronika Polska...* P. 143.
- ³⁵⁴ В письме оршанского старосты Филона Кмиты-Чернобыльского к Остафию Воловичу (1574 г.) упоминаются Илья Муравленин и Соловей Будимирович: «prijdet czas, koli budiet nadobie Ilii Murawlenina i Solowia Budimirowicza; prijdet czas, koli budiet sluzb naszych potreba» (цит. по: *Веселовский А. Н. Южнорусские былины. С. 64*).
- ³⁵⁵ Свидетельство Сарницкого в краткой заметке о Киеве, 1585 г. (*Sarnicius. Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione eiusdem veteri et nova*).
- ³⁵⁶ Один из крупнейших исследователей русского эпоса насчитывал 53 основных сюжета героических былин (*Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. С. 277–293*). На самом деле сюжетов *героических* примерно на десяток меньше, так как в былинах о Садко, Дюке, Чуриле и некоторых других персонажах нет решительно ничего героического.
- ³⁵⁷ Разбор вариантов и библиографические данные см. Дополнение 5. Звукозапись былины о князе Романе была сделана, видимо, только один раз — от сказителя Ф. А. Конашкова в 1928 г. (Фонограммархив Института русской литературы РАН (СПб.), ДЛ, 235, 238).
- ³⁵⁸ *Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. С. 50.*
- ³⁵⁹ Мнение П. А. Бессонова (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1. «Заметка». P. IV).
- ³⁶⁰ *Жданов И. Н. Песни о князе Романе. СПб., 1890.* Данное издание является библиографической редкостью, поэтому укажем более доступное: ЖМНП. 1890. Март–апрель. С. 267–305. Окончание: Май–июнь. С. 1–55.
- ³⁶¹ *Пропт В. Я. Русский героический эпос. С. 589.*
- ³⁶² См. Дополнение 5. В вариантах Калинина и Рябина князь Роман замещен Никитой Романовичем. Этот последний является главным героем другой былины, известной обоим сказителям, — о спасении царевича, в гневе обреченного на казнь Иваном Грозным. В варианте Прохорова Роман был замещен даже самим Иваном Грозным, причем *непосредственно во время исполнения песни*: в первых строках упомянут, как и следовало, князь Роман, а далее — «грозный царь Иван Васильевич».
- ³⁶³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2. С. 362 (вариант «шальского лодочника»).
- ³⁶⁴ Там же. С. 255–256 (вариант Андрея Сорокина). Любопытно, что через каких-нибудь 11 лет, при исполнении той же песни для Гильфердинга, Сорокин пел уже иначе: «А поезжайте-тко во землю во Лимоньскую...» (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. С. 660). Поскольку Рыбников, при всех его талантах, был

- все-таки фольклористом-дилетантом, можно было бы подумать, что и ему Сорокин пел про фантастическую «землю Лимоньскую», но собиратель при записи текста «поправил» сказителя, исходя из своих субъективных представлений. Однако «земля Левонская» фигурирует еще в двух *разновременных* записях былины, представляющих другую ее редакцию: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2. С. 362 (№ 152); Былины Севера. Т. 2. С. 316 (№ 152). Видимо, в архетипе былины речь шла все-таки о «земле Левонской».
- 365 *Курбский А. М.* История о великом князе Московском. С. 368.
- 366 *Жданов И. Н.* Песни о князе Романе. С. 83.
- 367 См., например, двухтомник «Былины», составленный Проппом и Путиловым (т. 1).
- 368 Былины. Т. 1. С. 550 (коммент. к былине о князе Романе).
- 369 Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2. С. 273–289 (№ 137).
- 370 Там же. С. 254.
- 371 Там же. С. 362 и с. 425.
- 372 *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос. С. 516.
- 373 «Сборник Кириши Данилова», представляющий эпос XVIII в., еще не знает слова «витязь». В Прионежье его первая фиксация датируется 1863 г. (в былине о Дюке Степановиче: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2. С. 364, № 63). В дальнейшем оно остается крайне редким. Только в самом конце эпохи угасания эпоса, в 1947 г., в одном-единственном варианте былины о князе Романе, устойчивое выражение сорокинской традиции «два витника» было осмыслено последним знавшим былину сказителем как «два витязь-ка» (Русские эпические песни Карелии. С. 181, № 27).
- 374 Особенности народного восприятия Волыни и Галича во времена формирования позднего русского эпоса ярко и убедительно показаны В. Я. Проппом при обсуждении проблемы изображения в былинах родины Дюка Степановича (*Пропп В. Я.* Русский героический эпос. С. 478–479).
- 375 На самом деле Ольгерд умер за три года до Куликовской битвы; союзником Мамаю в реальной истории был сын Ольгерда Ягайло. Подмена Ягайлы Ольгердом в «Сказании о Мамаевом побоище» — одно из доказательств фольклорных корней этого произведения и его относительно позднего происхождения.
- 376 *Жданов И. Н.* Песни о князе Романе. С. 51.
- 377 *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 341–342.
- 378 Подробный разбор фольклорного мотива «слепец и хромец» был предпринят еще И. Н. Ждановым (*Жданов И. Н.* Песни о князе Романе. С. 51–55). См. также: *Еремин И. П.* Притча о слепце и хромце... С. 323–352. Интересными свидетельствами популярности этого мотива являются его отражения в древнерусской иконописи и в бытовой севернорусской народной живописи (роспись мебели).
- 379 Русские эпические песни Карелии. С. 181–183 (№ 27).
- 380 *Жданов И. Н.* Песни о князе Романе. С. 23–25.
- 381 Там же. С. 25–26.
- 382 *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос. С. 445, примеч. 1.
- 383 *Жданов И. Н.* Песни о князе Романе. С. 29–31. Ср.: *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос. С. 448–453.
- 384 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 813, под 6759 г.
- 385 *Жданов И. Н.* Песни о князе Романе. С. 31–32.
- 386 *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 145. Ср.: ПСРЛ. Т. 38. С. 62 (то же и во всех других летописях, открывающихся «Повестью временных лет»).
- 387 *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. С. 74.
- 388 *Тихомиров М. Н.* О русских источниках «Истории Российской». С. 48.
- 389 *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 126, под 6472 (964) г.
- 390 *Шахматов А. А.* К вопросу о критическом издании «Истории Российской»... С. 94–95.
- 391 *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 298.
- 392 Там же. С. 320.
- 393 Там же. С. 325.
- 394 *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 324–325; с. 327; с. 331; с. 333–335. Характерно, что этот автор «не замечает» также и проставленной Татищевым даты событий (1197 г.). Этот несложный прием позволяет историку уклониться от обсуждения весьма неприятной темы: в Ипатьевской летописи, доведенной до 1198 г., упоминания о вокняжении Романа в Галиче нет.
- 395 *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 328–329.
- 396 Там же. С. 331.
- 397 Там же. Во второй редакции ответ Романа дополнен и переработан, причем в ущерб выразительности (*Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 173).
- 398 *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 331.
- 399 Там же. С. 332. Во второй редакции этот рассказ несколько сокращен и переработан: 1) польские послы уже не именуются «мужи знамениты», и их полномочия оказываются недостаточными для заключения мира; 2) исчезла последняя фраза с упоминанием о том, что сам Лешек находился недалеко от места последнего боя Романа (*Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 174).
- 400 *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 332.
- 401 *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2, 3. С. 551, примеч. 87.
- 402 Краткий очерк истории Берестья и Дорогичина см.: часть 1, примеч. 64.
- 403 *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 108 (фрагмент кн. 4, гл. 19 хроники Винцентия).
- 404 Там же. С. 105–106 (фрагмент кн. 4, гл. 14 хроники Винцентия).
- 405 Обзор версий: Там же. С. 128–129, примеч. 3. См. также: *Горовенко А. В.* Татищевское известие о борьбе за Берестье в 1182 году. С. 142–147.
- 406 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 562.
- 407 *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 186–187, пункт «в».
- 408 *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 451, примеч. 382.
- 409 Там же. Т. 3. С. 251, примеч. 530.
- 410 Там же. Т. 4. С. 457, примеч. 429.
- 411 Там же. Т. 3. С. 257, примеч. 569.
- 412 См., например: *Рыбаков Б. А.* В. Н. Татищев и летописи XII в. С. 92.
- 413 *Татищев В. Н.* Записки. Письма 1717–1750 гг. С. 314, № 221.
- 414 *Андреев А. И.* Труды Татищева по истории России. С. 25–26.
- 415 Примечание к тексту выписки о «Романовом предложении» должно было бы находиться между примечаниями № 316 и 317 (*Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. С. 140), которые соответствуют позднейшим примечаниям № 428 и 430 первой редакции «Истории Российской» (*Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 457).
- 416 *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 169–170. Яркий пример использования этого текста см.: *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси... С. 119. Автор серьезного исследования по исторической географии занял более страницы текста глубокомысленными рассуждениями вокруг «Романова предложения», не имеющими никакого отношения к основной теме!
- 417 *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 328.

- 418 Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 5. С. 111; СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 7. С. 207; Вып. 9. С. 111–112.
- 419 Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2, 3. С. 558, примеч. 110.
- 420 Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1, 2. С. 562.
- 421 Там же. С. 706, примеч. 370.
- 422 Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли. С. 267.
- 423 Толочко А. П. Конституционный проект Романа Мстиславича 1205 г.
- 424 Татищев В. Н. История Российская. Т. 3. С. 174.
- 425 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 47–49 (первая редакция). Во второй редакции список расширен (Т. 1. С. 123–125), однако «новые» рукописи для нас не представляют интереса, так как в первой редакции все известия апологетического цикла известий о Романе уже были в наличии.
- 426 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 47; во второй редакции в соответствующем месте проставлен не 1236, а 1239 г. (Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 123), в чем можно видеть механическую ошибку.
- 427 Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 123–124.
- 428 См. примеч. 414.
- 429 Татищев В. Н. История Российская. Т. 7. С. 140, примеч. 315.
- 430 Там же. С. 57, пункт 7.
- 431 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 47; Т. 1. С. 123.
- 432 Там же. Т. 4. С. 332; ср.: Т. 3. С. 175.
- 433 Там же. Т. 3. С. 258, примеч. 577. В первой редакции «Истории Российской» этого указания еще не было: ср.: Т. 4. С. 458–459, примеч. 436.
- 434 Там же. Т. 7. С. 58; Т. 4. С. 48; Т. 1. С. 124.
- 435 Рыбаков Б. А. Русские летописцы... С. 268.
- 436 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 686–687.
- 437 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 319.
- 438 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 687.
- 439 Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2, 3. С. 553 (примеч. 93 к т. 3).
- 440 Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской». С. 48; Рыбаков Б. А. Русские летописцы... С. 276.
- 441 Под 6712/1204 г., например, Роман именуется «злонравным» (ПСРЛ. Т. 40. С. 109); под 6713/1205 г.: Роман вторгается во владения Лешка, «хотя Ляхов и веру их погубити» (Там же. С. 110).
- 442 ПСРЛ. Т. 10. С. 50.
- 443 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 332.
- 444 Kromer M. De origine et rebus gestis polonorum. P. 182. Второе известие есть и у Стрыйковского (Strykowski M. Kronika Polska... P. 239).
- 445 Dlugosz J. Annales... Lib. V. P. 87.
- 446 Татищев В. Н. Записки. Письма 1717–1750 гг. С. 201.
- 447 Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 105–106.
- 448 Эту версию воспроизводит даже академик Рыбаков, утверждающий (вслед за Татищевым), что Всеволод Белзский был «тестем короля Казимира Справедливого, женатого на Елене Всеволодовне» (Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 97).
- 449 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 731.
- 450 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 332; Т. 3. С. 174, под 6713 (1205) г.
- 451 Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые данные о происхождении Владимира Мономаха. С. 219–221.
- 452 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 185; Т. 2. С. 137, под 6633 (1125) г.
- 453 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 711, под 6708 г.; известие следует относить к 6706 г.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 210.
- 454 «Великая хроника»... С. 139 (гл. 50).
- 455 Kromer M. De origine et rebus gestis polonorum. P. 174; Bielski M. Kronika Polska... P. 137–138.
- 456 Rocznik kapituly krakowskie. P. 67.
- 457 Академик Рыбаков называл королем краковского князя Казимира II (см. примеч. 448). Составительница указателя имен к Ипатьевской летописи возвела в ранг королевы жену краковского князя Лешко Белого (ПСРЛ. Т. 2, указатели, р. XX; особенно странно здесь, что королева — жена князя).
- 458 Стрыйковский называл краковских князей «польскими монархами», но в том переводе его хроники, которым пользовался Татищев, они определенно назывались королями (см., например, примечания со ссылкой на рассказ Стрыйковского о гибели Романа: Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 458, примеч. 435; Т. 3. С. 257, примеч. 574).
- 459 См. часть 1, примеч. 259.
- 460 Укажем самый ранний пример использования сентябрьского стиля: «Того же лета исходячи разболеся князь Мьстислав Изяславич <...> Преставися князь Мьстислав месяца августа въ 19» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 559). Дата соответствует 19 августа 1170 г. (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 183, пункт «е»).
- 461 Excerpta ex Necrologio S. Petri Erfordiae. P. 19; Dlugosz J. Annales... Lib. V, VI. P. 194.
- 462 Kromer M. De origine et rebus gestis polonorum. P. 183.
- 463 Татищев В. Н. Записки. Письма 1717–1750 гг. С. 155 (№ 91, письмо И. Д. Шумахеру от 8 апреля 1734 г.); с. 200 (№ 123, письмо И. Д. Шумахеру от 15 августа 1735 г.).
- 464 Татищев В. Н. История Российская. Т. 7. С. 141, примеч. 318. Ср. с позднейшими редакциями того же примечания: Там же. Т. 4. С. 458, примеч. 435; Т. 3. С. 257, примеч. 574.
- 465 Strykowski M. Kronika Polska... P. 240.
- 466 Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 312–313; ср.: Т. 4. С. 85.
- 467 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 458, примеч. 435; ср.: Татищев В. Н. История Российская. Т. 7. С. 140.
- 468 См. письмо Татищева Шумахеру от 9 июля 1745 г. (Татищев В. Н. Записки. Письма 1717–1750 гг. С. 313, № 221).
- 469 Татищев В. Н. История Российская. Т. 3. С. 174.
- 470 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 50; Т. 1. С. 126, пункт 5.
- 471 «Того ж году во исходе разболеся князь Мстислав Изяславич <...> Преставися августа 19 дня» (Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 279). Ср. с приведенным выше (примеч. 460) параллельным текстом Ипатьевской летописи.
- 472 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 332.
- 473 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 719.
- 474 Ср.: Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 332; Т. 3. С. 175.
- 475 Там же. Т. 3. С. 175.
- 476 СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 1. С. 319; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1. С. 306.
- 477 СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 10. С. 153.
- 478 СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 13. С. 302.
- 479 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 47.
- 480 Там же. С. 48.
- 481 Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской». С. 48.

- ⁴⁸² СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 20. С. 265, статья «проторь» (см., в частности, цитату из «Устава ратных дел» XVII в.); с. 266, статья «проторь».
- ⁴⁸³ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 457, примеч. 429; Т. 3. С. 257, примеч. 569.
- ⁴⁸⁴ *Пешич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. С. 258.
- ⁴⁸⁵ ПСРЛ. Т. 2. «Предисловие к изданию 1198 г.» Б. М. Клосса, с. К.
- ⁴⁸⁶ Алексей говорил на следствии, что ему и Д. М. Голицыну печерский архимандрит «отец духовный и друг». Соответствующий фрагмент дела включен в текст исследования: *Бушкович П.* Петр Великий. С. 416.
- ⁴⁸⁷ ПСРЛ. Т. 2. «Предисловие к изданию 1198 г.» Б. М. Клосса, с. М.
- ⁴⁸⁸ *Бушкович П.* Петр Великий. С. 416.
- ⁴⁸⁹ ПСРЛ. Т. 2. «Предисловие к изданию 1908 г.» А. А. Шахматова, р. XIV. В другом месте тот же исследователь утверждает, что пустыми оставлены 4½ страницы, а выше при слове «аминь» на полях приписано: «тут переступлено лет 19» (ПСРЛ. Т. 2, приложение. С. 83).
- ⁴⁹⁰ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2, 3. С. 415–416.
- ⁴⁹¹ Летопись Нестерова с продолжателями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года. С. 300.
- ⁴⁹² Там же. С. 299.
- ⁴⁹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 923 и ниже.
- ⁴⁹⁴ Подлинное, в соответствии с рукописью, расположение текста заключительных листов Хлебниковской летописи см. в издании: Галицко-Волынская летопись. С. 169–176.
- ⁴⁹⁵ Вставленный Шахматовым фрагмент № 1 (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 923–924) разрывает единую ткань повествования. Подлинное его место ниже: стб. 925, после слов «Отца и Сына и Святаго Духа». Далее должен следовать фрагмент № 2, отодвинутый Шахматовым еще ниже, на стб. 927: «Сему ж благоверному князю Володимерю, нареченному в святом крещении Иоанну, сыну Василкову, вложено в гроб, и лежа в гробе тело его не замазано отъ 11 дне месяца декабрия до 6 дне месяца априля. Княгини его не можаше ся втолити, но пришедши с епископомъ Евсегениемъ и с всем крилосом, открывши гроб и видиша тело его цело и бело, и благоухание от гроба быс и воняя, подобна арапат многоценных; и так чюдо виде, видевшe ж прославиша Бога, и замазаша гроб его, месяца априля в 6 день, в среду страстное недели». Лишь затем должен следовать фрагмент № 3, помещенный Шахматовым на стб. 925, начинающийся словами: «Князь же Володимер, въ княжении своем, многы города зруби, по отци своем».
- ⁴⁹⁶ *Насонов А. Н.* История русского летописания... С. 228. Сопоставление летописного текста похвалы Владимиру Васильковичу с основным литературным источником — похвалой Владимиру Святославичу из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона — показывает ошибочность реконструкции Шахматова особенно демонстративно (Там же. С. 239–240).
- ⁴⁹⁷ В двух репринтных воспроизведениях «шахматовского» издания Ипатьевской летописи (1964 и 1998 гг.) и в двух отдельных изданиях «Галицко-Волынской летописи» (ПлДР. XIII век. С. 236–425; БЛДР. XIII век. С. 184–356).
- ⁴⁹⁸ См., например: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418–421.
- ⁴⁹⁹ Там же. Стб. 20.
- ⁵⁰⁰ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 58, примеч. 3.
- ⁵⁰¹ Под 6370 г.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14; ПСРЛ. Т. 38. с. 16.
- ⁵⁰² Повесть временных лет. С. 13.
- ⁵⁰³ *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 476–477.
- ⁵⁰⁴ Там же. С. 652.
- ⁵⁰⁵ См., например: *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков... С. 41. В другой своей работе тот же автор — блестящий исследователь, труды которого изменили традиционные взгляды на «Повесть временных лет», относит лихачевское издание к числу *реконструкций*, наряду со знаменитыми шахматовскими. Чуть ниже исследователь справедливо замечает, что реконструкции в источниковедении «не принято использовать в качестве исходного материала» (*Данилевский И. Н.* Исторические источники... С. 174), а еще ниже... преспокойно цитирует лихачевскую «реконструкцию!» Впрочем, в этом последнем случае (с. 182) исследователь занят проблемами герменевтики; до мелочей текстологии ему нет уже никакого дела.
- ⁵⁰⁶ Эта уверенность характерна не только для отечественных, но и для зарубежных исследователей. См., например: *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. С. 65.
- ⁵⁰⁷ *Дашкевич И. П.* Первая уния Юго-западной Руси с католичеством... С. 39, примеч. 2.
- ⁵⁰⁸ *Филевич И. П.* Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. С. 122, примеч. 2.
- ⁵⁰⁹ *Грушевський М.* Історія української літератури. Т. 3. С. 200.
- ⁵¹⁰ *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV вв. С. 136; *Свідерський Ю. Ю.* Борьба південно-західної Русі против католицької експансії в X–XIII ст. С. 78. Последний пример особенно интересен: автор ссылается на «Кенигсбергский летописец», но цитату дает из... Татищева, причем из второй редакции его труда (*Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 173).
- ⁵¹¹ Живописный Карамзин... С. 124.
- ⁵¹² Цветные репродукции см. в альбоме: *Артемов В. В.* Николай Неврев. История картины не исследована. Рискну предположить, что в свое время она была куплена Третьяковым, после революции пылилась в запасниках Третьяковской галереи, а после Великой Отечественной войны была передана в дар минскому художественному музею для восполнения пострадавшей коллекции (подобные вещи при Сталине широко практиковались).
- ⁵¹³ *Толстой А. К.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. С. 184–185 (текст); см. также с. 464 (коммент.).
- ⁵¹⁴ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 6, кн. 1. С. 388.
- ⁵¹⁵ Эта редкая способность — воспринимать прошлое «не только логически, но и художественно» — была отмечена уже в рецензии В. А. Кучкина на одну из самых ранних книг Б. А. Рыбакова: «Слово о полку Игореве» и его современники (Вестник АН СССР. 1972. № 7. С. 147).
- ⁵¹⁶ *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники.
- ⁵¹⁷ Это «Новгородская харатейная летопись», иначе «Новгородская I летопись старшего извода», иначе «Синодальный список Новгородской I летописи» (ПСРЛ. Т. 3). Есть и более ранняя рукопись (между 1279 и 1293 гг.) с краткими летописными статьями — так называемый «Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора, но там основу текста составляет перевод византийской хроники.
- ⁵¹⁸ *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы... С. 184–276.
- ⁵¹⁹ Там же. С. 277.
- ⁵²⁰ Отечественная история. 1995. № 1. С. 191.
- ⁵²¹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1. С. 25, ****. Карамзин определил даже качество рукописи, с которой работал Татищев: «весьма худой список Киевской летописи» (Там же. Т. 2, 3. С. 339, примеч. 386). Не лишним будет напомнить, что Карамзин называл «Киевской летописью» ту составную часть Ипатьевской летописи, которая ныне известна как «Киевский летописный свод 1198 г.».
- ⁵²² *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы... С. 184–185.
- ⁵²³ Там же. С. 189.
- ⁵²⁴ Там же. С. 190.

- ⁵²⁵ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. С. 58; Т. 4. С. 48; Т. 1. С. 124.
- ⁵²⁶ *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы... С. 275.
- ⁵²⁷ Там же. С. 268. Достоинно замечания наблюдение, сделанное Рыбаковым в более ранней работе. Согласно татищевскому псевдолетописному рассказу о бегстве князя Игоря из половецкого плена, помогавший ему Овлур (он же Лавр) удостоился в Северной земле великих почестей, а его дети «ныне суть вельможами» (*Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 139). Рыбаков справедливо замечает, что «дети Овлура-Лавра могли упоминаться как вельможи Северной земли не ранее, чем через 20–30 лет после 1185 г., то есть не ранее 1205–1215 гг.» (*Рыбаков Б. А.* В. Н. Татищев и летописи XII в. С. 108). После этого Рыбаков вынужден признать, что данное известие не может быть отнесено к Раскольничей летописи. Однако он хочет во что бы то ни стало спасти свою концепцию и не находит ничего лучше, чем предположить отражение в татищевском рассказе, наряду с Раскольничьей летописью, «какой-то летописи XIII века» (!), содержавшей дополнительные сведения о князе Игоре и Овлуре-Лавре.
- Если бы Рыбаков заглянул в текст первой редакции татищевского труда, он увидел бы, что там известие о детях Овлура-Лавра совсем иное: «его же ныне сынове суть» (*Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 306), т. е. констатируется только факт наличия у Овлура сыновей, без малейшего намека на их возраст. В такой редакции известие вполне можно было бы отнести к Раскольничей летописи, но Рыбаков эту возможность упустил.
- ⁵²⁸ Речь идет только о разбираемой диаграмме. В целом «методические принципы» академика Рыбакова уже подвергались очень серьезной критике (см., например, рецензию И. Н. Данилевского на его книгу «Петр Бориславич: Отечественная история. 1994. № 6. С. 220–227).
- ⁵²⁹ *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы... С. 366.
- ⁵³⁰ Помимо только что процитированного находим следующие высказывания: «В статье конца XII в. ощущается вторжение летописания Романа Мстиславича о войне Романа с Мешком Польским в 1195 г. Статьи этого рода идут и далее, вплоть до смерти Романа в 1205 г.» (*Рыбаков Б. А.* Русские летописцы... С. 263). «Небольшой цикл киевских известий рубежа XII и XIII вв. дан не с позиций Рюрика, а с позиций его непримиримого врага Романа Мстиславича» (Там же. С. 268). Чуть ниже Рыбаков снова возвращается к известию 1195 г. «о войне Романа Мстиславича с поляками»: «оно могло попасть сюда из летописи Романа начала XIII в.» (Там же).
- ⁵³¹ *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы... С. 275.
- ⁵³² Там же. С. 276.
- ⁵³³ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 207; Т. 2. С. 171.
- ⁵³⁴ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 439, примеч. 298. Ср.: Т. 2. С. 270, примеч. 418.
- ⁵³⁵ *Рыбаков Б. А.* В. Н. Татищев и летописи XII в. С. 108, примеч. 62; ср. выше о Раскольничей летописи, с. 103–104.
- ⁵³⁶ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. С. 123; Т. 4. С. 48. Интересно, что в самой ранней версии татищевского труда этого указания не было, см.: Т. 7. С. 57.
- ⁵³⁷ *Рыбаков Б. А.* В. Н. Татищев и летописи XII в. С. 108, примеч. 62.
- ⁵³⁸ *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы... С. 276.
- ⁵³⁹ *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич... С. 165–166.
- ⁵⁴⁰ Этот отзвук (в обращенной к Рюрику речи Романа при заключении мира под Вручим) имелся по меньшей мере в двух летописях, использованных Татищевым: в Радзивилловской (ПСРЛ. Т. 38. С. 160, из-за перепутанных в рукописи листов под 6709 ультрамартовским годом вместо должного 6711 ультрамартовского) и в Воскресенской (ПСРЛ. Т. 7. С. 108, под 6710 г.). Ср.: *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 328, под 6710 (1203) г.; Т. 3. С. 168, под тем же годом.

- ⁵⁴¹ Ср.: *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 232, сразу после примеч. 318; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 423–427; ПСРЛ. Т. 38. С. 121–122. Украинский историк почему-то в упор не видит, что здесь у Татищева — лагуна, точно соответствующая имеющейся в Ермолаевской летописи; но раз лагуны нет, то получается, что у Татищева была еще одна летопись группы Хлебниковской — рассуждает Толочко. Приведем наиболее интересные маркеры использования Татищевым именно Радзивилловской летописи:

Ипатьевская летопись	Радзивилловская летопись	Татищев, «История Российская» (первая редакция)
...во озеро Лубейское (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 424)	...во озеро во Долобское (ПСРЛ. Т. 38. С. 121)	...в озеро Володобское (Т. 4. С. 232)
на сеи же стороне бь-шесть Шварно со сторожи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 425)	сторожем стоящим на онои стороне со Кошварном (ПСРЛ. Т. 38. с. 122)	...стражи со кошвари (Т. 4. С. 232)

Видимо, название озера вызывало у Татищева сомнения, поэтому он отыскал параллельное место в Воскресенской летописи и после слов «в озеро Володобское» приписал в скобках: «Дулбское» (ср.: ПСРЛ. Т. 7. С. 52). Однако систематическая правка с использованием Воскресенской летописи не проводилась: бессмысленное «стражи со кошвари» осталось неисправленным, хотя в Воскресенской летописи Татищев мог обнаружить верное чтение: «со Шварном» (Там же).

Вообще текст Радзивилловской летописи воспроизведен в «Истории Российской» достаточно точно, чтобы не усомниться в его происхождении. Точно так же, как в Радзивилловской летописи, у Татищева сокращено описание речного боя на Днепре; опущено упоминание военного совета у Юрия, принявшего решение идти к Витичевскому броду (как и в Радзивилловской летописи, у Татищева Юрий принимает это решение единолично). Равным образом опущены перечисление союзников Изяслава Мстиславича и выразительная топографическая деталь: «у Мирославьского села» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 424). Сокращено описание речного боя у Витичевского брода. Отсутствуют описание военного совета у Юрия и его речь (момент особенно интересный, учитывая постоянно подчеркиваемое академиком Рыбаковым предположение о наличии множества речей в Раскольничьем манускрипте). Согласно Киевскому своду 1198 г., известному нам по Ипатьевской летописи, с этой речью Юрия все согласились. Между тем у Татищева, как и в Радзивилловской летописи, решение идти к Зарубу приписывается Ольговичам и половцам, причем они и отправляются в эту экспедицию, хотя в Ипатьевской летописи Святослав Ольгович остается у Витичева (Там же. Стб. 425). Точно так же, как в Радзивилловской летописи, у Татищева отсутствует описание положения Изяслава Мстиславича и его союзников после перехода их противниками Днепра; нет описания военного совета, нет интересной речи представителя «черных клобуков».

- ⁵⁴² Использование Татищевым Воскресенской летописи четко прослеживается, начиная с описания дислокации войск Изяслава Мстиславича и его союзников под Киевом; отличие татищевского рассказа только в том, что здесь дважды назван князь Ростислав — безусловно, по ошибке, первое из этих упоминаний является неуместной вставкой. Кроме того, Татищевым выброшено имя Романа Ростиславича — видимо, из-за политической ничтожности этого находившегося при отце юного князя. По неясной причине отсутствует у Татищева имеющееся в Воскресенской летописи известие о приходе Владимира Мстиславича с «черными клобуками» (ср.: *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 233; ПСРЛ. Т. 7. С. 52; Т. 38. С. 122; Т. 2. Стб. 427–428). Несомненно по Воскресенской летописи воспроизводится Татищевым рассказ о переговорах (посольство Вячеслава к Юрию, ответ Юрия, ответ Вячеслава послу Юрия) и рассказ о доблести Андрея

Юрьевича в бою (некий союзный «половчин» возвращает князя, увлекшегося преследованием неприятеля); интересно, что в этом последнем случае татищевский текст, вторичный по отношению к Воскресенской летописи, дефектен: переписчиком пропущена одна фраза, в результате чего приключение Андрея Юрьевича оказалось приписано упомянутому чуть выше Владимиру Андреевичу (ср.: *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 234; ПСРЛ. Т. 7. С. 52; Т. 2. Стб. 431). Ниже у Татищева следует точное воспроизведение одной из самых интересных в лексическом отношении фраз Воскресенской летописи.

Ипатьевская летопись	Воскресенская летопись	Татищев, «История Российская» (первая редакция)
...пойдут вси, како можеть и хлуд в руци взяти (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 433)	...да поидем всяко и без оменки, аще кой можеть уже древо в руце взяти (ПСРЛ. Т. 7. С. 52)	Да поидем всяко и без оменки, аще кой можеть уже древо в руце взяти (Т. 4. С. 234)

Сравнив тексты Ипатьевской и Воскресенской летописей, мы увидим смену пластов лексики: уходит архаичное слово «хлуд» и появляется известное только со второй половины XV в. выражение «без оменки», т. е. «без исключения» (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 12. С. 365). Обратившись после сопоставления летописных текстов к «Истории Российской», мы увидим, что Татищев вовсе не модернизирует лексику раннего источника (что неоднократно приписывалось ему исследователями), а прилежно передает текст позднего источника.

- ⁵⁴³ Достоверным признаком возвращения Татищева к тексту летописи группы Ипатьевской является прямая речь Андрея Юрьевича в следующей фразе: «Се нам уже, отце, зде у Руской земли ни рати, ни что ж» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 444). Упоминание об отсутствии рати у Татищева есть, а в Радзивилловской и Воскресенской летописях отсутствует.
- ⁵⁴⁴ ПСРЛ. Т. 2. Приложение: «Разночтения из Ермолаевского списка», С. 34. На всем протяжении татищевского текста, заполняющем эту лауну, нет чтений, которые были бы в Ипатьевской летописи и отсутствовали бы в Радзивилловской и Воскресенской.
- ⁵⁴⁵ Среди них, между прочим, курьезное известие о закупке Изяславом Мстиславичем перед очередной военной кампанией партии оружия за границей: «довольно от грек оружие купил и войскам своим раздавал» (*Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 28). Это несомненный модернизм — как лексический, так и смысловой, навеянный реальной и привычной всем в эпоху Татищева практикой закупок больших партий оружия в Западной Европе. Это делалось практически перед каждой крупной военной кампанией со времен первых Романовых.
- ⁵⁴⁶ Украинский историк А. П. Толочко даже прямо отрицает наличие в татищевском тексте под 1151 г. лакуны, соответствующей имеющейся в Ермолаевской летописи, и на основании этого своего ошибочного суждения делает вывод о наличии у Татищева второй летописи «Хлебниковского типа» (*Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева. С. 167).
- ⁵⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 322.
- ⁵⁴⁸ Там же, приложение «Разночтения из Ермолаевского списка», с. 25.
- ⁵⁴⁹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 202. Ср.: Т. 2. С. 162.
- ⁵⁵⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 323.
- ⁵⁵¹ Там же, приложение «Разночтения из Ермолаевского списка», с. 25.
- ⁵⁵² *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 202. Во второй редакции текст подвергся сокращению, прямая речь белгородцев и василевцев вообще исчезла (Там же. Т. 2. С. 163).

- ⁵⁵³ Не только в эпоху Татищева, но и в наше время указанное место Ипатьевской летописи вызывает у некоторых исследователей затруднения. Автор словарной статьи «зядьница» цитирует злополучную фразу следующим образом: «не хоцем быти акы в задничи. кде узрем стяг твои ту и мы с тобою готови есмь» (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3. С. 300). Филолог сделал вывод, что «зядьница» здесь означает то же, что «зядь» (киевляне, по его мнению, рвутся в бой и не хотят оставаться где-то сзади, когда увидят стяг Изяслава). Так открыто было новое значение слова «зядьница» (ранее считалось, что значение у него только одно — «наследство»). Чтобы открытие состоялось, понадобилось всего лишь *отрезать* от летописной фразы начальное слово («Олговичь»). На самом деле киевляне говорят Изяславу, что не хотят достаться Ольговичам как в наследство; имеется в виду передача умирающим Всеволодом Ольговичем власти над Киевом младшему брату Игорю, о чем летописец подробно рассказывал выше.
- ⁵⁵⁴ По Б. М. Клоссу, между ними был текст посредник (ПСРЛ. Т. 2, р. I, М). Однако Хлебниковская летопись и в этом случае остается источником текста Ермолаевской.
- ⁵⁵⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 370.
- ⁵⁵⁶ Там же, приложение «Разночтения из Ермолаевского списка», с. 29.
- ⁵⁵⁷ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 216; ср.: Т. 2. С. 187 (под 1148 г.).
- ⁵⁵⁸ Памятники Куликовского цикла. С. 320–321.
- ⁵⁵⁹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 440, примеч. 305; ср.: Т. 2. С. 272, примеч. 429.
- ⁵⁶⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 327.
- ⁵⁶¹ Там же, приложение «Разночтения из Ермолаевского списка», с. 41.
- ⁵⁶² ПСРЛ. Т. 7. С. 79, под 6674 г.
- ⁵⁶³ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 270. То же и во второй редакции: Т. 3. С. 81.
- ⁵⁶⁴ «Мнимая Раскольниковская летопись так же достоверна, как Иоаким» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1. С. 273, примеч. 385). О фантастической Иоакимовской летописи Татищева: Там же. С. 23–24, ***.
- ⁵⁶⁵ «Список был сделан для Татищева, по возможности, точный, но когда была окончена переписыванием I часть летописи (т. е. Киевский свод 1198 г. — А. Г.), то II часть (т. е. «Галицко-Вольнская летопись», не разбитая в рукописях типа Хлебниковской на годовые статьи. — А. Г.) была оставлена как «нечто непорядочное и новейшее». Такое заключение о Галицко-Вольнской летописи Татищев сделал, по всей вероятности, не видев оригинала» (*Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. С. 258). Эти рассуждения Пештича в основе своей справедливы, хотя Татищев вполне мог видеть оригинал и даже листать его (ср. с. 292–293 настоящего издания).
- ⁵⁶⁶ *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. С. 258.
- ⁵⁶⁷ Недавно указан был интереснейший пример использования Татищевым данных «Синописа» (*Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева. С. 140–141). Кроме того, еще в 1971 г. В. А. Кучкин обнаружил в татищевском своде, в пределах «Повести временных лет», ряд чтений, близких к тексту рукописного «Хронографа» Пантелеймона Кохановского — эконома Киево-Печерского монастыря, работавшего около 1681 г. (*Кучкин В. А.* К спорам о В. Н. Татищеве. С. 255–259). Возведя эти чтения «Истории Российской» к Голицынской летописи (что, к сожалению, из разряда домыслов), Кучкин отверг предложенное Пештичем отождествление Голицынской летописи с Ермолаевской и выстроил более сложную гипотезу: «в руках у Татищева была не Ермолаевская летопись и не позднейшая с нее копия, а совершенно другой текст, отразивший протограф Ермолаевского списка и прокорректированный по другим источникам» (Там же. С. 260). Известно, однако, что не следует умножать сущности без необходимости. К чему гипотеза о неизвестном списке Ипатьевской летописи, если Татищеву был вполне доступен «Хронограф» Кохановского? Он имелся в библиотеке Д. М. Голицына, и Кучкин сам об этом

- сообщает! А текстологические наблюдения Кучкина — не что иное, как *текстологические доказательства* использования Татищевым «Хронографа» Кохановского.
- Мотив использования Татищевым столь «молодого» источника представляется очевидным: Татищев знал, что автору «Хронографа» была доступна вся библиотека Киево-Печерского монастыря. Если даже В. А. Кучкин, добросовестнейший историк нашего времени, верит в особые источники Кохановского, то почему было не верить в них историку XVIII в. — Татищеву? А вот сделать ссылку на Кохановского или назвать его «Хронограф» в числе источников своего труда Татищев не мог: такая честность сразу бы разрушила в глазах читателя «Истории Российской» образ автора — выдающегося знатока древних рукописей, не нуждавшегося в поздних источниках.
- 568 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 267.
- 569 ПСРЛ. Т. 7. С. 76, под 6670 г.; то же верное чтение во всех списках Ипатьевской летописи, включая Ермолаевский (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 521; Там же, приложение «Разночтения из Ермолаевского списка», с. 40).
- 570 Татищев В. Н. История Российская. Т. 3. С. 78.
- 571 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 276, под 6677 (1169) г.; ср.: ПСРЛ. Т. 2, приложение «Разночтения из Ермолаевского списка», с. 43. Параллельный текст второй редакции: Татищев В. Н. История Российская. Т. 3. С. 93, под 6678 (1170) г.
- 572 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 546.
- 573 Там же. Стб. 641.
- 574 Там же. Стб. 646 и 649.
- 575 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 303; ср.: Т. 3. С. 135.
- 576 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 304 и 305; Т. 3. С. 137 и 138.
- 577 В Ипатьевской летописи читается «Козоу Боурновича» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 641), в Ермолаевской летописи — «Козобоирновича» (ПСРЛ, т. 2, «Приложение», с. 51). У Татищева — «Казабаировичи» (Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 303) и «Казибайрович» (Там же. Т. 3. С. 135).
- 578 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 644.
- 579 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 304; Т. 3. С. 136.
- 580 «Окаяннии же боаре Киевстии, Петр Бориславич, и Нестер Жирославичь, и Яков Дигеневичь, начаша коромолити и тайно съсылатися со князем Мстиславом Аньдреевичем (сыном Андрея Боголюбского. — А. Г.) и со иными князи, како предати им град Киев» (ПСРЛ. Т. 9. С. 237).
- 581 В Никоновской летописи известие сильно сокращено, искажено и перемещено сводчиком в другую статью: «Еще же к тому и злии человеци и окааннии боаре Петр Бориславич, и Нестер Жидиславич, и Яков Дигеневич, их же бе князь велики Киевский Мстислав Изяславич от себе за то, яко неправдаваша они и служи их въ воинстве» (ПСРЛ. Т. 9. С. 235, под 6676 г.; ср. с источником: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 541–542, под 6678 г.).
- 582 «Тогда колугер Федор, Федорец имянованный, брат тысяцкого Петра Бориславича, о нем же преж речеся, взем имение много, иде во Царьград» (Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 276; ср.: Т. 3. С. 91, с изменением отчества Петра: чтение первой редакции «Бориславича» исправлено на «Борисовича»). Летописные известия о «Феодорце» см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352; 355–357 (ср.: Т. 2. Стб. 551–554).
- 583 Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 275 (ср. с параллельным текстом Никоновской летописи). Во второй редакции татищевского труда чтение «Бориславича» первой редакции, точно воспроизводящее чтение Никоновской летописи, исправлено на «Борисовича» (Татищев В. Н. История Российская. Т. 3. С. 90). Как видим, Татищев был последователен.
- 584 Хрущов И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях... С. 181.

- 585 Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей. С. 79; ср.: Хрущов И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях... С. 176–177.
- 586 Лихачев Д. С. Русские летописи... С. 235; см. также с. 231–241.
- 587 Там же. С. 226.
- 588 Давно замечено, что писать о себе в третьем лице «было совсем не свойственно древнерусским книжникам» (Еремин И. П. Волынская летопись... С. 116). В самом деле — многочисленные примеры показывают, что ранние летописцы не страдали ложной скромностью и совершенно непринужденно выходили на первый план, когда по ходу повествования считали это необходимым: «Егоже повеленью бых аз грешный первое самовидецъ» и далее (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 209–210, под 6599 г.); «се же хоцю сказати, яже слышах преже сих 4 лет, сказа ми Гюрята Роговичь Новгородецъ» и далее (Там же. Стб. 234–235, под 6604 г.); «и мне ту суцу... присла по мя князь Давыд» и далее (Там же. Стб. 265–266, под 6605 г.); «преставися Янь, старецъ добрый... от него же и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи семь» (Там же. Стб. 281, под 6614 г.); «а мне в то время игуменящу у святого Михаила» (Там же. Стб. 286, под 6624 г.); «пришедшу ми в Ладогу, поведаша ми Ладожане» и далее (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 277–278, под 6622 г.).
- 589 Лихачев Д. С. Текстология... 1962. С. 289–292; 2001. С. 301–302.
- 590 Рыбаков Б. А. Боярин-летописец XII века. С. 56–79.
- 591 Лихачев Д. С. Текстология... 1962. С. 350.
- 592 Первое упоминание о Петре Бориславиче — в статье 6660 г.:

Ипатьевская летопись (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 452)	Ермолаевская летопись (ПСРЛ. Т. 2. «Приложение», с. 35)	Татищев, «История Российская». Т. 4. С. 239*
И тако отрядиша мужа своего с честным крестом к Володимеру. Изяслав посла Петра Борисовича, а король посла свои мужи. И тако посла мужи свои, рекуча: <...>	И тако отрядиша мужи своя со честным крестом к Володимеру. Изяслав послав Петра Борисовича, а король посла свои мужи. И тако послаша мужи свои, рекуще: <...>	И тако отрядиша мужи своя, рекуще: <...>
* Ср.: Т. 3. С. 39		

- 593 Второе упоминание о Петре Бориславиче, как и первое, под 6660 г. (1152–1153 гг.), но в заключительной части статьи.

Ипатьевская летопись (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 461)	Ермолаевская летопись (ПСРЛ. Т. 2. «Приложение», с. 35)	Татищев, «История Российская». Т. 4. С. 241*
В то же веремя Изяслав посла к Володимиру Галичкому Петра Бориславича...	В то же веремя Изяслав посла к Володимиру Галичкому Петра Борисовича...	В то же веремя Изяслав посла к Володимиру Галичкому Петра Борисовича...
* Ср.: Т. 3. С. 43		

Действие происходит одновременно («в то же веремя») с февральским походом Изяслава на Новгород-Северский (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 459). Отсюда можно вывести, что Изяслав направил Петра в Галич еще в январе 1153 г.

⁵⁹⁴ Третье упоминание о Петре Бориславиче — под 6678 г.:

Ипатьевская летопись (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 541)	Ермолаевская летопись (ПСРЛ. Т. 2. «Приложение», с. 42)	Татищев, «ИсторияРоссийская». Т. 4. С. 274*
Бориславича, Петр и Нестер	Борисовича, Петр и Нестер	Борисовичи, Петр и Нестер
* Ср.: Т. 3. С. 88		

В данном случае обозначение года двумя единицами выше мартовского (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 180, пункт «а»). Действие происходит после Пасхи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 540), которая в 1168 г. была 31 марта, т. е. в апреле или мае 1168 г.

⁵⁹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 541.

⁵⁹⁶ Там же. Стб. 542.

⁵⁹⁷ *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. С. 340.

⁵⁹⁸ *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич... С. 283.

⁵⁹⁹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. С. 57; Т. 4. С. 47; Т. 1. С. 123.

⁶⁰⁰ Последнее событие, попавшее в Киевский свод 1198 г., датируется зимой 1198/99 г. (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 209, пункт «а»). Заканчивается свод похвальным словом Рюрику Ростиславичу (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 708–715, под 6707 и 6708 гг.). Поводом явилось завершение строительства опорной стены у Выдубицкого монастыря, датируемое 24 сентября 1198 г. (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 210, коммент. к статье 6708 г.). Поскольку это событие в глазах летописца остается еще актуальным, трудно датировать свод более поздним временем, чем первые месяцы 1199 г.

⁶⁰¹ *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич... С. 171.

⁶⁰² См. примеч. 593.

⁶⁰³ *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы... С. 307.

⁶⁰⁴ Там же. С. 392.

⁶⁰⁵ Там же. С. 6.

⁶⁰⁶ *Лихачев Д. С.* Текстология... 2001. С. 33.

⁶⁰⁷ *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич... С. 282.

ДОПОЛНЕНИЯ

Дополнение I

МНИМЫЕ ФРАГМЕНТЫ ВОЛЫНСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ В СТАТЬЯХ 6680 и 6681 гг. ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Как известно, Ипатьевская летопись представляет собой сравнительно поздний свод, отразивший целый ряд утраченных летописных источников XII–XIII вв., причем источники XII в. представлены в виде разнородных фрагментов, скомбинированных сводчиками не всегда удачно. В окончательном тексте, который мы имеем перед собой, фрагменты эти образуют очень сложную мозаику с серьезными хронологическими сбоями и путаницей. Крупнейшим исследователем летописной хронологии был Николай Георгиевич Бережков (1886–1956). Его фундаментальный труд, опубликованный посмертно, содержит подробнейший комментарий к Ипатьевской летописи, раскрывающий происхождение годовых статей 6626–6708 гг. При этом Бережков всегда честно отмечает те странности и загадки, разъяснить которые он не сумел.

Говорить о происхождении сложных по составу летописных статей, не прибегая к гипотезам об источниках тех или иных фрагментов, решительно невозможно. Механизм выдвижения такого рода гипотез в отечественном «летописеведении» обычно самый простой: если речь идет, к примеру, о Полоцке, то известие объявляется «полоцким», если о Галиче — «галицким» и т. д. Бережков находился в известной степени под влиянием этой традиции: так, например, содержащаяся в статьях 6680 и 6681 гг. серия известий о волынских князьях — Мстиславе Изяславиче и двух его сыновьях, Романе и Владимире, исследователь отнес к «владимиристо-волынским записям» (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания [далее сокращенно: Бережков]. С. 184 и далее). Успешно доказав, что все три известия

относятся к 1170 январскому году, Бережков высказал попутно ряд интереснейших предположений о деятельности поздних сводчиков.

Известие о болезни, смерти и погребении Мстислава Изяславича открывается словами: «Того же лета исходячи...»; чуть ниже приводится дата смерти Мстислава — 19 августа (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 559). Бережков сделал вывод, что утраченный владими́ро-во́лынский летописный источник «придерживался сентябрьского начала года», в отличие от киевского летописания, которое «начинало год весной» (Бережков. С. 183). По мнению Бережкова, сводчику следовало бы последовательно придерживаться весеннего начала года, он же допустил недосмотр, сохранив словосочетание «Того же лета исходячи...», что и стало основной причиной последующих хронологических сбоях (Там же. С. 184, коммент. к статье 6680 г.; ср.: с. 185). В самом деле, раз один год кончился — надо проставить обозначение следующего! Сводчик так и поступил, в результате два следующих текста — рассказ о походе войск Андрея Боголюбского на Новгород, заимствованный из владими́ро-суздальского источника, и рассказ об уходе Романа Мстиславича из Новгорода на Волынь, продолжающий «владими́ро-во́лынские записи», — оказались в статье 6681 г.

Поскольку рассказ о походе войск Андрея Боголюбского на Новгород является инородной вставкой, напрашивается предположение, что известия о смерти Мстислава Изяславича и об уходе Романа из Новгорода составляли некогда единый рассказ. Последнее из них в современном летописном тексте открывается словами: «Того же лета исходяща и приде весть к Романови о отни смерти» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 562). Как справедливо заметил Бережков, союз «и» здесь неуместен; этот союз — случайно уцелевший остаток первоначального цельного рассказа, где известие о смерти Мстислава плавно переходило в известие о Романе: «...И приде весть к Романови о отни смерти...». Бережков полагал, что сводчик, разорвавший этот единый рассказ большой вставкой, при возвращении к прежнему источнику «отметил это возвращение тем, что вновь выписал слова “Того же лета исходяща”, читавшиеся в источнике в начале сообщения, и продолжил списывание с того места, на котором прервал его для вставки» (Бережков. С. 186, пункт «б»). Итак, в первоначальном тексте получение Романом известия о смерти отца вовсе не было отнесено к тому же сентябрьскому году, в исходе которого умер Мстислав. Этот важный вывод устраняет одну странность окончательного варианта

летописного текста, не замеченную самим Бережковым. Путешествие гонца, выехавшего 19 августа из Владимира-Во́лынского в Новгород, должно было занять безусловно более тех 12 дней, которые оставались до конца сентябрьского года; следовательно, Роман никак не мог получить известие о смерти отца «того же лета».

Первоначальный владими́ро-во́лынский рассказ включал, по Бережкову, и упоминание о смерти «в то же время», т. е. одновременно с возвращением на Волынь Романа, его младшего брата Владимира, княжившего в Берестье (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 562; Бережков. С. 186–187). Следующее сообщение Ипатьевской летописи Бережков уже не относит к гипотетическому владими́ро-во́лынскому источнику, хотя не может отрицать, что оно «связано по содержанию с сообщением об уходе Романа из Новгорода» (Бережков. С. 187). Приведем это важное сообщение полностью: «В том же лете посла Андреи к Ростиславичю к Рюрикови, да ему Новгород Велики; Рюрик же приказа волость свою брату своему Давыдови, а сам иде к Новугороду месяца августа в 8 день» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 562). Бережков комментирует: «Приводимая здесь дата отбытия Рюрика Ростиславича (из Смоленска) в Новгород, очевидно, испорчена, отбытие произошло значительно позже: Мстислав Изяславич умер 19 августа, его сын Роман получил известие о смерти отца и ушел из Новгорода самое раннее в конце августа, затем происходили сношения между новгородцами и Андреем, затем между Андреем и Рюриком, и только после этого Рюрик из Смоленска “иде к Новугороду”» (Бережков. С. 187). Далее Бережков приводит дату прибытия Рюрика в Новгород (4 октября), известную по Новгородской I летописи (ПСРЛ. Т. 3. С. 33, под 6678 г.), и продолжает критиковать неудобную ему дату начала путешествия: «Ограничиться в дате отбытия Рюрика в Новгород, приводимой Ипатьевской летописью, исправлением только названия месяца (т. е. принять 8 сентября вместо 8 августа) вряд ли достаточно, так как и при таком исправлении получается необъяснимо большой промежуток (почти месяц) между отбытием Рюрика из Смоленска и прибытием в Новгород. Вероятно, ошибка вкралась и в число, и в название месяца» (Бережков. С. 187, пункт «г»).

Все это рассуждение Бережкова совершенно несостоятельно, от первого слова и до последнего. Неприятно говорить об этом, но что же делать! И на солнце есть пятна... Предположение Бережкова о возможности ошибки, вкравшейся в название месяца («августа»

вместо должного «сентября»), не может быть обосновано палеографически; следовательно, его необходимо отвергнуть. Ошибка возможна только в числе (переписчик мог написать «и» вместо «ii» или «ик», т. е. «8» вместо «18» или «28»). Далее: Рюрик Ростиславич, которого Бережков почему-то отправляет в путь из Смоленска, был сыном смоленского князя, но княжил вовсе не в Смоленске и вообще не в Смоленской земле, а в городе Вручем на Киевщине (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 541). Смоленск же после смерти Святослава (Там же. Стб. 550), старшего из пяти братьев Ростиславичей, унаследовал следующий за ним по возрасту брат — Роман (Там же. Стб. 568). Давид, которому Рюрик перед отъездом в Новгород передал свою волость (Вручий), княжил в Вышгороде (Там же. Стб. 535 и 541), т. е. совсем недалеко от Киева. Таким образом, предполагаемый маршрут Рюрика увеличивается по меньшей мере вдвое, а версия Бережкова разваливается. Допустим на минуту вместе с Бережковым, что какой-то чудо-гонец сумел добраться из Владимира-Волынского в Новгород уже «в конце августа». Получается, что в оставшиеся до прибытия Рюрика в Новгород 33 дня (1 сентября–3 октября) надо втиснуть следующую цепочку событий:

1. Новгородцы отправили послов в Суздальскую землю, которые добрались до Боголюбова, провели переговоры с Андреем и пришли с ним к соглашению;
2. Андрей послал гонца к Рюрику, предлагая ему новгородское княжение (маршрут гонца: Боголюбово–Вручий);
3. Рюрик поехал к брату Давыду, чтобы передать ему свою волость, а затем отправился в Новгород и достиг его (маршрут Рюрика: Вручий–Вышгород–Смоленск–Новгород).

При взгляде на карту легко убедиться, что все три маршрута — «дистанции огромного размера». Известия источников о скорости переездов в XI–XV вв. единичны, но весьма красноречивы: так, например, в середине XI в. купеческий обоз шел из Курска в Киев три недели (Житие Феодосия Печерского. С. 316). Ситуация изменилась только в конце XV в., когда была создана разветвленная сеть ямских станций, а в XII в. даже гонцы не могли передвигаться с той скоростью, какую предполагает Бережков, не говоря уже о князе с дружиной или о заведомо тихоходном новгородском посольстве. Кроме того, несколько дней надо отвести на разные совещания и переговоры. Ясно, что за 33 дня все вышеназванные события произойти не могли.

Между прочим, летописец прямо указывает, что Андрей послал гонца к Рюрику «в том же лете», т. е. до конца сентябрьского года! Каким образом Бережков ухитрился этого не заметить — непонятно. Известие о Рюрике связано с тремя предыдущими известиями о волыньских князьях не только по содержанию (летописец возвращается к теме смены князя в Новгороде), но и по летосчислению, использованному летописцем. Это очень важное обстоятельство, ибо следы сентябрьского стиля летосчисления в летописных сводах, отражающих традицию XII–XIII вв., можно пересчитать по пальцам.

Если Рюрик выехал в Новгород не в сентябре, как ошибочно полагал Бережков, а в августе, как и сообщает нам летописец, то не столь уж и важно, какого именно числа (8, 18 или 28-го). Заметим, однако, что летописная дата, которая представлялась Бережкову безнадежно испорченной, в принципе может быть полностью «реабилитирована». На первый взгляд 58-дневное путешествие Рюрика из Вышгорода в Новгород (8 августа–4 октября) кажется подозрительно долгим. На самом деле ничего необычного и странного здесь нет: низкая скорость переездов для XII в. является нормой, а не исключением. Обратимся к данным Новгородской I летописи о путешествиях новоизбранных новгородских архиепископов, ездивших на поставление в Киев. Возвращались они с очень разной скоростью, но все, в наших понятиях, очень медленно: Илия весной 1165 г. ехал 43 дня (ПСРЛ. Т. 3. С. 31, под 6673 г.); Гаврила весной 1187 г. — 62 дня (Там же. С. 38, под 6695 г.); Мартурий зимой 1193/94 г. — 36 дней (Там же. С. 40, под 6701 г.). Последний добрался быстрее своих предшественников, конечно же, только потому, что ехал по зимнему пути. Князь с дружиной не мог передвигаться существенно быстрее, чем епископ со свитой: огромное расстояние от Вышгорода до Новгорода нельзя преодолеть форсированными маршами (марш-броски неизбежно чередовались бы с многодневными остановками для отдыха, и средняя скорость движения все равно была бы низкой). Кроме того, Рюрик и его воины вряд ли довольствовались «сухим пайком»: вокруг были леса, полные дичи, и они вполне могли охотиться, что требует определенных затрат времени (о возможности княжеской охоты во время движения войска по своей земле см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 830).

Повторим еще раз: не столь уж важно, какого именно числа Рюрик выехал в Новгород; важно, что выехал он в августе, а не в сентябре. Получается, что Андрей Боголюбский распорядился судьбой

новгородского стола еще в июле (или, самое позднее, в начале августа). Однако летописец утверждает, что в Новгороде на момент смерти Мстислава Изяславича (19 августа) княжил Роман Мстиславич, который ушел только после получения известия о смерти отца. Со стороны Рюрика ехать в Новгород, не имея гарантий, что новгородцы примут его на княжение, было бы чистым безумием. Еще в 1102 г., когда великий князь Святополк Изяславич хотел послать на княжение в Новгород своего сына без согласия новгородцев, те честно предупредили его: «Аще ли две голове иметь сын твои, то послы и» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 251). Андрей Боголюбский, войска которого были наголову разбиты новгородцами 25 февраля 1170 г. (ПСРЛ. Т. 3. С. 33, под 6677 г.), никак не мог послать в Новгород нового князя, не заключив прежде взаимовыгодного мира. Рассмотрим возможный сценарий событий (предельно сжатый и значительно отличающийся от предполагавшегося Бережковым). В условиях продовольственной блокады Новгорода реалистически мыслящие представители новгородской верхушки могли отправить к Андрею своих послов частным образом, без соответствующего решения веча (и, разумеется, за спиной Романа, остававшегося новгородским князем). В день достижения предварительного соглашения с Андреем выехали бы из Боголюбова два гонца: первый поскакал бы в Новгород, к затеявшим тайные переговоры боярам, второй — во Вручий, к будущему новгородскому князю Рюрику Ростиславичу. Поскольку до Новгорода значительно ближе, здесь узнали бы о вполне приемлемых условиях мира с Андреем значительно раньше, чем Рюрик во Вручем получил бы предложение Андрея занять новгородский стол. Угадать дальнейшее развитие событий несложно. Изгнание Романа было вопросом нескольких часов (чтобы провести это давно созревшее в голодном городе решение, требовалось лишь собрать вече). В это время гонец, скакавший из Боголюбова во Вручий, был бы еще где-то в пути. Когда он добрался бы до цели, неизбежно произошла бы новая задержка. Рюрик не мог отправиться в Новгород немедленно: ему требовалось по меньшей мере несколько дней, чтобы привести в порядок свои дела, побывать в Вышгороде у брата Давыда и передать ему свою волость (о чем прямо сообщает южнорусский летописец: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 562). Таким образом, отъезд Романа из Новгорода должен был *предшествовать* отъезду Рюрика из Вышгорода, и не меньше чем на неделю. Но, может быть, новгородцы задержали Романа до прибытия нового князя? Оказывается, нет. Новгородский летописец сообщает, что

Роман был изгнан *до начала мирных переговоров новгородцев с Андреем*, по крайней мере — до начала переговоров официальных: «И сдумавъше новгородьци показаша путь князю Роману, а сами послаша къ Одрееви по мир...» (ПСРЛ. Т. 3. С. 33, под 6678 г.).

Если летописная дата отъезда Рюрика в Новгород (8 августа) верна, то Роман должен был покинуть Новгород еще в конце июля. Если же дата испорчена и вместо «8 августа» следует читать «18 августа» или «28 августа», то Роман должен был покинуть Новгород в августе (самое позднее — около 20 августа). Следовательно, версия южнорусского летописца о получении Романом известия о смерти отца еще в Новгороде хронологически невозможна. Перед нами — не рассказ о действительном ходе событий, а литературное упражнение: «...и приде весть к Романови о отни смерти, Роман же яви дружине своеи и приятелемъ своимъ Новгородьцемъ. И сгадавше дружина и рькоша ему: “Не можем, княже, уже zde быти, а поиди к братъи к Володимерю”. Он же послуша дружины своеи поеха к братъи» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 562). Южнорусский летописец представляет дело так: Роман ушел из Новгорода не потому, что на занимаемый им стол претендовал Рюрик, а потому, что умные люди присоветовали оставить Новгород и ехать «к братъи», ибо там, на Волыни, открылось наследство, а в Новгороде удержаться после смерти Мстислава все равно не удастся. Теперь Рюрик в глазах читателя совершенно чист: летописец «освободил» новгородский стол еще до его появления на сцене. Интересно, что и после ухода Романа из Новгорода Рюрик является не сразу: сначала летописец сообщает о смерти в Берестье (т. е. на Волыни) младшего брата Романа Владимира. Две августовские даты (отъезда Рюрика в Новгород и смерти Мстислава), сопоставление которых могло бы привести внимательного читателя к мысли об участии Рюрика в направленной против Романа интриге, благополучно разведены «волынским» известием.

Как видим, тенденция летописного рассказа выдает руку сторонника Ростиславичей. Волынское происхождение серии разбираемых известий совершенно исключено. Столь же решительно можно утверждать, что летописец — служитель Церкви: он пользуется сентябрьским стилем летосчисления, который называют также византийским или церковным (как известно, «церковное новолетие» и по сей день считается с 1 сентября). Летописец безусловно южнорусский: он знает дату отъезда Рюрика в Новгород, но не знает дату прибытия (ее сообщает только летописец новгородский). Возможно,

летописец связан с Вышгородом: он знает, что Рюрик перед отъездом передал свою волость брату Давыду (который, как мы знаем, княжил в Вышгороде), и не дает себе труда сообщить читателю, откуда Рюрик отправился в путь (что очень естественно, если Рюрик выехал именно из того пункта, где находился сам летописец).

Дополнение 2

ВСТРЕЧАЛСЯ ЛИ ВЛАДИМИР ГАЛИЦКИЙ С ФРИДРИХОМ БАРБАРОССОЙ?

Таково практически общее убеждение наших историков. Основывается оно, к сожалению, на очевидно ложной трактовке данных Ипатьевской летописи. В большой статье 6698 г. летописец рассказывает сначала о бегстве Владимира из венгерского плена, о прибытии ко двору не называемого по имени германского императора, который приказал польскому князю Казимиру оказать помощь галицкому изгнаннику, и о возвращении Владимира в Галич «на Спасов день». Только после доведения всей этой истории до логического конца следует известие о третьем крестовом походе, где «Немци яко мученици святи прольша кровь свою за Христа, со цесари своими» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667). Как известно, 10 июня 1190 г. император Фридрих I Барбаросса утонул в р. Салефе (Киликия). Отсюда ясно, что летописная статья 6698 г. может быть только мартовского или сентябрьского стиля; учитывая, что открывается она апрельским известием (Там же. Стб. 665) — несомненно мартовская. Упомянутый летописцем «Спасов день» (иначе «Преображение Господне») — 6 августа 1190 г. На первый взгляд кажется странным, что летописец говорит о гибели «цесарей», а не одного «цесаря», но если вспомнить, что 20 января 1191 г. в Акре умер сын Фридриха I герцог Фридрих Швабский, возглавлявший немецких крестоносцев после смерти отца, все становится на свое место: погибли в самом деле два представителя рода немецких «цесарей», причем оба на протяжении одного (6698) мартовского года. С одной стороны, перед нами

свидетельство хорошей информированности летописца, с другой стороны, любопытное косвенное указание на время и характер его работы. Известия из Святой земли получали от вернувшихся на родину паломников. О гибели Барбароссы на Руси могли узнать уже осенью 1190 г., но о гибели второго из «цесарей» — не ранее июня 1191 г. Таким образом, летописец вовсе не фиксировал события одно за другим по мере поступления известий: о гибели «цесарей», т. е. о двух событиях, разделенных семью месяцами, сообщается в одной фразе. Летописная статья имеет характер некоторой ретроспекции.

Поскольку перед возвращением Владимира в Галич он побывал в Германии, а немцев в третьем крестовом походе возглавлял Фридрих I, историки делают вполне логичный на первый взгляд вывод: принимавший Владимира император и есть Фридрих I. Беда только в том, что Барбаросса выступил в поход 11 мая 1189 г., в июне уже был в Венгрии, зиму 1189/90 г. провел на территории Византии, а в марте 1190 г. (начало 6698 мартовского года) переправился в Малую Азию. Таким образом, чтобы предоставить Владимиру физическую возможность встречи с Барбароссой, необходимо «поправить» летописца и отнести бегство Владимира из венгерского плена к 6697 мартовскому году (1 марта 1189–28 февраля 1190). Именно это и делается, причем весьма категорично (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 205, пункт «б»). Однако при таком подходе возникают большие сложности как смыслового, так и хронологического порядка.

Прежде всего, в очень странном виде предстают взаимоотношения Барбароссы с венгерским королем. Получается, что император выбрал для вмешательства в русско-венгерско-польские отношения крайне неудачный для своих собственных ближайших планов момент. Ему

Фридрих I Барбаросса и его старшие сыновья, Генрих (слева, в короне) и Фридрих (справа). Миниатюра из «Хроники Вельфов». 1189 г. (?)

предстояло идти со своей армией по территории Венгрии, а он, как нас пытаются уверить, в это самое время послал малопольскому князю Казимиру приказ начать войну с венграми ради изгнания из Галича королевича Андрея. При этом мы имеем известия о самом теплом приеме императора в Венгрии и о помолвке сына императора, герцога Фридриха Швабского, с одной из дочерей венгерского короля.

Обратим также внимание на соотношение дат. Владимир должен был встретиться с Барбароссой не позднее первых чисел мая 1189 г.: позднее император был уже на территории Венгрии, а летописец вполне определенно утверждает, что беглец достиг «земли Немечская» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666). В Галич Владимир вернулся 6 августа 1190 г.; возникает вопрос — где же он был на протяжении по меньшей мере 13 месяцев и что делал? Допустим, что большую часть этого времени он провел в Кракове у Казимира, который уклонялся от выполнения приказа императора как противоречащего интересам его собственного государства. Но если на протяжении целого года Казимир мог этот приказ безнаказанно игнорировать, то совершенно непонятно, что изменилось летом 1190 г. и почему поход на Галич все-таки состоялся.

Все эти странности благополучно исчезнут, если мы не будем оспаривать свидетельство летописца и датируем бегство Владимира из венгерского плена тем же самым годом, что и возвращение его в Галич — 1190-м. Но тогда становится ясно, что Владимиру пришлось иметь дело не с Фридрихом Барбароссой, а с его сыном — Генрихом VI, которому отец передал власть в империи еще 11 мая 1189 г. при выступлении в крестовый поход из Регенсбурга.

Дополнение 3

ХРОНОЛОГИЯ НИКИТЫ ХОНИАТА И ПЕРВЫЙ ПОХОД РОМАНА В ПОЛОВЕЦКУЮ ЗЕМЛЮ

Отправной точкой в повествовании Хониата, позволяющей восстановить всю хронологию царствования Алексея III Ангела, является день удачного штурма Константинополя крестоносцами, когда они захватили часть городских стен, — 17 июля 1203 г. (*Никита*

Хониат. История. Т. 1. С. 280–281). В тот же день в городе случился большой пожар, а император бежал; в связи с завершением его правления историк сообщает: «Алексей царствовал восемь лет, три месяца и десять дней» (Там же. С. 284). Отсюда следует, что на престол он взошел 7 апреля 1195 г. Выше, подробно описав события первых трех лет его правления (с. 150–201), историк подводит черту: «В таких и подобных этим делах прошли три года после воцарения Алексея» (с. 202). Таким образом, дальнейшие события происходят после 7 апреля 1198 г. Описание их начинается с рассказа о нарушении мирного договора с иконийским султаном Кайхозроем. Вспыхнувшая война затянулась, продолжалась она и «с наступлением весны», что дает нам четкий ориентир для дальнейших хронологических выкладок: весна 1199 г. Ниже сообщается о нападении болгар и половцев на города Мессину и Чурул в день святого Георгия (с. 212). Совершенно ясно, что это — 6 мая 1199 г. Ниже, при описании выступления Алексея III в поход на Просак, сообщается, что наступало «время зрелости смокв, дынь и других плодов земных» (с. 218). Это уже лето 1199 г.

Следующее четкое хронологическое указание Хониат дает при описании второго брака дочерей царя, Ирины и Анны. Свадебные торжества были «близко к масленице» (с. 225) — разумеется, 1200 г. Пасха в этом году приходилась на 9 апреля, а масленица, соответственно, на 13–19 февраля. В конце свадебных торжеств, т. е. около 13 февраля 1200 г., получено было известие об измене болгарского выходца Иванко, руководившего при Алексее III своего рода пограничным округом в Филиппополе (с. 227). Против мятежника выступили молодые царские зятья «со всеми солдатами, сколько их нашлось тогда во дворце» (с. 229), т. е. выступили сразу же, не теряя времени на сборы. Поход был неудачным. «Под исход весны», т. е. около 31 мая 1200 г., в поход выступил сам царь (с. 233). Интересно, что Хониат не счел нужным рассказать читателям о посольстве Романа, которое прибыло в Константинополь не позднее 21 мая 1200 г. (Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград... Стб. 78). Видимо, внимание византийского историка было целиком поглощено более важным в его глазах делом — спором о «святых тайнах» (*Никита Хониат*. История. Т. 1. С. 233–238). Алексей III принял решение по вопросу о «святых тайнах» перед выступлением в поход (Там же. С. 238), т. е. как раз в мае 1200 г.

Ниже Хониат описывает поход Алексея III, переговоры с Иванко и предательский захват последнего в плен (с. 240). Это — события лета 1200 г.: более трех месяцев они занять не могли. Царица Евфросиния в отсутствие мужа успешно выдержала борьбу с мятежниками (с. 240–241). «Около этого времени», т. е., видимо, вскоре после возвращения Алексея III из похода, ему представился «сатрап Иконии Кайхозрой» (с. 242). Далее следует пространное авторское отступление. Выясняется, что Кайхозрой и раньше являлся в Константинополь, надеясь получить помощь против угрожавшего ему сводного брата Рукратина, уехал ни с чем и был изгнан Рукратином, не успев даже вернуться в Иконию, бежал к Левуну — правителю киликийской Армении, но не получил помощи и здесь, после чего во второй раз приехал в Константинополь, опять обманулся в своих ожиданиях и кончил тем, что поселился «между римлянами» (с. 244–245). Ниже следующее известие о набеге «валахов» (болгар) и «коман» (половцев) открывается словами «в следующий год» (с. 245), подтверждая тем самым, что все вышеописанное (за исключением скитаний Кайхосроя, не поддающихся точному приурочению) относится к лету 1200 г. (год в Византии начинался с 1 сентября).

Далее, рассказывая о помощи, полученной от Романа, походы которого на половцев прекратили их вторжения в пределы империи, Хониат забегает вперед (о чем свидетельствует уже само указание на *многократность* походов Романа). Краткое известие Хониата о борьбе Романа с Рюриком не имеет четких соответствий с летописными данными. По всей видимости, два эпизода этой борьбы слились у Хониата в один (первый эпизод — изгнание Романом Рюрика из Киева в 1201 г.; второй — взятие Киева Рюриком и половцами 1–2 января 1203 г.; осада Романом Рюрика во Вручем в феврале того же года и вынужденный отказ Рюрика от союза с половцами). Разгром Романом степных союзников Рюрика — факт, известный только Хониату. Зато третий и последний эпизод борьбы Романа с Рюриком (арест и насильственное пострижение Рюрика зимой 1204/05 г.) Хониату явно неизвестен. Ниже фрагмент книги Хониата, содержащий известия о Романи, приводится полностью.

«В следующий год (т. е. после 1 сентября 1200 г. — А. Г.) валахи вместе с команамы опять произвели нашествие на римские владения и, опустошив самые лучшие области, возвратились обратно, не встретив нигде сопротивления. Может быть, они подступили бы даже

к земляным воротам Константинополя и устремились против самой столицы, если бы христианнейший народ русский и стоящие во главе его князья, частью по собственному побуждению, частью уступая мольбам своего архипастыря, не показали в высшей степени замечательной и искренней готовности помочь римлянам, приняв участие в них, как народе христианском, каждый год несколько раз подвергающемся нашествию варваров, пленению и продаже в рабство народам нехристианским. Именно Роман, князь галицкий, быстро приготовившись (т. е. вскоре после осенних набегов «валахов» и «коман», самое позднее — зимой 1200/01 г. — А. Г.), собрал храбрую и многочисленную дружину, напал на коман и, безостановочно прошедши их землю, разграбил и опустошил ее. Повторив несколько раз такое нападение во славу и величие святой христианской веры, которой самая малейшая частица, каково, например, зерно горчичное, способна переставлять горы и передвигать утесы, он остановил набеги коман и прекратил те ужасные бедствия, которые терпели от них римляне. Сверх того загорелись тогда распри между самими этими тавроскифами, именно, этот же самый Роман и правитель Киева Рюрик обагрили мечи в крови своих единоплеменников. Из них Роман, как более крепкий силою и более славный искусством, одержал победу, при чем также истребил множество коман, которые помогали в борьбе Рюрику, составляя сильнейшую и могущественнейшую часть его войска» (Никита Хониат. История. Т. 1. С. 245–246).

Еще Грушевский рассчитал, хотя и не совсем точно, что у Хониата первый поход Романа на половцев приходится на «початок 1201 г.» (Грушевський М. Історія України–Руси. Т. II, вид. 2. С. 561). Однако в Лаврентьевской летописи поход Романа на половцев датирован зимой 6710 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418). Грушевский не смог примирить возникшее противоречие между источниками и объявил читателям, что не имеет оснований для выбора (Грушевський М. Історія України–Руси. Т. II, вид. 2. С. 561). Бережков, который был и остается крупнейшим специалистом по летописной хронологии, тоже затруднился с датировкой этого похода Романа. В Лаврентьевской летописи статья 6710 г. находится в полосе ультрамартовских, т. е. поход Романа следует датировать зимой 6709 мартовского года (1 декабря 1201 г.–28 февраля 1202 г.). Получается, как и в рассуждениях Грушевского, противоречие с Хониатом. Бережков допускал, что летописная статья может иметь «хронологически сложный состав» и готов был

отнести ее южнорусские известия к 6708 мартовскому году (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 87, коммент. к статье 6710 г. Лаврентьевской летописи). В этом случае борьба Романа с Рюриком за Киев относится к 1200 г., а поход Романа на половцев — к зиме 1200/01 г., что снимает противоречие с Хониатом.

Как ни странно, оба историка не приняли во внимание указание Хониата на *многократность* вторжений Романа в половецкую землю. Они вообще не рассматривали возможность упоминания в греческом и русском источниках двух разных походов Романа на половцев (первый — после 1 сентября 1200 г., вероятнее всего зимой 1200/01 г., и второй — зимой 1201/02 г.). Однако именно этот способ снятия противоречия является самым простым и реалистичным. Известно, что существовало несколько устойчивых территориальных группировок половцев. После установления контроля Романа над Киевом совсем не обязательно было повторять удар по группировке, ориентированной на вторжения в пределы империи; логично было бы нанести удар по какой-либо из группировок, угрожавших Киеву.

Совершенно оригинальный ход мысли демонстрирует при анализе известий Хониата о Романе современный украинский историк Котляр. Логика его такова. Открывается фрагмент текста с известиями о Романе словами «в следующем году»; предыдущее известие — о представлении Алексею III Кайхозроя; в одной старой монографии о государстве сельджуков в Малой Азии утверждается, что Кайхозрой был изгнан в 1196 г.; следовательно, поход Романа против половцев состоялся в следующем 1197 г. или, самое позднее, в 1198 г. — «если прибавить время на скитания изгнанника» (*Котляр Н. Ф.* Дипломатия южной Руси. С. 88). Все это порождает ряд вопросов. Почему известие о Кайхозрое вырвано из контекста, если именно контекст дает нам жесткие хронологические ориентиры, а известие о Кайхозрое вводится неопределенным «около этого времени»? И почему, собственно, «скитания изгнанника» непременно должны были завершиться в 1197 г., даже если он действительно был изгнан в 1196 г.? (На самом деле, конечно, это ошибка: известие Хониата о войне Алексея III с Кайхозроем определенно относится к периоду между 7 апреля 1198 г. и 6 мая 1199 г., см. с. 381; следовательно, Кайхозрой был изгнан не ранее 1199 г.) А если все-таки допустить на минуту, что Хониат описывает события 1197–1198 гг., то каким чудом третьестепенный князь, владевший лишь частью Западной Волыни, окруженный

со всех сторон сильными врагами и вовлеченный в затяжную междоусобную войну, сумел нанести половцам такой удар, который заставил их прекратить набеги в пределы Византийской империи? И почему это из ряда вон выходящее событие осталось незамеченным на Руси? Киевский летописец о походе Романа в половецкую землю не знает, хотя описывает его маловажный поход в землю ятвягов зимой 1197/98 г.! Все эти соображения совершенно уничтожают версию Котляра. Тем не менее она представляет большой интерес, так как наглядно демонстрирует простейший механизм появления новых фактов в биографиях исторических лиц (см. краткий биографический очерк о Романе Мстиславиче в Энциклопедии «Слова о полку Игореве». Т. 4. С. 234, принадлежащий перу все того же Котляра).

Дополнение 4

БЫЛИНА О КНЯЗЕ РОМАНЕ: ВАРИАНТ АНДРЕЯ СОРОКИНА

Текст печатается по изданию: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. 2-е изд. / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1910. Т. 2. С. 254–263 (№ 135). Записан в 1860 г. от Андрея Пантелеевича Сорокина, крестьянина из д. Новинка на Сумозере. Имеется повторная запись от того же сказителя, сделанная в 1871 г. Гильфердингом.

В сборниках былин, предназначенных для массового читателя, этот шедевр народной эпической поэзии за последние 100 лет появлялся только дважды: в 1955 и 1988 гг.

Разделение текста на эпизоды и расстановка ударений А. В. Горovenko.

Во той земли, в хоробрый Литвы,
У Цимбала, короля Литовского,
Как было столованье, почестен пир,
На своих-то на пановей,
На пановей на улановей.

Собиралися-съезжалися на почестен пир

Эпизод 1: зачин
(пир у литовского короля)

Все его князья-боярины,
 Все дьяки его думные,
 Все пánове и уланове,
 И вся полéница уда́лая.
 Все на пиру наедались,
 Все на пиру напивались,
 Похвальба́мы все похвалялись.

Король по палатушке похаживает,
 Ажно увидел двух своих витников-советников,
 Двух любезных королевских племянничков,
 Увидел за стола́мы за дубо́выми:
 Не пьют они, не кушают,
 Белой ле́беди не ру́шают;
 Повéшены буйны́ головы
 Ниже плеч своих могучиих,
 Приту́плены о́чи ясныя во кирпичен пол.
 Говорил король таковы слова:
 — Ай же вы, два витника-советника,
 Королевских два племянника!
 Что же вы не пьете, не кушаете,
 Белой ле́беди не ру́шаете,
 Повéсили буйны́я головы
 Ниже плеч своих могучиих,
 Приту́пили о́чи ясныя во кирпичен пол?
 Какую же вы невзгодушку сведали,
 Что же нехорошее приза́слышали?
 Али вас мужик-деревенщина,
 Либо вас голь кабацкая,
 Либо мурза-татарин поганый
 Обнес вас слова́мы неразумныма?
 Али ё́ствушки мои не по́ нраву,
 Напиточки мои не по обычаю?

Говорят они таковы слова:
 — Ай же ты, ро́дный наш дядюшка,
 Цимба́л король земли Литовския!
 Никакой мужик деревенщина-засельщина,
 Голь кабацкая, мурза татарин поганый
 Не обнес нас слова́мы неразумныма.
 И все твои ё́ствушки нам по́ нраву,

Все напитокочки по обычаю.
 Только не можем бо́ле терпеть славы великия
 Про московского князя Романа Дмитриевича.
 Давай-ка нам прощеньице-благословленьице,
 Давай-ка нам силы-войска сорок тысячей,
 Силу-войско латников-кольчужников,
 Силу-войско на добрых конях.

Говорит король таковы слова:
 — Не дам прощеньице-благословеньица
 И не дам силы-войска сорок тысячей.
 У меня была порá-сила великая
 Не во вас, уда́лых добрых мо́лодцев,
 И тут я не смел ехать на Святую Русь.
 Колько я на Русь силу ва́живал,
 Со Святой Руси силы не выва́живал,
 А несчастный все вые́зживал.
 А лучше дам вам силы-войска сорок тысячей,
 Поезжайте вы во землю во Левонскую:
 Тая земля пребогате́ющая,
 Много есть злáта и се́ребра,
 Много есть бессчётной золотой казны,
 Силы-войска-рати мало мо́жется.

Давал им дядюшка Цимба́л король
 Силы-войска сорок тысячей,
 Силы-войска латников-кольчужников,
 Силы-войска на добрых конях,
 Отпускал их в землю во Левонскую.

Эпизод 2:
первый набег
(на землю Левонскую)

Во земле во Левонской на бою им пришла Божья помочь:
 Тыи городá они огнем сожгли:
 Как оттуда они по́гнали добрых коней стадмы-стадо́м,
 Добрых мо́лодцев рядмы-рядо́м,
 А красных девушек, молодых мо́лодушек
 Повели отту́ль толпицами;
 Несчётной золотой казны
 Насыпа́ли телеги ордынския,
 Кра́сна злота, чиста се́ребра, скáтна жёмчуга.
 Как выехали они на далéче-далéче чисто́ полé,
 Говорили два брата, два витника-советника,
 Меньший говорил бо́льшему:

— Ай же ты, мой братец родимый!
 Поедем, братец, на Святую Русь,
 Под ма́тушку каменну́ Москву
 Ко князю Роману Дмитриевичу.

Поехали два добрых мо́лодца
 На ма́тушку на Святую Русь
 Со ратью-силой великою.
 Как подъехали под ма́тушку каменну́ Москву,
 Пожгли четыре села что ни лучших:
 Перво́ село Сла́вское,
 Друго́е село Пересла́вское,
 Третье село Карача́ево,
 А четверто село что ни лучшее, Косоу́лицы;
 А не смели захватить во ма́тушку каменну́ Москву;
 А у князя Романа Дмитриевича
 Убили зятя любезного,
 Увезли сестрицу любимую,
 Молоду́ Настасью Дмитриевичну,
 Со любимым плёмничком, ребеночком трехмесячным.

**Эпизод 3:
 второй набег
 (на Русь)**

Как приезжали они ко рубежу московскому,
 Раздернули они шатры белополотняны,
 Спустили добрых коней
 Во московския во травки во шелковыя,
 Во московския пшеницы белояровы,
 И стоят-дожидают осени богатыя,
 Богатыя осени хлебородная,
 Когда будет баран тучён, овес ядрён,
 Когда повыростут пшеницы белояровы,
 Тогда еще грозят захвати
 Во ма́тушку во сла́вну каменну́ Москву.
 И сами говорят проме́ж собой:
 — Не смел князь Роман Дмитриевич
 Показать к нам на светлы очи.

**Эпизод 4:
 ожидание врагами
 осени**

Во сла́вной во ма́тушки каменно́й Москвы
 У князя Романа Дмитриевича
 Был за́бран столова́нье-почёстен пир
 На всех на князей, на бояр

**Эпизод 5:
 птица-вестница**

И на русских могучиих бога́тырей.
 Как пьют-едят они, прохлаждаются,
 Над собой невзгоды не нача́ются.
 А летит птица во́рон мимо подо́конье,
 Гра́ет во́рон во всю голову
 И садился супротив князя Романа Дмитриевича
 На тую на яблонь на кудрявую:
 — Ай же ты, князь Роман Дмитриевич!
 Ешь-пьешь ты, прохлаждаешься,
 Над собой невзгоды не нача́ешься:
 Наехала Литва поганая
 От Цимба́ла короля Литовскаго,
 Два витника, два советника,
 Два любезных королевских племянника.
 Пожгли твои четыре села что ни лучших:
 Перво́ село Сла́вское,
 А друго́е село Пересла́вское,
 Третье село Карача́ево,
 А четверто село что ни лучшее, Косоу́лицы,
 И убили твоего зятя любимого,
 Увезли в полон сестрицу любимую
 Со любимым плёмничком, ребеночком трехмесячным.
 И поехали они ко рубежу московскому,
 Раздернули шатры белополотняны,
 Спустили добрых коней
 Во московския во травки во шелковыя,
 Во московския пшеницы белояровы.
 А сами похваляются проме́ж собой,
 Что «Не смел князь Роман Дмитриевич
 Показать нам на ясны очи».
 И стоит тут эта сила великая,
 Дожидают осени бога́тыя,
 Богатыя осени хлебородная,
 Когда будет баран тучён, овес ядрён,
 Повыростут пшеницы белояровы;
 Тогда еще грозят захвати
 Во ма́тушку во сла́вну каменну́ Москву.

Тут московский князь Роман Дмитриевич
 Вставал на резвы ноги,
 Сам-от говорил таковы слова:

**Эпизод 6:
 реакция героя на
 известие о вражеском
 набеге**

— Ай же, моя сила-войско любезное,
 И князи-бояре, дьяки думные!
 Получил я весточку нерадостну:
 От Цимбáла, короля Литовскаго,
 Наехала Литва поганая:
 Два витника, два советника,
 Два любезных королевских племянника;
 Пожгли четыре села что ни лучших,
 Убили моего зятя любимаго
 И увезли в полон сестрицу любимую
 Со любимым плémничком, ребеночком трехмесячным.
 И поехали они ко рубежу московскому,
 И сами похваляются промеж́у собой,
 Что «Не смел князь Роман Дмитриевич
 Показать́ся к нам на ясны очи».
 И стоит там эта сила великая,
 Раздернуты шатры белополóтняны,
 Спу́щены добры кони
 Во московския во травки во шелкóвыя,
 Во московския пшеницы белояровы;
 Дожидают óсени богáтыя,
 Богатыя óсени хлеборóдныя,
 Когда будет баран тучён, овес ядрён,
 Пovyростут пшеницы белояровы,
 Тогда още грозят заехати
 Во мáтушку во слáвну каменну́ Москву.

Говорит князь Роман Дмитриевич:

— Ах ты, молодость моя молодéцкая!
 Как был-то я мастер в молодú порú
 По темным лесам летать черным вóроном,
 По чистú полю скакать серым волкóм,
 По крутым горам тонкиим белым горнóсталем,
 По синим морям плавать серою úтушкою.
 Ах ты, старость моя глубокая,
 Да не в пору мóлодца старость состарила!
 У меня ль голóвка состáрела,
 Сердце молодéцкое соржáвело,
 Рúсы кúдри поседáтели.
 Ай же, сила моя, войско сорок тысячей!
 Седлайте-уздайте добрых коней

Туго-нáтуго и крепко-нáкрепко,
 Поедем мы в след сугóною
 За этую щéнятью белогубою,
 Чтобы не хвастали мáтушкой каменнóй Москвой!

Седлали-уздали добрых коней
 Туго-нáтуго и крепко-нáкрепко,
 Поехали к рубежу ко московскому.
 Как доехали до той реки до Берéзины,
 Становился князь Роман Дмитриевич
 У той реки у Берéзины,
 Припушчал силушку пить во реку во Берéзину.
 Начала силушка пить во реки во Берéзины.
 Котóра сила пила напáдкою,
 Говорил князь Роман Дмитриевич:
 — Той силы на бою мертвой быть!
 Отпущал назад тúю силушку.
 Котóра сила пила шелóмамы да черепúшкамы,
 Тúю силу с собой брал.

**Эпизод 7:
 испытание войска
 у реки**

Как выехал на далéче-дáлече чистó полé,
 Становил он силушку на чистóм полé,
 Сам своей силушке наказывал:

— Ай же, силушка моя великая!
 Кормите-тко добрых коней,
 Кормите не травкою не шелкóвою,
 Кормите-тко пшеницей белояровой,
 Кормите коней, а сами слушайте:
 В кой стране я заграю черным вóроном,
 На первый накóн седлайте-уздайте добрых коней;
 А заграю вторóй накóн черным вóроном,
 Вы садитесь на добрых коней;
 А третий раз заграю черным вóроном,
 Так поезжайте скóро-нáскоро,
 Заставайте меня в живностях.

**Эпизод 8:
 оборотничество героя**

Как сам обернулся черным вóроном,
 Полетел он по чистú полю,
 Прилетал к рубежу ко московскому.
 Стоит там Литва поганая,

Раздернуты шатры белополотняны,
 Спущены добры кони
 Во московския во травки во шелковыя,
 Во московския пшеницы белояровы.
 Обернулся он серым волком,
 Добрых коней по чисту полю порозгонял,
 У иных горлышко повырывал,
 А иных вогнал во реку во Березину;
 Обернулся тонким белым горносталям,
 Заскакивал в шатры белополотняны;
 Там у них луки поразметаны,
 Сабельки, оружья пораскиданы,
 Сила спит крепко, не пробудится.
 У тугих луков тетивочки повыкусал,
 У сабелек острыйца повыщепал,
 У оружищев кремешки повывертел.

Тут-то племянничек трехмесячный
 Испровещился языком человеческим:

— Ай же ты, моя родная матушка,
 Молода Настасья Дмитриевична!
 Твой братец любимый, мой дядюшка
 Поскакивает по шатрику тонким белым горносталям,
 Выручает нас со полону, со неволюшки!

Как тут-то сила пробуждалася,
 Пробуждалася она, перепалася,
 Как вешняя вода всколыбалася;
 Стала имать горносталя во шатриках,
 Соболиныма шубкамы призакидывать.

Он по шубкам по рукавчикам выскакивал,
 На улущке обернулся черным вороном,
 Вылетел во сырой дуб,
 Сам заграял во всю голову.
 Как сила его услышала,
 Начала седлать-уздать добрых коней.
 Говорят два витника, два советника:

— Не грай, не грай, московский князь, черным вороном:
 Натянем мы туги луки,
 Кладем востры калены стрелы,
 Застрелим ти, черна ворона,

**Эпизод 9:
 вещий младенец**

**Эпизод 10:
 вызов войска героем**

И спустим твою тушу на сыру землю,
 И распустим твое перье по чисту полю,
 И прольем твою кровь по сыру дубу,
 Предадим ти смерти скоряя.
 Заграял он во второй након.
 Начала сила садиться на добрых коней,
 Садиться на добрых коней, приготовлятися.
 Говорят два витника, два советника:
 — Не грай, не грай, московский князь, черным вороном:
 Натянем мы туги луки,
 Кладем востры калены стрелы,
 Застрелим ти, черна ворона,
 И спустим твою тушу на сыру землю,
 И распустим твое перье по чисту полю,
 И прольем твою кровь по сыру дубу,
 Предадим ти смерти скоряя.

Заграял он во третий након.
 Услышала сила, наехала,
 Начала сечь-рубить Литву поганую.
 Тут-то Литва хватилась за оружища:
 У оружищев все кремешки повыверчены;
 Хватилась Литва за сабельки:
 У сабелек острыйца повыщепаны;
 Хватилась Литва за копыща:
 У копыщев конечики повыломаны;
 Хватилась Литва за туги луки:
 У тугих луков тетивочки повыкусаны.
 Той порой, тым времечком
 Присекли-прирубили всю Литву поганую.

Взяли большему брату выкопали очи ясныя,
 Меньшему-то брату по колен отсекали ноги резвьяя,
 Садилы безногого на безглазого,
 Отпущали к Цимбалу, королю Литовскому,
 Отпущали, сами наказывали:
 — Скажите Цимбалу, королю Литовскому,
 Что московский князь Роман Дмитриевич
 Старостью не стареет,
 Голова его не седает,
 Сердце его не ржавеет,
 Слава ему век-повеку не минует!

**Эпизод 11:
 расправа
 над врагами**

Как приходят во землю во Литовскую,
 Увидел их дядюшка Цимбал король:
 — Ах вы любезные два витника, два советника!
 Говорил я вам, удалым молодцам:
 Не ходите вы на Святую Русь
 Ко князю Роману Дмитриевичу.
 Знает он языки ворониные,
 Знает языки все птичие.
 У меня была порá-сила великая,
 И терпел я славу век-пóвеку;
 А вы теперь получили бесчестье великое,
 Великое бесчестье, на веки нерушимое!

Говорят они таковы слова:

— Ай же ты, рóдный наш дядюшка!
 Не можем мы терпеть бесчестья великого.
 Казни нас казнью своеручною,
 Руби нам буйны головы,
 Копай нас во матушку сырú землю.
 Он как брал сабельку вóструю,
 Рубил им буйны головы,
 Копал их во матушку сырú землю.
 Теперь-то двум витникам, двум советникам славу поют!

**Эпизод 12:
 возвращение
 изувеченных врагов
 в Литву**

Дополнение 5

БЫЛИНА О КНЯЗЕ РОМАНЕ: АННОТИРОВАННЫЙ КАТАЛОГ ВАРИАНТОВ

При анализе текстов были выявлены четыре редакции былины:

1. Основная прионежская («Князь Роман и братья витники»): 9 вариантов, четыре ранних (1860–1871 гг.) и пять поздних (1928–1947 гг.).

*Традиционные названия в фольклористике: «Наезд литовцев», «Князь Роман и братья Ливики».

2. Прионежско-каргопольская («Князь Роман и братья ливики»): 6 вариантов, пять ранних (1860–1872 гг.) и один поздний (1926 г.).

3. Печорская («Митрий Браньской»): 3 поздних варианта (1904, 1904 и 1929 гг.).

4. Якутская: 2 поздних варианта.

Аннотации к отдельным вариантам былины сгруппированы по редакциям. Нумерация сквозная. Последовательность текстов внутри каждого раздела определяется хронологией записей. При наличии двух одновременных записей от одного сказителя оба текста засчитываются за один вариант.

Вне редакций и вне нумерации оставлен один текст (Ончуков Н. Е. Печорские былины. № 51), ранее ошибочно причислявшийся к вариантам сюжета былины о князе Романе (Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. С. 292). Азбелев дал этому тексту название «Митрий Бранский и Данило Борисович», что совсем не соответствует содержанию. На самом деле печорский сказитель-импровизатор Д. К. Дуркин сделал «Митрия Браньского», известного ему по песням других сказителей, второстепенным героем своей новой, совершенно оригинальной былины о богатыре-разбойнике Даниле Борисовиче.

Структура аннотаций:

- сказитель, место записи текста, год записи (или год публикации, если неизвестен год записи);
- наиболее доступные научные публикации, с указанием числа строк;
- общие замечания о данном варианте;
- особенности варианта по эпизодам (за эталон взят композиционно стройный, включающий все известные эпизоды былины вариант Андрея Сорокина, см. Дополнение 4).

Основная прионежская редакция

1. Сорокин А. П., Сумозеро, Олонецкая губерния. Две записи, 1860 (?) и 1871 гг.

— Рыбн., т. 2, № 135 (с. 254–263). 341 строка.

— Гильф., т. 1, № 71 (с. 658–669). 419 строк

Безусловно лучший по своим художественным достоинствам вариант.

Эпизод 1: зачин. Здесь — сцена пира у литовского короля. Имя его: Цимбал в записи Рыбникова, Чембал в записи Гильфердинга.

Враги Романа: «два витника-советника», племянники литовского короля.

Цель предполагаемого похода на Русь: Москва.

Мотивация:

«...не можем боле терпеть славы великия

Про московского князя Романа Дмитриевича» (Рыбн., с. 255).

Отсоветовав племянникам идти на Москву, дядя предлагает напасть на «землю Левонскую» (Рыбн., с. 255–256), или «Лимоньскую» (Гильф.).

Эпизод 2: первый набег. Полная удача и появление новой цели. Мотивация продолжения похода в записи Рыбникова отсутствует, но есть у Гильфердинга (с. 661):

«А однакоже когда вышла нам путь счастливая,

А й поедем-ка мы на святую Русь...».

Эпизод 3: второй набег (на Русь). Разорены 4 села (важная особенность варианта Сорокина; у других сказителей обычно фигурируют 3 села).

Названия сел в записи Рыбникова: Славское, Переславское, Карачаево, Косоулицы; в записи Гильфердинга: Лягово, Коротяево, Карачаево, Косы-Улицы.

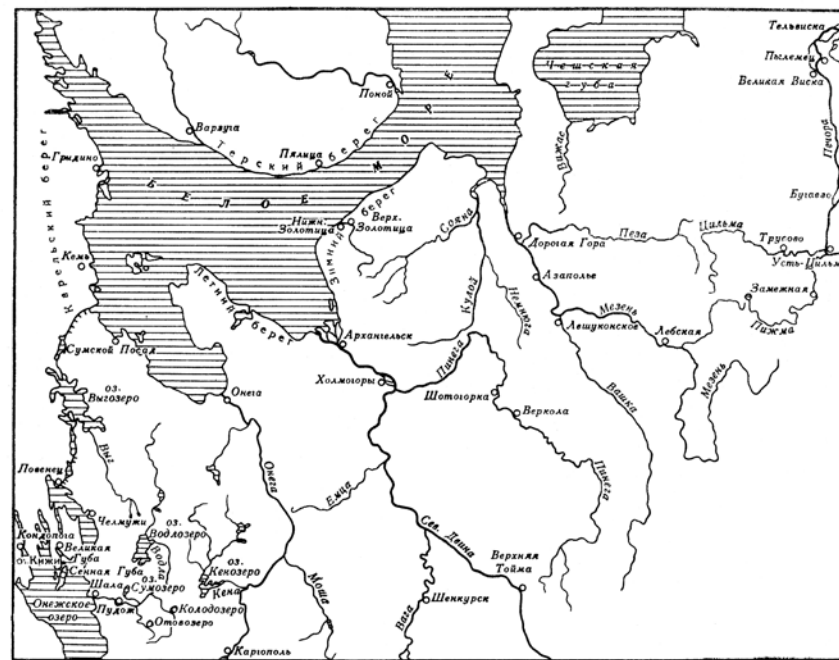
Разорение или сожжение церквей не упомянуто.

Захвачена в плен сестра Романа — Настасья Митриевична, вместе с сыном, младенцем трехмесячным.

Эпизод 4: ожидание врагами осени. Среди ранних записей былины этот эпизод есть только у Сорокина, следовательно, заслуга его введения принадлежит либо самому этому сказителю, либо его учителю. Во всяком случае, к архетипу былины этот эпизод не может быть отнесен. Источник заимствования достаточно очевиден. Сравним две описательные формулы указания на осеннее время года:

А. *«Когда будет баран тучён, овес ядрён»:* былина Сорокина (Рыбн., 1, с. 432; Гильф., с. 402).

В. *«Когда будет овес кудряв, баран мохнат, у коня под копытом трава и вода...»:* сказка «про Мамаю безбожного», записанная в Шенкурском уезде Архангельской губернии (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 2. С. 378).

Русский Север (карта-схема)

Эпизод 5: птица-вестница. Здесь это ворон, садящийся «на яблонь кудрявую».

Эпизод 6: реакция героя на известие о вражеском набеге. Здесь — вариант **6а** (жалобы героя на старость).

Эпизод 7: герой испытывает у реки свое войско.

Численность войска Романа — 40 000.

Название реки — Березина.

Испытание дружины — по способу питья из реки.

Эпизод 8: оборотничество героя.

Серия превращений: ворон, волк, горноста́й, ворон.

Эпизод 9: мотив вещего младенца. «Классический» вариант с говорящим трехмесячным младенцем.

Эпизод 10: вызов дружины. Осуществляется троекратным грянием.

Эпизод 11: расправа над врагами. Одному из братьев выкалывают глаза, другому отсекают ноги по колена. Отпускают покалеченных

врагов в Литву, дают им наказ рассказать о князе Романа, который «старостью не стареет» и т. д.

Эпизод 12: возвращение изувеченных братьев в Литву.

В финале — казнь осрамившихся королевских племянников, по их собственной просьбе.

2. Калинин П. Л., д. Горка Пудожгорского погоста Повенецкого уезда Олонецкой губернии. Две записи, 1860 (?) и 1871 гг.

— Рыбн., т. 2, № 114 (с. 69–73). 134 строки.

— Гильф., т. 1, № 12 (с. 229–234). 174 строки.

Вариант художественно яркий, хотя и дефектный: Роман замещен Никитой Романовичем. Это не единственная былина у Калинина, где спутаны традиционные герои: Вольга у него затесался в былинку о Садко, причем выступает здесь в роли, свойственной Василию Буслаеву (Гильф., с. 106–110).

Эпизод 1: зачин. Соответствует версии Сорокина, с рядом особенностей.

Король безымянный: «политовский король да земли польский» (Гильф., с. 230).

Племянники его названы «два витвичка» (Гильф.) или «два витвица» (Рыбн., с. 69), они же почему-то «два поганных татарина» (Рыбн., с. 69; Гильф., с. 229 и далее).

Цель предполагаемого похода на Русь — Москва, которая смешивается с Золотой Ордой (!).

Желание братьев напасть на Москву не мотивировано.

Отсоветовав идти на Москву, дядя предлагает другую цель набега, в данном варианте эпически условную: «Индя богатая, Корела проклятая» (Гильф., с. 230).

Эпизод 2: первый набег. Полная удача и появление новой цели. Мотивация продолжения похода точно та же, что и у Сорокина:

«Ай же этим нам разом да поладилось,

А поедем-ка мы, братцы, в камену Москву» (Гильф., с. 231).

Эпизод 3: второй набег (на Русь).

Разорены 3 села: Ярославское, Переславское, Косы-Улицы.

Разорение или сожжение церквей не упомянуто.

О пленении женщины сказитель в описании набега не упоминает (Рыбн., с. 70–71; Гильф., с. 231), но этот мотив ему известен, ниже

он вспоминает о пленнице (Рыбн., с. 72; Гильф., с. 232), называя ее племянницей Никиты Романовича Авдотьей Ивановной.

Эпизод 4: отсутствует.

Эпизод 5: отсутствует. Как герой узнал о случившемся — неизвестно.

Эпизод 6: реакция героя на известие о вражеском набеге. Вариант **6а** (жалобы героя на старость), но звучат они иначе, нежели у Сорокина.

Вводится мотив *заповеди*, неизвестный Сорокину:

«Старый пес, король политовский,

Порушил свою заповедь великую;

Мне, Никиты Романову, порушать

Своя заповедь великая»

(Рыбн., с. 71; в записи Гильфердинга этого мотива уже нет).

Эпизод 7: герой испытывает у реки свое войско. Отсутствует, но есть его рудимент: войско героя почему-то именуется «Бессметная сила, бессмертная» (Рыбн., с. 71).

Эпизод 8: оборотничество героя. Серия превращений: волк, добрый молодец, горностай, ворон. Вообще этот эпизод у Калинина скомкан, сведен к нескольким строкам, при этом вводится элемент рационализации: портить вражеское оружие сподручнее, конечно, в образе доброго молодца, нежели в образе горностая.

Эпизод 9: мотив вещего младенца. Эпизод рационализирован сказителем: племянник Романа здесь «младенчик трех годов» (Гильф., с. 232; в записи Рыбникова возраст не уточняется). Поскольку «младенчик» уже изрядного возраста, нет чуда в том, что он разговаривает.

Эпизод 10: вызов дружины. Осуществляется, как и у Сорокина, троекратным граянием. Тем не менее эпизод скомкан, выпущена сцена с братьями, угрожающими ворону.

Эпизод 11: расправа над врагами. Изувеченным братьям, отсылая их в Литву, дают совсем иной наказ, нежели в версии Сорокина: издевательски предлагают хвастать по возвращении удачей похода.

Эпизод 12: возвращение изувеченных братьев в Литву. Отсутствует.

3. Рябинин Т. Г., д. Середка Кижской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Две записи, 1860 (?) и 1871 гг.

— Рыбн., т. 1, № 20 (с. 122–124). 62 строки.

— Гильф., т. 2, № 88 (с. 152–154). 68 строк.

Художественно слабый вариант, представляющий собой контаминацию двух былин: 1) о Скопине (в версии, близкой к тексту из Сборника Кирши Данилова. № 29); 2) о князе Романе (в версии, близкой к тексту Калинина, см. выше № 2). Роман у Рябинына, как и у Калинина, замещен Никитой (Микитой) Романовичем. Очень интересно, что герой у Рябинына настойчиво именуется московским князем (рудимент, доказывающий, что в архетипе былины действовал московский князь Роман).

Эпизоды 1–4: отсутствуют, замещены краткой версией начального фрагмента былины о Скопине (ср.: Сборник Кирши Данилова. С. 147–149, строки 1–85). Ни литовского короля, ни его племянников в варианте Рябинына нет; враги — «Литва поганая», захватившая Москву. Скопин — герой второстепенный, он собирает в Новгороде и приводит к Москве войско, после чего едет за советом к главному герою — Никите Романовичу.

Эпизод 5: птица-вестница. Отсутствует. В роли вестника выступает Скопин, сообщающий герою о наличии войска, собранного для освобождения Москвы.

Эпизод 6: реакция героя на известие о вражеском набеге. Здесь — реакция героя на предложение Скопина «повыгнать» из Москвы «Литву поганую»: вариант **6а** (жалобы на старость, близко к варианту Калинина).

Мотив *заповеди* отсутствует.

Эпизод 7: герой испытывает у реки свое войско. Отсутствует.

Эпизод 8: оборотничество героя. Серия превращений: горноста́й, волк, горноста́й, добрый молодец. Порча вражеского оружия происходит в захваченной врагами Москве.

Эпизоды 9–12: отсутствуют. Согласно логике развития событий, должен последовать удар по обезоруженной «Литве» того войска, которое привел Скопин. Однако этого почему-то не происходит. В записи Рыбникова финала вообще нет: Микита Романович садится на коня, берет «палицу булатную» и едет биться с «Литвою», на чем былина обрывается. В записи Гильфердинга финал есть, но скомканный: «Литва», обнаружив порчу оружия, обращается в бегство. Вероятно, Рябинин просто не помнил, как заканчивалась былина в версии того сказителя, от которого была перенята.

4. Романов К. И., д. Лонгасы Сенногубской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, 1861 г.

— Рыбн., т. 1, № 45 (с. 296–300). 152 строки.

Вариант художественно слабый и в начальной части (эпизоды 1–3) скомканный.

Эпизод 1: зачин. Сцены пира нет. Племянники безымянного литовского короля, ниже названные королевичами, являются дяде проситься в поход «к городу Сребрянскому», обещая привезти «Настасью Митриевичну, и с малым со отроком с двухмесячным». Получив отказ, просят «ко городу ко Киеву».

Эпизод 2: первый набег. Отсутствует.

Эпизод 3: второй набег (на Русь). Братья отправляются все-таки не «ко Киеву», а «ко городу Сребрянскому». Вместо обычных трех сел здесь разоряются три улицы: Березина, Крестовая, Красная Лавицы.

Разорение церквей не упомянуто.

Захвачена в плен не сестра и не племянница, а жена Романа (единственный прецедент на 20 текстов!) — Настасья Митриевична, вместе с сыном, младенцем трехмесячным. Отчество «жены» — рудимент, свидетельствующий о допущенной Романовым ошибке: конечно, в версии его учителя речь шла о сестре Романа (как и у всех других сказителей).

Эпизод 4: отсутствует.

Эпизод 5: птица-вестница. Здесь это голубь, садящийся на шатер.

Эпизод 6: реакция героя на известие о вражеском набеге. Здесь — вариант **6а** (жалобы героя на старость), близко к тексту Калинина.

Мотив *заповеди* отсутствует.

Эпизод 7: герой испытывает у реки свое войско.

Войско Романа: число не названо.

Река — Березина.

Испытание дружины — по способу питья из реки.

Эпизод 8: оборотничество героя. Серия превращений: горноста́й, ворон.

Эпизод 9: мотив вещего младенца. Близко к версии Сорокина.

Эпизод 10: вызов дружины. Сокращен, выпущена сцена с братьями, угрожающими ворону.

Эпизод 11: расправа над врагами.

Расправа традиционная, но никакого наказания братьям не дают.

Эпизод 12: возвращение изувеченных братьев в Литву. Отсутствует.

5. **Якушов Г. А.**, д. Мелентьевская Купецкой волости (Пудога), Карельской АССР, 1928 г.

— Онежские былины. № 17 (с. 128–131). 133 строки.

Учителями Якушова называют П. Антонова (родного деда по матери), И. Фепопова, Н. Прохорова (Онежские былины. С. 69). Ниже мы увидим, что все трое знали былину о князе Романа, причем в одной и той же редакции. Тем более интересно, что былину о князе Романа Якушов переложил не в редакции своих учителей, а в другой, восходящей к Сорокину (что становится очевидным при детальном анализе эпизодов). В свое время В. И. Чичеров ошибочно причислил сорокинскую версию былины о князе Романа к исчезнувшим из бытования (Там же. С. 60). Столь же ошибочно утверждение (Там же. С. 884), что вариант Якушова ближе всего к тексту, записанному от одного из его учителей — Фепопова.

Эпизод 1: зачин. Сцена пира у литовского короля хорошо разработана и напоминает вариант Сорокина (у Фепопова описания пира нет, вместо этого рудимент в виде одной переосмысленной строки: «*Ай на Панови да на Уланеви*»).

Король безымянный. Племянники его — «*два литничка литовские*» (ср. у Калинина: «*витнички*»), которые просятся в поход «*в каму Москву*».

Роман Дмитриевич переименован в Ивана Дмитриевича.

Король не отказывает племянникам и дает им войско.

Эпизод 2: первый набег. Отсутствует.

Эпизод 3: второй набег (на Русь).

Разоряются 3 села: Славское, Ярославское, Косы-улицьки (ср. у Фепопова: Ярославское, Катеринградское, Косоульское).

Разорение церквей не упомянуто (в отличие от версии Фепопова).

Захвачена в плен сестра героя — Настасья Митриевична «*со малым сынком*», как выясняется ниже — трехмесячным.

Эпизод 4: отсутствует.

Эпизод 5: птица-вестница. Здесь это «*птица вещая*» ворона.

Эпизод 6: реакция героя на известие о вражеском набеге.

Жалобы на старость, ближе к версии Калинина (**6а**), при том, что у Фепопова здесь сцена гнева героя с демонстрацией его силы (**6б**).

Мотив *заповеди* отсутствует.

Эпизод 7: герой испытывает у реки свое войско. Эпизод сведен к наказу героя дружине; численность его войска не указана, река не упоминается, испытание дружины не проводится.

Эпизод 8: оборотничество героя. Серия превращений: волк, горностай, ворон.

Эпизоды 9–10: без существенных отличий от версии Сорокина.

Эпизод 11: расправа над врагами.

Расправа традиционная, но никакого наказания братьям не дают.

Эпизод 12: возвращение изувеченных братьев в Литву. Отсутствует.

6. **Конашков Ф. А.**, д. Семеново на р. Шале, Карельская АССР, 1928 г.

— Онежские былины. № 85 (с. 382–384). 122 строки.

— Сказитель Ф. А. Конашков. № 10. 124 строки.

Вариант краткий и очень путанный, худший по сохранности в своей группе.

Эпизод 1: зачин. Сцена пира у литовского короля хорошо разработана и напоминает в общем вариант Сорокина. Имя короля: Чурал. Герои — не «*витники*», а просто племянники короля, которые просятся в поход на Русь к городу Красному. Князь Роман Дмитриевич сказителем «повышен в должности» и сделан царем.

Король не одобряет замысел племянников, но и не отказывает им и дает совет провести отбор войска для похода гаданием на кожаных «*жеребьях*», бросаемых в реку Смородину.

Эпизод 2: первый набег. Отсутствует. Братья начинают сразу с набег на Русь.

Эпизод 3: второй набег (на Русь). Разоряются Казань и Рязань. О разорении церквей речь не идет, Настасья Митриевична с ее сыном сказителю неизвестна.

Эпизод 4: отсутствует.

Эпизод 5: птица-вестница. Отсутствует, братья сами извещают «*царя Романа*» о своем походе.

Эпизод 6: реакция героя на известие о вражеском набеге.

Жалобы на старость (**6а**), причем эпизод сведен к 6 строкам.

Мотив *заповеди* отсутствует.

Эпизод 7: герой испытывает у реки свое войско. Эпизод переосмыслен и перенесен выше (слит с эпизодом 1, см. совет короля племянникам).

Эпизод 8: оборотничество героя. Отсутствует, вместо этого «царь» с саблей в руке прокрадывается в спящий вражеский стан, где портит оружие и убивает многих спящими.

Эпизоды 9–10: отсутствуют.

Эпизод 11: расправа над врагами.

Расправа традиционная, но никакого наказания братьям не дают: «*Вы ступайте-ко, куда знаете*».

Эпизод 12: возвращение изувеченных братьев в Литву. Имеется, но сведен к 5 строкам: дядюшка читает племянникам мораль.

7. Фофанов И. Т. Карельская АССР, 1939 г.

— Былины Пудожского края. № 24 (с. 231–240). 417 строк.

Большой объем этого варианта объясняется не столько хорошей сохранностью сюжета в памяти сказителя, сколько назойливым повторением ряда устойчивых формул. Текст Фофанова, бесспорно, восходит к версии Сорокина, хотя в художественном отношении значительно ей уступает.

Есть основания предполагать знакомство сказителя с публикацией этой былины в записи Гильфердинга. Известно, что в 15-летнем возрасте Фофанов слушал Прохорова (см. с. 412?), но никаких следов воздействия версии этого сказителя не обнаруживается.

Эпизод 1: зачин. Сцена пира у литовского короля (близко к версии Сорокина). Король безымянный, к племянникам обращается так: «*А по прозванью вы были Витнички*».

Объяснение братьями своей печали на пиру точно то же, что и у Сорокина:

*«Как не можем терпеть мы больше славушки,
А от Романа мы да Митриевича».*

Упоминается Москва «*билокаменная*». Братья просят у дяди «*силы сорок тысячей*», тот отказывает, предупреждая племянников о способности Романа к оборотничеству (что не является уникальной особенностью данного варианта, ср. текст Кигачева) и советует напасть на богатую «*землю Лимоньскую*» (что точно соответствует версии Сорокина в записи Гильфердинга).

Эпизод 2: первый набег. Близко к версии Сорокина, и мотивация продолжения похода точно та же:

*«Поездка пала нам счастливая,
Поидем-ка во матушку Россиюшку...».*

Эпизод 3: второй набег (на Русь).

Разорены 4 города — Лягово, Коротяево, Карачаево, Косый улицы (ср. вариант Сорокина в записи Гильфердинга, где фигурируют 4 села с теми же названиями).

Захвачена в плен Настасья Митриевична, вместе с трехмесячной дочерью (уникальная особенность версии Фофанова).

Эпизод 4: ожидание врагами осени. Имеется, как и у Сорокина.

Эпизод 5: птица-вестница. Здесь, как и у Сорокина — ворон, садящийся на яблоню.

Эпизод 6: реакция героя на известие о вражеском набеге. Отсутствует, однако мотив старости героя сказителю известен, ср. эпизод 7.

Эпизод 7: герой испытывает у реки свое войско. Скомкан. Численность войска героя: 40 000 (причем сказитель комментирует: «*не мало старик войска закатил!*»). Река не упоминается, испытание дружины не проводится.

Эпизоды 8–10: без существенных отличий от версии Сорокина.

Эпизод 11: расправа над врагами.

Расправа традиционная. Отпуская покалеченных братьев в Литву, сам Роман дает им наказ не ходить больше «*во матушку Русиюшку*».

Эпизод 12: возвращение изувеченных братьев в Литву. Отсутствует, заменен иным, вполне уникальным среди всех прочих версий финалом: рассказывается о возвращении Романа в Москву и о устроенном им по случаю победы пире. Сказителем подчеркивается слава Романа, что перекликается с версией Сорокина (эпизод 11, наказ братьям).

8. Кигачев Н. В. Карельская АССР, 1939 г.

— Былины Пудожского края. № 43. 202 строки.

Сказитель был большой любитель чтения, но о происхождении своей версии былины говорил: «Слышал от какого-то старика в деревне Бураково и еще со слов Фофанова. В книжке ее не видел» (с. 491).

Эпизод 1: зачин. Сцена пира у Чембала — «*князя литовского*».

Его племянники так объясняют свою печаль на пиру:

*«А охота нам на Русь сходить,
И победить-то князя московского,
Того ли Никиту Романова...».*

Итак, герой здесь замещен Никитой Романовичем, как и у ряда других сказителей, но именуется московским князем (рудимент, доказывающий, что в архетипе былины действовал московский князь Роман; ср. вариант Рябинина).

Дядя отговаривает племянников от их затеи, предупреждая о способности Никиты Романовича к оборотничеству (ср. вариант Фофанова), и советует напасть на богатую «землю Печенежскую» (что сразу выдает в сказителе книгочея).

*«Тая земля есть богатая,
А силой она не сильная...».*

Эпизод 2: первый набег. Скомкан до 5 строк. Мотивация продолжения похода:

*«И тут братья-племянники своей силой порасхвастались,
И надумали оне идти на землю Русскую,
Ко той ли каменной Москвы...».*

Эпизод 3: второй набег (на Русь).

Разорены 4 безымянных села (число соответствует вариантам Сорокина и Фофанова).

Разорены церкви: 3, 6, 9.

Захвачена в плен безымянная «князева племянница» вместе с сыном — «князем малолетним».

Эпизод 4: ожидание врагами осени. Имеется, как у Сорокина и Фофанова.

Эпизод 5: птица-вестница. Здесь это «птичка-пташечка», садится на подоконник.

Эпизод 6: реакция героя на известие о вражеском набеге. Отсутствует.

Эпизод 7: герой испытывает у реки свое войско. Имеется в виде рудимента. Численность войска героя: не указана; река — Березина, как у Сорокина; испытание дружины не проводится.

Эпизоды 8–10: без существенных отличий от версии Сорокина.

Эпизод 11: расправа над врагами.

Расправа традиционная. Отпуская покалеченных братьев в Литву, сам герой (Никита Романович) дает им издевательский наказ: передать привет дядюшке и совет не ходить «воевать на землю русскую».

Эпизод 12: возвращение изувеченных братьев в Литву. Отсутствует.

9. Портнягин А. А., 78 лет., д. Старое Сигово Пудожского р-на Карело-Финской АССР, 1947 г.

— Русские эпические песни Карелии. № 27 (с. 181–183). 113 строк.

Эпизод 1: зачин. Сцена пира у литовского короля «Силевана». Племянники его — «славных два витязька». Объяснение братьями своей печали на пиру: «*Хоцем съездить на Святую Русь повоевать*». Дядюшка не советует:

*«Был я в молодую пору,
И находился от Романа Митриевича роскоракою,
А вам буде, детушки, честь особая...».*

Племянники оставляют без внимания его слова, берут «силы сорок тысячей» и отправляются прямо на Русь.

Эпизод 2: первый набег. Отсутствует.

Эпизод 3: второй набег (на Русь).

Разорены «два села пересельских».

Разорение церковей не упоминается.

Захвачена в плен Настасья Митриевична, вместе с сыном — «младенцем трехмесячным».

Эпизод 4: отсутствует.

Эпизод 5: птица-вестница. Отсутствует, замещен кратким сообщением:

*«Пала весть Роману Митриевичу,
Что взята Настасья в полон, сестра...».*

Эпизод 6: реакция героя на известие о вражеском набеге. Соединены оба мотива (6б, затем 6а). Сперва Роман в гневе протыкает ножом дубовый стол, затем начинает жаловаться на старость:

*«Ох ты, стара седина, седата борода,
Чего ты, старость, ко мне привязаласе,
Неужели улетела (молодость) во чисто поле,
А во чисто поле ясным соколом.
А по памятки, по грамотки,
По глубокою своей старости,
Неужели... (в записи неразборчиво. — А. Г.) мне своей старостью
Да сходить мне во чисто поле,
К тым славным ко витязькам,*

К тым королевским племянницкам?».

Эпизод 7: герой испытывает у реки свое войско.

Численность войска героя: 40 000.

Река — Почай-река.

Испытание дружины проводится березовыми жребиями.

Эпизод 8: оборотничество героя. Серия превращений: волк, горностай, ворон.

Эпизоды 9–10: без существенных отличий от версии Сорокина.

Эпизод 11: расправа над врагами. Расправа традиционная. Отпускная покалеченных братьев в Литву, сам герой дает им издевательский наказ передать поклон литовскому королю:

«И скажите, что Роман Митриевич

На Руси здоров старик живет».

Эпизод 12: возвращение изувеченных братьев в Литву. Король напоминает племянникам, что предупреждал их.

Прионежско-каропольская редакция

Есть два прямых указания на проникновение этого извода былины в Прионежье из района Каргополя (см. комментарии издателей к текстам Прохорова и Фепопова). Во всех относящихся к этой редакции вариантах отсутствует описание пира у литовского короля. Вероятно, неизвестный каргопольский сказитель, вариант которого породил новую редакцию, помнил из всего первого эпизода былины одну-единственную строку: «...на всех пановой, на улановой». Строка эта, оставшись в гордом одиночестве и заменив собой весь традиционный зачин, породила интересные географические понятия: «На Паневе было, на Уланеве» (№ 10, 11, 12, 15). О других характерных особенностях прионежско-каропольской редакции речь пойдет ниже.

10. «Шальский лодочник», Шальский погост на р. Шале (Пудога), Олонецкая губерния, 1860 г.

— Рыбн., т. 2, № 152 (с. 362–368). 241 строка.

В художественном отношении один из лучших вариантов; часто публиковался в сборниках былин, предназначенных для массового читателя.

Эпизод 1: зачин. Описания пира нет, вместо этого рудимент в виде одной переосмысленной строки: «На Паневе было, на Уланеве».

Действуют Чимбал-король «земли Литовския» и его племянники — «два ливика». Москва не упомянута, братья собираются в поход «на святую Русь».

Король советует им:

«Поезжайте вы во землю во Левонскую,

Ко тому ко городу ко Красному,

Ко тому селу-то ко Высокому».

Эпизод 2: первый набег. Описание его до такой степени скомкано, что смысл становится неясен: можно подумать, что «земля Левонская» является не жертвой братьев-разбойников, а их союзником, предоставляющим те необходимые для набег на Русь ресурсы, в которых отказал дядюшка-король.

Эпизод 3: второй набег (на Русь).

Разоряются села: Славское, Корачаево, Переславское.

В каждом из сел разоряются церкви (числом 3, 6 и 9 соответственно).

Племянница Романа — Настасья Митриевична.

Младенец двухмесячный.

Эпизод 4: отсутствует.

Эпизод 5: птица-вестница. Здесь это просто «пташечка», «пташица», которая садится на шатер.

Эпизод 6: реакция героя на известие о вражеском набеге. Вариант **66** (демонстрация силы героя, используется «ножище-кинжалище»).

Эпизод 7: герой испытывает у реки свое войско.

Войско Романа — 9000.

Река — Смородина.

Испытание дружины проводится липовыми «жеребьями».

Эпизод 8: оборотничество героя. Серия превращений: волк, горностай, ворон.

Эпизоды 9–10: без существенных отличий от версии Сорокина.

Эпизод 11: расправа над врагами.

Расправа традиционная, но никакого наказания братьям не дают.

Эпизод 12: возвращение изувеченных братьев в Литву. Отсутствует.

11. Антонов П. Т., д. Гагарки Шальского погоста (Пудога), Олонецкая губерния, 1860 (?) г.

— Рыбн., т. 2, № 164 (с. 425–430). 197 строк.

В художественном отношении один из лучших вариантов; поразительно близок к предыдущему («шальского лодочника»); несомненно, оба восходят к одному источнику. Известно, что Антонов научился былинам от своего деда, а тот, в свою очередь, от много странствовавшего слепого калики, уроженца Вытегорского уезда (Гильф., с. 568).

Эпизод 1: зачин. Описания пира нет, вместо этого рудимент в виде одной переосмысленной строки: «*На Паневе было, на Уланеве*». Действуют Чумбал-король «*земли Литовския*» и его племянники — «*два ливика*». Москва не упомянута, братья собираются в поход «*на святую Русь*». Отличие от варианта «шальского лодочника» только в том, что выпала строка с упоминанием «*земли Левонской*»; король советует братьям ехать

«*Ко тому ко городу ко Красному,
Ко тому селу ко Высокому*».

Эпизод 2: первый набег. В полном соответствии с предыдущим вариантом «шальского лодочника».

Эпизод 3: второй набег (на Русь).

Разоряются 3 безымянных села.

Число разоренных церквей: 3, 6, 9.

Захвачена в плен сестра Романа — Настасья Митриевична, вместе с сыном («*младенчик двумесечной, двумесечной и двух годов*») (Рыбн., с. 429).

Эпизод 4: отсутствует.

Эпизод 5: птица-вестница. Здесь это «*мала пташица*», которая садится «*на сырой дуб*».

Эпизод 6: реакция героя на известие о вражеском набеге. Вариант **6б** (демонстрация силы героя, используется «*ножище-кинжалище*»). Любопытно, что есть и рудимент варианта **6а** с жалобами героя на старость:

«*А не вам бы, щенкам белогубым,
Надо мною, стариком, насмехатися*»

(Рыбн., с. 427, строки 87–88).

Эпизод 7: герой испытывает у реки свое войско.

Войско Романа — 40 000.

Река — Смородина.

Испытание дружины двойное: сперва — по способу питья, затем — липовыми жребиями. Наказ Романа дружине в этом варианте выпал.

Эпизод 8: оборотничество героя. Серия превращений: волк, горностай, ворон.

Эпизоды 9–10: без существенных отличий от версии Сорокина.

Эпизод 11: расправа над врагами.

Расправа традиционная, но никакого наказания братьям не дают.

Эпизод 12: возвращение изувеченных братьев в Литву. Сведен к 6 строкам, братья умирают «*с той тоски великия*».

12. Фепонов И., д. Мелентьевская Купецкой волости (Пудога), Олонецкая губерния, 1871 г.

— Гильф., т. 1, № 61 (с. 555–560). 199 строк.

Сказитель научился былинам от выходца из Каргопольского уезда (Гильф., т. 1, с. 511).

Эпизод 1: зачин. Описания пира нет, вместо этого рудимент в виде одной переосмысленной строки: «*Ай на Панови да на Уланови*». Действуют Чумбал-король «*земли Литовския*» и его племянники — «*два ливика*», которые являются к дяде и просят в поход «*во святую Русь, ай во матушку да каменну Москву... ко князю Роману Митриевичу... на почестный пир*».

Король отказывает в благословении, но не дает никакого совета.

Эпизод 2: первый набег. Отсутствует, братья начинают сразу с набега на Русь.

Эпизод 3: второй набег (на Русь).

Разоряются села: Ярославское, Катеринградское, Косоульское.

Число разоренных церквей: 3, 6, 9.

Захвачена в плен сестра Романа — Настасья Митриевична, вместе с сыном, «*младенцем двоимесечным*».

Эпизод 4: отсутствует.

Эпизод 5: птица-вестница. Здесь это «*мала птица, певчий заворночок*»; садится «*ко князю во зеленый сад*».

Эпизод 6: реакция героя на известие о вражеском набеге. Вариант **6б** (демонстрация силы героя, используется «*ножище-кинжалище*»).

Эпизод 7: герой испытывает у реки свое войско.

Войско Романа — 9000 («*три полку... три тысячных*»).

Река — Смородина.

Испытание дружины двойное: сперва — по способу питья, затем — липовыми жребиями.

Эпизод 8: оборотничество героя. Серия превращений: волк, добрый молодец, горноста́й, ворон (ср. вариант Калинина).

Эпизоды 9–10: без существенных отличий от версии Сорокина.

Эпизод 11: расправа над врагами. Здесь не совсем традиционная: брату, которому выкалывают глаза, еще и ломают руки. Никакого наказания братьям не дают.

Эпизод 12: возвращение изувеченных братьев в Литву. Отсутствует.

13. Прохоров П., д. Черный Наволок у Тамбицы, Петрозаводский уезд Олонецкой губернии, 1871 г.

— Гильф., т. 1, № 42 (с. 390–394). 138 строк.

Сказитель «рассказывал, что петь былины научился от захожих каргополов» (Гильф., т. 1, с. 364). Вариант Прохорова представляет собой сокращенную и порченую версию извода, полноценный вид которого дают № 10, 11, 12. Зачин у Прохорова не содержит псевдогеографической формулы «на Панови да на Уланови», которая в текстах № 10, 11, 12 является рудиментом сцены пира. Процесс разрушения традиции у Прохорова очень демонстративен: князя Романа замещает «грозный царь Иван Васильевич», причем происходит это непосредственно в процессе исполнения былины: в эпизоде 1 упоминается, как и следует, Роман.

Эпизод 1: зачин. Описания пира нет. Действуют Чолпан-король литовский и его племянники — «два ливика», которые являются к дяде проситься в поход «на святую Русь, ко князю Роману Митриевичу на почестный пир», ниже добавлено: «в каменну Москву» (строка 23).

Эпизод 2: первый набег. Наезд на землю Левонскую замещен неясным эпизодом с погребями, насыпанными золотом.

Эпизод 3: второй набег (на Русь).

Разоряются 3 безымянных села.

Число разоренных церквей: 3, 6, 9.

Захвачена в плен Настасья Митриевична, вместе с сыном — «младенчиком трехмесячным»; ниже выясняется, что она сестра Ивана Васильевича, причем сказителя нисколько не беспокоит, что отчества у брата и сестры разные.

Эпизоды 4–6: отсутствуют.

Эпизод 7: герой испытывает у реки свое войско.

Войско героя — «три дружинишки» (ср. у Фепопова: «три полку... три тысячных»).

Река — Смородина.

Испытание дружины проводится жребиями.

Эпизод 8: оборотничество героя. Эпизод скомкан и бессмыслен: рассказ начинается прямо с того, что «грозный царь Иван Васильевич» портит оружие и убивает лошадей. Поскольку сказитель забыл сообщить, что герой оказался в стане врагов, и объяснить, каким образом он туда пробрался, слушатель вполне может подумать, что «грозный царь» рехнулся и безобразит у себя дома. Затем следуют традиционные сцены с превращением героя в горноста́я и ворона.

Эпизоды 9–10: без существенных отличий от версии Сорокина.

Эпизод 11: расправа над врагами. Здесь необычная: «руки-ноги им повывломали». Никакого наказания братьям не дают.

Эпизод 12: возвращение изувеченных братьев в Литву. Отсутствует, замещен «заповедью», которую другие сказители обычно вкладывают в уста разбитых татар (см. былины о татарском нашествии).

14. Касьянов И. А., с. Космозеро (Космозерский погост) Кижской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Две записи: 1872 г., выполненная самим сказителем, который был грамотен, и 1886 г., выполненная фольклористом Ф. М. Истоминым. Эта последняя запись и была опубликована:

— Русские былины старой и новой записи. № 69 (с. 261–265), 165 строк.

О рукописи Касьянова, содержащей весь его сказительский репертуар, см.: Бахтин В. С. Дополнение к сборнику Гильфердинга... С. 221–222. Интересующая нас былина озаглавлена сказителем «Король литовский Чолпан».

Зачин у Касьянова близок к версии Прохорова (в отличие от текстов «шальского лодочника», Антонова и Фепопова). Таким образом, внутри прионежско-каргопольской редакции обнаруживаются две подгруппы.

Эпизод 1: зачин. Описания пира нет. Действуют Чолпан-король «политовский» и его племянники, «Левики королевичи»; явившись к дяде, они просят благословения съездить

«На святую Русь в камену Москву,

К молодому князю Константину Дмитричу,

Погостить к нему, а каменну Москву под себя забрать».

Король не дает благословения:

«А кто на Русь не езживал,

Никто с Руси счастлив да не выезживал».

Вместо этого король советует племянникам ехать «в Золоту Орду», где:

*«...добры кони по конюшням застоялися,
Призакоптело платье цветное,
И призаржавела там золота казна».*

Эпизод 2: первый набег. Братья следуют совету дяди, но потом, благополучно разжившись в Золотой Орде, почему-то едут на Русь (мотивации нет).

Эпизод 3: второй набег (на Русь).

Разорены 3 безымянных села.

Число разоренных церквей: 3, 6, 9.

Захвачена в плен сестра героя — Настасья Дмитриевна, вместе с сыном — «с двухмесячным со младенчиком».

Эпизод 4: отсутствует.

Эпизод 5: птица-вестница. Здесь замещена обычным гонцом.

Эпизод 6: реакция героя на известие о вражеском набеге. Вариант **6б** (демонстрация силы героя).

Эпизод 7: герой испытывает у реки свое войско.

Численность войска героя: 9000 («три полка третыхтысячных»; ср. вариант Фопонова).

Река — Смородина.

Испытание дружины не проводится.

Эпизод 8: оборотничество героя. Серия превращений: волк, добрый молодец, горноста́й, ворон.

Эпизод 9: мотив вещего младенца. Присутствует в виде рудимента. Сестра героя обращается к своему сыну-младенцу:

*«Не твой ли дядюшка попрыгивает,
Што шатер белополотнянной подрывивает?».*

Эпизод 10: вызов дружины. Без существенных отличий от версии Сорокина.

Эпизод 11: расправа над врагами.

Расправа традиционная, но никакого наказания братьям не дают.

Эпизод 12: возвращение изувеченных братьев в Литву. Дядюшка-король читает племянникам мораль, напоминая о своем предупреждении.

15. Кудров К. С., д. Сибово Великогубского сельсовета Заонежского района Карельской АССР (в прошлом Петрозаводский уезд Олонецкой губернии), 1926 г.

— Былины Севера. Т. 2. № 152 (с. 316–320). 152 строки.

Лучшая из поздних записей, хотя текст тоже сокращенный и дефектный. Сказитель утверждал, что узнал былинку «от старых стариков с Киж», однако с версиями Рябинина и Романова (№ 3 и 4), которые были с Киж, вариант Кудрова не соотносится; напротив, он обнаруживает большую близость к старой записи от Антонова (№ 11). Кудров был грамотен и в принципе мог позаимствовать былинку из какой-либо книги, а на «старых стариков с Киж» сослаться для придания особого веса своей версии: по его собственным словам, раньше главные сказители были в Кижях (Былины Севера. Т. 2. С. 314).

Эпизод 1: зачин. Описания пира нет, вместо этого рудимент в виде одной переосмысленной строки: «На Панове было, на Уланове». Действуют Чимбал-король «земли Литовския» и «два ливака». Москва не упомянута, братья собираются в поход «на святую Русь... ко князю Роману Дмитриевичу на почестен пир».

Король советует им ехать:

*«Во тую землю во во Ливонскую,
Ко тому городу ко Красному,
Ко тому селу ко Высокому».*

Эпизод 2: первый набег. Соответствует вариантам «шальского лодочника» и Антонова, в сокращении.

Эпизод 3: второй набег (на Русь).

Разоряются села: Переславское, Карачарово, Красное.

Число разоренных церквей: 3, 6, 9.

Захвачена в плен сестра Романа — Настасья Митриевна, вместе с сыном, младенцем двухмесячным.

Эпизод 4: отсутствует.

Эпизод 5: птица-вестница. Здесь это «птичка», которая садится на шатер.

Эпизод 6: реакция героя на известие о вражеском набеге. Вариант **6б** (гнев героя, демонстрация его силы, упоминается «ножище-кинжалище»).

Эпизод 7: герой испытывает у реки свое войско.

Эпизод переставлен (после 8-го).

Численность войска героя не указана.

Река — Смородина.

Испытание дружины проводится липовыми жребиями.

Эпизод 8: оборотничество героя. Серия превращений: волк, горностаи, ворон.

Эпизод 9: мотив вещего младенца. Отсутствует.

Эпизод 10: вызов дружины. Отсутствует. Испортив оружие, Роман улетает вороном и лично во главе дружины атакует врагов («Уж он обернулся вновь князем», — комментирует сказитель).

Эпизод 11: расправа над врагами.

Расправа традиционная, но никакого наказания братьям не дают.

Эпизод 12: возвращение изувеченных братьев в Литву. Дядюшка-король читает племянникам мораль.

Печорская редакция

Все записанные на Печоре тексты художественно слабые и восходят к какому-то одному дефектному варианту с измененным именем главного героя: вместо московского князя Романа Дмитриевича в печорских вариантах действует Митрий Браньской (Браньския, Браницкой, Обраньский), социальное положение которого сказителям неясно.

Интересно, что из трех записанных на Печоре текстов два (№ 16, 18) содержат мотив «заповеди», возможно, восходящий к архетипу былины, так как он содержится и в одной из ранних прионежских версий (см. № 2, эпизод 6).

16. Рочев Е. И.

— Ончуков Н. Е. Печорские былины. № 37 (с. 169–175). 245 строк.

Эпизод 1: зачин. Пир «у Лимбала у короля», устроенный почему-то

«А про руських могучих богатырей,

А про тих про хресьян да православных».

Объяснение племянниками своей печали:

«Мы ведь хоцем как ехатъ ныне ко Митрею...».

Дядюшка запрещает:

«Я не хуже вас был да в молодую пору,

Я тегалса со Митреем ведь тридцетъ лет,

Я не мог унести верха у Митрея, —

Как на то ведь Митрей был хитер-мудер...»

(и далее сообщается о способности «Митрея» оборачиваться щукою, соколом, горностаем, медведем и волком).

Затем выясняется, что у короля с «Митреем» положена заповедь не ходить друг на друга войной: нарушившему эту заповедь следует отрезать ноги по колено и выколоть глаза.

Эпизод 2: первый набег. Отсутствует: братья сразу едут на Русь, заявив дяде, что обойдутся без его благословения.

Эпизод 3: второй набег. Разорение сел не упоминается; братья приезжают непосредственно в дом «ко Митрею ко Бранскому», которого «дома не случилось», устраивают погром и вывозят добро. Захвачены в плен 16-летняя племянница и 9-летний племянник героя.

Эпизод 4: отсутствует.

Эпизод 5: птица-вестница. Заменена тремя ручными воронами, которые прилетают к спящему в шатре герою и будят его своим карканьем. Герой догадывается, что дома дело неладно, и возвращается; служанка, сумевшая при появлении врагов спрятаться, рассказывает ему о случившемся.

Эпизод разработан подробно и тщательно, но мотив вещей птицы, с которой герой может чудесным образом общаться, здесь утрачен.

Эпизод 6: отсутствует.

Эпизод 7: отсутствует. Герой едет в погоню за врагами один, река не упоминается, испытание дружины не проводится.

Эпизод 8: оборотничество героя. Серия превращений: медведь, горностаи.

Эпизод 9: мотив вещего младенца. Утрачен: 9-летний племянник героя говорит со своей сестрой, в чем нет ничего чудесного.

Эпизод 10: вызов дружины. Отсутствует, так как никакой дружины у героя нет и вызывать ему некого.

Эпизод 11: расправа над врагами. Обычная, но сначала герой спрашивает оставшихся безоружными врагов, не дядя ли их прислал.

Отпуская покалеченных братьев, герой издевательски заявляет, что они пойдут к дяде «со выслугой».

Эпизод 12: отсутствует.

17. Дуркин И. М.

— Ончуков Н. Е. Печорские былины. № 54 (с. 230–233). 125 строк.

Эпизод 1: зачин. Сцены пира нет; братья просят у своего дяди, Имбал-короля, благословения съездить «в Браньской город». Дядя отказывает в благословении, рассказывая, что бился «с Митреём»

«...ровно тридцать лет,

Не могли мы один другого ранити...»,

и предупреждает о способности «Митрея» оборачиваться щукой, волком и горностаем. Мотив заповеди отсутствует.

Племянники оставляют без внимания предостережение дяди и отправляются в поход.

Эпизод 2: первый набег. Отсутствует.

Эпизод 3: второй набег. Разгром города «Браньского», где «Митрея» «не случилось». Сожжены все церкви. Похищение женщины не упоминается, но это следствие забывчивости сказителя: ниже он вспоминает, что враги увезли сестру героя; сын ее вообще нигде не фигурирует.

Эпизод 4: отсутствует.

Эпизод 5: птица-вестница. Близко к варианту № 16.

Эпизод 6: отсутствует.

Эпизод 7: отсутствует. Численность войска героя не указана; «силу» он собирает трехкратным свистом. Река не упоминается, испытание дружины не проводится.

Эпизод 8: оборотничество героя. Серия превращений: горностаи, ворон.

Эпизод 9: мотив вещего младенца. Утрачен: сестра героя видит горностаю, догадывается, что это брат, и радуется предстоящему освобождению.

Эпизод 10: вызов дружины. Проводится троекратным свистом.

Эпизод 11: расправа над врагами. Обычная.

Эпизод 12: возвращение изувеченных братьев к дяде. Дядя пеняет племянникам, что они его не слушали.

18. Торопов Н. С., д. Климовка Усть-Цилемского р-на Коми (Зырян) АО, 1929 г.

— Былины Севера. Т. 1. № 88 (с. 485–489). 138 строк.

Эпизод 1: зачин. Сцены пира нет; былина начинается непосредственно с предупреждения дяди племянникам об опасности их затеи — увезти сестру «Митрия» и рассказа о его способности оборачиваться соколом, щукой, волком, медведем и горностаем (т.е. дается тот же

набор, что и в варианте № 16). Можно подумать, что сказитель представляет себе дядю как частное лицо (во всяком случае, о его королевском достоинстве речь не идет). Племянникам сказитель дает имена собственные: Лука и Матвей Петровичи (перенесено из других былин); при этом ниже они названы татарами. Поскольку братья не реагируют на уговоры, дядя рассказывает о своей заповеди с «Митрием», положенной после 30-летнего стояния на заставах:

«А которой на которого мы наступим же,

У много по колен ноги выломать,

У другого изо лбу дак оци выкопать».

Братья все-таки оставляют без внимания предостережение дяди и отправляются в поход, причем без всякого войска.

Эпизод 2: первый набег. Отсутствует.

Эпизод 3: второй набег. Разгром города «Обраньского», где героя «не случилось», описан подробно и ярко (непонятно только, как всего два человека смогли учинить столько разных бесчинств). Захвачена в плен безымянная сестра героя, которая мыслится как девушка, соответственно сыну ее места в этой версии нет.

Эпизод 4: отсутствует.

Эпизод 5: птица-вестница. Близко к варианту № 16.

Эпизоды 6–7: отсутствуют.

Эпизод 8: оборотничество героя. Герой оборачивается соколом, в образе которого подлетает сначала к разоренному городу, а затем — к шатру, в котором отдыхают враги; здесь герой оборачивается горностаем и портит оружие.

Эпизод 9: мотив вещего младенца. Утрачен: сестра героя видит следы горностаю, усмехается и сама объявляет врагам в ответ на их расспросы: «Ронной брателко у меня тут поскакиват».

Эпизод 10: вызов дружины. Отсутствует, что в данной версии вполне закономерно: поскольку враги явились без войска, герою дружина тоже не нужна. Никакого боя не происходит. Братья обнаруживают, что все оружие к бою негодно, и сдают («опустили молодцы руки белые»). Герой оборачивается добрым молодцем, т.е. мотив его старости утрачен (хотя из содержания 1-го эпизода должно быть ясно, что он принадлежит к старшему поколению).

Эпизод 11: расправа над врагами. Обычная, но перед ней герой иронически спрашивает врагов, не сказывал ли им дядюшка о на-

казании, установленном в свое время для нарушившего заповедь. Отпуская покалеченных, продолжает издеваться:

*«Безглазой неси, безногой указывай,
Подъте к дядюшке со выслугой!».*

Эпизод 12: отсутствует.

Якутская редакция

19. Киселев С. П., с. Косухино (Якутия), до 1968 г.

— *Сидельников В.* Былины Сибири. № 107 (с. 377–378). 76 строк.

Какие-либо исторические черты в данном варианте уже не просматриваются, сказка полностью победила. Герой получает имя Елизар.

Эпизод 1: зачин. Пир у короля Ячмана Ячмонайловича; его племянники почему-то не воины, а «два гостя богатые».

«Не пьют, не едят, хлеба не кушают».

В ответ на расспросы дяди племянники признаются:

*«Мы хотим бежать под Бернец-город,
Полон полонить хотим Марью Елизаровну,
Со тем было чадом, со Михайлушкой».*

Дядя предупреждает, что «Елизар он хитёр-мудёр»; вводится новый персонаж — сестра двух королевских племянников, которая и уговаривает наконец дядю дать войско.

Эпизод 2: первый набег. Отсутствует.

Эпизод 3: второй набег. Сообщается только о захвате в плен Марьи Елизаровны, вместе с сыном «со Михайлушкой».

Эпизоды 4–7: отсутствуют. Численность войска героя не указана. Река не упоминается, испытание дружины не проводится.

Эпизод 8: оборотничество героя. Серия превращений: волк, горноста́й («белый горнак»), ворон.

Эпизод 9: мотив вещего младенца. Утрачен: ребенок замечает горноста́я, а мать спроста разъясняет ему, что это не горноста́й, а дядюшка. После этого враги начинают ловить горноста́я, он прячется в рукав к сестре, которая потом выходит из шатра и его выпускает.

Эпизод 10: вызов дружины. Проводится троекратным граянием.

Эпизод 11: расправа над врагами. Не совсем обычная: первому брату ломают одну руку и одну ногу, второму выкалывают глаза.

Эпизод 12: отсутствует.

20. Неопубликованный текст: Рукописный отдел Научной библиотеки Якутского филиала АН СССР (Якутск), ф. 5, оп. 1, ед. хр. 84, л. 8 (64 строки).

Дополнение 6

ИМЕЛ ЛИ ТАТИЩЕВ «ВТОРОЙ СПИСОК» ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ? (ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТАТЕЙ 6652 и 6654 гг. ТАТИЩЕВСКОГО «ЛЕТОПИСНОГО СВОДА»)

Ипатьевская летопись повествует о двух походах великого князя киевского Всеволода Ольговича на Галич, против строптивного князя Владимира Володаревича: о «летнем» походе 6652 г. и о «весеннем» походе 6654 г. В параллельном тексте татищевской «Истории Российской» мы видим произвольное перемещение фрагментов повествования об этих походах из одной статьи в другую, и наоборот, своего рода «рокировку» текстов. На первый взгляд, это совершенно необъяснимо, но ларчик открывается просто: источником Татищева была Ермолаевская летопись (или, если угодно, текст с идентичными особенностями в пределах статей 6648–6654 гг.).

В указанном месте Ермолаевской летописи текст сильно испорчен: выпал огромный кусок текста. Он не был утрачен, но оказался разделен на две части, которые были механически перенесены в статьи других лет (где они теперь представляют собой чужеродные вставки). Покажем судьбу этих двух фрагментов выпавшего текста, основываясь на издании вполне исправного текста Ипатьевской летописи (1908 г.).

В Ермолаевской летописи выпал текст, начинающийся словами «а братьи не надели ничим же» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 310, в пределах статьи 6650 г.) и заканчивающийся словами «того же лета ходиша Олговичи на Володимирька Всеволод с братома» (Там же. Стб. 315, в пределах статьи 6652 г.). Фрагмент № 1 этого текста начинается словами «а братьи не надели ничим же» (Там же. Стб. 310, в пределах статьи 6650 г.) и заканчивается словами «и уладивъся о волость, и да Берестии, Дорогичин и Въщижь, Ормину, а братома послав и да има» (Там же. Стб. 312, в пределах статьи 6650 г.). Фрагмент № 2 был изначально непосредственным продолжением этого текста. Он начинается

словами: «Игореви Городечь, Гюргов и Рогачев, а Святославу Клеческ и Черторыеск, и тако разидошася» (Там же) и заканчивается словами «того же лета ходиша Олговичи на Володимирька Всеволод с братома» (Там же. Стб. 315, в пределах статьи 6652 г.).

После выпадение текста, состоящего из фрагментов № 1 и 2, в Ермолаевской летописи образовалась достаточно очевидная лакуна. После слов «и бысть братьи его тяжко сердце Игореву и Святославу, волости бо даеть сынови» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 310, в пределах статьи 6650 г.) неожиданно начинается перечисление князей, принявших участие в походе Всеволода Ольговича против Владимира Галицкого (Там же. Стб. 315, после слов «того же лета ходиша Олговичи на Володимирька Всеволод с братома»).

Фрагмент № 1 оказался перемещен выше и «встроен» в текст статьи 6648 г., разорвав фразу: «И стояше на Днепре {фрагмент № 1} Всеволод, и посла Всеволод брата своего Святослава с полкы к Переяславлю» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 305, в пределах статьи 6648 г.).

Фрагмент № 2 оказался перемещен ниже и «встроен» в текст статьи 6654 г., разорвав фразу: «И бысть многое множество вои {фрагмент № 2} *идоша к Галичю на Володимирка*, и бысть дождь и стече снег Божиим промыслом, и тако идяху на колых и на санех» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 319, в пределах статьи 6654 г.). Выделенные курсивом слова в Ермолаевской летописи оказались вообще пропущены переписчиком.

Особенно интересна судьба фрагмента № 2, включавшего обозначения годовых статей 6651 и 6652 гг. Поскольку фрагмент № 2 попал в статью 6654 г., хронология Ермолаевской летописи оказалась сбитой, и переписчик «исправил» ее следующим образом:

6653 г., оказавшийся (после «исчезновения» статей 6651 и 6652 гг. со своего места) сразу после 6650-го, переправил на 6651-й;

6654 г., соответственно, переправил на 6652-й;

6651 и 6652 гг., попавшие не на свое место, переправил на 6653-й и 6654-й.

Не имея перед глазами исправного текста Ипатьевская летописи, разобраться во всем этом решительно невозможно. Обратившись к «Истории Российской», мы убедимся, что Татищев как раз и не разобрался. Статья 6654 г. у него точно соответствует «химерной» структуре соответствующей статьи Ермолаевской летописи, где заканчивается вставка «фрагмента № 2»; заканчивается же она фрагментом рассказа о «летнем» походе на Галич 6652 г., который, как мы теперь

знаем, получил под пером переписчика Ермолаевской летописи ложное обозначение 6654 г. Благодаря чистой случайности текст «фрагмента № 2», находящегося в Ермолаевской летописи не на месте, очень гладко переходит в начинающийся на половине фразы изначальный текст статьи 6654 г. о «весеннем» походе на Галич. Татищев здесь никакого *шва* не заметил. И если татищевский рассказ все-таки не полностью идентичен соответствующему месту Ермолаевской летописи, то объясняется это использованием сведений иного источника — Радзивилловской летописи (или Воскресенской, текст которой здесь практически идентичен тексту Радзивилловской). В целом соотношение текстов может быть наглядно представлено следующим образом:

Ипатьевская летопись	Ермолаевская летопись	Радзивилловская летопись	«История Российская» (первая редакция)
Под 6652 г.: В то же лето роско- торастася Всеволод с Володимерком про сына, оже седе сын его Володимири, и почаста на ся искати вины, и Володимерко възверже ему грамоту хрестьную. Всево- лод же с братьею иде на нь. Того же лета ходиша Олговичи на Володимирька... (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 314)	Под 6654 г.: В то же лето роско- торастася Всеволод с Володимером про сына, иже седе сын его в Володимири, и почаста на ся искати вины, и Володимерко възверже ему грамоту хрестьную. Всево- лод же с братьею иде на нь. Того же лета ходиша Олговичи на Володимерка* и бысть дождь и стече снег Божиим про- мыслом, и тако идяху на конех и на санех (ПСРЛ. Т. 2. При- ложение, с. 25)	Под 6654 г.: Приде Володимер и взя Прилук. И со- вокупи Всеволод бра- тью свою... и нарече оба Изяслава остати дома (ПСРЛ. Т. 38. С. 113. Ср. очень близкий текст Вос- кресенской летописи: ПСРЛ. Т. 7. С. 35, под тем же 6654 г.)	Под 6654 г.: Того ж году раскоторавшеся Володимерко Галицкий на Всеволода за то, что он Володимер вда сыну своему, и нача искати вины, верже Всеволоду грамоту крестную, и наехав, взя Прилук. Всеволод же, созвав братию Ольговичи, иде на нь, а в Киеве остави Изяслава Мстиславича и Давыдовича оба. Бысть же тогда снег великий и дожди, иногда идяху на конех, иногда на санех (<i>Татищев</i> <i>В. Н.</i> История Российская. Т. 4. С. 201, под 6654 г. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. С. 161)
Под 6654 г.: ... <i>идоша к Галичю</i> <i>на Володимирка</i> , и бысть дождь и стече снег Божиим про- мыслом, и тако идяху на колых и на санех (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 315)			

* Здесь конец вставки, рассказывающей о «летнем» походе, и начало основного текста, рассказывающего о «весеннем» походе.

Татищев компилирует источники и слегка «подправляет» их в соответствии со своим пониманием текста, но в основе его версии все-таки, несомненно, дефектный текст Ермолаевской летописи, соединяющий рассказы о «летнем» и «весеннем» походах разных лет. Очень интересно, среди прочего, прилежное воспроизведение Татищевым имеющейся в Ермолаевской летописи грубой смысловой ошибки: «на конех и на санех» (на конях и на санях) вместо должного «на колых и на санех» (на возах и на санях).

Судьба *начала* рассказа о «весеннем» походе на Галич 6654 г. оказалась в тексте «Истории Российской» принципиально иной. В Ермолаевской летописи начало вставки «фрагмента № 2» плохо сочетается с предшествующим текстом: «И бысть многое множество вои» + «Игореви Городечь, Гюргов и Рогачев, а Святославу Клеческ и Черторыйск, и тако разидошася». Факт порчи текста здесь вполне очевиден. Вполне естественно, что Татищев стал искать выпавшее продолжение начатого рассказа о походе на Галич в другом месте, но обнаружить его без исправного списка Ипатьевской летописи было невозможно (как мы только что видели, это выпавшее продолжение случайным образом удачно соединилось с рассказом о «летнем» походе и вследствие этого надежно укрылось от пытливого взгляда историка). Зато Татищев обнаружил явно находящееся не на месте продолжение рассказа о «летнем» походе (см. выше об очевидной лакуне, образовавшейся в Ермолаевской летописи после выпадения текста, состоящего из фрагментов № 1 и 2). Татищев решил, что это и есть искомое продолжение рассказа о походе на Галич, и соответственно переместил его (усугубив путаницу, изначально имевшуюся в Ермолаевской летописи).

Если отслеживать только перемещения текстов, повествующих о двух походах на Галич, то можно представить их следующей схемой:

Вмешательство Татищева в текст источника оказывается в данном случае не слишком значимым: в основном «наломал дров» не он, а переписчик, работавший над Ермолаевской летописью. Однако проведенное Татищевым перемещение текста привело его к мысли о необходимости перемещения в статью 6652 г. *всех* известий, читающихся в Ермолаевской летописи под 6650 г., вслед за находящимся безусловно не на месте продолжением рассказом о «летнем» походе на Галич (что и было выполнено). Однако Татищев остановился перед обозначением очередной летописной статьи (в Ермолаевской летописи — 6651 г.; соответствует статье 6653 г. Ипатьевской летописи). Результат следующий:

1. В статью 6652 г. вернулись раскрытым выше сложным круглым путем известия о неудачной попытке галичан поменять у себя князя (призвать Ивана Ростиславича и выгнать Владимира Володаревича); о браке двух внучек Владимира Мономаха; о закладке Всеволодом Ольговичем в Каневе церкви св. Георгия (*Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 200; ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 316–317, под 6652 г.*).

2. В статье 6651 г. остались, в полном соответствии с Ермолаевской летописью, известия, читающиеся в Ипатьевской летописи под 6653 г.: о княжеском съезде, собранном Всеволодом Ольговичем

в Киеве, на котором его наследником был признан Игорь Ольгович; о походе младших Ольговичей в Польшу (этот татищевский рассказ сконструирован из двух текстов — Ермолаевской летописи под 6651 г. и Радзивилловской под 6650 г., т. е. Татищев принял два похода в Польшу за один); о смерти Святослава Ярославича в Муроме, повлекшей смену князей в Муроме и Рязани; о судьбе польского вельможи «Петрка» (у Татищева — «Петрон Дунин»: *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 199, под 6651 г.; ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 317–319, под 6653 г.). Между прочим, в прозвании «Дунин» легко узнается отгосок неизвестной русским летописям легенды о датском происхождении этого польского вельможи. В примечаниях Татищев прямо ссылается на польского хрониста Бельского (*Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. С. 437, примеч. 287).

Дополнение 7

ПРОЩАНИЕ С РАСКОЛЬНИЧЬЕЙ ЛЕТОПИСЬЮ (О ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТАТИЩЕВЫМ ВТОРОЙ ЛЕТОПИСИ ХЛЕБНИКОВСКОГО ТИПА, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ А. П. ТОЛОЧКО)

Как было показано выше (часть 2, гл. 7, с. 291–293; гл. 9, с. 313–323?; Дополнение 6), Татищев имел в своем распоряжении один-единственный список Ипатьевской летописи. Татищев называл его «Голицынским манускриптом» и мистифицировал читателя указанием на его древность. Текстологические исследования показывают, что на самом деле Татищев использовал очень «молодую» рукопись из библиотеки Д. М. Голицына, изобилующую ошибками (что, собственно, и позволило в свое время С. Л. Пештичу ее идентифицировать). Эта рукопись 10-х гг. XVIII в. благополучно сохранилась до наших дней, с легкой руки Шахматова за ней закрепилось название «Ермолаевская летопись» (по фамилии последнего владельца, до приобретения рукописи Публичной библиотекой

в 1814 г.). Разночтения Ермолаевской летописи с Ипатьевским и Хлебниковскими списками выявлены Шахматовым и напечатаны в Приложениях к известному изданию Ипатьевской летописи (1908 г.).

Надо признать, что татищевский «летописный свод» содержит чтения (впрочем, весьма немногочисленные), не находящие объяснения при сопоставлении с Ермолаевской летописью. Пештич затруднился с определением их происхождения и не нашел ничего лучше, чем предположить использование Татищевым «другого списка» Ипатьевской летописи — близкого к Хлебниковскому, но не совпадающего с ним. Более того — Пештич объявил, что таким списком могла быть «остающаяся загадкой» Раскольничья летопись (*Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. С. 258). Неясно, почему историка не смутили совершенно фантастические ссылки Татищева на этот загадочный источник и столь же фантастическое описание рукописи: материал — пергамент, наличие в тексте «юсов» и при этом заголовок с именем Нестора! (уже Карамзину этого «букета» было вполне достаточно, чтобы объявить Раскольничью летопись никогда не существовавшей). Выраженная Пештичем готовность признать реальность Раскольничьей летописи нанесла колоссальный вред нашей исторической науке, породив в среде историков моду на использование «татищевских известий» в качестве исторических источников и спровоцировав (в известной степени) выступление Рыбакова.

В 1971 г. было опубликовано исследование В. А. Кучкина, впервые обнаружившего целый ряд совпадающих чтений в татищевском своде и малоизвестном историографическом сочинении последней четверти XVII в. — «Хронографе» Пантелеймона Кохановского. Чтобы объяснить наличие совпадающих мест в источниках как будто бы независимых, Кучкин выстроил довольно сложную гипотезу об общем летописном источнике Татищева и Кохановского (*Кучкин В. А.* К спорам о В. Н. Татищеве. С. 255). Сейчас, 40 лет спустя, приходится констатировать, что эта гипотеза оказалась непродуктивной (см. также примеч. 567 к части 2). Если бы Владимир Андреевич сделал должные выводы из своих собственных текстологических наблюдений, фактически доказывающих использование Татищевым «Хронографа» Кохановского, его исследование стало бы этапным в решении татищевской проблемы, и версия о наличии среди источников Татищева «второго списка» Ипатьевской летописи, скорее всего, уже никогда бы не выдвигалась (текст Кохановского восходит к тексту летописи типа

Хлебниковской, поэтому использование труда Кохановского Татищевым должно было привести в составленный им свод ряд чтений, восходящих к Хлебниковской летописи и не находящих соответствия в испорченном тексте Ермолаевской летописи). К сожалению, открытие одного из реальных источников Татищева в далеком 1971 г. не состоялось. Настала эпоха безудержных спекуляций вокруг источников вымышленных. Воображением историков овладела на долгое время пресловутая Раскольничья летопись.

В наше время сильнейшим оппонентом историков-мистификаторов и добросовестно заблуждающихся сторонников достоверности «татищевских известий» является украинский историк А. П. Толочко. Как ни странно, именно он неожиданно вернулся к старой версии Пештича о реальности Раскольничьей летописи. Толочко тоже хочет уверить нас, что Раскольничья летопись представляла собой один из поздних списков Хлебниковской летописи (Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева. С. 153–154), и при этом уточняет время ее создания: «не ранее середины XVII века» (Там же. С. 169). Основной аргумент исследователя таков: приведенное Татищевым заглавие Раскольничьей летописи содержит имя Нестора, что соответствует заглавиям всех списков Хлебниковской летописи, а за пределами этого близкородственного сообщества не встречается (в самом деле, имя Нестора отсутствует даже в заглавии Ипатьевского списка). В то же время Толочко полагает (и убедительно доказывает), что все без исключения ссылки Татищева на Раскольничью летопись имеют признаки мистификации (Там же. С. 147–153). «Вымышленной подробностью» считает Толочко и прямое указание Татищева на пергамент как материал, на котором написана была Раскольничья летопись (Там же. С. 109). Здесь возникает вопрос: если и описание рукописи, и ее содержание мистифицированы, то почему, собственно, не считать, вместе с Карамзиным, что Раскольничья летопись попросту вымышленна Татищевым? Легко догадаться, что заголовки для конструируемой им «древней летописи» Татищев позаимствовал у летописи «Голицынской», недаром ведь он сообщает, что заголовки Раскольничьего и Голицынского манускриптов были идентичны. Однако столь простое решение проблемы не устраивает А. П. Толочко: он обнаружил в тексте Татищева ряд чтений, которые, как он утверждает, не могут восходить к Ермолаевской летописи, зато соответствуют тексту Хлебниковской летописи. Вывод ясен: Татищев все-таки имел «второй список» Ипатьевской (точнее, Хлебниковской) летописи.

Таким образом, возникает необходимость разбора представленных Толочко текстологических наблюдений (Там же. С. 166–167). Общее число их невелико — 14. К сожалению, только в двух случаях историк утрудил себя ссылками на столбцы и страницы издания Ипатьевской летописи 1908 г., а в остальных двенадцати случаях ограничился указанием года от Р.Х., под которым помещены привлечшие его внимание известия в татищевском своде. Ниже для удобства читателя все эти известия размещены в хронологическом порядке и сведены в таблицу. Летописные тексты в ячейках таблицы приводятся не по рукописям, а по изданию 1908 г., с которым работал и Толочко. Есть случаи расхождения его цитат с приведенными Шахматовым разночтениями Хлебниковского и Ермолаевского списков (относительно списка Ипатьевского); они указываются в моих комментариях, которые сопровождают каждый отдельно взятый пример.

№	Год (по Татищеву)	Хлебниковская летопись (текст Ипатьевской летописи, исправленный по вариантам из Хлебниковской, указанным в издании 1908 г.)	Ермолаевская летопись (текст Ипатьевской летописи, исправленный по вариантам из Хлебниковской и Ермолаевской, указанным в издании 1908 г.)	Татищев В. Н. История Российская (первая редакция)
1	1111	Того же лета преставися княгини Всеволожа Анна месяца октября въ 7 день, и положена бысть у свяга Андрея в монастыри. Того же лета преставися епископ Иоанн чернеговский, месяца (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 273)	Того же лета преставися княгини Всеволожати Мономахова месяца октовриа во 7 день и положена бысть у свяга Андрея в монастыре. Того же лета Иоан епископ Чернеговский преставися, месяца (ПСРЛ. Т. 2, приложение, с. 21)	Того лета преставися княгиня Анна Всеволожа (мачиха Владимирова), а мати Ростиславля, октября 7 дня и положена в монастыри у свяга Андрея. Того же году епископ Иоанн чернеговский преставися (Т. 4. С. 178)
Толочко справедливо отметил (Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева. С. 168), что в сообщении о смерти епископа Иоанна порядок слов соответствует Ермолаевской летописи, и обоснованно предположил, что с этим же источником Татищева связано «уточнение родственных отношений между усопшей княгиней и Владимиром Мономахом»; в самом деле, имеющееся в Ермолаевской летописи указание «мати Мономахова» в Ипатьевском и Хлебниковском списках отсутствует. Тем не менее Толочко все-таки усмотрел в цитируемом тексте использование Татищевым сразу двух списков Ипатьевской летописи, типа Ермолаевской и типа Хлебниковской: «именно из Хлебн. происходит имя княгини — Анна — отсутствующее во всех остальных списках и являющееся припиской к Хлебн.» (Там же). На первый взгляд, все правильно; на самом деле здесь грубая ошибка в рассуждении, которую мы рассмотрим ниже, при подведении итогов.				
2	1113	у торговице Новгороде (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 277)	у торговице въ Новгороде (ПСРЛ. Т. 2, приложение, с. 22)	в Новгороде у Торговицы (Т. 4. С. 180)

Здесь Толочко утверждает, что в Ермолаевском списке то же верное чтение, что и в Ипатьевском: «у торговица в Новгороде» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 277). На самом деле текст Ермолаевского списка здесь точно соответствует тексту Хлебниковского; таким образом, татищевское дефектное чтение выводится из Ермолаевского.				
3	1117	внуку Тугорътканову (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 285)	внуку Торгутканову (ПСРЛ. Т. 2, приложение, с. 23)	внуку Тогорканову (Т. 4. С. 182)
Здесь недоразумение: татищевское чтение выводится скорее из текста Ермолаевской летописи, чем из текста Хлебниковской. Выше знаменитый хан 4 раза назван у Татищева Тугорканом (Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 164, под 1094 г.; с. 166, под 1096 г.; то же — в «Росписи алфавитической», с. 528), поэтому под 1117 г. историк легко подправил имя (сохранив, однако, первую гласную «о», что отсылает нас к Ермолаевской летописи, а не к Хлебниковской).				
4	1129	имеется известие о смерти Михаила Вячеславича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293)	известие пропущено в результате гаплографической ошибки (ПСРЛ. Т. 2, приложение, с. 23)	имеется известие о смерти Михаила Вячеславича (Т. 4. С. 188)
Здесь Толочко сам себя опровергает: «Впрочем, можно было бы думать, что Татищев в данном случае проконсультировался с Радзивилловской летописью, где сообщение о смерти Михаила Вячеславича читается». В самом деле, источник Татищева — Радзивилловская летопись (ПСРЛ. Т. 38. С. 107).				
5	1136	и постоя Всеволод зо 4 дни... и сослаша меж собою послы (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 299)	и постоя Всеволод зо 4 дни... и сослаша меж собою послы (ПСРЛ. Т. 2, приложение, с. 23)	И стояв Всеволод 4 дни... и сослаша послы своя (Т. 4. С. 193)
Здесь Толочко утверждает, что в Ермолаевском списке то же верное чтение, что и в Ипатьевском: «и постоя Всеволод за 7 днии... и слаша меж собою слы» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 299). На самом деле текст Ермолаевского списка здесь точно соответствует тексту Хлебниковского; таким образом, татищевское дефектное чтение выводится из Ермолаевского.				
6	1139	месяца февраля въ 18 (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 302)	месяца апреля 18 (ПСРЛ. Т. 2, приложение, с. 23)	февраля 18-го (Т. 4. С. 194)
Верная дата смерти Ярополка взята Татищевым не из летописи типа Хлебниковской, как полагает Толочко, а другой летописи: из Радзивилловской (ПСРЛ. Т. 38. С. 110, под 6646 г.) или из Воскресенской (ПСРЛ. Т. 7. С. 30). Татищеву было очень легко догадаться, что в основном его источнике, близком к Ермолаевской летописи, название месяца указано ошибочно: чуть ниже близкое по времени событие (изгнание Вячеслава из Киева Всеволодом Ольговичем) во всех летописях отнесено к началу марта.				
7	1139 (у Толочко ошибочно указан 1140)	Андрееви рекуче: Курьску изволи ити. Андреи тако рече, съдумав съ дружиною своею: лепшии того смерть из дружиною на своеи отчине и на дедине взяти, нежели Курское княжение. Отец мой в Курьску не сидел, но в Переяславли, хочю на своеи отчине смерть прияти (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 305)	Андрееви рече: ко Корсуню изволи ити и Андреи тако рече, зъдумав со дружиною своею: лепше ми того смерть из дружиною на своеи отчине и на дедине взяти, нежели Курсунское княжение. Отец мой въ Курсуню не сидел, но в Переяславли, хочю на своеи отчине смерть прияти (ПСРЛ. Т. 2, приложение, с. 24)	а Андрееви веляше ити в Курск. И Андрей, вздумав со дружиною своею, тако рек: «Лутче ми смерть на своей отчине и дедине, нежели Курское владение; отец мой в Курьску не сидел, но в Переяславли, и я хочю на своей отчине смерть прияти» (Т. 4. С. 195)

В данном случае у Толочко вопиющая небрежность (если не сознательная подтасовка данных). Цитата из Татищева приведена в усеченном виде, между тем здесь для установления летописного источника определяющее значение имеет начальный фрагмент: «Тогда Всеволод привеле брата ис Курска Святослава и иде с ним к Переяславлю на Андрея, хотя выгнати Андрея, а брата своего Святослава посади<ти>, а Андрееви веляше ити в Курск» (Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 195). Здесь у Татищева — цитата из Радзивилловской летописи (ПСРЛ. Т. 38. С. 110, под 6647 г.). В его распоряжении был и еще один очень близкий текст, из Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. 7. С. 32, под 6647 г.). Продолжение рассказа во всех летописях очень близкое, важно его начало: в летописях группы Ипатьевской не сказано, что Всеволод привел для осады Переяславля брата Святослава из Курска. Именно этим и определяется вполне однозначно татищевский источник. Толочко либо не заметил этого обстоятельства, либо сознательно обрезал цитату: дальнейший татищевский текст уже можно вывести из текста Хлебниковской летописи (хотя даже здесь он все-таки несколько ближе к Радзивилловской).				
8	1141	Клецескъ (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 312)	Клецескъ (ПСРЛ. Т. 2, приложение, с. 24)	Клецк (Т. 4. С. 197)
Толочко утверждает, что в Ермолаевской летописи здесь испорченное чтение «Клецеои». Это ложное указание, текст Ермолаевской летописи в данном случае исправен.				
9	1146	и все Порусе (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 323)	и все Порусе (ПСРЛ. Т. 2, приложение, с. 25)	и вси порусяне (Т. 4. С. 202)
Здесь Толочко утверждает, что в Ермолаевском списке то же верное чтение, что и в Ипатьевском: «и все Поросье». На самом деле текст Ермолаевского списка здесь точно соответствует тексту Хлебниковского; таким образом, татищевское дефектное чтение выводится из Ермолаевского.				
10	1146	если вам та дума будет в собе (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 328)	если вам та дума будет в собе (ПСРЛ. Т. 2, приложение, с. 26)	если вам та дума будет в себе (Т. 4. С. 203)
Здесь Толочко утверждает, что в Ермолаевском списке точно такое же ошибочное чтение, как и в Ипатьевском: «ачеть ваи таи к собе» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 328). На самом деле текст Ермолаевского списка здесь точно соответствует тексту Хлебниковского; таким образом, татищевское чтение выводится из Ермолаевского.				
11	1146	да ему Куреск и с Поземемь (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 332)	да ему Куреск и с Поземемь (ПСРЛ. Т. 2, приложение, с. 26)	даде ему Святослав Куреск с поземельем (Т. 4. С. 204)
Здесь Толочко утверждает, что в Ермолаевском списке точно такое же ошибочное чтение, как и в Ипатьевском: «да ему рек и с Посемьем» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 332). Если бы это было так, то название города (Курск) было бы у Татищева пропущено. На самом деле оно у Татищева есть, что вполне закономерно: вопреки Толочко, текст Ермолаевского списка здесь точно соответствует тексту Хлебниковского; татищевское чтение выводится из Ермолаевского.				
12	1146	идоста къ Бранску (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338)	идоста къ Бранску (ПСРЛ. Т. 2, приложение, с. 27)	идоша ко Бранску (Т. 4. С. 206)
Здесь Толочко утверждает, что в Ермолаевском списке точно такое же чтение, как и в Ипатьевском: «идоста к Добрянску» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338). Даже если бы это было так, то ничего не доказывало бы: проставить «молодое» название города («Брянск») вместо древнего («Добрянск») вполне можно и без использования особого источника. На самом деле, однако, Татищеву не пришлось модернизировать название города: вопреки Толочко, текст Ермолаевского списка здесь точно соответствует тексту Хлебниковского; татищевское чтение выводится из Ермолаевского.				

13	1146	В то же время преставился Иванко Гургевич, месяца февраля въ 24, в пнед на ночь масленое неделе (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 339)	В то же время преставился Иванко Гуркевич, месяца февраля въ 20 въ понед на ночь маслян. нед. (ПСРЛ. Т. 2, приложение, с. 27)	Того же году преставился Иванко Юрьевич, февраля 20-го (24-го), понедельник Масленые седмицы (Т. 4. С. 206)
«Две даты для одного события — странная подробность», — комментирует Толочко татищевский текст (Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева. С. 168) и предлагает объяснение: число 20 проставлено в Ермолаевской летописи, число 24 — в Хлебниковской; следовательно, Татищев использовал в данном случае сразу два списка Ипатьевской летописи. Увы, Толочко снова ошибается: число 24 было взято Татищевым из Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. 7. С. 38, под 6654 г.).				
14	6669 (1161)	В том же лете пояша Новгородци Мстислава Ростиславича к собе княжити опять, а Гургева внука выгнаша от себе Мьстислава (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 518, под 6670 г.)	В том же лете пояша Новгородци Мстислава Ростиславича к собе княжити опять, а Гургева внука выгнаша от себе Мьстислава (ПСРЛ. Т. 2, приложение, с. 40)	

Последний случай — самый неприятный. Толочко сообщает, что под 1161 г. у Татищева сын Ростислава Мстиславича назван «(Мстиславом) Святославом», но татищевского текста почему-то не приводит, ограничившись предположением, что первое имя взято Татищевым из Хлебниковской летописи, а второе — из Ермолаевской: «Пояша Новгородци Святослава Ростиславича к собе княжити» (Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева. С. 169). На самом деле в Ермолаевской летописи читается точно то же, что и в Хлебниковской, а приведенная историком цитата относится к летописи собственно Ипатьевской (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 518, под 6670 г.), текст которой Татищеву не был известен. Мало того, что Толочко в очередной раз запутался в своих выписках из летописей — он еще и презрительно слукавил: не мог же он не знать, что параллельного татищевского текста в данном случае *вообще не существует!* Мстислав-Святослав Ростиславич у Татищева под 1161 г. упоминается, но татищевский текст здесь совершенно оригинален и к традиции, представленной списками Хлебниковской летописи, не имеет никакого отношения (в чем каждый желающий легко может убедиться (Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 260–261). С именем действующего лица Татищев не определился по той причине, что Радзивилловская летопись направляла в Новгород Мстислава Ростиславича (ПСРЛ. Т. 38. С. 130, под 6668 г.), а Воскресенская — Святослава Ростиславича (ПСРЛ. Т. 7. С. 75). Последнее подтверждалось и новгородской традицией (ПСРЛ. Т. 3. С. 31).

Подведем итоги. Сам Толочко вполне доволен собой: «можно считать доказанным с довольно высокой степенью вероятности, что в распоряжении Татищева действительно было две летописи Хлебниковского типа: одна — несомненно Ермолаевский список (Голицынский манускрипт), другая — более соответствующая Хлебниковскому списку (Раскольничий манускрипт)» (Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева. С. 169). На самом деле из 14 примеров, долженствующих доказать использование Татищевым второй летописи Хлебниковского типа, отличной от известной нам Ермолаевской, в 8 случаях (№ 2, 5, 8, 9, 10, 11, 12, 14) проверка ссылок показала их ошибочность (объясняющуюся, видимо, путаницей в выписках, сделанных историком). В одном случае имеет место банальное недоразумение (№ 3). Только в 5 случаях татищевские чтения не выводятся из Ермолаевской летописи, но в 4 из них (№ 4, 6, 7, 13) они объясняются использованием Татищевым других известных летописей, Радзивилловской и Воскресенской. Интересно, что в одном случае (№ 4) об этом догадался и сам Толочко. Таким образом, в активе Толочко остается только одно оригинальное чтение (№ 1). Оно заслуживает отдельного рассмотрения.

Толочко пишет, что имя вдовы Всеволода — Анна — Татищев взял из Хлебниковской летописи. Однако в тексте Хлебниковской летописи этого имени *первоначально не было*, это — поздняя приписка к тексту (и Толочко прекрасно об этом знает). Но тогда как же это имя попало к Татищеву? Из самой Хлебниковской летописи оно происходит не может по той простой причине, что Татищеву эта летопись не была известна; из какого-либо списка Хлебниковской летописи также происходить не может, так как его нет ни в одном из 4 дошедших до нас списков Хлебниковской летописи. Нет имени вдовы Всеволода и в летописи собственно Ипатьевской. Таким образом, имеющаяся в Хлебниковской летописи приписка — вне традиции, идущей от общего протографа Ипатьевской и Хлебниковской летописей. Следовательно, источник приписки — внешний и, скорее всего, — вообще не летописный (сообщают, кстати говоря, что имя жены Всеволода можно найти в житийной литературе: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей... С. 185). Из внешнего источника мог взять это имя и Татищев. Время, когда в тексте Хлебниковской летописи появилась приписка с этим именем, может быть определено только гадательно. Вписать его вполне мог, например, живший во второй половине XVIII в. коломенский купец Хлебников, которому был

доступен текст татищевской «Истории Российской» (вторая редакция была издана в 1768 г.). Другими словами, в отношении приписанного имени вдовы Всеволода зависимость между текстами (Хлебниковской летописью и татищевской «Историей Российской») может быть прямо противоположной той, которую предполагает Толочко.

В предисловии к своей книге об источниках Татищева Толочко сетует, что при обсуждении рукописи с коллегами немногих ее читателей удалось убедить в достоверности главных положений (Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева. С. 7). Рискну предположить, что причиной сдержанной оценки была очевидная непоследовательность автора, не решившегося окончательно «схоронить» Раскольничью летопись, но приписавшего ей новые черты, раздражающе непривычные для воспитанных в определенной традиции историков.

Для историка молодого поколения, который захочет повторить героическую попытку А. П. Толочко обнаружить в татищевском своде следы использования «второй летописи Хлебниковского типа», предлагаю следующий алгоритм исследования:

1) Прежде всего, необходимо помнить, что оригинальные татищевские чтения, не выводимые из Ермолаевской летописи, могут объясняться использованием Радзивилловской и Воскресенской летописей (в некоторых случаях возможно привлечение Татищевым и летописи Никоновской). Начинать надо с проверки наличия или отсутствия заинтересовавших исследователя чтений в этих трех летописях.

2) Если оригинальные чтения татищевского свода не находят соответствия в Радзивилловской, Воскресенской и Никоновской летописях, следует обратиться к *рукописи* Ермолаевской летописи: только так можно убедиться, что они действительно не выводятся из ее текста. Для серьезного текстологического исследования недостаточно использования одних *разночтений* Ермолаевского списка по изданию 1908 г.: столь упрощенный подход ставит исследователя в зависимость от качества работы, выполненной более 100 лет тому назад Шахматовым и его сотрудниками.

3) Убедившись в том, что оригинальные татищевские чтения действительно не выводятся из текста *рукописи* Ермолаевской летописи, надо обратиться к «Хронографу» Кохановского (который, как явствует из текстологических наблюдений В. А. Кучкина, был одним из источников Татищева). Если же оригинальные татищевские чтения не найдут соответствия и в рукописи Кохановского — тогда уже о них можно будет поведать миру.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. для обл. Неврев Н. В. Роман Галицкий изгоняет папских послов (малый фрагмент).

Фронтиспис: Ответ Романа папскому легату. Ил. Л. Фалина к балладе А. К. Толстого «Роман Галицкий».

С. 6. Икона «Битва суздальцев с новгородцами» (фрагмент верхнего регистра). XV в. Новгородский Государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

С. 13. Новгород в XII в. (Софийская сторона). Реконструкция Г. В. Борисевича по археологическим данным.

С. 18. Икона «Битва суздальцев с новгородцами». XV в. Новгородский Государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

С. 19. Выносная икона Богородицы «Знамение» — новгородская реликвия, связанная с событиями 1170 г. Лицевая сторона: молящаяся Богородица. Обратная сторона: ап. Петр и св. Анастасия. **Новгородский Государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.**

С. 22. Владимир-Волынский. Графическая реконструкция Т. А. Трегубовой по археологическим данным.

С. 34. «Киевские» гривны (серебряные слитки весом 163–165 г.). В XII в. были основным платежным средством на юге Руси.

С. 41. Тип меча времен юности Романа (на фото представлен хорошо сохранившийся экземпляр из Форнхема, с места битвы 1171 г.).

С. 47. Галич. Графическая реконструкция Т. А. Трегубовой по археологическим данным.

С. 51. Княжеский пир. Миниатюра Радзивилловской летописи, л. 222. XV в.

С. 78. Фрагмент западного портала храма св. Пантелеимона в окрестностях древнего Галича. Начало XIII в.

С. 88. Роман сажает в Киеве Ингвара Ярославича. Миниатюра Радзивилловской летописи, л. 237 об. XV в.

- С. 89. Половецкие вежи, захваченные Романом. Миниатюра Радзивилловской летописи, л. 237 об. XV в.
- С. 91. Взятие Киева Рюриком, Ольговичами и половцами. Миниатюра Радзивилловской летописи, л. 238. XV в.
- С. 92. Бесчинства в захваченном Киеве. Миниатюра Радзивилловской летописи, л. 238 об. XV в.
- С. 95. Храм св. Пантелеимона: вид с запада.
- С. 98. Насильственное пострижение Рюрика, его жены и дочери. Миниатюра Радзивилловской летописи, л. 245 об. XV в.
- С. 100. Рочник Краковского капитула, с. 12 (записи 1185–1205 гг.).
- С. 104. Карта немецких завоеваний в Восточной Европе XII–XIII вв. Сплошными тонкими стрелками показаны маршруты похода Романа к Завихосту (1205 г.) и позднейших дальних походов сыновей и внуков Романа (1229, 1253, 1289 гг.). Пунктирной стрелкой показан маршрут воображаемого похода Романа в Саксонию.
- С. 105. Печать Конрада Мазовецкого. 1228 г.
- С. 109. Тип меча конца XII–начала XIII в.
- С. 109. Так называемый меч св. Маврикия (между 1200 и 1214 гг.). Принадлежал, судя по гербам на рукояти, императору Оттону IV из рода Вельфов; впоследствии — коронационная регалия империи. Вена. Музей истории искусства.
- С. 112. «Новгородские» гривны (серебряные слитки весом ок. 200 г.).
- С. 116. Поход Романа в Польшу (1205 г.). Страницы из Лицевого летописного свода XVI в., воспроизводящего текст Никоновской летописи. Лаптевский том. СПб. Российская национальная библиотека. Слева — взятие Романом двух польских городов. Справа — гибель Романа, здесь князь изображен трижды: рядом с шатром, символизирующим русский стан «над Вислою рекою»; во главе «малой дружины» в бою с польским отрядом; непосредственно в момент гибели (польский воин поражает его копьем).
- С. 242. Св. Георгий. Рельеф декора северного притвора Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Известняк. 1234 г.
- С. 243. Миниатюра XII в. с изображением рыцарского вооружения.
- С. 246. Павел Николаевич Рыбников. Фотография (со старого дагерротипа).
- С. 257. Князь Роман в бою с ливонскими рыцарями. Ил. Н. М. Кочергина к былинке о князе Романе в пересказе И. В. Карнауховой. 1949 г.
- С. 262. Василий Никитич Татищев.
- С. 285. Предстоящие Христу Константин IX Мономах и его третья жена, императрица Зоя. Мозаика в храме Св. Софии, Константинополь. Между 1034 и 1042 гг.
- С. 295. Н. М. Карамзин в период работы над первыми томами «Истории государства Российского» (1800-е гг.). Акварель Молинари. Москва. Литературный музей.

- С. 299. Роман и папский легат. Рисунок Бориса Чорикова из книги «Живописный Карамзин». 1837 г.
- С. 300. Неврев Н. В. Роман Галицкий изгоняет папских послов (фрагмент). Масло. 1876 г. Государственный художественный музей Республики Беларусь.
- С. 307. Диаграмма соотношения годовых статей Ипатьевской летописи и татищевских известий за XII в. (из книг Б. А. Рыбакова).
- С. 331. Мнимый «портрет» Петра Бориславича: Радзивилловская летопись, л. 196 об. XV в.
- С. 379. Фридрих I Барбаросса и его старшие сыновья, Генрих (слева, в короне) и Фридрих (справа). Миниатюра из «Хроники Вельфов». 1189 г. (?)
- С. 397. Русский Север (карта-схема).

СОКРАЩЕНИЯ. ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Сокращения

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси.
 Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 Караджич — Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича.
 ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд.
 СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв.

Источники и литература

Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
 Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. 1: Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов. СПб., 1841.
 Андреев А. И. Труды Татищева по истории России // Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 5–38.
 Артемов В. В. Николай Неврев. М.: Белый город, 2004.
 Балакин В. Д. Фридрих Барбаросса. М., 2001.
 Барсов Н. П. Географический словарь Русской земли. Вильна, 1865.
 Баумгартен Н. А. Вторая ветвь князей Галицких. Потомство Романа Мстиславича // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1909. Вып. 1 (17).
 Бахтин В. С. Дополнение к сборнику Гильфердинга (былины И. А. Касьянова) // Русский фольклор: материалы и исследования. М.; Л., 1957.
 Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
 Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000.
 Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868.
 БЛДР. Т. 5: XIII век. СПб., 1997.
 Боллан Г. Л., де. Описание Украины. М., 2004.
 Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008.
 Былины: В 2 т. / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958. Т. 1.
 Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941.
 Былины Севера. Т. 1 / Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938; Т. 2. [Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951.]

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Пер. с лат. М., 1987.
 Веселовский А. Н. Мелкие заметки к былинам // ЖМНП. 1889. Май.
 Веселовский А. Н. Южнорусские былины // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1881. Т. 22, № 2.
 Востоков А. X. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842.
 Галицко-волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005.
 Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Пер. с лат. М.; Л., 1938.
 Глогер Б. Император, Бог и дьявол. Фридрих II Гогенштауфен в истории и легенде / Пер. с нем. СПб., 2003.
 Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X–первой трети XIII в. Киев, 1988.
 Головки А. Б. Князь Роман Мстиславич // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 52–70.
 Горovenko A. B. Последний поход Романа Галицкого // Para bellum. 2008. № 30. С. 53–76.
 Горovenko A. B. Татищевское известие о борьбе за Берестье в 1182 году // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 142–147.
 Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли. Киев, 1891.
 Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины / Авторизованный перевод со второго украинского издания. М., 2001.
 Грушевський М. Історія України–Руси. Т. II, вид. 2. XI–XIII вік. Львів, 1905.
 Грушевський М. Історія української літератури. Київ, 1993. Т. 3.
 Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901. Т. 41, 3 в. С. 1–72.
 Гудзий Н. К. Галицко-Волынская летопись // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 23–32.
 Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 7-е изд., испр. и доп. М., 1966.
 Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (XI–XII вв.): курс лекций. М., 1998.
 Данилевский И. Н. Исторические источники XI–XVII вв. // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: уч. пособие. М., 1998. С. 171–316.
 Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): курс лекций. М., 2001.
 Дашкевич Н. П. Первая уния Юго-западной Руси с католичеством (1246–1254). Киев, 1884.
 Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. М., 1976.
 Древнерусское градостроительство X–XV веков. М., 1993.
 Дюби Ж. Битва при Бувине (27 июля 1214 года, воскресенье) / Пер. с фр. М., 1999.
 Еремин И. П. Литература Древней Руси. М.; Л., 1966.
 Еремин И. П. Волынская летопись 1289–1290 гг. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 113–114.
 Еремин И. П. Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности // Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР. 1925. Т. 30. С. 323–352.
 Жданов И. Н. Песни о князе Ромane // ЖМНП. 1890. Март–апрель. С. 267–305.
 Жданов И. Н. Песни о князе Ромane // ЖМНП. 1890. Май–июнь. С. 1–55.
 Жданов И. Н. Песни о князе Ромane. СПб., 1890.
 Жданов И. Н. Русский былевой эпос: Исследования и материалы. СПб., 1895.
 Живописный Карамзин, или Русская история в картинах, издаваемая Андреем Прево. Ч. 1: От Рюрика до нашествия татар, 860–1238. СПб., 1836.
 Житие Феодосия Печерского // ПЛДР. XI–начало XII века. М., 1978. С. 302–391.
 Иоаннисян О. М. Основные этапы развития галицкого зодчества // Древнерусское искусство. Художественная культура X–первой половины XIII в. М., 1988. С. 41–58.
 Ироическая песнь о походе на Половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800.

- История міст і сіл. Волинська область. Киев, 1970.
- Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1989. Т. 1.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1991. Т. 2, 3.
- Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л., 1966. Вып. Е 1–36.
- Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
- Костомаров Н. И.* Лекции по русской истории. Составлены по запискам слушателей П. Гайдебуровым. Ч. 1: Источники русской истории. СПб., 1861.
- Котляр Н. Ф.* Дипломатия южной Руси. СПб., 2003.
- Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.
- Котляр Н. Ф., Смолий В. А.* История в жизнеописаниях. Киев, 1990.
- Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977.
- Курбский А. М.* История о великом князе Московском // БЛДР. СПб., 2001. Т. 11. С. 310–478.
- Курец Т. С.* Исполнители фольклорных произведений (Заонежье, Карелия). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008.
- Кучкин В. А.* К спорам о В. Н. Татищеве // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 245–262.
- Кучкин В. А.* О времени написания сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи // Ad fontem / У источника: сб. статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005.
- Кучкин В. А.* [Рецензия на книгу Б. А. Рыбакова «Слово о полку Игореве» и его современники] // Вестник АН СССР. 1972. № 7. С. 141–147.
- Летопись Нестерова с продолжениями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года // Библиотека Российская историческая... СПб., 1767. Ч. 1.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. М., 2006.
- Лихачев Д. С.* Литература трагического века в истории России // ПЛДР. XIII век. М., 1982. С. 5–26.
- Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Лихачев Д. С.* Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). М.; Л., 1962.
- Лихачев Д. С.* Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб., 2001.
- Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. СПб., 2001.
- Майоров А. В.* Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (34). С. 78–96.
- Миллер В. Ф.* Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877.
- Милов Л. В.* [Рецензия на книгу:] А. А. Горский. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992 // Отечественная история. 1995. № 1. С. 190–192.
- Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1986. Т. 2.
- Насонов А. Н.* История русского летописания XI–начала XVIII в.: очерки и исследования. М., 1969.
- Нерознак В. П.* Названия древнерусских городов. М., 1983.
- Никита Хониат.* История. СПб., 1860. Т. 1; СПб., 1862. Т. 2.
- Онежские былины. М., 1948.
- Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. Т. 1: Повенецкое побережье. Толвуй. Пудога. М.; Л., 1949; Т. 2: Кижь. Выгозеро. М.; Л., 1950.
- Ончуков Н. Е.* Печорские былины. СПб., 1904.

- Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР. Л., 1926. Т. 31. С. 93–126.
- Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.
- Пауткин А. А.* Афористические максимы в Галицко-Волынской летописи и польско-латинская литературная традиция // Древняя Русь и Запад: науч. конф.: книга-резюме. М., 1996.
- Пашин С. С.* Червонорусские акты XIV–XV вв. и грамоты князя Льва Даниловича: уч. пособие. Тюмень, 1996.
- Паушто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Паушто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
- Перну Р.* Ричард Львиное Сердце. М., 2000.
- Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 1-е изд. М., 1861. Ч. 1.
- Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. 2-е изд. / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909. Т. 1; М., 1910. Т. 2.
- Пеитич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. I.
- Плано Карпини Д., дель.* История Монгалов. *Рубрук Г., де.* Путешествие в восточные страны / Пер. с лат. М., 1957.
- ПЛДР. XI–начало XII века. М., 1978.
- ПЛДР. XII век. М., 1980.
- ПЛДР. XIII век. М., 1981.
- ПЛДР. XIV–середина XV века. М., 1981.
- Повесть временных лет. Ч. 1: Текст и перевод. М.; Л., 1950.
- Православный палестинский сборник. Вып. 51. Т. 17. Вып. 3: Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского в 1200 г. / Под ред. Х. М. Лопарева. СПб., 1899.
- Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
- Приселков М. Д.* Летописание Западной Украины и Западной Белоруссии // *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 283–304.
- Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
- Пропт В. Я.* Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958.
- ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.
- ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. 6: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Вып. 1.
- ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001.
- ПСРЛ. Т. 9: Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1862.
- ПСРЛ. Т. 10: Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1885.
- ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913.
- ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.
- ПСРЛ. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.
- ПСРЛ. Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989.
- ПСРЛ. Т. 40: Густынская летопись. СПб., 2003.
- Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 6, кн. 1: Критика. История. Автобиография. Неизданное и черновое. М., 1948.
- Райт Дж. К.* Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988.
- Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М.; Л., 1959.
- Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 2
- Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. М.; Л., 1960. Т. 2

- Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 (памятники XI–XV в.). 2-е изд. СПб., 1908.
- Русские богатыри. Былины / Обработка для детей Ирины Карнауховой; Ил. Н. Кочергина. М.; Л., 1949.
- Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894.
- Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981.
- Рыбаков Б. А. Боярин-летописец XII века // История СССР. 1959. № 5. С. 56–79.
- Рыбаков Б. А. В. Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. 1971. № 12. С. 91–109.
- Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М., 1984.
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
- Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.
- Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964.
- Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
- Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
- Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1988.
- Сборник Кириши Данилова. 2-е изд., доп. М., 1977.
- Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича / Пер. с сербско-хорватского. М., 1987.
- Свідерський Ю. Ю. Боротьба південно-західної Русі против католицької експансії в X–XIII ст. Київ, 1983.
- Святский Д. О. Астрономия Древней Руси. М., 2007.
- Сидельников В. Былины Сибири. Томск, 1968.
- Синопис. 10-е изд. СПб., 1810.
- Сказание о Борисе и Глебе // ПЛДР. XI–начало XII века. М., 1978. С. 278–303.
- Сказитель Ф. А. Конашков. Петрозаводск, 1948.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988. Т. 1.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. 2.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. 3.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2002. Т. 5.
- СлРя XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1.
- СлРя XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3.
- СлРя XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4.
- СлРя XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7.
- СлРя XI–XVII вв. М., 1982. Вып. 9.
- СлРя XI–XVII вв. М., 1983. Вып. 10.
- СлРя XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 12.
- СлРя XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 13.
- СлРя XI–XVII вв. М., 1989. Вып. 15.
- СлРя XI–XVII вв. М., 1994. Вып. 19.
- СлРя XI–XVII вв. М., 1995. Вып. 20.
- Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1: История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 1, 2; Кн. 2: История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 3, 4.
- Татищев В. Н. Записки. Письма 1717–1750 гг. М., 1990.
- Татищев В. Н. История Российской. М.; Л., 1962. Т. 1; М., 1963. Т. 2; М., 1963. Т. 3; М., 1964. Т. 4; Л., 1968. Т. 7.
- Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975.
- Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российской. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 39–53.
- Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1991. Т. 1

- Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005.
- Толочко А. П. Конституционный проект Романа Мстиславича 1205 г.: Опыт источниковедческого исследования // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М., 1997.
- Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1: XI–XVI века. М., 1989.
- Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: К вопросу об авторе второй редакции // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 6. С. 62–79.
- Феннел Д. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 / Пер. с англ. М., 1989.
- Филевич И. П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. СПб., 1890.
- Фирдоуси. Шахнаме. М., 1957. Т. 1.
- Флоря Б. Н. О церковном землевладении в Галицко-Волынской Руси // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 252–257.
- Фогельвайде В., фон дер... Стихотворения. М., 1985.
- Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / Пер. с лат. М., 1997.
- Франклин С., Шенард Д. Начало Руси. 750–1200. СПб., 2000.
- Христианский мир и «Великая Монгольская империя»: Материалы францисканской миссии 1245 года / Критический текст, перевод с латыни «Истории татар» брата Ц. де Брида С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко; Экспозиция, исследование и указатели А. Г. Юрченко. СПб., 2002.
- Хруцов И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетие. Киев, 1878.
- Черетин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. М., 1941. Т. 12. С. 228–253.
- Шахматов А. А. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева // Дела и дни. Ист. журнал. Пг., 1920. Кн. 1. С. 80–95.
- Шахматов А. А. Несколько заметок о языке псковских памятников XIV–XV вв. (По поводу книги: «Николай Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке». СПб., 1909.) // ЖМНП. 1909. Июль. С. 105–177.
- Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.
- Щавелева Н. И. Древнерусские известия Великопольской хроники // Летописи и хроники: Сб. статей 1976 г. М., 1976. С. 54–66.
- Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI): текст, перевод, комментарий. М., 2004.
- Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1990.
- Щапов Я. Н. Древнеримский календарь на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 336–345.
- Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси. XI–XIV вв. М., 1972.
- Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1771. Т. 2.
- Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 1–5.
- Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981.
- Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые данные о происхождении Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник. М., 1962.
- Annales Magdeburgenses // Monumenta Germaniae Historica, Scriptores. T. 16. Hannover, 1859. P. 105–196 (Unveränderter Neudruck: Leipzig, 1925).
- Bielski M. Kronica Polska Marcina Bielskiego. Krakow, 1597.
- Chronica Alberici, monachi Trium fontium // Monumenta Germaniae Historica, Scriptores. Hannover, 1872. T. 23 (Unveränderter Neudruck: Leipzig, 1923).
- Dlugosz J. Annales seu Chronicae incliti Regni Poloniae. Lib. I, II. Varsaviae, 1964.
- Dlugosz J. Annales seu Chronicae incliti Regni Poloniae. Lib. III, IV. Varsaviae, 1970.
- Dlugosz J. Annales seu Chronicae incliti Regni Poloniae. Lib. V, VI. Varsaviae, 1973.

Excerpta ex Necrologio S. Petri Erfordiae // *Schannat J. F. Vindemiae litterariae, hoc est veterum monumentorum ad Germaniam sacram praecipue spectantium collectio secunda. Fuldae; Lipsiae, 1724.*

Grala H. Drugie malgenstwo Romana Mscislawowicza//Slavia Orientalis. Waszawa. 1982. R. 31, N 3.

Gorski K. Stosunki Kasimiera Sprawiedliwego z Rusia. Lwow, 1875.

Kaminski A. Wizna na tle pograniczem polsko-rusko-jacwieskiego//Rocznik Bialostocki. Bialostock, 1961. T. 1.

Kromer M. De origine et rebus gestis polonorum. Basileae, 1555.

Ortliebi Zwifaltensis Chronicon//Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum. Hannover, 1852. T. 10.

Otonis frisingensis episcopi et Ragewini Gesta Friderici imperatoris//Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum. Hannover. 1868. T. 20 (Unveränderter Neudruck: Leipzig, 1925).

Rocznik kapituly krakowskiej//Pomniki Dzieyowe Polski. Seria II. T. V. Najdawniejsze roczniki Krakowskie i Kalendarz. Warszawa, 1978.

Sarnicius. Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione eiusdem veteri et nova. s. 1. 1585.

Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiey Rusi. Krolewec (Königsberg), 1582.

Zajaczkowski S. Uwagi nad teritorialno-administracyjnym ustrojem Polski XII w.//Czasopismo Prawno-Historyczne. 1955. T. 7.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

А

Аарон Косой (XVI в.), монах моск. Новоспасского мон., «головщик»

Автор «Великой» (Великопольской) хроники (кон. XIII–нач. XIV в.)

Автор «Жизнеописания Даниила Галицкого», он же «летописец», автор первой части «Галицко-Волынской летописи» (XIII в.)

Автор «Слова о полку Игореве» (XII в.)

Агнешка (ок. 1138–после 1170), дочь Болеслава III Кривоустого, жена Мстислава Изяславича Адам, первый человек (библ.)

Азбелев С. Н. (р. 1926), историк, филолог и фольклорист

Александр, царь македонский, герой псевдоист. средневек. «Александрии»

Александр Всеволодич (ум. после 1235), кн. белзский, старший сын Всеволода Мстиславича Белзского

Александр Ярославич «Невский» (ок. 1220–1263)

Алексей (1690–1718), царевич, старший сын Петра I

Алексей III Ангел (ум. после 1211), имп. визант.

Алексей IV Ангел (ум. 1204), имп. визант.

Алексей V Дука «Мурцүфл» (ум. 1205), имп. визант.

Альжьбит см. Елизавета Венгерская

Альберик (ум. после 1252 г.), хронист фр.

Альберт, еп. Рижский (с 1200)

Альберт Великий (ок. 1200–1290), еп. Регенсбургский

Амбал, ключник Андрея Боголюбского

Анастасия, св.

Анастасия, имя жены Романа Мстиславича в подложной грамоте от его имени

Анастасия, любовница Ярослава Владимировича «Осмомысла» см. Настасья

Андреев А. И. (ум. 1959), историк

Андрей (Эндре) II (ум. 1235), король венг. с 1205

Андрей Юрьевич «Боголюбский» (ок. 1111–1174), кн. владими́ро-суздальский с 1157

Андрей Ярославич (ум. 1264), сын Ярослава Всеволодича, кн. владими́ро-суздальский

Андроник (XVI в.), иеродиакон соловецкий

Андроник I Комнин (ум. 1185), имп. визант.

Анна, дочь Алексея III Ангела

* Принятые сокращения: англ. — английский; архиеп. — архиепископ; библ. — библейское; болг. — болгарский; вел. — великий; венг. — венгерский; визант. — византийский; вмч. — великомученик; воен. — военный; герм. — германский; гос. — государственный; др.-греч. — древнегреческий; др.-русс. — древнерусский; еп. — епископ; имп. — император; ист. — исторический; итал. — итальянский; кн. — князь; кон. — конец; литовск. — литовский; мон. — монастырь; монг. — монгольский; моск. — московский; мч. — мученик; нар. — народный; нач. — начало; нац. — национальный; нем. — немецкий; новг. — новгородский; обществ. — общественный; полит. — политический; польск. — польский; римск. — римский; русск. — русский; св. — святой; сер. — середина; совр. — современный; средневек. — средневековый; укр. — украинский; фр. — французский; худож. — художественный; четв. — четверть.

Анна (ум. после 1205), дочь Юрия Ярославича Туровского, вторая жена Рюрика Ростиславича
 Анна, мать Марии (св. Богородицы) во внебибл. традиции
 Анна, монашеское имя княгини Галицкой (Анастасии?), вдовы Романа Мстиславича
 Аннинский С. А. (1-я пол. XX в.), историк
 Аноним Галл, монах-бенедиктинец, автор древнейшей латиноязычной польск. хроники (ок. 1113)
 Антоний, в миру Добрыня Ядрейкович (ум. 1232), архиеп. Новг.
 Антонов П. Т. (ум. после 1871), сказитель
 Арпады, королевский дом венг.
 Артемов В. В., искусствовед
 Асаф см. Иоасаф
 Асеев Ю. С., историк др.-русск. архитектуры
 Асмуд (упом. 946), «кормилец» Святослава Игоревича
 Астахова А. М. (ум. 1971), фольклорист, собирательница и издательница былин
 Афанасьев А. Н. (1826–1871), литературовед, фольклорист, собиратель и издатель русск. нар. сказок

Б

Балакин В. Д., историк
 Барсов Н. П. (ум. 1889), историк
 Бастеева чадь, торки на службе у Мстислава Изяславича, изменники
 Бастый (упом. 1223, Киев), хан половецкий
 Батыга, былинный персонаж
 Батый (1208–1255), внук Чингис-хана, предводитель завоевательного похода монголов в Восточную Европу (1236–1242), создатель монголо-татарского государства в половецких степях и Поволжье, с 1243 верховный повелитель русск. княжеств Северо-Восточной Руси («царь» в терминологии летописей)
 Баумгартен Н. А. (1867–1939), генеалог русск.
 Бахтин В. С., фольклорист
 Бела III (ум. 1196), король венг.
 Бела IV (1206–1270), король венг.
 Белук (сер. XII в.), хан половецкий
 Бельский М. (ум. 1575), историк польск.
 Бережков Н. Г. (1886–1956), историк, выдающийся исследователь хронологии ранних русск. летописей
 Бернар (ум. 1153), аббат цистерцианского мон. в Клерво, идеолог теократизма
 Бернхард Анхальтский (ум. 1212), герцог Саксонский с 1180
 Бернхард Пройссель (Вереньгер Просвел) (сер. XIII в.), австрийский рыцарь, друг кн. Романа Даниловича
 Бернштам Т. А. (1935–2008), культуролог русск. совр.
 Бертольд, один из младших сыновей Бертольда IV, герцога Меранского, патриарх Аквилейский (с 1218)
 Бессонов П. А. (1828–1898), фольклорист
 Бестужев-Рюмин К. Н. (1829–1897), историк
 Болеслав I Храбрый (967–1025), кн., в 1025 король польск.
 Болеслав II Щедрый, он же Смелый (1039–1081), король польск.
 Болеслав III Кривоустый (1085–1138), кн. польск.
 Болеслав IV Кудрявый (1125–1173), кн. польск.
 Болеслав (ум. 1182), кн. польск., старший сын Казимира II (от первого брака)
 Болеслав (ум. 1195), кн. польск., сын Мешко III Старого
 Болеслав Высокий (ум. 1201), сын Владислава II Изгнанника, кн. силезский
 Болеслав Земовитович (ум. 1312), кн. мазовецкий

Болеслава, дочь Святослава Всеволодича Черниговского, жена Владимира Ярославича Галицкого (с 1166)
 Боняк «шелудивый» (ум. после 1125), хан половецкий
 Боплан Г. Л., де... (ок. 1600–1673), фр. воен. инженер на польск. службе в 1630–1648, автор записок об Украине
 Борис (уб. 1015), кн. ростовский, сын Владимира Святославича
 Борисевич Г. В., историк архитектуры
 Борут (XIII в.), воин ятвяжский, предводитель набегов на русск. земли
 Буняка, персонаж укр. легенд
 Бурундай (ум. после 1260), военачальник татарский

В

Вальдемар II Победитель (1170–1241), король датский
 Вальтер фон дер Фогельвайде (ум. ок. 1230), поэт нем.
 Ванабар, неизвестный летописям персонаж «Истории Российской» В. Н. Татищева (см. также Воибор)
 Василий I Дмитриевич (1371–1425), вел. кн. моск.
 Василий I Македонянин (ок. 836–886), имп. визант.
 Василий II Васильевич «Темный» (1415–1462), вел. кн. моск.
 Василий Буслаев, былинный герой
 Василий Игнатьевич, былинный герой
 Василий Окулович, былинный персонаж
 Василий Ус (ум. 1671), донской атаман
 Василько, кн. дорогичинский (упом. 1182), неизвестный летописям персонаж «Истории Российской» В. Н. Татищева
 Василько (упом. 1245, битва под Ярославом), боярин Данила Романовича
 Василько Гаврилович (упом. 1223, битва на Калке), боярин Данила Романовича
 Василько Константинович (1208–1238), кн. ростовский, сын Константина Всеволодича Ростовского
 Василько Романович (1203–1269), младший сын Романа Мстиславича, кн. волынский
 Вдова «кормильца» Нездиль (1-я четв. XIII в.)
 Вельфы, знатный род нем.
 Вереньгер Просвел см. Бернхард Пройссель
 Верхуслава, дочь Всеволода Мстиславича, предполагаемая жена Болеслава IV Кудрявого
 Верхуслава, дочь Всеволода Юрьевича «Большое Гнездо», жена Ростислава Рюриковича
 Веселовский А. Н. (1838–1906), литературовед и фольклорист
 Вий, предводитель нечистой силы у Н. В. Гоголя
 Винцентий (1160–1223), хронист польск., еп. Краковский в 1207–1218; в поздней традиции (с XV в.) известен как Винцентий Кадлубек
 Витовт (1350–1430), вел. кн. литовск. с 1390
 Виттельсбах Отто фон..., пфальцграф баварский, убийца имп. Филиппа Швабского
 Вишимут (1-я пол. XIII в.), кн. литовск.
 Владимир, кн. минский (упом. 1182), неизвестный летописям персонаж «Истории Российской» В. Н. Татищева
 Владимир, кн. полоцкий (ум. 1216), неизвестный летописям персонаж «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского
 Владимир Андреевич (ум. 1170), кн. дорогобужский, внук Владимира Мономаха
 Владимир Василькович (ум. 1288), сын Василька Романовича, кн. волынский
 Владимир Великий см. Владимир Святославич
 Владимир Володаревич (ум. 1152), кн. галицкий, сын Володаря Ростиславича
 Владимир Всеволодич Мономах (1053–1125), вел. кн. русск. с 1113
 Владимир Давыдович (ум. 1151), кн. черниговский

Владимир Игоревич (ум. после 1211), старший сын Игоря Святославича, кн. новгород-северский с 1199, кн. галицкий с 1206
 Владимир Мстиславич (ум. 1171), младший сын Мстислава Великого, кн. дорогобужский, в 1171 киевский
 Владимир Мстиславич (ум. 1170), сын Мстислава Изяславича, кн. Берестья
 Владимир Рюрикович (ум. после 1235), младший сын Рюрика Ростиславича
 Владимир Святославич (ум. 1015), вел. кн. русск., креститель Руси
 Владимир Ярославич (ум. 1199 или 1200), кн. галицкий, сын Ярослава Владимировича «Осомысла»
 Владислав II Изгнанник (1105–1159), кн. польск.
 Владислав II, король польск. см. Ягайло
 Владислав Лясконогий (Тонконогий), он же Великий (1165–1231), кн. великопольский, сын Мешко III Старого
 Воибор, боярин киевский
 Войшелк (XIII в.), кн. литовск.
 Волович О. (ок. 1520–1587), крупный гос. деятель Вел. княжества Литовского, гуманист
 Володарь Глебович (ум. после 1168), кн. минский
 Володарь Ростиславич (ум. 1124), кн. перемышльский
 Володимиричи, сыновья Владимира (Володимира) Мстиславича
 Володислав, летописная форма имен польск. князей см. Владислав
 Володислав «Кормилчич» (ум. после 1212), боярин галицкий
 Володислав (ум. 1245), боярин галицкий, тысяцкий при кн. Ростиславе Михайловиче. Возможно, тождествен Володиславу Юрьевичу (см. ниже).
 Володислав Юрьевич (2-я четв. XIII в.), боярин галицкий
 Волх Всеславьевич, былинный герой
 Вольтманский А. П. (1689–1740), гос. деятель, с 1738 кабинет-министр имп. Анны Иоанновны
 Вольга, былинный персонаж
 Востоков А. Х. (1781–1864), филолог
 Всеволод (нач. XIII в.), кн. из «Герцике» на Западной Двине
 Всеволод Всеволодич (ум. после 1207), младший сын Всеволода Мстиславича Белзского, кн. червенский
 Всеволод Мстиславич (ум. 1138), старший сын Мстислава Великого
 Всеволод Мстиславич (ум. 1195), кн. белзский, младший сын Мстислава Изяславича Вольнского
 Всеволод Ольгович (ум. 1146), кн. черниговский, затем киевский
 Всеволод Святославич «Чермный» (ум. 1212), кн. черниговский, затем киевский
 Всеволод Юрьевич «Большое Гнездо» (1147–1212), вел. кн. владими́ро-суздальский
 Всеволод Юрьевич (1213–1238), старший сын Юрия Всеволодича Владимиро-Суздальского
 Всеволод Ярославич (ум. 1093), кн. переяславльский, затем киевский
 Всеволод Ярославич (ум. после 1186), сын Ярослава Изяславича Луцкого
 Всеслав Василькович (ум. после 1185), кн. полоцкий
 Вук Бранкович (ум. 1397), сербский аристократ, зять кн. Лазаря
 Вук Бранкович, персонаж «косовского цикла» сербского эпоса, предатель
 Вячеслав Владимирович (ум. 1154), сын Владимира Всеволодича Мономаха
 Вячеслав Толстый (ум. после 1211), вел. боярин Романа Мстиславича
 Вячко (Вячеслав), кн. (из полоцкой династии?), в 1168 сторонник новгородцев в их конфликте с Ростиславичами и Андреем Боголюбским
 Вячко (Вячеслав) (ум. 1223), кн. русск. из Кукуевоиса на Западной Двине

Г

Гаврила, архиеп. Новг. с 1187
 Галл см. Аноним Галл

Гартман фон Ауэ (ум. после 1210), поэт нем.
 Гедеон, военачальник израильский (библ.)
 Геза II (1130–1162), король венг. с 1141
 Генрих, король венг. см. Имре
 Генрих (ум. 1166), кн. сандомирский
 Генрих, один из младших сыновей Бертольда IV, герцога Меранского
 Генрих Латвийский (1-я пол. XIII в.), католический священник, автор «Хроники Ливонии»
 Генрих I Бородатый (ум. 1238), кн. силезский
 Генрих II Благочестивый (ум. 1241), кн. силезский
 Генрих V (1081–1125), имп. герм. с 1106
 Генрих VI (1165–1197), имп. герм. с 1190
 Георгий Победоносец, вмч.
 Геракл, герой др.-греч. мифов
 Герасим (XVI в.), монах «белоградский»
 Герасимов М. М. (1907–1970), антрополог
 Гервасий, св.
 Герман I (ум. 1216), ландграф Тюрингии
 Геродот (ок. 484–после 430 до Р.Х.), историк др.-греч.
 Гертруда (ум. 1213), дочь Бертольда IV, герцога Меранского, жена Андрея II, короля венг.
 Гза см. Коза Бурнович
 Гзак см. Коза Бурнович
 Гильфердинг А. Ф. (1831–1872), историк, фольклорист
 Глеб (уб. 1015), кн. муромский, сын Владимира Святославича
 Глеб Всеславич (ум. 1119), кн. минский
 Глеб Юрьевич (ум. 1171), кн. переяславский, кн. киевский с 1169
 Глогер Б. (XX в.), историк нем.
 Гогенштауфены см. Штауфены
 Гоголь Н. В. (1809–1852)
 Голиаф (библ.), воин-филистимлянин
 Голицын Д. М. (1665–1737), кн., гос. деятель и библиофил
 Головки А. Б., историк укр.
 Гомер (VIII в. до н.э.), автор «Илиады» и «Одиссеи»
 Гремислава (Гремислава Ярославна у Длугоша), вторая жена Лешка Белого, ошибочно сменяемая историками с первой женой Лешка — неизвестной по имени дочерью Ингвара Ярославича Луцкого
 Грибоедов А. С. (1790–1829)
 Григорий Васильевич (ум. после 1241), боярин галицкий
 Григорий Отрепьев («Самозванец»), персонаж драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов»
 Грузинский А. Е. (ум. после 1910), фольклорист
 Грушевский М. С. (1866–1934), историк укр.
 Гудзий Н. К. (1887–1965), историк русск. и укр. литературы
 Гуюк (ум. 1248), вел. хан монг. с 1246
 Гюрята Рогович (ум. после 1092), боярин новг.

Д

Давид (ум. 965 до Р.Х.), царь Израиля и Иудеи
 Давыд Игоревич (ум. 1112), кн. владимир-вольтманский
 Давыд Ростиславич (ум. 1197), кн. вышгородский, затем смоленский
 Даль В. И. (1802–1872), писатель, фольклорист, лексикограф
 Дамаст, он же Прокруст, персонаж др.-греч. мифа (разбойник, убитый Тесеем)
 Дамьен Р. Ф. (1715–1757), фр. ремесленник, казненный за покушение на жизнь Людовика XV
 Даниил, мч.

Даниил Галицкий см. Данил Романович
 Данил Романович (1201–1266), старший сын Романа Мстиславича, кн. галицко-волинский
 Данила Борисович, былинный персонаж
 Данила Бякович (упом. 1203), хан половецкий
 Данилевский И. Н. (р. 1953), историк
 Даньслав Лазутинич (ум. после 1169), боярин новг.
 Дашкевич Н. П. (XIX в.), историк
 Демьян, боярин Романа Мстиславича, затем Данила Романовича, тысяцкий во Владимире-Волынском*
 Держикрай Володиславич (упом. 1223), боярин галицкий, участник битвы на Калке
 Длугош Ян (1415–1480), историк польск.
 Дмитр (ум. после 1241), боярин Данила Романовича, в 1240 управлявший Киевом и руководивший его обороной от татар
 Дмитрий Иванович «Донской» (1350–1389), вел. кн. моск.
 Добравка, княжна польск., вторая жена Василька Романовича (с 1247)
 Доброслав (2-я четв. XIII в.), боярин галицкий
 Добрыня Никитич, былинный герой
 Добрыня Ядрейкович см. Антоний
 Домажир (упом. 1200), боярин Романа Мстиславича, один из его послов в Царьграде
 Домажиричи, бояре галицкие, неизвестные источникам персонажи отечественной историографии (упом. с 1950)
 Домамир (2-я четв. XIII в.), боярин галицкий
 Домбрувка Ян (XV в.), комментатор хроники Винцентия
 Дуркин Д. К. (ум. после 1904), сказитель печорский
 Дуркин И. М. (ум. после 1904), сказитель печорский
 Дюби Ж., историк фр.
 Дюк Степанович, былинный персонаж

Е

Евсевий Памфил (ум. 340), историк визант.
 Евсегней, он же Евсегений (ум. после 1289), еп. во Владимире-Волынском
 Евфросиния, дочь Мстислава Великого, жена Гезы II
 Евфросиния Дука, жена Алексея III Ангела
 Евфросиния-Изморагд, дочь Ростислава Рюриковича
 Едигей (1352–1419), эмир татарский
 Елена (ум. 1204), дочь Всеволода Юрьевича «Большое Гнездо»
 Елена, персонаж «Анналов» Длугоша и последующей традиции, жена Казимира II Справедливого, мнимая дочь Всеволода Мстиславича Белзского; см. также: княгиня краковская, жена Казимира II Справедливого
 Елизавета (Кинека) Венгерская (1207–1231), дочь венг. короля Андрея II, жена Людвига IV, ландграфа Тюрингии
 Еремин И. П. (1904–1963), исследователь др.-русс. литературы
 Еропкин П. М. (ок. 1698–1740), архитектор, приятель В. Н. Татищева и один из «конфиден-тов» А. П. Волынского

Ж

Жданов И. Н. (1846–1901), историк, литературовед и фольклорист
 Жирослав (10–20-е гг. XIII в.), боярин галицкий
 Жофруа де Прейли см. Прейли

* В Указателе имен к Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Р. XIV) назван тысяцким *галицким*, но это ошибка (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 738).

З

Заль, отец Рустама, персонаж «Шахнамэ» Фирдоуси
 Звенислава, дочь Всеволода Ольговича, жена Болеслава Высокого
 Зиновьев А. А. (1922–2006), логик, социолог, публицист
 Зоя, дочь имп. Константина VIII, третья жена Константина IX Мономаха

И

Иван Баг, неизвестный летописям персонаж «Истории Российской» В. Н. Татищева; см. также Воибор
 Иван IV Васильевич «Грозный» (1530–1584), первый русск. царь (с 1547)
 Иван Васильевич, «грозный царь», эпический двойник исторического Ивана IV
 Иван Ростиславич «Берладник» (ум. 1161), кн. звенигородский, в 1144 галицкий
 Иван-Калоян Асень (Иоанн Болгарский) (ум. 1207), царь болг.
 Иванко (нач. XIII в.), знатный болгарин
 Ивор Молибожич (упом. 1241), откупщик в Коломые
 Игоревичи, сыновья Игоря Святославича Новгород-Северского
 Игорь Ольгович (ум. 1147), вел. кн. киевский в 1146
 Игорь Святославич (1151–1201), кн. новгород-северский, с 1199 черниговский
Игумен киевского Выдубицкого мон. (упом. 1245) Без имени?
 Изяслав Давыдович (ум. 1162), кн. черниговский, затем киевский
 Изяслав Мстиславич (ум. 1154), кн. переяславский, затем киевский и волынский
 Изяслав Ярославич (ум. 1078), сын Ярослава Мудрого, вел. кн. русск. 1054–1078 (с перерывами)
 Иисус Христос
 Иларион (ум. после 1054), митр. Киевский
 Илия, архиеп. Новг. с 1165
 Илия Щепанович (ум. 1211), вел. боярин галицкий
 Илья Муравленин, отождествляется с Ильей Муромцем
 Илья Муромец, былинный герой
 Имре, он же Генрих (ум. 1204), король венг. с 1196
 Ингвар Ярославич (ум. после 1211), сын Ярослава Изяславича Луцкого, кн. дорогобужский, затем луцкий и киевский
 Иоаким, отец Марии (св. Богородицы) во внебибл. традиции
 Иоаким (XI в.), мнимый летописец
 Иоанн, апостол
 Иоанн Болгарский см. Иван-Калоян
 Иоанн II Комнин (1087–1143), имп. визант.
 Иоанн X Каматир, патриарх константинопольский в 1198–1206
 Иоанн Малала (ум. 578), историк визант.
 Иоанникий (Сенютович), монах, с 1715 архимандрит Киево-Печерского мон.
 Иоаннисян О. М., историк архитектуры
 Иоасаф, еп. в г. Угровеске на Волыни, в 1241 самозванный митр. Киевский
 Ирина, дочь Исаака II Ангела
 Исаак II Ангел (ум. 1203), имп. визант.
 Истомин Ф. М. (1856–после 1894), этнограф и фольклорист
 Истрин В. М. (1865–1937), филолог
 Иуда, апостол-предатель

К

Кадлубек (Кадлубко) см. Винцентий
 Казабаировичи, неизвестные летописям персонажи «Истории Российской» В. Н. Татищева
 Казимир I Восстановитель (1016–1058), кн. польск.

Казимир II Справедливый (ок. 1137–1194), младший сын Болеслава III Кривоустого, кн. сандомирский, затем краковский
 Казимировичи, сыновья Казимира II. См. также Лешек Белый и Конрад Мазовецкий
 Кайхозрой (ум. 1211), султан иконийский (Малая Азия)
 Калинин П. Л. (1828–после 1871), сказитель
 Калоян см. Иван-Калоян
 Каматерос см. Каматиры
 Каматиры, визант. род из знатнейших
 Кáновичи, летописное наименование потомков Чингиз-хана
 Караджич В. С. (1787–1864), филолог, историк и фольклорист сербский
 Карамзин Н. М. (1766–1826), писатель, историк, публицист
 Карл IV (1316–1378), имп. герм. с 1347
 Карнаухова И. В. (1902–1959), писательница
 Карпини см. Плано Карпини
 Карский Е. Ф. (1860–1931), филолог-славист
 Картан (упом. 1245), знатный татарин
 Кассандра, персонаж др.-греч. мифологии, дочь троянского царя Приама, пророчица
 Касьянов И. А. (1825–1895), сказитель
 Кей-Кавус, мифический шах Ирана, персонаж «Шахнамэ» Фирдоуси
 Кза см. Коза Бурнович
 Кигачев Н. В. (ум. после 1939), сказитель
 Кижэ («подпоручик Кижэ»), мнимое лицо
 Кинекса см. Елизавета Венгерская
 Кирилл (упом. 1241), печатник Данила Романовича
 Кирилл (ум. 1280), митр. Киевский с 1246; возможно, тождествен Кириллу, печатнику Данила Романовича
 Кирпичников А. Н. (р. 1929), археолог, специалист по истории оружия
 Кирша Данилов (XVIII в.), составитель или владелец рукописного сборника былин
 Киселев С. П., сказитель
 Клим Христинич (ум. ок. 1220), боярин Данила Романовича
 Клосс Б. М., историк
 Кмита Чернобыльский Ф. (ок. 1530–1586), староста оршанский
 Княгиня, дочь Казимира II Справедливого, жена Всеволода Святославича Черного с 1179
 Княгиня, дочь Константина IX Мономаха, жена Всеволода Ярославича
 Княгиня (упом. 1162), дочь хана Белука, первая жена Рюрика Ростиславича
 Княгиня, дочь хана Кончака, жена Владимира Игоревича Новгород-Северского
 Княгиня (ум. между 1230 и 1247), дочь Юрия Всеволодовича Владимиро-Суздальского, первая жена Василько Романовича
 Княгиня, дочь Ярополка Изяславича, жена Глеба Всеславича Минского
 Княгиня, дочь Ярослава Осмомысла, жена Игоря Святославича Новгород-Северского
 Княгиня (ум. 1200), жена Ярослава Владимировича Новгородского, сестра жены Всеволода Большое Гнездо
 Княгиня (Анастасия —?), вторая жена Романа Мстиславича, в монашестве Анна
 Княгиня, бывшая «попадья», вторая (незаконная) жена Владимира Ярославича Галицкого
 Княгиня великопольская, дочь «русского короля» (Изяслава Мстиславича) и «родственница императора Фридриха» (Барбароссы), вторая жена Мешко III Старого
 Княгиня краковская, жена Казимира II Справедливого, дочь Ростислава Смоленского
 Княгиня краковская, первая жена Лешка Белого, дочь Ингвара Ярославича Луцкого, ошибочно смешиваемая многими историками со второй женой Лешка — Гремиславой
 Княгиня литовская, жена Вишимута, затем Миндовга
 Князь (упом. 1207, Треполь), сын Ярослава Владимировича, внук Владимира Мстиславича Дорогобужского

Коза (Кза, Гза, Гзак) Бурнович, хан половецкий
 Козарин см. Михайло Козарин
 Колча, «отрок» князя Давыда Игоревича
 Конашков Ф. А. (1860–после 1939), сказитель
 Конрад (ум. 1192), маркиз монферратский, кесарь Византии при Исааке II Ангеле, затем участник 3-го крестового похода
 Конрад Мазовецкий (1193–1247), кн., младший сын Казимира II Справедливого
 Константин V Копроним (719–775), имп. визант.
 Константин IX Мономах (ум. 1055), имп. визант.
 Константин Добрынич (ум. ок. 1022), посадник новг.
 Кончак (ум. после 1202), хан половецкий
 Кормилчичи, бояре галицкие, сыновья кормильца Нездилы. См. также Володислав «Кормилчич» и вдова «кормильца» Нездилы
 Костомаров Н. И. (1817–1885), историк, этнограф и писатель
 Котляр Н. Ф. (р. 1932), историк укр.
 Кохановский П. (2-я пол. XVII в.), эконо́м Киево-Печерского мон.
 Кочергин Н. М. (1897–1974), художник-иллюстратор
 Кромер М. (1512–1589), польск. гос. служащий, дипломат, еп. Вармии (с 1579), историк-компильатор, религиозный публицист
 Кудров К. С. (1843–после 1926), сказитель
 Кукушкина М. В., культуролог
 Кулмей, боярин (?) Давыда Игоревича
 Курбский А. М. (1528–1583), кн., воевода, с 1564 политэмигрант, писатель
 Куремса (ум. после 1258), военачальник татарский
 Курец Т. С., фольклорист
 Кучкин В. А. (р. 1933), историк

Л

Лавр см. Овлур
 Лаврентий (ум. после 1377), монах-летописец
 Лазарь (ум. 1389), кн. (в поздней традиции — царь) сербский
 Лазарь (1-я четв. XIII в.), боярин галицкий «венг.» партии
 Лазарь (упом. после 1247), боярин Данила Романовича или Василька Романовича
 Лазарь Домажирец (упом. 1241), откупщик в Коломые
 Ласло III (ум. 1205), король венг.
 Лев Данилович (ум. после 1290), кн. холмский и галицкий, сын Данила Романовича
 Лев III Исавр (ум. 741), имп. визант.
 Левон (Левун) II (ум. 1219), с 1187 кн., с 1198 король киликийской Армении
 Леопольд V Бабенберг (1157–1194), маркграф Австрии
 Летописец владими́ро-сузда́льский вре́мен вел. кн. Всеволода Большое Гнездо
 Летописец владими́ро-сузда́льский вре́мен Александра Невского
 Летописец волынский, автор первой части «Галицко-Волынской летописи» см. Автор «Жизнеописания Даниила Галицкого».
 Летописец волынский, автор второй (заключительной) части «Галицко-Волынской летописи», описавший события 1260–1289
 Летописец киевский вре́мен Рюрика Ростиславича, он же предполагаемый создатель Киевского свода 1198
 Летописец, составитель Густынской летописи (1-я пол. XVII в.)
 Летописец, составитель «Новгородско-Софийского свода» (ок. 1418)
 Лешек (Лешко, Лестько) Белый (1192–1227), кн. краковский, старший сын Казимира II Справедливого от второго брака
 Лешек, кн. мазовецкий, сын Болеслава IV

Литаврин Г. Г. (1925–2009), историк-византист
 Литвина А. Ф., филолог
 Лихачев Д. С. (1906–1999), филолог, теоретик текстологии, крупный обществ. деятель
 Лихачева О. П., филолог, переводчица «Галицко-Волынской летописи»
 Лициний (ум. 325), имп. римск.
 Лотарь III (ум. 1137), имп. герм. с 1133
 Людовик (Людвиг) IV (ум. 1227), ландграф Тюрингии
 Людовик VI Толстый (ум. 1137), король фр. с 1108

М

Майоров А. В., историк
 Макиавелли Н. (1469–1527), итал. полит. и воен. теоретик, историк, писатель
 Малала см. Иоанн Малала
 Мальфрид, дочь Юрия Ярославича Туровского, жена Всеволода Ярославича (сына Ярослава Изяславича Луцкого)
 Мамай (ум. 1380), верховный военачальник и фактический правитель Орды при нескольких ханах
 Маргарита (упом. 1256), дочь герм. имп. Фридриха II
 Мария, дочь Владимира Святославича, жена Казимира I Восстановителя
 Мария, жена Всеволода Юрьевича «Большое Гнездо»
 Мартурий, архиеп. Новг. с 1194
 Матвеев В. А., художник
 Матвей, еп. Краковский с 1143
 Менгу, он же Мункэ (ум. 1259), вел. хан монг. с 1251
 Менна, неизвестный летописям персонаж «Истории Российской» В. Н. Татищева
 Мешко III Старый (ок. 1126–1202), кн. польск.
 Микифор Станило см. Никифор Станило
 Микула, сотский в Галиче (ок. 1230)
 Милица, жена сербского царя Лазаря
 Миллер В. Ф. (1848–1913), филолог, этнограф и фольклорист
 Милов Л. В. (1929–2007), историк
 Мина, св.
 Миндовг (ум. 1263), кн. литовск.
 Мирослав, боярин Романа Мстиславича, затем Данила Романовича
 Митрий Браньской (Браньския, Браницкой, Обраньский), былинный персонаж
 Михаил Всеволодич (ум. 1246), сын Всеволода Святославича Черного, кн. черниговский
 Михаил (Михалко) Юрьевич (ум. 1176), сын Юрия Долгорукого, кн. торчский, позднее владими́ро-суздальский
 Михаил Ярославич (ум. 1318), сын Ярослава Ярославича, кн. тверской, вел. кн. владимирский
 Михайло Козарин, былинный герой
 Молинари (нач. XIX в.), художник
 Молибоговичи, иначе Молибожичи (1-я пол. XIII в.), галицкий боярский род
 Моначюк (XII в.), знатный берендей из рода Чагровичей
 Мономах см. Владимир Мономах и Константин IX Мономах
 Монте-Кристо, граф, герой романа А. Дюма
 Монфóр Симóн, де... (ум. 1218), предводитель крестового похода против альбигойцев (с 1209)
 Мстислав (Романович? Мстиславич?), племянник Рюрика Ростиславича, 1196 воевал против Романа Мстиславича у Перемиля
 Мстислав Андреевич (ум. 1172), сын Андрея Боголюбского
 Мстислав Владимирович «Великий» (ум. 1132), сын Владимира Всеволодича Мономаха, вел. кн. русск. с 1125

Мстислав Владимирович (ум. после 1202), старший сын Владимира Мстиславича, кн. дорогубужский, затем трепольский
 Мстислав Всеволодич (ум. после 1170), кн. городенский
 Мстислав Глебович (ум. 1239?), кн. черниговский
 Мстислав Данилович (ум. после 1290), сын Данила Романовича, кн. волынский
 Мстислав Изяславич (ум. 1170), кн. владими́ро-волынский, затем киевский
 Мстислав Мстиславич «Удатный» (ум. 1228), сын Мстислава Ростиславича «Храброго», кн. новг., затем галицкий
 Мстислав Романович (ум. 1223), сын Романа Ростиславича Смоленского, в конце жизни кн. киевский
 Мстислав Ростиславич (ум. 1178), сын Ростислава, старшего сына Юрия Долгорукого
 Мстислав Ростиславич «Храбрый» (ум. 1180), сын Ростислава Мстиславича Смоленского и Киевского, кн. новг.
 Мстислав Ярославич «Немый» (ум. после 1223), кн. пересопницкий, позднее луцкий
 Мункэ см. Менгу

Н

Назаренко А. В. (р. 1948), историк
 Насонов А. Н. (1898–1965), историк
 Насреддин, персонаж иранского и среднеазиатского фольклора
 Настасья, любовница Ярослава Владимировича «Осмомысла»
 Настасья Дмитриевична, былинный персонаж (сестра кн. Романа)
 Неврев Н. В. (1830–1904), художник
 Нездила (ум. до 1205), «кормилец» галицкий
 Нерознак В. П. (р. 1939), филолог
 Нестер Жидиславич, персонаж Никоновской летописи XVI в.
 Нестер Жирославич, персонаж Никоновской летописи XVI в.
 Нестор (XI–XII вв.), монах киево-печерский, летописец
 Нестор (Нестер) Бориславич (ум. после 1169), боярин киевский
 Никита (XVI в.), дьячок моск. Новоспасского мон.
 Никита (Микита) Романович, былинный персонаж
 Никита Хониат (ум. 1213), историк визант.
 Никифор I (ум. 815), патриарх Константинопольский с 806, историк
 Никифор II, митр. Киевский (до 1182–после 1198)
 Никифор Станило (1-я треть XIII в.), еп. Владимира-Волынского
 Николай (ум. после 1202), воевода краковский
 Нифонт (сер. XII в.), архиеп. Новг.
 Нифонт, патриарх Константинопольский в 1310–1314

О

Овлур, он же Лавр (ум. после 1187), крещеный половец
 Олег Вещий (ум. 912), вел. кн. русск.
 Олег Ярославич (ум. после 1187), внебрачный сын Ярослава Владимировича «Осмомысла»
 Ольга (ум. 969), жена вел. кн. Игоря Рюриковича, правительница Руси в годы малолетства Святослава Игоревича
 Ольга (ум. после 1289), дочь Романа Брянского, жена Владимира Васильковича
 Ольга, дочь Юрия Владимировича «Долгорукого», жена Ярослава Владимировича «Осмомысла»
 Ольгерд (1345–1377), вел. кн. литовск.
 Ольговичи, княжеский род, ветвь Рюриковичей
 Ончуков Н. Е., фольклорист
 Орлов А. С. (1871–1947), филолог
 Орь (ум. после 1125), певец и музыкант половецкий

Ослябя (ум. после 1398), герой Куликовской битвы
«Осмомысл» см. Ярослав Владимирович
Отто фон Виттельсбах см. Виттельсбах
Оттон I (ум. 1234), герцог Меранский, старший сын Бертольда IV, герцога Меранского
Оттон IV (ум. 1218), имп. герм. из рода Вельфов

П

Пантелеимон, св.
Паук (ум. после 1169), боярин, «кормилец» Владимира Андреевича, позднее его посадник в Шумске
Пауткин А. А. (р. 1956), филолог
Пашин С. С., историк
Пашуто В. Т. (1918–1983), историк
Пелка, он же Фулкон (ум. 1207), еп. Краковский с 1186
Пересвет (ум. 1380), герой Куликовской битвы
Перну Р. (1909–1998), историк фр.
Петр, апостол
Петр, он же «Петрок» (ум. после 1145), вельможа польск.
Петр Бориславич (ум. после 1169), боярин киевский, ист. прототип героя книг Б. А. Рыбакова
Петр Бориславич, персонаж книг Б. А. Рыбакова, летописец и автор «Слова о полку Игореве»
Петр Борисович, персонаж Ермолаевской летописи и «Истории Российской» В. Н. Татищева, соответствующий ист. Петру Бориславичу
Петр I Великий (1672–1725)
Пештич С. Л. (XX в.), историк
Пимен, монах-летописец, персонаж драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов»
Плано Карпини Дж., дель..., францисканец, глава миссии, направленной в 1245 Папой к вел. хану монголов, автор записок
Плоския («Плоскына», упом. 1223), воевода бродников в битве на Калке
Плутарх (ок. 46–ок. 127), философ-платоник, писатель, создатель историко-биогр. жанра
Портнягин А. А. (ум. после 1947), сказитель
Предслава, дочь Рюрика Ростиславича, первая жена Романа Мстиславича
Прейли Ж., де... (ум. 1066), рыцарь фр.
Приселков М. Д. (1881–1941), исследователь истории летописания
Прокруст см. Дамаст
Пропп В. Я. (1895–1970), автор фундаментальных трудов по истории и теории фольклора
Провсел см. Бернхард Пройссель
Протасий, св.
Прохоров П. (1826–после 1871), сказитель
Пук, неизвестный летописям персонаж «Истории Российской» В. Н. Татищева; см. также Паук
Путилов Б. Н. (1919–1997), фольклорист и этнограф
Пушкин А. С. (1799–1837)
Пясты, польск. княжеский род

Р

Разин С. Т. (ум. 1671), донской атаман
Райт Дж. К. (ум. после 1925), историк
Рамм Б. Я., историк
Раппопорт П. А. (1913–1988), археолог, историк др.-русск. архитектуры
Ратша (упом. 1146), тиун вел. кн. Всеволода Ольговича
Рашид-ад-Дин (ум. 1318), иранский ученый-энциклопедист, визирь ильханов
Римский-Корсаков Н. А. (1844–1908), композитор

Ричард I Львиное Сердце (1157–1199), король англ.
Ричард III (1452–1485), король англ.
Роланд, герой фр. эпоса
Роман Данилович (ум. после 1258), кн. волынский, сын Данила Романовича
Роман Дмитриевич, былинный герой
Роман Игоревич (ум. 1211), сын Игоря Святославича Новгород-Северского, кн. звенигородский с 1206
Роман Кзич («Роман князь» у Татищева), сын Козы Бурновича
Роман Мстиславич (ок. 1155–1205), кн. новгородский в 1169–1170, кн. владими́ро-во́лынский с 1170, вел. кн. галицкий с 1199 или 1200
Роман Ростиславич (ум. 1180), сын Ростислава Мстиславича Смоленского, кн. смоленский, затем киевский
Романов К. И. (ок. 1790–между 1871 и 1886), сказитель
Романовичи, сыновья Романа Мстиславича
Романовы, царская династия
Ростислав Владимирович (Володимирич), сын Владимира Мстиславича Дорогобужского
Ростислав Иванович (ум. 1189), сын Ивана Ростиславича «Берладника», претендент на галицкий стол
Ростислав Михайлович (ум. после 1245), сын Михаила Всеволодича Черниговского и дочери Романа Мстиславича, претендент на галицкий стол
Ростислав Мстиславич (ум. 1167), сын Мстислава Владимировича «Великого», кн. смоленский, затем киевский
Ростислав Рюрикович (ум. после 1210), старший сын Рюрика Ростиславича
Ростислав Юрьевич (ум. 1151), старший сын Юрия Долгорукого
Ростиславичи смоленские, князья, ветвь Рюриковичей
Рочев Е. И. (ум. после 1904), сказитель печорский
Рукрагин, турецкий владетель, брат и соперник иконийского султана Кайхозроя
Рыбаков Б. А. (1908–2001), археолог, историк
Рыбников П. Н. (1831–1885), собиратель былин
Рюрик (ум. 879), кн. варяжский
Рюрик Ростиславич (ум. 1215), кн. овручский, затем киевский
Рюриковичи, княжеский род
Рябинин Т. Г. (1801–1885), сказитель

С

Садко, былинный персонаж
Сарницкий С. (1532–1597), историк польск.
Саул (ум. ок. 1004 до Р. Х.), царь израильский
Свидерский Ю. Ю. (XX в.), историк укр.
Свидригайло (ум. 1452), вел. кн. литовск. в 1430–1432, затем кн. волынский
Святополк Владимирович (ум. 1019?), сын Владимира Святославича, вел. кн. русск. в 1015 и 1018
Святополк Изяславич (ум. 1113), вел. кн. русск.
Святополк Юрьевич (ум. 1189), сын Юрия Ярославича, кн. туровский
Святослав Владимирович (Володимирич), сын Владимира Мстиславича Дорогобужского
Святослав Всеволодич (ум. 1194), кн. черниговский, затем киевский
Святослав (Всеславич?) (ум. после 1128), кн. полоцкой ветви Рюриковичей
Святослав Игоревич (ум. 972), сын Игоря Рюриковича, вел. кн. русск.
Святослав Игоревич (ум. 1211), сын Игоря Святославича Новгород-Северского, кн. владими́ро-во́лынский с 1206, позднее кн. перемышльский
Святослав Мстиславич (ум. между 1185 и 1188), сын Мстислава Изяславича, кн. белзский и черненский с 1170

Святослав Ольгович (ум. 1164), кн. новгород-северский
 Святослав Ростиславич (ум. 1170), сын Ростислава Мстиславича Смоленского, кн. новг. до 1168
 Святослав Ярославич (ум. 1145), кн. черниговский, затем муромский
 Святский Д. О. (1881–1940), исследователь описаний астрономических явлений в русск. летописях
 Севенч Бонякович (XII в.), половецкий воин
 Семьюн Олюевич (упом. 1223), боярин Даниила Романовича
 Семьюн Чермный (1-я пол. XIII в.), боярин галицкий
 Сенютович И. см. Иоанникий
 Сергей (XVI в.), монах из Путивля
 Сергей Радонежский (ум. 1391), св., основатель Троицкого монастыря
 Серебрянский Н. И., исследователь др.-русск. агиографии
 Сидельников В., фольклорист
 Сильвестр (ум. 1123), игумен киевского Михайловского (Выдубицкого) мон., с 1118 еп. в Переяславле южном
 Симон де Монфор см. Монфор
 Скомонд (1-я пол. XIII в.), воин и «волхв» ятвяжский, предводитель набегов на русск. земли
 Скопин, быллинный герой, эпический двойник ист. М. В. Скопина-Шуйского
 Случевский К. К. (1837–1904), поэт, автор записок о путешествии по северу России
 Смолий В. А., историк укр.
 Соловей Будимирович, быллинный персонаж
 Соловьев С. М. (1820–1879), историк
 Соломан, быллинный персонаж
 Соломон (ум. 926 до Р.Х.), царь Израиля и Иудеи
 Сорокин А. П. (1828–после 1871), сказитель
 Сталин И. В. (1879–1953)
 Станило см. Никифор Станило
 Станислав (ум. 1079), еп. Краковский
 Стрыйковский М. (1547–1593), хронист польско-литовский
 Судислав (1-я четв. XIII в.), боярин галицкий
 Сырчан (ум. после 1125), хан половецкий

Т

Татищев В. Н. (1686–1750), гос. деятель, историк
 Тихомиров М. Н. (1893–1965), историк
 Тихонравов Н. С. (1832–1893), историк, археограф и литературовед
 Толочко А. П., историк совр.
 Толстой А. К. (1817–1875), поэт и драматург
 Томаззо да Модена, художник итал. (XIV в.)
 Торопов Н. С. (ум. после 1929), сказитель печорский
 Тошман (XII в.), знатный берендей из рода Чагровичей
 Тругובה Т. А., историк архитектуры
 Третьяков П. М. (1832–1898), коллекционер русск. живописи, создатель нац. худож. галереи
 Трифиллий (XVI в.), келарь Новоспасского моск. мон.
 Туракин, жена вел. хана монголов Угедея, мать вел. хана Гююка
 Тургенев А. И. (1784–1845), гос. служащий, обществ. деятель, выдающийся историк-архивист
 Тынянов Ю. Н. (1894–1943), литературовед и писатель
 Тюдоры, королевская династия англ.

У

Угедей (1186–1241), сын Чингиз-хана, вел. хан монг.
 Ужанков А. И., культуролог, выдающийся исследователь «Галицко-Волынской летописи»

Улан, «отрок» кн. Давыда Игоревича
 Улу-Мухаммед (ум. 1446), царь татарский, основатель так называемого «казанского ханства»
 Успенский Ф. Б., филолог

Ф

Фалин Л. (XX в.), художник-иллюстратор
 Феннел Д. (1918–1992), историк англ.
 Феодор, Федор (ум. 1246), боярин Михаила Всеволодича Черниговского
 Феодор (ум. 1169), еп. Ростовский, ист. прототип татищевского персонажа Феодора Бориславича
 Феодор Бориславич, «колугер», персонаж «Истории Российской» В. Н. Татищева
 Феодор Стратилат, вмч.
 Феодора, дочь Романа Мстиславича
 Феодосий Печерский, подвижник
 Фепонов И. (1821–после 1871), сказитель
 Филевич И. П. (1856–1913), историк
 Филипп Швабский (1177–1208), имп. герм. из рода Штауфенов, младший сын имп. Фридриха I Барбароссы
 Фильний, «Филя» (ум. 1245), воевода венг.
 Фирдоуси (ум. 1020), иранский эпический поэт
 Флоря Б. Н. (р. 1935), историк
 Фогельвейде (*искаж.*) см. Вальтер фон дер Фогельвайде
 Фома (ум. 1268), архидиакон из Сплита, церковный историк
 Фоменко А. Т. (р. 1945), математик, историк-дилетант, мистификатор
 Фотий (ум. 1431), митр. Киевский и всея Руси
 Фофанов И. Т. (ум. после 1939), сказитель
 Франклин С., историк англ.
 Фридрих I Барбаросса (1122–1190), имп. герм. с 1152
 Фридрих II (1194–1250), имп. герм. с 1212
 Фридрих (1167–1191), герцог швабский, сын имп. Фридриха I Барбароссы
 Фукидид (ум. 400 до Р.Х.), историк др.-греч.
 Фулкон см. Пелка

Х

Хлебников П. К. (XVIII в.), купец коломенский, собиратель старинных рукописей
 Хмельницкий Б. М. (ум. 1657), гетман укр.
 Хониат см. Никита Хониат
 Христос см. Иисус Христос
Хронологизатор «Галицко-Волынской летописи» (работал ок. 1428)
 Хрущов А. Ф. (1691–1740), гос. служащий, помощник В. Н. Татищева в период его службы на Урале, в дальнейшем приятель Татищева и один из «конфидентов» А. П. Волынского
 Хрущов И. П. (XIX в.), исследователь истории летописания

Ч

Чагровичи (XII в.), знатные берендеи
 Чагова чадь (XII в.), предполагаемые родственники Настасьи, наложницы Ярослава Владимировича «Осмомысла»
 Чарнецкий С. (ум. 1665), военачальник польск.
 Чеботарев Х. А. (1746–1815), историк
 Чекъман, знатный берендей из рода Чагровичей
 Черепанов Н. Е. (1762–1823), историк
 Черепнин Л. В. (1905–1977), историк
 Чингиз-хан (ок. 1155–1227), основатель монг. империи

Чичеров В. И., фольклорист
 Чориков Б. А. (1802–1866), художник-график
 Чурила Пленкович, былинный персонаж

Ш

«Шальский лодочник» (ум. после 1860), сказитель
 Шахматов А. А. (1864–1920), филолог, выдающийся исследователь русск. летописей
 Шварно (сер. XII в.), боярин киевский
 Шварно Данилович (ум. 1269), сын Данила Романовича
 Шекспир У. (1564–1616), поэт и драматург англ.
 Шепард Д., историк англ.
 Шлецер А. Л. (1735–1809), историк и филолог нем.; 1761–1768 работал в России, занимался историей летописания
 Штауфены, знатный род нем.
 Штернберг П. К. (1865–1920), астроном
 Шульгин В. С., историк
 Шумахер И.-Д., библиотекарь, затем советник канцелярии Петербургской Академии наук, адресат множества писем В. Н. Татищева 1730–1750

Щ

Щавелева Н. И. (1946–2001), историк
 Щапов Я. Н. (р. 1928), историк
 Щербатов М. М. (1733–1790), кн., гос. деятель, историк и публицист

Э

Эндре II см. Андрей II

Ю

Юрий-Болеслав Тройденович (ум. 1340), кн. галицкий
 Юрий Витанович (ум. 1211), вел. боярин галицкий
 Юрий Владимирович «Долгорукий» (ум. 1157), кн. владими́ро-суздальский, в конце жизни киевский
 Юрий Всеволодич (1188–1238), вел. кн. владимирский
 Юрий Дмитриевич (ум. 1434), кн. звенигородский, затем кн. моск. и вел. кн. владимирский
 Юрий Домамирич (упом. 1223), боярин галицкий, участник битвы на Калке
 Юрий Кончакович (упом. 1223), кн. полонецкий, вероятный участник битвы на Калке
 Юрий Львович (ум. 1308?), сын Льва Даниловича, кн. галицкий и холмский
 Юрий Ярославич (ум. 1161), кн. туровский
 Юрченко А. Г., культуролог совр.
 Ютта, ландграфиня тюрингская, сестра Фридриха I Барбароссы, мать ландграфа Германа I

Я

Яволод (1-я четв. XIII в.), боярин галицкий
 Ягайло (ок. 1350–1434), вел. кн. литовск. с 1377, король польск. с 1389 (под именем Владислава II)
 Яков Дигеневич, персонаж Никоновской летописи XVI в.
 Якушов Г. А. (1863–1929), сказитель
 Ян Домбрувка см. Домбрувка
 Янин В. Л. (р. 1929), археолог, историк
 Янка, дочь Всеволода Ярославича, монахиня
 Янь Вышатич (ум. 1106), боярин Святослава Ярославича
 Ярополк (1-я четв. XIII в.), боярин галицкий
 Ярополк Изяславич (ум. 1168), кн. бужский
 Ярослав Владимирович «Мудрый» (ум. 1054), вел. кн. русск.

Ярослав Владимирович «Осмомысл» (ум. 1187), кн. галицкий
 Ярослав Владимирович (ум. после 1205), сын Владимира Мстиславича Дорогобужского, свояк Всеволода Юрьевича «Большое Гнездо», кн. новг. в 1182–1199 (с перерывами)
 Ярослав Всеволодич (ум. 1199), сын Всеволода Ольговича, кн. черниговский
 Ярослав Всеволодич (ум. 1246), сын Всеволода Юрьевича «Большое Гнездо»
 Ярослав Изяславич (ум. после 1175), кн. луцкий, в 1173–1175 киевский
 Ярослав Святославич (ум. 1129), кн. черниговский, затем муромский
 Ярослава, дочь Рюрика Ростиславича, жена новгород-северского княжича Святослава Игоревича с 1187

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

А

Аахен, г.
 Австрия, маркграфство
 «агаряне», др.-русс. книжное наименование половцев
 Адрианополь, г.
 Акра, г. в Палестине
 Альтенбург, г. в Германии
 Англия
 англосаксы, народность
 Анжер, г. во Франции
 Армения киликийская
 Архангельская губ. (XIX в.)
 Архангельское, подмоск. имение Д. М. Голицына

Б

Бакота, г. галицкий (в «Понизье»)
 Балканы, геогр. регион
 Беларусь, совр. гос-во
 Белгород, г. киевский
 белгородцы, представители общины г. Белгорода
 Белз, г. волинский
 Белое оз. (Белоозеро)
 Белоруссия, совр. гос-во см. Беларусь
 Березина, р. в былинном эпосе
 берендеи, тюркоязычный народ юга Руси
 Берестье, г. волинский
 Боголюбово, с. под Владимиром («Залесским»)
 Богуславль, г. киевский
 болгары, народ
 Браничев, г. сербский под властью Византийской империи
 «Браньский город», объект былинной географии
 Бремюль, г. фр.
 Бувин, г. во Фландрии
 Буг Западный, р.
 Буг Южный, р.
 Бужск, г. волинский, затем галицкий
 Бураково, д. в Пудожском крае

* Принятые сокращения: библ. — библейское; визант. — византийский; вол. — волость; г. — город; геогр. — географический; гос-во — государство; губ. — губерния; д. — деревня; др.-русс. — древнерусский; ист. — исторический; моск. — московский; неизв. — неизвестный; о. — остров; обл. — область; оз. — озеро; польск. — польский; пос. — поселок; р. — река; р-н — район; с. — село; совр. — современный; у. — уезд; фр. — французский; эпич. — эпический.

Бусовно, с. (?) в районе Холма

В

валахи, название болгар у Никиты Хониата
 Вартбург, замок в Германии
 варяги, летописное наименование скандинавов
 Василев, г. киевский
 василевцы, представители общины г. Василева
 Великий Ярославов двор (в Киеве)
 Великогубский сельсовет (Заонежского р-на Карельской АССР)
 Великое княжество Владимирское
 Вена, г.
 Венгрия («Угры»), страна
 венгры («угры», народность), народ
 Вепр (Вепрь), р.
 Верещин, г. волинский
 Ветр, местечко в Польше
 Византия (Византийская империя)
 Визна, г. мазовецкий, затем волинский
 Висла, р.
 Витебск, г. полоцкий
 Витичев, г. киевский
 Витичевский брод, у г. Витичева на Днепре
 Владимир, г. волинский
 Владимир, г. на Клязьме («Залесский»)
 Владимиро-Суздальская земля
 Волга, р.
 Волок, урочище на Северной Двине
 Волок Ламский, урочище в р-не совр. г. Волоколамска
 Волхов, р.
 Волинское княжество
 Волянь (Волинская земля), геогр. регион
 Воронеж, г.
 Восточная римская империя см. Византия
 Вроцлав, г. в Силезии
 Вручий, г. киевский
 Вщиж, г. на Десне
 Выгозеро, в Карелии
 Выдобич (Выдобыч), урочище под Киевом
 Вытегорский у. (XIX в.)
 Вышгород, г. киевский

Г

Гагарки, д.
 Галицкая земля
 Галицкая Русь
 Галицко-Волинское княжество
 Галицкое княжество
 Галич, г.*
 галичане, бояре галицкие

* В некоторых случаях летописец, называя г. Галич, имеет в виду не только город, но и все Галицкое княжество.

галичане, жители Галицкого княжества
 Германия
 германцы, германоязычные народности раннего средневековья
 Герцике, г. на Западной Двине
 геты, книжное наименование пруссов в польск. традиции
 Гора, р-он древнего Киева
 Горка, д.
 Городенское княжество
 Городец, г. на границе Полоцкого княжества с Литвой
 Городец, с. у г. Лепеля в Белоруссии
 Городец Остерский, г. на Десне
 Городець (Городец), г. неустановленной локализации (возможно, тождествен Городцу Остерскому)
 Городея, местечко на дороге из Барановичей в Минск
 Городище, местечко к северу от г. Барановичи в Белоруссии
 Городок, с. недалеко от г. Заславля в Белоруссии
 Горынь, р.
 греки, народ, основная масса населения Византийской империи в XII в.
 Грубешев, г. волынский
 Гургов (Гургев), г. на р. Рось

Д

Дания (средневековая)
 Двина Западная, р.
 Двина Северная, р.
 деремела, неизв. народность и ее земля в «Слове о полку Игореве»
 Дерновое, местечко на Киевщине
 Десна, р.
 Днепр, р.
 Днестр, р.
 Долобское (Дулебское) оз., в окрестностях Киева
 Дон, р.
 Дорогичин, г. волынский
 Дорогобуж, г. волынский
 Дорпат см. Юрьев
 древляне, племя восточнославянское
 Дулебское оз. см. Долобское озеро

Е

евреи древние
 Европа
 Европа Восточная
 Европа Западная
 Енджеёв, г. в Малой Польше
 Ерусалим, название Иерусалима в былинном эпосе

Ж

жиды, др.-русс. наименование евреев

З

Завалов, местечко в Поднестровье
 Завихост, г. в Малой Польше
 Заонежский р-он Карельской АССР
 Заонежье, земли к северу и востоку от Онежского оз.

Запад см. Европа Западная
 Заруб, г. киевский
 Заславль, г. в Белоруссии
 Звенигород, г. галицкий
 звенигородцы, жители Звенигорода
 «Земля Немечкая»; см. также Германия
 «Золота Орда», объект былинной географии
 Зпишь (Зьпишь) см. Сепеш

И

Иконий, Икония, столица турецкого султаната в Малой Азии
 «Индия богатая», объект былинной географии
 Италия

К

«Кавокаские» горы, редкое др.-русс. книжное наименование Карпат
 Казань, г.
 Калиш, г. в Великой Польше
 Калка, р. в степях левобережья Днестра
 Каменец, г. волынский в р-оне Берестья
 Каменец, г. волынский в р-оне Полоного
 Каменец-Подольский, г.
 Канев, г. киевский
 Карачаево, с. (эпич.)
 Каргополь, г.
 Каргопольский у.
 Карпаты, горный массив
 Карелия, Карельская АССР, Карело-Финская АССР
 Каяла, р. в степях левобережья Днестра
 Кёльн, г. в Германии
 Киев, г.
 киевляне, «кияне»
 Киевская земля, Киевщина
 Кижы, о. на Онежском оз. и бытовое название Кижской вол.
 Кижская вол.
 Киликия, обл. в Малой Азии
 Клеческ, г. (совр. Клецк в Белоруссии)
 Климовка, д.
 Клязьма, р.
 ковуи, тюркоязычная народность юга Руси
 Козельск, г. черниговский
 Коломыя, центр добычи соли в Галицком княжестве
 команы, название половцев у Никиты Хониста; см. также половцы
 Коми (Зырян) АО
 Комов, г. волынский
 Константинополь, г.; см. также Царьград
 Копырев конец, р-он древнего Киева
 «Корела проклятая», объект былинной географии
 Корсунь, г. киевский
 Космозеро, Космозерский погост
 Косово поле, урочище в Сербии
 Косухино, с. в Якутии
 Краков, г.

Крылос, с.
 Кукенойс, г. на Западной Двине
 Куликово поле
 Купецкая вол. (XX в.)
 Курск, г.

Л

Ладога, г.
 ладожане, жители Ладоги
 «Левонская земля», она же «Лимоньская земля», объект былинной географии
 Легница, г. польск. (в Силезии)
 Ленчица, г. польск.
 Лепель, г. в Белоруссии
 Ливония, обл. в Прибалтике
 ливы, племя в Прибалтике
 «Лимоньская земля» см. «Левонская земля»
 Литва, страна
 Литва, республика в составе СССР (1940–1991)
 «литва», народность; см. также литовцы
 литовцы, народность
 Лифляндия («земля Лифляндская»), часть Ливонии
 Ловать, р.
 Лонгасы, д.
 Лотарингия Нижняя, герцогство в средневековой Германии
 Луг, р.
 Луква, р., приток Днестра
 Луцк, г. волинский
 лэты, народность в Прибалтике
 Любеч, г. на Днепре
 Люблин, г. в Малой Польше
 «Лядьская земля», «ляхи», летописные наименования Польши; см. также Польша
 «ляхи», народ; см. также поляки

М

Магдебург, г. в Германии
 мадианитяне, древний народ в Палестине (библ.)
 Мазовия, княжество в Польше
 Майнц, г. в Германии
 Малая Азия
 Марбург, г. в Германии
 Марна, р. во Франции
 Мелентьевская, д.
 Мессина, г. визант. во Фракии
 Меча (Красивая Меча), р.
 Минск, г.
 «Мирославское» с.
 «моавитяне», др.-русск. книжное наименование татар
 Мозгава, р. в Малой Польше
 Монастыри:
 — Выдубицкий св. Михаила под Киевом
 — Енджеёвский в Малой Польше, цистерцианский
 — Ипатьевский в Костроме
 — Киево-Печерский

— Новоспасский моск.
 — Сан Николо (Тревизо, Италия)
 — Св. Петра в Эрфурте, бенедиктинский
 — Сен-Мартин (Тур, Франция)
 — Спасо-Мирожский, в Псковской земле
 — «Трех источников» (округ Шалон-на-Марне, Франция), цистерцианский

Монголия (средневековая)
 Моравия, ист. регион
 Москва, г.
 Московское гос-во, царство
 Муром, г.
 муромцы

Н

Наров (Нарев), р., приток Западного Буга
 немцы, народ
 Непрядва, р.
 Никополь Армянский, г.
 Ниш, г.
 Новгород, г.
 Новгород-Северский, г.
 Новгород-Северское княжество
 Новинка, д. на Сумозере

О

Олонецкая губ. (XIX в.)
 Онежское оз.
 Опава, г. в Моравии
 «Орда», ставка татарского царя
 «Орда», основанное Батыем татарское гос-во
 Орда Золотая см. «Золота Орда»
 Ормина, г. черниговский (?)
 Охоже, с. (?) в р-не Холма

П

Париж, г.
 Перемиль, г. волинский
 Перемышль, г. галицкий
 Перемышльская земля
 Переяславль-Залесский (суздальский), г.
 Переяславль-Русский (южный), г.
 Переяславское княжество
 Петрозаводский у. (XIX в.)
 «Печенежская земля» в былинном эпосе
 Печера, урочище под Галичем
 Печора, р.
 Пинега
 Пинск, г.
 Пинская земля
 Плоцк, г. польск.
 Пляйсе, р. в Германии
 Повенец, г. в Прионежье
 Повенецкий у. (XIX в.)

Повенецкое побережье (Онежского оз.)
 Поднепровье
 Поднестрие
 Подол, р-н Киева
 Подольская губ. (XIX в.)
 полешане, польск. наименование пруссов; см. также пруссы
 Половецкая земля, «Половцы»
 половцы, народность
 Полонный, г. киевский, позднее волынский
 Полоцк, г.
 полочане, жители Полоцка
 Польша; см. также «Лядская земля», страна
 Польша Великая
 Польша Малая
 поляки; см. также «ляхи», народ
 Поморье (Балтийского моря)
 Поморье (Белого моря)
 Понизье, часть Галицкого княжества в среднем течении Днестра (от Галича до Ушицы)
 Порхов, г. новг.
 Почай-река, р. в былинном эпосе
 Пресна, р. в Польше
 Пресньск (Преснеск, Плеснеск), г. галицкий
 Прибалтика
 Прикарпатье («горная страна Перемышльская»)
 Прилук, г. киевский
 Прионежье
 Припять, р.
 Просак, г. болгарский
 пруссы, народность
 Псков, г.
 Псковская земля
 Пудога см. Пудожский край
 Пудож, г.
 Пудожгорский погост
 Пудожский край, Пудога
 Путивль, г. северский

Р

Регенсбург, г.
 Речь Посполитая, Польско-Литовское гос-во
 Рим, в смысле «курия Папы Римского»
 Рогачев, г. киевский (в настоящее время в Белоруссии)
 Рославль, г. смоленский
 Россия
 Ростов, г.
 ростовцы, «дружина»
 Рось, р.
 РСФСР
 «Русская земля» в широком смысле; см. также Русь (страна)
 «Русская земля», «Русь», в узком смысле
 «Русская область», см. также «Русская земля» в узком смысле
 Русский Север
 Русь (страна)

«Русь» (в смысле «русские»)
 Русь Владимиро-Суздальская
 Русь Галицкая
 Русь Галицко-Волынская
 Русь Древняя
 Русь Киевская
 Русь Московская; см. также Московское гос-во, царство
 Русь Северо-Восточная
 Русь Юго-Западная
 Русь южная
 Рут, р. под Киевом
 Рязанская земля
 рязанцы
 Рязань, г.

С

Саксония, герцогство в средневековой Германии
 Салеф, р. в Малой Азии
 Сандомир, г. в Малой Польше
 Сандомирская земля
 Санок, г. галицкий
 Сахновка, с. в Черкасской обл. (Украина)
 Святая земля (Палестина)
 Север (Европейской России)
 Северская земля; см. также Новгород-Северское княжество
 сельджуки, тюркоязычный народ (турки-сельджуки)
 Семеново, д. на р. Шале
 Сенногубская вол. (XIX в.)
 Сепеш (Спишь, Зпишь, Зъпишь), г. в Западных Карпатах, в XII–XIV вв. в пределах Венгерского королевства
 Середка, д.
 Серховица, урочище под Киевом
 Сечница, р. в Перемышльской земле
 Сибирь
 Сибово, д.
 Силезия, княжество в средневековой Польше
 Сицилия
 славяне
 Случь, р.
 Смоленск, г.
 Смоленская земля
 смоляне, жители Смоленска
 Смородина, р. в былинном эпосе
 София, г.
 Спишь см. Сепеш
 Старое Сигово, д. в Пудожском крае
 Столп, г. волынский
 Стугна, р. на Киевщине
 Стырь, р.
 Субботов, хутор Богдана Хмельницкого
 «Суждаль» (в смысле «Владими́ро-Суздальская земля»)
 Суздальско-Нижегородское княжество (XIV в.)
 «суздальцы», обобщенное наименование выходцев из Владимиро-Суздальской земли в Новгороде

Сула, р.
Сумозеро, в Карелии
Сухая Дорогва, урочище у западной границы Волини

Т

тавроскифы, название русских у Никиты Хониата
Тамбица, с.
Тамбов, г.
тангуты, народность
татары, народность
Теребовль, г. галицкий
Толвуй, р-н в Прионежье
торки, тюркоязычная народность на Киевщине
Торопец, г. смоленский
торопчане, жители г. Торопца
Торчев, г. волинский
Торческ, г. киевский
Треполь, г. киевский
Тур, г. во Франции
Тузов, г.
Турово-Пинское княжество
Тысменица, местечко в Поднестровье
Тюрингия, ландграфство в средневековой Германии

У

«Угорские горы» см. Карпаты
Угровеск, г. волинский
«угры», народность см. венгры
«Угры», страна см. Венгрия
Украина, регион
Украина, совр. гос-во
«Украина», «Вькраина», в XIII в. западная окраина Волини (между польск. границей и Западным Бугом) и восточная окраина Малой Польши
Усть-Цилемский р-н
Усть-Цильма, пос. на Печоре
Ушица, г. галицкий на Днестре

Ф

Филиппополь, г. во Фракии
филистимляне, древний народ в Палестине (библ.)
Фракия, провинция Византийской империи
Франция
фряги, обобщенное наименование участников 4-го крестового похода в летописях
Форнхем, г. англ.

Х

Хальберштадт, г. в Германии
«хинова», неизв. народность и ее земля в «Слове о полку Игореве»
Холм, г. волинский
Хомора, р.

Ц

Царьград; см. также Константинополь
Церкви:

— Св. Анджея (Краков)
— Св. Андрея (Киев)
— Св. Георгия (Канев)
— Св. Георгия (Юрьев-Польский)
— Св. Пантелеимона (под Галичем)
— Св. Софии (Киев)
— Св. Софии (Константинополь)
— Св. Софии (Новгород)
— Рождества Богородицы «Десятинная» (Киев)
— Спаса на Ильине улице (Новгород, Торговая сторона)
— Спаса на Нередице (под Новгородом)
— Успения Богородицы (Владимир-Волинский)
— Успения Богородицы (Галич)
— Успения Богородицы (Плоцк)

Ч

Червен, г. волинский
«Червенские города», города Западной Волини
Червоная Русь (название Галицко-Волинской Руси у В. Н. Татищева и А. К. Толстого)
Черкасская обл. (Украина)
Чернигов, г.
Черниговская земля
Черниговское княжество
Черное море
черные клобуки, обобщенное название тюркоязычных племен юга Руси
Черный Наволок, д.
Черторьеск, г. волинский
Чурул, г. визант. во Фракии

Ш

Шала, р. в Прионежье
Шалон на Марне, г. и округ во Франции
Шальский погост (на р. Шале)
шведы, народ
Швеция (средневековая)
Шенкурский у. (Архангельской губ., XIX в.)

Э

Эрфурт, г. в Тюрингии (Германия)
Эстергом, г. в Венгрии
Эстония, совр. гос-во

Ю

Юрьев (позднее Дорпат, Дерпт, Тарту), г.
Юрьев-Польский, г. суздальский

Я

Якутия
Якутск, г.
Ярослав, г. галицкий
ятвяги, народность
Ятвягия, «Ятвязи», земля ятвягов

Оглавление

Предисловие	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА	5
Глава первая	
Происхождение. Детство. Боевое крещение	7
Глава вторая	
Борьба за наследие Мстислава: август–сентябрь 1170 г.	21
Глава третья	
Молодость Романа: 1170–1185 гг.	
Образ Романа в «Слове о полку Игореве»	31
Глава четвертая	
Галицкая авантюра Романа и ее последствия: 1188–1191 гг.	46
Глава пятая	
Путь к возвышению: 1194–1199 гг.	65
Глава шестая	
Княжение в Галиче: 1200–1205 гг.	79
Глава седьмая	
Последний поход Романа: июнь 1205 г.	101
Эпилог	119
Примечания к части первой	121
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	
КАК РОЖДАЮТСЯ, ЖИВУТ И НЕ УМИРАЮТ ЛЕГЕНДЫ	153
Глава первая	
Образ врага: русский князь глазами католического епископа	155
Глава вторая	
Зверства Романа в Галиче: исторический факт или историографический миф?	167
Глава третья	
«Галицко-Волынская летопись», происхождение ее хронологизованной редакции и «пропавший» рассказ о княжении Романа в Галиче	191
Глава четвертая	
Почему не был написан рассказ о княжении Романа в Галиче (к вопросу об этапах формирования современной структуры Ипатьевской летописи)	209

Глава пятая	
Роман становится героем эпоса	238
Глава шестая	
Татищевский «летописный свод» и совершенно новые приключения Романа	261
Глава седьмая	
Апология Романа: татищевские известия 1195, 1197, 1204 и 1205 гг.	276
Глава восьмая	
«Меч Романа Галицкого»: история одной легенды	294
Глава девятая	
Роман Мстиславич и Петр Бориславич: татищевские известия в мистификациях академика Рыбакова	304
Примечания к части второй	333
ДОПОЛНЕНИЯ	369
Дополнение 1	
Мнимые фрагменты волынского летописания в статьях 6680 и 6681 гг. Ипатьевской летописи	371
Дополнение 2	
Встречался ли Владимир Галицкий с Фридрихом Барбароссой?	378
Дополнение 3	
Хронология Никиты Хониата и первый поход Романа в половецкую землю	380
Дополнение 4	
Былина о князе Романе: вариант Андрея Сорокина	385
Дополнение 5	
Былина о князе Романе: аннотированный каталог вариантов	394
Дополнение 6	
Имел ли Татищев «второй список» Ипатьевской летописи? (Происхождение статей 6652 и 6654 гг. татищевского «летописного свода»)	421
Дополнение 7	
Прощанье с Раскольничьей летописью (о текстологических доказательствах использования Татищевым второй летописи Хлебниковского типа, представленных А. П. Толочко)	426
Список иллюстраций	435
Сокращения. Источники и литература	438
Указатель имен	445
Географический указатель	462